

Джек Вэнс

Аластор

Труллион: Аластор 2262 - Марун: Аластор 933 - Вист: Аластор 1716

Джек Вэнс

Аластор

Трилогия

**Электронное издание
2014**

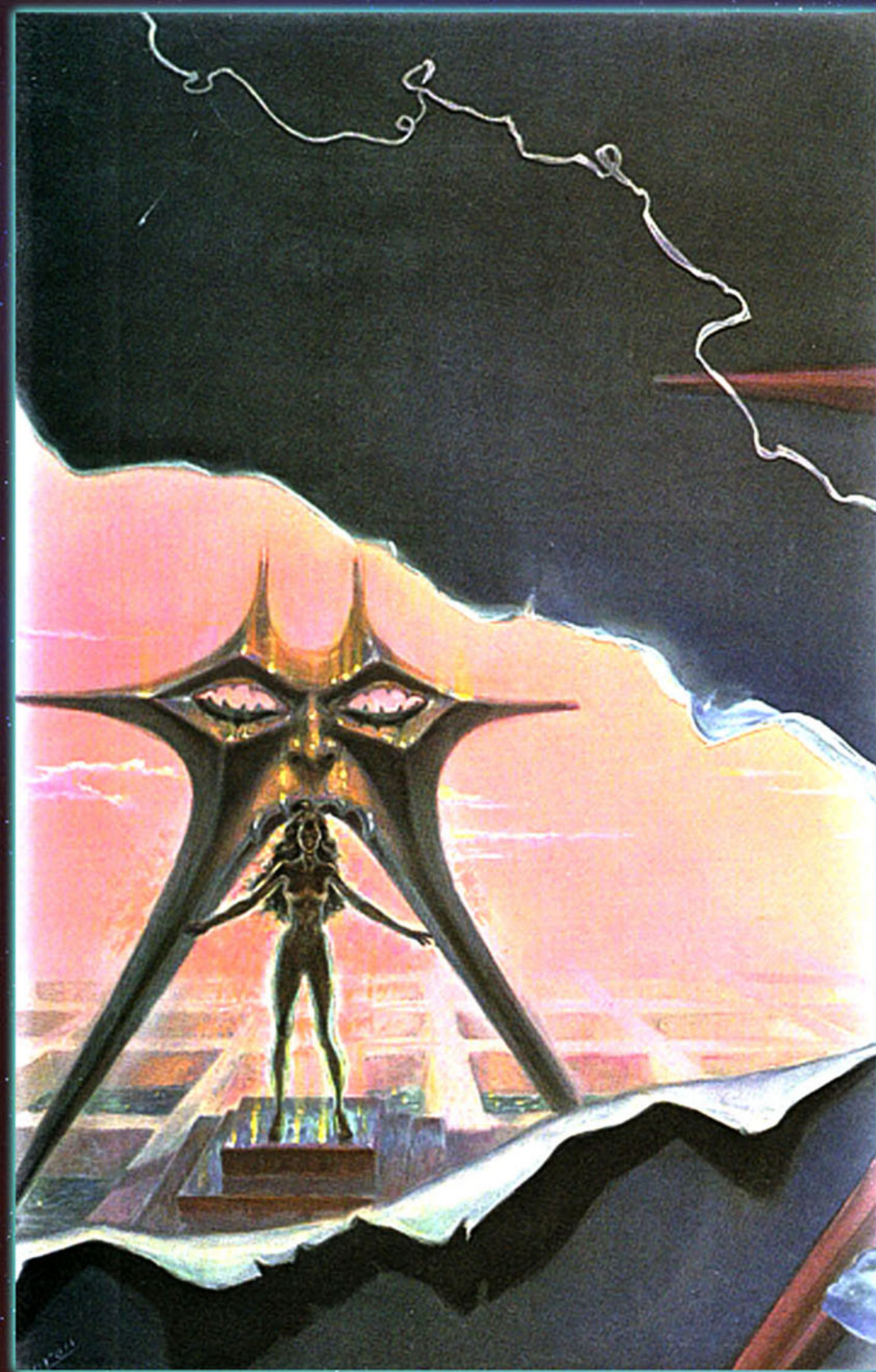
СОДЕРЖАНИЕ:

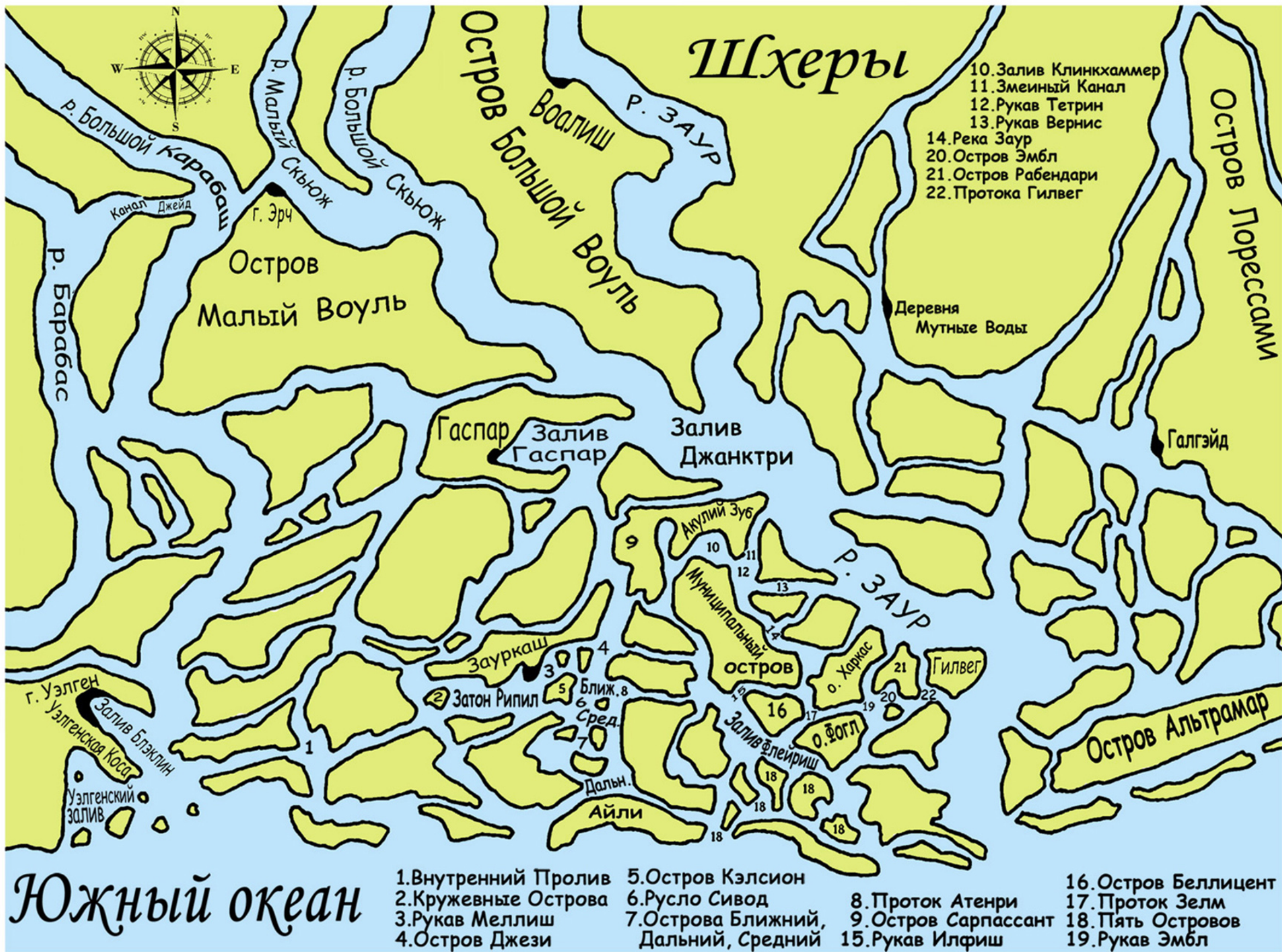
<u>Труллион: Аластор-2262...</u>	<u>3</u>
<u>Марун: Аластор 933.....</u>	<u>171</u>
<u>Вист: Аластор 1716</u>	<u>297</u>

Труллион:

Аластор-2262

ПРОЛОГ

Для стороннего наблюдателя звездное скопление Аластор может показаться всего лишь завитком на самом дальнем конце одной из спиральных ветвей Галактики, хотя в действительности это не правильной формы свод поперечником от двадцати до тридцати световых лет, заполненный тридцатью тысячами ярких звезд. Если пренебречь несколькими обособившимися звездами, то со всех сторон его окружает уже совершенно пустынное межгалактическое пространство. При более близком рассмотрении Аластор предстает поражающей воображение великолепной мозаикой, составленной из множества звездных струй, растекшихся по светящейся паутине, инкрустированной в узлах ее ярко искрящимися бриллиантами местных звездных скоплений. Во многих местах великолепие этой мозаики несколько смягчается дымкой пылевидных туманностей, придающей свечению прикрываемых ими звезд коричневатого-красный или дымчато-янтарный оттенок. Целые сонмы невидимых глазу потухших звезд передвигаются среди неисчислимого множества притянутых к ним планетарных осколков из железа, вулканической лавы и льда, составляя в совокупности так называемый «звездный шлак» или «стармент».

Три тысячи обитаемых планет рассеяно по скоплению. Общее население их — примерно пять триллионов человек. Планеты эти значительно разнятся друг от друга. Таким же разнообразием отличаются и заселившие их люди. Тем не менее, все они говорят на одном и том же языке и беспрекословно повинуются власти Коннатига, резиденция которого расположена в Люсче на планете Нуменес.

Нынешний Коннатиг — Оман Уршт, шестнадцатый по счету в династии Айдит, человек весьма заурядной, ничем не примечательной внешности. На портретах и во время официальных церемоний он предстает перед глазами своих подданных в строгом черном мундире, в черной фуражке на голове, с целью создания имиджа непоколебимого властителя, и именно таким он и является в сознании народов, населяющих скопление Аластор. В неофициальной же обстановке Оман Уршт — спокойный и рассудительный человек, склонный к тому, чтобы в делах государственных проявлять максимальную осмотрительность и ни в коем случае не злоупотреблять своей безграничной властью. Он тщательно обдумывает каждый аспект своего поведения, прекрасно понимая, что даже самый незначительный его поступок — небрежный жест, нечаянно оброненное слово, не вполне соответствующая обстановке интонация — могут послужить толчком к возникновению цепной реакции с непредсказуемыми последствиями. Именно поэтому он и старается выглядеть правителем суровым, беспристрастным и немногословным.

¹ © Trullion: Alastor 2262, 1973 by Jack Vance.

© 1995 Русский перевод: Таллин: изд-во «Мелор»; коррективная по англ. изд., восстановление опущенных в 1995 году ремарок: Vancerphile.

Стороннему наблюдателю Скопление Аластор может показаться одним из самых мирных и благополучных уголков Галактики. Коннатиг на сей счет придерживается совершенно иного мнения. Он ни на миг не забывает о том, что до тех пор, пока одни люди будут пытаться получить преимущества перед другими, в человеческом обществе всегда будет существовать тенденция к нарушению равновесия. В обществе, лишенном возможности время от времени «выпускать лишний пар», ткань, связующая общество в единое целое, подвергается перенапряжениям и бывает, что и рвется на клочки. Свое главное назначение в структуре общества Коннатиг усматривает в том, чтобы заблаговременно распознавать источники социальной напряженности и устранять их. Иногда он добивается этого реформированием общественных структур, иногда прибегает к тактике отвлекающих маневров. Если же не удастся удержаться от силового вмешательства, то Коннатиг прибегает к помощи своей военизированной организации — Гвардии. Как человек, Оман Уршт болезненно морщится даже при виде того, как причиняется вред насекомому. Как Коннатиг, он без каких бы то ни было угрызений совести распоряжается судьбой миллионов людей. Во многих случаях, отдавая себе отчет в том, что каждая новая ситуация обуславливает возникновение соответствующей конституции, он предпочитает оставаться в стороне от опасения ввести третий фактор, который еще больше запутает обстановку. «Если сомневаешься, воздержись от принятия каких-либо мер» — таков один из излюбленных основополагающих принципов деятельности Коннатига...

Следуя издревле заведенной традиции, он много времени проводит в путешествиях инкогнито по всему Скоплению. Для того, чтобы восстановить справедливость, он иногда выдает себя за высокопоставленного сановника. Доброта и самопожертвование — наиболее щедро вознаграждаемые им добродетели. Предметом же особого интереса для него всегда остается повседневная жизнь своих подданных, поэтому он очень внимательно прислушивается, например, к диалогам подобного рода:

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА (обращаясь к юноше-лодырю): Если у каждого будет все, что только ему захочется, то кто же тогда станет трудиться? Никто.

ЮНОША: Я уж — так точно.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА: И первый же, если станет тебе чего-то не доставать, протестующе завопишь, ибо только труд — источник всех благ. Вот и займись, не мешкая, чем-нибудь полезным. Терпеть не могу праздность.

ЮНОША (ворчливым тоном): Будь я Коннатигом, я бы устроил все так, чтобы каждый мог удовлетворить любые свои желания. Не ищачить! Хуссейд — бесплатно! Шикарная космическая яхта! Новая одежда — каждый день! Да чтобы слуги подавали самые изысканные деликатесы!

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА: Коннатигу надобно быть гением, чтобы удовлетворить и тебя и слуг. Ведь самое заветное их желание — это хорошенько отодрать тебя за уши. Так что лучше ступай-ка с миром и берись за любую работу.

Или вот еще:

ПАРЕНЬ: Держись подальше от Люсца, умоляю тебя! Коннатиг заберет тебя себе на потеху!

ДЕВУШКА (с нарочитым лукавством): И что ты в этом случае сделаешь?

ПАРЕНЬ: Я взбунтуюсь. Стану самым знаменитым старментером¹ — само небо ужаснется при виде моих злодеяний! В конце концов я сокрушу могущество Аластора. — Гвар-

¹ Старментеры — пираты и грабители, убежищем которых являются невидимые глазом фрагменты «Звездного шлака», так называемого «Стармента».

дию, Коннатига и все остальное — и завоюю тебя! Ты будешь принадлежать только мне одному и никому больше!

ДЕВУШКА: Как это по-рыцарски с твоей стороны, но Коннатиг никогда-никогда не обратит свой взор на такую простушку, как я. Ведь в Люсце его уже давно услаждают самые красивые женщины Скопления.

ПАРЕНЬ: Ну и завидная же у него жизнь! Оказаться на месте Коннатига — предел моих мечтаний!

ДЕВУШКА: капризно фыркает и становится холодной, как лед.

Парень явно смущен. Оман Уршт теряется в толпе гуляющих.

Люсц — дворец Коннатига — сооружение в самом деле замечательное. Оно возвышается над морской поверхностью на высоте более трех тысяч метров, опираясь на пять огромных пилонов. Туристы свободно прогуливаются по нижним ярусам здания. Они прибывают сюда со всех без исключения планет Скопления Аластор и даже с куда более удаленных планет — из Регионов Туманностей — спутников Галактики, из густо населенных районов первоначального освоения, из Сектора Эрдик, из Скопления Рубримар и из всех остальных частей Галактики, которые люди сделали своим родным домом.

Над прогулочными галереями расположены правительственные учреждения, залы для проведения торжественных церемоний, центральный коммуникационный комплекс, а еще выше — знаменитое Кольцо Миров, образованное тремя тысячами просторных залов, содержащих исчерпывающую информацию о каждой из обитаемых планет Скопления. Личные покои Коннатига размещаются в остроконечных башнях, венчающих сооружение. Они пронизывают облака и временами даже исчезают из виду в дымке, возникающих в верхних слоях атмосферы. Когда солнечные лучи омывают стены дворца, придавая им фосфорический блеск, Люсц, резиденция Коннатига, являет взору ни с чем не сравнимое зрелище и справедливо расценивается как наиболее вдохновенное творение человеческого рода.

Глава 1

Экспозиция зала за номером 2262 вышеупомянутого Кольца Миров посвящена планете Труллион, в гордом одиночестве обращающейся вокруг небольшой белой звезды, единственной искорке на фоне струи диффузного газа, завивающейся наружу, в сторону дальнего края Скопления. Труллион — планета небольшая, почти вся ее поверхность покрыта водой, за исключением единственного материка Мерланк¹, вытянувшегося вдоль экватора. Огромное количество кучевых облаков, волна за волной набегают на материк со стороны моря и разбиваются о горные цепи в центральной части суши. Сотни рек стекают по широким долинам, почва которых настолько плодородна, что злаки и фрукты практически не представляют из себя какой-либо ценности.

Первопоселенцам Труллиона были свойственны такое трудолюбие и энтузиазм, что позволили довольно быстро освоиться в начале довольно суровом окружении, несмотря на добрую дюжину войн, омрачавших древнюю историю триллов. Эта же эпоха породила тысячу несметных состояний и касту наследственной аристократии и завершилась постепенным затуханием первоначального динамизма. Община триллов задалась вот каким вопросом: для чего напряженно трудиться, зачем браться то и дело за оружие, когда с таким же успехом жизнь можно проводить в празднествах, веселых пиршествах с плясками и пением, и в общем-то, не особенно перетруждаясь. Через три поколения от прежнего Труллиона остались одни воспоминания. Рядовой обыватель трудится теперь только тогда, когда к этому его побуждают обстоятельства: чтобы подготовить очередное пиршество, удовлетворить свою страсть к хуссейду, чтобы заработать на водометный движок для своей лодки, чтобы приобрести кастрюлю для своей кухни или отрез для «парая», похожей на юбку одежды, не стесняющей движений, которую носят как женщины, так и мужчины. От случая к случаю он возделывает плодородную почву на бескрайних полях, ловит рыбу в океане или с помощью переметов на многочисленных речках, собирает дикорастущие фрукты, а когда находит настроение, то и копает изумруды и опалы на горных склонах или собирает «коч»². Работает он, пожалуй, не более часа в день и лишь от случая к случаю два-три часа кряду. Гораздо больше времени он проводит, музицируя на веранде своего полуразвалившегося дома. Он с недоверием относится к большинству технических устройств, находя их для себя малопривлекательными, только сбивающими с толку и — что куда более существенно — дорогостоящими, однако, хотя и робко, но прибегает к услугам телефонной свя-

¹ Мерланк — разновидность ящерицы. Материк обвивает экватор, как ящерица, прильнувшая к синему стеклянному шару.

² «Коч» — усиливающее сладострастие средство, извлекаемое из спор плесенного грибка и употребляемое в большем или меньшем количестве каждым триллом. Некоторые из них заходят в эротических безрассудствах безответственно далеко, чем дают окружающим повод для беззлых насмешек. Безответственность, в контексте окружающей триллов обыденности, не считается большой социальной проблемой.

зи для направления в нужное русло своего времяпрепровождения и считает само собой разумеющимся наличие водомета на своей лодке.

Как и в большинстве буколических обществ, классовая структура населения Труллиона представляет из себя ступенчатую пирамиду, и каждый трилл знает точное свое местоположение на ней. На самом верху ее, почти как совершенно обособившаяся раса, располагается аристократия. В самом низу — ведущие кочевую жизнь треване, социальная группа столь же не похожая ни на какую другую. Рядовой трилл с большим подозрением относится ко всему непревычному или экзотическому. Обычно спокойный и обходительный, он тем не менее, если его здорово разозлить, впадает в необузданную ярость, а некоторые ритуалы триллов — в особенности, кошмарный «прутаншир» — настолько омерзительны, что скорее к лицу варварам.

Для Труллиона характерен сугубо рудиментарный характер правительства, рядовой трилл практически не проявляет какого-либо интереса к любым вопросам, касающимся государственного управления. Материк Мерланк был с незапамятных времен разделен на двадцать префектур, каждая из которых управлялась ограниченным количеством распорядительных органов и небольшой группой должностных лиц, составивших касту, несколько высшую по отношению к рядовым триллам, но значительно уступающую по своей значимости родовой аристократии. Торговля с остальной частью Скопления невелика. На всем Труллионе имеется всего лишь четыре космопорта: Порт-Гоу на западе Мерланка, Порт-Керубиан на северном побережье, Порт-Мэхьюл — на южном и Вайдаменда — на восточном.

В сотне миль к востоку от Порт-Мэхьюла расположен город Уэлген, известный своими ярмарками, а в еще большей мере — отличным хуссейдным стадионом. Еще дальше к востоку простираются так называемые «Шхеры», местность изумительной красоты. Около десятка могучих рек, стекающих с южных отрогов гор, расположенных в центральной части материка, образуют общую дельту, изрезанную тысячами рукавов и состоящую из неисчислимого множества островов, некоторые из которых имеют весьма внушительные размеры, а некоторые столь невелики, что места на них хватает разве что для хижины рыбака и дерева, к которому он привязывает свой челн.

Неописуемой красоты пейзажи постоянно сменяются один другим. Серо-зеленые минасы, серебристо-охровые шары помандеров, черные джардины величественными рядами стоят вдоль берегов речных протоков, придавая каждому из островов свой неповторимый, резко отличающийся от других облик. Повсюду на обветшалых верандах сидят за кувшинами домашнего вина островитяне. Иногда они наигрывают незамысловатые мелодии на столь же незатейливых музыкальных инструментах: шестигранных гармониках — концертино, небольших гитарах с круглыми деками, губных гармошках, издающих веселые трели и глиссандо. Природа Шхер настолько своеобразна, что даже солнечный свет здесь по особому нежен и бледен, а переходы цветовой гаммы настолько зыбки и мимолетны, что их едва улавливает неподготовленный глаз. По утрам дали подергиваются туманом, зато закат представляет из себя пышное зрелище, хотя в нем и преобладают приглушенные светло-зеленые и бледно-лиловые тона. По водной глади между бесчисленными островами непрерывно снуют скутеры и небольшие моторки. Время от времени их обгоняют яхты аристократов или паромы, соединяющие Уэлген с деревушками в Шхерах.

В самом центре Шхер, в нескольких милях от поселка Зауркаш, расположен остров Рабендари, где жили Джат Халден, его жена Марча и трое их сыновей. Площадь острова Рабендари — чуть больше сорока гектаров, включая двенадцать гектаров леса из минаса, черного дерева, свечного дерева и семриссимы. К югу от острова Рабендари открывается широкий простор рукава Эмбл. Воды протока Фарван омывают Рабендари с запада, протока Гилвег — с востока, а вдоль северного побережья острова плавно катит свои воды река

Заур. Ветхий домишко Халденов стоит между двумя огромными мимозами. Вокруг столбов, поддерживающих крышу веранды, выются стебли ползучих роз. Их побеги свешиваются с края крыши, создавая восхитительную тень на радость тем, кто проводил досуг в старинных плетеных креслах. К югу открывается живописный вид рукава Эмбл и одноименного с ним острова площадью чуть более полутора гектаров, приютившего немалое количество щеголеватых помандеров, красота которых еще сильнее оттенялась на фоне торжественных минов и трех гигантов-фанзанилов, взметнувших высоко вверх огромные мохнатые веера. Сквозь густую листву кое-где виднелся белоснежный фасад особняка, в котором лорд Эмбл когда-то содержал своих любовниц. Теперь этот особняк принадлежал Джату Халдену, однако новый владелец не очень-то спешил в него переселиться, опасаясь, как бы это не сделало его посмешищем в глазах приятелей.

В молодости Джат Халден играл в хуссейд в составе команды «Зауркашские Змеи». Марча была «шейлой»¹ команды «Уэлгенские Волшебники». Вот так они встретились и поженились, а затем дали жизнь трем сыновьям, Шире и близнецам Глиннесу и Глэю, и дочери Шэйре, которую похитили мерлинги².

¹ Шейла — непереводаемый термин из особого словаря игры в хуссейд — прекрасная нимфа, источник иступленной энергии, которая вдохновляет игроков своей команды на невообразимые подвиги силы и ловкости. Шейла — обязательно девственница, которую необходимо тщательно оберегать от позора поражения.

² Мерлинги — квазиразумные амфибии, развившиеся на Труллионе задолго до заселения его людьми и живущие в туннелях, вырытых в речных берегах. Мерлинги и люди издавна сосуществовали в условиях шаткого перемирия; каждая из сторон ненавидит и охотится друг на друга, но в рамках сложившихся правил. Мерлинги ночами рыщут по суше в поисках падали, небольших животных и детей. Если они нападают на суда и проникают в людские жилища, те отвечают тем, что забрасывают мерлингов под водой взрывчаткой. Если человек падает в воду и ему не удастся выплыть, он становится добычей мерлингов. Соответственно, с мерлингом, застигнутым на суше, расправляются без всякой пощады.

Глава 2

Глиннес Халден появился на свет, громко плача и отчаянно брыкаясь. Глэй последовал за ним в настороженной тишине часом позже. С первого же дня жизни братья резко отличались друг от друга — и внешне, и нравом, и во всех повседневных мелочах. Глиннес, подобно Джату и Шире, был доверчивым, добродушным и общительным. Из него вырос красивый парень с открытым румяным лицом и широким, всегда улыбающимся ртом. Глиннес всецело отдавался тем радостям, которые предоставляла жизнь в Шхерах: пиршествам, любовным приключениям, хождению под парусами и любованию звездами, хуссейду, ночной охоте на мерлингов да и самой обычной праздности.

Глэю поначалу не доставало крепкого здоровья. В течение первых шести лет он был ребенком капризным, придирчивым и подавленным. Затем он окреп и быстро догнал Глиннеса, а возмужав, обогнал его и в росте. Волосы у него были черные, черты лица тонкие и правильные, глаза — сосредоточенные. Глиннес воспринимал события и идеи такими, какими они были, скептицизм был органически чужд ему. Всегда замкнутый Глэй предпочитал угрюмое уединение. Глиннес был прирожденным кудесником хуссейда. Глэй отказывался даже ногой ступить на игровое поле. Будучи по натуре человеком непредубежденным, Джат тем не менее испытывал огромные трудности в своих попытках скрывать предпочтение в пользу Глиннеса. Марча же, сама высокая, темноволосая, склонная к романтической мечтательности, души не чаяла в Глэе, ей очень хотелось обнаружить в нем те возвышенные чувства, которых так не доставало, как ей казалось, ее мужу и двум другим сыновьям. Она пыталась приобщить Глэя к музыке, терпеливо объясняла, как с помощью музыки он мог бы выражать те чувства, что владели им, и делать их понятными для других. Глэй отнесся совершенно равнодушно к самой мысли об этом и научился извлекать лишь несколько вялых и совсем неблагозвучных аккордов на гитаре матери.

Глэй был тайной даже для самого себя. Самоанализ, которому он себя подверг, так ничего и не выявил, оставив все в том же замешательстве как и его самого, так и остальных членов семьи. Еще когда он был подростком, за всегда суровую внешность и высокомерное самодовольство его наградили кличкой «Лорд Глэй». И хотя это было, скорее всего, лишь случайным совпадением, но он был единственным из всех членов семьи, который хотел переселиться в особняк на Острове Эмбл. Даже Марча выбросила подобную мысль из головы как глупую и достойную только осмеяния затею.

Единственным, с кем Глэй бывал откровенен, был Акади-ментор, живший в замечательном доме на Острове Сарпассант в нескольких милях севернее от Рабендари. Акади, худой длиннорукий мужчина с несуразным лицом, отдельные черты которого совершенно не гармонировали с другими, — в глаза бросались огромный нос, жидкие курчавые каштановые волосы, голубые рыбы глаза, рот, всегда слегка изогнутый в глуповатой ухмылке — подобно Глэю, он не очень-то вписывался в едва ли не идиллическую атмосферу,

царившую в Шхерах. Однако в отличие от Глэя, эти свои отличительные черты он обратил себе на пользу и имел клиентуру даже в аристократической среде.

Профессией Акади было оказание самых разнообразных услуг — таких, как составление эпиграмм и поздравительных адресов и вообще рифмованных текстов, оформление документов и других рукописей каллиграфическим почерком, выдача мудрых советов, участие в торжественных церемониях или банкетах в качестве распорядителя или тамады (нанять Акади в качестве украшения попойки означало существенно увеличить расходы на нее). Был он, кроме того, еще и законником, сватом, хранителем местных традиций и источником скандальных сплетен. Лукавое выражение лица, вкрадчивый голос и изысканная речь придавали разносимым им слухам еще более язвительный характер. Джат не доверял Акади и ничего не имел с ним общего — к превеликому сожалению Марчи, которая никак не могла отказаться от своих прежних честолобивых замыслов в отношении своего социального статуса и где-то в глубине души всегда ощущала, что вышла замуж за человека, который не очень-то был ее достоин. Хуссейдные шейлы зачастую выходили замуж за лордов!

Акади много путешествовал и посетил немало других планет. Ночью, во время любования звездами¹ он указывал на те звезды, где он побывал и рассказывал об их великолепии и о удивительных обычаях народов, живущих там. Слушавшего его Джата Холдена, впрочем, интересовало лишь, есть ли в тех местах хуссейдные команды и какое место они занимают в чемпионате Скопления.

Впервые корабль старментеров Глиннес увидел, когда ему было шестнадцать лет. Он спикировал с небосвода над Проливом Эмбл и на огромной скорости ринулся к Уэлгену. Подробности рейда сообщались в следовавших непрерывно один за другим экстренных выпусках новостей по радио. Старментеры совершили посадку на центральной площади и с лихорадочной быстротой принялись опустошать банки, ювелирные магазины и кочехранилище, поскольку коч по стоимости намного превышает все остальные товары, производимые на Труллионе. Они также похитили немалое число состоятельных горожан в надежде получить за них большой выкуп. Рейд оказался скоротечным и отлично организованным и осуществленным. Не прошло и десяти минут, как корабль старментеров оказался до предела загруженным награбленным добром и пленниками. К несчастью для них случилось так, что в это же время в Порт-Мэхьюл направлялся один из крейсеров Гвардии Коннатига. Едва заслышав сигнал тревоги, он тотчас же изменил курс и появился в небе над Уэлгеном. Глиннес опрометью сбежал с веранды, чтобы поглядеть на прибытие корабля Гвардии — величественного красавца-звездолета, корпус которого был покрыт светло-коричневой, ярко-алой и черной эмалью. Крейсер, подобно орлу, устремился к Уэлгену и исчез за горизонтом. Голос радиодиктора взволнованно кричал из динамика: «... они поднимаются в

¹ Любование звездами: ночью звезды Скопления Аластор сверкают так ярко, будто в небе устроена праздничная иллюминация. Атмосфера преломляет их свет, вследствие чего весь небосвод полыхает мириадами ярко сверкающих лучей и колышущимися, непрерывно меняющими свое положение на небе и конфигурацию огненными факелами. Триллы располагаются в приусадебных садах с кувшинами вина, и обсуждают характерные особенности планет, обращающихся вокруг этих звезд. Для триллов, как и для других обитателей Аластора, ночное небо является не столько заоблачной абстракцией, а скорее — огромной картой, на которой знакомые места разделены космическими расстояниями. Они помногу говорят о так называемых «Старментерах», об их злодеяниях.

Когда в небе зажигается Нуменес, разговор заходит о Коннатиге и его прекрасном дворце — Люс-це, и кто-нибудь обязательно произносит: «Давайте-ка прикусим свои языки! Вполне возможно, что Коннатиг сейчас сидит среди нас, пьет с нами вино и берет на заметку вольнодумцев!», чем вызывает нервный смех, так как любовь Коннатига скрытно путешествовать по своим планетам всем хорошо известна. Потом, всегда, кто-либо храбро произносит: «Тут нас десять (или двенадцать или шестнадцать или двадцать или другое количество, в зависимости от обстоятельств) человек из пяти триллионов! И Коннатиг среди нас? Я готов рискнуть!» Как раз во время одного из таких любований звездами Шэйра Халден заблудилась в потемках. Прежде, чем ее отсутствие было замечено, ее схватили мерлинги и затащили под воду.

воздух... Но, о чудо! Сюда спешит корабль Гвардии! Вот он уже здесь! Старментеры не могут включить «Виск»¹ — он сгорит от трения в атмосфере! Они вынуждены принять бой!»

Диктор настолько разволновался, что уже не в состоянии был владеть своим голосом. «Гвардейский крейсер атакует!» — надрываясь, вопил он. «Корабль старментеров поврежден! Ура! Он падает снова на площадь. Нет, нет! Какой ужас! Он рухнул на рынок. Сотни людей убиты или искалечены! Внимание! Все бригады скорой помощи, весь медицинский персонал! Немедленно прибывайте в Уэлген! Обстановка требует самых чрезвычайных мер! Я слышу стоны раненых... Корабль старментеров серьезно поврежден, но еще продолжает вести огонь... Ярко-синяя вспышка... Еще одна... Корабль Гвардии открыл ответный огонь. Старментеры прекратили сопротивление... Огневая мощь их корабля подавлена полностью». Диктор примолк на мгновение, затем вновь возбужденно затараторил: «Какое зрелище! Народ охвачен яростью. Людские толпы ринулись к кораблю старментеров. Их выволакивают одного за другим...». Диктор перешел на совсем нечленораздельный лепет, затем дал себе передышку и продолжал уже несколько более сдержанно: «Попытки толпы учинить самосуд над старментерами пресекаются полицейскими. Они отталкивают разъяренные толпы и теперь сами арестовывают старментеров — сами понимаете, к неопишущему ужасу пиратов, которые отчаянно сопротивляются полиции. Отбиваются руками и ногами, изворачиваются, как угри! Ведь им угрожает прутаншир! Они же предпочитают месть разъяренной толпы!.. Какое непоправимое зло учинили они этому несчастному городу Уэлген...».

Джат и Шира в это время работали в дальнем конце фруктового сада, производя прививку яблонь. Глиннес побежал поделиться с ними новостью.

«... и вот наконец Старментеры все выловлены и уведены!»

— Тем хуже для них, — грубовато бросил Джат, продолжая работать секатором. Для коренного трилла он был человеком необычайно замкнутым и молчаливым, причем эти черты еще сильнее обострились после гибели Шэйры, похищенной мерлингами.

— Прутаншир ждет их, не дождется, — заметил Шира. — Мне кажется, не мешало бы послушать новости.

— Все эти мучительные казни одинаковы, — проворчал Джат. — Пламя лижет кожу жертв, колеса рвут на части их тела, веревки выворачивают конечности. Некоторых хлебом не корми, дай только поглазеть на пытки. Меня же лично куда больше захватывает хороший хуссейд.

Шира подмигнул Глиннесу.

— Одна игра ничем не отличается от другой. Форварды мечутся, как угорелые, игроки бултыхаются в воде, шейлы теряют одежды, а животы всех красивых девчонок в общем-то одинаковы.

— Огромный опыт глаголет твоими устами, — произнес Глиннес, и Шира, самый знаменитый на всю округу распутник, весело расхохотался.

Шира все-таки отправился поглазеть на казнь вместе со своей матерью, Марчей, а вот Глиннеса и Глэя Джат Халден не отпустил из дому.

Шира и Марча возвратились с последним паромом. Марча устала и легла спать. Шира, однако, присоединился к Джату, Глиннесу и Глэю на веранде и подробно рассказал обо всем, что видел.

— Были пойманы тридцать три пирата, и всех их выставили в клетках прямо на площади. Все приготовления велись перед их глазами. Все мерзавцы, как на подбор, должен сказать — мне даже не удалось установить их расовой принадлежности. Некоторые из них,

¹ Виск — гиперпривод.

возможно, эхалиты, другие — сатагоны, а один высокий бледно-кожий малый, говорили, блауэг. Им всем здорово не повезло — дело-то уже прошлое. Все они были совершенно голыми и для большего сраму раскрашены, как попугаи: головы в зеленый цвет, одна нога в синий, другая — в красный. Все, разумеется, кастрированы. Да, прутаншир — препаршивейшее место! Одна музыка чего стоит! Такая сладкая, кружащая голову, как аромат цветов, — и одновременно такая необычная и жестокая! Она настолько глубоко западает в душу, что начинает казаться, будто звуки извлекаются из собственных натянутых, как струны, нервов... Ну и, конечно же, приготовлен был огромный бак с кипящим маслом, а затем подогнали еще и самоходный подъемный кран. Грянула музыка — оркестр из восьми треван. Трубы и скрипки. Как это такому загрубелому люду удастся такая хватаящая за душу музыка? От нее стынут жилы и воротит желудок, во рту начинает ощущаться вкус крови! Был там, как и положено, шериф Филидис, но роль главного палача-распорядителя поручили Геренсу. Старментеров одного за другим поддевали крючьями, затем поднимали и погружали в масло, после чего подвешивали к огромной раме. Не знаю даже, чтобы было более ужасным — вопли истязаемых или красивая печальная музыка. Люди падали на колени, некоторые даже катались в истерике и плакали — я так и не разобрался, то ли от ужаса, то ли от радости. Не знаю, что и сказать об этом... Примерно через два часа все были умерщвлены.

— М-мда, — произнес Джат Халден. — Вряд ли они теперь будут особенно торопиться с повторным рейдом сюда. Это уж, можно сказать, по крайней мере, со всей определенностью.

Глиннес, как замороженный, слушал все это, не в силах стряхнуть охватившее его оцепенение.

— Это слишком ужасное наказание — даже для старментеров.

— Как раз таким оно и должно быть, — ответил ему Джат. — Ты догадываешься о причине?

Глиннес, сглотнув слюну, наморщил лоб в нерешительности — он никак не мог отдать предпочтение какой-либо из одной гипотез, зародившихся у него в голове.

— Вот тебе теперь захотелось стать старментером, зная о возможности подобного конца? — спросил у него Джат.

— Ни за что! — с искренним пылом вскричал Глиннес.

Джат повернулся к погрузившемуся в тягостное раздумье Глэю.

— А тебе?

— У меня никогда не было намерений первым делом приняться за грабеж и убийство.

— Одного из двух, по крайней мере, удалось убедить не становиться на стезю преступлений, — не очень-то весело рассмеявшись, произнес Джат.

— Мне не хотелось бы слушать музыку, которая причиняет душевные муки, — признался Глиннес.

— А почему бы и нет? — неожиданно громко спросил Шира. — На хуссейде, когда рушится репутация шейлы, музыка до того сладкая, что аж за душу берет. Музыка добавляет смака происходящему, как соль пище.

— Акади утверждает, — решил вставить и свое слово Глэй, — что любому из людей необходимо время от времени переживать душевное очищение, даже если толчком к нему будет нечто кошмарное.

— Может быть, так оно и есть, — сказал Джат, — только мне лично не нужно больше никаких кошмаров. Один такой кошмар навсегда застыл у меня перед глазами. — Джат имел в виду, сыновья прекрасно это понимали, исчезновение Шэйры. С той поры он стал буквально одержим ночной охотой на мерлингов.

— Ну что ж, двойняшки, коль вы против того, чтобы стать старменстерами, то кем бы все-таки вам хотелось бы стать? — спросил Шира. — При условии, что вам надоест жизнь в родном доме.

— Мне больше всего по душе хуссейд, — сказал Глиннес. — Я одинаково равнодушен и к рыбалке, и к добыванию коча. — Ему вспомнился красавец-крейсер в светло-коричневых, ярко-алых и черных разводах, который одержал верх над старменстерами. — Или, пожалуй, возьму и вступлю в Гвардию, чтобы наполнить свою жизнь приключениями.

— Мне ничего не известно о Гвардии, — задумчиво произнес Джат, — а вот в отношении хуссейда я могу тебе дать пару-другую полезных советов. Пробегай ежедневно пять миль для развития выносливости. Попробуй перепрыгивать через канавы до такой степени, пока не научишься уверенно приземляться даже с закрытыми глазами. И держись подальше от девчонок, не то во всей префектуре может не оказаться ни одной девственницы, которая могла бы стать твоей шейлой.

— Что же, я не очень-то против такого режима, — сказал Глиннес.

Джат скосил взгляд из-под черных бровей в сторону Глэя.

— Ну а ты? Ты останешься дома?

Глэй только пожал плечами в ответ.

— Если бы я мог, я бы отправился в путешествие, чтобы познакомиться с другими планетами Скопления.

Джат взметнул косматые брови.

— Ну и как бы ты путешествовал, не имея денег?

— Акади утверждает, что такое возможно. Он посетил двадцать две планеты, зарабатывая на каждой средства, необходимые для перелета на следующую.

— Гм. В этом что-то есть. Только никогда не бери Акади в качестве примера для подражания. Он ничего не извлек путевого из своих путешествий, кроме никому не нужной учености.

Глэй на мгновение задумался.

— Если это так, — произнес он, — а так оно и должно быть, коль ты так в этом убежден, значит Акади завоевал к себе уважение и расширил умственный кругозор здесь, на Труллионе, что еще больше говорит в его пользу.

Джат, для которого честное поражение никогда не было обидным, похлопал Глэя по спине.

— В тебе он нашел преданного друга.

— Я очень благодарен Акади, — признался Глэй. — Он многое объяснил мне.

— Постарайся лучше ни в чем не отставать от Глиннеса, — не без лукавства в голосе подпустил ему шпильку Шира, у которого на уме всегда было только то, что у девчонок под юбкой. — И тебе больше уже никогда не понадобятся объяснения Акади.

— Я говорю совершенно о другом.

— О чем же это тогда ты говоришь?

— Мне не хотелось бы вдаваться в подробности. Вы только станете посмеиваться надо мной, а мне это уже и без того надоело.

— Никаких насмешек! — торжественно провозгласил Шира. — Мы выслушаем тебя серьезно и благожелательно. Выкладывай!

— Ладно. Мне, в общем-то все равно, станете ли вы надо мной насмехаться или нет. Так вот, я уже давно испытываю нехватку чего-то, какую-то пустоту. Мне хочется приложить свои силы к чему-нибудь по-настоящему стоящему. Я хочу столкнуться лицом к лицу с чем-нибудь таким, чему я мог бы противопоставить свою волю и что мог бы одолеть.

— Дерзкие слова, — с сомнением произнес Шира. — Вот только...

— Только почему меня так страшно одолевают именно такие мысли? Потому что жизнь-то у меня всего лишь одна, прожить ее дано только лишь один раз. Мне хочется оставить свой след, где угодно, каким угодно образом. Когда я об этом задумываюсь, я буквально схожу с ума! Моим врагом является Вселенная — это она отказывает мне в возможности совершить те замечательные деяния, благодаря которым люди еще очень долго вспоминали бы меня! Почему это имя «Глэй Халден» не должно звучать столь же звонко и четко как «Паро» или «Слабар Велч»¹. И я этого добьюсь — я не соглашусь ни на что меньшее!

— В общем, ты возмечтал заделаться или великим хуссейдером, или великим стармен-тером, — опечаленно произнес Джат.

— Я нагородил чепухи, — промямлил Глэй. — По правде говоря, мне не хочется славы: ни дурной, ни настоящей. Меня не волнует, как я буду выглядеть в чьих-то глазах. Мне просто хочется сделать что-нибудь стоящее, такое, что потребует полного напряжения всех моих сил.

На веранде воцарилось молчание. Тишину нарушали только стрекот ночных насекомых в камышах, да негромкий плеск воды о причал — скорее всего, какой-нибудь мерлинг под-нялся на поверхность, чтобы послушать заинтересовавшие его звуки.

— Повышенное честолюбие — не такой уж большой недостаток, — строгим голосом произнес Джат. — И все же, хотелось бы знать, что было бы, если бы каждый с такой же горячностью стремился бы к громкой славе? Сохранились бы мир и спокойствие, если бы всех вдруг обуяло подобное честолюбие?

— Трудный вопрос, — сказал Глиннес. — Я как-то даже никогда раньше и не задумы-вался над этим. Глэй, ты меня поражаешь! Ты, наверное, единственный в своем роде!

— В этом я не очень-то уверен, — примирительным тоном произнес Глэй. — Людей, всей душой стремящихся выразить себя как можно полно, должно быть много, даже очень много.

— Наверное, — предположил Глиннес, — именно поэтому становятся стармен-терами. — Им скучно дома, у них нет должных способностей для хуссейда, от них отворачиваются девушки — вот они и срываются с места и объединяются с себе подобными под черным флагом только для того, чтобы отомстить за собственную неполноценность!

— Такое объяснение ничуть не хуже любого другого, — согласился Джат Халден. — Но месть оказывается палкой о двух концах, что сегодня и обнаружили тридцать три мер-завца.

— Одного никак не могу уразуметь, — сказал Глиннес. — Ведь Коннатигу известно об их преступлениях. Почему же он не мобилизует всю свою Гвардию и не искоренит их раз и навсегда?

Шира снисходительно рассмеялся.

— Неужели ты думаешь, что Гвардия даром ест свой кусок хлеба? Корабли ее находят-ся в постоянном боевом дозоре. Но на каждую обитаемую планету приходится сотня не-обитаемых, не считая спутники планет, астероиды, звездный шлак да и просто корпуса брошенных космических кораблей. Подходящим местам для стармен-теров несть числа. Гвардия же может сделать только то, что в ее силах.

Глиннес повернулся к Глэю.

— Вот как раз то, что тебе нужно! Вступай в Гвардию и любуйся планетами Скопления. И еще получай жалованье, пока будешь путешествовать с одной на другую!

— Неплохая мысль, — ответил Глэй.

¹ Паро: знаменитый хуссейдер, любимец Скопления, прославившийся особо агрессивной и дерз-кой игрой. Слабар Велч: — известный стармен-тер.

Глава 3

Но в конце концов случилось так, что отправился в Порт-Мэхьюл и там записался в Гвардию как раз Глиннес. Тогда ему было семнадцать лет, А Глэй в Гвардию не вступил — как и не стал ни хуссейдером, ни старментером. Вскоре после поступления Глиннеса в Гвардию Глэй тоже покинул родительский дом. Он вдоль и поперек избородил Мерланк, время от времени подрабатывая здесь и там несколько озов, а еще чаще питаясь тем, что могла ему дать щедрая природа планеты. Несколько раз он пытался прибегнуть к тем уловкам, что рекомендовал ему Акади для того, чтобы отправиться в путешествие на другие планеты, но по той или иной причине все эти его попытки так и не увенчались успехом, а средств для того, чтобы оплатить самому такое путешествие, ему никак не удавалось скопить.

Какое-то время он странствовал с ватагой треван¹, находя их напряженный, наполненный динамизмом ритм жизни на удивление противоположным бесшабашности рядовых триллов.

После восьми лет бродячей жизни он вернулся на остров Рабендари, где все осталось таким, как и прежде, хотя Шира наконец оставил хуссейд. Джат все еще продолжал вести ночную войну с мерлингами. Марча все еще не оставила надежд втереться в среду местной, не очень-то титулованной аристократии, которая в свою очередь, совершенно не намерена была позволить ей преуспеть в этом. Джат, уступив настояниям Марчи, называя себя Халденем, сквайром Рабендари, но отказываясь переселиться в имение Эмбл, которому, несмотря на благородные пропорции, просторные палаты и полированные стеновые панели, недоставало широкой веранды с видом на пролив.

Семья регулярно получала весточки от Глиннеса, карьера которого в Гвардии складывалась вполне удачно. Еще в лагере для предварительного обучения он был рекомендован для продолжения курса воинских наук в офицерском училище, по окончании которого был направлен для прохождения службы в оперативных частях 191-й эскадры и назначен командиром десантного катера №191–539, личный состав которого состоял из двадцати командос.

Перед Глиннесом теперь открывалась прекрасная перспектива быстрого продвижения по службе и внушительного пенсионного обеспечения по ее завершении. И все же полной удовлетворенности он не испытывал. Ему грезилась жизнь, насыщенная романтическими приключениями, служба ему представлялась чередой разведывательных полетов на пат-

¹ Треване — кочевая народность явно иного расового происхождения, склонная к воровству, черной магии и некоторым другим мелким правонарушениям, люди легко возбудимые, пылкие и мстительные. Коч они считают губительным ядом и оберегают целомудрие своих женщин с фанатичным рвением.

рульном звездолете по всему Скоплению с целью выискивания гнезд старментеров и краткосрочных отпусков на удаленных экзотических планетах — жизнь куда более динамичная и неупорядоченная, а не до совершенства отработанная рутина, в которой он себя обнаружил. Чтобы скрасить однообразие, он играл в хуссейд. Его команда неизменно занимала высокие места в первенстве флота и дважды завоевывала титул чемпиона.

В конце концов Глиннес подал рапорт с просьбой о переводе в патрульную службу, но в этой просьбе ему было отказано. Тогда он предстал перед командующим эскадрой, но тот выслушал жалобы и протесты Глиннеса с едва скрываемым равнодушием.

— В переводе отказано по весьма веской причине.

— Какой же именно? — возмущенно спросил Глиннес. — Неужели меня считают настолько незаменимым, что без меня эскадра пропадет ни за грош?

— Отнюдь нет. Тем не менее, нам не хочется снижать боеспособность прекрасно функционирующего подразделения. — Командующий привел в порядок какие-то бумаги у себя на столе, затем откинулся к спинке стула. — Поделюсь с вами одним секретом — прошел слух о том, что в самом ближайшем будущем нас пустят в дело.

— В самом деле? И против кого же?

— В отношении этого я могу только догадываться. Вам когда-нибудь доводилось слышать о Тamarхо?

— Доводилось. Я прочел в журнале, что это культ, объединивший вокруг себя фанатичных воинов на планете, название которой я запомнил. Похоже на то, что они сеют вокруг себя разрушение из любви к разрушению как таковому. Или по какой-то иной причине примерно такого же рода.

— Что ж, значит вам известно ровно столько же, сколько и мне, — сказал командующий, — за исключением того, что название планеты — Рамнотис, и того, что тамархо превратили в пустыню целый округ. Судя по всему, нас намерены послать именно на Рамнотис.

— Вот это уже хоть какое-то объяснение, — сказал Глиннес. — И что же представляет из себя этот Рамнотис? Унылую дыру, сплошную пустыню?

— Совсем наоборот. — Командующий развернулся и пробежался пальцами по кнопкам на пульте управления. Тотчас же вспыхнул цветной экран дисплея, и включилось звуковое сопровождение:

«Аластор 965, Рамнотис. Основные планетарные характеристики...» — диктор прочитал цифровые данные, касающиеся массы тела планеты, ее размеров, силы тяжести, состава атмосферы, климатических особенностей, а экран все это время показывал меркаторову проекцию поверхности планеты. Командующий нажатием нескольких кнопок опустил историческую и антропологическую информацию и включил так называемую «неофициальную вводную»: «Рамнотис — планета, на которой каждая мелочь, каждый аспект, каждое нововведение должны способствовать повышению благосостояния ее обитателей и приносить им удовольствие. Первопоселенцы, прибывшие сюда с планеты Трискелион, решили больше уже никогда не терпеть те безобразия, из-за которых они были вынуждены оставить родную планету, и клятвенно скрепили торжественный договор об этом. Теперь этот договор является основополагающим документом, регламентирующим все стороны жизни на Рамнотисе, и объектом трепетного благоговения.

В настоящее время обычные язвы цивилизации — общественный разлад, безнравственность, нерациональная растрата ресурсов, засилье бюрократии — почти полностью вытеснены даже из сознания населения. Сегодняшний Рамнотис — это планета, для которой характерно отменное управление. Оптимальные решения стали нормой. Социальная несправедливость неизвестна, бедность — не более, чем вызывающее любопытство слово. Продолжительность рабочей недели — десять часов, трудовая деятельность обязательна для

каждого обитателя планеты. Избыточная энергия людей направлена на устройство карнавалов и фантастических феерий, которые привлекают туристов даже с самых далеких планет. Кухня считается на уровне самых лучших во всем Скоплении. Многочисленные пляжи, леса, озера и горы обеспечивают неограниченные возможности для активного проведения досуга на свежем воздухе. Наиболее зрелищным видом спорта является хуссейд, хотя местные команды никогда не добивались особого успеха в состязаниях высокого ранга». Командующий снова опустил часть дикторского текста, переходя к наиболее злободневной информации о планете Рамнотис. «В последние годы особое внимание привлек культ под названием Тамархо. Принципы Тамархо не очень ясны и, похоже, весьма различны для каждого из конкретных его последователей. Общим же для тамархистов является страсть к бессмысленному насилию, разрушению и загрязнению окружающей среды. Они сожгли тысячи гектаров девственных лесов, отравили трупами, отбросами и сырой нефтью множество озер, водохранилищ и истоков рек. Известны случаи отравления ими водопоев в заповедниках и внесения ядов в приманки для птиц и домашних животных. Они швыряют пакеты с экскрементами в участников карнавальных шествий и мочатся с высоких башен на толпы прохожих внизу. Они боготворят любые проявления уродства и даже себя называют уродами».

Нажатием кнопки командующий погасил экран.

— Этого, пожалуй, достаточно. Тамархисты захватили значительный участок суши и категорически отказываются разойтись. Похоже на то, что власти Рамнотиса обратились за помощью к Гвардии. Но пока что все это только досужие предположения. Возможно, нас направят на какой-нибудь остров, о название которого язык сломаешь, разгонять проституток. Толком ничего еще не известно.

Стандартная стратегия Гвардии, эффективность которой была подтверждена десятком тысяч успешно проведенных операций, заключалась в концентрации чудовищного количества боевых средств, настолько превышающем любые мыслимые и немыслимые размеры, чтобы одним уже этим так утратить противника, что ему ничего иного не оставалось, как тотчас же смириться с неизбежным поражением. В большинстве случаев боевой дух мятежников мгновенно испаряется и мощь Гвардии так и остается не востребованной. Для умирения короля Зэга по прозвищу «Бешеный» на Серой Планете, Аластор 1740, Гвардия расположила над Черным Капитолием тысячу дредноутов класса «Тиран», почти закрыв ими весь небосвод. Чуть ниже «тиранов» описывали концентрические круги несколько эскадр крейсеров, а на небольшой высоте барражировали, подобно осам, тысячи смертоносных «стингеров». На пятый день перед оцепеневшим от ужаса ополчением короля Зэга предстало двадцать миллионов до зубов вооруженных десантников, само же ополчение уже задолго до этого рассталось с мыслью о сопротивлении.

С помощью точно такой же стратегии Гвардия рассчитывала одержать верх и в борьбе с тамархистами. Четыре флотилии линейных кораблей классов «Тиран» и «Потрошитель» сошлись с четырех различных направлений для того, чтобы зависнуть над Серебристыми Горами, прибежищем «Уродов». Высаженная на поверхность планеты разведка доложила о том, что тамархисты внешне никак на это не прореагировали.

«Тираны» опустили чуть ниже, и в течение всей ночи небо было покрыто густой сеткой из зловещих лучей, ярко-синее свечение которых сопровождалось оглушительным треском. Когда же наступило утро, то выяснилось, что тамархисты уничтожили все свои стойбища и, как потом сообщила наземная разведка, скрылись в лесах.

Тотчас же в направлении их прибежищ были высланы специальные мониторы, громкоговорители на борту которых передавали «Уродам» заранее записанный на пленку приказ строиться в колонны и организованно шагать в ближайший курортный город.

Единственным ответом был ураганный огонь снайперов.

Чтобы нагнать побольше страха, «Тираны» начали неторопливо снижаться. Мониторы передали последний ультиматум: сдаться или подвергнуть себя риску уничтожения. Тамархисты даже не удосужились ответить.

На просторный луг опустились шестнадцать бронированных крепостей — «Армадиллов», в чью задачу входило обеспечение безопасности высадки десанта. Они были встречены не только огнем из пулеметов и винтовок, но и энергетическими залпами из установки, укомплектованной архаичными излучателями. Чтобы невзначай не уничтожить неизвестное количество маньяков, «Армадиллы» предпочли снова подняться в воздух.

Разъяренный главнокомандующий принял решение окружить Серебристые Горы со всех сторон войсками, надеясь на то, что «Уродов» заставит подчиниться последующий за этим голод.

На поверхность планеты опустились две тысячи двести десантных катеров и среди них катер №191–539 под командованием Глиннеса Халдена, которые и заплембировали наглухо тамархистов в их горном логове. Время от времени войска осторожно продвигались вглубь долин, непременно посылая впереди себя подразделения «Стингеров» для подавления огневых точек снайперов. Появились первые убитые и раненые, и поскольку тамархисты не представляли теперь из себя особой угрозы и можно было не спешить, главнокомандующий отозвал войска из зоны огня тамархистов.

Осада продолжалась целый месяц. Разведка докладывала, что у тамархистов давно уже кончились запасы продовольствия и что теперь они питаются древесной корой, насекомыми, листьями, в общем, всем, что только попадает под руку.

Главнокомандующий снова поднял мониторы над местностью предполагаемого сосредоточения тамархистов, требуя организованной капитуляции. В ответ тамархисты предприняли целую серию попыток прорвать кольцо окружения, но были отброшены назад с весьма ощутимыми потерями для себя.

Главнокомандующий еще раз направил мониторы, угрожая прибегнуть к болеестимулирующему газу, если сдача не произойдет в течение ближайших шести часов. Истек назначенный главнокомандующим срок — тамархисты не отвечали. Прибежища тамархистов были подвергнуты бомбардировке картечью из ампул с болеестимулирующим газом. Задышавшись, корчась и извиваясь от боли, катаясь по земле, тамархисты стали один за другим выползать из своих укрытий. Главнокомандующий приказал обдать их «живым душем» из ста тысяч десантников, и после нескольких скоротечных перестрелок с очагами сопротивления тамархистов было окончательно покончено. В плену оказались менее двух тысяч мятежников обоего пола. К немалому своему удивлению Глиннес обнаружил, что некоторые из них едва-едва вышли из детского возраста, а старше его — ничтожно мало. У них не было никаких припасов, источников энергии, еды и медикаментов. Они корчили рожи и злобно рычали при виде десантников — они в самом деле были настоящими «Уродами». Изумлению Глиннеса не было предела. Что могло подвигнуть эту молодежь так отчаянно сражаться за дело, явно обреченное на провал? И что, самое главное, подтолкнуло их к решению стать «Уродами»? Почему они с такой настойчивостью все пачкали и оскверняли, уничтожали и портили?

Глиннес попытался спросить об этом одного из пленников, но тот притворился, что не понимает диалекта Глиннеса. Вскоре после этого Глиннесу было приказано отбыть вместе со своим кораблем.

Вернувшись на базу, Глиннес обнаружил в почте на свое имя письмо от Тиры, содержащее трагическое известие. С некоторого времени Джат Халден слишком уж зачастил охотничьи вылазки. Мерлинги устроили ему западню. Прежде, чем Шира успел прийти к нему на помощь, отец уже захлебнулся в водах протока Фарван.

Это известие повергло Глиннеса в совершенно необъяснимое для него самого изумление. Он обнаружил, что просто не в состоянии представить себе, что может что-нибудь измениться в Шхерах, где, как казалось, давно уже остановился ход времени, и притом измениться настолько коренным образом.

Новым сквайром Рабендари теперь стал Ши́ра. «Какие еще перемены сулит грядущее?» — подумалось Глиннесу. По всей вероятности, никаких — не в характере Ширы были какие-либо нововведения. Обзаведется женой и детьми — этого, по крайней мере, можно было от него ожидать. Если не раньше, то чуть позже. Глиннес задумался над тем, кому может взбрести в голову выйти замуж за располневшего и полысевшего Ши́ру, да еще с такими багровыми щеками и мясистым носом пропойцы. Даже еще в те времена, когда он был хуссейдером, Ши́ра столкнулся с тем, что ему все труднее становится волочить девчонок в укромное темное местечко, ибо хотя сам он считал себя парнем добродушным, приветливым и дружелюбным, другими он уже воспринимался как хвастун, грубиян и развратник.

Глиннесу вспомнилось детство. Утренняя дымка над водами пролива, веселые вечерние часы, любование звездами. Вспомнились наилучшие друзья и их странноватые привычки, вспомнилось, как выглядит рабендарский лес — размытые контуры ми́насов, нависших над светло-коричневыми помандерами, будто усыпанная серебром зелень березовой листвы, темно-зеленые стройные каштаны. Припомнилось зыбкое марево, висевшее над водой и смягчавшее очертания далеких берегов. Вспомнился обветшалый отчий дом, и тут он обнаружил, какую глубокую тоску ощущает он по родным местам.

Двумя месяцами позже, по истечении десяти лет службы он подал заявление об отставке и вернулся на Труллион.

Глава 4

Глиннес дал телеграмму домой о своем прибытии, однако когда он ступил на родную землю в Порт-Мэхьюле в Префектуре Стэйвен, там не оказалось никого из домашних, прибывших его встречать, что показалось ему несколько странным.

Погрузив свой багаж на паром, сам он расположился на верхней палубе полюбоваться берегами, мимо которых проплывал паром. Какими беспечными и веселыми были его соплеменники в параях ярко-красного, синего, темно-желтого цвета! Собственная его полувоенная форма — черный френч и бежевые бриджи с концами штанин, засунутыми в высокие черные ботинки — казалась ему панцирем, стесняющим каждое его движение. Он, скорее всего, больше уже никогда не станет носить такую одежду!

Паром вскоре пришвартовался у одного из причалов Уэлгена. В ноздри пахнуло восхитительным запахом, исходившим из расположенного неподалеку ларька, где торговали свежезажаренной рыбой. Глиннес сошел на берег и купил пакет с вареными тростниковыми стручками и длинный кусок жареного угря. На всякий случай глянул, нет ли здесь где-то Ширы, Глэя или Марчи, хотя почти не рассчитывал на то, что они могут тут оказаться. Внимание его привлекла группа чужестранцев, состоявшая из трех молодых мужчин в одинаковой, чем-то напоминавшей форменную, одежде — отлично пошитых комбинезонах, подпоясанных в талии — и отполированных до глянцевого блеска, тесно облегающих ступни башмаках и трех молодых женщин в сравнительно простых платьях из плотного белого полотна. Волосы и у мужчин, и у женщин были коротко пострижены, однако таким образом, что это нисколько не портило их лица. У всех шестерых на левом плече красовался небольшой медальон. Они прошли мимо Глиннеса совсем близко к нему, и только тогда он понял, что никакие они не иностранцы, а триллы... Студенты факультета схоластической метафизики какого-нибудь колледжа? Последователи новомодного религиозного культа? Любое из этих предположений могло оказаться верным, так как они несли книги и калькуляторы и, казалось, увлеченно о чем-то спорили. Глиннес присмотрелся к девушкам повнимательнее. Что-то в них было такое, на что он поначалу не обратил внимания. Им явно не доставало женственности, той женственности, которая должна была пробуждать естественный аппетит у мужчин. Девушки на Трилле обычно не очень-то заботятся о том, что на себя надеть, и удовлетворяются любой одеждой, которая первую подвернется под руку, нисколько не смущаясь тем, что она может оказаться мятой, запачканной или поношенной. Делают же нарядной свою одежду они тем, что украшают ее цветами. Эти же девушки выглядят не просто чистюлями, а прямо-таки помешанными на всем, что касается чистоты и аккуратности... Глиннес пожал плечами и вернулся на паром.

Взяв курс на восток, паром теперь все больше и больше углублялся в самую сердцевину Шхер, проходя извилистыми рукавами, наполненными запахом стоячей воды и гниющих камышей, а временами — и острым зловонием, свидетельствующим о скоплении мерлин-

гов. Вот впереди показался затон Рипил и скопление хижин, образующих поселок Зауркаш, пункт пересадки для Глиннеса. Паром здесь круто сворачивал на север, к деревушкам вдоль берегов острова Большой Воуль. Глиннес выгрузил свои чемоданы на пирс и на какое-то мгновение задержался, глядя на поселок. Главной его достопримечательностью был хуссейдский стадион со старыми обветшалыми трибунами, некогда база команды «Зауркашские Змеи». Почти по соседству располагалась таверна «Чудо-Линь», самая уютная среди трех зауркашских таверн. Глиннес прошел по причалу к павильону, где десятью годами раньше Мило Харрад давал напрокат лодки и заведовал речными такси.

Не приметив нигде Харрада, Глиннес обратился к незнакомому парню, вздремнувшему в тени.

— Добрый день, дружище, — произнес Глиннес, и парень, проснувшись, поднял на Глиннеса исполненный некоторой укоризны взор. — Может быть, подбросите меня на остров Рабендари?

— Куда вашей душе угодно. — Парень неторопливо осмотрел Глиннеса с головы до ног, затем, слегка пошатываясь из стороны в сторону, поднялся. — Вы ведь, если я не ошибаюсь, Глиннес Халден?

— Совершенно верно. А вот вас я что-то не припоминаю.

— Не стоит напрягать свою память. Я — племянник Харрада, выросший в Воалише. Меня зовут Харрад-младший, и, как мне кажется, так меня будут величать и всю оставшуюся жизнь. Я запомнил вас, когда вы выступали за «Змеев».

— С тех пор прошло не так уж мало лет. У вас прекрасная память.

— Я бы этого не сказал. Просто все Халдены были прирожденными хуссейдерами. Старик Харрад часто вспоминал Джата, лучшего из полузащитников, когда-либо выступавших в Зауркаше. Так, во всяком случае, говорил старина Мило. Ши́ра же был чисто защитником, очень надежным, но медлительным. Насколько мне помнится, я не видел, чтобы он хоть раз исполнил чистый перескок.

— Вполне справедливое суждение. — Глиннес снова обвел взглядом набережную. — Я рассчитывал, что здесь меня будет встречать или он сам, или еще один мой брат Глэй. Очевидно, сейчас они заняты каким-нибудь другим, более неотложным делом.

Харрад-младший глянул на него как-то искоса, затем пожал плечами и подтянул к пирсу один из своих стройных бело-зеленых глассеров. Глиннес погрузил в него чемоданы, и они взяли курс на восток, следуя изгибам рукава Меллиш.

Харрад-младший прочистил горло.

— Вы рассчитывали на то, что вас будет встречать Ши́ра?

— Естественно.

— Значит вы ничего не слышали о Ши́ре?

— С ним что-то стряслось?

— Он исчез.

— Исчез? — Взгляд Глиннеса стал рассеянным, слегка отвисла нижняя челюсть. — Каким образом?

— Никто толком не знает. Скорее всего, попал на обеденный стол мерлингов. Так бывает с большинством исчезнувших.

— Если только не уходят навестить друзей¹.

— На два месяца? Ши́ра был крепким бугаем, так мне говорили, но два месяца на одном только коче — это нечто совсем уже из ряда вон выходящее.

¹ Уйти навестить друзей — более мягкое выражение, обозначающее исчезновение в каком-нибудь стойбище в лесной глуши обезумевших эротоманов, злоупотребляющих кочем.

— М-да, — уныло произнес Глиннес и отвернулся, чувствуя, как у него пропала всякая охота разговаривать. Джат исчез, Шира исчез — грустным получилось его возвращение домой. Проплывающие мимо пейзажи, теперь еще более знакомые, теперь ассоциирующиеся со множеством воспоминаний, только еще больше усугубляли охватившую его печаль. Вот глиссер промчался мимо острова Джези, острова, где тренировалась первая команда, в которой он выступал, команда «Молнии из Джези». Вот справа по борту мелькнул остров Кэлсион, где прелестная Лоэль Иссаам так и не поддавалась на все его уговоры. Впоследствии она стала шейлой команды «Гаспарские Тритоны» и в конце концов, после своего посрамления, вышла замуж за лорда Клойза из Грэйве-Тэйбла, расположенного к северу от Шхер... Воспоминания переполнили его, теперь ему уже стало казаться очень странным, почему он вообще покинул Шхеры, а десять лет, проведенные в Гвардии, казались уже не более, как сном.

Глиссер вошел в широкое русло Сивод, откуда уже было рукой подать до побережья Южного Океана. К югу, на расстоянии в милю, виднелся остров Ближний, а за ним, чуть побольше и повыше — Средний, а еще дальше, еще более широкий и высокий остров Дальний. Несмотря на легкую дымку над поверхностью воды, все три силуэта четко просматривались как три разные острова, хотя Дальний совсем уже смутно вырисовывался на фоне неба почти у самого горизонта.

Оставив ведущее к океану русло к юго-западу, глиссер, не снижая скорости, вошел в идущий строго на восток узкий проток Атенри, где развесистые кроны войлочных деревьев смыкались друг с другом, образуя шатер над темной стоячей водой. Здесь запах мерлингов был особенно заметным, и как Харрад, так и Глиннес с повышенным вниманием следили за появлением кругов на воде. По причинам, лучше известным только им самим, мерлинги в огромных количествах собирались в протоке Атенри — то ли из-за плодов войлочных деревьев, которые были ядовитыми для людей, то ли из-за тени, которую давали их ветви, то ли из-за особого вкуса корней, разветвлявшихся под водой. Однако поверхность воды оставалась безмятежно спокойной. Если мерлинги и были где-то здесь поблизости, то предпочитали держаться поглубже в своих норах. Но вот глиссер выскочил на просторы озера Флейриш, и справа по борту показались пять островов, где был расположен старинный особняк лорда Таммаса Генсифера. А вскоре показался и сам лорд, вернее парусник на подводных крыльях, за румпелем которого восседал Таммас Генсифер, крепкий круглолицый мужчина лет на десять старше, чем Глиннес, с мощными плечами и грудью, но весьма худосочными ногами. Умело орудуя шкотами, он круто развернул парусник, вспенив поверхность воды, а затем подтянул парус, в следствие чего яхта легла на параллельный курс с глиссером Харрада, который к этому времени тоже притормозил. Потеряв скорость, яхта опустилась на поверхность воды и теперь медленно скользила рядом с глиссером.

— Если я не ошибаюсь, то это молодой Глиннес Халден, вернувшийся после странствий среди звезд! — окликнул Глиннеса лорд Генсифер. — Добро пожаловать в родные Шхеры!

Глиннес и Харрад дружно поднялись и почтительно поприветствовали лорда Генсифера в соответствии с его высоким достоинством.

— Спасибо, — произнес Глиннес. — Я очень рад вернуться, в этом у меня нет никаких сомнений.

— Нет нигде такого места, как Шхеры! И каковы ваши планы в отношении родового имени?

Глиннес смутился.

— Планы? Никаких особых... А разве должны быть у меня?

— Я полагаю, что должны. Ведь, как-никак, но вы теперь сквайр Рабендари.

Глиннес скосил взгляд через водный простор в сторону острова Рабендари.

— Может быть, это и так, если Ши́ра на самом деле умер. Я старше Глэя на час.

— Да и жизненного опыта у вас гораздо больше, если хотите знать мое мнение... М-да. В этом вы сами убедитесь, не сомневаюсь. — Лорд Генсифер еще сильнее подобрал парус. — Как там насчет хуссейда? Вы, надеюсь, не против организации нового клуба. Мы-то так точно хотели бы иметь Халдена в составе команды.

— Я пока что, лорд Генсифер, не в состоянии сказать что-нибудь определенное. То, что здесь произошло, настолько сбilo меня с толку, что я вряд ли могу дать вам какой-нибудь вразумительный ответ.

— Всеу свое время. Свое время. — Лорд Генсифер установил парус под должным углом к ветру. Корпус яхты тотчас же приподнялся над поверхностью воды, стал на подводные крылья, и яхта на большой скорости устремилась к противоположному берегу озера.

— Вот красотища! — с завистью воскликнул Харрад-младший. — Эту штуковину ему доставили с Иллюканта. Межпланетная транспортная компания. Даже страшно подумать, во сколько озов ему обошлась эта яхта!

— А по-моему, ходить на ней довольно опасно, — заметил Глиннес. — Если она перевернется, он и мерлинги останутся с глазу на глаз.

— Лорд Генсифер — довольно-таки бесшабашный мужик, — сказал Харрад. — К тому же все утверждают, что яхта вполне безопасна. Прежде всего, она не может утонуть, даже если и опрокинется. Всегда можно взобраться на корпус и спокойно ждать, пока тебя кто-нибудь подберет.

Дальше путь их лежал к рукаву Илфиш. Промелькнул слева Муниципальный остров площадью в две сотни гектаров, остававшийся по решению руководства префектуры в общественной собственности для пользования треванами, урайями, любителями «навещать друзей» и как место стоянки случайных путешественников, забредших в Шхеры. И вот наконец глиссер зашел в рукав Эмбл и впереди показались дорогие сердцу Глиннеса очертания острова Рабендари, его родины. Глиннес зажмурился — глаза его подернулись влагой. Весьма печальное, по правде говоря, возвращение домой. А вот остров Эмбл предстал взору Глиннеса в самом лучшем своем виде. Присмотревшись повнимательнее к старому особняку, Глиннес даже, как ему показалось, различил струйку дыма, поднимающуюся из трубы на крыше. Поразительная догадка пришла к нему в голову, подкрепленная туманными намеками лорда Генсифера. Неужели Глэй переселился в особняк на Эмбле? Лорд Генсифер расценил бы такой поступок как достойный осмеяния и даже постыдный — как поступок выскочки, пытающегося, как обезьяна, подражать тем, кто в социальной иерархии стоит гораздо выше его.

Глиссер подошел к причалу Рабендари. Глиннес выгрузил на берег багаж, расплатился с Харрадом-младшим, затем стал внимательно осматривать дом. Неужели он всегда был таким покосившимся и обветшалым? Неужели всегда вокруг него так буйствовал бурьян? Для триллов комфорт и уют, сопутствующие жизни в старом, пусть даже и довольно убогом на вид доме, составляли предмет особой любви и привлекательности, но сейчас состояние отчего дома давно уже перешло ту черту, что позволяла бы мириться с ним дальше. Взбираясь по ступенькам на веранду, он явственно слышал, как они трещат, и ощущал их прогиб под своим весом.

В поле зрения его попали какие-то цветные пятна по другую сторону поля, на самой опушке леса Рабендари. Глиннес прищурился. Три палатки: красная, черная, тускло-оранжевая. Палатки треван. Его всего аж затрясло от ярости и ощущения оскорбленного достоинства. Пожалуй, он слишком уж запоздал с возвращением.

— Эй, в доме! — кликнул он. — Здесь есть кто-нибудь, кроме меня?

В дверях показалась высокая фигура матери. Она глядела на него, не веря своим глазам, затем побежала ему навстречу.

— Глиннес! Даже как-то не привычно снова видеть тебя!

Он стиснул ее в объятиях, крепко расцеловал, не обратив внимания на некоторую несуразность слов, которыми она встретила его.

— Да, я вернулся, и мне самому это кажется странным. Где Глэй?

— Он у одного из своих приятелей. Однако как хорошо ты выглядишь! Ты повзрослел, и теперь мужчина хоть куда!

— А вот ты нисколько не изменилась, ты все такая же красивая, мама!

— О Глиннес, разве можно так преувеличивать? Я ощущаю себя такой же старой, как вон те холмы, и такой же старой и выгляжу, я уверена в этом... Мне кажется, ты уже слышал печальную новость?

— В отношении Ширы? Да. Меня это ужасно опечалило. Неужели так никто толком и не знает, что же случилось?

— Ничего неизвестно, — ответила Марча довольно сухо. — Садись, Глиннес. Сбрось эти шикарные ботинки и дай отдых ногам. Хочешь вина из яблок?

— Конечно же, хочу, и кусок чего угодно, что под рукой. Я голоден как волк.

Марча принесла вино, хлеб, мелко порубленное холодное мясо, фрукты, рыбный студень, присела и стала смотреть, как он ест.

— Как мне приятно снова глядеть на тебя! Каковы твои планы на будущее?

Голос ее показался Глиннесу чуточку холодноватым. Но она никогда не была особенно пылкой в проявлении своих чувств.

— Пока что у меня нет никаких планов, — ответил он. — Я только вот сейчас услышал о Шире от Харрада-младшего. Он, так, значит, и не женился?

Губы Марчи неодобрительно изогнулись.

— Он так и не смог остановить на ком-нибудь свой выбор... Хотя, естественно, подруг у него было предостаточно.

Глиннес снова почувствовал какую-то недоговоренность, мать знала о чем-то таком, о чем не спешила делиться с сыном. Ему даже стало как-то немного обидно, но он решил не высказываться об этом вслух. Не дело было начинать свою новую жизнь с выяснения отношений.

— А где твоя офицерская форма? — спросила Марча весело, даже как-то задиристо. — Мне так хотелось увидеть тебя в мундире капитана Гвардии.

— Я подал заявление об уходе в отставку и решил вернуться домой.

— Вот оно что, — упавшим голосом произнесла Марча. — Мы, разумеется, рады тому, что ты теперь дома, но ты уверен, что поступаешь разумно, отказываясь от карьеры?

— Я уже от нее отказался. — Несмотря на принятое чуть ранее решение, Глиннес едва сдержал копившийся в нем гнев. — Я нужен здесь сильнее, чем в Гвардии. Наша усадьба разваливается прямо на глазах. Как это так, что Глэй даже не удосужился хоть что-нибудь сделать?

— Он большую часть времени занят... ну, можно сказать, общественной деятельностью. Он теперь в своем роде весьма важная персона.

— И это помешало ему починить хотя бы ступеньки? Они почти полностью сгнили... Или — я видел дым над Эмблом. Глэй теперь живет там?

— Нет. Мы продали остров Эмбл одному из друзей Глэя.

Глиннес, пораженный этими словами, едва не поперхнулся.

— Вы продали остров Эмбл? Какая же это причина могла... — Он привел в порядок мысли. — Остров Эмбл продал Шира?

— Нет, — холодно ответила Марча. — Отказаться от прав на него решил Глэй и я.

— Но ведь... — Глиннес примолк на полуслове, а затем произнес, тщательно подбирая слова:

— Я ни в коем случае не желаю расставаться ни с островом Эмбл, ни с какой-либо иной частью наших земель.

— Мне кажется, что в отношении продажи уже ничего нельзя изменить. Мы исходили из того, что ты намерен сделать карьеру в Гвардии и вряд ли уже вернешься домой. Естественно, знай мы, насколько близко ты примешь это к сердцу, мы бы учли твои чувства.

— Мое непоколебимое мнение заключается в том, что нам следует аннулировать эту сделку, — подчеркнуто вежливо произнес Глиннес. — В наши намерения определенно не входит уступка прав на остров Эмбл¹.

— Но, мой дорогой Глиннес, они уже уступлены.

— Никоим образом — мы немедленно вернем полученные за остров деньги. Кстати, где они?

— Об этом тебе придется спросить Глэя.

Глиннесу вспомнился язвительно насмешливый Глэй десятилетней давности, который всегда оставался равнодушным к насущным потребностям Рабендари. Тот Глэй вполне бы мог принять серьезные решения, которые оказались бы совершенно несуразными и более того, оскорбительными для памяти его отца Джата, который души не чаял в каждой пяди своей земли.

— Сколько же озовов вы взяли за Эмбл?

— Двенадцать тысяч.

Глиннес был настолько разгневан и ошеломлен, что слова его звучали резко, как удары бича.

— Да это же все равно, что отдать задаром! За такое красивейшее место, как остров Эмбл да еще с особняком в прекрасном состоянии? Кто-то точно сошел с ума!

— Кому-кому, но не тебе возмущаться! — сверкнув черными глазами, воскликнула Марча. — Тебя не было здесь, когда ты нам так был нужен, и не тебе донимать нас мелочными придирками.

— Я вовсе не собираюсь ограничиться придирками — я намерен сделать все, чтобы аннулировать сделку. Если Ширы нет в живых, то я — сквайр Рабендари, и никто, кроме меня, не имеет права продавать мою землю.

— Но ведь мы не знаем, жив Шира или нет, — с наигранным простодушием подчеркнула Марча. — Он, может быть, всего-навсего отправился навестить друзей.

— И тебе знакомы кто-нибудь из таких «друзей» или «подруг»? — вежливо спросил Глиннес. Марча надменно вздернула плечи.

— Нет, пожалуй. Но ты ведь помнишь Ширу. Он так и не изменился.

— После двух месяцев отсутствия он непременно вернулся бы домой.

— Мы, естественно, надеемся на то, что он жив. Фактически мы не имеем права считать его умершим еще почти четыре года, таков закон.

— Но к тому времени сделка давно уже окажется вступившей в законную силу! Зачем нам расставаться с любой частью нашей такой замечательной земли?

— Нам нужны были деньги. Разве недостаточно одной этой причины?

— А зачем вам вдруг так понадобились деньги?

— Тебе лучше бы задать этот вопрос Глэю.

— Я так и сделаю. Где он?

— В самом деле — не знаю. Но он, по всей вероятности, вернется домой в самом скором времени.

¹ В соответствии с действующим на Труллионе законодательством договор о продаже земли в течение года после его заключения расценивается только как предварительная договоренность о намерениях для защиты интересов обеих сторон.

— У меня есть еще один вопрос: это палатки треван на опушке леса?

Марча кивнула. К этому времени им обоим надоело рассыпаться в притворных любезностях.

— Пожалуйста, не вздумай осуждать за это ни меня, ни Глэя. Шира позволил им расположиться на нашей земле, а вреда от них никакого.

— Пока что, возможно, и нет, но ведь цыплят по осени считают. Тебе известен наш последний опыт общения с треванами. Они украли все кухонные ножи.

— Дроссеты совсем не такие, — возразила Марча. — По сравнению с другими треванами они кажутся вполне заслуживающими доверия.

Глиннес всплеснул руками.

— С тобой бессмысленно спорить. Одно последнее слово об Эмбле. Шира, несомненно, был бы категорически против продажи острова. Если он жив, то вы действовали без разрешения с его стороны. Если он мертв, вы действовали без моего разрешения, и я настаиваю на том, чтобы сделка была аннулирована.

— С этим вопросом разбирайся, пожалуйста, с Глэем, — равнодушно пожав плечами (от внимания Глиннеса не ускользнуло, что плечи у нее все такие же нежные и прекрасные, как и много лет назад), ответила Марча. — Мне, клянусь, очень уж наскучила эта тема.

— Кто приобрел остров Эмбл?

— Некто Льют Касагэйв, человек очень приятный и хорошо воспитанный. По-моему, он родом с какой-то иной планеты — слишком уж безупречные у него манеры, чтобы принять его за трилла.

Глиннес закончил есть и стал открывать привезенные им чемоданы.

— Я тут привез кое-какие мелочи. — Матери он протянул пакет, который она взяла, ничего не сказав при этом. — Вскрой его. Это тебе.

Она потянула за петельку и извлекла отрез пурпурной ткани с фантастическими птицами, вышитыми зелеными, серебряными и золотыми нитями.

— Какое совершенство! — изумленно воскликнула Марча. — Ну, Глиннес, подарок потрясающий!

— Это еще не все, — сказал Глиннес и стал извлекать другие пакеты, а Марча принялась тут же их раскрывать, не в силах сдерживать свой восторг. В отличие от большинства триллов, обладание ценными вещами приносило ей огромное удовольствие.

— Вот это — звездные кристаллы, — сказал Глиннес. — У них нет никакого другого названия, их как раз такими, с уже как бы отшлифованными гранями и всем остальным, находят среди шлама, покрывающего поверхность потухших звезд. Ничто не может их поцарапать, даже алмаз, и к тому же у них совершенно необычные оптические свойства.

— О, они такие тяжелые!

— А вот это старинная ваза, никто толком не знает, сколько ей лет. Надпись на днище, говорят, выполнена на языке эрдов.

— Восхитительная вещица!

— Ну а это не имеет такой уж особой ценности, просто привлекло мое внимание своей необычностью — щипцы для орехов в виде морды фантастического зверя. По правде говоря, я откопал их в одной из лавчонок среди всякого старья.

— Но с каким искусством выполнена эта вещица. Она, ты считаешь, для раскалывания орехов?

— Да. Закладываешь орех между вот этими челюстями и прижимаешь сзади... А вот это для Глэя и Ширы — ножи, выкованные из протеума. Режущие кромки представляют из себя единую цепочку из взаимосвязанных молекул — совершенно неразрушаемый сплав. Таким ножом можно сколько угодно ударять о сталь, и он никогда не затупится.

— Глэй будет в восторге, — чуть сдержаннее, чем раньше, произнесла Марча. — И Ши́ра тоже будет очень доволен.

Глиннес скептически фыркнул, а Марча не без душевной борьбы проигнорировала этот выпад сына.

— Большое тебе спасибо за подарки. Они, по-моему, просто замечательные. — Она взглянула на открытую на веранду дверь, из которой просматривался причал. — А вот и Глэй.

Глиннес вышел из дома и стал дожидаться брата на веранде. Глэй, поднимаясь по дорожке, вдруг остановился, но особого удивления не высказал. Затем снова зашагал, но уже медленнее. Глиннес спустился по ступенькам, и братья принялись радостно хлопать друг друга по плечам.

На Глэе, как сразу же заметил Глиннес, был не обычный парай триллов, а серые брюки и темный пиджак.

— Добро пожаловать домой, — произнес Глэй. — Я встретил Харрада-младшего. Он сказал мне, что ты уже здесь.

— Я очень доволен тем, что вернулся домой, — сказал Глиннес. — Тебе и маме было, наверное, очень неуютно здесь. Но теперь, когда я здесь, мы быстро сумеем сделать дом таким, каким он всегда был раньше.

— Да, — как-то неопределенно покачав головой, произнес Глэй. — Жизнь как бы приостановилась. Но теперь все определенно меняется, я надеюсь, к лучшему.

Глиннесу показалось, что он не очень-то понимает, о чем говорит Глэй.

— Нам очень многое нужно обсудить. Но самое главное — я очень рад тебя видеть. Ты теперь выглядишь таким повзрослевшим, таким умудренным жизнью и, как это повернее сказать, таким уверенным в себе.

Глэй рассмеялся.

— Когда я оглядываюсь назад, я вижу, что всегда слишком много размышлял и пытался разгадать слишком уж большое количество загадок. Все это я давно уже забросил. Я, так сказать, разрубил гордиев узел.

— Каким же образом?

Глэй умоляюще закатил глаза.

— Все это слишком сложно, чтобы объяснить так сразу... Ты тоже прекрасно выглядишь. Служба в Гвардии пошла тебе на пользу. Когда ты должен туда вернуться?

— В Гвардию? Никогда. Я взял расчет, поскольку я теперь, кажется, сквайр Рабендари.

— Да, — бесцветно заметил Глэй. — У тебя преимущество в целый час передо мною.

— Пройдем в дом, — предложил Глиннес. — Я привез тебе подарок. И кое-что для Ши́ры. Сам ты что думаешь — он мертв?

Глэй печально кивнул.

— Другого объяснения не существует.

— И я так считаю. А вот мама уверена в том, что он «в гостях у друзей».

— В течение двух месяцев? Такое исключено.

Они вошли в дом, и Глиннес вынул нож, который он приобрел в Лаборатории новых технологий в Бореаль-Сити на планете Мараньян.

— Будь поосторожнее с лезвием. Можно порезаться даже при малейшем прикосновении к нему. Но им можно перерубить толстый стальной стержень без всякого вреда для него самого.

Глэй осторожно взял нож и с опаской провел взглядом вдоль невидимой кромки.

— Мне как-то даже страшно смотреть на него.

— Да, этот нож почти что волшебный. Второй нож, поскольку Ши́ры нет в живых, я оставлю у себя.

— У нас нет полной уверенности в том, что Ши́ра умер, — отозвалась Марча из дальнего конца комнаты.

Оба брата оставили это заявление матери без ответа. Глэй положил свой нож на каменную доску.

— Нам не мешало бы разобраться в отношении острова Эмбл, — произнес, усевшись поудобнее, Глиннес.

Глэй прислонился к стене и исподлобья взглянул на Глиннеса.

— Тут уж ничего не добавить, ни убавить — я продал остров Льготу Касагэйву.

— Эта сделка не только неразумна, она незаконна. Я намерен аннулировать договор о продаже.

— В самом деле? И каким же образом ты этого добьешься?

— Мы вернем деньги и велим Касагэйву убраться. Все крайне просто.

— Если ты располагаешь двенадцатью тысячами озолов.

— Я — нет, но вот ты располагаешь.

Глэй медленно покачал головой.

— Их больше нет у меня.

— Тогда где же деньги?

— Я отдал их.

— Кому?

— Некому Джуниусу Фарфану. Я отдал их, он взял. Я не могу забрать их у него назад.

— По-моему, нам следовало бы встретиться с Джуниусом Фарфаном — и сделать это немедленно.

Глэй снова покачал головой.

— Пожалуйста, не ворчи на меня за судьбу этих денег. Твоя доля остается у тебя — ты теперь сквайр Рабендари. А остров Эмбл позволь мне считать своей долей.

— Ни о каких долях даже и речи быть не может. Так же, как и о том, что кому принадлежит, — возразил Глиннес. — Рабендари принадлежит нам обоим в равной степени. Это наша родина.

— Если следовать формальной букве закона, то это действительно так, — сказал Глэй. — Но я предпочитаю рассматривать данный вопрос иначе. Как я уже тебе говорил, все сейчас меняется самым коренным образом.

Глиннес откинулся к спинке стула, не в силах выразить словами охватившее его негодование.

— Давай оставим все так, как есть, — устало произнес Глэй. — Я взял себе Эмбл, ты — Рабендари. Разве это, в конце концов, не справедливо? Я уезжаю отсюда и оставляю тебя полновластным хозяином Рабендари.

Глиннес попытался было громко воспротестовать, но слова застряли у него в горле.

— Выбор за тобой, — единственное, что ему удалось вымолвить. — Надеюсь, ты еще передумаешь.

Глэй в ответ только загадочно улыбнулся, что было истолковано Глиннесом, как желание вообще уклониться от ответа.

— Есть у меня еще один вопрос, — сказал Глиннес. — Относительно расположившихся на нашей земле треван.

— Это Дроссеты, люди, с которыми я странствовал по Труллиону. Ты возражаешь против их присутствия?

— Это твои друзья. Если ты сам так решительно настроен переселиться в другое место, то почему бы тебе не взять с собой и своих друзей?

— Я еще не знаю, куда я отправлюсь, — ответил Глэй. — Если ты хочешь, чтобы они ушли, то возьми и скажи им об этом. Ведь ты — сквайр Рабендари, а не я.

Марча снова вмешалась в разговор братьев.

— Никакой он еще не сквайр, пока окончательно не выяснится до конца судьба Ширы!

— Ширы нет в живых, — сказал Глэй.

— Все равно Глиннес не имеет права, вернувшись домой, сразу же создавать воображаемые трудности. Готова поклясться, он такой же упрямый, как Ширы, и такой же черствый, как его отец.

— Разве я создал трудности? — возмутился Глиннес. — Это вы сами натворили здесь черт знает что, а мне теперь надо раздобыть где-то двенадцать тысяч озов, чтобы спасти Эмбл, затем прогнать отсюда эту шайку треван, пока они не созвали сюда все свое племя. Хорошо, что я еще вовремя вернулся домой, пока у нас есть все-таки свой дом.

Глэй с каменным выражением лица налил себе кружку яблочного вина, всем своим видом показывая, что все это ему до чертиков успело наскучить... С поля за домом донесся стонущий, скрипучий звук, затем чудовищный грохот. Глиннес тотчас же вышел на заднее крыльцо глянуть, что же произошло, затем вернулся и бросил Глэю прямо в лицо:

— Твои друзья только что срубили одно из самых старых наших ореховых деревьев.

— Одно из твоих деревьев, — слегка улыбнувшись, уточнил Глэй.

— Не угодно ли тебе сказать им, чтобы оставили нас в покое?

— Они не обратят на меня никакого внимания. Я задолжал им множество различных любезностей, оказанных ими.

— У них есть имена?

— Глава — Ванг Дроссет. Его спутница — Тинго. Сыновей зовут Эшмор и Харвинг. Дочь — Дьюссана. Старуха — Иммифальда.

Глиннес извлек из багажа оставленный ему за добросовестную службу пистолет и сунул в карман. Глэй наблюдал за этим, скривив губы в язвительной усмешке, затем шепнул что-то Марче.

Глиннес быстрым шагом пересек луг. Приятный, не слепящий свет послеполуденного солнца, казалось, прояснял цветовую гамму ближнего плана и создавал впечатление, будто дали сами по себе издают мерцающий блеск. Множество самых различных чувств переполняло сердце Глиннеса: печаль, тоска по добрым старым временам, гнев на Глэя, который ему никак не удавалось смягчить.

Он подошел к стоянке треван. Шесть пар глаз настороженно следили за каждым его шагом, пытаясь еще по внешнему виду и манере держаться выяснить, что он из себя представляет. Особой опрятностью стоянка не отличалась, хотя, с другой стороны, была не такой уж и грязной — Глиннесу доводилось видеть стоянки в куда более худшем состоянии. Разведены были сразу два костра. У одного из них мальчик время от времени поворачивал шампур с нанизанными на него от одного конца до другого пухлыми лесными курочками, по сути еще цыплятами. Из котла над другим костром исходил острый запах полевых трав — Дроссеты варили специфическое треванское пиво, от частого употребления которого их глазные яблоки приобретали поразительно желто-золотистый оттенок. У женщины, помещивающей пиво, было сосредоточенное, с острыми чертами лицо. Волосы ее были выкрашены в ярко-красный цвет и свешивались с затылка двумя косами. Глиннес предпочел держаться от нее подальше, сторонясь зловония.

Навстречу ему, оставив в покое сваленное дерево, с ветвей которого он собирал орехи, вышел мужчина. За ним, стараясь не отставать от него, показались двое здоровенных парней. У всех троих черные брюки были засунуты в черные сапоги с голенищами «гармошкой», свободные рубахи из светло-коричневого шелка, цветные платки на шее — типичный наряд треван. На голове у Ванга Дроссета была плоская черная шляпа, из-под которой непослушно выбивались роскошные каштановые волосы. Кожа у него была необычного бисвитно-коричневого цвета, глаза, как бы подсвеченные изнутри, источали желтоватый

блеск. Всем своим видом он производил очень внушительное впечатление. «С таким человеком шутки плохи», — подумалось Глиннесу.

— Это вы — Ванг Дроссет? А я — Глиннес Халден, сквайр острова Рабендари. Настоятельно рекомендую покинуть эту стоянку.

Ванг Дроссет подал знак сыновьям, и они принесли пару плетеных стульев.

— Садитесь и подкрепитесь слегка чаем, — предложил Ванг Дроссет. — А уж после этого и обсудим наш уход отсюда.

Глиннес улыбнулся и отрицательно мотнул головой.

— Я предпочитаю стоять.

Если он сядет и разопьет с траванами чай, он тем самым станет им хоть чем-то обязанным, и они тогда смогут выпрашивать у него определенные послабления. Чтобы не встречаться с взглядом Ванга Дроссета, он посмотрел на мальчика, переворачивавшего шампур, и только теперь обнаружил, что это не мальчик, а изящная, хорошо сложенная девушка лет семнадцати-восемнадцати. Ванг Дроссет что-то коротко бросил ей через плечо. Девушка выпрямилась и направилась к поблекшей красной палатке. Перед самым входом в нее она обернулась. Даже одного мимолетного взгляда хватило Глиннесу, чтобы увидеть, какое красивое у нее лицо, какие от рождения золотые глаза и золотисто-огненные волнистые волосы, пышной короной обрамлявшие голову и спадавшие, прикрывая уши, на шею и плечи.

Ванг Дроссет осклабился, сверкнув белизной отличных зубов.

— Что касается стоянки, то я прошу разрешить нам остаться. Мы здесь ничему не причиняем вреда.

— В этом я не очень-то уверен. Соседство траван вызывает массу неудобств. Исчезает скот и домашняя птица, не говоря уже обо всякой утвари.

— Мы не украли у вас ни единой животины, — кротко произнес Ванг Дроссет.

— Вы только что уничтожили великолепное дерево — и только для того, чтобы было легче снимать с него орехи.

— В лесу полным-полно деревьев. Нам понадобились дрова. Не так уж велика потеря, не сомневаюсь в этом.

— Это для вас — невелика. А вы знаете, что я еще мальчиком играл на этом дереве? Вот, посмотрите. Это я поставил здесь отметину. А вот на этой развилке я соорудил шалаш, в котором даже иногда спал по ночам. Как я любил это дерево!

Ванг Дроссет слегка скривился при мысли о том, что человек может полюбить дерево. Двое его сыновей презрительно рассмеялись и, отойдя чуть в сторону, начали упражняться в метании ножей в цель.

— Дрова? — возмутился Глиннес. — В лесу навалом сушняка. Вам нужно только принести его сюда.

— Очень далекий путь для людей с больной спиной.

Глиннес показал на шампур.

— Эти птицы еще даже наполовину не выросли. Они еще не вывели потомства. Мы охотимся только на трехлетнюю дичь, которую, не сомневаюсь, вы уже всю выбили и съели, как, наверное, и двухлетнюю. А после того, как вы разделаетесь с однолетками, в этом лесу больше уже не будет птицы. А вон на том блюде — земляные яблоки. Вы их повырывали целыми пучками вместе со всей корневой системой, и тем самым уничтожили весь наш будущий урожай. А еще говорите, что вы не причиняете вреда! Вы зверски обращаете

тес с почвой. Ее плодородие не восстановится и через десять лет. Сворачивайте палатки, грузите свои фуры и уходите¹.

— Ваши слова звучат невежливо, сквайр Халден, — смиренно произнес Ванг.

— А разве выбирают выражения, когда отстаивают сохранность своей собственности? — спросил Глиннес. — Нет, конечно же. Вы слишком многое от меня требуете.

Ванг Дроссет отвернулся, прямо-таки шипя от злости, и стал смотреть куда-то вдаль. Эшмор и Харвинг теперь упражнялись еще в одном поразительном треванском искусстве, демонстрации которого Глиннесу никогда раньше не доводилось быть свидетелем. Они расположились на удалении примерно в десяток метров друг от друга, и каждый из них бросал по очереди нож в голову другого. Тот, в голову которого целился напарник, неуловимым взмахом своего ножа отбрасывал брошенный в его сторону нож и притом столь удивительным образом, что он, быстро вращаясь, взлетал высоко в воздух.

— Треване могут быть не только добрыми друзьями, но и заклятыми противниками, — тихо произнес Ванг Дроссет.

— Вы, наверное, слышали поговорку: «Хорошие треване живут восточнее Занзамара»², — ответил ему Глиннес.

— Неужели мы на самом деле такие плохие, как вам кажется? — спросил Ванг Дроссет еле слышным, вкрадчивым голосом. — Ведь наше присутствие на острове делает жизнь на нем более приятной! Мы будем играть чудесные мелодии на ваших праздниках, тешить ваши взоры замечательными танцами с ножами...

Он взмахом руки показал на своих сыновей, которые, высоко подпрыгивая и дергаясь всем телом, так быстро размахивали своими ножами, что они образовывали ярко сверкающие дуги.

То ли случайно, то ли в шутку, а может быть, и из жажды крови иноплеменника, но один из ножей оказался брошен прямо в голову Глиннеса. Ванг Дроссет издал хриплый нечленораздельный звук — может быть, пытаясь предупредить Глиннеса, а может быть, ликуя в душе. Глиннес же, давно уже предчувствуя недоброе, быстро пригнулся, и нож воткнулся в цель у него за спиной. Взмахнул его пистолет и исторг сноп синей плазмы. Один из концов шампура вспыхнул, и птичьи тушки попадали в уголья костра.

Из палатки стрелой вылетела Дьюссана, в глазах ее пылал огонь такой же безжалостный, как и плазма пистолета. Она схватила шампур и, не обращая внимания на то, что он обжигал ей руку, принялась сбрасывать с него дымящиеся тушки на землю, не переставая ни на мгновение выкрикивать ругательства и проклятья.

— Подлый уруш³, ты погубил наш ужин. Чтоб у тебя на языке выросла борода. Убирайся отсюда прочь со всеми своими потрохами, пока ноги целы. Мы тебя раскусили, фаншер ты этакий! Тебя сюда пригнал спэг⁴, от которого ума у тебя стало еще меньше, чем у такого бугая, как твой старший братец. А таких, как он, совсем немного...

Ванг Дроссет поднял сжатую в кулак ладонь. Девушка примолкла и принялась со злостью счищать землю с птичьих тушек. Когда Ванг Дроссет снова повернулся к Глиннесу, злорадная улыбка играла на его лице.

— Это очень недружественный поступок, — сказал он. — Вам не по душе наши забавы с ножами?

¹ На Труллионе «фурами» называют используемые треванами массивные лодки с колесами, способные передвигаться как по суше, так и по воде.

² Занзамар — город на крайней восточной оконечности мыса «Восход Солнца».

³ Уруш — на жаргоне треван унижительное прозвище любого мужчины из триллов.

⁴ Спэг — состояние крайнего умопомрачения, вызванное половым влечением, или мужчина в таком состоянии.

— Особого восторга не испытываю, — ответил Глиннес, после чего извлек свой собственный новый нож и, вытащив из цели треванский нож, снял с его лезвия стружку столь же легко, будто это был ивовый прутик. Дроссеты, как замороженные, следили за его действиями. Он же спрятал свой чудо-нож в чехол.

— Общедоступные земли всего лишь в миле отсюда, на левом берегу рукава Илфиш, — произнес Глиннес. — Если вы разобьете стоянку там, то это не вызовет чьего-либо недовольствия.

— Как раз оттуда мы сюда и перебрались, — вскричала Дьюссана. — Нас пригласил спэг Ши́ра. Вам этого разве недостаточно?

Глиннес никак не мог постичь причин для такой щедрости Ширы.

— Я считал, что это сделал путешествовавший с вами Глэй.

Ванг Дроссет снова подал знак девушке. Она резко развернулась и понесла птичьи тушки к кухонному столику.

— Завтра мы уходим отсюда, — уныло и вместе с тем зловеще произнес Ванг Дроссет. — Все равно нам никуда не деться от «форлоственны»¹. Мы всегда готовы тронуться в путь.

— Возможно, вы еще прихватите с собою и Глэя, — сказал Глиннес. — В нем тоже сидит «форлоственна».

Ванг Дроссет сплюнул на землю.

— Он теперь целиком поглощен «фаншерадом». Мы ему теперь не ровня.

— Как и вы тоже, — пробурчал Харвинг.

Фаншерад? Слово это для него ничего не значило, но не обращаться же за разъяснениями к Дроссетам! Он попрощался с ними и пошел прочь. Когда он пересекал поле, шесть пар глаз жалили его спину. С сердца у него отлегло только после того, как он вышел за пределы дальности метания ножей.

¹ Форлоственна — на жаргоне треван слово, обозначающее непреодолимое настроение, побуждающее срываться с места в далекие странствия, настроение куда более безотлагательное, чем описываемое выражением «охота к перемене мест».

Глава 5

Эвнесс — так называют в Шхерах тот скупой на свет час, что непосредственно предшествует заходу солнца. Это время тихой печали, когда блекнет все многоцветье природы, а дали просматриваются только в той мере, какую позволяет все более сгущающаяся туманная дымка, постепенно обволакивающая весь мир Шхер. Эвнесс, подобно заре, не очень-то приходящееся по нраву время для триллов. Не таков у них темперамент, чтобы с удовольствием предаваться грустным мечтаниям.

Возвратясь в дом, Глиннес никого в нем не застал. Глэй и Марча куда-то ушли, и отсутствие их повергло Глиннеса в тоскливое состояние. Он вышел на веранду и стал смотреть на палатки Дроссетов, все более склоняясь к тому, чтобы пригласить их на прощальный ужин — имея в виду, в основном, Дьюссану, девушку, несомненно, обворожительную, несмотря даже на крутой ее нрав и все остальное. Глиннес представил себе, как она могла бы выглядеть, будучи в хорошем настроении... Дьюсанна одним своим присутствием развеяла бы все его печали... До чего же нелепая мысль! Ванг Дроссет вырежет из его груди сердце при малейшем же подозрении.

Глиннес снова вернулся внутрь дома и налил себе вина. Затем открыл кладовку и задумался, рассматривая ее скудное содержимое. Куда подевалось то изобилие, которое запомнилось ему с прежних добрых времен!.. Послышался рокот движка и плеск разрезаемой носом моторки воды. Выйдя на веранду, Глиннес увидел приближающуюся к острову лодку. Но за рулем он увидел вопреки своим ожиданиям не Марчу, а худого длиннорукого мужчину с узкими плечами и острыми локтями, в темно-коричневом бархатном костюме с синей отделкой, пошитом по моде, которой старались придерживаться аристократы. Редкие коричневые волосы его свисали почти до самых плеч, невыразительное, даже кроткое лицо оживляли лукавые глаза и ироничный изгиб рта. В этом мужчине Глиннес узнал Джано Акади-ментора, который запомнился ему говорливым весельчаком, хотя временами бывавшим язвительным и даже способным на злые колкости, но умевшим из любого трудного положения выпутаться с помощью кстати вставленной поговорки, туманного намека или глубокомысленного высказывания, что на многих производило глубокое впечатление, но раздражало Джата Халдена.

Глиннес спустился на причал и, поймав швартов, закрепил к кнехту. Акади ловко спрыгнул на берег и сразу же рассыпался в горячих приветствиях.

— Я прослышал, что ты вернулся, и понял, что не смогу успокоиться, пока не увидаюсь с тобой. Мы все очень рады тому, что ты снова среди нас!

Глиннес с признательностью поблагодарил Акади за те приятные слова, что услышал от него, и тот стал трясти его за руку с еще большей горячностью, чем раньше.

— Боюсь, мы очень сильно изменились за время твоего отсутствия — многое, возможно, даже не очень-то придется тебе по душе.

— У меня еще по сути не было времени на то, чтобы разобраться, что к чему, — предусмотрительно произнес Глиннес, но Акади, не обращая внимания на его слова, смотрел на погруженный во тьму дом.

— Твоей дорогой матушки сейчас нет дома?

— Не знаю, куда она подевалась. Но это, как полагаю, не помешает нам пропустить кружку-другую вина.

Акади кивнул, давая понять, что нисколько не возражает, после чего они вдвоем направились вдоль причала по направлению к дому.

— Треване, как я вижу, все еще здесь, — заметил Акади, бросив взгляд в сторону леса Рабендари, на опушке которого виднелись оранжевые сполохи костра Дроссетов.

— Они уходят отсюда завтра.

Акади понимающе кивнул.

— Девушка очаровательна, но отмечена какой-то особой печатью — другими словами, она осознает, какая особая судьба ее ждет, и это ляжет тяжким бременем на ее сердце. Хотелось бы знать, с кем разделит она это роковое бремя.

Глиннес в недоумении взметнул брови — ему и в голову не приходило связывать с Дьюссаной столь ужасные мысли, однако оброненное Акади высказывание нашло неожиданно глубокий отклик у него в душе.

— Вы верно подметили — она производит впечатление незаурядной личности.

Акади уселся на одном из старинных соломенных кресел на веранде. Глиннес принес вино, сыр и орехи, и вместе с ним стал любоваться пастельными красками Труллионского заката.

— Ты, как я полагаю, приехал домой провести отпуск?

— Нет. Я ушел из Гвардии. Я теперь, похоже, сквайр Рабендари — если только не вернется Шира, что, как все считают, крайне маловероятно.

— Два месяца, в самом деле, наводят на самые худшие опасения, — несколько нравоучительным тоном изрек Акади.

— Что с ним, по-вашему, случилось?

Акади отпил немного вина, затем ответил:

— Несмотря на всю свою репутацию, мне известно об этом ничуть не больше, чем тебе.

— По правде говоря, для меня совершенно непостижимо создавшееся положение, — признался Глиннес. — Почему Глэй продал Эмбл? До меня это никак не доходит. Он же даже не собирается ни толком разъяснить мне причину, ни вернуть назад деньги, чтобы я мог аннулировать договор. Мне никогда даже в голову не приходило, что могу оказаться в такой запутанной ситуации. Что вы думаете обо всем этом?

Акади осторожно поставил кружку на стол.

— Ты хочешь проконсультироваться со мной, как с профессионалом? Только зря потратишь деньги, поскольку, если уж начистоту, я не вижу средства для решения возникших у тебя трудностей.

Глиннес тяжело вздохнул, призывая себя к терпению. Знакомая ситуация: перед ним снова тот самый Акади, с которым он никогда толком не знал, как себя вести.

— Если вы сможете оказаться полезным, я вам заплачу, — произнес Глиннес и не без удовольствия для себя заметил, как Акади проводит языком по внезапно пересохшим губам.

— Гм-м, — промямлил Акади, умышленно затягивая с ответом, чтобы привести в порядок мысли. — Естественно, я не стану требовать платы за досужие сплетни. Я должен доказать свою полезность, как ты верно заметил. Иногда различие между бытовым одолжением и профессиональной помощью совсем незначительно. Я предлагаю четко определить те условия, на которых будем сотрудничать.

— Можете назвать это консультациями, — сказал Глиннес, — поскольку дальнейшее рассмотрение вопроса будет зависеть как раз от полноты информации, которой я буду располагать.

— Очень хорошо. В отношении чего ты хотел бы заполучить информацию?

— В отношении общего состояния дел. Мне хочется овладеть ситуацией, но пока что я блуждаю в потемках. Прежде всего — остров Эмбл, продавать который Глэй не имел права.

— Нет проблем. Верни деньги и аннулируй договор.

— Глэй не отдаст мне этих денег, а своих собственных двенадцати тысяч озолов у меня нет.

— Щекотливая ситуация, — согласился Акади. — Шира, разумеется, отказывался продавать остров. Сделка была заключена только после его исчезновения.

— Гм-м. Что же вы предлагаете?

— Ничего. Я только разъясняю тебе факты, исходя из которых можешь делать выводы, какие сам пожелаешь.

— Кто такой Льют Касагэйв?

— Не знаю. Чисто внешне он как будто мирный, добропорядочный джентльмен, проявляющий любительский интерес к местной генеалогии. Он составляет обзор местной аристократии, так, во всяком случае, он мне говорит. Мотивы, которыми он при этом руководствуется, вполне могут выходить за рамки чисто научных исследований, это само собой разумеется. Может быть, он пытается обосновать претензии на тот или иной из местных титулов. Если это так, то нас ждут впереди весьма интересные события... М-мда. Что еще мне известно о загадочном Льюте Касагэйве? Он утверждает, что он — болианин с Эллен-та, значащегося, как тебе несомненно известно, в Скоплении Аластор за номером 485. Лично я очень в этом сомневаюсь.

— Почему?

— Я, как тебе известно, человек наблюдательный. После одного из ленчей в его имении я заглянул в свои справочники и обнаружил, что, хотя это и довольно странно, подавляющее число болиан составляют левши. Касагэйв все делает правой рукой. Большинство болиан крайне набожны и местом искупления своих грехов считают Черный Океан на Южном Полюсе Эллен-та, где прибежища душам умерших дают различные подводные существа. На Эллен-те употребление пищи водного происхождения расценивается как подчинение своего внутреннего мира пагубным влияниям, терзающим душу изнутри. Ни один болианин не ест рыбы. Тем не менее, Льют Касагэйв без малейших угрызений совести ублажал себя ухой из морского паука, а затем жареной рыбой-ныряльщиком с не меньшим удовольствием, чем я. Болианин ли Льют Касагэйв? — Акади воздел руки к небу. — Не знаю.

— Но для чего ему понадобилось скрываться под чужим именем? Если только не...

— Вот именно. И все же, объяснение может оказаться весьма банальным. Возможно, он всего-навсего болианин без предрассудков. Сверхподозрительность может привести к столь же опасным заблуждениям, как и простодушная наивность.

— Несомненно. Ну что ж, оставим его пока что в покое. Все равно я не в состоянии вернуть ему деньги, потому что не вернет их Глэй. Вам известно, куда он их подевал?

— Известно. — Акади чуть искоса глянул на Глиннеса. — Должен заметить, что информация более высокой категории, и мне нужно прикинуть причитающийся с тебя гонорар.

— Ладно, ладно, — успокоил его Глиннес. — Если он окажется непомерно высоким, вы всегда сможете уступить. Где деньги?

— Глэй отдал эти деньги некоему субъекту по имени Джуниус Фарфан, проживающему в Уэлгене.

Глиннес нахмурился, глядя на водную поверхность рукава Эмбл.

— Я уже слышал это имя раньше.

— Весьма возможно. Он — секретарь местной ячейки фаншеров.

— Вот как! Зачем Глэю нужно было именно ему отдавать деньги? Глэй, что ли, тоже фаншер?

— Если и нет, то очень близок к тому, чтобы стать им. Пока что он еще не перенял образ жизни и характерные особенности фаншеров.

— Странную серую одежду? — неожиданно осенило Глиннеса. — Особую прическу?

— Это чисто внешняя символика. Движение это, естественно, вызвало раздраженную реакцию, и притом небезосновательно. Заповеди Фаншерада откровенно противоречат общепринятым нормам и должны рассматриваться антиобщественными.

— Мне это ни о чем не говорит, — проворчал Глиннес. — До сегодняшнего дня я ничего не слышал о Фаншераде.

— Название происходит от одного из древних земных языков, — Акади перешел на столь любимый им поучительный тон. — И означает оргиастическое прославление неземного блаженства. Исходный принцип сам по себе не более, чем избитая истина: жизнь настолько драгоценный дар, что должен быть использован наилучшим образом. Разве с этим кто-нибудь станет спорить? Фаншеры же возбуждают враждебность к себе, когда пытаются воплотить эту мысль. Они считают, что каждый должен стремиться к достижению благородных целей и, если удастся, добиваться их. Если же ему сопутствует неудача, то он с достоинством воспринимает ее и удовлетворяется тем, что сделал все, что мог, для осуществления поставленных целей, таким образом не зря потратив свою жизнь. Если же удастся достичь поставленных целей... — Акади пожал плечами. — Разве в нашей жизни кто-нибудь остается в выигрыше? Не в накладе только смерть. И все же — в основе своей идеалы Фаншерада достойны восхищения.

Глиннес скептически скривился.

— Пять триллионов жителей Скопления — и все из последних сил чего-то домогающиеся? В таком случае покоя не будет ни для кого.

Акади, хитро улыбаясь, покачал головой.

— Пойми вот что: фаншерад — жизненная установка не для пяти триллионов. Фаншерад — это одинокий вопль отчаяния, протест заблудившегося в бесконечно огромной вселенной. Благодаря фаншераду отдельно взятый человек бросает вызов безвестности и отвергает ее, самоутверждаясь и громогласно заявляя о своей собственной значимости. — Акади сделал паузу, затем снова хитро улыбнулся. — Нетрудно заметить, кстати, что единственным подлинным фаншером, добившемся выполнения всех своих желаний, является Коннатиг.

Закончив тираду, Акади снова поднес к губам вино.

Солнце полностью скрылось за горизонтом. Высоко над головой повис плотный слой зеленоватых перистых облаков, будто изморозью покрывших небо. Обрывки их в южной и северной частях небосвода окрасились розовым, фиолетовым и темно-лимонным цветом. Какое-то время на веранде царило молчание. Первым его нарушил Акади, тихо произнеся:

— Теперь понятно, что такое фаншерад? Немногие из фаншерадов достаточно четко представляют себе эти свои новые убеждения — ведь большинство из них всего лишь дети, замученные праздностью, эротическими излишествами, обеспокоенные безответственностью и неряшливой внешностью своих родителей. Они считают предосудительными коч, вино, буйные пиршества — словом, любую расточительность во имя удовлетворения сиюминутных потребностей или особо острых ощущений. По всей вероятности, их основной целью является создание нового, совершенно отличного имиджа для самих же себя. Они насаждают безликость и единообразие в одежде и внешности исходя из того, что человека

нужно узнавать не по символам, которые он подбирает для того, чтобы выделиться среди других, а по его поведению.

— В общем, компания желторотых и неоперившихся недовольных, — проворчал Глиннес. — И откуда только берется у них нахальство бросать вызов столь огромному количеству людей, которые старше и мудрее их?

— Увы, — тяжело вздохнув, произнес Акади, — все это старо, как мир.

Глиннес подлил вина в кружки.

— Все это кажется глупым, ненужным и тщетным. Что нужно людям от жизни? Нам, триллам, вдосталь хватает всего, что есть в жизни хорошего: еды, музыки, развлечений. Неужели все это вредно? Ради чего еще жить? Фаншеры — это горгульи, визжащие на солнце.

— На первый взгляд их идеалы кажутся нелепыми, — сказал Акади. — И все же.., — тут он пожал плечами, — есть определенное благородство в их мировоззрении. Недовольные — но почему? Чтобы извлечь крупницы смысла из застарелого вздора? Отметить первозданный хаос печатью человеческой воли? Утвердить блистательное великолепие любой отдельно взятой души, живущей среди пяти триллионов ничем не примечательных, серых корпускул? Да, да и еще раз да — каким бы отчаянным и дерзким это ни было!

— Вы так завелись, будто сами фаншер, — неодобрительно бросил Глиннес.

Акади отрицательно покачал головой.

— Как бы я к этому не относился, но все это, увy, не для меня. Фаншерад — занятие молодежи. Я уже слишком стар для него.

— А как они относятся к хуссейду?

— Они считают его лишь видимостью активности, средством, только мешающим народу разобраться в истинном многоцветье и богатстве содержания такого явления как жизнь.

Глиннес едва не подскочил от изумления.

— Подумать только — при всем при этом треванка обозвала меня фаншером!

— Вот это пронизательность! — воскликнул Акади.

Глиннес сверкнул глазами на Акади, но увидел только выражение прямо-таки святой невинности.

— Каким образом начался фаншерад? Я не припоминаю такого течения.

— Исходный материал был уже подготовлен давно, так, во всяком случае, я себе это представляю. Требовалась только некоторая искра идеологии, не более того.

— И кто в таком случае идеолог фаншерада?

— Джуниус Фарфан. Он живет в Уэлгене.

— И мои деньги теперь у этого Джуниуса Фарфана!

Акади поднялся из-за стола.

— Я слышу рокот моторки. Это Марча. Наконец-то.

Он спустился к причалу. Глиннес последовал за ним. Оставляя за собой вспенившийся водяной веер, из рукава Илфиш вынырнула лодка, свернула в рукав Эмбл и подрулила к причалу. Глиннес взял у Глэя швартов и закрепил к кнехту. На причал грациозно выпорхнула Марча. Глиннес в изумлении глядел на ее одежду: платье в обтяжку из сурового белого полотна, высокие черные сапожки и черная, облегающая голову шляпка, скрывавшая волосы и подчеркивавшая ее сходство с Глэем.

Акади первым поздоровался с ней.

— К сожалению, я вас не застал. Зато получился очень приятный разговор у нас с Глиннесом. Мы обсуждали фаншерад.

— Как это мило! — воскликнула Марча. — И вам удалось обратить его?

— Едва ли, — произнес, ухмыльнувшись, Акади. — Чтобы семя проросло, нужно сначала бросить его в подходящую почву.

Глэй, держась в стороне, казался еще более язвительным, чем прежде.

— Вот у меня кое-что специально для вас, — продолжал Акади. — Вот это, — он вручил Марче небольшой пузырек, — сенсibilизаторы. Они повышают умственную восприимчивость и улучшают усвоение. Будьте с ними поосторожнее. Если принять более одной таблетки, то станете чрезмерно взыскательны к форме изложения, не воспринимая содержание. — Он передал Марче еще несколько книг. — Вот это учебник математической логики, это — материалы конференции по мини-хронике и, наконец, это — курс основ космологии. Все это важно для выполнения намеченной для вас программы.

— Очень хорошо, — несколько скованно ответила Марча. — Хотелось бы знать, чем мне вас отблагодарить за это?¹

— Чего-нибудь порядка пятнадцати озовов будет более, чем достаточно, — ответил Акади. — Только, разумеется, не торопитесь. Мне же надо теперь пускаться в дорогу. Уже почти совсем темно.

И все же Акади задержался до тех пор, пока Марча не отсчитала пятнадцать озовов и вложила их в его дряблую ладонь.

— Спокойной ночи, друг мой, — сказала она, прощаясь с Акади, после чего вместе с Глэем направилась к дому.

— А каков размер компенсации за то удовольствие, которое я получил, обременив вас необходимостью дать консультацию? — спросил Глиннес.

— Действительно обременили. Дайте-ка поразмыслить. Двадцать озовов, пожалуй, будет более, чем любезно с вашей стороны, если мои умозаключения оказались вам полезными.

Глиннес выплатил названную сумму, отметив про себя, что Акади заломил довольно высокую цену за свою осведомленность. Акади прыгнул в лодку и взял курс вверх по течению фарванского гирла реки Заур, а затем свернул в разветвляющийся в западном направлении рукав Вернис, чтобы затем, пройдя рукавом Тетрин, уходящим на север, оказаться на траверсе острова Сарпассант, где и был расположен принадлежащий ему старинный особняк.

Внутри дома на Рабендари зажглись огни. Глиннес неторопливо поднялся на веранду, где стоял поджидавший его Глэй.

— Я теперь знаю, что ты сделал с деньгами, — произнес Глиннес. — Ты отдал остров Эмбл за ради сущего вздора.

— Мы уже достаточно подробно обсудили сложившееся положение. Завтра утром я оставляю твой дом. Марча хочет, чтобы я остался, но мне кажется, что в любом ином месте мне будет куда спокойнее.

— Сделал свое грязное дельце и теперь ходу, вот как? — Наполненные злобой взгляды братьев встретились, Глиннес резко повернулся и прошел внутрь дома. Марча сидела за столом, просматривая принесенные Акади учебники. Глиннес уже открыл было рот, затем снова закрыл его и вышел на веранду, где сел и погрузился в тягостное раздумье. Через некоторое время из дома стали доноситься голоса Марчи и Глэя, тихо переговаривавшихся между собой.

¹ Вопрос «Сколько я вам должен?» на Труллионе, где бездумная щедрость является неотъемлемым элементом образа жизни, считается непроходимо глупым.

Глава 6

Утром Глэй собрал принадлежавшие ему вещи, и Глиннес отвез его в Зауркаш. За весь путь не было произнесено ни единого слова. Уже стоя на причале в Зауркаше, Глэй сказал:

— Я буду не слишком далеко, во всяком случае, в ближайшее время. Может быть, расположусь на Муниципальном острове. Акади будет знать, где меня искать в случае надобности. Постарайся быть поласковее с матерью. Жизнь у нее складывалась не очень-то счастливо, и если ей теперь хочется изображать из себя девушку, то что в этом такого уж плохого?

— Верни двенадцать тысяч озовов, и я, может быть, позабочусь о том, чтобы ты ни в чем не нуждался, — сказал Глиннес. — А пока что я ничего от тебя не ожидаю иного, как еще каких-нибудь глупостей.

— Что еще более глупо с твоей стороны, — ответил Глэй и покинул причал. Глиннес еще долго провожал его взглядом, затем, вместо того, чтобы вернуться на Рабендари, взял курс еще дальше на запад, в сторону Уэлгена.

Переход к Заливу Блэклин, в глубине которого располагался Уэлген, занял менее часа. Лодка Глиннеса быстро и легко скользила по идеально спокойной глади вод нескольких протоков, пересекавших дельту в поперечном направлении. Позади осталось главное русло могучей реки Карбаш, несшей свои воды с севера на юг и впадавшей в Южный Океан в миле к юго-востоку от Уэлгена.

Глиннес привязал лодку к общественному причалу, расположившемуся почти в тени трибун хуссейдного стадиона, каркас которого составляли серо-зеленые столбы из минасовых стволов, соединенные между собою черными стальными фермами. От внимания его не ускользнула огромная афиша с красными и синими надписями на светло-кремовом фоне:

ХУССЕЙДНЫЙ КЛУБ «ОЗЕРА ФЛЭЙРИШ
объявляет о наборе в команду для участия
в регулярных хуссейдных турнирах.
Лиц, желающих записаться в команду
и обладающих соответствующей спортивной подготовкой,
просим обращаться к секретарю клуба
ДЖЕРАЛУ ЭСТАНГУ
или непосредственно к спонсору клуба,
достопочтенному лорду ТАММАСУ ГЕНСИФЕРУ.

Глиннес дважды перечитал объявление. До него никак не доходило, где же это лорд Генсифер наберет достаточное количество талантливых игроков, чтобы составить из них

команду, которая могла бы достойно выступать в турнирах. Десятью годами ранее в Шхерах была добрая дюжина таких команд: «Уэлгенские Дьяволы Бури», «Неукротимые», представлявшие хуссейдный клуб из Альтрамара, «Гаспарские Чудотворцы», «Гиалоспаны из Воалияша»¹ с острова Большой Воуль. «Зауркашские Змеи» — представлявшие из себя довольно случайную и не очень дисциплинированную группу игроков, в которой в разное время играли и Джат, и Шира, и он сам, — «Латники из Лорессами», гордость хуссейдного клуба одноименного поселка, и несколько других, отличавшихся по уровню игры и характеризовавшихся повышенной текучестью состава. Жители Шхер проявляли огромный интерес к соревнованиям, за искусными игроками велась настоящая охота со стороны менеджеров и спонсоров, их частенько надували, хотя и заманивали доброй сотней различных способов. У Глиннеса не было ни малейших причин сомневаться в том, что точно такое же положение господствует в местном хуссейде и сейчас.

Глиннес побрел прочь от стадиона, но голову все сверлила и сверлила одна и та же навязчивая мысль. Плохо оплачиваемая хуссейдная команда теряла даже свои собственные деньги и, если ее никто не субсидировал, быстро распадалась. Среднеоплачиваемая команда имела равные шансы как оказаться в выигрыше, так и прогнуться — все зависело от умелого подбора команд-соперниц, от того, были ли они классом ниже или выше. Но удачливая агрессивная команда зачастую даже за один сезон успевала собрать обильную жатву, при дележе которой на одного игрока могло вполне прийти двенадцать тысяч озов.

В задумчивости Глиннес вышел на центральную площадь городка. Окружавшие ее здания показались ему чуть-чуть более поблекшими под действием непогоды, чем когда-то, несколько более разросшимися показались кусты местного винограда «калеписис», листва которых создавала тень в беседке перед входом в таверну «Ауде де Лис», и — на что теперь с особым беспокойством обратил внимание Глиннес — повсюду попадались на глаза девушки и парни либо в единообразной одежде фаншеров, либо в одежде, так или иначе напоминающей стиль фаншеров. Глиннес скривил губы в насмешливой ухмылке, испытывая отвращение к абсурдности всего этого. В центре площади, как и раньше, стоял прутаншир — квадратная платформа со стороной в двенадцать метров, с порталом над нею и небольшим возвышением для музыкантов сбоку от нее. В задачу музыкантов входило создание особой атмосферы покаяния, сопутствовавшей жестокому обычаю.

За десять лет на площади появилось не более двух новых зданий. Самым заметным из них была совсем еще недавно открытая таверна «Святой Гамбринус», возвышавшаяся на опорах из древесины минаса над расположенной на уровне земли открытой пивной, где четверо музыкантов-треван услаждали слух тех, кому еще с ночи не терпелось промочить горло.

Сегодняшний день был базарным. Уличные торговцы фруктами, овощами и рыбой расставили свои тележки по периметру площади. Все они были из урайев, народности столь же обособленной и своеобразной, как и треване. Триллы из Уэлгена и близлежащих деревень неторопливо прохаживались среди тележек с товаром, перебирали его, пытаясь оценить качество, торговались с продавцами и то и дело покупали тот или иной товар. Сельских жителей легко было узнать по их одежде — обязательному параю с кое-какими добавлениями, которые диктовала мода, удобство, каприз или определенные эстетические соображения: какая-нибудь безделушка здесь, бросающаяся в глаза аппликация там, цветастые шарфики и галстуки, вышитые жилетки, украшенные причудливыми узорами юбки, бусы, ожерелья, громко бренчащие браслеты, ленты и головные повязки, кокарды. Одежда городских жителей была не столь вычурна, и среди них Глиннес заметил немалое коли-

¹ В буквальном переводе «Гиалоспаны» — «Обнажающие девушек» как красноречивое напоминание о той незавидной участи, которая ждет шейлу команды — соперника.

чество людей в наряде фаншеров: искусно пошитых костюмах из добротной серой ткани и до блеска начищенных черных полусапожках. На головах у некоторых из них были круглые шляпы из черного фетра, полностью скрывавшие волосы. Среди приверженцев подобного стиля одежды встречались люди далеко уже не молодые, несколько даже смущавшиеся модной изысканности своего убранства. Совершенно необязательно, отметил про себя Глиннес, чтобы все они могли быть фаншерами.

К Глиннесу подошел худой длиннорукий мужчина в темно-серой одежде.

— Вы тоже? — спросил Глиннес, ошеломленно глядя на него с насмешливо презрительной улыбкой. — Кто бы мог поверить!

— А почему бы и нет? — без всякой тени смущения ответил Акади. — Что такого уж худого в мимолетном капризе? Мне доставляет удовольствие притворяться, будто я снова молод и зелен.

— И одновременно, должно быть, притворяетесь приверженцем фаншерады?

Акади пожал плечами.

— Позволю себе повториться — а почему бы и нет? Возможно, фаншеры слишком себя идеализируют; возможно, не в меру горячо брюзжат по поводу суеверности и чувственности остальных нас. И все же... — он примирительно развел руками, —... я таков, какой есть.

Глиннес неодобрительно покачал головой.

— Эти фаншеры ни с того, ни с сего вообразили, что одним им свойственна вся житейская мудрость, а их родители, которые дали им жизнь, жалки и убоги.

Акади рассмеялся.

— Мода приходит, мода уходит. Нелепые с виду причуды избавляют повседневность от скуки — так почему же отказывать себе в удовольствии следовать им? — Прежде, чем Глиннес смог ответить, Акади сменил тему. — Я рассчитывал встретить тебя здесь. Ты, естественно, разыскиваешь Джуниуса Фарфана, и так уж случилось, что я могу подсказать тебе, где можно его отыскать. Погляди вон туда — видишь заведение под «Святым Гамбринусом»? В глубине его, там, где самая густая тень, сидит фаншер, делающий какие-то записи в толстой бухгалтерской книге. Это и есть Джуниус Фарфан.

— Вот я сейчас и пойду к нему.

— Желаю удачи, — сказал Акади.

Глиннес пересек площадь и, войдя в пивную, подошел к столику, на который указал Акади.

— Это вы — Джуниус Фарфан?

Сидевший за столиком поднял голову. Глиннес увидел лицо с классически правильными чертами, правда, несколько бледноватое и отрешенное. Серый костюм со строгой элегантностью сидел на его худощавой фигуре, состоявшей, как казалось, только лишь из нервов, костей и сухожилий. Напоминавший по форме каску или шлем черный матерчатый головной убор, скрывавший прическу, еще сильнее оттенял бледный квадратный лоб и задумчивые серые глаза.

— Вы не ошиблись, — ответил Джуниус Фарфан, показавшийся Глиннесу еще моложе, чем он сам.

— Меня зовут Глиннес Халден. Глэй Халден — мой родной брат. Недавно он передал вам крупную сумму денег, порядка где-то двенадцати тысяч озовов.

— Верно, — нисколько не смутясь, подтвердил Фарфан.

— Я принес нехорошую весть. Глэй получил эти деньги незаконно. Он продал собственность, которая принадлежала не ему, а мне. Короче говоря, я хочу, чтобы эти деньги были возвращены.

Фарфана это заявление, казалось, нисколько не удивило и даже не очень-то беспокоило.

— Присаживайтесь, — произнес он, показывая на свободный стул. — Может быть, отведаете пива?

Глиннес сел, пододвинул к себе кружку.

— Спасибо. Так все-таки, где деньги?

Фарфан смерил Глиннеса спокойным взглядом.

— Вы, естественно, не питали особых надежд на то, что я вручу вам более двенадцати тысяч озолов прямо в мешке.

— Именно на это я и надеялся. Мне нужны деньги, чтобы истребовать назад принадлежащую мне собственность.

Фарфан, как бы извиняясь, вежливо улыбнулся.

— Ваши надежды неосуществимы, так как я не в состоянии вернуть деньги.

Глиннес громко стукнул кружкой по столу.

— Почему?

— Эти деньги уплачены за заказанное нами оборудование для фабрики. Мы намерены изготавливать товары, которые в настоящее время завозятся на Труллион с других планет.

Голос Глиннеса стал хриплым от ярости.

— В таком случае разыщите какие-нибудь другие деньги для своих надобностей, а мне верните мои кровные двенадцать тысяч озолов.

— Если эти деньги в самом деле были вашими, — спокойно согласился Фарфан, — я открыто признаю этот долг и буду рекомендовать возратить его с подобающими процентами с первой же прибыли нашего предприятия.

— И когда вы предполагаете получить эту прибыль?

— Не знаю. Мы надеемся каким-нибудь образом приобрести земельный участок — то ли взяв ссуду, то ли получив в дар, то ли арендовав у муниципальных властей конфискованную у кого-то землю в пользу общины. — Фарфан улыбнулся, и лицо его неожиданно стало совсем мальчишеским. — После этого мы должны возвести производственные здания, заказать сырье, освоить технологический процесс, начать производить и продавать товары, расплатиться за сырье, закупленное для изготовления первой промышленной партии, приобрести новое сырье и комплектующие изделия и так далее.

— Все это потребует довольно много времени, — произнес Глиннес.

Джуниус Фарфан нахмурился, затем закатил глаза.

— Давайте условимся на промежутке в пять лет. Если к тому времени вам все-таки захочется возобновить свои притязания, то мы сможем снова обсудить этот вопрос, надеюсь, к нашему взаимному удовлетворению. Как частное лицо, я очень вам сочувствую, — сказал Джуниус Фарфан. — Как секретарь организации, крайне нуждающейся в капитале, я только очень доволен, что удалось воспользоваться вашими деньгами. Насколько я полагаю, нам эти деньги куда нужнее, чем вам. — Он закрылgrossбух и поднялся из-за стола. — Всего хорошего, сквайр Халден.

Глава 7

Глиннес проводил взглядом Джуниуса Фарфана, который пересек площадь и стал обходить прутаншир, пока не скрылся за ним. Он добился как раз того, на что и рассчитывал — то есть ничего. Тем не менее, его негодование распространялось теперь на обходительного Джуниуса Фарфана в такой же мере, как и на Глэя. Но как бы то ни было, наступило время забыть об утраченных деньгах и попытаться отыскать новые. На всякий случай заглянул в бумажник, хотя и без того знал его содержимое: три купюры по тысяче озовов каждая, четыре по сотне и еще сотня в купюрах меньшего достоинства. Ему недоставало, таким образом, девяти тысяч озовов. Пенсия, с которой он вышел в отставку, составляла сто озовов в месяц, что было более, чем достаточно для человека в его положении. Он покинул пивную «Святой Гамбринус» и, перейдя на противоположную сторону площади, вошел в контору «Банка Уэлгена» и представился главному управляющему.

— Если коротко, — сказал Глиннес, — то я столкнулся вот с чем: мне нужны девять тысяч озовов для восстановления своих прав на остров Эмбл, который мой брат по ошибке продал некоему Льготу Касагэйву.

— Да, Льюту Касагэйву. Я помню эту сделку.

— Мне хотелось бы взять кредит на сумму в девять тысяч озовов, который я в состоянии погашать ежемесячно в размере ста озовов. Это та строго фиксированная сумма, которую перечисляет мне Гвардия. Вам абсолютно нечего опасаться за свои деньги, они будут возвращены в строго установленный срок.

— Если только вы не умрете. А что прикажете делать в этом случае?

Глиннес не предусмотрел такой возможности.

— Есть еще остров Рабендари, который я могу предложить в качестве залога.

— Остров Рабендари. Вы — владелец его?

— В настоящее время сквайр Рабендари — я, — произнес Глиннес и тут же почувствовал, что у него так ничего и не выйдет. — Мой брат Ши́ра исчез два месяца тому назад. Можно со всей достоверностью утверждать, что его уже нет в живых.

— Скорее всего, так оно и есть на самом деле. И все же, в таких делах мы не можем полагаться на такие не имеющие юридической силы термины, как «со всей достоверностью» или «скорее всего». Ши́ру Халдена нельзя считать умершим в течение четырех лет после его исчезновения. До истечения этого срока вы не можете являться законным владельцем острова Рабендари. Если только, разумеется, не докажете факт его смерти.

Глиннес раздраженно вздернул голову.

— Для чего поглубже нырнуть, чтобы спросить у мерлингов? Нелепица да и только!

— Я понимаю возникшие у вас трудности, но нам приходится иметь дело со многими нелепостями. Это не более, чем один из заурядных примеров.

Глиннес всплеснул руками, признавая свое поражение. Выйдя из банка, он вернулся к своей лодке, остановившись только лишь для того, чтобы еще раз перечитать объявление об учреждении хуссейдного клуба «Озера Флейриш».

Во время перехода на Рабендари Глиннес не раз и не два прикидывал свои финансовые возможности, но результат всегда получался один и тот же — девять тысяч озов были очень крупной для него суммой. По его оценке, максимальный доход, который он мог получить с Рабендари за год, составит, примерно, две тысячи в год, то есть почти в пять раз меньше требующейся ему суммы. Затем Глиннес сосредоточил свои мысли на хуссейде. Игрок сильной команды мог бы вполне заработать за год десять или двенадцать тысяч озов, если его команда будет играть достаточно часто и постоянно выигрывать. Лорд Генсифер, по-видимому, намеревается создать именно такую команду. Вот и прекрасно, если бы не одна маленькая загвоздочка — все остальные команды в округе изо всех сил стремятся точно к такой же цели, прибегая к хитроумным уловкам, интригуя друг против друга, раздавая громкие обещания, маня перспективами быстрого обогащения и славы — и все это только для того, чтобы привлечь одаренных игроков, избытка которых никогда не наблюдалось. Агрессивный хуссейдер может оказаться медлительным и неуклюжим, проворному может не доставать гибкости ума, тактического чутья или простой физической силы для того, чтобы отправить в воду своего противника. Каждое место предъявляет свои специфические требования. Идеальный форвард должен быть быстрым, ловким, дерзким, достаточно сильным, чтобы совладать с защитой и полузащитой противника. Полузащитник тоже должен быть быстрым и ловким, но самое главное — умелым в обращении с буфом, особым, набитым волосом спортивным снарядом, применяемым для того, чтобы отбиваться от противника или с его помощью опрокидывать их в воду, освобождая от них трассы или переходы. Полузащита составляет первую линию обороны от вторжений форвардов, защита же — последнюю. Защитники должны быть мощными и крепко стоящими на ногах, решительными в применении своих буфов. Поскольку от них редко требуется прибегать к помощи трапедий или перепрыгивать с одного ряда на другой, проворство не является существенным качеством для защитника. Однако идеальный игрок в хуссейд должен сочетать все эти качества: он должен быть сильным, умным, умелым, проворным и беспощадным. Такие игроки — огромная редкость. Как же в таком случае лорд Генсифер рассчитывает собрать команду, способную выступать в состязаниях достаточно высокого ранга? Когда Глиннес подумал об этом, он уже скользил по глади Озера Флейриш. И решил это выяснить, круто развернув свой скутер на юг, по направлению к Пяти островам.

Глиннес пришвартовал свою лодку рядом со стройной крейсерской яхтой лорда Генсифера и прыгнул на причал. Дорожка к особняку пролежала через парк. Когда он поднялся по ступенькам, входная дверь скользнула в сторону. Стоявший на пороге лакей в бледно-лиловой ливрее смерил его равнодушным взглядом. Его отношение к статусу Глиннеса выразилось в небрежном кивке.

— Что вам угодно, сэр?

— Не откажите в любезности доложить лорду Генсиферу о том, что ему хочет сказать несколько слов Глиннес Халден.

— Не угодно ли пройти внутрь, сэр?

Глиннес вошел в высокий шестиугольный вестибюль, пол которого был выложен блестящими плитками из серого и белого стелта¹. Высоко над головой висела роскошная люстра из доброй сотни лампочек и тысячи бриллиантовых подвесок. На каждой из стен пане-

¹ Стелт — высоко ценящийся материал, добываемый в жерлах вулканов на потухших звездах некоторых типов и представляющий из себя смесь металлов и вулканического стекла.

ли из светлой древесины редких пород обрамляли высокие узкие зеркала, отбрасывавшие во все стороны сияние огней люстры.

Лакей вернулся и провел Глиннеса в библиотеку, где Лорд Таммас Генсифер в темно-бордовом свободном халате сидел в непринужденной позе перед видеомонитором, просматривая хуссейд¹.

— Присаживайтесь, Глиннес, присаживайтесь, — предложил лорд Генсифер. — Может быть, хотите чаю или ромового пунша?

— Ромовый пунш, пожалуйста.

Лорд Генсифер показал на экран.

— Запись финальной игры прошлогодного первенства Скопления на стадионе в Нуменесе. В черно-красной форме «Кудесники» с планеты Сигра. В зеленой — «Непобедимые» с Зеленой Звезды. Потрясающая встреча. Вот смотрю ее уже в четвертый раз и каждый раз восторгаюсь вновь и вновь.

— Я видел «Непобедимых» года два-три тому назад, — сказал Глиннес. — Мне они показались тогда быстрыми и неотразимыми, как молнии.

— Они точно таковы и в этой встрече. Даже тогда, когда не обладают численным превосходством, все равно впечатление такое, будто успевают его создать в любое время в любой точке площадки. В защиту они отряжают совсем немного сил, но это им и не нужно из-за силы атак, которые они организуют.

Лакей подал ромовый пунш в покрывшихся изморозью серебряных кубках. Какое-то время лорд Генсифер и Глиннес молча наблюдали за игрой: выпадами и перемещениями, ложными атаками и хитрыми тактическими ходами, несомненно отчаянными проявлениями силы и ловкости, комбинациями, выполненными с таким мастерством, что даже не верилось, что можно столь точно рассчитать время, необходимое для концентрации сил в определенном месте и создания решающего численного превосходства. Следуя указаниям своих капитанов, игроки производили непрерывную перегруппировку сил, агрессивность их атак с каждым новым перестроением рядов повышалась все больше и больше, но на каждую уловку одной из сторон другая всегда находила столь же опасный ответ. И все же по мере продолжения встречи начал постепенно проявляться перевес «Непобедимых». Инсайды зеленых увели с центральной развилки одного из полузащитников «Кудесников», вперед рванулись защитники, но в образовавшуюся в связи с этим брешь проскользнул правый

¹ Площадка для игры в хуссейд представляет из себя металлическую решетку, состоящую из так называемых «трасс» и «переходов» и располагающуюся над бассейном с водой полутораметровой глубины. Трасса — длиной в три метра, переход — четыре метра. Трапеции позволяют игрокам перескакивать с трассы на трассу, но не позволяют перемещаться между переходами. Центральный ров около трех метров шириной и может преодолеваться по краям, через центр, или прыжком, если игрок достаточно прыгуч. По обеим сторонам игровой площадки, на лицевых линиях, располагаются платформы, на которых стоят шейлы.

Игроки битами-буфами или физическими приемами могут сталкивать противников в бассейн, при этом использовать руки для борьбы правилами запрещается.

Капитан каждой команды действует по сигналу лампы на метровой подставке. Если она горит, капитан не может атаковать и быть атакованным. Если он находится на расстоянии более двух метров от своего бакена, или когда он перемещает свой бакен на другую позицию, и лампа не горит, он может атаковать и быть атакованным. Если капитан опытен и силен, он практически не пользуется защитной зоной своего бакена; капитану менее умелому, в ответственные моменты игры лучше оставаться поближе к своему бакену.

Шейла на протяжении всего матча стоит на своей платформе у лицевой линии площадки между двумя голевыми участками бассейна. На ней белоснежное платье с золотым кольцом впереди. Игроки команды-соперника стремятся прикоснуться к этому золотому кольцу. Достаточно хоть раз потянуть за него, как шейла предстает перед зрителями совершенно обнаженной. Честь шейлы может спасти капитан, заплатив за это пятьсот озов, тысячу, две тысячи, или больше, в соответствии с оговоренной перед игрой ставкой.

край «зеленых», схватился за золотое кольцо у талии шейлы, и игра прекратилась до того времени, пока не будет уплачен выкуп за шейлу. Лорд Генсифер выключил монитор.

— «Непобедимые», чтобы выиграть первенство, проявили недюжинное мастерство — кому, как не вам, это известно лучше других. Доля каждого игрока составила четыре тысячи озов... Но вы навели меня не для того, чтобы обсуждать хуссейд. Или как раз из-за этого?

— Вы, в общем-то не ошиблись. Сегодня утром мне случилось побывать в Уэлгене и от моего внимания не ускользнуло объявление о создании нового клуба «Озера Флейриш».

Лорд Генсифер даже чуть привстал.

— Я — его спонсор. Это то, что я уже очень давно хотел сделать, но только теперь принял окончательное решение. Нашей базой будет Уэлгенский стадион, и теперь все, что еще остается мне сделать — это собрать команду. Вот вы, например. Вы еще играете?

— Я играл за свой дивизион, — сказал Глиннес. — Мы принимали участие в чемпионатах своего сектора.

— Звучит интригующе. Почему бы вам не попробовать силы в нашей команде?

— Вовсе не против, но сначала мне нужно выпутаться из одного щекотливого положения, в которое я попал. Я очень надеюсь на вашу помощь.

Лорд Генсифер осторожно прищурился.

— Буду рад, если смогу. В чем состоят ваши трудности?

— Как вам, по всей видимости, известно, мой брат Глэй продал без моего разрешения остров Эмбл. Денег за него он уже не вернет. По сути, они пропали.

Лорд Генсифер поднял брови.

— Фаншерад?

— Точно.

Лорд Генсифер сокрушенно покачал головой.

— Глупый юнец — вот кто он.

— Стоящая передо мной проблема заключается вот в чем. У меня есть принадлежащие лично мне три тысячи озов. Мне нужны еще девять тысяч, чтобы расплатиться с Льютом Касагэйвом и аннулировать договор о продаже.

Лорд Генсифер провел языком по губам и стал барабанить пальцами по подлокотнику кресла.

— Если Глэй не имел права продавать, то Касагэйв не имел права покупать. Финансовые вопросы, как мне кажется, должны решать между собой только Глэй и Касагэйв, а вы, как были, так и остаетесь законным владельцем острова.

— К несчастью, я не могу вступить в законные права владения островом, пока не докажу факт смерти Ширы, а это я никак не в состоянии сделать. Вот поэтому мне и нужны наличные и притом прямо сейчас.

— М-да, завидное положение, — согласился лорд Генсифер.

— Вот что я предлагаю: предположим, я стану играть за вашу команду — вы сможете авансировать меня девятью тысячами озов в счет моей доли в будущих выигрышах?

Лорд Генсифер откинулся к спинке кресла.

— Весьма рискованное капиталовложение.

— Вовсе нет — если вам удастся собрать хорошую команду. Хотя, по правде говоря, я что-то не усматриваю откуда вам удастся насобирать столько приличных игроков.

— Они все уже у меня здесь, — произнес лорд Генсифер, сжав ладонь в кулак и даже чуть приподнявшись в кресле. Его и без того розовое лицо покраснелось, как у разгорячившегося мальчишки. — Я наметил состав команды, которую расцениваю как сильнейшую среди всех, которые могут быть укомплектованы игроками из здешних мест. Вот послушайте. — Он вынул из кармана листок бумаги и начал читать. — Края: «Король» Лючо,

«Молния» Латкен. Инсайды: «Игла» Ялден, Гонниксен — «Золотое Кольцо». Полузащитники: «Гранит» Нило, «Буян» Уилмер Гафф. Защитники: «Отбойник» Мавельдип, «Медный Лоб» Холуб, Карбо Гилвег, Холберт Хэнигэтс. — Лорд Генсифер отложил листок и торжествующе поглядел на Глиннеса. — Что вы думаете об этой команде?

— Я слишком долго отсутствовал, — ответил Глиннес. — Мне знакома едва ли половина названных вами игроков. С Гонниксеном и Карбо Гилвегом я играл в одной команде, доводилось играть против Гаффа, ну, и еще против одного или двух. Они были хороши десять лет тому назад и сейчас, наверное, играют еще лучше. Все они уже зачислены в вашу команду?

— Ну... неофициально. Я придерживаюсь вот какой стратегии. Провожу переговоры с каждым игроком в отдельности. Показываю ему предполагаемый состав команды и спрашиваю у него, имеет ли он желание оказаться в ней. Стратегия беспроеигрышная. Каждому хочется подзаработать побольше хотя бы разнообразия ради. Никому и в голову не придет отклонить мое предложение. По сути дела, я уже установил контакт с двумя-тремя из этих ребят, и все они проявили большой интерес к моему начинанию.

— И где же вы усматриваете мое место в этой команде? Вы, надеюсь, не забыли о тех девяти тысяч озов, которые мне позарез нужны?

— Что касается вашего первого вопроса, — осторожно начал лорд Генсифер, — то вы не должны забывать о том, что я не видел, как вы играете сейчас. Насколько мне известно, вы стали медлительным и каким-то нерешительным... Куда это вы собрались?

— Спасибо за ромовый пунш, — сказал Глиннес.

— Одну минуточку. Нет никакой нужды лишний раз демонстрировать свой крутой нрав. Ведь я говорю сущую правду. Я не видел вас в деле вот уже десять лет. И все же, раз вы играли в команде — чемпионе сектора, вы, несомненно, в хорошей форме. Так какое место вы хотели бы занимать?

— Любое, кроме шейлы. В последнее время я играл инсайдом и полузащитником.

Лорд Генсифер подлил Глиннесу рому.

— Что-нибудь, несомненно, устроить можно. Но вы должны понимать мое положение. Моя цель — создать наисильнейшую команду. Если вы на своем месте наисильнейший, то будете играть за «Горгон». Если нет — что ж, нам потребуется замена. Это всего лишь здравый смысл — так что не стоит уж слишком волноваться.

— А что в таком случае вы можете сказать относительно девяти тысяч озов?

Лорд Генсифер сделал несколько глотков пунша, затем промолвил:

— По-моему, если все пойдет хорошо, а вы будете играть за клуб, то получите свои девять тысяч озов в качестве премиальных за очень короткое время.

— Другими словами — вы не проавансируете меня наличными?

Лорд Генсифер развел руками.

— Неужели вы вообразили, что озовы растут на деревьях? Мне самому деньги нужны не меньше, чем любому другому. По сути... — эх, что там вдаваться в подробности!

— Если вам так не хватает наличности, то из каких денег вы думаете образовать уставной фонд?

Лорд Генсифер беззаботно махнул рукой.

— Здесь нет проблем. В дело пойдет все, что нам удастся наскрести общими усилиями — например, ваши три тысячи окажутся весьма кстати. Ведь у всех у нас одна и та же цель.

Глиннес едва верил своим ушам.

— Мои три тысячи озов? Вы хотите, чтобы я авансировал уставной фонд? А вы берете себе долю владельца из общего выигрыша?

Лорд Генсифер, улыбаясь, откинулся к спинке кресла.

— А почему бы и нет? Каждый отдает все свои силы и средства общему делу и каждый имеет свою долю прибыли. Только так можно чего-нибудь добиться. И не стоит возмущаться по этому поводу.

Глиннес поставил на поднос свой кубок.

— Все делается совершенно не так. Игроки вкладывают свое мастерство, клуб заботится об общей казне. Я не дам вам ни озола. Я организую свою собственную команду.

— Одну минутку. Возможно, нам удастся выработать порядок, который удовлетворит всех нас. По правде говоря, я испытываю нехватку наличности. Вам нужны двенадцать тысяч озовов за один сезон. Ваши три тысячи ничего не стоят без недостающих девяти.

— Ну, так уж ничего не стоят! Они представляют из себя десять лет службы в Гвардии.

Лорд Генсифер пропустил мимо ушей это высказывание Глиннеса.

— Предположим, вы авансируете казну клуба своими тремя тысячами озовов. Первые же три тысячи озовов, которые мы заработаем, будут отданы вам. Вы вернете себе свои деньги, и потом...

— Такой постановки вопроса не допустят остальные игроки.

Лорд Генсифер почесал подбородок.

— Что ж, деньги могут быть отданы из доли клуба в выигрыше — другими словами, из моего собственного кошелька.

— Предположим, такого кошелька не окажется. Предположим, что мы проиграем мои три тысячи озовов? Что тогда? Ничего!

— В наши намерения не входит проигрывать! Будьте оптимистом, Глиннес!

— Мой оптимизм не распространяется далее принадлежащих мне денег.

Лорд Генсифер издал тяжелый вздох.

— Как я уже сказал, наше финансовое положение в данный момент находится в подвешенном состоянии... Предположим, мы договоримся вот как: вы авансируете казну клуба тремя тысячами озовов, мы же для начала подыщем себе пятитысячные команды, которые без труда разгромим и доведем общую казну до десяти тысяч озовов. Затем вступим в борьбу с командами, чей уставной фонд не менее десяти тысяч озовов. На этой стадии выигрыш будет распределяться, и три тысячи озовов вам будут возвращены из доли клуба — для этого потребуется одна, максимум две игры. С этого времени я начну давать вам в долг половину клубной доли до тех пор, пока вы не наберете необходимые вам девять тысяч озовов, которые вы сможете после этого по частям возвращать из своей обычной доли.

Глиннес попытался было произвести подсчет в уме.

— Я что-то ничего из этого не понимаю. Вы слишком уж далеко забежали.

— Все очень просто. Стоит нам выиграть пять десятитысячных игр, как вы получите нужные вам деньги.

— Если мы выиграем. Если же мы проиграем, то я останусь ни с чем. Даже без тех трех тысяч, которыми располагаю сейчас.

Лорд Генсифер помахал листом с составом команды.

— Эта команда не проиграет ни одной игры, заверяю вас в этом!

— У вас нет этой команды! У вас нет уставного фонда. У вас даже нет еще шейлы.

— Вот на это место отбою нет от претенденток, мой мальчик! На место шейлы в команде «Горгоны Флейриша»! Я уже переговорил с доброй дюжиной прелестных созданий.

— И все они, не сомневаюсь, имеют соответствующие удостоверения.

— Не бойся, мы сами это проверим! Подумать только, насколько это смешотворно! Голая девственница выглядит ничуть не лучше любой другой раздетой девки. Кто-то почует разницу?

— Команда. Это необъяснимо, согласен, но хуссейд сам по себе игра нелогичная, зачастую противоречащая всякому здравому смыслу.

— Вот за это я с удовольствием выпью! — провозгласил с некоторой горячностью лорд Генсифер. — Кому, черт побери, нужен этот самый здравый смысл? Разве что фаншерам и треванам!

Глиннес осушил кубок до дна и встал.

— Мне нужно вернуться домой и заняться своими собственными треванами. Глэй дал им полную свободу действий на Рабендари, и они принялись воровать все, что только попадется под руку.

Лорд Генсифер понимающе кивнул.

— Попробуй только не дать что-нибудь тревану — он возьмет вдвое больше, да еще и напакостит... Ну, а если вернуться к трем тысячам озовов, каково ваше решение?

— Я хочу все взвесить самым тщательным образом. Что же касается перечня игроков — сколько на самом деле дали свое согласие на участие в вашей команде?

— Ну... несколько.

— Я переговорю со всеми и узнаю, насколько серьезны их намерения.

Лорд Генсифер нахмурился.

— Гм-м. Давайте-ка еще поразмыслим над этим. Может быть, вы останетесь и пообедаете со мною? Сегодня вечером я совсем один, а обедать в одиночестве мне даже как-то неприятно.

— Это очень любезно с вашей стороны, лорд Генсифер, но я неподобающе одет для обеда в таком доме, как ваш.

Лорд Генсифер пренебрежительно махнул рукой.

— Сегодня мы отобедаем без особых церемоний — хотя я мог бы одолжить вам официальный наряд, если вы настаиваете.

— Никоим образом. С чего бы это мне быть таким щепетильным, если вы сами против всяких там формальностей.

— Сегодня мы пообедаем, не соблюдая условностей. Может быть, вам бы хотелось досмотреть до конца эту финальную игру?

— В общем-то, совсем не против.

— Прекрасно. Ралло! Свежего пуншу! Этот подрастерял свой смак.

Огромный овальный обеденный стол был накрыт для двоих. Лорд Генсифер и Глиннес сели напротив друг друга, разделенные белоснежным пространством скатерти. Серебро и хрусталь ярко сверкали в лучах, исходящих из многочисленных ламп люстры.

— Вам может показаться странным, — сказал лорд Генсифер, — что я могу вести такой, на первый взгляд, экстравагантный образ жизни и тем не менее быть без озола в кармане. Но все объясняется достаточно просто. Источником моих доходов являются капиталовложения, а вот с ними произошли некоторые неприятности. Старментеры разграбили несколько пакгаузов, и компания, в которую я вложил свой капитал, понесла огромные убытки. Со временем положение ее, разумеется, поправится, но пока что мои доходы едва ли покрывают расходы. Вам известно, кто такой Бэла Газзардо?

— Имя слышал. Старментер?

— Этот негодяй урезал мой доход почти что вдвое. Гвардия, похоже, никак не в состоянии с ним справиться.

— Рано или поздно, но его поймают. Выживают только те старментеры, которые остаются в тени. Но как только кто-либо приобретает известность, так сразу же наступает его черед.

— Бэла Газзардо — удачливый старментер вот уже в течение многих лет, — возразил лорд Генсифер. — Гвардия всегда оказывается в совсем ином месте.

— Рано или поздно, но его поймают.

Пока они так разговаривали, обед шел своим чередом, трапеза из доброй дюжины отлично приготовленных блюд, каждое из которых сопровождалось бутылками отменного вина. Глиннес даже задумался над тем, что жизнь в таком особняке, похожем на дворец, имеет немало привлекательных сторон, и в мечтах воспарил к такому будущему, где он зарабатывал бы двадцать или тридцать тысяч озолов, или даже все сто тысяч озолов, а Льют Касагэйв будет изгнан с острова Эмбл, освободив занимаемый им сейчас особняк. Вот будет тогда интересно заняться ремонтом, переоборудованием, меблировкой его! Глиннес увидел себя в роскошном наряде, принимающим у себя за столом целую толпу аристократов, таких, как, например, лорд Генсифер... И тут он рассмеялся при мысли об этом. Кого он станет приглашать на свои званые обеды? Акади? Харрада-младшего? Карбо Гилвега? Дроссетов? Хотя Дьюссана, в общем-то, выглядела бы необыкновенно прелестной в подобном окружении. Но воображение Глиннеса тут же включило в число гостей и всю остальную семейку, и возникшая перед его мысленным взором картина разлетелась вдребезги.

Уже было совсем темно, когда Глиннес в конце концов взобрался на борт своего скутера. Ночь выдалась ясная. Над головой висело бесчисленное количество звезд, увеличившихся в размерах до фонарей. Подогретый вином, величественными перспективами, которые открыл перед ним лорд Генсифер, опьяненный красотой ночного неба, отражавшегося в черной, зеркально гладкой воде, Глиннес на максимальной скорости пересек Озеро Флейриш и направил скутер в проток Зелм — этот путь был кратчайшим к родному Рабендари. В сравнении с величественным спокойствием Труллионской ночи собственные его неприятности были не более чем вызывающими некоторую досаду пустяками. Глэй и фаншерад? Всего лишь пунктик, шутовская гримаса, мимолетный каприз. Марча и ее безрассудства? Пусть себе тешится, — ей ведь в самом деле абсолютно нечем себя занять! Лорд Генсифер и его хитроумные планы? Они действительно могут осуществиться именно так, как надеется лорд Генсифер! Но ведь все это совершенно нелепо! Вместо того, чтобы увезти с собою одолженные девять тысяч озолов, он едва ноги унес при своих кровных трех тысячах! Отчаянная нужда в деньгах, вот что, несомненно, подумалось Глиннесу, толкает лорда Генсифера носиться с планами создания чудо-команды. Независимо от того, насколько он гостеприимен и насколько якобы откровенен, лорд Генсифер все равно такой человек, с которым нужно держать ухо востро.

А тем временем скутер продолжал нестись по рукаву Зелм мимо густых зарослей войлочных деревьев по берегам его, под шатром из переплетенных над головой ветвей лантингов с их характерной мягкой и белой корой. Еще минута-другая, и вот он уже на просторах рукава Эмбл, где слабый бриз покрыл мелкой рябью водную гладь, превратив ее в сверкающий отражениями звезд чуть полощущийся на ветру роскошный переливчатый ковер. Справа показался остров Эмбл, увенчанный мохнатыми веерами фанзанилов — на фоне усыпанного сплошь звездами неба веера эти казались черными чернильными кляксами. И вот, наконец, остров Рабендари, милый сердцу Рабендари, до боли родной причал. В окнах дома свет не горел. Неужели дома никого нет? Куда подевалась Марча? Скорее всего, отправилась «навещать друзей».

Скутер привалился бортом к причалу, Глиннес выбрался на старые, стонущие под его весом доски, быстро закрепил швартов и побрел к дому.

Где-то невдалеке послышался скрип обуви, крадущиеся шаги. Мелькнули какие-то тени, чьи-то темные силуэты перекрыли звезды, затем снова исчезли во тьме. Удары чем-то тяжелым обрушились на голову, затылок и плечи с такой силой, что огненные сполохи мелькнули в глазах, заскрежетали зубы, захрустели шейные позвонки, ноздри наполнились острым запахом нашатырного спирта. Глиннес упал на землю. Посыпался град тяжелых ударов по ребрам, по голове. Они, подобно ударам грома, жутким эхом отдавались в голове

и как будто заполнили собой весь окружающий мир. Он попытался было откатиться чуть в сторону, свернуться комком, но мускулы отказались повиноваться.

Удары ногами прекратились, ощущение теперь было такое, будто он плавает на поверхности чего-то настолько вязкого, что не дает возможности пошевелить ни единым членом. Как бы откуда-то со стороны он отметил, что чьи-то руки лихорадочно его обыскивают. В мозгу зазвенел хриплый шепот: «Нож достань, нож!» Еще несколько грубых прикосновений, затем повторный шквал страшных ударов ногами. Как показалось Глиннесу, где-то очень далеко раздался звонкий, беззаботный смех. Сознание его распалось, подобно каплям разлившейся ртути, на разрозненные фрагменты. Затем его охватило полнейшее ко всему равнодушие.

Шло время. Ковер из звезд неторопливо кружился высоко в небе. Медленно, очень медленно, с самых разных сторон отдельные фрагменты сознания начали снова собираться вместе.

Что-то сильное и холодное схватило Глиннеса за лодыжку, стало тащить вниз по дорожке, все ближе и ближе к воде. Глиннес застонал и растопырил пальцы, чтобы поглубже вцепиться ими в дерн, но это не помогло. Тогда он изо всех сил лягнулся, ноги его уткнулись во что-то мягкое, студнеобразное. Лодыжка освободилась. С огромным трудом приподнявшись на локти и колени, Глиннес медленно пополз вверх по дорожке. Мерлинг последовал за ним и возобновил свою хватку. Глиннес снова отшвырнул его ногами, и мерлинг заквакал с досады.

Корчась от боли, Глиннес перевернулся на спину. Извечные противники под усыпанным яркими звездами небосводом Труллиона, человек и мерлинг с ненавистью смотрели друг на друга. Затем Глиннес начал отползать назад, работая попеременно локтями и бедрами. Сначала на четверть метра, затем на полметра, затем еще ближе к дому. Видя, что добыча ускользает, мерлинг метнулся вперед. Спина Глиннеса ударилась о нижние ступеньки лестницы, что вела на веранду. Под ними на земле был сложен штакетник, нарезанный из ветвей старого шиповника. Глиннес перевернулся и начал на ощупь тыкаться руками под ступенькой. Пальцы его прикоснулись к одной из утыканной шипами штакетин. Мерлинг схватил его за ногу и снова поволок к воде. Глиннес бился о землю, как выброшенная на берег рыба, и, в конце концов, все-таки вырвавшись, снова пополз к веранде. Мерлинг издал омерзительный квакающий вопль и снова прыгнул вперед. Глиннес схватил одну из штакетин и ткнул ею прямо в пах обезумевшей от жадности твари. Она сразу же скорчилась в три погибели и отпрянула назад. Глиннес бочком, отталкиваясь ногами и одной рукой, кое-как поднялся по ступенькам. В другой руке он продолжал сжимать штакетину, готовый в любой момент снова пустить ее в ход, но мерлинг больше уже не осмеливался приближаться к нему. Глиннес заполз в дом и усилием воли заставил себя подняться на ноги, после чего проковылял к выключателю и зажег свет. Его шатало из стороны в сторону, пульс ударами молота отдавался в голове, только какие-то размытые силуэты плыли перед глазами. Каждый вдох отдавался адской болью — по всей вероятности, у него были сломаны несколько ребер. Ничуть не меньшая боль пронизывала бедра, особенно в тех местах, которые напавшие на него обрабатывали с особой яростью, пытаясь искромсать в кашу промежность и не сделав этого только из-за плохого освещения. Вдруг лицо его исказилось от еще одной, только сейчас возникшей боли — он не нащупал в кармане бумажника. Затем заглянул в голенище сапога — исчез его замечательный нож из протеума.

Глиннес едва не задохнулся от ярости. Кто все это сделал? Скорее всего, Дроссеты. А тот звонкий веселый смех, который ему врезался в память, еще сильнее укрепил его уверенность в этом.

Глава 8

Наступило утро, но Марча так и не вернулась домой. Глиннес решил, что она провела ночь с любовником, и даже был доволен, что ее не было дома. Она начала бы подробно разбирать каждый аспект его поведения с момента возвращения на Рабендари, у Глиннеса же было явно не то настроение, чтобы ее слушать.

Проснувшись, он еще долго лежал на диване, испытывая мучительную боль в каждой косточке и пылая лютой ненавистью к Дроссетам. Затем нетвердой походкой прошел в ванную и внимательно осмотрел свое лицо, разукрашенное в чернь и пурпур. В аптечке он нашел болеутоляющую настойку, принял немалую дозу ее и снова безвольно опустился на диван.

Он продремал всю первую половину, пока в полдень его не разбудила мелодичная телефонная трель. Проковыляв через всю комнату, он произнес в микрофон, стараясь не попасть в поле объектива видеокамеры:

— Кто звонит?

— Это Марча, — услышал он четкий голос матери. — Глиннес — это ты?

— Да, я.

— Тогда покажись. Мне не по себе, когда я разговариваю, не видя собеседника.

Глиннес громко нажал невпопад несколько кнопок на панели управления.

— Похоже, что залипла какая-то из кнопок. Вот теперь ты меня видишь?

— Нет. Впрочем, это не имеет такого уж большого значения. Я приняла решение. Акади давно уже приглашает разделить меня его кров, и теперь, когда ты вернулся и вскоре приведешь в дом женщину, я приняла его предложение.

Глиннес едва сдержал душивший его не очень-то веселый смех. Вот бы взревел от ярости его отец Джат!

— Я всей душой желаю тебе счастья, мама, и, пожалуйста, передай мои сердечные поздравления Акади.

Глаза Марчи округлились.

— Глиннес, твой голос звучит как-то странно. Ты здоров?

— Как бык — только вот немного охрип. После того, как ты обоснуешься на новом месте, я обязательно приду в гости.

— Вот и прекрасно, Глиннес. Побереги себя и будь, пожалуйста, помягче с Дроссетами. Если они хотят остаться на Рабендари, то что в этом плохого?

— Я серьезно обдумаю твой совет, мама.

— До скорого, Глиннес.

Экран погас.

Глиннес тяжело вздохнул и тут же лицо его перекосилось. Несколько ударов острой боли буквально пронзили его грудную клетку. Неужели сломано несколько ребер? Он

ощупал свою грудную клетку пальцами, посильнее надавливая в самых нежных местах, но так и не пришел к какому-либо определенному выводу.

Вынеся на веранду миску с овсяной кашей, он без всякого аппетита принялся за еду. Дроссеты, разумеется, убрались, оставив после себя множество всякого хлама и мусор, груды опавшей листвы и убогий туалет из веток и огромных листьев, обозначающий местоположение их стоянки. Совсем немного потрудившись ночью, они заработали три тысячи озов, да еще и получили немалое удовольствие, как следует отделав своего притеснителя. И сегодняшним утром покинули Рабендари в прекрасном настроении.

Глиннес подошел к телефону и позвонил Эгону Римболду, врачу из Зауркаша. Описав в общих чертах природу своего недомогания, он в конце концов уговорил Римболда нанести визит на Рабендари.

Выйдя, едва волоча ноги на веранду, Глиннес опустился в одно из старинных плетеных кресел. Открывавшийся с веранды вид был, как всегда, безмятежен. Бледно-голубая дымка укутала дали. Остров Эмбл казался сказочным плавающим островом. Мысли его спутались, стали беспорядочными... Марча, делая вид, будто презирает принятые в аристократической среде обычаи, именно в надежде выйти замуж за аристократа и стала-то хуссейдной принцессой, не убоившись риска подвергнуться жгучему унижению — или испытать неземное блаженство, — представ в обнаженном виде перед глазами тысяч зрителей. И взяла-таки себе в мужья сквайра Рабендари Джата Халдена. Наверное, где-то в подсознании ее всегда маячили контуры особняка на Эмбле, однако ничто не могло убедить Джата переселиться туда... И вот Джата не стало в живых, Эмбл продан, и Марча обнаружила, что теперь уже ничто не удерживает ее на Рабендари... Чтобы возвратить остров Эмбл, ему нужно было отдать Касагэйву двенадцать тысяч и разорвать договор. Или доказать факт смерти Ширы, лишив тем самым законности сделку о передаче острова. Но двенадцать тысяч озов не валяются на улице, а от человека, попавшего на обеденный стол мерлингов, очень редко что-нибудь остается... Глиннес стал рассматривать дорожку, спускающуюся от дома к причалу. Вон там его дожидались Дроссеты, прячась за кустами шиповника. Вон там они его избили. Вон там — следы, которые он оставил, пытаясь цепляться за дерн. А еще чуть ниже — безмятежная гладь фарванского русла.

Эгон Римболд прибыл в остроносом катере черного цвета.

— Покинув жаркие схватки в жарких краях, — произнес Римболд, — вы, похоже, угодили в нечто подобное у себя дома.

Глиннес рассказал ему о том, что произошло.

— Меня избили и ограбили.

Римболд бросил взгляд в сторону лесной опушки.

— Я что-то не усматриваю Дроссетов.

— Они ушли, но не забыты.

— Что ж, давайте-ка посмотрим, что мы можем для вас сделать.

После того, как Римболд тщательно обработал все ушибы и ссадины с помощью лучших на Аласторе лекарственных мазей, способствующих быстрому заживлению, Глиннес начал чувствовать себя сравнительно неплохо. Приводя в порядок и укладывая свой инвентарь, Римболд спросил:

— Как я полагаю, вы сообщили в полицию о нападении на вас?

— Честно говоря, мне это даже и в голову не пришло.

— Возможно, так-то оно и лучше. С Дроссетами лучше не связываться. Даже девчонка такая же бандитка, как и все остальные.

— Она у меня попляшет ничуть не меньше других, — пообещал Глиннес. — Не знаю, когда и каким образом я добьюсь этого, но никто из них не останется безнаказанным.

Римболд красноречивым жестом предложил ему умерить свой пыл, по крайней мере, быть поосторожнее и отчалил.

Глиннес еще раз внимательно осмотрел себя в зеркале. Теперь его внешность была куда более удовлетворительной, хотя и оставляла желать лучшего. Вернувшись на веранду и осторожно опустившись в кресло, он серьезно задумался над тем, как наилучшим образом отомстить Дроссетам.

Угрозы расправы могут принести какое-то удовлетворение, но в долгосрочной перспективе от этого вряд ли будет реальная польза.

Глиннеса охватило нетерпение. Все еще прихрамывая, он стал бродить по острову, заглядывая в каждый уголок, и не на шутку встревожился, видя повсюду запустение и беспорядок. Такое состояние было постыдным даже по далеко не строгим для триллов нормам, и Глиннес снова с раздражением подумал о Глэе и Марче. Неужели они не испытывали никаких теплых чувств к старому дому? Ничего, он приведет все в надлежащий порядок, и Рабендари станут таким, каким он ему запомнился в детстве.

Сегодня он еще слишком слаб, чтобы приняться за работу. За неимением никаких других дел, Глиннес осторожно забрался в скутер и, обогнув Рабендари с севера, направился к расположенному чуть западнее острову Гилвег, где в старом, много раз перестраивавшемся по мере увеличения семьи доме, жили его давнишние друзья Гилвеги. Остаток дня прошел в той типичной для триллов беззаботной и веселой праздности, которую фаншеры считали проявлением лени, неряшливости и распушенности. Глиннесу же такое времяпрепровождение заметно добавило настроения: он пел старинные песни под аккомпанемент гитар и гармоник, шумно возился с гилвегскими девчонками и всем этим настолько угодил Гилвегам, что они с охотой вызвались хоть завтра отправиться на Рабендари и помочь Глиннесу убрать все следы пребывания Дроссетов на острове.

Затем речь зашла, естественно, о хуссейде. Глиннес не преминул рассказать о своей встрече с лордом Генсифером и его планах создания команды «Горгоны Флейриша».

— Пока что, команда не более, чем список известных в округе имен. И все же, что, если все они соберутся вместе? Чего только на свете не бывает! Он хочет поставить меня в нападение, инсайдом. Я склоняюсь к тому, чтобы попытаться, пусть даже всего лишь из-за денег.

— Ха-ха, — воскликнул Карбо Гилвег. — Лорд Генсифер ни бельмеса не смыслит в хуссейде. И откуда у него могут появиться озолы? Вся округа знает, что он едва сводит концы с концами.

— Вовсе нет! — воспротестовал Глиннес. — Я обедал у него и могу поручиться, что он почти ни в чем себя не ограничивает.

— Может быть, но содержать сильную команду совсем иное дело. Ему понадобится большое количество комплектов формы и шлемов, солидная казна — тысяч пять озолов, не меньше. Сомневаюсь, что ему удастся реализовать свои замыслы. Кого он намеревается поставить капитаном?

Глиннес задумался.

— Я что-то не припоминаю, чтобы он кого-то выделил в качестве капитана.

— В этом-то и вся загвоздка. Если он начнет комплектование команды с пользующегося уважением капитана, то привлечет игроков даже более скептически настроенных, чем ты.

— Не думайте, что я такой уж простак! Я ничего ему не обещал, только выразил интерес к его планам.

— Тебе лучше бы обратить внимание на наших старых добрых зауркашских танхинар!
— воскликнул Ао Гилвег.

— Честно говоря, нам не помешала бы пара хороших форвардов, — сказал Карбо. — Наша задняя линия — уж кому-кому, а мне это известно лучше других — ничуть не уступает любой другой, а вот наших нападающих едва ли не силой приходится заставлять пересекать ров. Валяй к «Танхинарам»! Мы обчистим до последнего озола всю Префектуру Джолани.

— И насколько же велика ваша казна?

— Нам что-то никак не удастся преодолеть барьер в тысячу озов, — признался Карбо. — Мы то выиграем игру, то проиграем. Если честно, у нас очень неровный состав. Старик Неронави — совсем не тот капитан, который способен вдохновить команду. Его канатом не оттащить от бакена и знает он всего лишь три атакующих построения. Я лично еще способен кое-что подправить в наших построениях, но это вряд ли особенно поможет.

— Только что ты окончательно убедил меня пристать к «Горгонам», — сказал Глиннес. — Я помню Неронави десятилетней давности. С таким же успехом капитаном мог бы быть и Акади.

— Вялость и равнодушие — вот что мешает команде, — заметил Ао Гилвег. — Ее нужно хорошенько расшевелить.

— Вот уже два года у нас нет красивой шейлы, — продолжал жаловаться Карбо. — Женлио Уэйд — этак стояла себе мирно, как глупая телка, а когда потеряла платье, то только несколько смутилась, вот и все. Барсилла Клофорес — слишком высокая и тощая. Когда ее раздевали, никто даже не удосужился взглянуть на нее. Вот она, обидевшись, и ушла из команды.

— У нас тут есть красивые шейлы... — Гилвег показал большим пальцем на своих дочерей, Роланду и Беринду, —... но они предпочитают хуссейду несколько иные игры с парнями. Их теперь уже никак нельзя заявить в составе команды.

Солнце опустилось совсем низко к горизонту, пришла пора эвнесса, эвнесс сменился сумерками, сумерки с каждой минутой сгущались все больше, и Глиннеса убедили провести ночь с Гилвегами.

Утром он вернулся на Рабендари и сразу же принялся расчищать стоянку Дроссетов. Его внимание привлекла одна особенность. Точно на том месте, где был костер, в земле была вырыта яма глубиной в четыре штыка лопаты. Сама яма оказалась пустой. Никаких разумных объяснений, для чего нужно было вырывать яму в самом центре погашенного старого костра, Глиннес так и не нашел.

В полдень на Рабендари высадились Гилвеги, и через два часа на острове не осталось даже малейших следов бывшего присутствия здесь Дроссетов.

Тем временем женская половина Гилвегов приготовила роскошнейший обед, даже не заглядывая в кладовку Марчи, прекрасно понимая, насколько она скудна. Марчу они давно уже недолгоблюдали — она слишком многое о себе воображала.

Гелвеги теперь знали обо всех тонкостях неприятностей, обрушившихся на Глиннеса, и их участие в его судьбе простиралось от простого сочувствия до иногда даже противоречащих друг другу советов. Ао Гилвегу, главе семьи, уже доводилось несколько раз разговаривать с Льютом Касагэйвом.

— Весьма практичный субъект, голова которого переполнена самыми разными планами! Он здесь, на Эмбле, совсем не для того, чтобы поправить свое здоровье!

— Для чужеземцев в этом нет ничего необычного, — безапелляционно заявила его жена Клара. — Многих их я повидала, все они такие нервные, суетливые, такие привередливые. Никто из них толком не знает, что жизнь может быть совсем другая, вполне нормальная.

— Касагэйв то ли не в меру застенчив, то ли слепой, — заметил Карбо. — Даже когда совсем рядом проходишь с его лодкой, он чуть приподнимет голову и больше ни гу-гу.

— Воображает, что слишком уж большой он аристократ, — презрительно фыркнув, сказала Клара. — Он, видите ли, слишком благородный, чтобы знаться с таким простым человеком, как мы. Мы, видите ли, никогда даже не нюхивали тех вин, какими он балуется.

— А вы видели его слугу? — спросила Карренс, сестра Клары. — Ну и страхолюдина! По-моему, он — то ли горилла с Полгона, то ли вообще какая-то переводня. Его ноги никогда не будут в моем доме — чтоб я так жила!

— Что верно, то верно, — все тем же непрекращаемым тоном продолжала Клара. — У этого слуги вид отъявленного негодяя. Помогите: рыбак рыбака видит издалека! Льют Касагэйв, можете не сомневаться, такая же дрянь, как и его слуга!

Ао Гилвег протестующе взмахнул руками.

— Будет! Будет! Хоть немножко пошевелите-ка мозгами! Ведь ничего еще не доказано в отношении любого из этих двоих. По правде говоря, их даже ни в чем не обвиняют!

— Он незаконным образом присвоил себе Эмбл! Разве этого недостаточно?

— Его, может быть, ввели в заблуждение. Кто может поручиться, что это не так? А он, возможно, честен и ни в чем не повинен.

— Честный и невиновный человек отказался бы от незаконного приобретения!

— Точно! А может быть, Льют Касагэйв как раз и есть такой человек! — Ао повернулся к Глиннесу. — Ты обсуждал этот вопрос с самим Льютом Касагэйвом? Думаю, что нет.

Глиннес скептически поглядел в сторону острова Эмбл.

— Я, пожалуй, мог бы переговорить с ним. Но остается один непреложный факт: даже самый честный человек потребует вернуть его двенадцать тысяч олов, которые я пока что еще не в состоянии ему предложить.

— Отошли его к Глэю, которому он уплатил деньги, — посоветовал Карбо. — Ведь ему же надо удостовериться в том, что его права владения островом абсолютно законны до истечения годичного срока. Не то плакали его денежки, если вдруг возьмет и объявится Ши-ра!

— Все это очень странно, действительно, очень странно... Неужели он абсолютно точно знал, что Ширы нет в живых? Если это так, то наводит на самые жуткие размышления.

— Чушь! — воскликнул Ао Гилвег. — Бери лучше-ка быка за рога — ступай и поговори с этим человеком. Вели ему освободить принадлежащую тебе собственность, а за своими деньгами пусть обращается к Глэю, к тому, кому он их давал.

— Клянусь дюжиной дьяволов, вы правы! — обрадовался Глиннес. — Все это совершенно ясно и очевидно — ему абсолютно нечем крыть! Завтра же утром я все это именно так и разъясню ему.

— Не забывай о судьбе Ширы! — сказал Карбо Гилвег. — У этого человека, может быть, нет ничего святого!

— Возьми на всякий случай с собой оружие, — посоветовал Ао Гилвег. — Ничто так быстро не успокаивает, как крупнокалиберный бластер.

— В данный момент у меня нет никакого оружия, — пожаловался Глиннес. — Эти негодяи-треване дочиста меня обобрали. И все же, я сомневаюсь в том, что мне понадобится оружие. Если Касагэйв — а я на это надеюсь — достаточно благоразумен, мы быстро достигнем взаимопонимания.

Причал Рабэндари и остров Эмбл разделяло всего лишь несколько сотен метров спокойной воды, расстояние, которое Глиннес перекрывал бесчисленное число раз. Никогда раньше этот путь не казался ему таким долгим.

На острове Эмбл царила тишина. Только серый катер Касагэйва указывал на его присутствие на острове. Глиннес пришвартовал свой скутер и выпрыгнул на причал с той раскованностью движений, какую позволяли ему до сих пор еще нившие ребра. В соответствии с этикетом, перед тем, как начать подниматься по дорожке, он нажал кнопку звонка.

Особняк на Эмбле во многом напоминал особняк Генсифера: высокое белое здание довольно вычурной архитектуры. Во всех стенах были предусмотрены выступы с высокими окнами, крыша покоилась на пилястрах с многочисленными желобами и сама по себе представляла оригинальное сооружение с четырьмя куполами из матированного стекла и позолоченным шпилем в центре. Из дымовой трубы в небо не поднималось ни струйки дыма, ни единого звука не доносилось изнутри. Глиннес нажал кнопку дверного звонка.

Прошла минута. За окном в одном из эркеров почувствовалось какое-то движение, затем дверь приоткрылась и из нее выглянул Льют Касагэйв — мужчина значительно старше Глиннеса, тонконогий, сутулый, в обычном для чужеземца костюме свободного покроя из серого габардина. Серебристые волосы обрамляли болезненно-бледное лицо, на котором выделялись большой острый нос, вытянутые, плотно обтянутые кожей скулы и глаза цвета серого гранита и такие же холодные и равнодушные. Выражение лица Касагэйва свидетельствовало о немалом и быстром уме его владельца, но совсем не казалось лицом человека, который способен пожертвовать двенадцатью тысячами озов во имя абстрактной справедливости.

Касагэйв молча уставился на Глиннеса, ожидая от него разъяснения причины его появления, не задавая сам каких-либо вопросов и даже не поздоровавшись.

— Прошу прощения, но у меня не очень-то хорошие новости для вас, Льют Касагэйв, — вежливо произнес Глиннес.

— Обращаясь ко мне, называйте меня, пожалуйста, лордом Эмблом.

У Глиннеса от изумления едва не отвалилась нижняя челюсть.

— «Лордом Эмблом»?

— Именно так я предпочитаю называться.

Глиннес с сомнением покачал головой.

— Я вовсе не исключаю вашей принадлежности к высшим аристократическим кругам, тем не менее, вы никак не можете быть «Лордом Эмблом», поскольку остров Эмбл не является вашей собственностью. Это как раз та нехорошая новость, которую я имел в виду.

— Кто вы?

— Глиннес Халден, сквайр Рабендари и владелец острова Эмбл. Вы дали моему брату Глэю деньги за собственность, правами владения которой он злоупотребил. Положение неприятное. Я, разумеется, не стану взыскивать с вас плату за то время, что вы здесь прожили, но боюсь, что вам придется подыскивать другое местожительство.

Брови Касагэйва сошлись на переносице, глаза сделались узкими щелками.

— Вы порете чушь. Я являюсь подлинным лордом Эмблом, прямым потомком того лорда Эмбла, которого незаконно заставили расстаться с собственностью предков. Продажа ее с самого начала была недействительной. Хотя бы вследствие того, что титул Халденов был недостаточно высок для вступления в права владения подобной собственностью. Будьте благодарны за полученные вами двенадцать тысяч озов. При желании я мог бы ничего не заплатить.

— Вот те на! — вскричал Глиннес. — Остров был продан моему прадеду. Эта сделка зарегистрирована в нотариальной конторе в Уэлгене и не может быть аннулирована!

— Я в этом не уверен, — ответил Льют Касагэйв. — Вы — Глиннес Халден? Для меня это имя ничего не означает. Ши́ра Халден — вот то лицо, у которого я приобрел собственность, а ваш брат Глэй выступал в роли посредника.

— Ши́ра мертв, — сказал Глиннес. — Эта сделка с самого начала не что иное, как мошенничество. А вам я предлагаю взыскать свои деньги с Глэя.

— Ши́ры нет в живых? Откуда вам это известно?

— Он мертв, по всей вероятности, убит мерлингами. А его тело они уволокли в воду.

— «По всей вероятности?» Такой оборот не предусмотрен законоположением. Заключенная мною сделка совершенно законна, и такую и останется, если вы не докажете обратное или сами не умрете, тогда в этом случае вопрос станет спорным.

— В мои намерения не входит умереть, — сказал Глиннес.

— А разве это только от нас самих зависит?

— Вы мне сейчас угрожаете?

Касагэйв в ответ только издал короткий, сухой смешок.

— Вы сейчас находитесь на острове Эмбл без моего на то разрешения. У вас есть десять секунд на то, чтобы его покинуть.

Голос Глиннеса задрожал от бешенства.

— Как раз наоборот — это я даю вам три дня — повторяю, три, и ни днем больше — для того, чтобы убраться восвояси с принадлежащей мне территории!

— А что после? — язвительно спросил Льют Касагэйв.

— Сейчас это вас не касается. Узнаете, если посмеете остаться здесь далее назначенного мною срока.

Касагэйв издал пронзительный свист. Послышались чьи-то тяжелые шаги. За спиною у Глиннеса появился великан ростом намного выше двух метров и весом в полтора центнера. Кожа у него была цвета тиковой древесины, черные волосы скорее напоминали мех. Касагэйв резким движением кулака с оттопыренным большим пальцем показал на причал.

— Или сейчас же в свою лодку, или в воду.

Глиннес, все еще ощущая боль от побоев, не рискнул подвергнуть себя еще одному избиению и медленно побрел вниз по дорожке. Лорд Эмбл? Какая пародия! Так вот что побудило Касагэйва заняться генеалогическими изысканиями!

Оттолкнувшись от причала и выйдя на середину протока, Глиннес обошел на небольшой скорости остров Эмбл со всех сторон. Никогда еще он не казался ему таким привлекательным. Что если Касагэйв проигнорирует трехдневный предельный срок — а он именно так и собирался поступить? Глиннес печально покачал головой. Угрозами применить силу он только навлечет на себя крупный штраф. Вот если бы удалось доказать факт смерти Ширы, то тогда все стало бы на свои места.

Глава 9

Акади жил в старинном особнячке затейливой архитектуры на самой оконечности мыса, известного под названием Акулий Зуб и омываемого с трех сторон водами Залива Клинкхаммер, в нескольких милях от Рабендари. Акулий Зуб представлял из себя высокую скалу из выветрившихся черных горных пород, бывшую, скорее всего, конусом какого-то древнего вулкана, но со временем обильно поросшую кустарниками и карликовыми помандерами, а с тыльной стороны — еще и зарослями стройных деревьев, в чем-то напоминающих гигантских часовых. Особнячок Акади, каприз какого-то давно забытого лорда, вздымал к небу пять башен, каждая из которых отличалась от других высотой и архитектурным стилем. Одна была покрыта шифером, другая — черепицей, третья — зеленым стеклом, четвертая — свинцовыми листами, пятая — синтетическим покрытием. Верхний этаж каждой из башен представлял из себя особый рабочий кабинет с набором специфической для каждого из них аппаратуры и приспособлений и прекрасным обзором в том или ином направлении. Акади попеременно пользовался этими кабинетами в зависимости от того, какое было у Акади настроение. Акади без тени смущения потворствовал своим причудам, а непостоянство возвел в ранг добродетели.

Ранним утром, когда клочья тумана еще клубились у самой поверхности воды, Глиннес направил свой скутер вверх по течению фарванского русла, а дальше — вверх по реке Заур, пока не свернул круто на запад и, пройдя по узкому, густо поросшему камышами протоку Вернис, вышел в залив Клинкхаммер, гладь которого отражала вдвое вытянутый в длину пяти-башенный особняк Акади.

Сам Акади только-только поднялся с постели, смятые волосы свисали не расчесанными прядями, глаза — едва ли наполовину открыты. Тем не менее он приветливо поздоровался с Глиннесом.

— Только, пожалуйста, не обременяй меня своими делами до завтрака. Я пока что еще довольно смутно воспринимаю окружающий меня мир.

— Я пришел повидаться с матерью, — сказал Глиннес. — И в ваших профессиональных услугах не нуждаюсь.

— В таком случае говори, что хочешь.

Марча, всегда поднимавшаяся очень рано, показалась Глиннесу чем-то недовольной и держалась натянуто. С сыном она поздоровалась без особого проявления чувств, подала Акади на завтрак фрукты и чай со сдобными булочками и налила чаю Глиннесу.

— Начинается день, — произнес Акади, — и я в какой уже раз с удовольствием отмечаю, что мир существует и за пределами этой комнаты. — Отпив чаю, он затем спросил:

— Ну, а каковы твои дела?

— Такие, как и следовало ожидать. Мои неприятности не исчезают по мановению руки.

— Иногда, — заметил Акади, — неприятности бывают такие, которые сам себе создаешь.

— В моем случае именно так оно и есть, — сказал Глиннес. — Я прилагаю все свои силы к тому, чтобы вернуть себе то, что мне принадлежит, и сберечь, что осталось, но своими действиями только еще больше подзадориваю своих недругов.

Марча, хлопоча по кухне, слишком уж вызывающе старалась показать свое безразличие к этому разговору.

— Виноват, в основном, разумеется, Глэй. Заварил всю эту кашу, а сам в кусты. Такое поведение я расцениваю непростительным. И это еще называется Халден и мой родной брат!

Тут уж Марча не выдержала.

— Сомневаюсь, что его так уж интересует, Халден он или нет. А что касается братских чувств, то они должны быть взаимными. Ты-то, позволь тебе напомнить, нисколько не помогаешь ему в его заботах.

— Слишком дорого они мне обходятся, — сказал Глиннес. — Глэй может позволять себе делать подарки ценою в двенадцать тысяч озов, потому что эти деньги никогда ему не принадлежали. Мне удалось скопить почти три с половиной тысяч озов, но закадычные дружки Глэя — Дроссеты, отняли их у меня. Я остался нищим.

— У тебя остров Рабендари. Ничего себе нищий!

— Наконец-то ты признаешь, что Ширы нет в живых.

Акади примирительно поднял руки.

— Будет, будет! Давайте лучше отправимся пить чай наверх, в Южную Ложу. Поднимайся по лестнице, но будь осторожен — ступеньки узкие.

Они забрались в самую низкую и наиболее просторную башенку, откуда просматривался весь Клинкхаммерский Залив. Вдоль темных панелей Акади развесил старинные хоругви, в углу стояла целая коллекция красно-керамических ваз причудливой формы. Акади поставил чайник и чашки на бамбуковый стол и жестом руки предложил Глиннесу подтянуть к столу еще одно из старинных бамбуковых кресел со спинкой из расходящихся веером прутьев.

— Когда я предлагал твоей матери войти в мой дом, я не рассчитывал при этом на семейные раздоры в качестве приданого.

— Сегодня утром я, наверное, немного не в духе, — признался Глиннес. — Дроссеты подстерегли меня в темноте, крепко отделали и забрали все мои деньги. По этой причине я не сплю по ночам, внутри меня все кипит и выворачивается от ярости.

— Положение отчаянное, мягко говоря. Ты планируешь какие-нибудь контрмеры?

Глиннес стрельнул в Акади скептическим взглядом.

— Все мои помыслы на это только и направлены! Но все, что приходит мне в голову, оказывается неприемлемым. Я мог бы убить одного или двух Дроссетов и закончить жизнь на прутаншире, но денег-то от этого у меня не прибавится. Мог бы подсыпать снотворного в вино и перерыть всю их стоянку, пока они спят, но у меня нет такого снотворного, а даже, если бы и было, то каким образом я мог бы проверить, что они все выпили этого вина?

— Подобные подвиги придумать куда легче, чем осуществить, — заметил Акади. — Но позволь мне изложить вот какую мысль. Тебе известно существование такого места, как Урочище Ксиан?

— Никогда там не бывал, — сказал Глиннес. — Насколько я понимаю, это место погребения треван.

— Даже куда более. Птица Смерти прилетает из Долины Ксиан, и умирающий слышит ее пение. Души умерших треван находят отдохновение в сени огромных омбрилов, которые больше нигде не растут на Мерланке. Так вот — вся суть как раз в этом! — если ты

найдешь фамильный склеп Дроссетов и утаишь у себя одну из погребальных урн, Ванг Дроссет пожертвует целомудрием своей дочери, чтобы вернуть ее.

— Меня не интересует — или, скажем, едва ли интересует — целомудрие его дочери. Я только хочу вернуть свои деньги. Но ваша мысль достойна самого пристального внимания.

Акади протестующе поднял руки.

— Ты очень любезен. Но это предложение столь же абсурдное и бредовое, как и все остальные. Реализация его сопряжена с непреодолимыми трудностями. Вот, например, первая же из них: каким образом тебе удастся узнать местонахождение склепа? Спросить разве что у самого Дроссета. Если ты ему настолько по душе, что он готов поделиться с тобой главной тайной своего существования, то тем более он не откажет тебе ни в твоих озолах, ни в услугах своей дочери. Но, допустим, что ты так очаруешь Ванга Дроссета, что он поделится тайной, и ты отправишься в Долину Ксиан. Каким образом удастся тебе избежать Трех Ведьм, не говоря уже о призраках?

— Не знаю, — ответил Глиннес. Какое-то время чаепитие сопровождалось обоюдным молчанием, затем Акади спросил:

— Ты познакомился с Льютом Касагэйвом?

— Да. Он наотрез отказался покинуть остров Эмбл.

— Естественно. Такие, как он, не выбрасывают на ветер двенадцать тысяч озолов.

— Он утверждает, что он — лорд Эмбл.

Акади даже чуть приподнялся, глаза его забегали, лихорадочно заработал ум. Такой поворот дела давал Акади по-настоящему богатую пищу для размышлений. Несколько опечаленный, он покачал головой и снова устроился в кресле поудобнее.

— Невероятно. Просто невероятно. И, в любом случае, совсем не к месту. Боюсь, тебе придется смириться с утратой острова Эмбл.

— Я не в состоянии смириться даже с малейшей утратой чего-либо! — с жаром воскликнул Глиннес. — Будь то хуссейд, будь то остров Эмбл, по мне все равно — я никогда не сдамся просто так! То, что мое — то мое!

Акади поднял ладонь.

— Успокойся. Я поразмыслю над этим на досуге и, кто знает, что еще может прийти мне в голову? Гонорар — пятнадцать озолов.

— Пятнадцать озолов! — возмутился Глиннес. — За что? Все, что вы сделали, это посоветовали мне успокоиться.

— Я дал тебе тот нейтральный ответ, который зачастую столь же ценен, как и целая развернутая программа действий. Например, предположим, ты у меня спросил бы: «Можно ли перемахнуть отсюда в Уэлген одним прыжком?» Я бы изрек только одно слово «Невозможно!», чтобы уберечь тебя от изнурительных и бесполезных тренировок, и этим оправдал бы гонорар в двадцать или даже в тридцать озолов.

Глиннес сумрачно улыбнулся.

— В данном конкретном случае вы не уберегли меня от каких-либо бессмысленных действий. Вы не сказали мне ничего такого, чего бы я уже не знал. Вы должны рассматривать нашу беседу как чисто дружескую.

Акади пожал плечами.

— Ну что ж, будь по-твоему.

Они спустились на нижний этаж, где Марча с увлечением читала издававшийся в Порт-Мэхьюле журнал «Светская хроника».

— До свидания, мама, — сказал Глиннес. — Спасибо за чай.

Марча оторвалась от журнала.

— Очень рада, разумеется, встрече с тобой, — бросила она вслед Глиннесу и снова зарылась носом в журнал.

Пересекая по пути назад Клинкхаммерский Залив, Глиннес задумался над тем, почему Марча недолюбливает его, хотя в глубине души прекрасно знал ответ на этот вопрос. Не Глиннеса недолюбливала Марча — ей не по нраву был Джат и его «вульгарное поведение». Его попойки, зычное пение, грубые ласки и вообще отсутствие должного лоска. Глиннес, хотя и был более воспитанным и покладистым, чем его отец, напоминал ей Джата. Между ними никак не могли возникнуть по-настоящему теплые отношения. Ну и ничего страшного, подумалось Глиннесу. Он тоже не питал такой уж особой любви к матери...

Глиннес направил скутер в Сеурское горло реки Заур, огибавшее Муниципальный остров с северо-востока. Повинуясь какому-то не вполне осознанному импульсу, он сбавил скорость и свернул к берегу. Уткнувшись носом лодки в камыши, он привязал ее к стволу плакучей ивы и вскарабкался на ближайшее же возвышение на берегу, откуда легко просматривался остров.

В трехстах метрах от него, рядом с рощицей черных свечных орехов, раскинули свои три палатки Дроссеты — все те же прямоугольники тускло-оранжевого, черного и грязно-бордового цвета, которые так резали глаза Глиннеса на Рабендари. Сидевший на скамейке Ванг Дроссет склонился то ли над дыней, то ли над «казальдо». Тинго в лиловой косынке на голове сидела на корточках перед костром, разделявая какие-то клубни и бросая их в котел. Молодняка — ни Эшмора и Харвинга, ни даже Дьюссаны — нигде не было видно.

Глиннес наблюдал за старшими Дроссетами в течение пяти минут. Ванг Дроссет разделался с «казальдо» и шелуху бросил в костер. Затем, опершись ладонями о колени, повернулся к Тинго и что-то ей сказал. Она же продолжала и дальше готовить похлебку.

Глиннес вприпрыжку спустился к скутеру и на полной скорости помчался домой.

Через час он снова вернулся. Когда Глэй жил среди треван, он одевался точно так же, как и они. Теперь в эту одежду облачился Глиннес, не забыв и характерную для треван чалму. На днище скутера со связанными ногами и обмотанной тряпьем головой лежал молодой «прыгун». Туда же Глиннес поставил три пустые картонные коробки, несколько хороших железных кастрюль и еще прихватил лопату.

Причалив лодку к берегу в том же самом месте, он сразу же поднялся на возвышение и осмотрел стоянку Дроссетов в бинокль.

Котел с похлебкой все так же кипятился над костром. Тинго нигде не было видно. Ванг Дроссет сидел на скамейке и вырезал из куска дерева курительную трубку в виде головы дракона. Глиннес напряг зрение. Неужели Ванг Дроссет пользуется его ножом? Мелкие щепки и стружка без всяких усилий со стороны Дроссета отделялись от заготовки, и Ванг Дроссет время от времени одобрительно поглядывал на лезвие.

Глиннес выволок «прыгуна» из скутера и, освободив его голову от тряпья, привязал животное за заднюю ногу к стволу дерева так, чтобы оно могло забрести на несколько метров на территорию общинных земель. После этого сам он спрятался в кустах и обмотал свободным концом чалмы нижнюю часть лица.

Ванг Дроссет закончил вырезать дракона, выпрямился, потянулся — и заметил прыгуна. Какое-то мгновение просто глядел на него, затем встал, осмотрелся. Вокруг никого не было. Вытер нож и засунул за голенище сапога. Из палатки вынырнула голова Тинго. Ванг Дроссет что-то сказал ей, она вышла из палатки и поглядела подозрительно на прыгуна. Ванг Дроссет решительно направился к животному. В десяти метрах от него сделал такой вид, будто видит его в первый раз в жизни и даже остановился как бы в изумлении. Заметив веревку, проследил ее до самого ствола ивы. Затем осторожно сделал четыре шага вперед, вытянув шею. Увидев лодку, остановился как вкопанный, жадными глазами пожирая ее груз. Лопату, несколько нужных в хозяйстве кастрюль. Особый интерес у него вызывало то, что могло содержаться в коробках. Проведя языком по пересохшим губам, он бросил быстрый взгляд сначала направо, затем налево. Странно. Наверное, это какая-то детская

шалость. И все же, почему бы не заглянуть в коробки? Особого вреда от этого определенно не будет.

Ванг Дроссет осторожно подошел к самой воде и так и не понял, что же это вдруг на него свалилось. Глиннес, уже не в силах сдерживать накопившуюся в его жилах ярость, бросился вперед и едва не снес с плеч голову Ванга Дроссета двумя чудовищными ударами в каждое ухо. Ванг Дроссет повалился на землю. Глиннес уткнул его лицо в прибрежную тину, связал руки за спиной, и туго перетянул колени и лодыжки куском веревки, специально припасенной именно для этой цели. Затем заткнул рот кляпом и завязал глаза Ванга Дроссета, который издавал теперь хриплые стоны.

Нож, извлеченный из голенища черного сапога Дроссета, конечно же, оказался его ножом! Глиннес радовался, как ребенок, снова держа в руках это чудо-лезвие. С его помощью он быстро обыскал одежду Ванга Дроссета, вспарывая ее во всех привлечших особое внимание местах. В кошельке Дроссета было всего лишь двадцать олов, однако Глиннес не побрезговал и ими. Затем стащил с Ванга Дроссета сапоги и вскрыл подошвы. Ничего не найдя, отшвырнул искромсанные сапоги в сторону.

При себе у Ванга Дроссета не оказалось крупной суммы денег. Глиннес разочарованно лягнул его под ребра, затем, глянув вглубь острова, заметил Тинго, бредущую к шалашу, служившему туалетом. Взвалив прыгуна на плечо и прикрывая им лицо, Глиннес решительным шагом направился к стоянке. К блекло-красной палатке он успел подойти как раз к тому времени, когда Тинго Дроссет уже справила свою нужду. Он заглянул в палатку. Никого. Затем подошел к оранжевой. Тоже никого. Глиннес прошел внутрь и услышал у себя за спиной голос Тинго Дроссет:

— Сдается, неплохая животино. Только зачем ты затащил ее внутрь? Что с тобою? Прирежь ее у воды.

Глиннес опустил животное и затаился. Тинго Дроссет, продолжая укорять мужа за такое странное поведение, зашла в палатку. Глиннес накинул ей на голову чалму и повалил на землю. Тинго Дроссет встретила громким криком и ругательствами такую неожиданную выходку со стороны мужа.

— Еще один звук, — прорычал Глиннес, — и я перережу тебе горло от уха до уха! Лежи тихо, если тебе жизнь дорога!

— Ванг! Ванг! — пронзительно завопила Тинго Дроссет. Глиннес заткнул ей рот концом чалмы.

Тинго оказалась сильной и очень верткой, и Глиннесу пришлось здорово поднапрячься, чтобы крепко связать ее по рукам и ногам, заткнуть рот кляпом и обмотать глаза тряпьем. Она умудрилась очень больно укусить Глиннеса за руку, после чего у нее у самой затрещала башка от ответного удара. Вряд ли семейные деньги могли оказаться при Тинго, однако, памятуя о том, что много несуразностей встречается в мире, Глиннес осторожно ошупал ее одежду, не обращая внимания на ее стоны и хрипы, на то, как отчаянно она билась и извивалась всем телом от затуманившего сознание ужаса в ожидании самого худшего.

Глиннес обыскал черную палатку, затем оранжевую, в углу которой Дьюссана выставила в ряд несколько безделушек и подарков на память, и, наконец, красную. Денег он не нашел, да на это он и не надеялся. Треване, как правило, закапывали в землю все ценное, что у них было.

Присев передохнуть на скамейку Ванга Дроссета, Глиннес сразу же задался вопросом: где бы он сам закопал деньги, окажись он на месте Ванга Дроссета? Это место должно находиться в непосредственной близости к стоянке и иметь четко выраженную отличительную особенность, чтобы исключить возможность ошибки.

Столб, камень, куст, дерево. Место это должно всегда находиться в поле зрения — Ванг Дроссет определенно хотел бы держать тайник под ненавязчивым наблюдением. Глиннес

пробежал взглядом по стоянке. Прямо перед ним над костром висел котел с приготовленной пищей, рядом с ним — грубо сколоченный стол и пара скамеек. Всего лишь в каком-то метре от стола на земле четко виднелись следы от еще одного костра. Старое место для костра выглядело куда более предпочтительным, чем то, где сейчас висел котел. Привычки треван, подумалось Глиннесу, столь своеобразны, что вряд ли стоит искать рациональное объяснение перемены местоположения костра. В стойбище на Рабендари... Глиннес мысленно перенесся в стойбище на Рабендари, вспомнил, какое недоумение вызвало у него свежевскопанная земля на том месте, где находился костер.

Лицо Глиннеса просветлело. Вот именно. Он поднялся и подошел к костру. Отодвинул треножник с котлом и, пользуясь подвернувшейся под руку старой лопатой со сломанным черенком, отшвырнул в сторону головешки. Пригоревшая земля под ними поддалась без особых усилий. На глубине в четверть метра штык лопаты стал скрести по стальному листу. Глиннес поддел лист и увидел под ним слой рыхлой сухой глины, который он тоже удалил. В полости под глиной лежал кувшин из красной обожженной глины. Глиннес извлек кувшин и обнаружил в нем целую пачку черно-красных сотенных банкнот. Удовлетворенно кивнув, Глиннес сунул всю пачку к себе в карман.

Пощипывающий травку прыгун тем временем опорожнился. Глиннес соскреб помет прыгуна в кувшин, положил его на прежнее место и восстановил все, как было, с потрескивающими головешками под котлом. На первый взгляд ничего, казалось, не было потревожено.

Взвалив на плечи прыгуна, Глиннес быстрым шагом направился к тому месту, где спрятал в камышах скутер. Ванг Дроссет, не оставляя попыток высвободиться, так ничего и не добился и только скатился в прибрежную тину у самой воды. Глиннес не отказал себе в удовольствии весело улыбнуться, но ощущая у себя в кармане тяжесть бывшего достояния Ванга Дроссета, воздержался от того, чтобы еще раз-другой лягнуть скрюченное в три погибели тело поверженного недруга. Привязав прыгуна на корме, он вихрем выскочил на чистую воду. В сотне метров от стоянки Дроссетов Глиннес увидел на берегу огромную иву, распростершую далеко над поверхностью воды прогнувшиеся под тяжестью листвы ветки. Глиннес подогнал скутер прямо через камыши к одному из перекинутых корней, уходящих в воду, перебросил фалинь вокруг корня, закрепил его, затем сам спрыгнул на этот корень и вскарабкался на ветки. Сквозь пробелы в листве просматривалась стоянка Дроссетов. Пока что там было все спокойно.

Глиннес устроился поудобнее среди ветвей и сосчитал деньги. В первой пачке, отделившейся от общего, свернутого в трубку пакета, он насчитал три тысячных купюры, четыре сотни и шесть десятков. Самодовольно хохотнув, он удалил ленту со второй пачки и обнаружил четырнадцать сотенных купюр и золотой брелок. Именно он, а не деньги, привлек особое внимание Глиннеса. При виде его у Глиннеса по всему телу пошли мурашки, затылок покрылся холодным потом. Слишком уж хорошо он помнил этот брелок — он принадлежал его отцу. Что подтверждала и выгравированная на нем идеограмма, обозначающая имя «Джат Халден». А чуть ниже еще более отчетливо была видна вторая группа символов, расшифровывавшаяся как «Шира Халден».

Существовали две возможности: Дроссеты либо ограбили Ширу, когда тот был еще живой, или сняли брелок с его трупа. И это закадычные дружки его братца Глэя! Глиннес со злости сплюнул на землю.

Теперь он сидел на ветке, взбудораженный сделанным им открытием, охваченный омерзением и ужасом. Ширы действительно нет в живых. Иначе Дроссеты никак не смогли бы отобрать у него деньги. Глиннес теперь уже нисколько не сомневался в этом.

Превратившись весь в зрение и слух, он продолжал терпеливо ждать. От былой приподнятости не осталось и следа. Вскоре покинул его и ужас — Глиннес продолжал сидеть в

отупелом оцепенении. Прошел час, затем еще полчаса. С причала на берегу протока Ил-фиш стали подниматься трое: Эшмор, Харвинг и Дьюссана. Эшмор и Харвинг направились сразу же к оранжевой палатке. Дьюссана же приостановилась, услышав, по-видимому, какие-то звуки, издаваемые Тинго, затем вбежала в красную палатку и мгновенно высунула из нее голову, чтобы позвать братьев. После этого она снова исчезла в палатке, где к ней сразу же присоединились Эшмор и Харвинг. Через пять минут они один за другим вышли из палатки и завели шумный разговор, оживленно жестикулируя и перебивая друг друга. Вслед за ними из палатки вышла Тинго, по-видимому, несколько не пострадавшая после того, что с нею произошло. Она обвела рукой стоянку. Эшмор и Харвинг тотчас же принялись обыскивать окрестности и вскоре нашли Ванга Дроссета и развязали его, после чего все трое двинулись к палаткам. Ванг Дроссет ковылял босиком, плотно прижимая к телу отдельные части вдоль и поперек изрезанной своей одежды. Подойдя к стоянке, он внимательно осмотрелся, обратив особое внимание на костер и придя к заключению, что он, по-видимому, остался нетронутым.

Только после этого он вошел в красную палатку, оставив сыновей лицом к лицу с истерически кричавшей Тинго. Когда Ванг Дроссет вышел из красной палатки, он был снова полностью одет. Подойдя вплотную к Тинго, с размаху влепил ей пощечину. Она отпрянула, продолжая истошно вопить. Он подошел к ней еще раз. Тинго схватила толстенную ветвь и не стронулась с места. Ванг Дроссет плюнул со злости и оставил ее в покое, занявшись теперь более внимательным осмотром костра. Вдруг он резко наклонил голову и увидел золу на том месте, куда Глиннес отпихнул горящие головешки. Из горла его исторгся хриплый крик, донесшийся даже до притаившегося в листве Глиннеса. Отшвырнув в сторону треножник, Ванг Дроссет ногами разбросал горящие поленья и голыми руками вырвал из земли стальной лист. Затем выгреб сухую глину. Затем извлек кувшин. Заглянул внутрь. Повернул голову к Эшмору и Харвингу, которые выжидающе стояли рядом.

Ванг Дроссет воздел руки высоко вверх в по-своему даже величественной позе, выражавшей крайнюю степень отчаянья, затем швырнул кувшин оземь. Он подпрыгивал на черепках, яростно давя их ногами. Он набросился на костер и далеко расшвырял полыхающие огнем головешки. Он сцепил пальцы: высоко подняв над головой обе руки, и изрыгал проклятья на все четыре стороны света.

Самое время убираться отсюда, решил Глиннес. Соскользнув с дерева, он забрался в скутер и направился прямехонько на Рабендари. День сложился в высшей степени удачный для него. Наряд тревана позволил ему оставаться неопознанным. Дроссетов теперь могут только подозревать кого-нибудь, но никакими прямыми уликами не располагают. В данный момент под подозрением оказались все треваны в округе, и сегодня Дроссетов проведут бессонную ночь, споря до хрипоты в отношении того, кто является их обидчиком.

Глиннес сам приготовил обед и поел на веранде. День клонился к эвнессу, тому грустному часу его угасания, когда все небо и дали мало-помалу приобретают цвет разбавленного водой молока.

Светлую печаль эвнесса всколыхнула неожиданно зазвучавшая телефонная трель. Глиннес прошел внутрь дома и увидел на экране лицо лорда Генсифера.

— Добрый вечер, лорд Генсифер, — произнес Глиннес, нажав кнопку включения передающей видеокамеры.

— Добрый вечер, Глиннес Халден! Вы готовы к тому, чтобы играть в хуссейд? Я не имею в виду, разумеется, прямо сейчас.

Глиннес ответил на вопрос своим собственным осторожным вопросом.

— Насколько я понимаю, ваши планы созрели?

— Да. Команда «Горгоны Флейриша» наконец-то организована и готова приступить к тренировкам. В заявленном мною составе я вас записал правым инсайдом.

— А кто левый инсайд?

Лорд Генсифер заглянул в свой перечень.

— Очень обещающий молодой человек по имени Сават. Вы вдвоем составите изумительный тандем.

— Сават? Никогда не слыхал о нем. А кто на краях?

— Лючо и Хелзинг.

— Гм-м. Мне не знакомо ни одно из этих имен. Этих игроков вы с самого начала имели в виду принять в команду?

— Лючо — разумеется. Что касается остальных — что ж, тот перечень был предварительным. В него вносились поправки при появлении любой возможности усилить состав. Как вы прекрасно понимаете, Глиннес, некоторые из игроков с установившейся репутацией не обладают достаточной гибкостью ума. Мы лучше обойдемся теми, кто желает и еще способен учиться. Энтузиазм, спортивная злость, преданность флагу! Вот качества, необходимые для победы!

— Понятно. Кто еще внесен в заявку?

— Искелац и Уилмер Гафф в полузащите — ну как, звучит? Двое лучших полузащитников во всей префектуре! Защитники — Рамос в качестве стоппера и Пайлен, который тоже очень хорош. Синфорецца и «Тумба» Кэндольф не очень-то подвижны, зато надежны. Их никто даже с места не сдвинет. Я — в роли капитана и...

— Что? Я, случайно, не ослышался?

Лорд Генсифер нахмурился.

— Роль капитана я отвожу себе, — ровным голосом произнес он. — Вот более или менее состав команды без запасных игроков.

Глиннес задумался, затем спросил:

— А каков первоначальный капитал?

— Первоначальный капитал составит три тысячи озовов, — четко ответил лорд Генсифер. — Первые несколько игр мы проведем по достаточно скромной таксе в полторы тысячи озовов для того, чтобы команда окончательно выкристаллизовалась и обкаталась.

— Понятно. Где и когда начнутся тренировки?

— На зауркашском поле, начиная с завтрашнего утра. Насколько я понял, вы все-таки пришли к решению играть за «Горгон»?

— Окончательное решение я приму завтра. Вот тогда-то и разберемся во всем до конца. Позвольте только, лорд Генсифер, заявить вам со всей откровенностью вот что. Капитан — самая важная фигура в команде. Он может вознести команду высоко вверх, но может и загубить ее. Нам надобен опытный капитан. Я сомневаюсь в том, что вы располагаете таким опытом.

— Я провел тщательное изучение всех тонкостей игры, — кичливым тоном произнес лорд Генсифер. — Я трижды проштудировал «Тактику хуссейда» Каленшенко. Внимательно перечитал «Краткий хуссейдный справочник». Я познакомился с такими теоретическими новинками как «Принцип противотока», «Система двойной пирамиды», «Сверхзащепка»...

— Все это так, лорд Генсифер. Теоретизировать в отношении хуссейда могут многие, но решающее значение, в конечном счете, имеют рефлексy, а до тех пор, пока не сыграешь достаточно много игр...

— Когда сам не жалеешь сил, то и все остальные проявляют себя с наилучшей стороны, — высокомерно произнес лорд Генсифер. — Что может быть важнее этого? Тогда, значит, к четвертому удару гонга.

Экран видеофона погас. Глиннес едва не взвыл от возмущения. Да за рваные пол-озола лорд Генсифер у него стал бы капитаном, форвардом, хавбеком, защитником и шейлой вместе! Лорд Генсифер — капитан профессиональной команды? Это уж слишком!

Успокаивало только то, что он вернул свои деньги да еще с компенсацией за побои. Почти пять тысяч озов — приличная сумма, вот только следует спрятать ее в безопасном месте.

Глиннес закупорил деньги примерно в таком же глиняном кувшине, что и Дроссеты, и закопал в дальнем конце двора.

Часом позже из протока Илфиш вынырнула лодка и пересекла Пролив Эмбл. В ней сидели Ванг Дроссет и оба его сына. Проходя мимо Рабендари, Ванг Дроссет выпрямился во весь рост и взглядом, прямо-таки стрелявшим колючками, пристально осмотрел скутер Глиннеса. К этому времени Глиннес уже выгрузил все то, чем он ввел в искушение Дроссетов. Теперь его лодка ничем не выделялась среди сотен ей подобных. Сам же Глиннес при этом сидел на веранде, задрав ноги на ограждение. Ванг Дроссет и его сыновья смерили Глиннеса взорами, полными подозрений. Глиннес бросил в их сторону равнодушный, скупающий взгляд.

Лодка Дроссетов свернула в сторону Фарванского русла. Отец и сыновья обменялись несколькими фразами и, обернувшись, еще раз глянули на Глиннеса. Вот они, те люди, которые убили моего брата, отметил про себя Глиннес.

Глава 10

Лорд Генсифер, облаченный в новую с иголки черно-красную форму, взобрался на скамейку и с такими словами обратился к своей команде:

— Сегодня — знаменательная дата для всех нас и для истории хуссейда Префектуры Джолани! Сегодня зачинаем самую выдающуюся и беспощадную команду, способную, подобно урагану, смести с пути всех своих соперников на хуссейдных полях Мерланка. Некоторые из вас уже умудрены игровым опытом, приобрели высокую репутацию. Другие все еще не известны...

Глиннес, пробежав взглядом по пятнадцати игрокам вокруг себя, тут же прикинул, что соотношение между этими двумя категориями игроков где-то порядка один к восьми.

— ... но опираясь на высокую дисциплинированность, игровое рвение и истинный... — здесь лорд Генсифер прибегнул к термину «кирч-ан», обозначающему особый душевный настрой, способствующий сверхчеловеческим подвигам силы и воли, — мы разгромим всех, кто будет противостоять нам! Мы вознаградим своих болельщиков лицезрением голых ягодич каждой девственницы между Уэлгеном и Порт-Джеймом! Озолы со стадионов мы будем уносить ведрами! Мы будем богаты и знамениты, каждый в отдельности и все разом!..

Но в основе всего этого — труд и пот на тренировках. Я усердно проштудировал все теоретические работы, посвященные хуссейду, я наизусть выучил Каленшенко. Все авторитеты единодушны: сломите волю своего противника, и золотое кольцо в ваших руках. Это означает, что мы обязаны превзойти лучших из имеющихся в настоящее время форвардов в скорости бега, ловкости выполнения маневров, искусности владения трапедией, дальности прыжков. Мы должны научиться отправлять в бассейн самых непреодолимых защитников на территории Джолани. Должны научиться разрушать планы самых хитроумных стратегов Труллиона!..

А теперь за работу. Я хочу, чтобы форварды по диагонали пересекали все поле, выполняя по три упражнения с «буфом»¹ на каждой из трасс или переходов по пути. Строго соблюдайте ритм, нападающие! Полузащита пользуется стандартными приемами отражения противника. То же относится и к защитникам. Прежде всего мы должны овладеть основами! Я склоняюсь к мысли, что вместо двух полузащитников и четырех защитников лучше бы иметь шесть крепких и проворных полузащитников, занимающих опорные пункты и способных в любое время рвануться вперед и, протаранив защиту противника, прорваться к шейле. — Здесь лорд Генсифер просто напомнил обычную тактику сильной команды,

¹ Буф — почти метровой длины кожаная бита с упругим наполнителем внутри, применяемая для сбрасывания противников в бассейн.

которая гонит игроков противника впереди себя по всему полю. — Все за работу! Давайте договоримся, что тренироваться будем с полной самоотдачей.

Тренировка началась. Лорд Генсифер, как угорелый, носился по всему полю, кого на ходу похваливая, кого критикуя, кому что-то разъясняя и непрерывно подбадривая свою команду пронзительными выкриками «Опа-на! Опа-на!»

Глиннесу хватило всего лишь двадцати минут, чтобы определить уровень подготовки каждого игрока и всей команды в целом. В составе гипотетической команды, которую представлял Глиннесу лорд Генсифер, были только левый край Лючо и правый полузащитник Уилмер Гафф. Они оба были отличными игроками — ловкими, агрессивными, уверенными в себе. Левый полузащитник Искелац также, похоже, был приличным игроком, правда, с нравом не очень-то общительным, даже грубым. Искелацу явно не по душе были изнурительные тренировки и он предпочитал побереечь свои силы для самой игры, — эта черта его характера почти сразу же привела в отчаяние лорда Генсифера. Левый ударный нападающий или инсайд Сават был молод, сметлив, активен, но несколько сыроват, и во время упражнений с буфом Глиннесу постоянно удавалось совершенно его запутать ложными выпадами. Защитники Рамос, Пайлен и Синфоретта были, соответственно, первый — медлительным, второй — туповатым и третий — слишком уж обременен избыточным весом. Только левый центральный защитник «Тумба» Кэндольф сочетал достаточную массу и физическую силу с гибкостью ума и подвижностью, чтобы его можно было считать подающим надежды атлетом. Одна из избитых хуссейдных истин гласит, что плохой форвард может обойти плохого защитника, но хороший защитник задержит хорошего форварда. Команда живет благодаря своим нападающим и гибнет по вине своих защитников — такая еще одна из присказок хуссейда. Глиннес был уверен в том, что произойдет еще немало мучительно тянувшихся дней прежде, чем лорду Генсиферу удастся укрепить свою заднюю линию.

Таким образом, «Горгоны» на нынешней стадии своего становления располагали довольно приличной передней линией, мощным центром и слабой линией обороны. Способности лорда Генсифера как капитана, пока что определить было трудно. Идеальный капитан, подобно идеальному защитнику, способен играть на любом месте в составе команды, хотя некоторые из капитанов, как, например, немолодой уже Неронави из «Танхиар», никогда не уходит из-под защиты своих бакенов.

Что же касается лорда Генсифера, то Глиннес решил не спешить с выводами. Он казался достаточно быстрым и сильным, хотя и несколько тяжеловатым и неуклюжим при перебежках с одной трассы на другую с помощью трапеции...

Лорд Генсифер издал излюбленный им клич «Опа-на!»

— Эй вы, нападающие! Где ваше усердие? Ну-ка живее, чтоб только пятки мелькали! А то вы больше похожи на четверку медведей! Вот вы, Глиннес, что-то слишком уж любовно ласкаете Савата своим буфом! Если он не в состоянии задержать вас, пусть он хорошенько прочувствует, что это такое! А вы, защита — давайте-ка поглядим, как вы гарцуете! Ну-ка, согните ноги в коленях, как хищник перед броском! Представьте-ка себе, что всякий раз, когда партнеру удастся обмануть вас и дотронуться до золотого кольца, это оборачивается для вас потерей крупных денег... Вот так уже лучше... Давайте-ка проведем несколько комбинаций. Для начала — «Массированный прорыв центра» по системе Лэгтоуна...

Команда тренировалась в течение двух часов, и все это время в ней царил дружественная атмосфера. После этого был объявлен перерыв на ленч в таверне «Чудо-Линь». После ленча лорд Генсифер показал несколько схем расположения игроков, разработанных им самим, хотя и представлявших из себя вариации трудного в реализации «Диагонального Навала».

— Если нам удастся освоить эти построения, невозможно будет противостоять нашему напору на обоих крайних нападающих и полузащитников. Как только они собьются в центре, мы осуществляем прорыв или справа, или слева.

— Все это очень хорошо, — сказал Лючо, — но вы обратили внимание на то, что остались незащищенными крайние трассы, и ничто уже не может предотвратить контратаку вдоль наших внешних трасс?

Лорд Генсифер нахмурился.

— Полузащитники в этом случае могут сделать перескок с помощью трапеций на крайние трассы. Очень существенны правильная координация и точный выбор момента времени для каждого маневра.

В целом команда слушала умозрительные построения лорда Генсифера с откровенным безразличием, так как наступило уже самое жаркое время дня и все устали после утренней тренировки. В конце концов лорд Генсифер, наполовину отчаявшись в возможности расшевелить игроков, наполовину сочувствуя им, отпустил команду.

— Завтра в то же самое время. Но приготовьтесь к еще более напряженным занятиям. Сегодня были всего лишь легкая разминка. Мне известен только один способ подготовки команды к состязаниям — интенсивные тренировки!

После трех недель тренировки стало ясно, что некоторым игрокам они изрядно наскучили, некоторые роптали в ответ на то, как изводил команду лорд Генсифер своими умствованиями. Сам Глиннес считал полюбившиеся лорду Генсиферу построения и комбинации слишком уж сложными в реализации и рискованными. Он чувствовал, что линия обороны команды слишком слаба для проведения массированных атак. Полузащитникам придется подстраховывать защитников, а это, в свою очередь, резко ограничивало диапазон возможностей нападающих. Кроме того, начала давать знать усталость. Первым тревожным сигналом стал уход из команды Искелаца, игрока, знающего свое дело, но слишком уж самостоятельного, чтобы угодить лорду Генсиферу. Его примеру последовал правый край Хелзинг, у которого Глиннес разглядел потенциальные возможности со временем стать отменным нападающим. Запасные заметно уступали в классе покинувшему команду. Затем сам лорд Генсифер отпустил на все четыре стороны Пайлена и Синфоретту, двух наиболее инертных защитников, и принял в команду двух не намного лучших, которым, как об этом Глиннес узнал от Карбо Гилвега, дали от ворот поворот даже в качестве запасных в «Зауркашских Танхинарах».

Развлекал команду лорд Генсифер в своем фамильном имении. Здесь же он и представил «Горгонам» их шейлу, Зурани Делькарго из деревни Мутные Воды, так названной из-за расположенных поблизости горячих серных источников. У Зурани было бледное, но милое лицо, тонкая, как тростинка, фигурка, а застенчивой она была до такой степени, что фактически была нема, как рыба. Своеобразие ее характера заставило Глиннеса даже немало задуматься над тем, какая сила или особая цель могли побудить такую девушку подвергать себя риску публичного обнажения. Всякий раз, когда к ней обращались, она только отдергивала назад голову, и длинные светлые волосы закрывали при этом почти все лицо, и за весь вечер она произнесла всего лишь три слова. В ней и намек не было на так называемый «сашей», ту исступленную и прекрасную пылкость духа, которая воодушевляла бы команду драться за победу, выходя далеко за пределы своих теоретических возможностей.

Этим же вечером лорд Генсифер огласил расписание будущих встреч, первая из которых была намечена через две недели на стадионе в Зауркаше. «Горгоны» встречали на своем поле «Воалишских Бакланов».

Через несколько дней после этого Зурани пришла посмотреть на тренировку. Все утро шел дождь, с юга дул сильный промозглый ветер. Игроки были угрюмы и раздражительны. Лорд Генсифер носился по площадке как какое-то огромное назойливое насекомое, увеще-

вая игроков, даже ублажая, то и дело вскрикивая: «Опа-на! Опа-на!», но это никак не отражалось на настроении тренировавшихся. Ежась от холода под стенкой насосной станции, Зурани уныло, будто затравленный зверек, наблюдала за вялыми перемещениями игроков по площадке, не столько воодушевляя их, сколько сея самые мрачные предчувствия. В конце концов ее жалкий вид и робость привлекли внимание лорда Генсифера, и он ленивой трусцой подбежал к ней.

— Выше голову, шейла!

— Не называйте меня шейлой, — раздраженно произнесла девушка. — Сама не пойму, почему мне взбрело в голову, что мне хочется этим заниматься. Честное слово! Поверьте, я ни за что не смогу стоять на виду у тысяч людей, лорд Генсифер, не сердитесь, пожалуйста, но я просто не смогу.

Лорд Генсифер поднял взор к стремительно несущимся по небосводу очень низким тучам.

— Моя дорогая Зурани! Ты, конечно же, будешь с нами! Мы играем с «Бакланами» всего лишь через два дня! Ты будешь знаменита и прославлена!

Зурани безнадежно махнула рукой.

— Я не хочу быть знаменитой шейлой. Не хочу, чтобы с меня стаскивали одежду...

— Такое может случиться только с шейлой проигравшей команды, — подчеркнул лорд Генсифер. — Неужели ты думаешь, что «Бакланам» удастся победить нас, нас, среди которых «Король» Лючо, Глиннес Халден, я и «Тумба» Кэндольф, считающиеся лучшими на своих местах? Да мы просто сметем их со своего пути. Мы заставим всех их бултыхаться в воде до тех пор, пока им не покажется, что они рыбы!

Зурани эти слова успокоили только частично. Она только издала протяжный, прерывистый вздох, но больше уже не жаловалась. Лорд Генсифер, наконец-то сообразив, что продолжение тренировки не принесет никакой пользы, объявил отбой.

— Завтра в то же самое время, — предупредил он команду. — Нам нужно еще подработать взаимодействие на переходах, особенно в линии обороны. А вам, защитники, нужно более энергично контролировать свои зоны! Это хуссейд, а не званый ужин для вас и ваших поклонниц. Завтра, к четвертому сигналу времени.

«Воалишские Бакланы» была совсем еще сырой командой с весьма посредственной репутацией. Игроки ее казались подростками. Капитаном «Бакланов» был Дензель Уорхаунд, долговязый парень с вечно взъерошенными светлыми волосами и умными озорными глазами проказливого тролля. Шейлой у них была полногрудая круглолицая деваха с развевающейся по ветру копной курчавых волос. Во время предматчевого обхода вокруг поля она бодро шагала с жизнерадостной улыбкой на лице, то и дело весело подпрыгивая и энергично приветствуя зрителей взмахами рук, и всем своим видом показывала, что прекрасно знает себе цену. Бакланы так и увивались вокруг нее, едва сдерживая бурлившую в них нервную энергию. В противоположность им, «Горгоны» выглядели суровыми и высокомерными, а их шейла Зурани — печальным бесплотным призраком. Ее покорное безразличие настолько бросалось в глаза, что лорду Генсиферу было отчего впасть в отчаянье, но он не отваживался открыто его проявлять, опасаясь, как бы не лишить ее последних остатков присутствия духа.

— Хорошая девочка. Такая смелая девочка! — то и дело повторял он, как будто подбадривая больное животное. — Все будет не так уж плохо. Вот увидишь, что я прав!

Но эти слова не развеяли страх Зурани.

Сегодня «Горгоны» впервые одели свою форму темно-красного и черного цвета. Особенно эффектными были их шлемы из тускло-розового металлизированного пластика с вычурным черным орнаментом на щитках, прикрывавших щеки. Верхняя часть шлема оштенивалась множеством острых шипов, смотровые отверстия искусно имитировали зрачки

огромных, широко раскрытых глаз, носовая прорезь заметно переходила в черную пухлую пасть, из которой свешивался длинный красный язык. Кое-кому из членов команды такой наряд казался экстравагантным, некоторым не нравились болтающиеся языки, но большинство было равнодушно к форме. «Бакланы» были в форме коричневого цвета и оранжевых шлемах, единственным украшением которых были переkreщенные зеленые птичьи перья. Сравнивая темпераментных «Бакланов» с величественными, но медлительными «Горгонами», Глиннес ощутил острую необходимость в том, чтобы обсудить некоторые детали тактики с лордом Генсифером.

— Обратите, пожалуйста, внимание на «Бакланов» — они похожи на резвящихся жеребчиков, сумасбродных и не знающих, куда девать свои силы. Мне уже доводилось видеть такие команды — от них следует ожидать агрессивной, даже безрассудной игры. Наша задача — заставить их стать жертвой собственной горячности. Нам нужно подманить их, а затем отрезать форвардов, чтобы наша защита и полузащита получила двойной численный перевес над ними. Вот тогда, используя еще и наше преимущество в весе, мы получим шанс победить их.

Лорд Генсифер недовольно поднял брови.

— Шанс победить их? Что за чушь? Мы сметем их с игрового поля, как хороший пес, преследующий цыплят! Да нам даже не следовало играть с ними, если бы не надобность попрактиковаться.

— И все же, я советую прибегнуть к осмотрительной тактике. Надо позволить им совершать ошибки, иначе они смогут неплохо нас подоить.

— Ну, Глиннес! По-моему, вы здорово подрастеряли свою былую форму.

— Только в той мере, что теперь я играю не потехи ради. Я хочу заработать деньги — девять тысяч озов, если уж быть точным, и поэтому хочу победить.

— Неужто вы считаете, что деньги нужны только вам одному? — повысил голос лорд Генсифер. — А как, по-вашему, я сколотил уставной фонд? Приобрел форму? Оплатил общекомандные расходы? Я остался без озола за душой.

— Ладно, ладно, — произнес Глиннес. — Вам нужны деньги, мне нужны деньги. Вот давайте и выиграем, играя в ту игру, на которую мы более всего способны.

— Мы обязательно победим — ваши страхи надуманы! — провозгласил лорд Генсифер с прежним апломбом. — Я, что, по-вашему, только вчера родился? Мне досконально известны все нюансы игры. Все, хватит хныкать. Не к лицу вам робость — вы же не Зурани! Гляньте на трибуны — добрый десяток тысяч зрителей. Это существенно повысит выигрыш!¹

— Если мы победим, — унылым голосом уточнил Глиннес. Его внимание привлек зритель, одиноко сидевший в отдельной ложе на трибуне для высшей аристократии. Это был вооруженный биноклем и видеокамерой Льют Касагэйв. В этом не было ничего необычного — многие из поклонников хуссейда запечатлевали обнажение шейлы на видеопленку, одновременно записывая и музыку, сопровождавшую апофеоз состязания. Существовали даже прекрасные коллекции подобных записей. Тем не менее, Глиннес удивился, обнаружив такой горячий интерес к хуссейду со стороны Льюта Касагэйва. Он не производил впечатление человека, занимающегося подобными пустяками.

Судья в поле подошел к микрофону. Музыка стихла, зрители успокоились.

— Любители спорта Зауркаша и префектуры Джолани! Сегодня на нашем поле состоится хуссейдный матч между доблестными «Воалишскими Бакланами» с их шейлой Баро-

¹ Половина выручки от проданных входных билетов делится между состязавшимися командами в соотношении три четверти этой суммы — победившей команде, четверть — потерпевшей поражение.

бой Фелис и неукротимыми «Горгонами» лорда Таммаса Генсифера с прелестной Зурани Делькарго! Команды обязуются свято охранять честь и достоинство своих шейл со всей присущей им доблестью, залогом чему служат по полторы тысячи озов с каждой стороны. Пусть победители упиваются славой, а побежденные — гордостью за силу духа своей шейлы в столь прискорбный для команды момент и ее непорочность! Капитаны, подойдите ко мне!

Вперед вышли лорд Генсифер и Дензель Уорхаунд. Подброшенная монета предоставила право голоса в начале игры «Горгонам». Им разрешался открытый текст, пока горят зеленые сигнальные лампы, «Бакланам» — красные.

— При остановке игры за нарушение правил мгновенно замирать там, где кто находился, — предупредил судья в поле. — И никаких пинков ногами или хватаний руками. Как и словесных перепалок между игроками противоборствующих команд. Я также не потерплю захватов буфов, а сам удар буфом должен производиться чисто. Защищающаяся сторона не должна издавать никаких отвлекающих звуков. Я в этих делах дока — да и судьи на линии тоже. Мы будем настороже. Игрок в штрафном бассейне обязан пожать руку тому, кто помогал ему выбраться. Благодарственного взмаха руки или иного подобного же жеста будет недостаточно. Еще есть вопросы? Вот и прекрасно, господа хорошие. Расходитесь по своим игровым местам и пусть красота ваших шейл вдохновит обе команды на героические свершения. Зеленый свет для «Горгон», красный — для «Бакланов».

Игроки разобрались по своим местам, треванский оркестр грянул традиционный марш, под который капитаны повели своих шейл к пьедесталам, которые им надлежит занимать до окончания матча.

Оркестр замолк. Капитаны прошли к своим бакенам и наступил тот момент перед началом схватки, когда наэлектризованность атмосферы на стадионе достигла наивысшей точки. Притихли даже зрители. Игроки внутренне подтянулись. У охваченных трепетом шейл замерло сердце — каждая всеми фибрами души желала только одного: чтобы ненавистная ей шейла на другом конце поля была той из них, кому предстоит стоять обнаженной перед глазами тысяч зрителей.

Гонг! Загорелись зеленые сигнальные лампы. Капитан «Горгон» получил право в течение двадцати секунд отдавать команды своим игрокам тогда, как «Бакланы» все свои построения и ответные действия должны совершать молча. Лорд Генсифер развернул команду для осуществления первой фазы наступательной операции «Массированная атака через центр», предусматривавшей создание атакующего клина из крайних нападающих и инсайдов в центре площадки с подстраховкой всех боковых трасс полузащитниками. Лорд Генсифер явно не обратил внимания на совет Глиннеса. Чертыхнувшись про себя, Глиннес двинулся вперед, не встретив сопротивления, перепрыгнул центральный ров. Одновременно с ним то же самое сделал и Сават. Нападающие «Бакланов» расступились перед ними, а затем стали перепрыгивать ров в зоне, прикрываемой левым полузащитником «Горгон» Саркадо. Перед Глиннесом возник левый хавбек «Бакланов». Несколько секунд они оба делали ложные выпады буфами и обменялись несколькими ударами. Полузащитник «Бакланов» явно уступал Глиннесу: в мастерстве. Приобретенный за многие годы игры в хуссейд опыт подсказал Глиннесу в какой точно момент уклониться от выпада противника и нанести ему ответный удар. Он пришелся по шее «Баклана» как раз тогда, когда тот переносил точку опоры с одной ноги на другую. Потеряв равновесие, он бултыхнулся в бассейн. Громкий всплеск, которым сопровождалось его падение в воду, стал наградой Глиннесу за усердие.

Раздался еще один всплеск — это защитник «Бакланов» отправил в бассейн правого края Часта. А в ушах не переставали звенеть призывные выкрики лорда Генсифера:

— Опа-на! Опа-на! Вариант тринадцать — тридцать. Глиннес, вперед. Лючо, бери на себя защитника! Опа-на!

Зеленый свет сменился красным. Теперь Дензель Уорхаунд отдавал распоряжения и вместе с шестом подошел к центральному рву. В это же самое время вперед бросились центральные защитники, сразу оба против одного Глиннеса, но встретили достойный отпор и после нескольких ударов Глиннеса в грудь и по бокам даже столкнулись друг с другом. Глиннес с помощью трапеции перескочил на третью трассу, которая вела прямо к пьедесталу с шейлой, но защитники пришли в себя и один из них бегом бросился к лицевой линии, чтобы успеть прикрыть подходы к пьедесталу. Тем временем оба центральных защитника тоже перескочили вслед за Глиннесом на третью трассу и почти уже догнали его. Во время остановившись, он отправил в воду одного из них, а подоспевший на подмогу Сават — другого, после чего они оба устремились к пьедесталу, имея впереди себя только двоих защитников. Снова загорелся зеленый свет. Сзади послышались истошные вопли лорда Генсифера, затем прозвучал гонг. Глиннес обернулся и увидел, что один из форвардов «Бакланов» стоит на пьедестале рядом с Зурани, держа в руке золотое кольцо, служившее пряжкой ее одеяния. Игра прекратилась. Лорд Генсифер нехотя отсчитал выкуп Дензелю Уорхаунду.

Игроки команд вернулись на свои исходные позиции. Лорд Генсифер произнес раздраженно:

— Провал — вот точное слово! Нас наказали за то, что мы еще не проснулись как следует. Ведь по сути, они нам не ровня — они выиграли чисто случайно.

Глиннес едва сдержался, чтобы не процитировать старую прописную истину: в хуссейде не бывает случайностей. Вместо этого он сказал:

— Давайте давить на них по всему полю, переход за переходом, не позволяя им прорываться к нашим защитникам!

Ведь «Бакланы», отметил он про себя, выиграли гейм с помощью простейшего финта, благодаря которому один из них вихрем проскочил мимо зазевавшегося Рамоса.

Лорд Генсифер и на этот раз не обратил внимания на предложение Глиннеса.

— Повторим «Атаку через центр», только выполним ее на этот раз как полагается! Полузащитники подстраховывают боковые трассы. Края устремляются в брешь, пробитую инсайдами. Не позволим больше этим простофилям окунуть нас в воду!

Игроки заняли исходные позиции. Раздался гонг и зеленый свет открыл перед «Горгонами» возможность наступательных действий.

— Тринадцать — тридцать, опа-на! — вскричал лорд Генсифер. — Гоним их до самого кольца на животе у шейлы.

Снова форварды «Бакланов» не стали мешать Савату и Глиннесу преодолеть центральный ров. На этот раз они, однако, совершили перескок за спиной у Глиннеса и к огромной его досаде подсекли его своими буфами сзади. Он, возможно, все же устоял бы на ногах, если бы не подоспевший на трапеции один из полузащитников не столкнул бы его в бассейн.

Больше всего на свете ненавидел Глиннес вот такое вынужденное купание. Оказаться в холодной воде само по себе было не очень-то приятно, но хуже всего было то, что холодная ванна унижала его чувство собственного достоинства. В препротивнейшем настроении он побрел по дну бассейна под решеткой из трасс и переходов и, громко шлепая мокрыми подошвами, поднялся по лесенке на лицевую зону «Горгон». Он появился здесь в самый нужный момент и бросился наперерез к одному из крайних нападающих противника, который уже успел проскочить почти к самому пьедесталу. С удвоенной в результате холодного купания яростью он обрушил на противника целый град тычков и боковых ударов и успокоился только тогда, когда тот вверх тормашками полетел в бассейн.

Зеленый свет.

— Сорок пять — двенадцать! — вскричал лорд Генсифер. Глиннес аж взвыл — наиболее сложная из всех подготовленных лордом Генсифером комбинаций, «Граната» или двойная диагональ. Ничего не оставалось другого, как тут же рвануться вперед. Вот сейчас он себя покажет! Форварды дружно пересекли ров и, не встретив противодействия на центральном переходе противника, веером разошлись в разных направлениях, поддерживаемые сзади полузащитниками. Единственная слабая надежда на успех, подумалось Глиннесу, заключалась в том, чтобы достичь шейлы «Бакланов» до того, как ошеломленные поначалу соперники подберутся к шейле Зурани. Защитники «Бакланов» чуть сместились, чтобы прикрыть центр. По одному полузащитнику с каждой стороны унесла первая волна атаки «Горгон», и тогда лорд Генсифер послал вперед, через ров, двоих защитников, успев им крикнуть об этом на мгновение до того, как зажегся красный свет.

Дензель Уорхаунд все это время стоял, хладнокровно ухмыляясь, под охраной своего бакена. Как только наступил его черед распоряжаться действиями игроков, двое защитников «Горгон» были перехвачены и сброшены в бассейн. Глиннес, Сават и оба края, осознав, какая опасность грозит команде, помчались во весь опор назад, чтобы прикрыть пьедестал. Глиннес достиг своей зоны защиты как раз вовремя и, отогнав одного из «Бакланов» от пьедестала, отправил купаться. Лючо проделал то же самое с другим, но к этому времени уже почти вся команда противника штурмовала базовую зону вокруг пьедестала. Но тут подоспели выбравшиеся из воды защитники, мокрые и злые, и благодаря преимуществу в весе и охватившей их ярости отогнали «Бакланов» назад. Зеленый свет.

— Сорок пять — двенадцать! — снова завопил лорд Генсифер. — Вот теперь мы их дождем, ребята — дорога открыта! Вперед!

Глиннес, прейдя в бешенство от такой бестолковости капитана, все же отказался от дальнейших действий по защите шейлы и бросился выполнять команду капитана с другими нападающими. Легкие, но проворные защитники «Бакланов» кинулись за ними вдогонку... Гонг! Каким-то чудом (благодаря не столько проворству или хитроумию, а вследствие обыкновенного разгильдяйства со стороны защитников «Горгон») одному из полузащитников противника удалось достичь пьедестала и схватиться за золотое кольцо у талии Зурани.

Дрожащими пальцами лорд Генсифер еще раз отсчитал выкуп. При разборке он даже охрип, настолько разволновался.

— Вы не выполняете то, что от вас требуется. Нам не победить, если все будут едва ноги переставлять, как лунатики! Мы должны отобрать инициативу у этих парней! Ведь они еще совсем мальчишки! На этот раз давайте, в конце концов, сделаем все, как положено! Еще раз двойная диагональ, и каждый пусть занимается только своим делом!

Гонг. Зеленый свет. Подбадривающий клич лорда Генсифера «Опа-на!» и «Горгоны» разворачиваются в двойную диагональ своего капитана.

Двойной гонг, обозначающий остановку в связи с нарушением правил. Это сам лорд Генсифер схватил пальцами буф одного из полузащитников «Бакланов» и был препровожден в штрафной бассейн с тыльной стороны лицевого перехода «Бакланов», где и остался, понуро скорбившись и еле сдерживая ярость. Временно исполнять по обязанности капитана стал Глиннес, хотя и остался чистым нападающим.

Прозвучал гонг, снова загорелся зеленый свет. Глиннес не испытывал необходимости громогласно называть проводимую комбинацию, он только чуть приподнял и правую, и левую руки. Повинуясь поданному им знаку, края и инсайды ринулись решительно к центральному рву. Свет сменился на красный. Все еще находившиеся в приподнятом настроении «Бакланы» (как-никак, но они уже дважды подержались за золотое кольцо), сдвинулись влево, и двое из нападающих с помощью трапеций рванулись по диагонали к самой правой трассе, а один из полузащитников перепрыгнул ров. Его и еще одного форварда

сбросили в воду, другой предпочел отступить, а Дензель Уорхаунд решил отказаться от атакующих действий, пока не вступят в строй «купальщики». Зеленый свет. Лорд Генсифер, плавая в штрафном бассейне, делал отчаянные жесты, взывая к помощи. Глиннес же умышленно смотрел совсем в другую сторону. Полузащитникам он дал знак отправиться на боковые трассы и послал вперед обоих центральных защитников. Красный свет. «Бакланы» создали численный перевес на левом фланге, но пересекать центральный ров не решались. Хитрый Дензель Уорхаунд перешел к выжидательной тактике, рассчитывая на какой-нибудь опрометчивый маневр противника.

Зеленый свет. Глиннес отправил форвардов через ров и вызвал к центральному переходу, расположенному непосредственно перед рвом, обоих центральных защитников, создавая постепенное, но неуклонное нарастание численности и силового давления на более быстрого, но не столь физически сильного противника. «Горгоны» образовали мощную цепь на половине поля «Бакланов», противостояние принимало все более упорный характер, что выразилось в том, что в воде оказались оба крайних нападающих «Горгон» и оба инсайда «Бакланов». Лорд Генсифер все это время не переставал истошно вопить о помощи. Используя преимущество в весе и опыте, «Горгоны» все больше оттесняли игроков противника по всем трассам и прижимали их к базовой зоне. Еще трое «Бакланов», один вслед за другим, были отправлены в бассейн, затем еще двое. Наконец, прозвучал гонг — это «Король» Лючо достиг пьедестала и дотронулся до золотого кольца. Мрачный, как туча, лорд Генсифер выбрался из штрафного бассейна и с кислой миной принял выкуп из рук капитана «Бакланов».

Команды вернулись на исходные позиции. Лорд Генсифер, разозлившись после длительного пребывания в штрафном бассейне, возбужденно вещал:

— Безрассудная, совершенно безрассудная тактика! Когда команда проигрывает два гейма, защитникам ни в коем случае нельзя пересекать центральный ров — это один из первых принципов Каленшенко!

— Но ведь мы первыми достигли кольца, — произнес Лючо, наиболее прямой из всех игроков. — Вот что самое важное.

— Независимо от этого, — с металлом в голосе отчеканил лорд Генсифер, — мы будем придерживаться тех принципов, которыми я руководствовался при подготовке команды. При красном свете мы прибегнем к «Ложной атаке №4».

Лючо был не из тех, кому так легко заткнуть рот.

— Давайте просто сосредоточим все свои силы у рва. Нам не нужны никакие ложные атаки, отвлекающие маневры и вообще любые ухищрения — надо играть как можно проще!

— Это хуссейд, а не драка стенка на стенку, — торжественно провозгласил лорд Генсифер. — Мы покажем им такую игру, что у них голова пойдет кругом.

«Бакланы» с дерзким пылом пошли на приступ центрального рва — Дензель Уорхаунд явно намеревался предупредить тот тактический ход, к которому прибегнули «Горгоны» в предыдущем гейме. Они перепрыгнули ров почти по всей ширине поля, а сам Дензель Уорхаунд установил свой бакен в центре перехода, откуда вытеснить его мог только лорд Генсифер. Правый край Черст отправил в бассейн одного из защитников «Бакланов», а затем и сам последовал туда же. Правую боковую трассу теперь пришлось прикрывать Глиннесу.

Зеленый свет.

— Сорок пять — двенадцать! — прокричал лорд Генсифер. — На этот раз, ребята, покажем им класс!

— Мне кажется, что на этот раз нам самим кое-что покажут, — сказал Глиннес Уилмеру Гаффу. — То есть — Зурани.

— Капитан — он.

— Ну что ж, тогда двинулись.

Дензель Уорхаунд как предчувствовал, что будет разыграна именно эта комбинация. Его форварды вернулись, чтобы устроить «коробочку» Глиннесу, и он снова оказался в воде, сбитый с ног ударом буфа подоспевшего полузащитника. Лючо постигла аналогичная судьба на противоположном фланге. Они оба как можно быстрее ринулись к лестнице, но когда услышали, что треванский оркестр грянул «Гром победы раздавайся!», то поняли, что торопиться уже некуда.

— Вот и доигрались, — мрачно заметил Глиннес.

К тому времени, когда они поднялись на площадку, Дензель Уорхаунд все еще стоял на пьедестале, держась за золотое кольцо, а Зурани в смущении глядела в какие-то заоблачные выси.

— Так где же ваши деньги? Вашу шейлу спасут пятьсот озов. Пять сотен озов за ее честь и достоинство — разве это дорого?

— Я бы заплатил, — заметил Глиннес, обращаясь к Уилмеру Гаффу, — если бы не знал, что это выброшенные на ветер деньги. Все равно лорд Генсифер будет гонять меня по своей двойной диагонали, пока я не утону.

Музыка звучала все громче и громче, теперь она звучала настолько величественно, что покалывало в затылке и становилось сухо во рту. Толпа затаила дыхание в немом восторге. Лицо Зурани превратилось в застывшую мраморную маску — невозможно было догадаться, что творилось в ее душе. Затрепетав в последний раз на самой высокой ноте, мелодия неожиданно оборвалась. Воцарившуюся мертвую тишину взорвал гулкий бас особого гонга. Один раз, другой, третий. Капитан потянул за кольцо, одеяние Зурани упало к ее ногам, явив взорам зрителей ее съежившееся от страха, еще полудетское голое тело.

На противоположном конце поля шейла «Бакланов» Бароба Фелис исполнила импровизированный восторженный танец и прыгнула с пьедестала на руки «Бакланов», с гордо поднятой головой покидавших поле.

Лорд Генсифер молча принес черный бархатный плащ и прикрыл им Зурани. «Горгоны» также покинули поле. Он же первым нарушил тягостную тишину в раздевалке.

— Ну что ж, друзья, сегодня — не наш день — это совершенно ясно. «Бакланы» являются намного более приличной командой, чем кажется на первый взгляд. Нам так ничего и не удалось противопоставить их быстроте. Приглашаю всех в мою резиденцию. Не станем это называть празднованием победы, но просто попробуем, каково на вкус доброе сокальское вино...

В фамильном особняке к лорду Генсиферу вернулось прежнее спокойствие. С приветливой улыбкой на лицо он непринужденно расхаживал среди тех из своих приятелей-аристократов, которые уважали очередную его причуду, посетив стадион в Зауркаше. Вокруг заставленных яствами стоек, под ярко сверкающими диковинными люстрами, у стен, украшенных редкостной по богатству коллекцией знамен и хоругвей царила атмосфера безопасности и веселья.

— Никак не ожидал от вас такой прыти, Таммас, пока не понял, что вам вздумалось полюбоваться обнаженными прелестями этой толстушки, шейлы «Бакланов»!

— Ха-ха-ха! Да, я действительно спринтер, когда дело касается прекрасных дам.

— Мы давно уже знаем, что Таммас — великий спортсмен, но почему, скажите мне, почему «Горгоны» смогли один-единственный раз овладеть кольцом, пока он барахтался в отстойнике?

— Он там отдыхал, Джонас, всего лишь отдыхал. Зачем трудиться, когда можно отсидеться в чистой холодной воде?

— Прекрасная команда, Таммас, прекрасная! Ваши ребята делают вам честь. Держите их в крепких руках, чтобы сохранить в надлежащей спортивной форме.

— Непременно, сэр, непременно. Не беспокойтесь за это.

Сами «Горгоны» стояли застенчиво где-нибудь в сторонке или, устроившись в укромных уголках с изысканной мебелью, скромно попивали вина, которых никогда не пробовали прежде, и давали немногословные ответы на вопросы, задаваемые друзьями лорда Генсифера. В конце концов к ним подошел и сам лорд Генсифер, теперь уже в весьма благодушном настроении.

— Что ж, мне некого винить или упрекать. Скажу только то, что видно даже невооруженным взглядом: нет числа возможностям повысить уровень игры, и, звезды мне свидетели, — здесь лорд Генсифер воздел руки к потолку в позе разгневанного Зевса, — мы этого добьемся. От нападающих я требую большего задора и стремительности. От полузащитников — решительной работы с буфами, более быстрой реакции! У вас всех сегодня вдруг заболели ноги, полузащитники? Впечатление было именно такое. А от защитников требуется больше беспощадности, больше взаимовыручки, больше ответственности к порученному делу. Когда противник обрушивается на наших защитников, я хочу, чтобы они думали только о своем доме и своей матери. Вопросы есть?

Глиннес приподнял голову и устремил куда-то вдаль отрешенный взгляд, затем снова припал губами к бокалу с бледно-зеленым сокальским.

— Нашим следующим противником будут «Танхинары», — продолжал лорд Генсифер. — Мы встречаемся с ними на стадионе в Зауркаше через две недели. Я не сомневаюсь в том, что с ними все будет иначе. Я видел их игру. Они крайне медлительны. Мы просто обойдем их на пути к пьедесталу. Обычным прогулочным шагом. Мы отберем у них деньги и оголим их шейлу — и будем таковы!

— Если уж речь зашла о деньгах, — нарочито неторопливо начал Кэндольф, — то сколько их еще осталось в нашей казне после сегодняшнего фиаско? И вот что еще — кто теперь наша шейла?

— В казне будет две тысячи озовов, — холодно ответил лорд Генсифер. — Шейлой же может быть любое из очаровательных созданий, готовых разделить с нами наш взлет.

— У «Танхинар» медлительна передняя линия, но имея в тылу таких защитников, как Гилвег, Этцинг, Бэррю и Шэйморан, можно играть в инвалидных креслах.

Лорд Генсифер оставил это замечание без внимания.

— Хорошая команда играет в свою игру и навязывает ее противнику. Защитники «Танхинар» не из железа, а из такого же теста, что и мы. Мы заставим их так часто оказываться в воде, что им покажется, что они и впрямь танхинары¹.

— Вот за это я поднимаю свой тост! — воскликнул Чэйм, лорд Шадрак. — За одиннадцать промокших до мозга костей «Танхинар» и их голозадую шейлу!

¹ Танхинара — серебристо-черная рыба, обитающая в Южном Океане на большом удалении от берегов.

Глава 11

После угощения у лорда Генсифера Глиннес отправился ночевать к «Королю» Лючо, который жил на острове Альтрамар, всего лишь в нескольких милях к востоку от Пяти островов, отделенной от Южного Океана лагуной шириной в четверть мили и грядой песчаных кос. С веранды дома Лючо открывался вид на белоснежный пляж. Когда туда явились Глиннес и Лючо, любование звездами было уже в полном разгаре. Над несколькими полу-притухшими кострами жарились и шипели на противнях крабы, раки, морской лук, пятижаберники, морская капуста и смесь из различных мелких обитателей океанического шельфа. Было откупорено несколько бочонков пива. Стол ломился от караваев хлеба с поджаристой коркой, фруктов и консервов. Тридцать человек всех возрастов ели, пили, играли на губных гармошках, шумно возились на песке, увлеченно беседовали с теми, кого намеревались заманить на пляж поздней ночью. Глиннес сразу же почувствовал себя легко и непринужденно в полную противоположность к той скованности, которую он испытывал на званой дегустации вина у лорда Генсифера, где веселье не было таким искренним. Вот это и были те триллы, которых презирали фаншеры — несдержанные, легкомысленные, чревоугодливые, сластолюбивые, некоторые неряшливые и плохо умытые, другие — просто неопрятные. Дети предавались эротическим забавам наравне со взрослыми. Некоторые из собравшихся у Лючо были несомненно под воздействием коча. Каждый был одет так, как считал наиболее подходящим. Чужеземцу могло показаться, что он попал на своеобразный маскарад. У Лючо, подвергнувшегося немалому воспитательному и дисциплинированному влиянию хуссейда, одежда и манеры были куда сдержаннее, но и он, подобно Глиннесу, с удовольствием отдыхал на песке с кружкой пива и картонным подносом с жареными дарами моря. Пирушка была затеяна под формальным предлогом «полюбоваться звездами». Небо было ясным и звезды, казалось, висели прямо над головой, как огромные бумажные фонарики. Но всеми присутствующими уже овладело столь игривое настроение, что вряд ли в этот вечер можно было ожидать каких-либо глубоких раздумий, навеянных звездами.

«Король» Лючо играл в командах с высокой репутацией. На поле он считался игроком молчаливым, но большим мастером и почти неповторимым в своей способности в одиночку пробиться от своей лицевой линии до пьедестала противника сквозь кажущийся непреодолимым заслон из соперников — увертываясь, совершая каскады финтов, перескакивая с помощью трапеций с одной трассы на другую или делая вид, что перескакивает, а сам тут же отскакивая назад. Эта уловка соперникам зачастую казалась настолько убедительной, что под хохот зрителей они сами оказывались в воде. Кроме него еще только «Буян» Уилмер Гафф был представлен в первоначальной команде-мечте лорда Генсифера. Глиннес сел рядом с Лючо и они принялись обсуждать сегодняшнюю игру.

— По сути, — сказал Глиннес, — нападение у нас, если не считать «Косолапого» Часта, очень сильное, а вот тылы прямо-таки, жалкие.

— Что верно, то верно. Из Савата может получиться отличный форвард. К несчастью, Тамми все время сбивает его с толку и он не знает, то ли бросаться в атаку, то ли спешить на помощь защите.

«Тамми» было шутливым прозвищем лорда Таммаса Генсифера.

— Согласен, — сказал Глиннес. — Даже Саркадо более или менее подходящ, хотя в общем-то слишком нерешителен, чтобы претендовать на место в хорошей команде.

— Чтобы выигрывать, — сказал Лючо, — нам нужно укрепить защиту, но гораздо нужнее для нас капитан. Тамми ничего не смыслит в руководстве действиями команды.

— К несчастью, это его команда.

— Но время-то и прибыль наши! — выпалил Лючо с поразившей Глиннеса горячностью. — Как и наша репутация. От нее может ничего не остаться после сезона, проведенного в компании клоунов.

— Прежде всего, — сказал Глиннес, — каждый стремится к тому, чтобы играть в ту игру, которая больше всего соответствует его способностям.

— Я очень много размышлял над этим. Я покинул «Мстителей из Полдена», чтобы получить возможность жить дома, и считал, что лорд Генсифер, может быть, все-таки наберет приличную команду. Но это ему никогда не удастся сделать, если он будет упорствовать в стремлении обращаться с командой, как с принадлежащей ему игрушкой.

— И все же, он — капитан. Кто другой станет на это место? Может быть, ты?

Лючо покачал головой.

— У меня нет терпения. А ты?

— Я предпочитаю играть нападающим. А вот Кэндольф вполне годится на это место.

— Это на самый худой конец. Но на уме у меня более подходящая кандидатура — Дензель Уорхаунд.

Глиннес задумался.

— Он умен и он проворен. И не боится силовой борьбы. Из него был бы неплохой капитан. Насколько крепко он держится за «Бакланов»?

— Он хочет играть — вот что главное. У «Бакланов» нет даже своего поля. Такая команда, как правило, долго не держится. Уорхаунд перешел бы в другую команду, если бы представился удобный случай.

Глиннес осушил до дна свою кружку.

— Тамми бы сквозь пол провалился, если бы узнал, о чем мы сейчас разговариваем... А кто вон та смазливая девчонка в белой блузке? Мне больно смотреть, как она мучается в одиночестве.

— Это двоюродная сестра жены моего брата. Зовут ее Тайо. В самом деле, очень симпатичная девушка.

— Я сейчас пойду и спрошу у нее, хочет ли она стать шейлой.

— Она ответит, что ни о чем другом она не мечтает еще с девяти лет.

Встреча между «Горгонами» и «Танхинарами» состоялась во второй половине чудесного теплого дня, когда небо казалось полусферой из молочного стекла. «Танхины» были очень популярны в Зауркаше и стадион был переполнен. Из праздного любопытства Глиннес обвел взглядом ложи. В одной из них, как и раньше, сидел Льют Касагэйв с неразлучной своей камерой. Странно, отметил про себя Глиннес.

Команды выстроились для торжественного прохождения перед трибунами и вперед вышли шейлы: от «Танхины» Филена Саджо, дочь рыбака из Дальнего Леса, девушка с загорелым, свежим лицом, от «Горгон» — Кэрю Лириант, высокая темноволосая девушка с вполне зрелыми, пышными формами, явно проступавшими даже под складками ее стро-

гого белого одеяния. Лорд Генсифер хранил ее имя втайне и познакомил с командой всего за три дня до игры. Кэрю Лириант даже и не пыталась завоевать симпатии у игроков, что само по себе уже было очень дурным знаком. Тем не менее, Кэрю Лириант была наименее влиятельным фактором, определившим подавленное состояние игроков перед встречей с «Танхинарами». Куда важнее было то, что команду оставил левый крайний защитник Рамос, которому надоело выслушивать критические высказывания лорда Генсифера.

— Дело не в том, что я считаю себя слишком уж большим знатоком хуссейда, — сказал он лорду Генсиферу. — Дело в том, что вы разбираетесь в нем еще хуже меня. Не вам, а мне следовало бы подгонять вас этими вашими «Опа-на! Опа-на!»

— Вон с поля! — рявкнул лорд Генсифер. — Если вы не уйдете из команды сами, я все равно выживу вас!

— Ха-ха! — ответил Рамос. — Если начнете выживать всех, кто жалуется, то играть будете сами.

Вопрос о замене возник во время отдыха после тренировки.

— Есть тут у меня одна мыслишка, как помочь команде, — сказал лорду Генсиферу Лючо. — Предположим, вы займете вакантное место защитника — у вас есть все для этого данные. Вы достаточно крепки и достаточно упрямы для этого. В таком случае, есть у меня на примете один малый, который мог бы действительно стать очень неплохим нашим капитаном.

— Вот как? — ледяным голосом произнес Лорд Генсифер. — И кто же этот герой?

— Дензель Уорхаунд, выступающий сейчас за «Бакланов».

Лорду Генсиферу стоило огромных усилий сохранить самообладание.

— Куда более проще и менее разрушительно подыскать нового защитника.

Дальнейший разговор стал бесполезен. Новый защитник появился в команде уже на следующей тренировке, игрок, значительно уступавший даже Рамосу.

Вот поэтому-то «Горгоны» и выходили на матч с «Танхинарами» с далеко не самым оптимальным игровым настроением.

Обойдя вокруг поля, команды опустили на лица шлемы, осуществив всегда поражающее воображение превращения людей в неких героев-небожителей, причем каждый игрок в какой-то мере полагал, что и на него самого распространятся те качества, которые отражены на рисунке маски. Глиннес впервые увидел маски «Танхинов». Они представляли из себя подлинное произведение искусства — затейливый серебристо-черный орнамент в сочетании с роскошным плюмажем из красных и фиолетовых перьев. Когда «Танхиновы» заняли свои исходные позиции на поле, они представляли из себя довольно внушительное зрелище. Как и ожидалось, все игроки были рослыми и физически сильными. «Команда из десяти защитников и одного жирного старца» — так отзывался о ней Карбо Гилвег. «Жирным старцем» был капитан Ниро Неронави, никогда не покидавший безопасную зону вокруг своего бакена и чьи тактические построения были настолько же прямолинейными, насколько сложными и запутанными лорда Генсифера. Глиннес не предчувствовал трудностей для защиты: форварды «Танхинов» были неумелы в пользовании трапециями и быстрая передняя линия «Горгонов» могла легко переиграть сразу всю линию атаки противника. Совсем иное дело защита. Глиннес, будь он капитаном, заставил бы защитников смещаться то в одну сторону, то в другую, пока хоть на мгновение в их рядах не образовалась бы брешь, в которую молнией устремился бы один из форвардов. Он сомневался в том, что лорд Генсифер прибегнет именно к такой тактике и вообще сумеет ли настолько грамотно руководить действиями команды, чтобы можно было осуществить быстрые отвлекающие маневры и молниеносные прорывы.

Зеленый свет по жребии достался «Горгонам». Прозвучал гонг, вспыхнули зеленые лампы, игра началась. «Двенадцать — десять, опа-на!» — прокричал лорд Генсифер, посы-

лая к центральному рву форвардов и полузащитников и передвигая защитников на два пересечения вперед. «Тринадцать — восемь» — выпад крайних нападающих и полузащитников к боковым трассам в то время, когда инсайды уже готовы перепрыгнуть ров. Пока что как будто неплохо. Следующей командой почти мгновенно после этого должна быть «Восемь — тринадцать», означающая пересечение рва полузащитниками и финт нападающих влево. Полузащитники преодолели центральный ров. Форварды «Танхиар» заколебались, и наступило самое время быстрой атаки по правому флангу противника. Но лорд Генсифер не проявил должной решительности, элемент внезапности атакующих действий нападающих пропал, полузащитники вернулись на свою половину поля, преодолев ров в обратном направлении, и зажегся красный свет.

Подобным образом игра продолжалась в течение пятнадцати минут. Двое форвардов «Танхиар» были отправлены в воду при попытке провести атаку, но успели вернуться на площадку до того, как «Горгонам» удалось извлечь из этого какое-либо преимущество. Лорд Генсифер стал нетерпелив и попробовал новую тактику — как раз ту комбинацию, которую использовал Глиннес при выигрыше гейма у «Бакланов» и которая была совершенно неуместна против «Танхиар». Результатом же оказалось то, что плескаться в бассейне пришлось всем четырем нападающим, полузащитнику и самому лорду Генсиферу, а «Танхиары» чуть ли не церемониальным шагом пересекли все поле и без труда овладели кольцом. Лорд Генсифер уплатил более тысячи озов выкупа.

Команды перегруппировались.

— Знаю я один способ выиграть гейм, — шепнул Лючо Глиннесу. — Надо держать Тамми в штрафном бассейне.

— Отлично, — согласился Глиннес. — Комбинация «Сущая глупость». Скажи об этом Савату. Я скажу Часту.

Зеленый свет. Лорд Генсифер привел свою команду в движение. За две секунды до того, как свет переменялся на красный, вся передняя линия «Горгон» затеяла какие-то совершенно бессмысленные перемещения, и это настолько вывело из себя лорда Генсифера, что в своем гневе он проморгал смену цвета и продолжал громкими воплями увещевать вышедших из повиновения игроков. Игра была остановлена, и лорд Генсифер понуро побрел к штрафному бассейну, так до конца и не поняв, что же это произошло на самом деле.

Руководство действиями команды принял на себя, как и положено по правилам, выступавший в роли правого инсайда Глиннес. Пока горел красный свет, «Танхиары» попытались организовать штурм центрального рва. Оказываясь в нужной точке площадки в нужное время, форварды «Горгон» сумели отправить в бассейн обоих инсайдов противника и заставить отступить крайних нападающих. Зеленый свет. Настало время осуществления замысла Глиннеса. Одну за другой он объявлял намечаемые им комбинации. Передняя линия то устремлялась вперед, то откатывалась назад, затем неожиданно для противника все форварды и полузащитники «Горгон» одновременно преодолели ров. Полузащитники «Танхиар» были сметены в воду, но оставались защитники — несокрушимый оплот. Глиннес бросил в атаку и двух своих центральных защитников — теперь центр штурмовали сразу восемь человек. Защитники «Танхиар» были вынуждены сбиться в кучу, и этим воспользовался Глиннес, проскользнув к ним за спину, а за мгновение до того, как схватился за кольцо, еще и успел дружеским толчком корпуса смахнуть в воду Карбо Гилвега.

Лорд Генсифер угрюмо выбрался из штрафного бассейна и, не проронив ни единого слова хоть с кем-нибудь из своих игроков, принял тысячу озов из рук Нило Неронави.

Игроки команд разошлись по исходным местам. Красный свет. «Танхиары» сгруппировались у себя на левом фланге в надежде прельстить кого-нибудь из «Горгон» необдуманно перепрыгнуть через разделительный ров. Глиннес встретился взглядом с Лючо. Они оба прекрасно понимали намерения друг друга и оба пересекли ров, после чего ринулись вперед

по центральным трассам с такой скоростью, которая бы убедила всю остальную свою команду, что эта атака вовсе не является отвлекающим маневром, а предпринята с самыми серьезными намерениями. За ними вперед рванулись края и полузащитники. В возникшей суматохе, умело применяя финты и неожиданные перескоки с помощью трапеций, вся передняя линия «Горгон» ворвалась в базовую зону противника и вступила в схватку с защитниками. «Буян» Уилмер Гафф, полузащитник, проскользнул к пьедесталу и схватился за кольцо.

— Вот еще один способ выиграть, — радуясь, как ребенок, поделился с Глиннесом Лючо. — Начинаем атаку при смене света, когда Тамми не может ее отменить.

Команды вернулись к исходным позициям. Вновь зажегся красный свет. Нило Неронави решил прибегнуть к тактике, которая в большей мере соответствовала возможностям «Танхиар», и заключалась в том, чтобы с помощью массированного давления долбить оборону противника и мало-помалу все глубже в нее вгрызаться. В воде оказались Лючо и Част, вглубь своей половины поля были отогнаны Сават и Глиннес. «Танхиары» выдвинули ко рву всех своих защитников. Зеленый свет. Лорд Генсифер скомандовал «Двадцать — два», построение достаточно простое и достаточно приемлемое в данной ситуации, целью которой было вызвать сумятицу в рядах защитников «Танхиар» агрессивными действиями собственных форвардов. Защитники отступили, но дальнейшее продвижение «Горгон» было приостановлено. Карбо Гилвег вступил в схватку с Глиннесом. В воздухе замелькали их буфы. Пригнув голову, Гилвег бросился вперед, Глиннес попытался уклониться, но буфа Гилвега ему избежать так и не удалось.

— Ну как водичка? — спросил Гилвег, глядя с высоты площадки на мокнувшего в бассейне Глиннеса.

Глиннес ничего не ответил. Раздался гонг, означающий, что кому-то из «Танхиар» удалось овладеть кольцом.

Команды взяли пятиминутный перерыв для отдыха. С мукой на лице лорд Генсифер отошел в сторону. Лючо, тем не менее, поплелся за ним следом, чтобы приободрить.

— Они определенно еще раз организуют «Большой Навал». Они даже не станут дожидаться красного света и начнут нас теснить еще при зеленом. Нам нужно взломать их центр еще до того, как они переправят на нашу сторону всю свою переднюю линию.

Лорд Генсифер ничего не ответил.

Команды снова вышли на поле. Зеленый свет. Лорд Генсифер повел своих игроков к разделительному рву. «Танхиары» заняли круговую оборону, как бы предлагая «Горгонам» перейти к атакующим действиям в ситуации, когда более подвижные форварды «Горгон», прибегнув к трапециям, могут отправить в бассейн нескольких нападающих противника, отсеченных от мощных защитников — или могут сами оказаться в воде. Лорд Генсифер воздержался от атаки. Красный свет. «Танхиары» так и остались в круговой обороне. Зеленый свет. Лорд Генсифер продолжал сдерживать активность своих игроков, тем самым явно показав противнику, что его охватила нерешительность. И это было самым неблагоприятным с его стороны. Глиннес не вытерпел и обратился к нему:

— Давайте рванем через ров. Вернуться мы всегда успеем!

Лорд Генсифер продолжал стоять, как изваяние, сохраняя молчание.

Красный свет. «Танхиары» двинулись вперед, все одиннадцать человек, «поручив шейле охранять пьедестал», как гласит соответствующая присказка. Как и раньше, они провели массированный штурм разделительного рва, оставив на своей половине только защитников.

Зеленый свет. Лорд Генсифер распорядился сместиться вправо и атаковать «Танхиар», которые создали мощный плацдарм на своем левом фланге. В последовавшей за этим яростной схватке в бассейне оказались по два игрока каждой команды, но «Танхиарам» все

же удалось далеко назад оттеснить левое крыло «Горгон», а затем отправить купаться нерасторопного новенького защитника.

Загорелся красный свет. «Танхинары» пядь за пядью отвоевывали пространство, отделяющее их от пьедестала, где Кэрю Лириант продолжала стоять с откровенно скучающим видом, не проявляя хоть какой-нибудь озабоченности.

Зеленый свет. Ситуация требовала от лорда Генсифера самых решительных действий. Его форварды еще удерживали центр, но сюда же поспешили по центральным трассам полузащитники и даже защитники «Танхинар», до предела ограничили их ответные возможности и прижали к пяточку вокруг пьедестала. Глиннес сцепился с одним из инсайдов противника. На какое-то мгновение его взору открылся совершенно свободный путь через все поле — нужно было только каким-то образом увести с занимаемой им позиции лишь одного защитника, оставшегося на подстраховке.

Красный свет. Ухватившись за трапецию, Глиннес ушел от атаки форварда «Танхинар», перескочил на соседнюю трассу, со всех ног помчался ко рву и перепрыгнул через него. Перед ним открывался совершенно свободный путь вплоть до самого пьедестала. Ничто уже не может ему помешать! Карбо Гилвег, бросившийся за ним вдогонку по параллельной трассе, в последней отчаянной попытке совершил бросок через трехметровое пространство над водой, отделявшее одну трассу от другой, не имея времени прибегнуть к трапеции, и успел-таки зацепить буфом сзади несущегося к пьедесталу Глиннеса. Через мгновение они оба уже плескались в бассейне.

Раздались три удара гонга — встреча завершилась.

Судья в поле подозвал к себе лорда Генсифера и предложил уплатить выкуп. Но встретил отказ со стороны капитана «Горгон». Грянула волнующая, печальная мелодия, берущая за душу, как вид заходящего солнца, ритм ее был подобен пульсу нервно трепещущего сердца, а пение струн наполнено чисто человеческой страстностью. В третий раз судья в поле потребовал выкуп, и в третий раз лорд Генсифер оставил без внимания его требование. Инсайд «Танхинар» потянул за кольцо, длинное до пят платье соскользнуло с Кэрю Лириант. Уже совершенно обнаженная, она с прежней невозмутимостью продолжала глядеть на зрителей и даже чуть улыбалась. Улыбалась настолько беспечно, что как будто откровенно гордилась собой. Она приподнялась на одном носке и глянула через плечо, затем на другом и повторила тот же жест, но уже в противоположную сторону. Весь стадион так и обмер, изумляясь столь своеобразной демонстрации интимных достоинств.

Странная мысль пришла в голову Глиннесу. Он присмотрелся к шейле повнимательнее. Неужели Кэрю Лириант беременна? Эта же мысль пришла в голову и многим другим. Трибуны заволновались. Лорд Генсифер поспешно принес плащ и проводил с пьедестала свою все еще улыбающуюся шейлу. Затем обратился к команде:

— Сегодня угощения не будет. Ничего не поделаешь, но приходится, как это неприятно, выполнить свой долг и строго наказать за непослушание. «Король» Лючо, можете считать себя свободным. Глиннес Халден, ваше поведение...

— Лорд Генсифер, — произнес Глиннес, — избавьте меня от своих критических замечаний, я ухожу из команды. В таких условиях совершенно невозможно играть.

— Я тоже ухожу из команды, — поддержал Глиннеса левый инсайд Эрвил Сават.

— И я, — отозвался Уилмер Гафф, правый полузащитник, один из сильнейших игроков команды, принимавший на себя основное бремя всей черновой работы. Остальные игроки заколебались. Если они тоже уйдут из команды, то, скорее всего, так и не найдут другой уже существующей команды, к которой можно было бы пристать. Поэтому они предпочли придержать язык за зубами.

— Быть по сему, — сказал лорд Генсифер. — Для нас только лучше избавиться от вас. Все вы были чересчур уж своевольными — и вы, Глиннес Халден, и вы, Лючо, старались не упустить ни одной возможности подорвать мой авторитет.

— Только тем, что могли принести команде одно-два победных кольца, — заметил Лючо. — Да что тут говорить — желаю удачи вам и вашим «Горгонам»!

Он снял маску и вручил ее лорду Генсиферу. То же самое сделал Глиннес, затем Эрвил Сават и Уилмер Гафф. «Тумба» Кэндольф, единственный надежный защитник, осознав бесперспективность дальнейшего пребывания в команде, которая, по сути, перестала что-либо из себя представлять, тоже отдал свою маску лорду Генсиферу.

Выйдя из раздевалки, Глиннес сказал своим четырем товарищам:

— Сегодня вечером — все ко мне. Пусть это станет нашей вечеринкой по случаю одержанной только что личной победы. По случаю избавления от этого идиота Тамми.

— Очень верно подмечено, — согласился Лючо. — Я тоже не прочь пропустить кружечку-другую, но это куда веселее будет сделать на альтрамарском пляже, и там мы найдем благожелательных слушателей.

— Как хотите. Последнее время что-то слишком уж тихо у меня на веранде. Никто там не сидит, кроме меня, да еще, может быть, одного-двух мерлингов, когда меня нет.

По дороге к причалу пятерка повстречала Карбо Гилвега и еще двух танхинарских защитников. Все они были в приподнятом настроении.

— Хорошо вы играли, «Горгоны», но сегодня вы встретились с доведенными до отчаяния «Танхинарами».

— Спасибо за утешение, — ответил Глиннес, — вот только не называйте нас больше «Горгонами». Нам больше не доставляет удовольствия известность под этим именем.

— О чем это вы? Лорд Генсифер отказался от бредовой идеи руководить хуссейдной командой?

— Он решил отыгаться на нас, мы же не остались у него в долгу. А «Горгоны» все еще существуют, как мне кажется. Все, что понадобится Тамми, это новая передняя линия.

— Какое странное совпадение! — воскликнул Карбо Гилвег. — Это как раз то, что очень нужно и «Танхинарам». Вы куда сейчас направляетесь?

— К Лючо на Альтрамар — отпраздновать свою личную победу.

— Тогда уж лучше к Гилвегам, где будет отмечаться настоящая победа.

— Это не для нас, — сказал Глиннес. — Да и вам самим разве захочется терпеть наши кислые лица на празднике?

— Совсем наоборот! У меня даже есть особая причина для того, чтобы пригласить вас. Во всяком случае, давайте завернем в «Чудо-Линь» на пару кружек пива.

Все восьмером расположились за большим столом, и официантка принесла восемь полных до краев кубков.

Гилвег опустил взор, как бы рассматривая шапку из пены над своим кубком.

— Позвольте поделиться одной пришедшей мне в голову мыслью — совершенно очевидной и отличной. «Танхинарам», как и лорду Генсиферу, нужна передняя линия. Это никакой не секрет — все уже давно это признают. Мы — команда, состоящая из десяти защитников и одного пивного бочонка.

— Все это очень хорошо, и я разделяю твою точку зрения, — сказал Глиннес, — но вот ваши нападающие, независимо от того, являются ли они на самом деле защитниками или нет, будут определенно против этого.

— А какое они имеют право возражать? «Танхинары» — открытый клуб. Каждый может в него вступить, и если он подходит по всем показателям, то будет играть. Подумать только! Впервые на моей памяти жалкие «Зауркашские Танхинары» могут стать настоящей командой!

— Заманчивая мысль. — Глиннес обвел взглядом своих товарищей. — Ну и что вы на это скажете?

— Я хочу играть в хуссейд, — сказал Уилмер Гафф. — И всегда стремлюсь к победе. Мне по душе такой поворот дела.

— На меня тоже можете рассчитывать, — сказал Лючо. — Возможно, нам еще предоставится шанс сыграть с «Горгонами».

Сават также согласился с предложением Гелвига, а вот Кэндольф все еще сомневался.

— Я — защитник. Для меня нет места в составе «Танхинар».

— Ты в этом уверен? — спросил Гилвег. — У нашего левого крайнего защитника серьезная травма ноги. В составе неизбежно произойдут перестановки, и может случиться так, что для тебя освободится место левого полузащитника — ведь ты достаточно быстр. Так что — попробуем?

— В самом деле — а почему бы и не попробовать?

Гилвег осушил до дна кружку.

— Вот и прекрасно. Все улажено. Вот теперь мы все можем с чистым сердцем отпраздновать победу «Танхинар»!

Глава 12

Когда Глиннес на следующее утро добрался домой, то увидел чью-то чужую лодку, привязанную к причалу. Никто не сидел на веранде, да и сам дом оказался пустым. Глиннес вышел через черный ход и увидел прогуливавшихся по лугу Глэя, Акади и Джуниуса Фарфана. На всех троих была аккуратная одежда черного и серого цветов, принятая среди фаншеров. Глэй и Фарфан что-то горячо доказывали друг другу. Акади держался несколько в стороне от них.

Глиннес вышел на луг встретить гостей. Увидев удивление и даже некоторое презрение на лице Глиннеса, Акади ответил полузаспанной улыбкой.

— Ни за что бы не подумал, что вас может увлечь подобный вздор, — недовольно фыркнул Глиннес.

— Приходится идти в ногу со временем, — произнес Акади. — В самом деле, я получаю немалое удовольствие от подобной одежды.

Глэй бросил в сторону Акади неодобрительный взгляд, Джуниус Фарфан просто рассмеялся.

Глиннес взмахом руки пригласил всех троих на веранду.

— Устраивайтесь поудобнее! Я хочу угостить вас вином. Не возражаете?

Фарфан и Акади взяли по бокалу вина, Глэй коротко отказался и последовал за Глиннесом внутрь дома, в котором провел детство. Теперь он глядел на все вокруг себя глазами совершенно постороннего человека. Постояв так немного, он снова вышел на веранду и подозвал к себе Глиннеса.

— У меня есть для тебя предложение, — произнес Глэй. — Ты хочешь вернуть себе остров Эмбл. — Тут он поглядел на Джуниуса Фарфана, и тот положил на стол конверт. — Он будет тебе принадлежать. Вот деньги, с помощью которых можно выставить оттуда Касагэйва.

Глиннес протянул руку к конверту, но Глэй отвел ее в сторону.

— Не так быстро. Как только ты вернешь в свою собственность Эмбл, можешь отправиться туда жить, если сочтешь нужным. А в мое пользование перейдет Рабендари.

Глиннес с изумлением поглядел на Глэя.

— Теперь тебе захотелось Рабендари! Почему мы оба не можем жить, как братья, и вместе обрабатывать эту землю?

Глэй покачал головой.

— Если твое мировоззрение не изменится, то между нами всегда только будут трения. У меня нет сил, чтобы спорить с тобою. Ты берешь себе Эмбл, я забираю Рабендари.

— Никогда не доводилось слышать ничего более абсурдного, — произнес Глиннес. — Ведь эти оба острова принадлежат мне.

Глэй снова покачал головой.

— Никак нет, если Ширы живой.

— Ширы уже нет в живых. — Глиннес прошел к своему тайнику, откупорил кувшин и извлек золотой брелок, после чего принес его на веранду и швырнул на стол.

— Помнишь это? Я отобрал этот брелок у твоих приятелей Дроссетов. Они убили и ограбили Ширу, а тело бросили мерлингам.

Глэй посмотрел на брелок.

— Они в этом признались?

— Нет.

— Ты можешь доказать, что взял это у Дроссетов?

— Можешь поверить мне на слово.

— Этого недостаточно, — коротко бросил Глэй.

Глиннес медленно повернул голову и посмотрел на брата в упор, затем неторопливо поднялся во весь рост. Глэй продолжал сидеть в напряженной позе, как взведенная пружина.

— Разумеется, достаточно твоих слов, Глиннес, — поспешил успокоить его Акади. — Садись.

— Глэй может взять назад свое суждение, а затем и сам отсюда убраться.

— Глэй имел в виду, — сказал Акади, — что твоего слова недостаточно в юридическом смысле. Я прав, Глэй?

— Да, да, — скучающим голосом подтвердил Глэй. — Для меня лично твоего слова вполне достаточно. Тем не менее, мое предложение остается в силе.

— Почему это тебе вдруг так приспичило вернуться домой, на Рабендари? — спросил Глиннес. — Ты покидаешь наскучивший тебе костюмированный бал?

— Как раз наоборот. На Рабендари мы организуем общину Фаншерада, создадим творческий коллектив, своего рода лабораторию по постановке задач динамичного развития.

— Ну и ну! — изумился Глиннес. — Динамичного развития. А с какой такой целью?

— Мы намерены, — спокойно произнес Джуниус Фарфан, — основать академию свершений.

Глиннес, ошарашенный совершенно непонятными для него идеями, устремил взгляд на водную гладь.

— Честно признаться, я в недоумении. Скопление Аластор существует несколько тысяч лет, галактику населяют триллионы людей. Величайшие умы здесь, там, повсюду, где только ступала нога человека, давным-давно сформулировали все стоящие перед людьми задачи и успешно решили их. Все тайны окружающего нас мира раскрыты и осуществлены все цели — и не один раз, а многие тысячи раз. Хорошо известно, что мы живем в эпоху золотого заката человечества. Из этого следует, ответьте мне именем Тридцати Тысячи Звезд, где же это вы раскопаете нетронутую область знаний, которую так обязательно нужно углублять на лужке за моим домом на Рабендари?

Глэй в нетерпении даже засуетился, как бы устыдившись непроходимой тупости брата. А вот Джуниус Фарфан взял на себя труд вежливого разъяснения ситуации.

— Такие воззрения, естественно, хорошо нам знакомы. Однако совсем не трудно продемонстрировать, что объем знаний и, соответственно, размеры свершений ничем не ограничены. Всегда существует грань между известным и еще не познанным. А раз это так, то беспредельны и возможности, открывающиеся, куда ни кинь, перед любым количеством людей. Мы не претендуем, и даже не надеемся на то, чтобы раздвинуть границы человеческих знаний. Наша академия всего лишь пролог к этому. Прежде, чем приступить к исследованиям в новых областях знаний, нужно четко очертить старые и определить те области, где имеется возможность новых свершений. Такая работа грандиозна сама по себе. Я рассчитываю всю свою жизнь посвятить вот этой черновой, предварительной работе. Но даже

и в этом случае я наполню свою жизнь определенным смыслом, она не будет потрачена зря. Я предлагаю вам, Глиннес Халден, присоединиться к Фаншераду и разделить наши великие цели.

— И носить унылую, ничем не примечательную одежду, бросить хуссейд и любование звездами? Ни за что на свете! Мне абсолютно безразлично, достигну я чего-то или нет. Что же касается вашей творческой лаборатории, то если вы устроите ее у меня на лугу, вы испортите мне вид вон на тот лес. Присмотритесь к красоте деревьев! Полюбуйтесь вон теми бликами на воде! И вам очень скоро покажется, что все эти ваши разговоры о «свершениях» и «особом смысле жизни» сушая суета сует — напыщенная болтовня желторотых мальчишек.

Джуниус Фарфан рассмеялся.

— Я соглашусь с «суемой сует» как и с такими эпитетами, как самонадеянность, эгоцентризм, элитизм, какие только вы пожелаете выбрать. Да мы и не претендуем на что-то иное.

— Другими словами, — робко пояснил Акади, — Фаншерад искусно обращает ту силу, что изначально присуща людским порокам, для достижения по возможности более благородных целей.

— Дискуссии на отвлеченные темы — очень увлекательное занятие, — заметил Джуниус Фарфан, — но нам следует сосредотачивать свое внимание в большей степени на динамические, а не на статические процессы. Вы согласны с предложением Глэя?

— Чтобы остров Рабендари был превращен в сумасшедший дом, давший приют Фаншераду? Конечно же, нет! Неужели вы такие бездушные? Поглядите на этот пейзаж! Во вселенной полным-полно человеческих свершений, а вот красоты не всегда хватает. Организуйте свою академию где-нибудь на лавовом поле у подножья вулкана или в какой-нибудь пустыне. Но не здесь.

Джуниус Фарфан поднялся из-за стола.

— Мы желаем вам приятно провести день. — С этими словами он взял конверт. Глиннес весь подался вперед, но рука Глэя обхватила его запястье. Фарфан положил конверт к себе в карман.

Глэй отпустил руку, по-волчьи оскалив зубы в ухмылке. Глиннес наклонился вперед, напрягшись всем телом. Джуниус Фарфан хладнокровно поглядел на Глиннеса, и тот обмяк. Взгляд Фарфана остался таким же спокойным, уверенным и отрешенным.

— Я останусь здесь с Глиннесом, — сказал Акади. — Он меня подбросит домой чуть позже.

— Как хотите, — сказал Фарфан. Он и Глэй спустились к своей лодке и, бросив прощальный жадный взгляд на луг за домом, отчалили.

— Есть что-то явно нахальное в подобном предложении, — процедил сквозь зубы Глиннес. — Неужели они считают меня болваном, которого легко обвести вокруг пальца?

— Они непоколебимо уверены в благородстве своей цели, — сказал Акади. — Скорее всего, ты ошибаешься, принимая эту уверенность за нахальство... Не спорю, эти качества, бывает, незаметно переходят одно в другое. И все же, ни Глэй, ни Джуниус Фарфан наглцами не являются. Фарфан, пожалуй, чересчур уж вежлив, а Глэй выглядит несколько отрешенным, но тем не менее, как ни говори, парень честный и искренний.

Глиннесу с огромным трудом удавалось сдерживать негодование.

— Хороша честность, когда меня пытаются облапошить и отобрать то, что мне принадлежит по праву! Вам бы не мешало пересмотреть свои взгляды.

Акади поспешил заверить Глиннеса, что все это не столь уж существенно, и сменил тему.

— Вчера я смотрел хуссейд. Должен признаться, игра принесла мне большое удовольствие, хотя кое-что для меня так и осталось неясным. Хуссейд — одно из крайних проявлений межличностных взаимоотношений. Не бывает, чтобы одна игра была, как две капли воды, похожа на другую. Я даже в состоянии поверить в то, что использование масок является произвольным признанием необходимости уберечь игру от того, чтобы она не превратилась в выяснение отношений между личностями, доминирующими в каждой из команд.

— В отношении хуссейда любое суждение может оказаться верным. Я, например, знаю, что настолько уже не в состоянии переносить личность лорда Генсифера, что буду играть в «Танхинарах».

— Случилось так, что как раз сегодня утром я повстречался с лордом Генсифером. Л где бы ты думал? В таверне «Мирная Долина» на Воалише. За чашкой чая он упомянул, что отпустил на все четыре стороны нескольких игроков за непослушание.

— Непослушание? — возмущенно фыркнул Глиннес. — Если уж быть более точным, за явное недовольство. Что ему понадобилось в Воалише? Учтите, вопрос просто к слову. Платить гонорар не стану.

— Лорд Генсифер, — с важным видом ответил Акади, — беседовал на хуссейдные темы с несколькими «Бакланами». Как я полагаю, он склонял их к тому, чтобы пристать к «Горгонам».

— Вот это да! Значит, Лорд Генсифер не отказывается от своей затеи?

— Совсем наоборот. Он полон энтузиазма. Он утверждает, что был побежден только лишь из-за инертности и ужасного невезения, но никак не мастерством противника.

Глиннес презрительно рассмеялся.

— Всякий раз, когда лорд Генсифер отсиживался в штрафной яме, мы оказывались в состоянии выиграть гейм. Когда же он навязывал нам свои комбинации, нас, как зайцев, гоняли по всему полю.

— А с толстяком Неронави было бы лучше? Творческим подходом к игре он не очень-то блещет.

— Что верно, то верно, но с ним, по-моему, мы могли бы сыграть лучше. — Глиннес на мгновение задумался. — Вы не против того, чтобы еще разок сходить в Воалиш?

— Пожалуйста — другие дела меня пока что не поджигают, — ответил Акади.

Дензель Уорхаунд жил в небольшом домике между двумя развесистыми мирсалиями в самом начале Мирной Долины. Ему еще не сообщили о визите лорда Генсифера в Воалиш, однако он не высказал ни удивления, ни недовольства.

— Команда с самого начала предполагалась как временная. Меня удивляет, что она еще до сих пор держится. Одну минутку. — Он прошел к телефону и несколько минут разговаривал с кем-то, затем вернулся на крыльцо. — Оба инсайда, оба края и один полузащитник — все только что ушли к «Горгонам». Так что, можете теперь не сомневаться, «Бакланам» в этом году уже никак не взлететь.

— Лично вас, может быть, заинтересует вот что, — сказал Глиннес. — «Танхинарам» в самое ближайшее время может понадобиться энергичный капитан. Неронави стал слишком уж инертным. С умным капитаном «Танхинары» могут существенно повысить свой заработок.

Дензель Уорхаунд почесал подбородок.

— «Танхинары», если не ошибаюсь, открытый клуб?

— Распахнут настежь.

— Заманчивая идея, несомненно заманчивая.

Глава 13

Преобразование «Танхинар» из команды «десяти защитников и одного жирного старца» в хорошо сбалансированную, разностороннюю команду произошло не без крупной склоки. Нило Неронави распалился до такой степени, что категорически отказался признать тот факт, что в мастерстве он значительно уступает Дензелю Уорхаунду. Когда же это было наглядно продемонстрировано, он с громкой руганью покинул поле в сопровождении Шейлы, своей племянницы. Не прошло и часа, как в наружной беседке «Чудо-Линя» Неронави и его приспешники провозгласили себя ядром новой команды под названием «Зауркашские Рыбозабойщики» и так разошлись, что бросили вызов лорду Генсиферу, который случайно проходил мимо, настаивая на встрече с его «Горгонами». Лорд Генсифер дал согласие обдумать предложение.

«Танхинары», так неожиданно осознав, каким высоким потенциалом они теперь располагают, как бы пробудились после долгой спячки и тренировались с особым усердием, тщательно отшлифовывая точность исполнения технических приемов и скоординированность действий и расширяя набор основных наигранных комбинаций. Их первыми противниками должны были быть «Громилы из Галгэйда», городка, расположенного в Восточных Шхерах. «Громилы» играли, как правило, в матчах, в которых разыгрывалось не более полутора тысяч озов, а такая сумма как раз и соответствовала весьма скромным финансовым возможностям «Танхинар». Только вот кто станет их шейлой? Менеджер клуба Перинда познакомил команду с несколькими довольно-таки невзрачными претендентками, но команда сочла их неподходящими.

— Мы теперь классная команда, — громогласно объявил Уорхаунд. — Может быть, даже первоклассная — поэтому ищите для нас классную шейлу. Нас не устроит какая-нибудь засидевшаяся в девках толстуха, годящаяся разве что в качестве приманки для мерлингов.

— У меня есть одна девушка на уме, — признался Перинда. — Не то что первого — высшего класса девчонка. Всего у нее хоть отбавляй — «сашея», красоты, темперамента, за исключением одной или двух небольших заковык.

— И каких же? Она, что, мать девяти детей?

— Нет. Я уверен в том, что она — девственница. Ведь она — треванка. Это первая из заковык, о которых я упомянул.

— Вот как, — произнес Глиннес. — Ну и какие же другие ее недостатки?

— Она, похоже, слишком уж эмоциональна. Такое впечатление, что язык у нее сам по себе. Но как бы то ни было, ей присуща какая-то особая одухотворенность — идеальная шейла.

— Вот теперь все ясно. И имя ее — скорее всего, Дьюссана Дроссет?

— Совершенно верно. У вас есть возражения?

Глиннес провел языком по губам, пытаясь выяснить, каково же его истинное отношение к Дьюссане Дроссет. Можно было не сомневаться в ее «сашее», во внутреннем жаре, который от нее исходил — она безусловно станет мощным стимулом для команды.

— У меня нет возражений, — сказал Глиннес.

Если Дьюссана и смутилась, обнаружив Глиннеса в команде, то внешне на ней это никак не отразилось. На тренировочную площадку она пришла одна — независимое поведение было свойственно девушкам-треванкам. На ней была темно-коричневая накидка, которая под порывами южного ветра туго облегла ее стройную фигуру, и выглядела она очень привлекательно и весьма скромно держалась. Говорить ей, в общем-то, было не о чем, но за упражнениями «Танхиар» она следила с неослабевающим вниманием и, похоже, прекрасно понимала, что такое хуссейд, что заставило команду тренироваться с куда более возросшей энергией.

Дьюссана отправилась вместе с командой на веранду «Чудо-Линя», где команда обычно отдыхала сразу же после тренировки. Перинда казался каким-то рассеянным и когда официально представлял Дьюссану, несколько подчеркнуто назвал ее как «одну из наших кандидаток».

— Как по мне лично, — вскричал Сават, — то лучшей шейлы нам не сыскать. Так что давайте бросим раз и навсегда разговор о «кандидатках».

Перинда прочистил горло.

— Да, да, разумеется. Но есть еще пара вопросов, которые необходимо уладить. По сложившейся традиции мы выбираем себе шейлу после всестороннего обсуждения.

— Ну и что же еще нужно обсудить? — недовольно спросил защитник Этцинг, затем повернулся к Дьюссане. — Вы готовы преданно нам служить в качестве нашей шейлы и делить с нами все беды и радости?

Лучистые глаза Дьюссаны, пробегая по игрокам, казалось, на мгновение остановились при взгляде на Глиннеса, однако на вопрос Этцинга она ответила:

— Конечно же — да.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Этцинг. — Значит, провозглашаем ее нашей шейлой?

— Одну минутку, всего лишь одну минутку! — слегка покраснев, произнес Перинда. — Как я уже сказал, нужно обсудить пару несущественных вопросов.

— Каких же именно? — возмущенно рявкнул Этцинг. — Выкладывайте!

Перинда надул щеки, весь зардевшись от смущения.

— Мы сможем обсудить все это в другой раз.

Тут уж не выдержала Дьюссана.

— Что это за несущественные вопросы? Обсудите их сейчас, в присутствии всей команды. Возможно, я смогу объяснить все, что будет нуждаться в объяснении. Ну что мешкает? — вызывающе потребовала она от Перинды, который все еще колебался. — Если о чем-то еще нужно сказать, то я хочу услышать о чем. — И снова, как показалось Глиннесу, ее взгляд остановился именно на нем и притом уже надолго.

— Мне бы не хотелось произносить слишком уж крепких слов, — заикаясь, начал Перинда, — но имеются некоторые намеки и даже слухи в отношении... э... вашего целомудрия. И это не может не вызвать у меня определенных сомнений даже не смотря на то, что вы — треванка.

Глаза Дьюссаны вспыхнули.

— Неужели кто-нибудь смеет сказать подобное обо мне? Ведь все это так нечестно и малодушно! К счастью, я знаю, кто мой недруг, и я никогда ему не забуду нанесенного мне оскорбления!

— Нет, нет! — вскричал Перинда. — Я сам не знаю, откуда дошел до меня этот слух. Ведь это всего лишь...

— Ждите меня здесь! — повелительно сказала Дьюссана, обращаясь к команде. — Не расходитесь, пока я не вернусь. Коль я все равно уже унижена таким недоверием ко мне, то позвольте хотя бы опровергнуть те сплетни, что возникли вокруг меня!

Разъяренная до белого каления, она пулей вылетела из беседки и едва не сбила с ног оказавшегося у нее на пути лорда Генсифера вместе с одним из его закадычных дружков, лордом Аландриком.

— Силы небесные! — воскликнул лорд Генсифер. — Что это за девушка? И на кого это она так разгневалась?

— Милорд, — покорно произнес Перинда, — эта девушка — кандидатка в шейлы «Танхинар».

Лорд Генсифер рассмеялся, крайне удовлетворенный услышанным ответом.

— Она совершила самый мудрый поступок за всю свою жизнь, сбежав с церемонии посвящения в шейлы. По правде говоря — малышка более, чем восхитительна. Я бы сам с превеликим удовольствием потянул бы за ее золотое кольцо.

— Такой возможности, можете не сомневаться, вам никогда не представится, — произнес Глиннес.

— Не будьте столь самоуверенны! Теперь, когда произведены давно уже назревшие замены, «Горгоны» совсем другая команда.

— Как я полагаю, вы не против игры с нами, если будет разыгрываться устраивающая вас сумма?

— Конечно же. И какая же сумма устроила бы вас?

— Три тысячи, пять тысяч, десять тысяч — сколько вы сами пожелаете.

— Вот те на! Да ведь «Танхинары» никогда раньше не замахивались даже на две тысячи озов. Что же тогда говорить о десяти тысячах?

— Какую бы сумму не поставили на кон «Горгоны», мы ответим такую же.

— Ну что ж, это уже дело. Значит вы говорите — десять тысяч озов?

— А почему бы и нет? — Глиннес обвел взглядом всех собравшихся в беседке. Все игроки знали ничуть не хуже его, что в казне команды едва ли наберется самое большее три тысячи озов, но только Перинда выказал озабоченность.

— Прекрасно, — отрывисто бросил лорд Генсифер. — «Горгоны» принимают вызов и согласны в установленном порядке оформить достигнутую договоренность.

Он уже направился к выходу из беседки, но тут в нее снова ворвалась Дьюссана Дроссет. Ее золотисто-каштановые кудри были порядком растрепаны, но в глазах уже пылала не только ярость, но и чуть не меньшее торжество. Она сверкнула взглядом в сторону Глиннеса, а затем швырнула Перинде какую-то бумагу.

— Вот! Я должна была пройти через крайнее для меня унижение только для того, чтобы вырвать брызжащие ядом языки гадюк-злопыхателей? Читайте! Вы удовлетворены?

Перинда внимательно просмотрел бумагу.

— Похоже на то, что это справка, удостоверяющая непорочность Дьюссаны Дроссет, а заверитель никто иной, как доктор Ниамес. Что ж, этот щекотливый вопрос улажен.

— Не спешите с выводами, — раздался голос Глиннеса. — Какая дата на справке?

— Какая же ты дрянь, Глиннес! — взбеленилась Дьюссана. — Справка датирована сегодняшним числом!

Перинда утвердительно кивнул, после чего сухо добавил:

— Доктор Ниамес не проставил дату проверки с точностью до часов и минут, но, как я полагаю, требовать подобной точности — это уже слишком!

— Моя очаровательная юная леди, — вмешался лорд Генсифер, — а не думаете ли вы, что куда лучше для вас же самой было бы связать свою судьбу с «Горгонами»? У нас куда лучше воспитанная команда, не то что эти грубияны «Танхинары».

— С хорошими манерами в хуссейде нечего делать, — заметил Перинда. — Если вы хотите, чтобы вас раздели догола после первой же игры с вашим же участием, то, пожалуйста, ступайте к «Горгонам».

Дьюссана стрельнула в лорда Генсифера оценивающим взглядом, затем несколько сокрушенно покачала головой.

— Мне разрешено стать шейлой только у «Танхинар». Придется вам уламывать моего отца.

Лорд Генсифер воздел очи к потолку, как бы умоляя то или иное божество стать свидетелем того, что удовлетворить предъявленные к нему требования ниже его достоинства, затем низко склонил голову.

— Мои наилучшие пожелания.

Поднятием ладони он распрощался с «Танхинарами» и покинул беседку.

Перинда сразу же после его ухода с тревогой повернулся к Глиннесу:

— С шутками у вас, как я понял, все в порядке, вот только где нам взять десять тысяч озов?

— А где возьмет десять тысяч озов лорд Генсифер? Он даже пробовал занять деньги у меня. И кто знает, что принесут нам ближайшие месяц-два? К тому времени, может быть, десять тысяч озов покажутся нам довольно посредственной суммой.

— Кто знает, кто знает? — пробурчал Перинда. — Так вот, вернемся к Дьюссане Дроссет. Так шейла она у нас или нет?

Никто не возражал. Да, наверное, и не осмелился бы, так как Дьюссана по очереди посмотрела в упор на каждого. Вопрос шейлы был окончательно улажен.

Игра с «Громилами» прошла ошеломляюще легко. «Танхинары» с удивлением обнаружили, насколько эффективной оказалась их тактика. То ли они были в шесть раз сильнее, чем сами предполагали, то ли «Громилы», не оправдывая своего названия, были самой слабой командой префектуры Джолани. Трижды «Танхинары», атакуя мощно и решительно, преодолевали расстояние, отделяющее их от шейлы соперников, всегда оказываясь вдвоем против одного обороняющегося и постоянно держа в страхе шейлу «Громил», в то время, как Дьюссана стояла спокойно и уверенно, даже с некоторой горделивой осанкой, а белое длинное одеяние только еще сильнее подчеркивало хрупкую прелесть ее фигурки.

По окончании игры вся команда собралась в «Чудо-Лине». Дьюссана держалась несколько в стороне от общего веселья. Глиннес обвел взором других посетителей таверны и почти сразу же встретился с насупленным взглядом Ванга Дроссета. Немедленно вслед за этим отец вывел Дьюссану из помещения таверны.

Через неделю «Танхинары» отправились вверх по реке Скьюж в городишко Эрч на острове Малый Воуль сыграть с командой «Стихии Эрча». Результат оказался практически таким же. Лючо перешел на место левого инсайда, чтобы усилить атакующую мощь Глиннеса, играя с ним в тандеме, а Сават сыграл на правом краю ничуть не хуже, чем на своем прежнем месте. И все же в расстановке игроков еще были некоторые относительные слабости, чем могла воспользоваться достаточно опытная команда. Гайован, левый крайний нападающий, был слабоват физически и несколько робок, а Роло, левому полузащитнику, не хватало подвижности. Во время игры со «Стихиями» Глиннес заметил лорда Генсифера в одной из центральных лож. Он также заметил и то, что слишком уж часто взор лорда Генсифера обращен к Дьюссане, хотя в этом отношении он был далеко не одинок, так как очарованию, исходившему от Дьюссаны, совершенно невозможно было противиться. Когда она была в белом нарядном платье, начисто забывалось ее треванское происхождение. Она

казалась приводящим в исступление восторг украшением игры — была она одновременно томной и ироничной, беспечной и печальной, дерзкой и осторожной, мудрой и дурашливой. Но какие бы достоинства не видел в ней теперь Глиннес, в его памяти вновь и вновь всплывали среброзвонкий веселый смех и залитая звездным светом дорожка от причала к дому.

Слабость левого крыла «Танхинар» четко проступила в следующей же игре с «Драконами Хансарда», когда «Драконам» дважды удалось изрядно потеснить «Танхинар» на своем правом фланге. Всякий раз их останавливали защитники, затем следовала острая атака на шейлу справа, и три удачно проведенные вылазки, одна сразу же за другой, принесли «Танхинарам» общую победу в игре. И снова лорд Генсифер сидел в одной из центральных лож с несколькими не знакомыми Глиннесу людьми, а после игры появился в «Чудо-Линь», где подтвердил свое твердое намерение сразиться с «Танхинарами». Каждая сторона ставит на кон десять тысяч озов, на этом особо настаивал лорд Генсифер, а игра состоится ровно через четыре недели.

Не без колебаний принял Перинда вызов лорда Генсифера. Как только тот отбыл, «Танхинары» серьезно задумались над тем, какие хитрости и подвохи на уме у лорда Генсифера. Как выразился Гилвег: «Даже Тамми не питает никаких надежд на выигрыш с командой в ее нынешнем состоянии».

— Он считает, что в состоянии прорвать наш левый фланг, — угрюмо предположил Этцинг. — Сегодняшним нашим соперникам это почти что удалось.

— Он не станет рисковать десятью тысячами озов, исходя из подобных соображений, — сказал Глиннес. — Я чую целый букет самых невероятных штучек с его стороны, таких, как совершенно новая команда — например, «Карпауны Вертриса» или «Скорпионы Порт-Ангела» — нацепившая на себя в этот день маски «Горгон».

— Вот это, скорее всего, он и имеет в виду, — согласился Лючо. — Тамми считает, что будет очень неплохой шуткой обобрать нас с помощью подобной команды.

— Да и от десяти тысяч озов совсем не пострадает его самолюбие.

— Такая команда вспорот наш левый фланг, как кожуру у перезревшей дыни, — предрек Этцинг и глянул в ту сторону беседки, где с унылыми лицами прислушивались к разговору Гайован и Роло. Для них подобный разговор имел очень глубокий смысл: в соответствии с неумолимой логикой спортивных состязаний игрокам из команды с казною в две тысячи озов не найдется места в команде, располагающей в пять раз большей казной.

Через два дня «Танхинары» пополнились двумя новыми игроками. Первый из них — «Игла» Ялден — был в самом первоначальном составе команды-мечты Лорда Генсифера. Другой — Дион Слэйдин, привлек внимание Дензеля Уорхаунда, когда играл еще за малоизвестную команду. Уязвимый левый фланг «Танхинар» был таким образом не просто укреплен, а превращен в источник динамического потенциала всей команды.

Глава 14

Роло и Гайована уговорили остаться в клубе в качестве запасных и для участия в тренировочных играх как спарринг-партнеров, и в игре с «Вигтаунскими Выдумщиками» за две недели до матча-реванша с «Горгонами» они выступали на своих прежних местах. «Выдумщики» — команда с довольно неплохой репутацией, уступила в упорной борьбе один гейм прежде, чем нащупала слабинку на левом фланге. После этого они без устали делали пробные вылазки по своему правому флангу и так затерзали уязвимый левый фланг «Танхинара», что несколько раз прорывались по нему к самому пятаку и только там не смогли одолеть подвижных и физически крепких защитников. В течение почти десяти минут «Танхинары» держали глухую оборону на своей половине поля, испытывая, по-видимому, нехватку сил для атакующих действий, и все это время лорд Генсифер с особым пристрастием следил за их игрой из своей кровати, то и дело перешептываясь со своими друзьями.

«Танхинары» в конце концов встречу выиграли, хотя и с немалым трудом, но вновь уложились в три подряд победных гейма. Дьюссана же до сих пор так и не почувствовала прикосновения чьей-либо чужой руки к кольцу-пряжке на своем платье.

В казне команды теперь было уже десять с лишним тысяч озов, а ее игроки уже всерьез подумывали о том, каким образом разбогатеть и самим. Таких возможностей было несколько. Они могли и дальше считать свою команду двухтысячезоловой и играть с другими командами такого же уровня. Однако в этом случае график игр может показаться им настолько жестким, что успешно его выполнять станет просто невозможно. Можно было считать свою команду достигшей пятитысячезолового уровня и, играя в этой категории, не слишком-то много зарабатывать, правда, и не очень-то при этом рискуя. И можно было приравнять свою команду к командам высшей категории и играть с богатыми клубами, чтобы достичь как высокого уровня материального благополучия, так и того трудно передаваемого простыми словами состояния, известного под названием «истхаун»¹.

Если истхаун станет достаточно высок, то можно будет провозгласить свою команду достойной участия в регулярных чемпионатах и доказывать свою состоятельность во встречах с любыми командами как на Труллионе, так и на любой другой планете Скопления, претендуя на выигрыш любых огромных сумм, ограниченных только размерами собственной казны.

День матча-реванша начался с грозы. Багрово-лиловые молнии огненными фейерверками расцвели небо, проскакивая между тучами и время от времени ударяя в вершины

¹ Истхаун — состояние, характеризующееся экзальтированной гордостью и уверенностью в своих силах, той особой «маной», которая побуждает к совершению поистине безрассудных подвигов. Следует отметить, что подобное пояснение можно считать лишь грубо приближенным.

холмов, в результате чего росшие там высокие ми́насы мгновенно превращались в пылающие на ветру электрические факелы. К полудню грозовые тучи отнесло к горам, где они и застряли надолго, продолжая громовыми раскатами выражать свое неудовольствие задержкой в пути.

«Танхинары» первыми вышли на поле и так были представлены трибунам, заполненным шестнадцатью тысячами зрителей:

— Энергичные и безжалостные к соперникам «Танхинары» зауркашского хуссейдного клуба в своей традиционной форме серебристо-синего и черного цветов. Они поклялись во веки веков защитить честь и достоинство своей горячо любимой и исступленно обожаемой шейлы Дьюссаны! Состав команды: капитан — Дензель Уорхаунд, крайние нападающие — «Игла» Ялден и Эрвил Сават, инсайды — «Король» Лючо и Глиннес Халден, защитники... — Далее следовало перечисление всех остальных игроков команды. — А вот выходят на поле в своей поражающей воображение форме черного и красного цветов обновленные и готовые к самым решительным действиям «Горгоны», руководимые мудрым наставником и капитаном лордом Таммасом Генсифером и вдохновляемые неописуемым очарованием своей шейлы Арелмры. Крайние нападающие...

Точно, как и ожидал Глиннес, лорд Генсифер вывел на поле команду, самым коренным образом отличавшуюся от той, которую не так уж давно победили «Танхинары». Эти нынешние «Горгоны» выглядели уверенными в себе и целеустремленными, даже самым искушенным зрителям было предельно ясно, что им не привыкать к победам. Только одного человека из здешних мест заприметил Глиннес среди «Горгон» — капитана, Лорда Генсифера. Его замысел оказался, разумеется, прозрачным до неприличия — легко и быстро выиграть десять тысяч олов. В хуссейде порядочность была понятием не слишком-то почитаемым — ведь сама игра состояла из бесчисленного количества ложных выпадов, грязных уловок, различного рода ухищрений. Запугивание и прямой обман были неотъемлемыми элементами тактики любой команды. Следовательно, тот откровенный подлог, к которому прибегнул лорд Генсифер, не добавлял ему ни авторитета, ни позора, и вообще не затрагивал его репутацию, как если бы был совершен в игре, в которой на такие мелочи смотрят сквозь пальцы.

Под исполняемую оркестром традиционную мелодию «Чудо изящества и красоты» капитаны препроводили своих шейл к соответствующим пьедесталам. От шейлы «Горгон» Арелмры, пышной, темноволосой девицы, не исходило мощных импульсов того единения с командой, той непосредственности, что согревает душу игроков и придает новые силы усталым мышцам, она, короче говоря, не обладала способностью зажечь огонь в крови. От внимания Глиннеса не ускользнуло, что лорд Генсифер выглядит непривычно мирным и сдержанным. По-видимому, у него изрядно поубавилось апломба, когда он заметил изменения, произошедшие в линиях нападения и полузащиты «Танхинара». Тем не менее, после некоторых размышлений он безразлично пожал плечами и даже чуть-чуть, как бы про себя, улыбнулся.

Игроки команд заняли свои места. Трубы, барабаны и флейты зазвучали еще громче — над стадионом раздавалась хватающая за душу мелодия «Каждой шейле грезится слава».

Капитаны и судьи в поле сошлись на центральном мостике. Пользуясь случаем, Дензель Уорхаунд заметил:

— Лорд Генсифер, лица большинства игроков вашей команды нам совершенно не знакомы. Они все из наших мест?

— Мы все граждане Аластора. Мы все здешние, все пять триллионов, — весомо произнес лорд Генсифер. — А ваши игроки? Они все живут в Зауркаше?

— В Зауркаше или его окрестностях.

Судья в поле подбросил монету. Зеленый свет достался «Горгонам», и игра началась. Лорд Генсифер назвал построение и форварды двинулись вперед — энергично, уверенно, целеустремленно. «Танхинары» сразу же почувствовали команду высокого класса.

«Горгоны» провели отвлекающий маневр на правом фланге «Танхинар», затем организовали яростную атаку на левом. Мощные парни в красном и черном, в масках, идиотски ухмыляющиеся в плотоядном оскале, сошлись в бешеной схватке с серебром и чернью. И все же левый фланг «Танхинар» отступил ровно настолько, чтобы отделить нескольких «Горгон» от остальной команды и прижать их ко рву. Свет сменился на красный. Уорхаунд сделал попытку захлопнуть капкан вокруг двоих далеко продвинувшихся «Горгон», но полузащитники «Горгон» рванулись вперед и расчистили путь к отступлению. Какое-то время игра шла с переменным успехом, напоминая разведку боем, когда каждый проверял на прочность противника. После десяти минут столь невыразительной игры лорд Генсифер неосмотрительно покинул безопасную зону вблизи своего бакена. Глиннес тотчас же перепрыгнул ров, вступил в схватку с лордом Генсифером и опрокинул его в бассейн.

Выбрался он из бассейна мокрый и злой — именно это и входило в намерения Глиннеса. Ничто другое не могло так помешать «Горгонам» показать хорошую игру, как та горячность, с которой лорд Генсифер назначал одну за другой все более замысловатые комбинации. «Танхинары» же, не мудрствуя лукаво, осуществили классический прорыв по центру, оказавшийся вследствие своей простоты неожиданным для противника, Эрвил Сават вспрыгнул на пьедестал и схватился за кольцо Арелмры. На аристократическое лицо девушки легла тень досады — она совершенно не ожидала такого вторжения в ее святая святых.

С лицом черным, как туча, лорд Генсифер уплатил выкуп в размере пяти тысяч озовов, и судья в поле объявил пятиминутный перерыв на отдых.

— Тамми исходит желчью от бешенства, — сказал Лючо, когда «Танхинары» устроили во время перерыва летучее совещание. — Все складывается совсем не так, как он предполагал.

— Давайте-ка выкупаем его еще разок, — предложил Уорхаунд.

— Как раз вот это я и имел в виду. Команда классная, но ее можно одолеть благодаря Тамми.

— Только не надо это афишировать, — предупредил Глиннес, — чтобы они не догадывались, что мы затеваем! Тамми надо отправить в воду во что бы то ни стало, но сделать это так, как будто это обычная случайность.

Игра возобновилась. Лорд Генсифер, подогреваемый kloкочущим в нем гневом, распалялся все больше, и эта ярость, казалось, передавалась и его игрокам. Ожесточенные схватки возникали то на одной половине поля, то на другой, все более быстрыми и решительными становились действия игроков. Пока горел красный свет, Уорхаунд двинул вперед свое левое крыло, а затем оно неожиданно изменило направление атаки и ринулось на лорда Генсифера. Отчаянная его попытка укрыться в безопасной зоне вокруг своего бакена с треском провалилась — он был перехвачен и опрокинут в воду. На какое-то мгновение перед форвардами «Танхинар» открылась свободная трасса вплоть до самого пьедестала, и Уорхаунд тотчас же бросил их вперед, отбросив всякую осторожность. Поднявшийся по лестнице лорд Генсифер — взгляд его теперь уже стал совершенно безумным — подоспел точно к тому моменту, когда настал черед во второй раз выплачивать выкуп. Его десяти тысяч озовов как не бывало.

Несколько подрастерявшиеся «Горгоны» собрались все вместе, чтобы посоветоваться. Воспользовавшись этим, Уорхаунд обратился к судье в поле:

— А как обычно называет себя эта команда?

— А вы не догадываетесь? Да ведь это же знаменитые «Стилеты» с планеты Руфаус, выехавшие на гастрольное турне. Сегодня вы играете, как очень неплохая команда. «Стилеты» уже разгромили «Скорпионов» из Порт-Ангела и «Неустрасимых» из Джонуса — правда, должен отметить, со своим собственным капитаном.

— Коль так, то давайте закатим всем им хорошую баню, чтоб потом не смели жаловаться на плохое руководство. Почему только бедняга Тамми должен быть сегодня принесен в жертву?

— Браво! Мы отправим их к себе домой на Руфаус чистенькими и причесанными!

Красный свет. «Танхины» форсировали разделительный ров и обнаружили, что противник перешел в глухую оборону. Располагая двумя выигранными геймами в запасе, защитники «Танхины» могли себе позволить большие вольности, чем обычно. Они выдвинулись ко рву, а затем тоже пересекли его — маневр, который показывал, с каким оскорбительным пренебрежением команда перестала считаться с атакующими возможностями противника. И сразу же разразилась буря — вспыхнула ожесточенная рукопашная схватка по всему фронту обороны «Горгон». В бассейн угодило сразу несколько человек с каждой стороны, а на всех трассах красное и черное с трудом сдерживало натиск черни и серебра, в мерзких черных пастях масок сверкали металлом клыки, все смешалось во всеобщей свалке перед пятачком «Горгон», накал борьбы стал таким, что никто уже не слышал хриплых окриков капитанов, тонувших в реве зрителей и вое волюнок, которым они подбадривали игроков. С лица Арелмры, стоявшей с прижатыми к груди руками, исчезла отрешенность — она, качалось, вот-вот застонет и разрыдается, хотя ее голоса так никто и не услышит во всеобщем гвалте, поднявшемся на стадионе. Мощные защитники «Танхины» пробили брешь в рядах «Горгон», и Уорхаунд, отшвырнув бакен, ринулся в эту брешь, чтобы завладеть золотым кольцом.

Белое платье слетело с Арелмры — она стояла теперь совершенно голая, а страстная музыка торжественно отмечала поражение «Горгон» и трагизм унижения их шейлы. Лорд Генсифер принес ей халат и вывел с поля, остальные игроки побежденной команды, низко понурив головы, последовали за ним. Восторг же «Танхины» был столь огромен, что они подняли на руки Дьюссану и под звуки традиционного гимна, восхваляющего незапятнанную честь шейлы-победительницы, пронесли ее через все поле и поставили на пьедестал шейлы «Горгон». Не в силах больше сдерживать обуревавшие ее чувства, Дьюссана взметнула вверх руки и закричала от радости. Смеясь и плача, она стала целовать всех «Танхины» подряд, пока не наткнулась на Глиннеса. Вот тогда она вся как бы снова ушла в себя и покинула поле.

Сразу же после игры «Танхины» собрались в «Чудо-Лине», чтобы принять поздравления многочисленных болельщиков.

— Не было у нас еще такой решительной, такой агрессивной, такой дерзкой команды!

— «Танхины» прославят Зауркаш на всю планету! Подумать только!

— И что теперь будет делать лорд Генсифер со своими «Горгонами»?

— Может быть, теперь он попытается выставить против «Танхины» сборную какой-нибудь из префектур или даже «Непобедимых» с Зеленой Звезды.

— Я бы поставил свой озол на «Танхины».

— «Танхины»! — вскричал Перинда. — Я только-только от телефона! Нам предложили сыграть пятнадцатитысячезоловую игру! Ну как, хотите?

— Естественно, хотим! С кем?

— С «Карпаунами из Вертриса».

В беседке мгновенно стало тихо. «Карпауны» считались одной из пяти лучших команд Труллиона.

— Им совершенно ничего неизвестно о «Танхинарах», за исключением того, что мы выиграли несколько игр, — продолжал Перинда. — По-моему, они рассчитывают на легкий выигрыш пятнадцати тысяч озов.

— Прожорливые хищники!

— У нас аппетит такой же, как и у них — может быть, даже сильнее.

— Игру предполагается провести в Уэлгене, — продолжал Перинда. — В дополнение к тому, что будет на кону, победителю достанется двадцать процентов от стоимости проданных билетов. Если мы выиграем, то сможем увеличить капитал клуба до сорока тысяч озов — то есть, почти по три тысячи на брата.

— Не так уж плохо для одного рабочего дня!

— Но это только в том случае, если мы выиграем.

— За три тысячи озов я согласен играть один — и выиграю!

— «Карпауны», — сказал Перинда, — команда чрезвычайно сильная и опытная. Она всухую выиграла двадцать восемь встреч подряд, а к кольцу ее шейлы еще ни разу не прикасалась рука противника. Что же касается «Танхинар» — не думаю, что кому-либо известна ее настоящая сила. Сегодняшние «Горгоны», отменная команда, которой не повезло с капитаном. «Карпауны» — команда примерно такого же класса, и не исключено, что даже сильнее. Ну так что — будем голосовать? Кто за то, чтобы помериться силами с «Карпаунами»?

— За три тысячи озов я бы сразился с командой из настоящих карпаунов¹.

¹ Карпаун: свирепый тигроподобный зверь, обитающий на Шамшинных Вулканах.

Глава 15

Уэлгенский стадион, крупнейший в префектуре Джелани, был переполнен зрителями. Четыре крытые трибуны заняли аристократы префектур Джолани, Минч, Стравинай и Гелкин. Тридцать тысяч зрителей из простонародья разместились на скамьях, установленных на многочисленных общедоступных трибунах. Из Вертриса, расположенного в трехстах милях к западу, прибыла большая группа поддержки. Она разместилась в секторе, окрашенном в оранжевый и зеленый цвета любимого клуба. Его болельщики подняли высоко над своими головами двадцать восемь оранжево-зеленых знамен, обозначавших двадцать восемь побед кряду.

Уже за час до начала встречи оркестр начал играть хуссейдные мелодии: победные гимны доброй дюжины знаменитых команд, старинные песни, оплакивающие поражения или прославляющие спортивные подвиги легендарных игроков прошлого, «Боевой марш хуссейдеров-мираксиан», от звуков которого застывали жилы и выкручивало внутренности, врезающуюся надолго в память томительно-сладостную и одновременно печальную «Грезы шейлы Хральзы» и, наконец, за пять минут до начала — «Славу Забытым Героям».

Первыми на площадке появились «Танхинары» и расположились у восточного пьедестала, сдвинув далеко на затылок свои серебристые маски. Мгновением позже у западного пьедестала появились «Карпауны». На них были кожаные темно-зеленые короткие куртки и трусы, испещренные темно-зелеными и оранжевыми полосами. Как и «Танхинары», они отбросили назад свои маски. Обе команды хмуро глядели друг на друга, построившись вдоль своей лицевой линии каждая. Джиян Ауд, капитан «Карпаунов», ветеран тысяч игр, был известен как подлинный тактический гений. От его глаза не ускользала ни одна мелочь. На каждое изменение ситуации он всегда тотчас же, зачастую чисто интуитивно, находил единственно верный ответ. Дензель Уорхаунд, напротив, был молод, изобретателен, быстр, как молния. Ауд полагался на опыт. Уорхаунд — всегда готовый выплеснуть множество еще не опробованных на практике тактических уловок. Оба капитана были уверены в своих силах и знали себе цену. Огромным преимуществом «Карпаунов» была сыгранность. «Танхинары» могли противопоставить им брызжущую через край энергию и задор — в подобной игре эти качества могли оказаться решающими. «Карпауны» знали, что они победят. «Танхинары» знали, что «Карпауны» потерпят поражение.

Команды терпеливо ждали, пока оркестр не сыграет «Тресильдаму», традиционное приветствие, обращенное к состязающимся командам, после чего на поле, наконец, появились шейлы в сопровождении капитанов. Оркестр грянул «Чудо Изящества и Красоты». Именно такую и оказалась шейла «Карпаунов», блондинка с лучистыми глазами по имени Фареро, источавшая «сашей» всем своим обликом. Как только она ступила на пьедестал, то подвергшись какому-то таинственному процессу внутренней трансформации, почти мгновенно стала чем-то намного большим, чем просто красивой девушкой, превратившись как

бы в свой собственный архетип, носительницу неких обобщенных, изначально присущих ей качеств в их наиболее крайних проявлениях. Таким же точно образом и Дьюссана стала многократно обогащенной версией самой себя, эталоном хрупкой и томной красоты и одновременно с этим — неукротимой смелости и необузданности в проявлении чувств с налетом благородного и отчаянного безрассудства, и все это столь же неотразимо воздействовало на игроков ее команды, как и горделивая величавость Фареро.

Игроки натянули на лица маски, теперь друг на друга через все поле смотрели сверкающие серебром чешуи танхины на безжалостных карпаунов.

Зеленый свет, а с ним и возможность первыми приступить к наступательным действиям по жребию досталась «Карпаунам». Игроки команд заняли исходные позиции. Характер музыки, исполняемой оркестром, изменился, тональность и тембр звуков, издаваемых каждым инструментом, с каждым мгновением становились все выше и все богаче, пока не слились в заключительном прекрасном аккорде. Воцарилась мертвая тишина. Сорок тысяч зрителей затаили дыхание.

Зеленый свет. «Карпауны» ринулись вперед, создав свою знаменитую «Приливную Волну» с целью отсечь, а затем и подавить переднюю линию обороны. Разделительный ров пересекли форварды, следом за ними — полузащитники и даже защитники, стремясь как можно быстрее войти в соприкосновение с противником.

«Танхины» были готовы к подобной тактике. Вместо того, чтобы откатиться назад, все четыре защитника устремились вперед и команды сошлись, как два бешено мчащихся стада, устроив всеобщую свалку. Через несколько минут Глиннесу удалось высвободиться и он первым достиг пьедестала. Глянув в упор на Фареро, шейлу «Карпаунов», он схватился за кольцо. Девушка была бледна и взволнованна, явно не понимая, что в данный момент происходит — никогда раньше рука противника не протягивалась к ее кольцу.

Прозвучал гонг. Джиан Ауд без особого энтузиазма выложил восемь тысячеозоловых купюр и еще мелочь. Команды взяли тайм-аут для отдыха. В бассейне довелось выкупаться пяти «Танхиным» и пяти «Карпаунам» — каждой из команд в этом отношении досталось поровну. Уорхаунд ликовал.

— Команда классная, нет вопросов! Но наши защитники более стойкие, а нападающие — более быстрые! Только полузащита превосходит нашу, да и то не очень!

— Какое построение они применяют в следующем гейме? — спросил Гилвег.

— По-моему, то же самое, — ответил Уорхаунд, — но более методично. Они хотят вывести из игры наших нападающих, а затем реализовать численное преимущество.

Игра возобновилась. На этот раз Ауд распорядился своими игроками в более традиционной для начальной фазы борьбы манере, пытаясь неожиданными выпадами и отвлекающими маневрами сделать «коробочку» кому-либо из форвардов «Танхины» и устроить ему купанье. Хитрый Уорхаунд, разгадав замысел противника, умышленно берег силы, избегая групповых схваток, и в конце концов перехитрил Ауда. «Карпауны» предприняли попытку неожиданным кинжальным ударом прорвать центр, форварды «Танхины» юркнули в стороны и пропустили атакующих игроков, а затем перепрыгнули ров. Лючо взобрался на пьедестал и схватился за кольцо Фареро.

Еще семь тысяч озолов было выплачено в качестве выкупа.

— Не расслабляться! — предупредил команду Уорхаунд. — Сейчас противник особенно опасен! Случайно никак нельзя выиграть двадцать восемь встреч кряду. Уверен — сейчас будет «Приливая Волна».

Уорхаунд оказался прав. «Карпауны» бросили на штурм обороны «Танхины» все свои силы. Первым в бассейн полетел Глиннес, за ним Слэйдин и Уилмер Гафф. Глиннес еще успел, едва только поднявшись по лестнице, отправить в воду прорвавшегося по краю на-

падающего противника всего в трех метрах от пьедестала, но затем выкупался вторично и, еще находясь в бассейне, услышал удар гонга.

Впервые в жизни Дьюссана почувствовала чужую руку на золотом кольце. Уорхаунд, вне себя от ярости, вернул восемь с лишним тысяч озов.

Никогда еще не доводилось Глиннесу участвовать в столь упорной и изнурительной игре. «Карпауны», казалось, не знали усталости. Они носились по всему полю с такой скоростью и энергией, как будто еще не были сыграны три тяжелых гейма. Не дано ему было знать того, что и для «Карпаунов» форварды «Танхи́нар» чудились непредсказуемыми серебристо-черными молниями, неистовыми, как дьяволы, и столь неестественно проворными, что казались несущимися по воздуху, в то время как защитники «Танхи́нар» разрослись в их глазах до четырех апокалиптических вершителей их судеб.

Яростные схватки возникали то в одном, то в другом конце поля. Пядь за пядью «Танхи́нары» отвоевывали пространство, отделяющее их от заветного золотого кольца, их расшви́репевшие форварды, молниеносно перескакивая с одной трассы на другую и безжалостно орудуя буфами, с неукротимой энергией прокладывали путь к пятачку перед пьедесталом «Карпаунов». Рев зрителей почти совершенно перестал восприниматься сознанием, казалось, что вся вселенная сократилась до размеров игрового поля и в ней остались только трассы, трапеции и солнечные блики на поверхности воды в бассейне под игровой площадкой. Какое-то плотное облако на мгновение заслонило солнце. И почти в это самое мгновение Глиннес увидел брешь в обороне противника. Ловушка? Из последних сил он рванулся вперед. Из груди оранжево-зеленых исторглись хриплые вопли. Маски «Карпаунов», еще мгновение назад казавшиеся такими сосредоточенными и суровыми, вдруг исказились в мучительной боли. Глиннес прорвался к пьедесталу, ухватился за золотое кольцо на талии Фареро, и теперь ему оставалось только потянуть за кольцо и явить восторженным взорам сорока тысяч зрителей обнаженное тело голубоглазой красавицы. Величественная и одновременно трогательная мелодия, казалось, воспарилась до самых небес. Рука Глиннеса задрожала и замерла. Он не мог заставить себя подвергнуть позору создание такой редкостной красоты...

Темное облако оказалось вовсе не облаком. Три черных корпуса звездолетов зависли над стадионом, погрузив его в мрачную тень. Музыка оборвалась на полутоне. Из репродукторов раздался отчаянный крик:

— Старментеры! Берите...

Диктор захлебнулся в неразборчивой скороговорке, затем над стадионом загремел совершенно другой, суровый и безжалостный голос:

— Всем оставаться на своих местах! Прекратить любые перемещения! Чтоб никто даже не пошевелился!

Глиннес, тем не менее, взял Фареро за руку, сдернул с пьедестала и по лестнице провел в бассейн под площадкой.

— Что вы делаете? — изумленно вскричала девушка, отшатываясь в ужасе.

— Пытаюсь спасти вам жизнь, — ответил Глиннес. — Старментеры особо охотятся за шейлами, и вы больше уже никогда не увидите родного дома.

— А здесь мы в безопасности? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Не думаю. Надо побыстрее уходить отсюда через сточный коллектор. Поторопились — вход в него на противоположном конце.

Стараясь поднимать как можно меньше брызг, они поспешили, преодолевая сопротивление воды, к спасительному коллектору, прячась под трассами, быстро преодолев открытое пространство разделительного рва. Впереди Глиннес увидел, как по лесенке спускается Дьюссана. Лицо ее вытянулось и побелело от ужаса.

— Скорее, скорее, — окликнул ее Глиннес. — Мы уходим через отстойник. Они, возможно, не предусмотрели выставить охрану у входа в отстойник.

В самом углу бассейна вода вытекала по желобу в узкий и неглубокий водовод. Глиннес соскользнул вниз по желобу и прыгнул на толстый слой зловонной черной грязи. Следующей вниз спустилась Дьюссана, плотно обернув вокруг себя белое платье. Глиннес поддал ей руку, чтобы подтянуть туда, где грязь была спрессована плотнее и ноги в ней не увязали. Дьюссана, однако, на ногах не удержалась и, упав, села прямо в грязь. При виде этого Глиннес не смог сдержать улыбки.

— Вы это сделали умышленно! — дрожащим голосом вскричала Дьюссана.

— Никоим образом!

— Умышленно!

— Как вам угодно.

Последнею спустилась Фареро. Глиннес подхватил ее и подтянул к себе. Дьюссана тем временем поднялась на ноги, и все трое боязливо глядели туда, где водовод исчезал из вида среди кустарников и склонившихся к самой земле ветвей деревьев. Вода в нем казалась темной и тягучей. В воздухе чувствовался характерный запах мерлингов. О том, чтобы плыть или даже идти вброд, было страшно даже подумать. На другой стороне канала виднелось грубо выдолбленное небольшое каноэ, очевидно принадлежавшее мальчишкам, зайцами пробиравшимися на стадион через водовод.

Глиннес, барахтаясь в грязи, побрел к каноэ. Оно оказалось наполовину заполненное водой и под весом Глиннеса несоразмерно глубоко погрузилось в воду, вызвав у него опасения в отношении целостности корпуса. Вычерпав литров десять-пятнадцать воды, он не осмелился более мешкать и, оставаясь по колено в грязи, перетащил каноэ на противоположную сторону. Сначала в него забралась Дьюссана, затем Фареро. При этом вода внутри поднялась почти до верхнего края борта. Глиннес протянул черпак Дьюссане, и та, все еще хмурясь, принялась за работу. Через минуту в каноэ забрался и Глиннес и начал осторожно грести по направлению к устью водовода. Со стороны оставшегося у них за спиной стадиона слышался скрипучий голос из многочисленных репродукторов системы информационного обслуживания зрителей:

— Ну-ка, те, кто на спецтрибунах А, В, С и D — организованным строем по одному к южным выходам! Заберем только очень немногих — у нас имеется точный список всех, кто нам надобен. Проходите побыстрее, но не создавайте давки! Убьем всякого, кто станет нам мешать!

Глиннесу все это казалось каким-то совершенно нереальным. Подумать только — какая неудержимая лавина событий! Яростная борьба на хуссейдном поле, красочные толпы на трибунах, кипение страстей, поражающая воображение музыка, радость победы — и вот теперь, трусливое бегство, да еще с двумя шейлами. Одна из них ненавидит его. Другая, Фареро, изучающе на него посматривает краешком синих, как море, глаз. Вот она забирает у Дьюссаны черпак, а та сердито соскребает прилипшую к платью грязь. Какие они все-таки разные, отметил про себя Глиннес. Фареро все еще удрученная, но безропотно смирившаяся со своей судьбой — она действительно сочла за лучшее спастись бегством через грязеотстойник, чем остаться совершенно обнаженной на пьедестале. Дьюссану же явно возмущало любое неудобство, которое она сейчас испытывает, и, похоже, она считала Глиннеса лично ответственным за все то, что с ней происходит.

Сточный коллектор искривился. В сотне метров впереди открылся простор Уэлгенского Залива, а еще дальше — Южный Океан. Глиннес стал грести более энергично — им удалось спастись от старментеров. Какой массивированный рейд! И без сомнения, давно приуроченный к тому дню и часу, когда соберутся вместе все состоятельные жители префектуры. За пленников назначат выкуп, девушек оставят для того, чтобы скрасить затворниче-

скую жизнь изгоев общества. Пленники возвратятся морально сломленными и ободранными до последнего озола, девушек же вообще больше никто не увидит. Добычей старментеров станут также не менее сотни тысяч озов из кассы стадиона и еще тридцать тысяч из казны участвовавших в матче команд. Не исключено, что ограблены будут и обосновавшиеся в Уэлгене банки.

Водовод расширился и открылся в устроенный прямо на прибрежной отмели широкий грязеотстойник, грязь на поверхности которого пузырилась под действием поднимающихся из ее толщи газов. К востоку тянулась Уэлгенская Коса, по другую сторону которой была расположена гавань, далеко на запад простиралась суша, окутанная предвечерней дымкой. Оказавшись под открытым небом, Глиннес почувствовал себя очень неудобно — хотя для этого, напомнил он себе, не было никаких причин, так как сейчас старментеры вряд ли смогут позволить себе такую роскошь, как тратить время на преследование их даже в том случае, если и удостоили своим вниманием барахтающееся в грязи каноэ. Фареро безостановочно вычерпывала воду, но вода продолжала прибывать через несколько щелей в корпусе, и Глиннеса теперь очень волновало, сколько времени оно еще продержится на плаву. Перспектива оказаться в бурлящей черной грязи отстойника была не очень-то привлекательной, и Глиннес повернул каноэ по направлению к ближайшему из поросших деревьями островков, поднимавшихся над водами залива, к клочку суши метров с пятьдесят в поперечнике.

Выбравшееся из грязи каноэ теперь высоко подпрыгивало на океанской зыби и быстро наполнялось водой, перехлестывавшей через борта. Фареро старалась ее вычерпывать, не жалея сил, ей помогала Дьюссана, выплескивая воду сложенными вместе ладонями, и они достигли островка как раз к тому времени, когда утлый челн совсем скрылся под водой. С огромным облегчением Глиннес вытащил каноэ на узкую полосу пляжа. В тот самый момент, когда нога его коснулась твердой суши, в небо взмыли три корабля старментеров. По мере набора высоты они все больше сворачивали на юг и вскоре исчезли вместе со всем своим драгоценным грузом.

Фареро наконец-то перевела дух.

— Если бы не вы, — сказала она Глиннесу, — я была бы на борту одного из этих кораблей.

— Я тоже была бы там, если бы сама о себе не позаботилась.

Так вот в чем, подумал про себя Глиннес, источник ее раздражительности: она чувствует себя всеми брошенной.

— И что же мы будем здесь делать? — спросила Дьюссана, вприпрыжку поднявшись на берег.

— Кто-нибудь здесь рано или поздно покажется. А пока что — будем ждать.

— Я не намерена ждать, — сказала Дьюссана. — Как только вычерпаем всю воду из лодки, мы сможем переправиться в ней на берег. Так уж обязательно ли сидеть на этом жалком клочке суши и дрожать от холода?

— А что вы еще предлагаете? Каноэ течет, а прибрежная полоса кишит мерлингами. Взяться мне, что ли, за заделку щелей?

Дьюссана прошла несколько метров и присела на обломке плавника. Западную часть неба вспороли корабли Гвардии, совершили круг над Шхерами, затем один из них совершил посадку в Уэлгене.

— Слишком поздно, слишком даже поздно, — сокрушенно произнес Глиннес. Вычерпав всю воду из каноэ, он принялся затыкать мхом все трещины и щели, какие ему удавалось обнаружить. К нему подошла Фареро и, понаблюдав какое-то время за его работой, в конце концов произнесла:

— Вы были очень добры ко мне.

Глиннес поднял взор на нее.

— Когда вы могли потянуть за кольцо, вы заколебались. Вам не хотелось подвергнуть меня позору.

Глиннес кивнул и возобновил, работу над лодкой.

— Может быть, именно это так рассердило вашу шейлу.

Глиннес скосил взгляд в сторону Дьюссаны, которая хмуро глядела на воду.

— У нее редко бывает хорошее настроение.

— Очень не просто быть шейлой, — задумчиво произнесла Фареро. — Каких только чувств при этом не испытываешь... Сегодня все это для меня должно было закончиться, но меня спасли старментеры. Она, наверное, чувствует себя обманутой.

— Она должна радоваться тому, что находится здесь, а не на борту одного из пиратских кораблей.

— Мне кажется, что она влюблена в вас и ревнует ко мне.

Глиннес поднял удивленный взор на Фареро.

— Влюблена в меня? — Он снова исподтишка глянул на Дьюссану. — Вы, скорее всего, ошибаетесь. Она ненавидит меня. У меня есть все основания так считать.

— Может быть и так. Я слабо разбираюсь в подобных вещах.

Глиннес закончил работать и внимательно осмотрел каноэ.

— Что-то не доверяю я этому мху, — уныло произнес он, явно неудовлетворенный результатами своего труда. — Особенно, когда в эвнесс подует ветер с суши.

— Теперь, когда мы обсохли, переход не станет таким уж неприятным. Хотя мои родные, должно быть, очень беспокоятся, а я проголодалась.

— Пищи на берегу всегда предостаточно, — произнес Глиннес. — Мы бы шикарно поужинали, будь у нас огонь. И все же — вон я вижу деревья со съедобными плодами.

Глиннес взобрался на одно из таких деревьев и сбросил плоды Фареро. Когда они вернулись на пляж, Дьюссана и каноэ исчезли. Она была уже в пятидесяти метрах от острова, направляясь к устью водовода, по которому они покинули стадион. Глиннес даже язвительно расхохотался при виде этого.

— Она настолько в меня влюблена и так к вам ревнует, что даже оставила нас вдвоем на необитаемом острове.

— Все может быть, все-все... — произнесла, зардевшись вдруг, Фареро.

Какое-то время они молча следили за каноэ. Дувший с материка ветер доставлял много хлопот Дьюссане. Она даже перестала грести и принялась вычерпывать воду. Мох, по всей вероятности, так и не затянул наглухо щели. Когда же она снова начала грести, то так сильно раскачала каноэ, что вынуждена была вцепиться руками в борт, чтобы не выпасть в воду, и при этом потеряла весло. Ветер с материка погнал каноэ назад, мимо островка, где, стоя у самой воды, за нею следили Глиннес и Фареро. Она даже не повернула головы в их сторону.

Глиннес и Фареро взобрались на бугор в центральной части островка и уже оттуда проводили взглядом каноэ, опасаясь того, что ее может унести в открытое море. Белое платье Дьюссаны в последний раз мелькнуло в проходе между двумя островками и потерялось из виду.

— Если бы у нас был огонь, — сказал Глиннес, когда они снова спустились на пляж, — мы бы чувствовали себя совсем не плохо, по крайней мере, день или два... Лично я не брезгаю сырой пищей из моря.

— Я тоже, — сказала Фареро.

Глиннес подыскал несколько сухих палочек и попытался добыть огонь трением, но это ему не удалось, и он недовольно отшвырнул палочки.

— Ночи сейчас теплые, но у костра гораздо приятнее.

Фареро смотрела то в одну сторону, то в другую, то вообще куда-то вдаль, но только не на Глиннеса.

— Вы считаете, что мы надолго застряли на этом острове?

— Нас может забрать отсюда только кто-нибудь, кто будет проходить мимо этого острова. Это может случиться уже через час. А может быть — и через неделю.

Слова застряли в гортани у Фареро.

— И вы захотите..., — запинаясь произнесла она, — сделать меня своей любовницей?

Глиннес задержал на ней свой взгляд на какое-то мгновение, затем провел пальцами по ее золотым волосам.

— Вы — такая красивая, что у меня даже нет слов, чтобы... Я посчитал бы за счастье стать вашим первым возлюбленным.

Фареро потупила взор.

— Мы одни здесь... Команда моя сегодня проиграла, и я уже больше никогда не буду шейлой. И все же... — Она осеклась на полуслове, затем показала рукой на залив и тихо, даже несколько безразлично, произнесла:

— Слышите? Кто-то проходит мимо.

Глиннес задумался, не зная как поступить. Фареро тоже молчала, не заставляя его немедленно что-либо предпринять.

— Нам нужно выручить дуреху Дьюссану, понадеявшуюся на каноэ, — без особого энтузиазма произнес он, после чего подошел к самой воде и громко закричал. Лодка — рыбацкий баркас с мощным двигателем — изменила курс и вскоре они уже были на борту баркаса, где их гостеприимно встретил водитель баркаса — рыбак. Он возвращался с промысла в открытом море и по дороге сюда не заметил никакого гонимого ветром каноэ. По всей вероятности, Дьюссану прибило к берегу одного из островков, которых здесь как гальки на пляже.

Рыбак обогнул оконечность косы и направил баркас к причалу в Уэлгене. Сойдя на берег, Фареро и Глиннес взяли такси и отправились на стадион. Водитель вздохнул описывая им подробности налета старментеров.

— ... такого еще никогда не было! Они отобрали триста самых богатых в округе людей и не менее ста девушек. За этих бедняжек они выкуп брать не станут. Гвардия появилась, как всегда, слишком поздно. Старментеры знали совершенно точно, кого брать, а кого отпустить. Они рассчитывали свою операцию вплоть до секунд и ушли заблаговременно. Каждый из них сделает целое состояние за счет выкупа!

На стадионе Глиннес распрощался с шейлой Фареро, не проявив особого красноречия, а затем помчался в раздевалку, сбросил с себя форму «Танхиар» и переоделся в обычный свой наряд.

Такси отвезло его снова на причал, где Глиннес взял напрокат небольшую моторку. Обойдя косу, он сразу же повернул на юг, направляясь к архипелагу из небольших островков, отделяющих Уэлгенский Залив от Южного Океана. Бледный свет эвнесса выкрасил море, небо, крохотные бухточки и окружающие их берега в мягкие, пастельные цвета, которым до сих пор так и не придумал названий. Какая-то потусторонняя тишина легла над миром. Даже бульканье воды под килем лодки казалось бесцеремонным посягательством на воцарившийся в мире покой.

Он прошел мимо островка, на который незадолго до этого высадился с Фареро и Дьюссаной, и взял курс дальше, туда, куда отнес ветер каноэ. Обошел вокруг первого из оказавшихся на пути островков, но не обнаружил следов ни каноэ, ни Дьюссаны. На следующих трех островках тоже подозрительного ничего не было. А за еще не обследованными тремя островками простиралась бескрайняя и спокойная морская гладь. На втором из этих ост-

ровков он заметил стройную девичью фигурку в белом платье, отчаянно размахивавшую руками.

Когда Дьюссана поняла, кто сидит за рулем моторки, то сразу же опустила руки. Глиннес спрыгнул на песок и вытащил лодку на берег. Обвязав носовой конец вокруг толстой коряги, он выпрямился и осмотрелся. Низкая ровная береговая линия материка едва просматривалась при тусклом свете позднего эвнесса. Морская вода мерно то поднималась, то опускалась, море как будто дышало под шелковистой поверхностью. Затем Глиннес повернулся к Дьюссане, которая все это время хранила мертвое молчание.

— Какое тихое место. Вряд ли мерлинги заплывают так далеко.

Дьюссана бросила взгляд на моторку.

— Если вы явились сюда для того, чтоб забрать меня, то я готова.

— Спешить некуда, — сказал Глиннес. — И не за чем. Я тут принес хлеб, мясо и вино. Мы можем напечь кворлов¹ и, может быть, даже полакомиться карсетом². В общем устроим пикник под усыпанным звездами небом.

Дьюссана раздраженно поджала губы и стала смотреть в сторону берега. Глиннес сделал несколько шагов вперед и теперь стоял на расстоянии полусогнутой руки от нее — ближе он еще никогда к ней не был. Она подняла на него взор, лишенный какого-либо душевного тепла, в ее светло-карих глазах сменились одно за другим — так во всяком случае показалось Глиннесу — добрый десяток самых различных настроений и чувств. Глиннес наклонил к ней голову и обвил рукой плечи, затем поцеловал в губы, которые оказались холодными и неотзывчивыми. Она оттолкнула его от себя обеими руками и неожиданно обрела дар речи.

— Все вы, триллы, совершенно одинаковы! От вас так и несет кочем, а вся голова заполнена железами, выделяющими гормоны похоти. Неужели вы не стремитесь ни к чему другому, кроме разврата? Неужели у вас нет ни чести, ни чувства собственного достоинства?

Глиннес рассмеялся.

— Вы голодны?

— Нет. Я приглашена сегодня на званый ужин и опоздаю, если мы немедленно не покинем этот остров.

— Вот как! Поэтому-то вы и украли каноэ?

— Я ничего не крада. Каноэ такое же мое, как и ваше. Вы, кажется, были удовлетворены тем, что смотрели влюбленным взглядом на эту преснятину «Карпаунов». Удивляюсь, почему не занимаетесь этим сейчас?

— Она боялась, что вас это обидит.

Дьюссана высоко взметнула брови.

— Почему это мне следует призадумываться над вашим поведением? Или вообще интересоваться им? Ее беспокойство обо мне сбивает меня с толку.

— Все это не так уж важно, — сказал Глиннес. — Не лучше ли вам подобрать хвороста, пока я нарву съедобных плодов?

Дьюссана было уже открыла рот, чтоб наотрез отказаться, но затем решила, что этим она только усугубит свое положение. Отыскав несколько сухих веток, она высокомерно швырнула их на песок, затем стала внимательно рассматривать моторку — та оказалась настолько далеко вытащена на берег, что столкнуть ее в воду было выше ее сил. К тому же в замке не было ключа зажигания.

¹ Кворлы — обитающие в прибрежных водах моллюски.

² Карсет — морское насекомое, внешне похожее на краба.

Глиннес принес плоды, развел костер, откопал из прибрежной гальки четырех отличных кворлов, удалил раковины, ополоснул в море и начал печь их вместе с принесенными плодами. Затем притащил из лодки хлеб, мясо и расстелил скатерть прямо на песке. Дьюссана наблюдала за всеми этими приготовлениями, находясь на приличном удалении от Глиннеса.

Откупорив бутылек с вином, Глиннес предложил Дьюссане отведать вина.

— Я предпочитаю не пить вино.

— А от еды вы не откажетесь?

Дьюссана недовольно поджала губы.

— И на что вы рассчитываете после этого?

— Отдохнем на пляже, полюбуемся звездами, а потом — кто знает, что будет потом?

— Вы вызываете у меня только презрение. Не желаю иметь с вами ничего общего. Вы такой же прожорливый и распушенный, как любой другой трилл.

— Что ж, по крайней мере, не хуже других. Располагайтесь поудобнее. Поужинаем и полюбуемся закатом.

— Я проголодалась, поэтому я поем, — сказала Дьюссана. — Но после этого нам нужно возвращаться. Вы знаете, какие чувства траване питают к распушенности нравов. Кроме того, никогда не забывайте — я ведь шейла «Танхинар» и еще девушка!

Глиннес пренебрежительно махнул рукой, давая понять, что подобные соображения не очень-то его волнуют.

— Чего только не случается в нашей жизни!

Дьюссана вся напряглась, едва сдерживая гнев.

— Значит, вот как вы вознамерились обесчестить шейлу команды? Какой же вы все-таки негодяй, ведь это вы лицемерно настаивали на том, чтобы репутация шейлы была незапятнанной, а сами распускали самые низкие сплетни обо мне.

— Я не распускал сплетен, — возмущенно заявил Глиннес. — Я даже никогда не рассказывал правды о том, как вы и ваша семейка ограбили меня и оставили на съедение мерлингам, о том, как весело вы смеялись, видя, как я валяюсь совершенно беспомощный.

— Вы получили ровно столько, сколько заслуживали, — несколько упавшим голосом произнесла Дьюссана.

— Я все еще задолжал вашему отцу и братьям парочку-другую хороших тумачков, — продолжал Глиннес. — Что же касается вас, то я еще не разобрался до конца, как поступить с вами. Так что, ешьте пока, пейте вино, набирайтесь сил.

— У меня пропал аппетит. Совершенно. По-моему, просто нечестно жестоко обращаться с кем бы то ни было.

Глиннес ничего на это не ответил и принялся есть. Вскоре к нему присоединилась Дьюссана.

— Вы не должны забывать о том, — сказала она Глиннесу, — что если вы исполните свою угрозу, вы тем самым совершите предательство не только по отношению ко мне, но и ко всей команде, а больше всего — опозорите самого себя. И отвечать за это вам придется, прежде всего, перед моей семьей. Мои родные будут преследовать вас до скончания времен, вы не будете знать ни мгновенья покоя. Но самым невыносимым для вас будет то презрение, которое буду питать к вам я сама. И все это ради чего? Высвобождения на какое-то мгновенье своего организма из того рабства, в котором держат его ваши железы. Как вы смеее прибегать к слову «любовь», когда на самом деле замышляете месть? И притом самого презренного рода. Как будто я — животное или нечто неодушевленное, не ведающее, что такое чувства? Так вот, пожалуйста — пользуйтесь мной, коль вам того так хочется, или убейте меня, но до конца дней своих вам не забыть моего полнейшего презрения ко всем вашим омерзительным привычкам. Более того...

— Ну-ка, милейшая, — взревел Глиннес, — будь любезна закрыть свой рот. Тебе мало того, что ты отравила мне сегодняшний день — так ты портишь мне и вечер. Доедай молча, и мы вернемся в Уэлген.

Низко склонившись над расстеленной на песке скатертью, Глиннес с аппетитом поужинал принесенными им плодами, печеными кворлами, мясом и хлебом, выпив при этом два бутылка вина. Дьюссана наблюдала за тем, как он ест, краешком глаза с каким-то особым выражением на лице — полунасмешливым, полупрезрительным.

Разделавшись с ужином, Глиннес откинулся назад, прислонившись спиной к бугорку, и какое-то время отрешенно любовался красками заката над мерно и тяжело вздымающейся необозримой гладью моря.

Дьюссана все это время продолжала молчать и сидела на песке, сгорбившись и обвив руками колени.

Вволю налюбовавшись закатом, Глиннес неохотно поднялся и столкнул лодку в воду. Затем окликнул Дьюссану.

— Залезайте!

Девушка повиновалась. Моторка пересекла по диагонали залив, обогнула крайнюю оконечность косы и взяла курс к уэлгенской гавани.

Рядом с пирсом плавно покачивалась большая белая яхта, принадлежавшая, как об этом сразу же догадался Глиннес, лорду Генсиферу. Из иллюминаторов струился яркий свет, свидетельствуя об оживлении на борту яхты.

Глиннес с подозрением поглядел на яхту. Неужели сегодня вечером лорд Генсифер принимает на борту своей яхты гостей? Сразу же после налета старментеров? Странно. Хотя, с другой стороны, образ жизни аристократов всегда был недоступен его пониманию. Дьюссана же, к немалому его изумлению, выпрыгнув из лодки, тотчас же побежала к яхте, поднялась по сходне и исчезла в салоне. Послышался голос Лорда Генсифера:

— Дьюссана, моя обожаемая юная леди, что это...

Больше Глиннес ничего не расслышал. Равнодушно пожав плечами, он отогнал лодку к причалу прокатной станции. Когда он проходил по пути к выходу с пристани мимо яхты Лорда Генсифера, ее хозяин дружески поздоровался с ним с палубы:

— Глиннес! Загляни, дружище, ко мне на борт на минутку!

Глиннес неторопливо поднялся по сходне. Лорд Генсифер похлопал его по спине и провел в салон, где собралось добрых полтора десятка гостей в роскошных одеждах по последней моде, по всей вероятности, гостей лорда Генсифера из высших аристократических кругов, а также Акади, Марча и Дьюссана, на которой поверх белого платья шейлы была красная накидка, скорее всего, позаимствованная у одной из присутствовавших здесь дам.

— Вот он, наш герой! — торжественно провозгласил лорд Генсифер. — Сохранив самообладание и проявив завидную находчивость, он спас от старментеров двух прелестных шейл. И хоть все равно велика наша печаль, мы, по меньшей мере, можем быть благодарны за этот подвиг.

Глиннес с изумлением глядел на людей, собравшихся в кают-компании. У него было такое ощущение, будто он находится в каком-то поражающем своей нелепостью сне. Акади, лорд Генсифер, Марча, Дьюссана, он сам — какой странный, несуразный подбор!

— Я почти ничего не знаю о том, что произошло сегодня, — сказал Глиннес, — за исключением голого факта налета.

— Этот голый факт — практически все, что еще кому-либо известно, — заметил Акади. Он казался сейчас каким-то особенно притихшим и безучастным и отличался непривычной тщательностью в выборе слов и выражений. — Старментеры знали совершенно точно, кто им нужен. Они отобрали триста наиболее состоятельных лиц, а также около двухсот девушек. За любого из этих трехсот выкуп будет не меньшим ста тысяч олов. Величина вы-

купа за девушек старменстерами установлена не была, но мы сделаем все возможное, чтобы выручить и их.

— Значит, со старменстерами была уже установлена связь?

— Они сами успели выставить свои условия во время налета. Они тщательно все подготовили и с большой точностью определили финансовые возможности каждого из предполагаемых своих пленников.

— Те же, кто не попали в поле зрения старменстеров, — наигранно самоуничтожающим тоном произнес лорд Генсифер, — расплачиваются потерей престижа, что уязвляет нас и вызывает справедливое негодование.

— Принимая во внимание такие качества, как порядочность и компетентность, в качестве сборщика выкупа была предложена моя кандидатура с соответствующим вознаграждением за мои труды. Скажу прямо, не очень-то крупным — стоимость моей работы определена в размере пяти тысяч озов.

Глиннес был ошарашен услышанным.

— Значит, общая сумма выкупа будет равна... триста умножить на сто тысяч — то есть...

— Тридцать миллионов озов — для старменстеров неплохой дневной заработок!

— Если только не закончат свою жизнь на прутаншире.

Акади скривил лицо.

— Пережиток варварства. Какая для нас польза от применяемых пыток? Старменстеры все равно продолжают свой промысел.

— Зато это очень поучительно для всего остального народа, — произнес лорд Генсифер. — Только подумайте о похищенных девушках — ведь среди них вполне могла оказаться и столь милая моему сердцу Дьюссана! — Он обвил рукой плечи Дьюссаны и слегка прижал ее к себе, наигранно изображая вроде бы отеческие чувства. — Так неужели такая месть слишком жестока? Для меня просто неприемлем иной образ мыслей.

Глиннес, ничего не понимал, только попеременно глядел, не веря своим глазам, то на лорда Генсифера, то на Дьюссану, которые, казалось, улыбались друг другу, как бы услышав какую-то понятную только им двоим шутку. Неужели мир сошел с ума? Или в действительности он сам спит и видит такой очень похожий на явь сон?

Брови Акади изогнулись скептически-насмешливой дугой.

— Грехи старменстеров тяжки настолько, что страдания их вполне заслуженны.

— Между прочим, — спросил один из приятелей лорда Генсифера, — какая именно из группировок старменстеров взяла на себя ответственность за этот налет?

— Они даже и не пытались делать из этого тайны, — ответил Акади. — Мы привлекли к себе особое внимание Загмондо Бандольо — Загмондо-Неистового, столь же подлого и коварного, как и любой другой из главарей пиратов.

Глиннесу это имя было знакомо. Гвардия уже давно охотилась за Загмондо Бандольо.

— Бандольо — страшный человек. Ему неведомо милосердие.

— Говорят, что старменстером он стал ради забавы, — заметил Акади. — Говорят также, что в Скоплении он скрывается под добрым десятком фальшивых облиций и что мог бы жить вечно с тех богатств, которые добыл.

В кают-компании воцарилось тягостное молчание. Вот оно, зло такого вселенского масштаба, что при мысли о нем невозможно не ужаснуться.

— В нашей префектуре завелся лазутчик, — сказал Глиннес, — кто-то, у кого настолько близкие отношения со всеми здешними аристократами, что ему известен истинный уровень богатства каждого из них.

— С подобным утверждением нельзя не согласиться, — произнес Акади.

— Кто же это мог быть? — как бы размышляя вслух, произнес лорд Генсифер. — Кто же это мог быть?

Все присутствующие глубоко призадумались над этим вопросом, и у каждого сложились свои собственные соображения на сей счет.

Глава 16

«Танхинары», победив «Карпаунов», оказали себе медвежью услугу. Поскольку Загмондо Бандольо и его старментеры забрали все средства, которыми они располагали, команда осталась без озола за душой, а из-за того, что команда в последней встрече продемонстрировала истинные свои возможности, Перинда оказался не в состоянии организовать для нее тысячеозоловые или двухтысячеозоловые встречи. А для того, чтобы вызвать на поединок какую-нибудь десятитысячеозоловую команду, у «Танхинар» просто не было обязательной в таких случаях крупной суммы залога.

Через неделю после игры с «Карпаунами» игроки команды собрались на острове Рабендари и Перинда объяснил печальное состояние дел.

— Я нашел только три команды, пожелавшие встретиться с нами, но ни одна из них не хочет рисковать своей шейлой за сумму, меньшую десяти тысяч озов. И второй вопрос: у нас нет шейлы. Дьюссана, похоже, привлекла к себе внимание некоего лорда, что, естественно, тешит его самолюбие. Теперь ни она, ни Тамми не хотят подвергнуть ее драгоценную кожу риску выставления на всеобщее обозрение.

— Значит, — воскликнул Лючо, — для Дьюссаны любовь к хуссейду никогда не была на первом плане!

— Естественно, нет, — произнес Уорхаунд. — Она ведь треванка. Кто-нибудь из вас видел играющего в хуссейд тревана? Насколько мне известно, она первая шейла — треванка.

— Треване играют в свои собственные игры, — сказал Гилвег.

— Такие, как «Ножи и Глотки», — предположил Глиннес.

— Или «Триллы и Разбойники».

— Или «Мерлинг, мерлинг, кому труп?»

— И «Ну-ка, отыщи запрятанное!»

— Шейлу мы всегда найдем, — сказал Перинда. — Наша главная проблема — деньги.

— Я бы внес свои личные пять тысяч озов, если бы был уверен в том, что удастся им вернуть, — сказал Глиннес.

— И я каким-нибудь образом наскребу тыщонку, — отозвался Уорхаунд.

— Итого — шесть тысяч, — сказал Перинда. — Я внесу — правильнее будет сказать — сумею одолжить тысячу у отца... Кто еще? Кто еще? Чего там стесняться, несчастные грязедавы, волоките свои богатства.

Двумя неделями позже «Танхинары» сыграли с «Островитянами Южного Океана» на огромном стадионе Океанского Острова. Разыгрывался приз в двадцать пять тысяч озов, из которых пятнадцать тысяч ставила на кон каждая из команд, а десять тысяч выделила администрация стадиона. Новой шейлой у «Танхинар» была Сэчрисс Симоно, девушка из Фэл-Лэл-Маунтин — прелестная, наивная девушка, которой, однако, недоставало всего

лишь такого неуловимого качества, как «сашей». Имелись также определенные сомнения в отношении ее целомудрия, однако никому не захотелось поднять шум из-за этого.

— Пусть каждый из нас проведет с ней одну ночь, — проворчал как-то Уорхаунд, — и получит ответ на этот вопрос ко всеобщему нашему удовлетворению.

Какою бы не была причина, но «Танхинары» играли вяло и совершили массу грубейших ошибок. «Островитяне» одержали легкую победу в трех геймах. Невинная — так во всяком случае считалось — плоть Сэчрисс была представлена во всех подробностях на суд тридцати пяти тысяч зрителей, а в своем кошельке Глиннес теперь обнаружил всего три или четыре сотни озов. Удручен он был этим до такой степени, что все чувства его приглушились, и в таком вот состоянии он вернулся на Рабендари и, плюхнувшись в одно из старинных плетеных кресел, весь вечер глядел с тоской на остров Эмбл. В какой идиотский хаос превратил он свою жизнь! «Танхинары» — разорены, опозорены и вот-вот разбегутся, кто куда. Остров Эмбл — теперь от него еще более далек, чем когда-либо. Дьюссана, девушка, поработившая неожиданно для него самого все его мысли и чувства, обратила свои честолобивые взоры на аристократию, и Глиннес, такой раньше к ней равнодушный, теперь был вне себя от одной только мысли о том, что Дьюссана может оказаться в постели другого мужчины.

Через два дня после злополучной игры с «Островитянами» Глиннес отправился на пароме в Уэлген поискать покупателя отличных мускатных яблок, выращенных на Рабендари. Договорившись по быстрому о продаже двадцати мешков, он заглянул перекусить в небольшой ресторанчик, половина которого находилась прямо на открытом воздухе, а вторая половина — в беседке, образованной ветвями фульжерии. Взяв себе кувшин пива и хлеба с сыром, он устроился поудобнее и стал глазеть на снующий по своим делам уэлгенский люд... Вот прошла группа правоверных фаншерор — бесцветных парней, сосредоточенных и настороженных, насуплено глядящих куда-то вдаль, будто поглощенных в размышления о материях огромной значимости... А вот и Акади спешит куда-то, низко опустив голову, в фаншерском сюртуке с болтающимися фалдами. Глиннес окликнул его, когда он проходил мимо ресторанчика.

— Акади! Присядьте ко мне и пропустите кружечку пива!

Акади остановился, как вкопанный, будто натолкнувшись на какое-то невидимое препятствие. Сначала он стал всматриваться в сумрак беседки, пытаясь определить местонахождение окликнувшего его, затем глянул через плечо и только после этого поспешно нырнул к стулу рядом с Глиннесом. Когда он нервно и отрывисто заговорил, лицо его изображало страдание.

— По-моему, мне удалось оторваться от них — надеюсь, по меньшей мере, на это.

— Вот как! — Глиннес бросил взгляд в ту сторону, откуда торопливо семенил Акади. — От кого же это вы оторвались?

Акади ответил в типичной для него туманной манере:

— Мне следовало отказаться от этой миссии — она принесла мне одно беспокойство. Пять тысяч озов! Когда за мной по пятам следуют алчные до денег треване, только и поджидающие того мгновения, когда я потеряю бдительность. Фарс да и только! Ведь они смогут присвоить себе тридцать миллионов озов вместе с моими жалкими пятью тысячами и оставить меня самым дорогостоящим олухом в памяти всего человечества.

— Иными словами, — сказал Глиннес, — вы собрали выкуп в размере тридцати миллионов озов?

— Уверяю тебя, — продолжал брызжать Акади, дергаясь головой, — что никакие это не деньги — то есть те пять тысяч озов, что составляют мой гонорар, это не капитал, а просто пять тысяч озов, годящихся разве что на мелкие расходы. Я таскаю тридцать миллионов вот в этом кейсе, — тут он подтолкнул локтем небольшой черный чемоданчик с

серебряным замочком, — но для меня лично это не более, чем несколько пачек туалетной бумаги.

— Для вас.

— Вот именно. — Акади снова бросил взгляд через плечо. — Вы себе можете представить, что ждет человека, не доставившего тридцать миллионов озолов Загмондо Бандольо? Разговор может быть вот таким: Бандольо. «Я требую от вас сейчас, Джано Акади, те тридцать миллионов озолов, которые были доверены вам». Акади. «Вы должны быть великодушным и проявить снисходительность, поскольку больше нет у меня этих денег»... Бандольо... Увы. Воображение мое иссякает. Я не в состоянии постичь дальнейшее. Отнесется ли он к этому спокойно? Или впадет в буйство? Или просто пренебрежительно рассмеется?

— Если на вас в самом деле охотятся грабители, — заметил Глиннес, — то присущее вам любопытство дает вам перед ними небольшое, но обнадеживающее преимущество.

Акади воспринял это высказывание, печально потупив взор.

— Если б я только мог с уверенностью установить, кто или что мне угрожает. Если б я знал со всей определенностью, кого или чего избегать... — Он так и оставил предложение неоконченным.

— Вы в самом деле заметили, что что-то вам угрожает? Или просто перенервничали?

— Я очень нервничаю, можешь в этом не сомневаться, но это мое обычное состояние. Я не переношу трудностей, я ужасно боюсь боли, я даже отказываюсь признавать возможность смерти. И все эти беды сейчас, похоже, затаились в непосредственной от меня близости.

— Тридцать миллионов озолов — впечатляющая сумма, — не без зависти произнес Глиннес. — Лично мне хватило бы из них всего лишь двенадцать тысяч.

Акади пододвинул кейс к Глиннесу.

— Вот, бери, сколько тебе требуется и объясни недостачу Бандольо... Но нет. — Резким движением он подтянул кейс снова к себе. — Мне не дано право распоряжаться этими деньгами.

— Меня вот что особенно сильно смущает, — произнес Глиннес. — Поскольку вы испытываете тревогу за судьбу этих денег, то почему бы вам просто не поместить их в банк? Вон там, например, Уэлгенский Банк, всего лишь в двенадцати секундах хода от того места, где мы сидим.

Акади тяжело вздохнул.

— Все далеко не так просто... Мне ведено держать деньги всегда под рукой, чтобы в любой момент передать их посыльному Бандольо.

— И когда же он явится?

Акади закатил глаза к веткам фульжерии.

— Через пять минут? Пять дней? Пять недель? Ох, как хотелось бы мне это знать!

— Такая постановка вопроса кажется не очень-то благоразумной, — сказал Глиннес. — Правда, старментеры придерживаются тех методов, которые находят наиболее полезными для себя. Подумать только! Через год все это будет вами вспоминаться, как очень забавный случай. Чуть ли не анекдот.

— Я в состоянии думать только о самом насущном моменте, — проворчал Акади. — Этот кейс покоится у меня на коленях, как раскаленная докрасна наковальня.

— Кого, в частности, вы опасаетесь?

Даже находясь в состоянии крайней озабоченности, Акади не мог устоять перед искушением лишний раз проанализировать ситуацию с нравоучительным подтекстом.

— Трем категориям людей позарез нужны озолы: фаншерам, которые могли бы на них купить землю, оборудование, информацию и энергию; знати — поправить изрядно пошат-

нувшееся финансовое положение; и треванам, которые алчны от природы. Только несколько мгновений тому назад я обнаружил двух треван, тихонько ступающих у меня за спиной.

— Это может быть всего лишь случайным совпадением, — заметил Глиннес.

— Лучше держаться от любых людей из трех упомянутых мной категорий. — Акади поднялся из-за стола. — Ты сейчас возвращаешься на Рабендари? Почему бы тебе не отбыть отсюда со мной?

Они прошли к причалу и на борту белого катера Акади отправились на восток, следуя Внутреннему Проливу. Прошли Кружевные Острова, на большой скорости пересекли Затон Рипил, оставив в стороне Зауркаш, вошли затем в узкий проток Атенри, откуда вырвались на просторы озера Флейриш и здесь увидели щеголеватый черно-пурпурный гоночный глассер, который на огромной скорости пересекал озеро то в одном направлении, то в другом.

— Кстати, о треванах, — произнес Глиннес. — Обратите внимание на то, кто катается с лордом Генсифером.

— Я заметил ее, — ответил Акади и еще глубже засунул свой черный кейс под сиденье на корме.

Лорд Генсифер круто развернул свой глассер на полном ходу, взметнув высоко вверх длинный плюмаж из пены, затем, рассекая воздух с характерным свистом, устремился вдогонку за Акади и Глиннесом. Акади, недовольно ворча, остановил катер, через мгновение рядом с ним оказался глассер лорда Генсифера. Дьюссана, на которой было прелестное светло-голубое платье, искоса поглядела на катер Акади и надула губы, однако больше ничем не выразила своего недовольства. Лорд Генсифер же был в самом прекрасном расположении духа.

— И куда же вы держите путь в этот великолепный день с таким сосредоточенным и решительным видом? Побраконьерствовать в утином питомнике лорда Милфреда? Бьюсь об заклад, что это именно так.

Акади ответил как можно более вкрадчиво:

— Боюсь, сегодня у нас настолько серьезные заботы, что мы еще не успели разобраться, каким выдался день.

Лорд Генсифер игриво взмахнул рукой, давая понять, чтоб его шутке не придавали какого-либо особого значения.

— А как далеко вы продвинулись с выкупом?

— Сегодня утром завершил сбор денег, — скупно ответил Акади. Тема эта явно была не из тех, которую ему хотелось бы развивать, однако лорд Генсифер, не проявив должного такта, продолжал дергать за больную струну.

— Вот и передайте мне один или два миллиончика из этих озов. Бандольо вряд ли почувствует разницу.

— Я с удовольствием отдал бы вам все тридцать миллионов, — сказал Акади, — чтобы вы, а не я, имели дело с Загмондо Бандольо.

— Покорнейше благодарю, — произнес лорд Генсифер, — пусть все остается так, как есть. — Он заглянул внутрь катера Акади. — Эти деньги вы в самом деле сейчас везете с собою? А, они спрятаны в днище, чтобы не бросались в глаза. А вы понимаете, что лодки иногда тонут? Что вы в этом случае скажете Загмондо Неистовому?

— Такая роковая случайность маловероятна, — надтреснутым голосом ответил Акади, не в силах больше сдерживать свое недовольство.

— Что верно, то верно. Но мы заставляем скучать Дьюссану, которую не очень-то занимают подобные вопросы. Она категорически отказывается навестить родовое имение Генсиферов — вы можете себе представить нечто подобное! Я соблазнял ее роскошью и изысканностью — ей все нипочем. Треванка во всех отношениях. Пуглива, как птичка! Вы

уверены в том, что никак не сумеете сэкономить хотя бы один миллиончик озолов? Ну а полмиллиончика? Жалкую сотню тысяч?

Акади только улыбнулся, проявляя стальную выдержку, и отрицательно качал головой. Лорд Генсифер широким жестом потянул на себя клапан подачи топлива. Пурпурно-серебристый глиссер рванулся вперед, лихо развернулся, взметнув дугой пену и брызги, и помчался на север, к Муниципальному Острову, самая южная оконечность которого выходила к Озеру Флейриш.

Акади и Глиннес продолжили путь с куда более скромной скоростью. На острове Рабендари Акади решил сделать остановку, чтобы выпить чашку чая и, когда усаживался на краешек стула, внимательно посмотрел сначала в сторону Илфиш, затем обвел взглядом пролив Эмбл и даже не поленился обернуться и долго глядел, ворочая головой сквозь ряд помандеров, закрывавших обзор Фарванского русла, огибавшего Рабендари с северо-запада. Верхушки деревьев непрерывно шевелились, вызывая неприятное ощущение, будто кто-то подкрадывается со стороны реки, и это заставляло Акади нервничать еще пуще прежнего.

Глиннес приволок бутылку выдержанного вина, чтобы развеять страхи Акади, и это так положительно на него подействовало, что эвнесс подкрался как-то незаметно для них обоих. Только тогда Акади вспомнил о том, что не мешало бы ему возвращаться домой.

— Если ты не против, то составь мне компанию. По правде говоря, я все еще немного нервничаю.

Глиннес согласился провести Акади в своем собственном скутере, но Акади вдруг остановился и стал потирать подбородок, никак не решаясь забраться в свой катер.

— Наверное, тебе следовало бы позвонить Марче и сообщить ей, что мы уже тронулись. Спроси у нее также, не заметила ли она чего-нибудь необычного, чего-нибудь такого, что вызвало бы у нее сомнения.

— Пожалуйста.

Глиннес вернулся в дом и позвонил матери. Она и в самом деле облегченно вздохнула, узнав, что Акади уже возвращается. Что-нибудь необычное? Да, в общем-то, ничего существенного. Только, пожалуй, несколько лодок в Клинкхаммерском Заливе. Или, может быть, всего лишь одна, но несколько раз пересекая залив. Она не очень-то следила за положением дел в заливе.

Глиннес нашел Акади в самом дальнем конце причала, хмуро поглядывавшего в сторону фарванского русла. Затем Акади сел в свой белый катер и тронулся в путь. Глиннес следовал за ним, не отставая, до самого Клинкхаммерского Залива, в котором все было тихо и спокойно, и в серых предвечерних сумерках ни просматривалось ничего подозрительного. Тем не менее, Глиннес подождал, пока Акади не пришвартуется благополучно к причалу, и только тогда развернулся и взял курс на Рабендари.

Едва он переступил порог дома, как его встретил телефонный звонок. На экране появилось лицо Акади, торжествующее и одновременно крайне печальное.

— Все произошло так, как я предвидел, — сказал Акади. — Они были тут как тут, поджидая меня под навесом для катера. Их было четверо, и я не сомневаюсь, что это — треване, хотя они и были все в масках.

— И что дальше? — нетерпеливо перебил его Глиннес, так как Акади, похоже, намеревался произвести своим рассказом максимально возможный драматический эффект.

— То, что я предвидел. Вот что случилось, — коротко бросил Акади. — Они скрутили мне руки и отобрали черный кейс. Затем уплыли в своих лодках.

— Понятно. И значит, тридцать миллионов — коту под хвост?

— Ха-ха! Ничего подобного. Только закрытый на ключ черный кейс, набитый землей и травой. Кое у кого из Дроссетов очень вытянется лицо, когда они взломают замок. Я наме-

ренно упомянул о Дроссетах, так как узнал специфическую манеру держаться старшего сына, да и Ванга Дроссета нетрудно узнать даже тогда, когда он в маске.

— Вы упомянули — четверо?

Акади вымученно улыбнулся.

— Один из негодеев был помельче других. Он стоял в стороне, оставшись на стреме.

— Интересно. И где в таком случае деньги?

— Вот поэтому-то я и позвонил. Я оставил их в ящике для наживки на твоём причале и моя предусмотрительность оказалась совершенно оправданной. Я хочу, чтобы ты сделал вот что. Сходи на причал и удостоверься, что никто не подсматривает. Вынь обернутый фольгой пакет и занеси его внутрь дома, а я заеду за ним завтра.

Глиннес нахмурился, глядя на изображение лица Акади на экране.

— Значит, это я теперь отвечаю за ваши чертовы деньги! Я ничуть не меньше, чем вы, хочу оказаться с перерезанной глоткой. Боюсь, придется взыскать с вас за это внушительный гонорар.

От прежней деловой сосредоточенности на лице Акади и следа не осталось.

— Совершенно нелепая мысль! Ты ничем не рискуешь. Никто не знает, где находятся деньги.

— За тридцать миллионов кто-нибудь возьмет да и догадается. Не забывайте о том, что нас сегодня видели вместе.

Акади рассмеялся, но было отчетливо слышно, как дрожит его голос.

— Ты зря так сильно разволновался. И все же, если это придаст тебе спокойствие, расположись с пистолетом в руке в таком месте, откуда легко вести наблюдение за теми, кто попытается вторгнуться на твой остров. Это, пожалуй, вполне благоразумная мера. Бдительность никак не помешает нам обоим.

У Глиннеса от негодования слова застряли в гортани. Он не успел даже и рта раскрыть, как Акади сделал обнадеживающий жест и выключил изображение.

Глиннес вскочил с места и стал крупными шагами мереть комнату. Затем извлек пистолет, вспомнив о совете Акади, и спустился к причалу. Не заметив ничего подозрительного в речных рукавах, он обошел вокруг дома, а затем совершил еще более широкий обход и прочесал многочисленные кустарники. Пока что, насколько в состоянии он был судить, на острове Рабендари, кроме него самого, никого не было.

Ящик для наживки непреодолимо манил к себе. Глиннес вернулся на причал и отбросил крышку. Действительно — пакет, обернутый фольгой. Глиннес вынул пакет и, преодолев возникшую у него на какое-то мгновение нерешительность, отнес его в дом. Интересно, как все-таки выглядят тридцать миллионов озовов? Не будет большого греха, если он удовлетворит свое любопытство. Развернув фольгу, он обнаружил пухлую пачку сложенных вдвое журналов. Объятый страхом, он какое-то время не мог даже сдвинуться с места, затем бросился было к телефону, но тут же остановился. Если подобный поворот дела был предусмотрен Акади, то не будет конца его шутливым, а временами и невыносимо язвительным разглагольствованиям. Если же, с другой стороны, Акади в неведении относительно подмены, то известие об этом может вызвать у него нервный припадок, и поэтому с ним, пожалуй, лучше подождать до утра.

Глиннес вернул пакету прежний вид и положил на то же самое место в ящике для наживки. Затем заварил чаю покрепче, налил чашку и вышел на веранду, где устроился в кресле и стал задумчиво глядеть на водную гладь. Ночь уже полностью вступила в свои права над Шхерами, небо украсилось звездными россыпями. В конце концов Глиннес пришел к заключению, что Акади сам куда-то переложил деньги, оставив обернутый фольгой пакет в качестве приманки. Типичная для него тонкая шутка...

Услышав журчание воды, Глиннес повернул голову. Мерлинг? Нет — из протока Ил-фиш медленно и тихо к острову приближалась какая-то лодка. Глиннес прыгнул с веранды и притаился в тени раскидистой сомбариллы.

Вокруг царил мертвая тишина. Поверхность воды была гладкой, как стекло. Прищурившись, Глиннес при свете звезд различил что-то вроде ялика с одиноким гребцом. Вернувшийся за своими озолами Акади? Нет. Сердце Глиннеса непонятно почему учащенно забилося. Он уже чуть не вышел было из тени, но затем замер и затаился снова.

Лодка подошла к причалу. Находившаяся в ней Дьюссана вступила на берег и закрепила швартов к кнехту. Затем осторожно поднялась по залитой звездным светом дорожке к самой веранде и остановилась.

— Глиннес! Глиннес!

Голос ее звучал приглушенно и таинственно, как далекий крик ночной птицы.

Глиннес ждал. Какое-то время Дьюссана стояла в нерешительности, низко опустив плечи. Затем поднялась на веранду и заглянула внутрь погруженного в темноту дома.

— Глиннес!

Глиннес медленно вышел вперед.

— Я здесь.

Дьюссана, не шевелясь, ждала, пока он пересечет веранду.

— Вы ожидали, что я приду?

— Нет, — ответил Глиннес. — Никак не ожидал.

— А вы знаете, почему я пришла?

Глиннес медленно покачал головой.

— Нет. Но напуган вашим приходом.

Дьюссана тихо рассмеялась.

— А почему вы должны были испугаться меня?

— Потому что один раз вы уже бросили меня на съедение мерлингам.

— Вы боитесь смерти? — Дьюссана сделала шаг навстречу Глиннесу. — А что в ней такого, чтобы бояться? Я вот не боюсь. Черная птица на своих бесшумных крыльях уносит наши души в Долину Ксиан и там мы мирно и безмятежно странствуем.

— От тех, кого сожрали мерлинги, ничего не остается в этом мире. Кстати, где ваш отец и братья? Подкрадываются сюда из лесу?

— Нет, они заскрежетали бы зубами, если б узнали, что я здесь.

— Обойдемте вместе со мною вокруг дома, — сказал Глиннес.

Дьюссана молча согласилась. И как ни напрягал свои органы чувств Глиннес, он никого другого не обнаружил на своем острове Рабендари. Здесь были только он и Дьюссана.

— Прислушайтесь, — сказала Дьюссана. — Слышите пение древесных лягушек?

— Слышу. В лесу никого нет.

— В таком случае вы мне верите?

— Вы сказали мне только то, что вашего отца и братьев здесь нет. Этому я верю, так как нигде их не обнаруживаю.

— Давайте пройдем в дом.

Войдя в дом, Глиннес включил свет. Дьюссана сбросила накидку. На ней были только сандалии и легкое платье. Оружия у нее не было.

— Сегодня, — сказала она, — я каталась с лордом Генсифером и увидела вас. И решила, что сегодня ночью приду сюда.

— Почему? — спросил Глиннес все еще несколько удивленно, кажется, начиная кое-что понимать. Дьюссана положила ладони ему на плечи.

— Вы помните, как я смеялась над вами? На маленьком острове?

— Еще как помню.

— Вы были тогда слишком уязвимы. Я страстно желала какой-нибудь грубости с вашей стороны. Я хотела, чтобы вы смеялись над моими словами, чтобы взяли и прижали меня к себе. Я в то мгновение сразу же растаяла бы.

— Вы очень хорошо скрывали свои чувства, — сказал Глиннес. — Насколько мне помнится, вы называли меня «достойным презрения обжорой и развратником». Я не сомневался в том, что вы ненавидите меня.

Тень печали легла на лицо Дьюссаны.

— Я никогда не ненавидела вас — никогда. Но вы должны понять, насколько я одинока и капризна, и что любовь очень медленно созревает во мне. — Она слегка откинула назад голову. — Посмотри на меня сейчас. Как ты думаешь, я — красива?

— Еще как! Я никогда не думал иначе.

— Тогда прижми меня покрепче и поцелуй.

Глиннес повернул голову и прислушался. Из рабендарского леса продолжало доноситься ни на секунду не прекращавшееся тихое поквакивание древесных лягушек. Затем он глянул в упор на лицо, оказавшееся теперь совсем близко к его лицу. Оно выражало множество самых необычных чувств, таких, которые не до конца были ему понятны и поэтому все еще вызывали у него беспокойство. Такого взгляда, как у Дьюссаны, ему еще никогда не доводилось видеть у какой-либо другой девушки. Он тяжело вздохнул. До чего же трудно любить ту, которой так сильно не доверяешь! Но куда еще труднее отказаться от этой любви! Он наклонил голову и поцеловал Дьюссану. Поцеловал так, как никого еще не целовал прежде. От нее исходило благоухание ароматных растений с некоторой примесью запаха лимона и едва заметной — пряного табака. Сердце его учащенно забилося, он теперь понимал, что нет для него уже дороги назад, что никогда уже не сможет разлюбить ее. Если она и пришла к нему только для того, чтобы сделать его своим рабом, она своего добилась. Он чувствовал, что сколько бы он с этого мгновения и ни был с ней вместе, ему всегда будет этого мало. А Дьюссане? С шеи она сняла ладанку в виде сердечка. Глиннес узнал в ней коч для влюбленных друг в друга. Нервно дрожащими пальцами Дьюссана переломила сердечко и протянула половинку его Глиннесу.

— Я еще никогда не пробовала коч, — призналась Дьюссана. — Никогда прежде мне не хотелось кого-то любить. Налей нам бокал вина.

Глиннес вынул из буфета бутылку зеленого вина и наполнил бокал до краев. Затем вышел на веранду и бросил взгляд на воду. Поверхность реки была спокойной, как бы спящей, лишь кое-где изредка по ней пробегали круги, вызванные поднявшимися подышать мерлингами.

— Что ты там ожидал увидеть? — тихо спросила Дьюссана.

— Полдюжины Дроссетов, — ответил Глиннес, — с пылающими злобой глазами и кинжалами в зубах.

— Глиннес, — искренне воскликнула Дьюссана, — клянусь, что никто не знает, что я здесь, кроме меня и тебя. И разве тебе не известно, как высоко ценят мои соплеменники целомудрие? Ко мне они милосердия проявят ничуть не больше, чем к тебе.

Глиннес поднес бокал с вином к губам Дьюссаны. Она приоткрыла рот.

— Как это делают влюбленные?

Глиннес поместил полсердечка на кончик ее языка. Она запила коч вином.

— А теперь ты.

Глиннес открыл рот. Девушка положила ему на язык свою половину сердечка. А может быть, это не коч, подумалось Глиннесу. Может быть, она подменила его снотворным или ядом? Поместив полсердечка между зубами и губой, он взял бокал, выпил вина, а затем резко повернул голову, чтобы сбросить подозрительный коч в вино. Поставив бокал на буфет, он снова повернулся лицом к Дьюссане. Она уже успела сбросить с себя платье, и те-

перь стояла перед ним во всем всеоружии своей наготы — более восхитительного зрелища еще никогда не являлось взору Глиннеса. И только теперь он уже окончательно понял, что не подкрадываются исподтишка к нему из темноты мужчины-Дроссеты. Он подошел к Дьюссане и поцеловал ее. Она начала расстегивать пуговицы на его рубашке. Он быстро освободился от одежды, перенес ее на диван и хотел было уже лечь рядом с нею, но она привстала на колени и прижала его голову к груди. Он слышал, как стучит ее сердце — теперь у него не оставалось даже малейших сомнений в искренности ее чувств.

— Я была жестокой, — прошептала Дьюссана, — но теперь это все в прошлом. С этого вечера я живу только для того, чтобы вызывать восторг у тебя, сделать тебя счастливейшим из людей. Ты никогда не расскажешь в этом.

— Ты собираешься жить со мной здесь, на Рабендари? — несколько смущенно спросил у нее Глиннес.

— Отец, не мешкая, убьет меня за это, — тяжело вздохнув, ответила Дьюссана. — Ты даже представить себе не можешь его ненависть... Нам придется улететь отсюда на какую-нибудь далекую планету, но зато жить там мы будем, как аристократы. Может быть, мы даже купим космическую яхту и станем странствовать среди звезд.

Глиннес рассмеялся.

— Все это прекрасно, но для этого потребуется много денег.

— Об этом можно не беспокоиться — мы воспользуемся тридцатью миллионами озов.

Глиннес резко мотнул головой.

— Я уверен, Акади будет категорически против этого.

— А разве он сможет нам помешать? Отец и братья ограбили его сегодня. В его кейсе оказались никчемные бумажки. Но ведь сегодня деньги были в его катере, — а он по пути домой останавливался только здесь. Он оставил деньги где-то здесь, разве не так?

С этими словами Дьюссана в упор поглядела на Глиннеса.

Глиннес улыбнулся.

— Акади, не стану скрывать, оставил какой-то пакет в моем ящике для наживки.

Теперь он уже не в состоянии был больше ждать и повалил ее на диван.

Они лежали, обнимая друг друга. Пожирая Глиннеса восторженным взором, Дьюссана шептала:

— Ты увезешь меня с Труллиона, увезешь далеко-далеко. Мне так хочется жить в богатстве.

Глиннес поцеловал ее в нос.

— Шш! — прошептал он. — Будь счастлива, довольствуясь тем, что есть у нас сейчас, здесь...

Дьюссана, однако, не унималась.

— Скажи мне, скажи мне, что ты сделаешь все, о чем бы я не просила.

— Не могу. Все, что я могу дать тебе — это себя и Рабендари.

В голосе Дьюссаны появились тревожные нотки.

— А пакет в ящике для наживки?

— Там тоже всяческий хлам. Акади одурачил нас всех. Или кто-то ловко надул его еще до того, как он оставил Уэлген.

Дьюссана вся напряглась.

— Ты имеешь в виду, что здесь нет денег?

— Насколько мне известно — ни озола.

Дьюссана застонала, и все более нараставший по высоте звук, исторгаемый ее гортанью, превратился в горестный вопль по утраченной невинности. Она вырвалась из объятий Глиннеса и через всю темную комнату и веранду стрелой понеслась к причалу. Открыв

ящик для наживки, она вытащила обернутый фольгой пакет и вскрыла его. При виде старых журналов она взвыла от отчаяния. Глиннес наблюдал за нею с веранды, искренне ей сочувствуя, разделяя с ней печаль и уныние, но, вместе с тем, испытывая и немалое смущение. Дьюссана в самом деле горячо его любила, настолько горячо, как ей это было дано природой. Тем не менее, совершенно забыв о том, что на ней абсолютно ничего нет, она побежала, потеряв голову, по причалу и, будто слепая, прыгнула в свою лодку, однако не удержалась на ногах и с громким криком опрокинулась в воду. Послышался всплеск, крик перешел в судорожное бульканье.

Глиннес опрометью бросился на причал и прыгнул в лодку девушки. Ее тело белой бесформенной массой барахталось в двух метрах от него, вне пределов его досягаемости. В свете звезд он увидел ее искаженное ужасом лицо — она не умела плавать. В трех метрах от нее появился черный маслянистый свод головы мерлинга, его глаза-диски отливали серебром. Глиннес издал хриплый отчаянный крик и бросился Дьюссане на помощь. Мерлинг подплыл к Дьюссане поближе и схватил ее за лодыжку. Глиннес набросился на него и умудрился нанести сокрушительный удар кулаком между глаз, чем несколько ошарашил мерлинга и сильно повредил себе костяшки пальцев. Дьюссана вцепилась в Глиннеса неистовой хваткой утопающей и обвила его шею ногами. Наглотавшись воды, он все же высвободился от мертвой хватки девушки и, вынырнув на поверхность, стал подталкивать ее к лодке. Перепончатая лапа мерлинга поймала его лодыжку — вот и ему выпало наяву испытать тот кошмар, который всю жизнь преследует каждого из обитателей Труллиона. Что могло быть страшнее опасности угодить еще живым на обеденный стол мерлингов? Глиннес лягался, как одержимый. И только тогда, когда ему посчастливилось ударить пяткой в мягкий зоб твари, он дернулся всем телом и высвободился. Пока он боролся с мерлингом, Дьюссана, не переставая хныкать, цеплялась за дощатый настил причала. Глиннес подплыл к лодке с кормы, вскарабкался внутрь, затем подтянул к борту Дьюссану и, собрав последние силы, перебросил ее через борт. После этого они оба в полном изнеможении долго еще лежали на дне лодки, тяжело дыша, как запутавшиеся в сетях рыбы.

Что-то с глухим стуком ударилось о днище лодки — это был лишившийся верной добычи мерлинг. Разыгравшийся аппетит мог заставить его попытаться наклонить лодку и забраться в нее. Глиннес, пошатываясь из стороны в сторону, поднялся на причал, таща за собой Дьюссану, а затем повел ее по залитой звездным светом дорожке к дому.

Она стояла прямо посреди комнаты, жалкая и несчастная, и с отрешенным выражением лица ждала, пока Глиннес наливает два бокала крепкого рома. Она выпила предложенный Глиннесом ром с полнейшим безразличием, погруженная целиком в свои собственные безотрадные мысли. Глиннес вытер ее насухо полотенцем, затем вытерся сам, после чего взял девушку на руки и отнес на диван, где она начала плакать. Он нежно ласкал ее и целовал щеки и лоб. Постепенно она оттаяла, стала держаться более свободно. Сказалось действие коча в ее крови, и хотя мысли о темной стоячей воде все еще будоражили ее разум, она оживилась, стала отвечать на ласки Глиннеса, и они снова крепко обнялись.

Ранним утром Дьюссана поднялась с дивана и в полном молчании одела платье и сандалии. Глиннес смотрел на это совершенно равнодушным, усталым взглядом, как будто через телескоп. Когда она набросила на плечи накидку, он приподнялся на локтях.

— Куда ты собираешься?

Дьюссана только на какой-то миг искоса глянула на него, но даже этого мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы слова застряли у Глиннеса в горле. Поднявшись с дивана, он завернулся в парай и последовал за Дьюссаной, которая, не оборачиваясь, сбежала по ступенькам с веранды и стала быстро спускаться к причалу. Как он ни старался, но все, что приходило ему в голову, скажи он об этом Дьюссане, показалось бы ей пустыми словами или вздорными жалобами.

Дьюссана взяла в руки весла, посмотрела на Глиннеса с откровенным безразличием и отчалила. Глиннес долго еще стоял на причале, глядя ей вслед, все мысли его, как бы он ни изоощрялся, сводились лишь к одному — почему она так поступила? Она сама пришла к нему. Он ни о чем ее не просил, ничего не обещал... Но в конце концов, он таки сумел разглядеть свою ошибку. Нужно было, отметил он про себя, рассматривать ситуацию с точки зрения психологии треван. Он уязвил ее своеобразную гордость треванки. Взял у нее нечто совершенно бесценное, но ничего не предложил взамен, даже если оставить в стороне то, что она так надеялась получить. Он оказался черствым, ограниченным, бесчувственным. Он обманул ее ожидания, и теперь всю свою жизнь она будет раскаиваться в том, какую непростительную глупость она совершила.

Но все, что произошло, в соответствии с мировоззрением треван, имело еще и более глубокий, более мрачный смысл. Он был не просто Глиннесом Халденом, не просто развратником-триллом — он представлял из себя темную сторону Рока, частицу той враждебной Вселенской Души, с которой треване ощущали себя в извечном героическом противостоянии. Для триллов жизнь течет с бессмысленной легкостью — то, чего не было здесь сегодня, обязательно появится завтра. Временной промежуток между «сегодня» и «завтра» не рассматривался, как нечто существенное. Жизнь сама по себе была удовольствием. Для тревана все было совершенно иначе, каждое событие было чудом, исполненным глубокого внутреннего значения и подлежащим всестороннему рассмотрению и тщательной проверке в отношении всех возможных последствий как в близкой, так и в самой далекой перспективе. Треван слагает свою вселенную из отдельных крупиц. Любое полученное преимущество или счастливая случайность являются крупной личной победой, которую необходимо отпраздновать и достойным образом воспеть. Любая беда или неудача, пусть даже самая незначительная, является серьезным поражением и оскорблением чувства собственного достоинства. Дьюссана, следовательно, испытывала подлинную душевную катастрофу, притом при самом тесном ее пособничестве, даже несмотря на то, что с точки зрения рядового трилла, он принял у нее только то, что было ему предложено без каких-либо предварительных условий.

С тяжелым камнем на душе Глиннес повернулся к дому. Взгляд его остановился на ящике для наживки. Весьма любопытная мысль пришла ему в голову. Он поднял крышку и заглянул внутрь. Вот тот злополучный пакет, обернутый фольгой и наполненный макулатурой. Он вынул пакет из ящика и стал шарить пальцами в толстом слое соломы и опилок, которым было покрыто дно ящика. Пальцы его нащупали какой-то предмет, который оказался туго набитым полиэтиленовым кулком. Сквозь прозрачный материал кулька четко просматривались розовые и черные купюры Аласторского Банка. Действительно, очень уж хитрый трюк проделал Акади, чтобы надежно припрятать деньги. Глиннес задумался на мгновение, затем взял обернутый фольгой пакет и вышвырнул из него старые журналы. Обернув фольгой деньги, он положил этот новый пакет в ящик для наживки. Он едва управился с этой подменой как услышал шум движка какой-то приближающейся к Рабендари лодки.

Фарванское русло пересекал белый катер Акади с двумя пассажирами на борту — Акади и Глэем. Катер причалил к пристани. Глиннес поймал швартов и набросил петлю на тумбу кнехта.

На настил причала выпрыгнули Акади и Глэй.

— Доброе утро, — произнес Акади, с трудом скрывая владевшее им веселое настроение, затем прощупал Глиннеса своим характерным испытующим взглядом. — Ты что-то бледен.

— Плохо выспался, — ответил Глиннес. — Все беспокоился о ваших деньгах.

— Они, надеюсь, в безопасности? — весело спросил Акади.

— В ящик для наживки заглядывала Дьюссана Дроссет, — чистосердечно признался Глиннес. — Почему-то она так и оставила в нем пакет.

— Дьюссана! Откуда она узнала, где спрятан пакет?

— Спросила у меня о его местонахождении. Я сказал, что вы оставили пакет в ящике для наживки. Она же утверждает, что в нем были только какие-то старые журналы.

Акади рассмеялся.

— Моя небольшая шутка. Вот теперь я окончательно убедился в том, насколько хитро я спрятал деньги. — Акади подошел к ящику для наживки, извлек из него обернутый фольгой пакет, отшвырнул его в сторону и запустил пальцы в солому. Лицо его стало белым, как снег. — Деньги исчезли!

— Быть того не может! — воскликнул Глиннес. — Никак в голове не укладывается, что Дьюссана Дроссет может оказаться воровкой.

Акади, скорее всего, этих слов даже и не услышал. С дрожью в голосе он взмолился, обращаясь к Глиннесу:

— Скажи мне, где деньги? Бандольо нянчиться не станет. Он пошлет сюда своих людей, и они растерзают меня... Где, скажи, умоляю, где? Деньги забрала Дьюссана, да?

Глиннес больше уже не мог изводить Акади. Подтолкнув ногой обернутый фольгой пакет, он произнес:

— А это что?

Акади схватил пакет и разорвал фольгу. Затем посмотрел на Глиннеса с укоризной и благодарностью одновременно.

— Как это низко — так долго мучить, водя за нос!

Глиннес ухмыльнулся.

— И что теперь вы станете делать с этими деньгами?

— Как и раньше — ждать инструкции.

Глиннес повернулся к Глэю.

— А ты что скажешь? Все еще, кажется, в фаншерах?

— Естественно.

— А как там ваша штаб-квартира или центральная лаборатория, запоматывал, как вы это называете? — но ты знаешь, что я имею в виду.

— Мы застолбили довольно крупный участок свободной земли не слишком далеко отсюда, в самом начале долины Кароаш.

— В самом начале? А это случайно не Долина Ксиан?

— Долина Ксиан почти рядом.

— Станный выбор, — заметил Глиннес.

— А что тут странного? — возмутился Глэй. — Земля там свободная, никем не занятая.

— Если не считать треванской птицы смерти и неисчислимого множества душ упокоившихся с миром треван.

— Мы не будем нарушать их покой, а уж они и подавно не станут нарушать наш, в этом я несколько не сомневаюсь. Мы, можно сказать, будем делить эту землю с ними на паритетных началах.

— А где же тогда мои двенадцать тысяч озов, если земельный участок обошелся вам совсем дешево?

— Забудь об этих двенадцати тысячах озов. Мы уже достаточно полно обсудили этот вопрос.

Тем временем Акади уже спрыгнул в свой катер.

— Уходим! Надо вернуться ко мне до того, как на реке появятся грабители.

Глава 17

Глиннес провожал катер взглядом до тех пор, пока он не исчез, время от времени, по привычке, бросая взоры на небо. Хмурые тучи громоздились у далеких горных вершин, зловеще выглядя в лучах недавно взошедшего солнца. Воды Пролива Эмбл казались тягучими и безжизненными. Остров Эмбл вырисовывался на их розовато-лиловом фоне размытым наброском, выполненным угольным карандашом. Глиннес поднялся на веранду и устроился поудобнее в одном из своих любимых соломенных кресел. События прошлой ночи — такие богатые и драматичные, теперь казались смутным фантастическим сном такого рода, воспоминания о котором не доставляли удовольствия. Какими бы ни были подлинные побуждения, которыми руководствовалась Дьюссана, в них все-таки была какая-то доля искренности. Он мог высмеять ее и отправить домой разгневанной, но никак не пристыженной. Каким совершенно иным все казалось при пепельном свете дня!.. Он даже вскочил на ноги, с досадой осознав, по какому опасному для его душевного спокойствия руслу направился ход его мыслей. За работу! Очень многое нужно сделать. Собрать мускатные яблоки. Пойти в лес и набрать различных трав и корней, используемых для приправ, и заняться их просушкой. Наметить на углу участок для будущего огорода и вскопать его. Отремонтировать сарай, который вот-вот рухнет. От одного перечисления в уме тех дел, что предстояло сделать в самом ближайшем будущем, он устал настолько, что его стало клонить ко сну. Ноги сами завели его в дом, где он тотчас же свалился на диван.

В полдень его разбудил стук капель легкого дождика. Глиннес укрылся плащом и, продолжая лежать, погрузился в раздумья. Из ума не уходила какая-то едва осознаваемая, но неотвязная мысль, вопрос, требовавший к себе самого пристального внимания. Хуссейдная тренировка? Льют Касагэйв? Акади? Глэй? Дьюссана? В самом деле, как теперь быть с Дьюссаной? Она пришла, затем поспешно скрылась и больше уже никогда не будет украшать волосы желтым цветком. Хотя, впрочем, почему бы не продолжать ходить с ним, чтобы скрыть случившееся от Ванга Дроссета? С другой стороны, рискуя навлечь на себя его гнев, она может чистосердечно признаться ему во всем. Причем, именно это вероятнее всего, представив несколько видоизмененную версию своих ночных приключений. Такая возможность, поначалу прочувствованная только его подсознанием, теперь вызвала у Глиннеса настоящую, четко осознанную тревогу. Он поднялся и прошел к двери. Серебристая изморозь затрудняла видимость, однако, как ни вглядывался Глиннес, никаких лодок в Проливе Эмбл не обнаружил. Треване, вечные странники по натуре, считали дождь дурным предзнаменованием. Даже жажда возмездия не сдвинет тревана с места, когда идет дождь.

Порывшись в кладовке, Глиннес нашел в кладовке тарелку студня из вареных моллюсков и съел его без всякого аппетита. Дождь совершенно неожиданно прекратился, и Про-

лив Эмбл залил яркий солнечный свет. Глиннес вышел на веранду. Весь окружающий мир казался посвежевшим после небольшого купания, всюду виднелась живительная влага, прояснились цвета, воды пролива отбрасывали яркие блики, очистился воздух, искрилось голубизной безоблачное небо. При виде всего этого Глиннес ощутил душевный подъем.

Впереди немало работы. Глиннес опустил в кресло, чтобы окончательно решить, с чего начать. Но тут из протока Илфиш в Пролив Эмбл вышла какая-то лодка. Глиннес встревожено вскочил на ноги, приготовился к наихудшему. Но это оказалась всего-навсего одна из сдаваемых напрокат Харрадом-младшим моторок. Сидевший в ней молодой человек в какой-то форменной одежде, по-видимому, просто сбился с пути, запутавшись в многочисленных рукавах и протоках. Подогнав лодку почти к самому причалу Рабендари, он встал во весь рост и окликнул Глиннеса.

— Эй, уважаемый! Я, похоже, заблудился. Мне нужен Клинкхаммерский залив в районе острова Сарпассант.

— Вы забрались намного южнее. Кого вы разыскиваете?

Молодой человек глянул в бумажку.

— Некогого Джано Акади.

— Поднимитесь по Форванскому руслу в реку Заур, сверните во второй проток по левую руку и держите курс на запад, пока не выйдете к Клинкхаммерскому заливу. Особняк Акади высится на утесе на самой оконечности мыса.

— Большое спасибо. Я запомнил маршрут. А вы, часом, не Глиннес Халден, из «Танхинар»?

— Да, Глиннес Халден это я.

— Я видел вашу игру со «Стихиями». Насколько мне помнится, борьба была явно не равной.

— Команда молодая, неопытная, но, как мне кажется, подающая большие надежды.

— Я тоже так считаю. Ну что ж — удачи «Танхинарам» и еще раз спасибо за помощь.

Лодка вошла в Форванское русло, миновав серебристо-охровые помандеры, и скрылась из вида, оставив Глиннеса в размышлениях о судьбе «Танхинар». Они не тренировались после игры с «Островитянами». У них не было денег. Не было шейлы... Мысли Глиннеса сами собой вернулись к Дьюссане, которая уже никогда не сможет быть шейлой, а затем перескочили на Ванг Дроссета — интересно, узнал он или нет о событиях прошлой ночи. Глиннес обвел взглядом пролив Эмбл. Не обнаружив в нем ни единой лодки, прошел к телефону и позвонил Акади.

Вспыхнул экран. Появившееся на нем лицо Акади было до крайней степени раздраженным, а голос брюзжащим:

— Дзынь, дзынь, дзынь — только и слышу весь день. Телефон — весьма сомнительное удобство. Я все жду — не дожусь очень важного гостя и мне никак нельзя раздражаться.

— В самом деле? — изумился Глиннес. — Это парень в светло-голубой форме и фуражке посыльного?

— Естественно, нет! — рявкнул Акади, затем сразу же понизил голос. — Почему ты спрашиваешь?

— Пару минут тому назад именно такой парень справлялся у меня в отношении дороги к вашему дому.

— Ну что ж, подожду и его. Это все, что ты хотел?

— Я подумал, что могу заглянуть к вам сегодня к концу дня и одолжить двадцать тысяч озов.

— Ха! А откуда мне взять двадцать тысяч озов?

— Я знаю одно место.

Акади невесело рассмеялся.

— Придется тебе поискать кредитора более склонного к самоубийству, чем я.

Экран погас.

Глиннес задумался на мгновение, но больше уже никаких других предложений для продолжения праздного времяпрепровождения так и не придумал. Вытащив ящики для яблок в сад, он принялся за работу с той яростью, что так характерна для трилла, вынужденного заниматься чем-то таким, что он расценивает как совершенно неизбежное зло. Дважды он слышал звонки телефона внутри дома, но не обратил на них внимания, и поэтому так ничего и не узнал об одном судьбоносном событии, случившемся несколько ранее этим днем. Он насобирал добрую дюжину ящиков яблок, погрузил их на тачку и отвез в сарай, затем вернулся в сад, чтобы собрать еще и закончить работу.

День близился к концу. Гнетущий сумрак эвнесса приобрел красноватый отлив, сменявшийся вскоре тяжелым пурпуром приближающейся ночи. Глиннес продолжал упорно работать. С гор подул холодный ветер, проник сквозь мокрую от пота рубашку к самому телу. Неужели вот-вот снова пойдет дождь? Нет. Небо уже расцветилось звездами — сегоднешним вечером дождя определенно не будет. Глиннес нагрузил последними яблоками тележку и начал катить ее по направлению к сараю.

И вдруг остановился, как вкопанный. Дверь в сарай была лишь полуоткрыта. Скорее даже открыта совсем немного, не более того. Странно, ведь он умышленно оставил ее распахнутой настежь. Глиннес опустил на землю ручки тачки и вернулся в сад обдумать положение. То, что он увидел, не вызвало у него такого уж особого удивления — скорее даже наоборот, ведь он с самого начала прибегнул к такой необычной для себя предосторожности, сунув к себе в карман пистолет. Краешком глаза он пристально глядел в сторону сарая. Один, скорее всего, затаился внутри, другой — сзади, и еще один — в тени дома, так, во всяком случае, не без оснований предполагал Глиннес. Оставаясь в саду, он был вне пределов дальности метания ножа, да к тому же они вряд ли намерены убить его прямо на месте. Сначала им нужно будет вволю выговориться и только после этого последует своего рода «малый прутаншир» — ему будут выкручивать конечности, вырезать на коже замысловатые орнаменты, прижигать особо чувствительные места — и все это будет произведено в качестве гарантии, что не останется у него не только всего того, что позволило ему совершить недавнее кощунство, но даже и приятных воспоминаний об этом. Глиннес провел языком по пересохшим губам. Странная пустота дала о себе знать в желудке... Что делать? Он ведь не может вот так простоять всю ночь, делая вид, будто все никак не налюбуется урожаем своих яблок.

Глиннес неторопливо зашел за дом, затем, подхватив с земли увесистую палку, бегом вернулся вдоль одной из стен и затаился за углом. Послышался звук бегущих ног, несколько брошенных на ходу слов, произнесенных шепотом. Затем показалась тень кого-то, огибавшего угол. Глиннес взмахнул палкой. Огибавший угол, взметнул вверх руки и удар пришелся ему по запястью. Он завопил от боли. Глиннес еще раз взмахнул палкой, незванный гость сумел поймать ее руками. Глиннес потянул палку на себя, столкнулся с противником, и они закружились на одном месте, не выпуская палку из рук. Тут на Глиннеса набросился еще один противник, бешено взрепевший, крепкий мужчина, от которого разило потом — Ванг Дроссет. Глиннес бросил палку и отпрыгнул в сторону, а затем сразу же выстрелил из пистолета. В Ванга Дроссета он не попал, зато поразил Харвинга, первого из Дроссетов, с которым он сцепился. Харвинг застонал, и, шатаясь, отлетел в сторону. Будто бы из неоткуда возник третий и схватился с Глиннесом под непрерывающийся аккомпанемент неистового гортанного рева, издаваемого Вангом Дроссетом, пританцовывавшего рядом и ищущего удобного момента, чтобы вцепиться в глотку Глиннеса. Глиннес еще раз выстрелил, но так как прицелиться не имел возможности, то только обжег землю у ног Ванга Дроссета. Вожак неуклюже подпрыгнул вверх. Глиннес, энергично орудуя ногами,

вырвался из рук Эшмора, но за мгновение до этого Ванг Дроссет нанес ему страшной силы удар, от которого голова его едва не вдавилась в плечи и мгновенно стала необыкновенно тяжелой. Глиннесу же удалось в ответ нанести сокрушительный удар ногой в пах Эшмору, заставив его, прислонясь к стене дома, скрючиться в три погибели. Лежавший на земле Харвинг судорожно дернулся — что-то металлическое больно ужалило Глиннеса в плечо. Глиннес выстрелил. Харвинг обмяк и больше уже не шевелился.

— Корм для мерлингов, — тяжело дыша, произнес Глиннес. — Кто еще? Ты, Ванг Дроссет? Не двигаться. Даже не шевелиться, или я прожгу дырку у тебя на животе.

Ванг Дроссет окаменел. Эшмор прислонился к боковой стенке дома.

— Ступайте впереди меня, — скомандовал Глиннес. — Марш на причал. — Когда Ванг Дроссет заколебался в нерешительности, Глиннес поднял палку и ударил его по голове. — Я вас научу, как являться сюда для того, чтобы убить меня, мои дорогие дружки-треване. Заверяю вас, вы еще долго будете раскаиваться в этом ночном нападении... Марш на причал! Ну-ка, попробуйте убежать, если такие смелые. Ведь в темноте я могу промахнуться. — Глиннес снова поднял палку. — Марш, марш!

Двое Дроссетов нетвердой походкой побрели к причалу, ошеломленные провалом своей затеи. Глиннес избивал их до тех пор, пока они оба не повалились на доски настила, а затем стал обрабатывать их ногами, пока они в конце концов совершенно перестали дергаться. После этого он крепко-накрепко связал их предназначенными совершенно для иных целей лодочными снастями.

— Вот так гораздо лучше, милые мои простофили. Ну так выкладывайте теперь, кто из вас убил моего брата Ширу?.. О, у вас нет настроения поболтать со мной? Так вот, я больше не буду вас бить, хотя прекрасно помню другую ночь, когда вы бросили меня на съедение мерлингам. Мне кажется, что мне ничего больше не нужно вам объяснять — Ванг, ты слышишь меня? Вот и говори, Ванг, ответь мне.

— Я достаточно хорошо тебя слышу.

— Тогда слушай. Это ты убил моего брата Ширу?

— Ну и что, если я? Я имел на это право. Он дал коч моей девчонке. Я обязан был убить его. Как обязан убить и тебя.

— Значит, Шири дал коч твоей дочери?

— Именно он, вармус¹ трилл-бугай.

— Ну и как же мне теперь быть с тобой?

Ванг Дроссет примолк на несколько секунд, затем, сопя и задыхаясь, выпалил:

— Можешь убить меня или разрезать на куски, никакой другой пользы ты от меня никогда не получишь!

— Я предлагаю тебе вот что, — сказал Глиннес. — Напиши расписку, что это ты убил Ширу...

— Я не разбираю букв. Ничего я не напишу.

— В таком случае, ты должен заявить при свидетелях, что убил Ширу...

— И отправиться на прутаншир? Ишь чего захотел!

— Приведи серьезные причины, которые заставили тебя так поступить — мне лично, все равно какие. Настаивай на том, что он огрел тебя дубиной, или приставал к твоей дочке, или назвал твою жену грязной старой вороной — все это для меня не имеет особого значения. Дай показания под присягой и я отпущу тебя на все четыре стороны — только ты должен будешь еще поклясться душой своего отца, что оставишь меня в покое. А нет — я сброшу и тебя, и твоё отродье Эшмора в прибрежную тину и оставлю вас мерлингам.

Ванг Дроссет застонал и напрягся всем телом в попытке порвать путы.

¹ Вармус: подлый, скверный, непристойный; оскорбительный эпитет по отношению к триллам.

— Дай клятву, какую он требует! — исступленно взревел Эшмор Дроссет. — Ведь меня-то она не касается! Я убью его все равно — пусть для этого понадобится хоть целая вечность!

— Попридержи-ка язык, — устало процедил сквозь зубы Ванг Дроссет. — Мы повержены. Не до жиру — быть бы живу! — Он снова обратился к Глиннесу. — Повторите, что именно вам нужно.

Глиннес еще раз изложил выдвинутые им условия.

— И вы не станете выдвигать обвинение в убийстве? Если я скажу вам, что этот потный бугай силой затолкал ей в рот коч и повалил на траву за вашим домом...

— Не стану.

Сын презрительно фыркнул.

— И не кастрируете нас и не отрежете носы? Вы оставите нам все наши члены?

— Мне не нужны ваши грязные члены, — сказал Глиннес. — Оставьте их при себе.

Ванг Дроссет вдруг снова издал яростный стон.

— А что будет с моей дочерью, которую вы изнасиловали, которой вы скормили коч и совершенно ее обесценили? Вы возместите понесенный ею ущерб? Вместо этого вы убиваете моего сына и не скупитесь на угрозы мне!

— Ваша дочь пришла сюда по собственной воле. Я ничего у нее не просил. Она сама принесла коч. Это она соблазнила меня.

Ванга Дроссета затрясло от бешенства. Его сын издал целый букет непристойных угроз. Ванг Дроссет в конце концов устал его выслушивать и велел ему заткнуться.

— Я принимаю ваши условия, — сказал он, обращаясь к Глиннесу.

Глиннес развязал сына.

— Забирай тело брата и уматывай!

— Иди, — безжизненно вымолвил Ванг Дроссет.

Глиннес подтянул свой скутер к причалу и скатил на самое днище связанного по рукам и ногам Ванга Дроссета. Затем прошел в дом и позвонил Акади, но дозвониться не смог. Акади отключил свой телефон. Глиннес вернулся к скутеру и с максимальной скоростью понесся по фарванскому руслу, взметая по обе стороны шлейфы из искрящейся в звездном свете пены.

— Куда это вы меня везете? — простонал Ванг Дроссет.

— На встречу с Акади-ментором.

Ванг Дроссет снова застонал, но предпочел больше не высказываться.

Скутер уткнулся носом в причал под причудливым домом Акади. Глиннес перерезал канаты, обвивавшие ноги Ванга Дроссета и вытолкнул его на настил. Спотыкаясь на каждом шагу, они стали медленно подниматься по тропинке, ведущей вверх. Неожиданно на башнях особняка вспыхнули мощные прожекторы, ослепив Глиннеса. Из репродуктора раздался резкий голос Акади:

— Кто это? Соболаговолите назвать себя.

— Глиннес Халден и Ванг Дроссет. Вышли на тропу! — громким голосом поддразнил Акади Глиннес.

— Кто бы мог подумать, что вы подружились, — не без издевки в тоне отвечал насмешливый голос Акади. — Разве я не упомянул, что Сегодняшним вечером я крайне занят?

— Я требую оказания профессиональных услуг с вашей стороны!

— В таком случае поднимайтесь выше.

Когда они достигли вершины утеса, дверь дома была распахнута настежь, поток яркого света изнутри рассек темноту ночи. Глиннес, продолжая подталкивать Ванга Дроссета сзади, провел его внутрь дома.

Появился Акади.

— И какова же суть дела?

— Ванг Дроссет решил пролить свет в отношении смерти Ширы, — сказал Глиннес.

— Прекрасно, — произнес Акади. — У меня сейчас гость, так что я надеюсь на то, что вы отнимите у меня минимум времени.

— Дело это необычайной важности, — без околичностей заявил Глиннес. — Не должно быть никаких отклонений от процедуры.

Акади в ответ только показал, к какому из его кабинетов следует подниматься. Глиннес разрезал снасти, которыми были связаны руки Ванга Дроссета, и подтолкнул его в нужную сторону.

В полумраке кабинета царила спокойная обстановка. В камине тихо потрескивали розовато-оранжевые поленья плавника. С одного из расположенных у камина кресел поднялся незнакомый Глиннесу мужчина и в знак приветствия учтиво склонил голову. Глиннес, чье внимание было всецело поглощено Бантом Дроссетом, уделил ему лишь брошенный вскользь взгляд. Незнакомец показался ему человеком среднего телосложения, в неброской одежде и таким же, ничем особо не примечательным лицом.

Акади, по всей вероятности, помня о событиях прошлой ночи, держался по отношению к Глиннесу с несколько большей любезностью, чем обычно.

— Разрешите представить, — обратился он к гостю, — Глиннеса Халдена, моего доброго соседа, человека с безукоризненной репутацией, а также, — Акади сделал учтивый жест рукой, — Ванга Дроссета, представителя того странствующего народа, который известен под именем «треване». Глиннес и Ванг Дроссет, имею честь познакомить вас с человеком широкого умственного кругозора и обширных знаний, которого заинтересовал наш уголок Скопления. Это Риль Шерматц. Судя по нефритовому медальону, родина его, как мне кажется, Белмас. Я не ошибся?

— Ваше суждение достаточно справедливо, — произнес Шерматц. — Я в самом деле чувствую себя, как дома, на Белмасае. Но во всем остальном вы несколько преувеличиваете. Я — странствующий журналист, не более того. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания и спокойно занимайтесь своим делом. Если рассматриваемый вами вопрос сугубо конфиденциален, то я готов хоть сейчас удалиться.

— В этом нет необходимости, — сказал Глиннес. — Пожалуйста, даже не думайте утруждать себя и располагайтесь поудобнее. — Он повернулся к Акади. — Ванг Дроссет желает сделать перед вами клятвенное заявление — засвидетельствовать, как того требует закон, некоторые факты, проясняющие статус Рабэндари и острова Эмбл. — Он кивнул Вангу Дроссету. — Прошу вас, начинайте.

Ванг Дроссет провел языком по губам.

— Шира Халден, подлый распутник, приставал к моей дочери с грязными намерениями. Он предложил ей попробовать коч, после чего попытался ее изнасиловать. Я оказался случайным свидетелем происходящего и, стремясь оградить честь своей дочери от посягательств, нечаянно умертвил его. Он умер — по-моему, этого достаточно? — уже еле сдерживая гнев, процедил он сквозь зубы, обращаясь к Глиннесу. Глиннес повернулся к Акади.

— Подобное заявление является имеющим законную силу доказательством факта смерти Ширы?

— Вы клянетесь душой своего отца, что сказали правду? — спросил Акади у Ванга Дроссета.

— Клянусь, — пробурчал Ванг Дроссет. — Учтите, я это сделал в порядке самозащиты.

— Очень хорошо, — сказал Акади. — Признание сделано без какого-либо принуждения с чьей-либо стороны перед ментором и нотариусом на общественных началах и другими свидетелями. Признание произведено в соответствии со всеми предписаниями закона.

— В таком случае, будьте любезны, позвоните Льготу Касагэйву и велите ему освободить принадлежащую мне собственность.

Акади почесал подбородок.

— Вы предполагаете вернуть уплаченные им деньги?

— Пусть он сдерет их с того, кому он их платил — с Глэя Халдена.

Акади равнодушно пожал плечами.

— Я, естественно, должен расценивать это как исполнение профессиональных обязанностей, и рассчитываю получить за это соответствующее вознаграждение.

— Ничего иного я и не ожидал. — Акади ушел звонить по телефону.

— Вы довольны? — угрюмо спросил Ванг Дроссет. — В моем стойбище сегодняшняя ночь станет ночью ужасного горя, и все из-за вас, Халденов.

— Это горе вы навлекли на себя собственной своей кровожадностью, — сказал Глиннес. — Может быть, стоит изложить подробности? Никогда не забывайте о том, как вы бросили меня, избитого до полусмерти, в прибрежной тине.

Ванг Дроссет, понутив голову, прошел к двери, где вдруг повернулся и выпалил:

— Как бы то ни было, но мы сполна расквитались с вами за тот позор, которому вы нас подвергаете, вы и все остальные триллы из-за своей ненасытности и похоти. Вы — стадные животные, вот, кто все вы! Для вас, триллов, нет ничего более святого, чем желудок и то, что у вас между ног. А ты, Глиннес Халден, держись от меня подальше. На следующий раз ты уже не отделаешься от меня так легко.

С этими словами он тяжелой поступью покинул дом.

Встретившийся с ним в самом низу лестницы Акади смотрел на то, как уходит Ванг Дроссет, брезгливо морща нос.

— Тебе сейчас лучше бы постеречь свой скутер, — сказал он Глиннесу, едва вошел в кабинет. — Не то вдруг он его угонит и тебе придется домой возвращаться вплавь.

Глиннес, став в дверях, смотрел, как мощная фигура Ванга Дроссета, шагавшего по дороге, становится все меньше и меньше.

— Слишком велика его печаль, — сказал Глиннес, — чтобы разменять ее на угон лодки или какую-нибудь иную мелкую пакость. К своему стойбищу он доберется пешком, пройдя по мосту Верлет. Как там чувствует себя Льют Касагэйв?

— Он отказывается отвечать на мои звонки, — сказал Акади. — Придется тебе несколько повременить с триумфом.

— В таком случае вам придется подождать с получением гонорара, — ответил Глиннес. — Посыльный нашел сюда дорогу?

— Да, конечно. Могу чистосердечно признаться в том, что он снял с меня огромное бремя ответственности. Я ему очень благодарен за то, что я наконец покончил, сам понимаешь, с каким щепетильным делом.

— Раз так, то вы, может быть, угостите меня чашечкой чая? Или у вас с Рилем Шерматцем какое-то сугубо конфиденциальное дело?

— Чай от тебя никуда не уйдет, — не очень-то вежливо произнес Акади. — У нас с ним разговор на отвлеченные темы. Рилия Шерматца интересует, в частности, фаншерад. Он никак не может уразуметь, как такая богатая и мирная планета, как наша, могла породить столь аскетичную секту.

— Как я полагаю, мы должны рассматривать Джуниуса Фарфана в качестве катализатора, — заметил Шерматц. — Или, вот это сравнение выглядит поубедительнее, давайте мыслить в категориях, применимых к сверхперенасыщенному раствору. Он внешне кажется спокойным и стабильным, но один-единственный микроскопический кристалл приводит к полному нарушению равновесности раствора.

— Потрясающий образ! — воскликнул Акади. — Позвольте мне угостить вас чуть-чуть более живительной жидкостью, чем чай.

— А почему бы и нет, в самом деле? — Шерматц с нескрываемым удовольствием вытянул ноги поближе к огню. — У вас замечательнейший дом.

— Да, он приносит мне удовлетворение. — Акади вышел, чтобы принести бутылку.

— Надеюсь, вы находите Труллион гостеприимной планетой? — спросил Глиннес у Шерматца.

— Безусловно. Каждая из планет Скопления проецирует свой особый душевный настрой, и впечатлительный путешественник способен быстро усваивать это своеобразие и наслаждаться его прелестью. Труллион, например, безмятежен и мягок, в его водах отражаются звезды, весь он озарен ласковым, ровным светом, обворожительны его пейзажи, ни с чем не сравнимо обаяние его водных просторов.

— Вот эта нежность прежде всего и бросается в глаза, — согласился Акади, — но временами я серьезно задумываюсь над тем, так ли это в действительности? Например, под этой безмятежной гладью вод плавают мерлинги, создания, отвратительнее которых вряд ли можно себе представить, а за спокойными лицами триллов скрываются чудовищной силы страсти.

— Ну вот, приехали! — воскликнул Глиннес. — Вы сильно преувеличиваете.

— Отнюдь нет! Тебе когда-нибудь приходилось слышать крики из толпы на хуссейдных трибунах, требующие пощадить достоинство шейлы проигравшей команды? Никогда! Она должна предстать обнаженной под музыку, выражающую... ну, как это сказать... Это чувство не имеет своего обозначения, но оно такое же бурлящее, как кровь в жилах зрителей.

— Ловлю вас на слове, — возразил Глиннес. — Ведь в хуссейд играют повсюду.

Акади не обратил внимания на это соображение.

— Или возьмем прутаншир. Поразительное зрелище — исполненные немого восторга лица наших соплеменников при виде того, как какие-то жалкие преступники наглядно демонстрируют, насколько ужасной может быть медленная смерть.

— Прутаншир может служить вполне благородной цели, — заметил Шерматц. — О воздействии подобных мер очень трудно судить.

— Только не с точки зрения злодея, подвергающегося прутанширу, — сказал Акади. — Разве это не самое страшное — умирать, глядя на восторженную толпу, понимая, что твои судороги приносят особую пикантность потехе?

— Но ведь это из ряда вон выходящий случай, — печально улыбнувшись, произнес Шерматц. — Тем не менее, население Труллиона рассматривает прутаншир в качестве необходимого установления, и поэтому он не отмирает.

— Это позор Труллиона и всего скопления Аластор, — холодно заявил Акади. — Коннатику следовало бы запретить подобное варварство.

Шерматц почесал подбородок.

— В ваших словах что-то есть. Тем не менее, Коннатиг не решается вмешиваться в местные традиции.

— Весьма двусмысленная добродетель! Мы надеемся на мудрые решения с его стороны. Нравятся вам фаншеры или нет, но они, по крайней мере, категорически против прутаншира и уничтожили бы его. Если они придут к власти, они обязательно это сделают.

— Нисколько не сомневаюсь в том, что они заодно ликвидируют и хуссейд, — заметил Глиннес.

— Никоим образом, — ответил ему Акади. — Фаншеры относятся с безразличием к этой игре. Она для них, с любой точки зрения, просто бессмысленна.

— Какая унылая и привередливая публика! — воскликнул Глиннес.

— Такими они кажутся, поскольку являют собой прямую противоположность своим безответственным и неряшливым родителям, — сказал Акади.

— Что верно, то верно, — согласился с ним Риль Шерматц. — И все же, всегда нужно иметь в виду, что крайности в мировоззрении часто провоцируют появление других крайностей, но с противоположным знаком.

— Как раз вот такой случай мы и имеем здесь на Труллионе, — сказал Акади. — Я ведь предупреждал вас, насколько обманчивой может оказаться внешне идиллическая атмосфера, царящая на нашей планете.

На какое-то мгновение весь кабинет неожиданно залил чрезвычайно яркий свет. Акади вскрикнул в изумлении и бросился к окну, за ним последовал Глиннес. Они увидели огромный белый корабль, неторопливо пересекающий Клинкхаммерский залив. Кабинет затопил светом, скользнув по особняку Акади, луч прожектора на верхушке мачты.

— По-моему, — удивленно произнес Акади, — это «Скопья», яхта лорда Райэнла. С чего бы это она могла оказаться в Клинкхаммерском заливе?

С борта яхты спустили шлюпку, которая сразу же направилась к причалу Акади. Одновременно с этим раздались три предупредительных сигнала сирены. Акади пробормотал что-то себе под нос и выбежал из дома. Риль Шерматц стал бродить по комнате, с интересом рассматривая разбросанные по ней с характерной для Акади бессистемностью различные сувениры, старинные безделушки, антикварные вещицы. Здесь же находилась и принадлежащая Акади богатая коллекция небольших бюстов различных выдающихся личностей, тем или иным образом оказавших ощутимое влияние на ход истории Аластора, — ученых, воинов, мыслителей, поэтов, музыкантов, проповедников, а на самой нижней полке — зловещая галерея «анти-героев».

— Интересно, — произнес Шерматц. — Как богата наша история, как и история тех эпох, что предшествовали нашей.

Глиннес показал на один из бюстов.

— Вот здесь вы видите Акади собственной персоной, который вообразил, что его место тоже среди бессмертных.

Шерматц беззлобно рассмеялся.

— Поскольку Акади сам собрал эту галерею, ему должно быть, предоставлено право включать в нее кого угодно по собственному усмотрению.

Глиннес подошел к окну и увидел возвращающуюся на яхту шлюпку. Мгновением позже в кабинет вошел Акади, лицо его было мертвенно-бледным, волосы свисали беспорядочными прядями.

— Что с вами стряслось? — спросил удивленно Глиннес. — Вы сейчас похожи на привидение!

— Это был лорд Райэнл, — еле выдавил из себя Акади. — Отец лорда Эрзана-Райэнла, похищенного старменстерами. Он требует назад свои сто тысяч озов.

Лицо Глиннеса вытянулось в изумлении.

— Он бросает своего сына на произвол судьбы?

Акади прошел к нише, где хранил телефон, и включил его. Затем повернулся к Шерматцу и Глиннесу и произнес:

— Гвардия накрыла логово Бандольо арестовала самого Бандольо, всех его приспешников и захватила все корабли пиратов. Гвардейцы освободили всех узников, которых Бандольо захватил в Уэлгене, и еще множество других.

— Отличнейшая новость! — воскликнул Глиннес. — Почему же это у вас такой вид, как у мертвеца?

— Сегодня после полудня я отдал посыльному все хранившиеся у меня деньги. Тридцать миллионов озов бесследно пропали.

Глава 18

Глиннес взял Акади под руку и провел к креслу.

— Садитесь, выпейте вина. — Он скосил взгляд в сторону Шерматца — тот стоял, глядя на пламя в камине. — Скажите, каким образом вы отослали деньги?

— Воспользовавшись услугами посыльного, которого ты сам направил сюда. При нем был соответствующий условный знак. Я отдал ему пакет. Он ушел, вот и вся история.

— Посыльный вам не знаком?

— Никогда не видел его раньше. — К Акади вдруг снова вернулась способность нормально соображать. Он встрепнулся, глаза его загорелись. — Тебя, похоже, очень уж сильно это заинтересовало.

— А разве можно оставаться равнодушным к судьбе тридцати миллионов озов?

— Как же это так получилось, что ты ничего не знал об успешной операции Гвардии? Об этом только и говорили, начиная еще с полудня! Все бросились созваниваться со мною.

— Я работал в саду, не обращая внимания на телефонные звонки.

— Деньги принадлежат тем, кто уплатил выкуп, — решительно заявил Акади.

— Бесспорно. Но всякий, кому удастся спасти их, может на вполне законных основаниях запросить щедрое вознаграждение.

— Вот оно как, — пробормотал Акади. — Неужели у тебя нет ни стыда, ни совести?

Прозвучал гонг. Акади вздрогнул всем телом и проковылял к телефону.

— Лорду Гайгэксу также не терпится получить назад свои сто тысяч озов, — сказал, вернувшись сразу же, Акади. — Он никак не может поверить, что я отослал деньги. Его настойчивость в какой-то мере даже оскорбительна.

Снова зазвучал гонг.

— Занятой выдался вам сегодня вечерок, — сказал, поднимаясь, Глиннес.

— Ты уходишь? — спросил жалобно Акади.

— Да. На вашем месте я снова выключил бы телефон. — Он поклонился Рилу Шерматцу. — Рад был с вами познакомиться.

Глиннес на полной скорости пересек Клинокхаммерский залив, прошел под мостом Верлет, спустился вниз по Меллишскому гирлу реки Заур. Впереди показались десятка два тусклых огней — Зауркаш. Глиннес пришвартовался и выпрыгнул на берег. Царившую в поселке тишину нарушали только несколько приглушенных голосов и смех, время от времени раздававшийся в расположенном рядом с пристанью «Чудо-Лине». Глиннес прошел по причалу к прокатному пункту Харрада. Сдаваемые напрокат лодки освещал установленный на шесте прожектор. Глиннес подошел к каптерке и заглянул в открытую дверь. Харрада-младшего нигде не было видно, хотя в каптерке горел свет. Один из посетителей таверны встал и засеменил по причалу. Это был Харрад-младший.

— Слушаю, сэр, чем могу быть полезен? Если необходим ремонт лодки, ничем не могу помочь до утра... О, сквайр Халден, не узнал вас при электрическом освещении.

— Пустяки, — успокоил его Глиннес. — Дело вот в чем. Сегодня я увидел в одной из ваших лодок знакомого с виду парня, хуссейдера, которого я разыскиваю. Вы, случайно, не запомнили его имя?

— Сегодня? Во второй половине дня или чуть раньше?

— Примерно в это время.

— Я записал его имя в журнале. Давайте пройдем внутрь. Так вы говорите, он — хуссейдер? По виду не скажешь. Впрочем, внешность часто обманчива. А как там дела у «Тан-хинар»?

— В самом скором времени мы снова начнем играть. Как только сумеем собрать десять тысяч озов. Слабые команды теперь бегут от нас, как от огня.

— И не без оснований! Ну что ж, заглянем в журнал... Вот, скорее всего, нужное вам имя. — Харрад-младший повернул журнал к свету и наклонил сначала в одну сторону, затем в другую. — Шилль Зодерганг, так что ли. Адрес не указан.

— Не указан? И вы не знаете, где его можно найти?

— Мне, пожалуй, стоит быть более предусмотрительным, — извиняющимся тоном произнес Харрад-младший. — Чтоб не сглазить, я пока что еще не потерял ни одной лодки, если не считать того случая, когда старик Зэкс ослеп, налакавшись дрянного самогона.

— Зодерганг ни о чем с вами не разговаривал? Совершенно ни о чем?

— Нет, только спросил дорогу к дому Акади.

— А когда вернулся — тогда тоже ни о чем не спрашивал?

— Тогда? Спросил, когда в Зауркаш заходит катер, совершающий регулярные рейсы в Порт-Мэхьюл. Ему пришлось подождать около часа.

— С ним был небольшой черный чемоданчик?

— Да, точно был.

— Он разговаривал с кем-нибудь?

— Он только дремал вон на той скамейке.

— Ну что ж, все это мелочи, — сказал Глиннес. — Встречусь с ним в какой-нибудь другой раз.

Слома голову Глиннес мчался по темным речным протокам и рукавам, мимо выстроившихся по берегам молчаливых деревьев, черные силуэты которых были обрамлены серебристой бахромой из звезд. В полночь он прибыл в Уэлген. Переночевал в гостинице у самой пристани и ранним утром взошел на борт парома, отправлявшегося в восточном направлении.

Порт-Мэхьюл, называемый так скорее вследствие находящегося поблизости взлетно-посадочного поля, используемого космическими кораблями, чем из-за своего местонахождения на берегу Южного Океана, был самым большим городом в Префектуре Джолани и, пожалуй, старейшим поселением на Труллионе. Застроен он был большей частью соответствующими архаичным стандартам массивными, способными выстоять много веков, зданиями из светло-коричневого глазированного кирпича или неподверженных действию времени сальпиниевых бревен, с крутыми крышами, покрытыми синей стеклянной черепицей. Центральная площадь считалась не менее живописной, чем в любом другом из крупных городов Мерланка. Со всех сторон ее окружали древние здания, фасады которых частично были скрыты буйно разросшимися черными сульпицеллами, а главным ее украшением была мостовая, выложенная «в елочку» желтовато-коричневыми кирпичами и как бы светящимися изнутри булыжниками из кристаллического актинолита, добываемого в расположенных неподалеку горах. В самом центре города располагался прутаншир, отличавшийся от других наличием стеклянного резервуара, сквозь боковые стенки которого посаженного

в него преступника обдавали кипятком, а восторженная толпа могла наблюдать во всех подробностях мучения, которые он при этом испытывает. С тыльной стороны окружавших центральную площадь зданий лепились многочисленные базарчики, затем следовали хаотически разбросанные гроздя небольших обветшавших домов, а на восточной окраине — вытянутое в длину здание космовокзала из стали и стекла. Само поле простиралось еще дальше на восток вплоть до Генглинских Болот, где, как рассказывали, выползали из камышей и тины мерлинги, чтобы подивиться зрелищу совершающих посадку или стартующих в космос звездолетов.

Глиннес провел в Порт-Мэхьюле три наполненных трудами и заботами дня, разыскивая Шилля Зодерганга. Стюард парома, курсировавшего между Порт-Мэхьюлом и Шхерами, довольно смутно припоминал, что был на борту парома такой пассажир, Шилл Зодерганг, но кроме голого этого факта больше ничего не мог вспомнить, даже название причала, где тот сошел на берег. В адресном столе города Зодерганг не числился в качестве одного из жителей, в управлении полиции тоже никогда не слышали такого имени.

Глиннес не поленился посетить и космопорт. Звездолет компании «Андржакья Лайнз» отбыл из Порт-Мэхьюла на следующий день после визита Зодерганга в Шхеры, но фамилия «Зодерганг» не числилась в журнале регистрации пассажиров.

Во второй половине третьего дня пребывания в Порт-Мэхьюле Глиннес отправился назад, в Уэлген, а затем уже в своем собственном скутере приплыл в Зауркаш. Здесь он встретился с Харрадом-младшим, которому прямо-таки не терпелось выплеснуть сенсационные новости, и Глиннесу пришлось повременить со своими собственными расспросами и выслушать болтовню Харрада-младшего, которая оказалась сама по себе достаточно увлекательной. Судя по всему, не имеющее себе равных по дерзости злодеяние было совершено, так сказать, почти под самым носом у Харрада-младшего. Оказывается именно Акади, которому Харрад-младший и раньше не очень-то доверял, был тем хладнокровным негодяем, который решил воспользоваться представившейся возможностью прикарманить тридцать миллионов озов.

Глиннес расхохотался, не веря ни единому слову из услышанного.

— Сушая нелепица!

— Нелепица? — Харрад-младший поглядел на Глиннеса в упор, дабы удостовериться, что Глиннес говорит это совершенно серьезно. — Этого мнения придерживаются все до единого лорды — неужели могут ошибаться так много всеми уважаемых людей? Они отказываются поверить, что Акади выключил свой телефон как раз в тот день, когда стало известно о поимке Бандольо.

— Я в тот день сделал то же самое, — пренебрежительно фыркнув, произнес Глиннес. — Неужто я — преступник, если следовать логике лордов?

Харрад-младший пожал плечами.

— Кто-то стал богаче на тридцать миллионов озов. Кто? Явных улики пока еще нет, но все, что бы не делал за эти дни Акади, никак не говорит в его пользу.

— Э, куда это вас занесло! А что же еще он такого сделал?

— Он присоединился к фаншерату. Он теперь фаншер. Все совершенно уверены в том, что они приняли его в свои ряды из-за оказавшихся у него огромных денег.

Глиннес схватился за голову.

— Акади — фаншер? Вот уж ни за что не поверю! Он слишком умен для того, чтобы связывать свою судьбу с этими посмешищами!

Однако Харрада-младшего оказалось не так легко вышибить с занимаемых им позиций.

— Почему он отплыл со своего острова глубокой ночью и отправился в путешествие к Долине Зеленых Призраков? А вспомните еще о том, что он уже давно носит фаншерские одежды и, как обезьяна, подражает их манерам.

— Акади просто несколько чуждаковат. Ему нравится потакать своим «пунктикам».

Харрад-младший презрительно фыркнул.

— Он может поступать так, как ему заблагорассудится, это бесспорно. Между прочим, я даже уважаю подобную смелость, но когда речь идет о тридцати миллионах озов, ссылка на отключенный телефон выглядит более, чем сомнительной.

— А что еще может он сказать, кроме правды? Я сам видел отключенный телефон у него в доме.

— Что ж, все равно, все тайное рано или поздно становится явным. А вам удалось найти того хуссейдера, как его там, то ли Джоркома, то ли Джеркома?

— Джоркома? Джеркома? — удивился Глиннес. — Вы имеете в виду Зодерганга?

Харрад-младший виновато улыбнулся.

— Зодерганг совсем другой человек, рыбак из затона Айли. Я при регистрации перепутал фамилии.

Глиннес с огромным трудом сохранил спокойствие голоса.

— Значит, этого человека зовут Джоркаи? Или Джеркаи?

— Давайте-ка глянем, — ответил Харрад-младший и вытащил журнал. — Вот Зодерганг, а вот записана другая фамилия. Мне кажется — Джерком. Он сам вписал ее.

— Похоже, что Джерком, — согласился Глиннес. — Или это Джеркони?

— Джеркони! Вы совершенно правы! Именно так он и назывался. В какой линии он играет?

— Линии? Полузащиты. Не мешало бы с ним когда-нибудь встретиться. Только я вот не знаю, где он живет. — Глиннес взглянул на часы в каптерке Харрада-младшего. Если он, сломя голову бросится назад, в Уэлген, еще, может быть, удастся застать там направляющийся в Порт-Мэхьюл паром, Махнув в отчаянии на все рукой, он спрыгнул в скутер и на максимальной скорости помчался на восток, в Уэлген.

В Порт-Мэхьюле, как вскоре обнаружил Глиннес, фамилия «Джеркони» была ничуть не более известна, чем «Зодерганг». Усталый и охваченный каким-то тупым безразличием он прошел в беседку перед входом в таверну «Отдых путника» и заказал бутылку вина. На столике, за которым он устроился, кто-то оставил свежий информационный бюллетень. Глиннес поднял его и пробежался взглядом. В глаза ему бросилась следующая статья:

«ПРОВАЛ ПОПЫТКИ НАПАДЕНИЯ НА ФАНШЕРОВ»

«Вчера в Порт-Мэхьюл пришло известие о заслуживающем осуждения нападении, совершенном группой треван, на лагерь фаншеров в Долине Зеленых Призраков или, как ее называют треване, Долине Ксиан. Мотивы, которыми руководствовались треване, довольно сомнительны. Известно, что они возмущены присутствием фаншеров в долине, считающейся среди треван священной. Нелишне также напомнить, что ментор Джано Акади, в течение многих лет проживавший в окрестностях Зауркаша, объявил себя фаншером и теперь живет в лагере фаншеров. Общественное мнение не без оснований связывает Акади с суммой в тридцать миллионов озов, которую, как утверждает Акади, он выплатил стар-ментеру Загмондо Бандольо, однако сам Бандольо категорически отрицает ее получение. Не исключено, что вожак группы треван, некий Ванг Дроссет, решив, по всей вероятности, что Акади забрал эти деньги с собой в Долину Зеленых Призраков, поэтому именно с целью захвата денег и организовал налет на лагерь фаншеров. Факты таковы: семеро треван вошли в палатку Акади ночью, однако им не удалось заглушить его крики о помощи. На его призыв откликнулось немало фаншеров и в возникшей вслед за этим схватке двое треван были убиты, а еще несколько — ранены. Те, кому удалось спастись, нашли убежище среди участников проводившегося в это время неподалеку собрания треван с целью выпол-

нения священных обрядов. Наверное, излишне говорить о том, что треванам так и не удалось овладеть тридцатью миллионами озолов, которые, очевидно, спрятаны в надежном месте. Фаншеры оскорблены вышеописанным нападением, которое они расценивают, как акт преследования их со стороны треван.

«Мы сражались, как карпауны», — заявил представитель фаншеров. «Мы ни на кого не нападаем, но свои права будем отстаивать, не брезгуя никакими средствами. Будущее за фаншерадом! Мы призываем молодежь Мерланка и всех, кто против постылого, безответственного образа жизни: присоединяйтесь к фаншераду! Протяните нам руку дружбы и вливайтесь в наши ряды, крепите нашу мощь!»

Шериф Фелидис сообщил, что он крайне озабочен случившемся и назначил проведение особого расследования. «Я не потерплю никаких дальнейших нарушений общественного спокойствия», — заявил он».

Глиннес отшвырнул бюллетень. Грузно опустившись на стул, он одним махом опорожнил добрых полкубка вина. Мир, который он знал и любил, казалось, распался на разрозненные фрагменты. Фаншеры и фаншерад! Лют Касагэйв, лорд Эмбл! Джорком, Джерком, Джеркони, Зодерганг! Ему было тошно от каждого из этих имен!

Он допил до конца бутылку, после чего вернулся в гавань и стал дожидаться рейса на Уэлген.

Глава 19

Остров Рабендари показался Глиннесу неестественно тихим и одиноким. Через час после возвращения Глиннеса домой зазвенел телефон. На экране Глиннес обнаружил лицо своей матери.

— Я считал, что ты тоже ушла к фаншерам, — беспечно произнес шутливым тоном Глиннес.

— Нет, нет, только не я. — Голос Марчи звучал раздраженно и обеспокоено. — Джано ушел только для того, чтобы избежать неразберихи. Ты себе даже не представляешь, какой гнев на нас обрушился, какие угрозы, какие обвинения посыпались в наш адрес! Мы не имели ни минуты покоя, и бедняга Джано в конце концов почувствовал, что ему ничего иного не остается, как покинуть свой дом.

— Значит, он после всего никакой не фаншер?

— Конечно, нет! Ты всегда был таким простодушным ребенком! Неужели ты так до сих пор и не понял, что можно глубоко интересоваться какой-нибудь идеей, но совершенно не обязательно при этом становиться ее непоколебимым сторонником?

Глиннес спокойно воспринял критику приписываемых ему недостатков.

— И сколько же времени Акади пробудет в Долине?

— Я считаю, что ему следовало бы немедленно вернуться. Разве он сможет там нормально жить? Ведь это в самом буквальном смысле опасно. Ты слышал о том, что на него напали треване?

— Я слышал о том, что они пытались отобрать у него деньги.

Голос Марчи едва не сорвался.

— Тебе не следует говорить подобные вещи, даже в шутку! Бедный Джано! Чего только ему не пришлось испытать! А ведь он всегда был тебе таким хорошим другом.

— Я никогда ничего не имел против него.

— Сейчас ты должен кое-что сделать ради него. Я хочу, чтобы ты отправился в Долину и доставил его домой.

— Что? Я не вижу смысла в подобной экспедиции. Если он захочет вернуться домой, то он так и сделает.

— Все совсем не так! Ты даже представить не можешь, какие настроения владеют им. Он настолько безволен, что не в состоянии на что-либо решиться.

— Может быть, он просто отдыхает — проводит там, так сказать, отпуск.

— Отпуск? Хорош отпуск, когда жизнь его подвергается опасности! Ведь это общеизвестно, что треване замышляют устроить там массовую резню.

— Гм-м. Не думаю, что все именно так, как ты говоришь.

— Ладно. Если ты отказываешься помочь, тогда я сама должна туда отправиться.

— Куда? И для чего?

— В лагерь фаншеров. Настоять на том, чтобы Джано вернулся домой.

— Выбрось из головы эту затею. Ладно, попробую. Но что, если он не захочет возвращаться?

— Ты должен сделать все, что в твоих силах.

В расположенный в предгорьях город Сиркани Глиннес добрался аэробусом, затем нанял допотопную сухопутную колыхагу, способную доставить его в Долину Ксиан. В оплату стоимости входила и плата за услуги говорливого старика с повязанным на голове синим шарфом. Старик управлял архаичным средством передвижения так, как будто это было непослушное и упрямое животное. Временами жалкая тачка скребла землю днищем корпуса, но бывало и так, что подпрыгивала вверх метров на десять, предоставляя Глиннесу бесценную возможность полюбоваться едва ли не с птичьего полета красотами окружающей местности. Внимание Глиннеса привлекли два энергоствола на сидении рядом с водителем, и он не преминул справиться у водителя о их назначении.

— Опасная территория, — ответил водитель. — Ну кто бы когда-нибудь мог подумать, что мы доживем до такого?

Глиннес стал с большим вниманием присматриваться к пейзажам, однако они все равно продолжали ему казаться такими же мирными, как и остров Рабэндари. Здесь и там виднелись горные помандеры — кроны их казались облаками из розоватого тумана, зацепившимися за растопыренные серебряные пальцы стволов. Стройными рядами вдоль кряжей маршировали сине-зеленые фиалы. Всякий раз, когда машина взлетала в воздух, кругозор резко увеличивался. Территория к югу уходила вдаль постепенно понижающимися террасами мертвенно-бледного цвета.

— Я не усматриваю таких уж особых причин для тревоги, — сказал Глиннес.

— Коль вы не фаншер, то можете чувствовать себя достаточно сносно, — заметил водитель. — Но все равно, лучше быть начеку — треване собрались всего в какой-то миле-две отсюда, они сейчас злые, как осы, у которых разворошили гнезда. Они пьют «рэкк», который возбуждает нервную систему и от которого они не становятся добрее.

Долина заметно сузилась. Теперь по обе стороны круто вздымались горные вершины. По довольно ровному дну долины плавно катила воды спокойная речка. Оба берега ее поросли сомбариллами, помандерами, деодарами.

— Вот это и есть Долина Зеленых Призраков? — спросил Глиннес.

— Некоторые именно так ее и называют. Треване здесь между деревьев хоронят умерших детей. Настоящая священная Долина чуть дальше, сразу же за лагерем фаншеров. Вот он показался впереди. Трудолюбивый народ, ничего не скажешь... Только вот хотелось бы знать, что все-таки они здесь затевают? Понимают ли они сами до конца, что хотят сделать?

Машина проскочила на территорию лагеря — бурная и беспорядочная деятельность здесь была в самом разгаре. Вдоль берега реки были разбиты сотни палаток. На прибрежных лугах уже в стадии строительства находились здания из пенобетона.

Глиннес нашел Акади без труда. Он сидел за письменным столом в тени глиптуса, выполняя какую-то канцелярскую работу. Он поздоровался с Глиннесом без тени удивления и даже не очень-то приветливо.

— Я здесь для того, чтобы образумить вас, — без обиняков заявил Глиннес. — Марча требует, чтобы вы вернулись на Акулий Зуб.

— Я вернусь, когда нахлынет соответствующее настроение, — ответил спокойно Акади. — До того, как я сюда прибыл, здесь все было тихо и спокойно... Должен признаться, мои огромные познания и жизненный опыт здесь оказались никому не нужными. Я ожидал, что меня встретят, как пользующегося всеобщим уважением мудреца. Вместо этого меня засадили вот сюда подсчитывать всякую ерунду. — Он пренебрежительно показал на свой

стол. — Мне сказали, что я должен отрабатывать свое содержание, а вот это — как раз та работа, за которую никто не удосужился взяться. — Он бросил хмурый взгляд в сторону ближайшего скопления палаток. — Все хотят принимать участие в осуществлении грандиозных планов. Директивы и объявления сыпятся как из рога изобилия.

— Как я полагаю, — сказал Глиннес, — тридцать миллионов озолов сделали бы вашу жизнь в лагере достаточно легкой.

В усталом взгляде Акади сверкнул явный упрек.

— Неужели ты не понимаешь, что именно этот эпизод пустил всю мою жизнь вверх тормашками? Под вопросом оказалась моя честность, и мне уже никогда не быть ментором.

— Вы достаточно богаты и без этих тридцати миллионов, — сказал Глиннес. — Что мне сказать матери?

— Скажи, что мне здесь скучно и приходится перерабатывать, но, по крайней мере, сюда не доходят обвинения в мой адрес. В твои намерения входят встретиться с Глэем?

— Нет. Что это за бетонные сооружения?

— Я придерживаюсь принципа: ничего не знать.

— Вы видели призраков?

— Нет, но, с другой стороны, я и не стремился к этому. Могилы треван можно найти по ту сторону речки, но священное обиталище птицы смерти в глубине долины за милю отсюда, сразу же за деодаровой рощицей. Я прогулялся туда — и пришел в неописуемый восторг. Бесспорно, обворожительнейшее место — слишком даже прекрасное для треван.

— Как тут с питанием? — без всякой задней мысли спросил Глиннес.

Акади недовольно скривился.

— Фаншеры вознамерились выведать тайны вселенной, но пока что еще не в состоянии даже как следует выпекать хлеб. Кормежка одинаковая — что на завтрак, что на обед, что на ужин. Овсяная размазня и салат из грубо приготовленной зелени. Ни одной бутылки вина на много миль вокруг... — Акади завелся так, что проговорил несколько минут безостановочно. Отметил энтузиазм фаншеров, но наибольшее впечатление на него произвел их аскетизм, вот его Акади никак не мог им простить. Он затрясся от ярости при упоминании о тридцати миллионах озолов, тем не менее, с трогательной горячностью пытался оправдаться. — Ты сам видел посыльного. Ты объяснил ему дорогу к моему дому. Неужели этого аргумента совершенно недостаточно?

— Никто не потребовал от меня дать свидетельские показания. А как там ваш приятель Риль Шерматц? Где он?

— Передачи денег именно из рук в руки он не видел. Станный человек, этот Шерматц! Душа у него, как ртуть.

Глиннес поднялся.

— Значит, уходим отсюда. Вам здесь совершенно нечего делать. Если хотите, чтобы вас не беспокоили, поживите, никого не ставя об этом в известность, неделю-другую на Рабендари.

Акади почесал подбородок.

— Что ж, а почему бы и нет? — Он пренебрежительно постучал ладонью по бумагам. — Разве фаншеры что-то смыслят в таких вещах, как оригинальность, изысканность, интуиция? Они посадили меня учетчиком. — Он встал из-за стола. — Я покидаю этот лагерь. Фаншерад становится все более скучным. В конечном счете этим парням никогда не покорить вселенную.

— В таком случае — в путь, — сказал Глиннес. — Вам ничего не надо взять с собой? Тридцать миллионов озолов, например?

— Эта шутка потеряла былой смак, — сказал Акади. — Я ухажу как есть, и чтобы хоть как-то отметить свой уход, дополню выполненные мной подсчеты своеобразным уравнением. — Он быстро и размашисто черкнул что-то на бумаге, затем перебросил через плечо. — Я готов.

Наземный экипаж покинул Долину Зеленых Призраков и к эвнессу прибыл в Сиркани. Акади и Глиннес расположились на ночь в небольшой деревенской гостинице.

В полночь Глиннеса разбудили возбужденные голоса, а еще через несколько минут слышались звуки бегущих ног. Он выглянул в окно, однако на залитой звездным светом улице все было тихо. Решив, что шумели подвыпившие гуляки, Глиннес завалился в постель.

Утром ему рассказали, чем был вызван ночной переполох. На протяжении всего вечера треване на своем сборище впадали во все большее и большее буйство. Они ходили по кострам, неистовствовали в своих необузданных плясках, их «Гротески» — так называют они своих пророков — надышавшись чада, издаваемого кореньями некоторых лесных трав, громкими нечленораздельными выкриками изрыгали судьбу всей расы треван. Воины отвечали им безумными криками и завыванием, а затем бегом пустились по залитым звездным светом холмам и, высоко подпрыгивая и воинственно размахивая ножами, напали на лагерь фаншеров.

Это нападение отнюдь не застало врасплох фаншеров. Они пустили в ход бластеры и притом с не знающей никакой меры жестокостью. Несущиеся лавиной с горных склонов треване на полном бегу превращались в безжизненные статуи, охваченные голубым пламенем. Атака захлебнулась. Находившиеся в первых рядах нападавших особо пылкие противники фаншеров усеяли своими корчащимися в муках телами все склоны на подступах к лагерю, и начавшееся было сражение на этом и закончилось — часть треван погибла, остальные разбежались в таком же ужасе и отчаянии, с каким была проведена и первая их атака. В гнетущем молчании фаншеры глядели вслед убегающим. Они победили — и они же оказались потерпевшей поражение стороной. Фаншераду больше уже никогда не бывать тем, чем он был до того. Внутренний огонь и жизненная сила оставили его, и только безрадостный труд ждал его радетелей.

Акади и Глиннес вернулись на Рабендари без происшествий, однако холостяцкая атмосфера, царившая в доме Глиннеса, раздражала Акади и уже к концу первого же дня пребывания на Рабендари он решил вернуться на Акулий Зуб.

Глиннес позвонил Марче, но теперь настроение матери было совершенно иным. Перспектива возвращения Акади вызвала у нее немалое беспокойство.

— Здесь сейчас такой переполох, что у меня прямо раскалывается голова. Лорд Генсифер требует, чтобы Акади немедленно с ним связался. Он не прекращает изводить меня своими звонками, а тон, с каким он со мной разговаривает, становится все более и более враждебным.

Акади, больше уже не в силах сдерживать волнение, дал полную волю своей ярости.

— Как он смеет меня запугивать? Сейчас я поставлю его на место и притом очень быстро. Ну-ка свяжите меня с ним!

Глиннес позвонил лорду Генсиферу. Его лицо сразу же появилось на экране.

— Как я понимаю, вам не терпится перебраться парой слов с Джано Акади, — сказал Глиннес.

— Совершенно верно, — подтвердил лорд Генсифер. — Где он?

В поле зрения передающей камеры вступил Акади.

— Я здесь и не собираюсь делать из этого особой тайны. Однако я что-то не припоминаю, чтобы у нас с вами было какое-то дело, не терпящее отлагательства. Тем не менее, вы непрерывно звоните ко мне домой.

— А вот теперь появилось, — высокомерно выпятив нижнюю губу, произнес лорд Генсифер. — Нужно срочно обсудить вопрос, касающийся судьбы тридцати миллионов озов.

— Почему я должен обсуждать этот вопрос с вами? — возмутился Акади. — Вы же к этому не имеете ровно никакого отношения. Вас никто не похищал, вы не платили выкуп.

— Я — секретарь Коллегии лордов и уполномочен рассмотреть этот вопрос.

— Я что-то никак не могу понять, почему вы разговариваете со мной таким тоном, — сказал Акади. — Я достаточно ясно изложил свою позицию. И не намерен больше обсуждать данный вопрос.

Лорд Генсифер на мгновение задумался, затем в конце концов произнес:

— У вас, возможно, не будет выбора.

— Я в самом деле не понимаю вас, — ледяным тоном ответил Акади.

— Ситуация крайне проста. Гвардия предоставляет Загмондо Бандольо в распоряжение шерифа Филидиса в Уэлгене. Он, несомненно, будет вынужден изблечить своих пособников.

— Меня это совершенно не касается. Пусть себе изблечит, кого считает необходимым.

Лорд Генсифер чуть склонил голову набок.

— Некто, располагающий конфиденциальной информацией обо всем, что имеет место в округе, регулярно делился ею с Бандольо. Теперь он должен разделить судьбу своего патрона.

— И вполне заслуженно.

— Позвольте мне сказать только то, что если вы припомните хоть что-нибудь, касающееся этого дела, пусть даже любой пустяк, вы можете сообщить мне об этом в любое время дня или ночи, кроме, разумеется, того дня на этой неделе, — тут лорд Генсифер соизволил добродушно хихикнуть, — на который у меня назначена свадьба с будущей леди Генсифер.

Такое заявление не могло не расшевелить профессиональное любопытство Акади.

— И кому же это суждено стать новобрачной леди Генсифер?

Лорд Генсифер полузакрыв глаза в томной задумчивости.

— Она изящна, красива и добродетельна — ей нет равных во всех этих отношениях. Она даже слишком хороша для такого как я. Я имею в виду бывшую шейлу «Ганхинар» Дьюссану Дроссет. Ее отец был убит во время недавней стычки, и она обратилась ко мне за поддержкой и утешением.

— Этот день, в таком случае, доставил нам, по крайней мере, один достойный восхищения сюрприз, — сухо произнес Акади.

Лицо лорда Генсифера выразило удовлетворение услышанными словами, после чего экран погас.

В Долине тем временем воцарилось какое-то необыкновенное спокойствие. Никогда еще эта сказочная долина не казалась такой красивой. Стояла исключительно ясная погода. Прозрачный воздух, как линза из хрусталя, еще больше усиливал и без того яркие краски долины, делал их насыщенными. Более четкими стали и раздававшиеся в ней звуки, хотя и казались несколько приглушенными — возможно, те, кто находился в Долине, изрядно подумомонились и воздержались от резких или неожиданных звуков. Зажигавшиеся ночью огни были тусклыми и немногочисленными, разговоры, по сути, велись шепотом в темноте. Налет треван только подтвердил то, о чем многие уже давно догадывались — для успешного развития фаншерада его сторонникам придется преодолеть довольно широкий спектр противодействующих ему сил. Наступило время решительных действий, требующее

непреклонной стойкости духа! Некоторые неожиданно покинули Долину и больше их уже в ней не видели.

А на сборище треван ярость все более усиливалась и углублялась. Если кто и призывал к умеренности, то их голосов больше уже не было слышно в неистовстве барабанов, труб и нарвоунов, духовых инструментов, звуки которых обладали особой глубиной и мощностью благодаря нескольким виткам звукового канала и расширяющемуся раструбу в конце его. Ночью мужчины прыгали через костры и наносили себе ножевые раны, окропляя собственной кровью жертвенники при выполнении священных обрядов. Прибыло подкрепление — кланы треван из Дубового Урочища и Восточных пустошей. Многие были вооружены бластерами. Были откупорены и тут же распиты множество бочонков с крепчайшим самогоном особой очистки, известным под названием «рэкк», после чего воины нараспев дружно скандировали величайшие клятвы под яростный аккомпанемент нарвоунов, барабанов и гобоев.

На третье утро после ночного нападения треван в местности, где продолжалось их сосредоточение, появился наряд полиции во главе с самим шерифом Филидисом. Он порекомендовал треванам проявить благоразумие и объявил о своей решимости поддержать порядок.

Треване громкими криками выражали свое возмущение. Фаншеры посягнули на их священные земли, на Долину, где обитают их души!

Шериф Филидис повысил голос:

— Ваша озабоченность небезосновательна. Я намерен выйти с вашими претензиями к фаншерам. Тем не менее, чем бы не завершились мои переговоры с ними, вы обязаны строго придерживаться того решения, которое я вынесу. Вы согласны?

Треване встретили эти слова всеобщим молчанием.

Шериф Филидис повторил требование не противодействовать его попыткам урегулировать конфликт и снова треване не взяли на себя никаких обязательств.

— Если вы наотрез отказываетесь выполнять выдвинутые мною условия, — сказал шериф, — то будете приведены к покорности силой. Считайте, что я вас предупредил!

Полицейские забрались внутрь вертолета и отправились в Долину Зеленых Призраков, отделенную от места сборища треван холмистой грядой.

Переговоры с шерифом Филидисом проводил сам Джуниус Фарфан. Он сильно похудел, одежда теперь мешком висела на нем, лицо избородили глубокие морщины. Шерифа Филидиса он выслушал, не перебивая, а затем холодно ответил:

— Мы здесь работаем вот уже в течение нескольких месяцев, не причиняя никому неудобств. Мы чтим могилы треван. Об осквернении их или о каком-либо ином святотатстве не может быть и речи. Им никогда не чинилось ни малейших помех при проходе в Долину Ксиан. Поведение треван совершенно нелогично, а их опасения не имеют под собой никаких постижимых разумом оснований. При всем к ним уважении нам ничего не остается другого, как отказаться покинуть нашу территорию.

Шериф Филидис, кряжистый угловатый мужчина с бледным лицом и ледяными голубыми глазами, казавшийся еще более массивным и непоколебимым вследствие сокрушительной мощи сил, представителем которых он был в Префектуре Джолани, никогда не питал особой благосклонности к упрямому непокорству.

— Так вот, — решительно заявил он. — Я уже запретил треванам нарушать порядок. Теперь я делаю аналогичное предупреждение и вам.

Джуниус Фарфан учтиво склонил голову.

— Мы никогда первыми не нападём на треван. Но мы готовы защитить себя.

Шериф Филидис фыркнул с откровенной издевкой.

— Треване — воины, все мужчины до единого. При даже малейшем попустительстве с моей стороны, они с удовольствием перережут вам всем глотки. Я настоятельно рекомендую перебраться в какое-нибудь другое место. Почему это обязательно нужно возводить свое предприятие в таком сомнительном месте?

— Эта территория была свободна, на нее никто не претендовал. Вы в состоянии обеспечить нам выделение земельного участка в другом месте?

— Естественно, нет. Только, откровенно говоря, я не усматриваю какой-либо такой уж необходимости для того, чтобы вообще затевать столь грандиозное строительство. Не проще ли разойтись по домам и прекратить склоку?

Джуниус Фарфан улыбнулся.

— Мне понятны ваши идеологические предрассудки.

— Это никакие не предрассудки, это естественное предпочтение тому, что было уже многократно опробовано в прошлом и доказало свою правильность. Это проявление самого элементарного здравого смысла.

Джуниус Фарфан только пожал плечами, понимая всю бесполезность опровергать точку зрения изначально неопровержимую. Полиция выставила патрули вдоль горных склонов.

День клонился к концу. Эвнесс принес сильную грозу. В течение часа пурпурные пряди молний прошивали погруженные в тьму склоны гор. Фаншеры повыходили из палаток подивиться на грандиозное зрелище. Треване же были потрясены до глубины души столь зловещим предзнаменованием. В соответствии с их пониманием мироустройства Урманк-Губитель Душ взобрался на тучи и выплевывал души как треван, так и триллов. Тем не менее, они выстроились в боевые порядки, приняли «рэкк», крепко обнялись и ровно в полночь выступили в поход, чтобы произвести нападение на лагерь фаншеров в сером сумраке за час до рассвета. Прячась за стволами деодаров, используя в качестве прикрытия многочисленные валуны и бугры, они проскользнули мимо полицейских с их инфракрасными биноклями и ультразвуковыми детекторами, но несмотря на всю скрытность передвижения нарвались на засаду фаншеров. Громкие крики и вопли вспороли предрассветную тишину. Серую мглу прорезали вспышки бластеров. Вступившие в рукопашную схватку противники вырисовывались причудливо фантастическими силуэтами на фоне неба. Треване сражались, цедя сквозь зубы проклятья и издавая гортанные хриплые звуки в стремлении превозмочь боль от ран. Фаншеры бились до последнего в зловещем молчании. Полицейские отчаянно кричали в репродукторы. Размахивая черно-серым полотнищем флага, символизовавшего власть правительства, они все ближе подступали к полю сражения. Треване, неожиданно осознав, с каким не ведающим пощады противником они столкнулись, дрогнули и обратились в бегство. Фаншеры пустились за ними в погоню, как неумолимые боги возмездия. Никто не обращал внимания на призывы полицейских уgomониться, их ряды были смяты, вырван из их рук черно-серый флаг.

Полицейские радиовали в Сиркани. Шериф Филидис, поднятый с постели и злой, как сто чертей на фаншеров, приказал поднять ополчение.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда в Долину прибыло ополчение — большой отряд деревенских триллов. Они крепко недолюбливали треван, но знали, что они из себя представляют, и мирились с их существованием. Станные и непонятные фаншеры не вписывались в их круг представлений и, следовательно, были для них чужаками. Треване, переборов панику, последовали за ополчением в Долину в сопровождении скачущих вприпрыжку музыкантов, наяривавших пронзительные боевые мелодии.

Фаншеры отступили под защиту деодаровой рощи. Остались поджидать ополченцев только Джуниус Фарфан и несколько ближайших его помощников. Они уже больше не на-

деялись на победу. На них теперь обрушилась вся мощь государства. Вперед вышел командир ополчения и приказал фаншерам немедленно покинуть Долину.

— На каком основании? — спросил Фарфан.

— Ваше присутствие провоцирует беспорядки.

— Наше присутствие здесь вполне законно.

— Тем не менее, оно создает напряженность, которой раньше не существовало. Законность не должна вступать в противоречие со здравым смыслом, и ваше дальнейшее пребывание в Долине Зеленых Призраков как раз-то ему и противоречит. Я обязан убедить вас в необходимости покинуть Долину.

Джуниус Фарфан посоветовался с товарищами. Затем со слезами, струившимися по щекам — тяжело было осознавать крушение мечты всей жизни — отвернулся, чтобы отдать распоряжения тем фаншерам, что спрятались за стволами деодаров. Одурманенные рэкком треване больше уже не в силах были себя сдерживать. Они накинулись на ненавистного Фарфана. Брошенный одним из них нож воткнулся ему прямо в затылок. Фаншеры взвыли и с выпученными от ужаса глазами ринулись на треван и на ополченцев без разбору. Ополченцы, которым совершенно не хотелось принимать какого-либо участия в схватке, расстроили свои ряды и пустились кто куда. Треване же и фаншеры сцепились друг с другом, не желая уступать ни пяди противнику и стремясь нанести ему как можно больший урон.

Через некоторое время, по какой-то загадочной негласной взаимной договоренности, те, кому удалось остаться в живых, потихоньку расползлись в разные стороны. Треване вернулись к своему теперь громко причитающему по покойникам сборищу за холмистой грядой. Фаншеры только на несколько мгновений задержались в своем лагере, а затем по-нуро побрели к выходу из Долины. С фаншером было покончено. Великое начинание провалилось.

Несколькими месяцами позднее Коннатиг в разговоре с одним из своих министров упомянул о сражении в Долине Зеленых Призраков.

— Я находился неподалеку и был хорошо проинформирован о ходе событий. Трагическое стечение обстоятельств — вот что я могу сказать об этом.

— Вы никак не могли предотвратить столкновение?

Коннатиг пожал плечами.

— Мог, разумеется, призвать на помощь Гвардию. Я прибегнул к этому в одном довольно похожем на этот случай — с тамархистами на планете Рамнотис — но ничего этим не достиг. Неблагополучное общество напоминает человека, у которого несварение желудка. Стоит ему опорожниться как самочувствие его улучшается.

— И все же — многим пришлось поплатиться жизнью.

На чело Коннатига легла тень.

— Мне нравится атмосфера товарищества, царящая в хорошей пивной, в деревенской гостинице, в припортовой таверне. Я много путешествую по планетам Аластора и повсюду обнаруживаю людей, которых нахожу обаятельными и достойными уважения, людей, которых я люблю. Каждый из пяти триллионов является сам по себе вселенной. Каждый по-своему уникален и незаменим... Бывает, что я нахожу мужчину или женщину, которые мне ненавистны. Я вглядываюсь в их лица и вижу злобность, жестокость, порочность. И тогда я думаю вот что: эти люди в равной степени полезны в общей системе мироустройства. Они выступают в роли тех образцов, сравниваясь с которыми может узнать истинную цену своей добродетели. Жизнь без контрастов все равно, что пища без соли... Как Коннатиг я обязан мыслить в рамках высокой политики. В этом случае я вижу только совокупного человека, лица которого не разобрать, так как в нем совместились пять триллионов лиц. К этому человеку я не испытываю каких-либо чувств. Вот как было со мной и в Долине Зеленых

Призраков. Фаншерад ждала печальная судьба с момента его возникновения — чего другого можно было ожидать от такого слабака, как Джуниус Фарфан?

Многие из фаншеров тогда спаслись, но они перестали быть фаншерами. Некоторые сбросили характерные для движения одежды и снова стали обыкновенными триллами. Некоторые переселятся на другие планеты. Кое-кто из них, возможно, даже станет старментом. Несколько упрямцев сохраняют привычки фаншеров в своей повседневной жизни. И все, кто участвовал в фаншераде, будут помнить великую мечту своей жизни и будут чувствовать себя обособленно от тех, кто не разделил с ними славы и трагедии.

Глава 20

Глэй заявился на остров Рабендари в рваной и перепачканной одежде, с забинтованной рукой.

— Мне нужно где-то жить, — уныло произнес он. — Здесь, пожалуй, было бы не так уж плохо.

— Во всяком случае, не хуже, чем где-нибудь еще, — ответил ему Глиннес. — Как я полагаю, ты не удосужился принести с собой деньги.

— Деньги? Какие деньги?

— Двенадцать тысяч озовов.

— Нет.

— Жаль. Касагэйв величает сейчас себя лордом Эмблом.

Глэя это нисколько не интересовало. Его охватило полнейшее ко всему безразличие — мир стал серым и унылым.

— Предположим, он на самом деле лорд Эмбл. Это дает ему право на остров?

— Он, похоже, именно так и считает.

Гонг позвал Глиннеса к телефону. На экране появилось лицо Акади.

— О Глиннес! Я очень рад, что застал тебя дома. Мне нужна твоя помощь. Ты можешь немедленно отправиться на Акулий Зуб?

— А почему бы и нет, если вы уплатите обычный мой гонорар.

Акади раздраженно замахал руками.

— Мне сейчас не до шуток. Так ты можешь или нет?

— Ладно, ладно. В чем заключаются ваши трудности?

— Объясню, когда ты прибудешь.

Акади встретил Глиннеса у дверей своего дома и едва ли не рысью повел его в один из кабинетов.

— Позволь познакомить тебя с двумя служащими префектуры, которые настолько введены в заблуждение, что подозревают меня, усталого, жалкого человека в совершении правонарушения. Справа — наш высокоуважаемый шериф Бенко Филидис. Слева — инспектор Люсьен Даль, следователь, тюремщик и оператор прутаншира. Это, джентльмены, мой приятель и сосед Глиннес Халден, которого вы лучше, пожалуй, знаете как грозного правого ударного нападающего «Танхиар».

Все трое поприветствовали друг друга. Как Филидис, так и Даль с похвалой отзывались об игре Глиннеса на хуссейдном поле. На Филидисе, крупном широкоплечем мужчине с бледным, несколько грустным лицом и холодными голубыми глазами, был светло-коричневый габардиновый костюм, отороченный черной плетеной тесьмой. Даль был худой и костлявый, с длинными тонкими руками и продолговатыми пальцами. У него была иссиня-черная курчавая шевелюра, а лицо такое же бледное, как и у его начальника, но со-

стоящее как бы из одних острых углов. Даль отличался крайней учтивостью манер и деликатностью в такой мере, как будто для него была совершенно несвойственной даже мысль кого-нибудь обидеть.

Акади обратился к Глиннесу в свойственной ему манере строго придерживаться точности и взвешенности в каждом произносимом им слове:

— Вот эти два джентльмена, являющиеся как компетентными, так и беспристрастными должностными лицами, говорят мне, что я вступил в преступный сговор со старментером Загмондо Бандольо. Они объясняют подобное обвинение тем, что собранные мной в качестве выкупа деньги до сих пор находятся на хранении у меня. В настоящее время я доведен до такого состояния, что уже сомневаюсь в собственной своей невинности. Ты можешь меня разубедить?

— По моему глубокому убеждению, — ответил Глиннес, — вы совсем не прочь получить лишний озол, но так, чтобы это не было сопряжено хотя бы с малейшим риском.

— Это не совсем то, что я имел в виду. Разве не ты объяснил посыльному дорогу ко мне? И не ты ли, прибыв сюда, обнаружил, что у меня серьезный разговор с неким Рилем Шерматцем и что мой телефон был отключен?

— Истинная правда, — сказал Глиннес.

У заговорившего первым шерифа Филидиса голос оказался неожиданно кротким.

— Заверяю вас, Джано Акади, мы прибыли сюда главным образом потому, что нам просто некуда больше идти. Деньги попали к вам в руки, затем исчезли. К Бандольо они доставлены не были. Мы произвели гипно-допрос Бандольо, он не обманывает нас. По сути, он сейчас в состоянии говорить только правду и готов чистосердечно с нами сотрудничать.

— А каков был механизм передачи денег Бандольо? — спросил Глиннес.

— Ситуация в высшей степени любопытная. Бандольо работал с лицом фанатически осторожным, лицом, которое — позвольте вас процитировать — «не прочь заработать лишний озол, но так, чтобы это не было сопряжено даже с малейшим риском». Это лицо как раз и инициировало весь этот проект. Оно послало Бандольо письмо по каналам, известным только старментерам, что предполагает, что это лицо — назовем его «Х» — то ли само было старментером, то ли имело сообщника из числа старментеров.

— То, что я никакой не старментер, общеизвестно, — с апломбом заявил Акади.

— И все же — я говорю об этом чисто теоретически, — произнес Филидис, — у вас много знакомых, среди которых могли бы оказаться старментер или бывший старментер.

Акади несколько смутился.

— Допускаю, что такое не исключено.

— По получении подобного письма, — продолжал Филидис, — Бандольо предпринял ряд мер, чтобы встретиться с «Х». Эти меры, естественно, были изощренными — обе стороны соблюдали крайнюю осторожность. Они встретились в темноте неподалеку от Уэлгена. На «Х» была хуссейдная маска. Его план был предельно прост. Во время хуссейдного матча он мог так устроить, что самые богатые в префектуре лица оказались бы на одной и той же трибуне. «Х» гарантировал это тем, что разошлет им бесплатные пригласительные билеты. За все это «Х» должен был получить два миллиона озов. Все остальное забирал себе Бандольо...

Подобный план показался Бандольо вполне реальным, он согласился принять участие в его осуществлении, а о том, как события разворачивались дальше, мы знаем. После удачно проведенного налета Бандольо послал сюда одного из своих помощников, некоего Лемпеля, которому всецело доверял, с целью получить деньги у посредника, который занимался сбором средств, необходимых для выкупа пленников — то есть, у вас.

Акади подозрительно сощурился.

— Посыльного звали Лемпелем?

— Нет. Лемпель прибыл в Порт-Мэхьюл через неделю после налета. И так отсюда и не отбыл. Он был отравлен — предположительно «Х»-ом. Он умер во сне в гостинице «Турист» в Уэлгене за день до того, как было получено известие о поимке Бандольо.

— То есть, за день до того, как я отдал деньги.

Шериф Филидис, не выдержав, улыбнулся.

— Прикарманить выкуп — такой из этого можно сделать вывод — совершенно не входило в его намерения. Итак, я выложил перед вами все известные нам факты. Деньги были у вас. У Лемпеля их не могло быть. Куда же они подевались?

— Лемпель, по всей вероятности, обо всем договорился с посыльным до того, как был отравлен. Деньги должны быть у посыльного.

— Но кто этот таинственный посыльный? Кое-кто из лордов считает это выдумкой чистой воды.

— Сейчас я делаю официальное заявление, — четким голосом, тщательно подбирая слова, произнес Акади. — Я вручил деньги посыльному в строгом соответствии с полученными инструкциями. При этом присутствовал некий Риль Шерматц, став тем самым свидетелем факта передачи денег.

Впервые за все время заговорил Даль:

— Он на самом деле видел, как деньги перешли из рук в руки?

— Он, по всей вероятности, видел, как я передаю посыльному черный чемоданчик.

Даль пренебрежительно взмахнул долговязой рукой с длинными пальцами.

— Далеко не всякий настолько доверчив, чтобы не поинтересоваться, а были ли деньги в этом чемоданчике.

На что Акади хладнокровно ответил:

— Зато любой хоть сколько-нибудь здравомыслящий уразумел бы, что я и озла не осмелился бы утаить от Загмондо Бандольо, не говоря уже о тридцати миллионах.

— Но к этому времени Бандольо был уже пойман.

— Мне-то об этом ничего не было известно. В этом вы можете удостовериться, спросив у Рили Шерматца.

— Ох уж этот таинственный Риль Шерматц. Кто он?

— Странствующий журналист.

— Вот оно что! И где он сейчас?

— Я видел его два дня назад. Он сказал, что собирается в скором времени покинуть Труллион. Возможно, уже и покинул — а куда, не знаю.

— Но ведь он — единственный свидетель, который может подтвердить ваши слова.

— Отнюдь нет. Посыльный сбился с пути и спросил у Глиннеса Халдена, как ко мне проехать. Верно?

— Верно, — ответил Глиннес.

— Произведенный Джано Акади словесный портрет этого «посыльного», — на этом слове Даль сделал некоторое ударение, — к несчастью, носит слишком общий характер, чтобы помочь нам.

— Ну что я могу сказать? — возмущенно воскликнул Акади. — Молодой человек средних физических данных и заурядной внешности. У него не было каких-либо особых примет.

Филидис повернулся к Глиннесу.

— Вы подтверждаете это?

— Целиком и полностью.

— И он не представился, когда заговорил с вами?

Глиннес задумался, пытаясь вспомнить события более, чем недельной давности.

— Насколько мне помнится, он спросил у меня, как добраться до особняка Акади, ничего более.

Глиннес вдруг замолчал, оборвав фразу вроде бы на полуслове. Даль, сразу что-то заподозрив, подался всем телом вперед.

— И ничего более?

Глиннес отрицательно покачал головой и произнес на сей раз решительно:

— Ничего более.

Даль принял прежнюю позу. В кабинете Акади воцарилось молчание. Первым его нарушил Филидис, многозначительно произнеся:

— К сожалению, мы не располагаем сведениями о местонахождении упомянутых вами лиц, которые могли бы подтвердить ваши слова.

Только теперь Акади бурно проявил свое негодование.

— Я не усматриваю необходимости подтверждения моих слов! Я отказываюсь признать потребность в каких-либо других действиях с моей стороны, кроме констатации фактов!

— С вами можно было бы согласиться, если бы не были столь экстраординарными обстоятельства, — произнес Филидис. — Но когда речь идет о судьбе тридцати миллионов олов — никак нет.

— Вы теперь знаете ровно столько же, сколько и я, — заявил Акади. — Следует надеяться что, теперь вам удастся повести расследование куда более плодотворно.

— Мы хватаемся за соломинки, — унылым тоном признался Филидис. — А ведь деньги где-то, существуют.

— Только не здесь, заверяю вас, — произнес Акади. Глиннес больше уже не в состоянии был себя сдерживать и направился к выходу.

— Хорошей погоды всем вам. А у меня еще своих дел по горло.

Полицейские вежливо с ним распрощались. Акади же только бросил на него крайне недовольный взгляд.

Глиннес едва ли не бегом пустился к своему скутеру. Взяв курс на восток по протоку Вернис, он вместо того, чтобы круто повернуть на юг, столь же круто повернул к северу и, пройдя сложный лабиринт рукавов и протоков, вышел к тому месту, где в могучую реку Заур впадал мало чем уступающий приток — река Скъуж. Следуя ее многочисленным изгибам, он через каждые сто метров яростно чертыхался в отношении собственной глупости. В месте слияния рек Скъуж и Карбаш в тени огромных свечных деревьев скрывался сонный поселок Эрч, где «Танхины» когда-то разгромили местных «Стихий».

Глиннес привязал скутер к пирсу и разговорился с мужчиной, сидевшим на скамейке у входа в полуразвалившуюся винную лавчонку.

— Где я могу найти некоего Джеркони? Или, может быть, Джеркома?

— Джеркони? Кого из них вы разыскиваете? Отца? Сына? Или перекупщика прыгунов?

— Мне нужен парень, который работает в синей форменной спецовке.

— Это Ремо. Он работает стюардом на пароме, выполняющем рейсы в Порт-Мэхьюл. Вы его найдете дома. Поднимитесь вон по той тропинке. Его дом сразу же за кустами.

Глиннес поднялся по тропинке к настолько разросшемуся кусту, что он почти полностью закрывал небольшую хижину с крышей из огромных листьев, держащихся на дюжине шестов. У входа в хижину Глиннес потянул за веревку, которая раскачивала язычок небольшого колокольчика. Из окна выглянуло заспанное лицо.

— Кто там? Что нужно?

— Отдыхаете после работы, как я понимаю, — произнес Глиннес. — Вы меня помните?

— Конечно. Вы — Глиннес Халден. Вот уж не ожидал увидеть вас у своих дверей! Подождите минуточку.

Джеркони завернулся в парай и распахнул настежь скрипучую дверь. Затем показал на беседку, устроенную среди кое-как подрезанных ветвей кустарника.

— Присаживайтесь. Чашка-другая холодного вина нам не помешает?

— Отличная мысль, — сказал Глиннес.

Ремо Джаркони принес кувшин и пару кружек.

— Что, если это не секрет, привело вас ко мне сюда?

— Одно довольно любопытное дело, — ответил Глиннес. — Как вы помните, мы встречались, когда вы разыскивали особняк Джано Акади.

— Совершенно верно. Я взялся выполнить небольшое поручение одного джентльмена из Порт-Мэхьюла.

— Насколько я понимаю, вы должны были доставить ему пакет или что-то вроде этого?

— Тоже верно. Хотите еще вина?

— С огромным удовольствием. И вы доставили ему этот пакет?

— В строгом соответствии с полученными инструкциями. Джентльмен этот, по всей вероятности, был удовлетворен, так как я с ним больше уже не встречался.

— Можно поинтересоваться, в чем заключались полученные вами инструкции?

— Пожалуйста. Джентльмен велел мне доставить пакет в камеру хранения космовокзала в Порт-Мэхьюле и поместить его в ячейку №42, ключ от которой он мне оставил. Я сделал все, что он велел, тем самым заработав двадцать озов — довольно приличные деньги за такой пустяк.

— Вам запомнился нанявший вас джентльмен?

Джеркони наморщил лоб, глядя на листву.

— Не очень-то. Мне показалось, что он не с Труллиона, невысокий, коренастый мужчина с быстрыми движениями. Он был, насколько мне помнится, лысый. Еще я обратил внимание на отличный изумруд у него в ухе — мне он очень понравился. Теперь вы, может быть, просветите меня. Почему вы задаете мне такие вопросы?

— Все очень просто, — ответил Глиннес. — Этот джентльмен — издатель с Гетрина. Акади захотелось добавить послесловие к трактату, который он переслал этому джентльмену несколько ранее.

— А! Понятно.

— Вот и все. Я успокою Акади, сказав, что его работа уже наверняка на Гетрине. — Глиннес поднялся. — Спасибо за вино. Мне пора возвращаться в Зауркаш... Простите за любопытство, но как вы поступили с ключом от ячейки?

— Так, как мне было велено. Оставил в столе дежурного багажного отделения.

Глиннес на полной скорости помчался на запад, оставляя за собой хвост из пузырей и пены во всю ширину узкого Канала Джейд, соединявшего Скъуж с текущей на юг рекой Барабас. Он вихрем влетел в ее русло, обдав серебристыми брызгами деревья, подступавшие на берегу к самой воде, а затем, снова петляя по многочисленным протокам, взял курс снова на запад, сбросив скорость только на траверсе Порт-Мэхьюла. Привязав швартов несколькими хитрыми узлами к одной из стоек на главной пристани города, он затем отправился пешком, но уже через первую сотню метров перешел на бег трусцой в направлении расположенного в километре от пристани здания космовокзала, высокого сооружения из стали и стекла, теперь уже изрядно позеленевшего от времени. На взлетно-посадочной площадке не было как космических кораблей, так и аэробусов местного сообщения.

Глиннес прошел в зал ожидания, погруженный в приятный полумрак — первое впечатление было такое, будто здание вокзала находится на небольшой глубине под водой. Путешественники сидели на скамьях, дожидаясь того или иного рейсового аэробуса. Ячейки камеры хранения выстроились вдоль стены рядом с багажным отделением, в проеме которого за низкой стойкой сидел дежурный по приему и выдаче багажа.

Глиннес пересек весь зал ожидания и пробежал взглядом по ячейкам. Свободные ячейки бросались в глаза открытыми дверцами с ключами в замочных скважинах. Дверца ячейки №42 была закрыта. Глиннес бросил взгляд в сторону дежурного, затем попробовал дверцу — она оказалась запертой на замок.

Сама ячейка была изготовлена из прочного листового металла. Дверца была подогнана очень аккуратно — по всему ее контуру не было ни единой сколько-нибудь заметной щелки. Осознав невозможность вскрыть ячейку, Глиннес присел на одну из расположенных поблизости скамеек.

Несколько возможностей напрашивались сами собой.

Большинство ячеек было свободно. Среди пятидесяти Глиннес насчитал лишь четыре ячейки с закрытыми дверцами. Стоит ли возлагать слишком уж большие надежды на то, что ячейка №42 все еще содержит черный кейс? Пожалуй, стоит, отметил про себя Глиннес. Вполне могло оказаться, что Лемпель и коренастый лысый инопланетянин, нанявший Джеркони, одно и то же лицо. Лемпель скончался до того, как успел изъять кейс из ячейки №42... Так что, чем черт не шутит!

Загвоздка только в том, как проникнуть в ячейку №42?

Глиннес внимательно рассмотрел дежурного по багажному отделению — невысокий мужчина с редкими растрепанными волосами, продолговатым подергивающимся носом, с выражением безрассудного упрямства на лице. К такому не подступишься — ни прямо, ни каким-нибудь окольным образом. Этот человек оказался прямым воплощением крючкотворства.

На продумывание плана дальнейших действий у Глиннеса ушло примерно пять минут. Затем он поднялся и прошел к стеллажу с ячейками. В щель монето-приемника на лицевой панели ячейки №30 он опустил монетку. Закрыв дверь, вынул из замка ключ.

Подойдя к стойке дежурного, Глиннес выложил ключ на стол. К столу тотчас же подошел дежурный.

— Что вам угодно, сэр?

— Сделайте одолжение, спрячьте этот ключ у себя, — попросил Глиннес. — Я боюсь потерять его, если возьму с собой.

Дежурный сделал кислую мину, однако ключ взял.

— Вы надолго собираетесь отлучиться? Попадают такие клиенты, что оставляя у меня ключ, прямо-таки злоупотребляют моим долготерпением.

— Меня здесь не будет не более суток. — С этими словами Глиннес положил на столик монету. — Это для поощрения вашего терпения.

— Спасибо. — Дежурный открыл дверцу тумбы и опустил ключ в один из выдвижных ящиков.

Глиннес отошел в сторону и присел на скамейку, с которой можно было незаметно следить за дежурным.

Прошел час. Произвел посадку аэробус из Кэмп-Флори, выгрузил пассажиров, загрузился новыми. Возле стойки багажного отделения возникла обычная в таких случаях сутолока. Дежурный проворно сновал между многочисленными стеллажами с багажом и вешалками для одежды. Казалось, что после такой вспышки активности он может почувствовать потребность в том, чтобы передохнуть или сбегать в туалет, однако вместо этого дежурный, как только обслужил последнего клиента, налил себе чашку холодного чая и выпил ее одним залпом, затем налил еще одну, но эту уже растянул на несколько минут. После этого он снова приступил к своим обязанностям, и Глиннес смирился с необходимостью запастись терпением.

Через какое-то время его охватила апатия. Перед ним проходило внутрь здания вокзала или выходило наружу множество самых различных людей и, чтобы убить время, Глиннес

начал строить догадки в отношении того, чем занимается тот или иной пассажир, какие у него тайные наклонности, однако вскоре это надоело Глиннесу. Какое ему дело до всех этих коммивояжеров или дедушек и бабушек, только-только навестивших внуков, всех этих заправил в различных сферах бизнеса и их секретарш или референтов? Куда больше интересовал его дежурный и, в частности, емкость мочевого пузыря дежурного. Каждый раз, когда тот выпивал очередную чашку чая, Глиннеса прямо-таки бросало в ужас. В каком органе в тщедушном теле вмещается вся эта жидкость? Мысль об этом всякий раз уже самого Глиннеса заставляла чувствовать себя не очень уютно. С вождением он время от времени посматривал в тот угол помещения вокзала, где размещался туалет. Если он не выдержит и направится туда, то может случиться так, что именно в это мгновение туда же пройдет и дежурный, и тогда все его бдение окажется напрасным... Глиннес переменял позу. У него не было сомнений в том, что он в состоянии потерпеть не менее, чем дежурный. Сила духа немало способствовала его успехам на хуссейдном поле. В состязании со смотрителем багажа сила духа снова может стать решающим фактором.

А люди все шли и шли — мужчина в шляпе с затейливой желтой кокардой, пожилая женщина, за которой тянулся забивающий дух шлейф запаха мускуса, двое молодых людей, щеголявших одеянием фаншеров и непрерывно озиравшихся в надежде увидеть кого-нибудь, кто обратит внимание на их дерзкий вызов... Глиннес скрестил ноги, затем забросил одну ногу на другую, сменил ноги, снова занял прежнюю позу. Дежурный присел за стол и начал делать какие-то отметки в журнале. Чтобы утолить жажду, он снова налил себе чашку чая из термоса. Глиннес поднялся и стал расхаживать по залу ожидания. Вот дежурный встал из-за столика и стал смотреть в дальний конец помещения. При этом он, казалось, чуть покусывал нижнюю губу. Затем отвернулся и протянул руку — «Нет! — возмолвился Глиннес, — лишь бы не к термосу с чаем! Он ведь не сверхчеловек!» Однако дежурный только приоткрыл пробку термоса и заглянул внутрь, затем почесал подбородок и как будто серьезно призадумался — Глиннес все это время стоял, прислоняясь к стене и раскачиваясь из стороны в сторону.

Дежурный решился. Он обогнул стойку и быстрым шагом направился в мужской туалет.

Издав еле слышный вздох облегчения, Глиннес двинулся бочком вдоль стенки. На него, похоже, никто не обращал внимания. Нырнул к стойке, распахнул дверцу тумбы и заглянул внутрь. Два ключа. Он схватил оба, закрыл дверцу и вернулся на прежнее место под стенкой. Никто, насколько он мог судить, не заметил выполненного им маневра.

Глиннес прошел напрямик к ячейке №42. На бирке первого ключа было выштамповано черными цифрами «30». Под номером «42» был помечен второй ключ. Глиннес открыл ячейку, извлек из нее черный чемоданчик и снова захлопнул дверцу. Осталось ли у него время для того, чтобы вернуть ключи на место? Глиннес решил, что не осталось. Он вышел из здания вокзала и направился прямо к окутанной в дымку эвнесса пристани. По дороге туда он зашел за какую-то старую стенку и облегчился.

Скутер он нашел там, где и оставил. Сбросив под ноги швартов, он взял курс на восток.

Подперев румпель коленом, попытался открыть чемоданчик. Замок не поддавался его пальцам. Тогда он с помощью стальной отвертки вырвал накладку «с мясом». Под действием пружины крышка отскочила в сторону. Глиннес потрогал пальцами находившиеся внутри деньги — аккуратно сложенные пачки сертификатов Аластора. Тридцать миллионов озолов.

Глава 21

К Рабендари Глиннес причалил за полчаса до полуночи. В окнах свет не горел. Глэя не было дома. Глиннес поставил кейс на стол и призадумался на пару минут. Затем открыл крышку, вынул сертификаты на сумму в тридцать тысяч озовов, заткнул в кувшин и зарыл в землю рядом с верандой. Вернувшись в дом, позвонил Акади, однако добился только появления на экране расширяющихся красных кругов, указывавших на то, что телефон не работает в режиме «прием». Глиннес присел на диван, ощущая смертельную усталость, но отнюдь не апатию. Еще раз позвонил в особняк Акади и не получил ответа. Тогда швырнул черный чемоданчик к себе в скутер и взял курс на север.

С реки особняк Акади казался погруженным в темноту, что было вовсе не в духе Акади — вряд ли мог лечь спать чуть за полночь человек, для которого в удовольствие была ночная активность...

Еще издали Глиннес заметил какого-то человека, неподвижно стоящего на причале перед особняком Акади. Глиннес выключил двигатель и свернул в сторону, чтобы держаться от причала подальше. Темная фигура не пошевелилась. Тогда Глиннес громко крикнул:

— Эй, кто это там на причале?

Через какое-то время донесся хриплый, приглушенный голос:

— Констебль полиции префектуры. Поставлен часовым.

— Джано Акади дома?

Вновь пауза, затем тихий ответ:

— Нет.

— Где он?

Пауза. Приглушенный безучастный голос.

— Он в Уэлгене.

Глиннес резко развернул скутер и, выпустив шлейф пены, помчался к реке Заур. Когда он вернулся на Рабендари, в доме было также темно, как и в полночь. Глэй неизвестно куда подевался. Глиннес пришвартовался и занес черный чемоданчик в дом. Затем позвонил Гилвегу. Вспыхнул экран, на нем появилось лицо Вареллы, одной из совсем еще маленьких девочек. «Дома сейчас только дети, — сказала она. — Все остальные разошлись по друзьям любоваться звездами или пить вино. А может быть, и отправились в Уэлген — присутствовать на казни». В общем, она так ничего толком и не объяснила Глиннесу.

Глиннес дал отбой. Засунув черный кейс между стеблями сушеного тростника, служившего кровлей дома, так, чтобы его не было видно, Глиннес свалился на диван и почти мгновенно уснул.

Утро выдалось ярким и ясным. Теплый бриз поднял легкую рябь на поверхности Пролива Эмбл. Небо было такого чисто сиреневого цвета, какой далеко не часто наблюдается в Шхерах.

Глиннес начал было завтракать, но затем снова сделал попытку дозвониться к Акади. Несколько минутами позже к причалу подошла лодка и на берег выпрыгнул Глэй. Глиннес вышел ему навстречу. Глэй тут же остановился и внимательно стал смотреть на Глиннеса.

— Ты кажешься чрезмерно взволнованным.

— Я собрал достаточно денег, чтобы расплатиться с Касагэйвом. Мы этим займемся прямо сейчас.

Глэй бросил взгляд через пролив на остров Эмбл — в это погожее утро он выглядел так прелестно, как никогда раньше.

— Пожалуйста. Только сначала лучше позвони ему.

— Зачем?

— Чтобы предупредить его.

— Обойдется и без предупреждений, — сказал Глиннес. Тем не менее отправился к телефону. На экране появилось лицо Льюта Касагэйва.

— Что вам нужно? — в голосе его звучал металл.

— Я приготовил для вас двенадцать тысяч озолов, — сказал Глиннес. — Я не намерен больше мешкать с аннулированием договора о продаже острова. Деньги я доставлю сразу же после этого разговора — надеюсь, так вам будет удобнее всего.

— Деньги перешлите через владельца, — сказал Касагэйв.

— Я и есть владелец.

— Владелец — Шира Халден. Как я полагаю, только он вправе аннулировать эту сделку, если сочтет это нужным.

— Сегодня я представляю письменное показание, данное под присягой, удостоверяющее факт смерти Ширы.

— В самом деле? И где же это вы его добудете?

— Его оформит Джано Акади, официальный ментор префектуры, засвидетельствовавший признание убийцы Ширы.

— Да ну! — хохотнул Касагэйв прямо в экран, после чего изображение исчезло.

— Эта совсем не та реакция, которую я ожидал, — сказал в замешательстве Глиннес, обращаясь к Глэю. — Такое впечатление — как будто ему нет никакого до этого дела.

Глэй пожал плечами.

— А чего ему беспокоиться? Акади в тюрьме. Его ждет прутаншир, если лорды не передумают. Любые оформленные Акади документы не имеют юридической силы.

Глиннес закатил глаза и всплеснул руками.

— Скажи на милость — кого еще так упорно преследовали неудачи? — вскричал Глиннес.

Глэй отвернулся, ничего не ответив. Затем прошел к своей кушетке и завалился спать.

Глиннес в глубокой задумчивости долго мерил веранду размашистыми шагами. Затем, нечленораздельно выругавшись, прыгнул в скутер и взял курс на запад.

Через час он уже был в Уэлгене и лишь с огромным трудом нашел место на пристани, где можно было бы поставить скутер — так много народу ни с того, ни с сего решило в этот день посетить Уэлген. Особенно бурная деятельность наблюдалась на площади. Горожане и жители окрестных островов непрерывно сновали туда-сюда по площади, одним глазом не переставая поглядывать на прутаншир, где рабочие подгоняли друг к другу детали какого-то массивного агрегата, назначение и принцип действия которого показались Глин-

несу совершенно непонятными. Он остановился, чтобы расспросить какого-то старика, стоявшего, опираясь о посох.

— Что это затевается на прутаншире?

— Очередной каприз Филидиса. — Старик презрительно плюнул на булыжную мостовую. — Он все время настаивает на применении всяких новых штук, хотя понятия не имеет, как добиться того, чтобы они правильно выполняли то, что им положено. При подлежащих смертной казни шестидесяти двух пиратах за весь вчерашний день этой штуковине удалось до конца перемолоть только одного-единственного человека. И вот сегодня ей потребовался ремонт? Вы когда-нибудь слышали о чем-то подобном? В мои годы мы с успехом обходились устройствами куда попроще.

Глиннес заглянул в полицейское управление, однако шерифа Филидиса там не оказалось. Глиннес тогда потребовал пятиминутное свидание с Акади, но ему в нем отказали. Сегодня тюрьма закрыта для посетителей.

Глиннес вернулся на площадь и устроился на открытой веранде у входа в таверну «Святой Гамбринус», где, как ему казалось, очень давно он беседовал с Джуниусом Фарфаном. Заказав себе рюмку чистого спирта, он одним глотком осушил ее. Все злые боги, по видимому, сговорились расстраивать любые его начинания! Он доказал факт смерти Ширы и тут же потерял все свои деньги! Восстановил с лихвой свое финансовое положение, но теперь уже не в состоянии доказать, что Ширы нет в живых. Свидетельские показания, заверенные Акади, утратили силу, а главный виновник гибели Ширы — Ванг Дроссет — сам теперь мертв!

Ну и что же теперь прикажете делать? Тридцать миллионов озовов? Нелепая шутка. Уж лучше вышвырнуть эти деньги мерлингам, чем отдать такому ничтожеству и бездари как шериф Филидис. Глиннес дал знак официанту, чтобы тот принес еще рюмку спирта, затем на какое-то мгновение задержал взгляд на выглядящий сегодня особенно омерзительным прутаншир. Чтобы спасти Акади, наверное, придется вернуть все деньги властям — хотя, по сути, обвинения против Акади кажутся в высшей степени несостоятельными...

Чей-то силуэт закрыл вход в таверну. Прищурившись, Глиннес увидел мужчину среднего роста, держащегося очень скромно. Лицо мужчины показалось Глиннесу знакомым. Он пригляделся к нему, затем быстро вскочил с места, ощущая внезапный прилив сил. Вновь вошедший откинулся на его оживленные жесты и приблизился к столику Глиннеса.

— Если не ошибаюсь, — произнес Глиннес, — вы — Риль Шерматц. А я — Глиннес Халден, друг ментора Акади.

— Разумеется! Я прекрасно вас помню, — ответил Шерматц. — А как поживает наш общий друг Акади?

Официант принес спирт. Глиннес тотчас же пододвинул рюмку поближе к Шерматцу.

— Вам все равно это понадобится через минуту — другую... Насколько я понимаю, вы не в курсе последних событий?

— Я только что вернулся с Морилии. Почему вы спрашиваете меня об этом?

Подогретый выпитым спиртом и удачным стечением обстоятельств, Глиннес никак не мог удержаться от некоторых преувеличений.

— Акади швырнули в темницу. Его обвиняют в воровстве грандиозных размеров и, если лорды и дальше будут гнуть свою линию, его пропустят вон через ту мясорубку.

— В самом деле очень печальная новость! — воскликнул Шерматц, после чего действительно поднес рюмку к губам, на мгновение задержал ее как бы в некоем извращенном неоме тосте, приличествующем скорее поминкам, затем выпил. — Акади ни в коем случае не следовало полагаться на свои способности законника-крючкотвора. Ему недостает той хладнокровной решимости, которая отличает удачливого преступника.

— Вы совершенно не правильно меня поняли, — с некоторой дрожью в голосе произнес Глиннес. — Обвинение поражает своей откровенной нелепостью.

— А вот меня удивляет, с какой уверенностью вы обо всем этом говорите, — произнес Шерматц.

— При необходимости невиновность Акади может быть продемонстрирована таким образом, что всякий в ней убедится. Но суть-то совсем не в этом. Меня поражает, почему Филидис, руководствуясь только лишь подозрениями, заключил Акади в тюрьму в то время, как настоящий преступник разгуливает на свободе.

— Интересное соображение. Вы можете назвать этого настоящего преступника?

Глиннес покачал головой.

— Очень хотелось бы — особенно, если учесть то, что виновным является одно вполне определенное лицо.

— А почему вы столь откровенны именно со мной?

— Вы видели, как Акади передает деньги посыльному. Ваше свидетельство сняло бы с него все подозрения.

— Я видел только то, что из одних рук в другие перешел небольшой черный чемодан. Внутри него могло оказаться все, что угодно.

Глиннес насторожился и стал подбирать слова более тщательно.

— Вас, по всей вероятности, удивляет, почему я так уверен в невиновности Акади. Причина проста. Я подлинно знаю, что он отдал деньги через посыльного — все было так, как он утверждает. Бандольо поймали. Его пособник Лемпель убит. Деньги так и остались невостребованными. По-моему глубокому убеждению знать, столь назойливо помогающая возвращения денег, заслуживает их ничуть не более, чем Бандольо. У меня нет ни малейшего желания помогать любой из сторон.

Шерматц понимающе кивнул, лицо его стало еще более серьезным.

— Я понял ваш намек, не утруждайте себя объяснениями. Если Акади на самом деле не виновен, то кто же истинный сообщник Бандольо?

— Меня удивляет то обстоятельство, что Бандольо на сей счет не сказал ничего определенного, однако шериф Филидис, нисколько в этом не сомневаясь, не позволит мне даже словом перекинуться с Акади, не говоря уже с Бандольо.

— У меня несколько иное мнение, — сказал, поднимаясь из-за стола, Шерматц. — Несколько слов с шерифом Филидисом были бы весьма полезны.

— Не торопитесь идти в полицию, — произнес Глиннес. — Он не захочет с нами встречаться.

— Как я полагаю, еще как захочет. Мой общественный статус чуточку выше положения странствующего журналиста, поскольку я облечен полномочиями старшего инспектора Гвардии Коннатига. Шериф Филидис примет нас с огромным удовольствием. Давайте сразу же к нему отправимся, чтобы провести расследование. Где его нужно искать?

— Вон в том здании, — ответил Глиннес. — Оно довольно невзрачное, но здесь, в Уэлгене, именно оно представляет всю мощь законов Труллиона.

В вестибюле полицейского управления Глиннес и Риль Шерматц задержались не очень-то долго — шериф Филидис все-таки удостоил их своим вниманием, хотя, судя по озабоченному выражению лица, ему было не очень-то до досужих посетителей.

— Ну что там еще? Кто вы, сэр? — спросил он, выходя в вестибюль.

Шерматц выложил на стол металлическую пластинку.

— Прошу вас удостовериться в моих полномочиях.

Глянув на пластинку повнимательнее, Филидис тотчас же сник.

— Я, разумеется, всецело к вашим услугам.

— Я здесь по делу, связанному со старменером Бандольо, — произнес Шерматц. — Вы его допрашивали?

— Более или менее. Производить более тщательное расследование не имело смысла.

— Вы выяснили, кто является его сообщником из местных жителей?

Филидис самодовольно улыбнулся.

— Ему помогал некий Джано Акади, который содержится у нас под арестом.

— Значит, у вас нет ни малейших сомнений в отношении виновности Акади?

— Улики настолько очевидны, что не вызывают сомнений.

— Он сознался?

— Нет.

— Вы его подвергли психо-зондированию?

— В Уэлгене мы не располагаем соответствующей аппаратурой.

— Мне бы хотелось допросить как Бандольо, так и Акади. Акади, пожалуйста, первым.

Филидис вызвал одного из низших чинов полиции и отдал необходимые распоряжения.

Затем обратился к Шерматцу и Глиннесу:

— Не угодно ли пройти ко мне в кабинет?

Через пять минут в кабинет шерифа втокнули бурно возмущающегося Акади. Увидев Глиннеса и Шерматца, он мгновенно притих.

— Доброе утро, Джано Акади, — учтиво поздоровался с ним Шерматц. — Рад новой встрече с вами.

— При таких вот обстоятельствах? Подумать только — меня держат взаперти в одиночке, как преступника! Я уже подумал было, что меня волокут на прутаншир! Вы когда-нибудь слышали о чем-то подобном?

— Надеюсь, нам удастся прояснить ситуацию. — Шерматц повернулся к Филидису. — Какие именно обвинения выдвинуты против Акади?

— Он обвиняется в сговоре с Загмондо Бандольо и незаконном присвоении не принадлежащих ему тридцати миллионов озовов.

— Оба обвинения ложны! — вскричал Акади. — Кому-то выгодно погубить меня!

— Мы непременно доберемся в этом деле до истины, — произнес Шерматц. — Не послушать ли нам старменера Бандольо? Я уверен в том, что ему есть о чем нам рассказать.

Филидис связался с одним из своих помощников и вскоре в комнату вошел Загмондо Бандольо — высокий чернобородый мужчина, лысый, с черной тонзурой на черепе, ясными голубыми глазами и кротким выражением лица. И это тот человек, который командовал пятью наводящими ужас кораблями и четырьмя сотнями изгоев, человек, который был виновником десятка тысяч трагедий ради целей, которые были известны только ему одному?

Шерматц подал знак, чтобы он вышел вперед.

— Загмондо Бандольо, мне хочется задать вам один вопрос, если честно признаться, из праздного любопытства. Вы раскаиваетесь в той жизни, которую до сих пор вели?

Бандольо сдержанно улыбнулся.

— В чем я определенно раскаиваюсь — так это в двух последних неделях. Что касается предшествующего периода, то это сложный вопрос, и в любом случае мне не очень-то ясно, как на него правильно ответить. Задним умом все мы крепки, но в повседневной жизни способность задумываться над последствиями своих действий нами не расценивается как особо полезное свойство ума.

— Мы производим расследование по делу о вашем налете на Уэлген. Вы можете с большей определенностью идентифицировать вашего сообщника из местных жителей?

Бандольо потянул себя за бороду.

— Да я вообще, если память мне не изменяет, этим не занимался.

— Предварительный допрос Бандольо производился под гипнозом, — пояснил шериф Филидис. — У него не осталось никаких сведений, которые он мог бы утаить.

— И что же вам удалось выяснить во время гипно-допроса?

— Инициатива исходила с Труллиона. Бандольо получил предложение по тайным каналам старменеров. Для проведения предварительного обследования Бандольо послал одного из своих ближайших соратников по имени Лемпель. Лемпель представил оптимистический отчет и Бандольо собственной персоной отправился на Труллион. С триллом, который стал его пособником, он повстречался на пляже неподалеку от Уэлгена. Лицо трилла было закрыто хуссейдной маской и говорил он настолько измененным голосом, что, как утверждает Бандольо, он бы не сумел определить его владельца. Там же, на пляже, они обо всем договорились, и Бандольо больше уже никогда не встречался с этим человеком. К осуществлению проекта он подключил Лемпеля. Лемпеля ныне нет в живых. Никакими другими сведениями Бандольо не располагает, а произведенное в Порт-Мэхьюле психозондирование полностью это подтвердило.

Шерматц повернулся к Бандольо:

— Здесь точно изложена суть дела?

— Абсолютно точно, за исключением имеющегося у меня подозрения в том, что мой подельник из местных жителей убедил Лемпеля раскрыть Гвардии тайну нашего местонахождения с тем, чтобы можно было поделить на двоих всю сумму выкупа. После того, как Гвардия была уведомлена о месте нашего базирования, жизнь Лемпеля подошла к концу.

— Значит, в таком случае у вас нет причин скрывать личность вашего сообщника с Труллиона?

— Совсем наоборот. Мое самое заветное желание — увидеть, как он пляшет под музыку прутаншира.

— Перед вами стоит Джано Акади. Вы его знаете?

— Нет.

— Возможно такое, что вашим сообщником был вот этот Акади?

— Нет. Тот человек был таким же высоким, как и я.

Шерматц поглядел на Филидиса.

— Вам теперь все ясно — вы допустили прискорбную ошибку, которая только по счастливой случайности не была доведена до логического конца на прутаншире.

На мертвенно-бледном лице Филидиса выступили капельки пота.

— Заверяю вас, я подвергался невыносимому давлению! Верховная Коллегия аристократов настаивала на том, чтобы я действовал без промедления. Она уполномочила лорда Генсифера, секретаря Коллегии, потребовать от меня решительных мер. Коль мне не удалось отыскать деньги, то хоть... — Филидис примолк и провел языком по губам:

— Чтобы ублажить Коллегию аристократов вы заключили в тюрьму Джано Акади.

— Подобный образ действия казался наиболее очевидным.

У Глиннеса тоже было несколько вопросов к Бандольо.

— Вы встретились со своим сообщником при свете звезд?

— Ну, разумеется, — как-то почти даже весело ответил Бандольо.

— Как он был одет?

— На нем были обычные для триллов парай и накидка то ли с ватными плечиками, то ли с эполетами, то ли еще с какой-то набивкой, похожей на сложенные крылья — одним триллам известно их назначение. Его силуэт, когда он стоял на берегу в хуссейдной маске, был точь-в-точь как силуэт огромной черной птицы.

— Значит, вы были довольно близко к нему.

— Нас разделяло менее двух метров.

— Какая маска прикрывала его лицо?

Бандольо рассмеялся.

— Откуда мне знать здешние ваши маски? На висках торчали рога, во рту были видны клыки, язык свободно свешивался вниз. Клянусь, у меня было такое ощущение, будто на берегу мне повстречалось какое-то чудовище.

— А что вы можете сказать о его голосе?

— Хриплый шепот. Он явно не хотел, чтоб его голос запомнился.

— Его жесты, манера держаться, какие-нибудь особенности движений?

— Никаких. Он совершенно не шевелился.

— Его лодка?

— Обычная моторка.

— И какова же дата этой вашей встречи?

— Четвертый день лиссема месяца.

Глиннес на мгновение задумался.

— Затем вся связь с ним поддерживалась только через Лемпеля?

— Совершенно верно.

— И с человеком в хуссейдной маске вы уже больше никогда не встречались?

— Никогда.

— Какой была его основная функция?

— Он взялся усадить триста самых богатых людей префектуры на трибуне «D» стадиона и свое обещание выполнил с блеском.

Здесь свое замечание вставил Филидис.

— Билеты были приобретены анонимно и доставлены курьерами. От них ничего не удалось добиться существенного.

Риль Шерматц повернулся к Филидису и в течение нескольких секунд внимательно к нему присматривался, отчего шериф почувствовал себя крайне неудобно.

— Я до сих пор никак не в состоянии уразуметь, — произнес Шерматц, — почему вы засадили за решетку Джано Акади, основываясь на уликах, которые даже с первого взгляда кажутся более, чем сомнительными.

— Я получил конфиденциальную информацию из источника с безупречной репутацией, — с достоинством ответил Филидис. — Поскольку обстоятельства не допускали отлагательства, а общественность была крайне взволнована, я решил прибегнуть к самым крутым мерам.

— Информация конфиденциальная, вы так говорите?

— Да.

— И кто же этот источник с безупречной репутацией?

Филидис заколебался, не зная, что ответить, затем уныло махнул рукой.

— Секретарь Коллегии лордов убедил меня в том, что Акади известно местонахождение денег, собранных в качестве выкупа. Он порекомендовал арестовать Акади и угрожать ему прутанширом до тех пор, пока тот не расстанется с деньгами.

— Секретарь Коллегии лордов... То есть лорд Генсифер?

— Так точно, — подтвердил Филидис.

— Такая неблагодарность! — прошипел сквозь зубы Акади. — Скажу я ему пару теплых слов!

— Не мешало бы познакомиться с теми соображениями, руководствуясь которыми он выдвинул подобное обвинение, — как бы рассуждая вслух, заметил Шерматц. — Я предлагаю всем присутствующим отправиться с визитом к лорду Генсиферу.

Филидис предостерегающе поднял руку.

— Сегодня — самый неподходящий день для подобного визита к лорду Генсиферу. В усадьбе лорда Генсифера собирается вся местная знать, чтобы отпраздновать его бракосочетание.

— Удобства лорда Генсифера, — объявил Акади, — меня заботят точно в той мере, как мои — его. Мы отправимся к нему прямо сейчас.

— Я полностью согласен с Джано Акади, — сказал Глиннес. — В особенности из-за того, что нам, возможно, удастся опознать истинного преступника и арестовать его.

Риль Шерматц повернулся к Глиннесу со скептической усмешкой на лице.

— Вы говорите об этом с какой-то особой уверенностью.

— Возможно, я ошибаюсь, — ответил Глиннес. — По этой причине у меня такое чувство, что нам не помешало бы взять с собой Загмондо Бандольо.

Филидис, прекрасно понимая, что события выходят из-под его контроля, стал еще с большим упорством отстаивать свою точку зрения.

— Такое предложение неблагоприятно по целому ряду причин. Во-первых, Бандольо крайне хитер и изворотлив. Нельзя допустить, чтобы он избежал прутаншира. Во-вторых, он сам заявил, что не в состоянии произвести опознание преступника, так как лицо его было спрятано под маской. А в-третьих, я нахожу сомнительной, мягко выражаясь, мысль о том, что виновного мы найдем среди присутствующих на церемонии бракосочетания лорда Генсифера. Я категорически против того, чтобы превратить расследование в фарс, а нас самих выставить посмешищами.

— Человека честного, добросовестного, — возразил Шерматц, — никак не может унижить выполнение его долга. Я предлагаю провести расследование, пренебрегая второстепенными вопросами, не имеющими непосредственного отношения к рассматриваемому делу.

Филидис сделал кислую мину и очень неохотно согласился.

— Что ж, отправляемся, значит, к лорду Генсиферу. Констебль, оденьте наручники на арестованного! И тщательно проверьте надежность замка, а сами наручники соедините цепью с парфорсом вокруг его шеи!

Прошло совсем немного времени и черно-серый полицейский катер пересек озеро Флейриш и вышел на траверс Пяти островов. Около полусотни самых различных яхт и катеров скопилось у причала перед усадьбой лорда Генсифера, а сама пристань и подъем к парку, окружавшему особняк лорда, были украшены гирляндами из шелковых лент светлорозового, желтого и ярко-алого цвета. По дорожкам парка прогуливались лорды и их леди в великолепных старинных одеждах, надевавшихся только в самых торжественных случаях. Простому люду даже мельком взглянуть на такие наряды не выпадало счастья за всю жизнь.

Только что прибывшая официальная делегация, прекрасно понимая, насколько сама она нелепо выглядит в подобном окружении, начала неторопливо подниматься по дорожке к парку. В состоянии особо сильного душевного смятения находился шериф Филидис, которому только охватившая его оторопь при виде такого скопления аристократов в одном месте в какой-то мере помогала сдерживать kloкочущий в нем гнев. Риль Шерматц внешне выглядел вроде бы невозмутимым и только, казалось, Бандольо всем своим видом показывал, что сложившаяся ситуация доставляет ему огромное удовольствие. Он шел с высоко поднятой головой и весело посматривал то в одну сторону, то в другую. Узревший незваных гостей старый дворецкий тотчас же поспешил к ним навстречу, весь охваченный ужасом. Филидис невнятно пробормотал какое-то объяснение, вызвав этим только еще большее недовольство дворецкого.

— Вы не имеет ни малейшего права нарушать этикет — церемония вот-вот начнется. Ваше поведение в высшей степени возмутительно!

Самообладание шерифа Филидиса дало трещину. Дрожащим от волнения голосом он произнес:

— Угломонитесь! Дело государственной важности! Вы свободны — впрочем, нет, подождите! У нас могут быть особые указания для вас. — Он недовольно посмотрел на Шерматца. — Каковы ваши пожелания?

Шерматц в свою очередь обернулся к Глиннесу.

— Вы, кажется, хотите что-то предложить?

— Одну минутку, — ответил Глиннес и устремил взор на парк, вглядываясь в лица почти двух сотен гостей, приглашенных на церемонию бракосочетания лорда Генсифера. Никогда раньше не доводилось ему видеть такого разнообразия великолепных нарядов — бархатных накидок лордов с геральдическими эмблемами на спинах, роскошных вечерних платьев дам, отделанных черными коралловыми бусами или переливающейся, как кристаллы, чешуей мерлингов или прямоугольными турмалинами. Характеру отделки платьев соответствовали пояса и диадемы. Взгляд Глиннеса перескакивал с одного лица на другое. Льют Касагэйв или, как он предпочитает теперь себя называть, лорд Эмбл — обязательно должен быть где-то здесь. Он увидел Дьюссану — в простом белом длинном платье и крохотной газовой белой шляпке без полей. Почувствовав взгляд Глиннеса, Дьюссана обернулась и увидела его. Глиннес при этом испытал чувство, какое не смог бы выразить словами — ощущение того, что из жизни его уходит нечто крайне ценное, чувство потери чего-то такого, что уже никогда к нему не вернется. Рядом с Дьюссаной стоял лорд Генсифер. Ему уже доложили о новоприбывших и лицо его помрачнело — он был удивлен этим и не скрывал недовольства.

Кто-то из находившихся поблизости резко развернулся на каблуках и стал поспешно удаляться. Это привлекло внимание Глиннеса. Он рванулся вперед, поймал уходящего за руку, повернул лицом к себе.

— Льют Касагэйв!

Лицо Касагэйва было бледным и суровым.

— Я — лорд Эмбл. Как вы смели прикасаться ко мне?

— Будьте любезны пройти вот сюда, — сказал Глиннес. — Вопрос крайне важен.

— Я не считаю необходимым заниматься сейчас решением каких бы то ни было вопросов.

— Тогда задержитесь здесь на пару секунд. — Глиннес взмахом руки подозвал своих попутчиков. Касагэйв снова предпринял попытку затеряться в толпе, но Глиннес оттащил его назад. Лицо Касагэйва побледнело еще больше.

— Что вам от меня нужно? — зловеще спросил он.

— Прошу вашего внимания, — произнес Глиннес. — Вот это — Риль Шерматц, Главный инспектор Гвардии. Вот это — Джано Акади, некогда официальный ментор Префектуры Джолани. Они оба засвидетельствовали признание Ванга Дроссета в том, что он убил Ширу Халдена. — Я — сквайр Рабендари и я требую, чтобы вы незамедлительно оставили остров Эмбл.

Льют Касагэйв ничего не ответил.

— И ради вот этого вы привели всех нас сюда, — брюзгливо спросил Филидис. — Только для того, чтобы побеспокоить лорда Эмбла?

Слова Филидиса были встречены веселым смехом Загмондо Бандольо.

— Значит, теперь — лорд Эмбл! А ведь когда-то было далеко не так. В самом деле, не так!

Касагэйв повернулся, чтобы уйти, но его остановил спокойный голос Шерматца.

— Задержитесь, пожалуйста, на минутку. Расследование носит официальный характер, и вопросом первостепенной важности становится выяснение вашей личности.

— Я — лорд Эмбл. Этого вполне достаточно!

Риль Шерматц повернулся к Бандолью.

— Вам этот человек известен под другим именем?

— Мне известны не только его другое имя, но и немало всякого другого — кое-что из того, что он сделал, заставило меня хорошо помучаться. Он совершил то, что мне следовало сделать десять лет тому назад — уйти на покой, прихватив добычу. Вы видите здесь перед собой Алонзо Диррига, некогда известного под прозвищами «Ледяной Дьявол» и «Потрошитель черепов», одно время являвшегося хозяином четырех кораблей и слывшего одним из самых искусных старменеров.

— Вы заблуждаетесь — кем бы вы не были на самом деле.

Касагэйв раскланялся и собрался было уже удалиться.

— Не спешите нас покидать! — воскликнул Филидис. — Мы, похоже, сделали только что одно важное открытие. Если все обстоит так, как утверждает Бандолью, то Джано Акади в таком случае полностью оправдан. Лорд Эмбл, вы отвергаете обвинение Загмондо Бандолью?

— Тут и отвергать-то нечего. Он просто ошибся.

Бандолью встретил эти слова откровенно издевательским смехом.

— Приглядитесь к ладони его правой руки. Вы увидите шрам, который я лично там оставил.

— Вы отрицаете, что вы — Алонзо Дирриг? — продолжал Филидис. — Отрицаете свое участие в сговоре с целью похищения трехсот лордов Префектуры? Отрицаете обвинение в том, что это вы убили Лемпеля?

Касагэйв высокомерно скривил губы.

— Разумеется, я отрицаю все это. Докажите это, но это вам никак не удастся сделать!

Филидис повернулся к Глиннесу.

— В чем заключаются ваши доказательства?

— Одну минуту, — несколько растерянно произнес Шерматц, после чего обратился к Бандолью. — Это тот человек, с которым вы вели переговоры на берегу неподалеку от Уэлгена?

— Чтобы Алонзо Дирриг обратился ко мне как к орудию осуществления его замыслов? Никогда, никогда, никогда — только не Алонзо Дирриг!

Филидис укоризненно поглядел на Глиннеса.

— Получается, что вы и сами ошиблись, и нас ввели в заблуждение.

— Не торопитесь с выводами! — сказал Глиннес. — Я никогда ни в чем не обвинял Касагэйва или Диррига — кем бы он ни был на самом деле. Я просто решил попутно прояснить кое-какие наши чисто личные взаимоотношения.

Касагэйв развернулся и зашагал прочь. Риль Шерматц подал знак. Филидис тут же приказал двум полицейским:

— Догнать его! И немедленно арестовать!

Полицейские рванулись вслед за Касагэйвом. Тот обернулся и, заметив преследование, опрометью спустился к причалу и спрыгнул в свой скутер. Взметнув высокий шлейф из пены, он устремился к ближайшему же протоку, выходящему в озеро Флейриш.

— Живо в катер! — взревел Филидис на своих подручных. — Не упускайте его из виду! Радируйте о присылке подкрепления! Арестуйте его и в тюрьму!

Тотчас же перед ним предстал лорд Генсифер с перекошенным от злости лицом.

— Почему вы здесь подняли такой беспорядок? Неужели вам не ясно, что мы все здесь собрались, чтобы торжественно отпраздновать очень важное событие?

— Нам самим, естественно, причиняет немалую боль произведенное нами вторжение, — ответил шериф Филидис с тем достоинством, какое он еще в состоянии был сохранять.

— У нас имелись причины подозревать лорда Эмбла в том, что он был сообщником Загмондо Бандольо. По всей вероятности, он здесь совершенно ни при чем.

Лицо лорда Генсифера зарделось. Он бросил взгляд в сторону Акади, затем снова обратился к Филидису.

— Разумеется, ни при чем! Ведь мы уже обстоятельно разобрались в этом вопросе и знаем, кто сообщник Бандольо!

— В самом деле? — скрежеща зубами, как пила о гвоздь, спросил Акади. — И кто же это?

— Это тот потерявший всякую совесть ментор, который с таким коварством и мастерством собрал, а затем утаил тридцать миллионов озов! — во всеуслышание объявил лорд Генсифер. — Его имя — Джано Акади!

— Загмондо Бандольо сомневается на сей счет, — вкрадчивым голосом произнес Риль Шерматц. — Он утверждает, что не имел никаких дел с Акади.

Лорд Генсифер всплеснул руками.

— Ну что ж — пусть будет по-вашему. Акади не виновен! Да не все ли равно? Мне все это чертовски надоело! Пожалуйста, уходите. Вы без спроса вторглись в мои владения, да еще во время проведения такой торжественной церемонии.

— Примите мои извинения, — произнес шериф Филидис. — Заверяю вас, я ко всем этим предположениям не имею абсолютно никакого отношения... Так что, джентльмены, нам, пожалуй, самая пора...

— Еще минутку, — взмолился Глиннес. — Ведь мы так еще и не добрались до сути вопроса. Загмондо Бандольо в самом деле не в состоянии опознать человека, с которым разговаривал на пляже, но ему, наверное, ничего не стоит опознать маску. Лорд Генсифер, будьте добры, принесите один из шлемов «Горгон Флейриша».

Лорд Генсифер всполошился.

— И не собираюсь! Что это за фарс вы здесь развели? В последний раз категорически требую, чтобы вы немедленно покинули мою усадьбу!

Глиннес, не обращая на него внимания, повернулся к Филидису.

— Когда Бандольо упомянул о рогах и болтающемся из маски языке, я тотчас же подумал о «Флейришских Горгонах». Четвертого лиссема у «Горгон» еще не было новой формы команды. Только лорд Генсифер мог воспользоваться шлемом «Горгон». Следовательно, лорд Генсифер и есть тот преступник, которого мы разыскиваем!

— Как вы смеете говорить такое? — выпучив в изумлении глаза и широко разинув рот, едва прохрипел Филидис.

— Ага! — вскричал Акади и набросился с кулаками на лорда Генсифера. Глиннес поймал его и оттащил назад.

— Что за бредовую напраслину вы на меня возводите? — взревел лорд Генсифер, все лицо которого внезапно покрылось красными крапинками. — Вы, что, совсем рехнулись?

— Что за нелепица? — поддержал его Филидис. — Не желаю больше ничего об этом слышать!

— Спокойно, не горячитесь, — слегка улыбаясь, произнес Риль Шерматц. — Предположение Глиннеса Халдена несомненно заслуживает внимания. По-моему, оно является недвусмысленным, крайне интересным и вполне обоснованным.

— Лорд Генсифер, — упавшим голосом произнес Филидис, — лицо, пользующееся огромным влиянием. Он — секретарь Коллегии...

— И выступая в подобном качестве, он заставил вас посадить за решетку Акади, — перебил его Глиннес.

Лорд Генсифер, задыхаясь от бешенства, помахал Глиннесу пальцем, но так и не смог ни слова вымолвить.

— Вы можете доказать несостоятельность обвинения? — уныло проворчал шериф Филидис, обращаясь к лорду Генсиферу. — Может быть, кто-то украл у вас шлем?

— Об этом-то как раз и речь! — вскричал, воодушевившись, лорд Генсифер. — Кто-то — да что там сомневаться, Акади — украл из моей кладовой шлем «Горгон».

— В таком случае, — возразил ему Глиннес, — сейчас недостает одного шлема. Давайте пересчитаем шлемы.

Лорд Генсифер обрушил на Глиннеса бешеной силы удар, но Глиннес увернулся. Шерматц дал знак Филидису:

— Арестуйте этого джентльмена и отправьте в тюрьму. Мы подвергнем его психозондированию и установим истину.

— Ни за что! — по-звериному прорычал лорд Генсифер. — Не видеть вам меня на прутаншире!

Как и Касагэйв, он ринулся к причалу, вызвав настоящий переполох среди своих гостей. На такой свадьбе им еще никогда не приходилось бывать.

— Взять его! — коротко распорядился Шерматц. Шериф Филидис пустился вдогонку и, громко стуча ботинками, устремился по дощатому настилу причала к тому месту, откуда лорд Генсифер спрыгнул в свой скоростной катер. Отбросив всякую осторожность, Филидис прыгнул вслед за ним. Лорд Генсифер предпринял попытку оттолкнуть его в сторону. Филидис, падая на лорда Генсифера, с такой силой рванул его к себе, что тот перелетел через борт и оказался в воде. Филидис попытался было схватить его, перевалившись туловищем за борт, но лорд Генсифер поднырнул под настил причала.

— Бессмысленно прятаться, лорд Генсифер, — окликнул его Филидис. — Правосудие должно свершиться. Выходите по собственной воле!

Только круги на воде указывали на то место, где затаился Лорд Генсифер. Филидис еще раз позвал его.

— Лорд Генсифер! Зачем создавать ненужные трудности всем нам? Выходите — вам уже никак не сбежать!

Из-под настила послышался хриплый отчаянный вскрик, затем плеск лихорадочных ударов руками по воде, после чего воцарилась тишина. Сидевший все это время на корточках Филидис медленно выпрямился и застыл, глядя на воду со смертельно бледным лицом. Затем он взобрался на причал и присоединился к Рилу Шерматцу, Глиннесу и Акади.

— Можно объявить данное дело закрытым, — сказал он. — А тридцать миллионов озов — судьба их так и останется тайной. Скорее всего, мы никогда не узнаем всей правды.

Риль Шерматц покосился на Глиннеса, который стоял с хмурым лицом, закусив губы.

— Что ж, по-моему в этом нет такой уж особой беды, — произнес Шерматц. — А где наш пленник Бандольо? Неужели этот негодник сумел воспользоваться замешательством?

— Похоже на то, — тоскливо признался Филидис. — Он исчез! Ну что за несчастный сегодня у нас день!

— Совсем наоборот, — возразил Акади. — Еще никогда я не испытывал такого огромного морального удовлетворения.

Его тут же поддержал Глиннес.

— Касагэйва прогнали взащей — я крайне за это признателен. И для меня этот день отличный.

Филидис потер лоб.

— А я вот все еще в замешательстве. Лорд Генсифер всегда мне казался прямо-таки воплощением честности!

— Лорд Генсифер здорово просчитался, особенно с моментом начала своих решительных действий, — сказал Глиннес. — Он умертвил Лемпеля после того, как Лемпель подробно проинструктировал посыльного, но до того, как деньги могли оказаться у Лемпеля. А затем еще просчитался и с Акади, будучи уверен в том, что Акади стол же бесчестен, как и он сам.

— Очень грустная история, — сказал Акади. — А тридцать миллионов озов — кто знает, где они теперь? Может быть, как раз сейчас посыльный пользуется в свое удовольствие неожиданно доставшимся ему богатством на какой-нибудь далекой планете.

— Так, скорее всего, и обстоит дело, — сказал Филидис. — А нам, как мне кажется, остается еще только сделать что-то вроде официального заявления, чтобы успокоить гостей.

— Извините меня, — сказал Глиннес, — но мне нужно кое с кем повидаться. — Он направился к тому месту парка, где чуть раньше видел Дьюссану. Но теперь там ее не оказалось. Несколько раз он обошел весь парк, но Дьюссаны так и не встретил. Может быть, она прошла внутрь дома? Вряд ли — этот дом больше уже ничего не значит для Дьюссаны...

Тропинка вокруг дома вела к пляжу на противоположной стороне острова, на берегу, выходившему к океану. Глиннес спустился по склону и увидел Дьюссану — она стояла на песке и глядела куда-то в океанскую даль, в то неясно просматриваемое пространство, где небосвод смыкался с океаном.

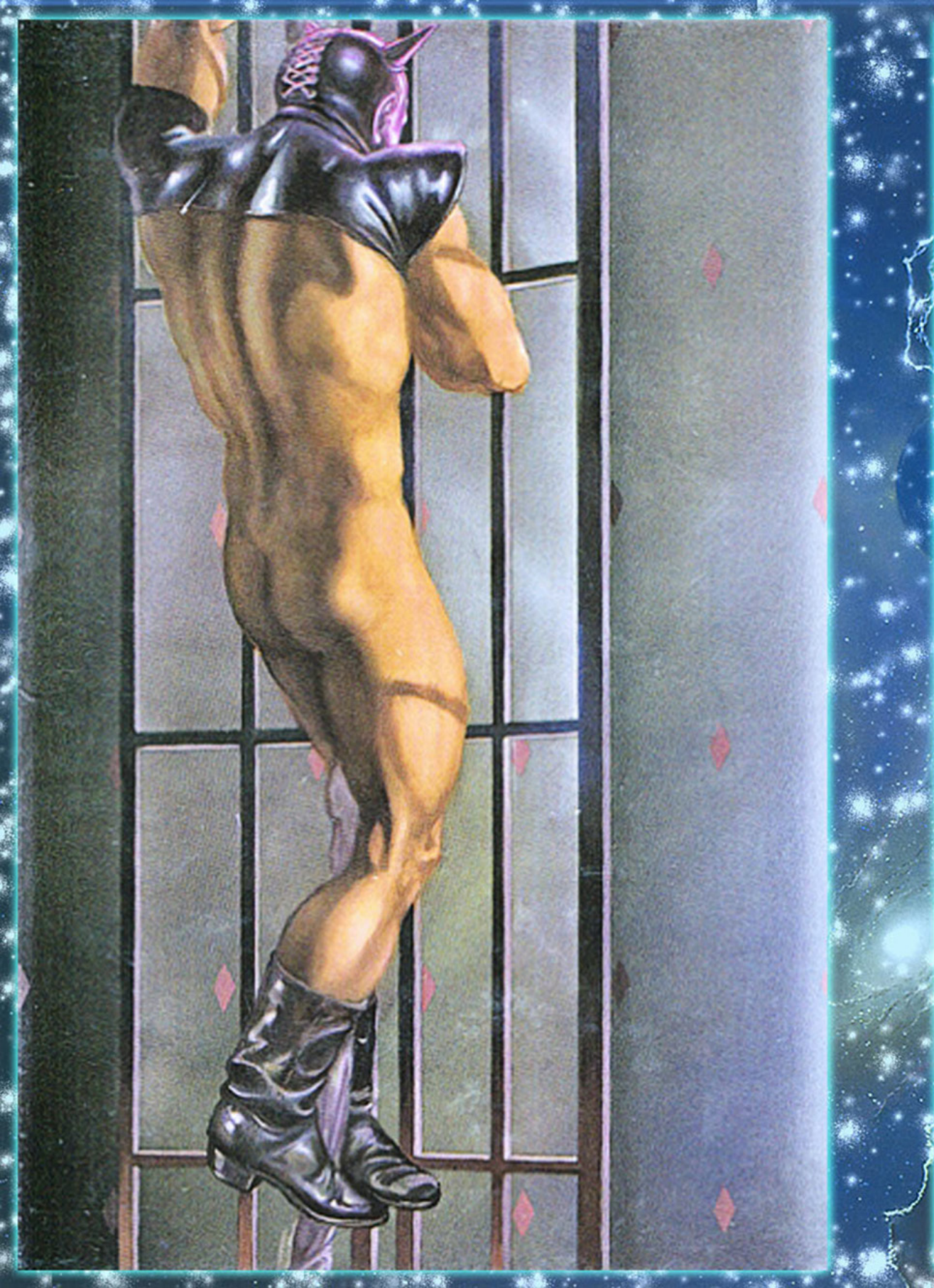
Глиннес подошел к ней. Она обернулась и посмотрела на него так, как будто видела его в первый раз в своей жизни. Затем отвернулась и медленно побрела вдоль самой воды на восток. Глиннес двинулся за нею следом, и так вместе они и шли вдоль берега в зыбком мареве надвигающегося эвнесса.

Марун:

Аластор 933

Аластор¹, скопление тридцати тысяч видимых звезд, несчитанных останков погасших светил и огромного множества старментов — скитающихся лун, астероидов и комет — приютилось на краю галактики между зияющими пустотой Злополучной бездной и Несбыточной пучиной, в стороне от основного витка Ойкумены, кажущегося оттуда пеленой мерцающего тумана. Откуда бы ни приближался к Аластору космический странник, взору его открывается примечательное зрелище — отливающие белыми, голубыми и красными сполохами созвездия, подсвеченные завесы разреженной материи, местами разорванные, местами затемненные кляксами пыли, блуждающие внутрь и наружу вереницы звезд, завитки и всплески фосфоресцирующего газа.

Следует ли рассматривать Аластор как часть Ойкумены? Жители Скопления — от четырех до пяти триллионов человек, населяющие более трех тысяч миров — редко об этом задумываются и, по сути дела, не считают себя ни ойкуменидами, ни аластридами. Отвечая на вопрос о происхождении, типичный обитатель Скопления назовет, пожалуй, родную планету или, что более вероятно, страну, где он появился на свет и вырос — как будто его отечество настолько знаменито и замечательно, что его название должно быть на устах каждого встречного и поперечного во всех городах и весях необъятной Галактики.

Поглощенность местными интересами отступает перед славой коннатига, правящего скоплением Аластор из дворца в Люсце на планете Нуменес. Нынешний коннатиг, Оман Уршт, шестнадцатый в династии Айдилов, нередко размышляет о капризе судьбы, наделившем его — именно его — невероятной властью, но каждый раз с улыбкой прерывает бессмысленную цепь умозаключений — подобное стечение обстоятельств казалось бы загадочным любому, кто бы ни оказался на его месте.

Обитаемые миры Скопления объединяет лишь отсутствие единообразия. Среди них есть планеты гигантские и карликовые, благодатные и губительные, влажные и засушливые, густонаселенные и безлюдные — каждая неповторима. На одних высокие горы вздымаются из морской синевы, упираясь снежными вершинами в синеву небесную.

На других неразрывная пелена морозящих туч вечно ползет над бескрайними болотами, и монотонность существования нарушается лишь сменой дня и ночи. К числу последних относится планета Брюс-Танзель, Аластор 1102, насчитывающая не более двухсот тысяч жителей, прозябающих главным образом на побережье Напрасного озера, где они занима-

© Marune: Alastor 933, 1975 by Jack Vance.

© Русский перевод: Александр Фет, 2005.

Редактура А. Тейтельбаума и Марии Соколенко. Переводчик выражает благодарность Джеку Вэнсу (автору), Игорю Борисенко, Инне Ослон и многим другим за полезные пояснения, замечания и советы.

¹ Аластор — в древнегреческой мифологии «дурной глаз», «демон мести». — Прим. перев.

ются в основном красильным делом. Брюс-Танзель обслуживают четыре космических порта; важнейший из них — Карфонж.

Глава 1

Достопочтенный Мерган, комендант космического порта в Карфонже, занимал руководящую должность не в последнюю очередь благодаря умению неукоснительно придерживаться заведенного порядка вещей. Мерган не просто терпел или одобрял машинальное повторение ежедневной рутины — оно было положительно необходимо для его душевного равновесия. Мерган возражал бы против упразднения таких неприятных или вредных для космодрома явлений, как утренние дожди, писк и щелчки вездесущих стеклянных ящериц и регулярные нашествия ползучей плесени только на том основании, что из-за него пришлось бы менять установленные правила.

Утром того дня, который впоследствии определили как десятое число месяца мариэля по ойкуменическому календарю¹, едва комендант Мерган уселся за стол в своем кабинете, как к нему явился кончавший ночную смену носильщик в сопровождении невозмутимого молодого человека в унылом сером костюме. Комендант отозвался на вторжение невнятным ворчанием — он не любил лишние хлопоты и, в частности, терпеть не мог, когда ему мешали в начале рабочего дня. Происходящее угрожало, как минимум, нарушить заведенный порядок вещей. Помолчав для важности, Мерган буркнул:

— Что там у тебя, Динстер, что такое?

Носильщик говорил громко, будто боялся, что его не услышат:

— Простите за беспокойство, господин комендант. Что прикажете делать с этим субъектом? Он, кажется, болен.

— Найди врача! — зарычал Мерган. — Сюда-то зачем приводить всех подряд? У меня тут не аптека.

— У него какая-то не такая болезнь, комендант. Скорее психическая — вы понимаете, что я имею в виду?

— Не понимаю! — отрезал Мерган. — Не крути вокруг да около, говори, в чем дело.

Динстер вежливо указал на подопечного:

— Всю ночь сидит в зале ожидания — с тех пор, как я пришел на работу. Ничего не говорит, не знает даже, как его зовут и откуда приехал.

Мерган оторвался от бумаг и сообразовал проявить некоторое любопытство.

¹ Использование нескольких различных хронометрических систем в скоплении Аластор и в пределах Ойкумены создает изрядную неразбериху, несмотря на предпринимавшиеся время от времени попытки проведения реформ. В любом населенном пункте ежедневно применяются по меньшей мере три системы отсчета времени — научная хронометрическая, основанная на значении орбитальной частоты электрона атома водорода в К-состоянии, астрономическая (стандартное ойкуменическое время), позволяющая синхронизировать события, происходящие во всей населенной человеком части Галактики, и местный календарь, соответствующий продолжительности суток и года на данной планете.

— Эй, дружище! — рявкнул он. — Что стряслось?

Молодой человек перевел взгляд с окна на Мергана, но ничего не ответил. Коменданту волей-неволей пришлось заметить очевидное и задуматься. Почему золотисто-каштановые волосы незнакомца были безобразно обрезаны — так, будто кто-то наспех орудовал садовыми ножницами? И костюм — явно с чужого плеча, размера на три больше, чем следовало.

— Говорите! — потребовал Мерган. — Вы меня слышите? Как вас зовут? — Лицо молодого человека сосредоточилось, но он по-прежнему молчал.

— Забулдыга какой-нибудь, — решил комендант. — Небось, забрел с красильного завода. Отведи его к выходу, пусть катится на все четыре стороны!

Динстер упрямо помотал головой:

— Никакой он не забулдыга! Взгляните на руки.

Мерган неохотно последовал совету. На руках юноши, сильных и холеных, не было неизбежных следов грубой работы или частого погружения в красители. Правильные и твердые черты лица, гордая осанка — все свидетельствовало о высоком происхождении. Комендант, предпочитавший не вспоминать обстоятельства своего рождения, ощутил неприятный укол инстинктивного почтения и, следовательно, неприязни. Он снова рявкнул:

— Кто вы такой? Как вас зовут?

— Не знаю, — медленно, с трудом произнес неизвестный. Он говорил с сильным, непривычным на Брюс-Танзеле акцентом.

— Откуда вы?

— Не знаю.

Мерган поинтересовался с несправедливой язвительностью:

— Вы вообще что-нибудь знаете?

Динстер осмелился высказаться:

— По-моему, господин комендант, он прибыл на одном из вчерашних кораблей.

Мерган обратился к молодому человеку:

— На каком корабле вы прилетели? У вас есть друзья на Брюс-Танзеле?

Юноша остановил на нем напряженный, тревожный взгляд темно-серых глаз. Комендант почувствовал себя неудобно и повернулся к носильщику:

— Никаких документов? Денег тоже нет?

Динстер пробормотал молодому человеку на ухо:

— Извините, пожалуйста!

Осторожно проверив карманы мятого серого костюма, носильщик доложил:

— Ничего, господин комендант.

— Никаких квитанций, билетов, жетонов?

— Вообще ничего.

— Амнезия, — сделал вывод комендант. Разыскав на столе брошюру, он пробежал глазами расписание:

— Вчера принимали шесть кораблей — он мог прилететь на любом.

Мерган прикоснулся к кнопке вызова. Послышался голос:

— Просидюк, зал прибытия!

Комендант описал внешность неизвестного:

— Ты его видел? Он прилетел вчера — не знаю, когда.

— Вчера наехало много народу — всех не упомнишь.

— Расспроси контролеров и сообщи, если что-нибудь выяснится.

Мерган еще немного подумал — и позвонил в больницу Карфонжа. Его соединили с заведующей приемным отделением, достаточно терпеливо выслушавшей коменданта, но не предложившей ничего полезного:

— Для лечения амнезии пришлось бы заказывать специальное оборудование. Вы говорите, у него нет денег? Тогда мы никак не можем его принять, исключено.

— А что с ним делать? Не оставаться же ему на космодроме!

— Позвоните в полицию, там разберутся.

Мерган вызвал полицию. Приехал патрульный автофургон, и молодого человека увезли.

Инспектор Сквиль из отдела расследований пытался допросить юношу — безрезультатно. Полицейский врач пробовал гипноз, но в конце концов развел руками:

— Необычно глубокая потеря памяти. Я имел дело с тремя случаями амнезии, но ничего подобного не видел.

— Чем вызывается амнезия?

— Самовнушением, реакцией на эмоциональное потрясение — как правило. Но здесь, — врач указал рукой на пациента, явно ничего не понимавшего, — приборы не показывают никаких психических нарушений. Он не реагирует — не за что даже зацепиться.

Инспектор Сквиль благоразумно поинтересовался:

— Может ли он как-нибудь помочь самому себе? Парень явно из хорошей семьи.

— Ему следовало бы отправиться в госпиталь коннати́га, на Нуменес.

Сквиль рассмеялся:

— Неужели? И кто заплатит за билет?

— Комендант космодрома, наверное, что-нибудь придумает. Впрочем, не могу знать.

Сквиль с сомнением хмыкнул, но подошел к телефону. Как он и предполагал, достопреступный Мерган, однажды возложив ответственность на полицию, в дальнейших событиях участвовать не желал.

— Правила не предусматривают бесплатную перевозку больных, — сказал комендант. — Ничего не могу сделать.

— В полицейском отделении ему тоже не место.

— На вид он здоровый парень. Пусть заработает на проезд — в конце концов, билет стоит недорого.

— Легко сказать! Учтите его состояние.

— Что у вас делают с неимущими попрошайками, безбилетниками, подзаборниками?

— Вы знаете не хуже меня — отправляют в Газвин. Но этот парень не нарушал законов. Он психически ненормален.

— Не могу судить, я не врач и не юрист. По меньшей мере, я предложил выход из положения.

— Сколько стоит билет до Нуменеса?

— Третьим классом на звездолете компании «Придания» — двести двенадцать озолей.

— Сквиль выключил телефон и повернулся к неизвестному:

— Ты понимаешь, что я говорю?

Последовал ясный ответ:

— Да.

— Ты болен. Потерял память. Это тоже понятно?

Прошло секунд десять. Сквиль уже не ждал ответа, когда молодой человек, запинаясь, произнес:

— Мне... так сказали.

— Мы отвезем тебя туда, где можно работать, зарабатывать деньги. Работать ты умеешь?

— Нет.

— Гм... В любом случае тебе нужны деньги, двести двенадцать озолей. На Газвинских болотах платят три с половиной озоля в день. За два-три месяца ты накопишь достаточно, чтобы уехать на Нуменес и поступить в госпиталь коннатига. Там тебя вылечат. Понимаешь?

Юноша явно задумался, но не ответил.

Сквиль поднялся на ноги:

— Газвин пойдет тебе на пользу — может быть, даже память вернется.

Инспектор с подозрением посмотрел на светло-каштановую шевелюру неизвестного, необъяснимо изуродованную стрижкой:

— У тебя есть враги? Кто-нибудь, кто тебя ненавидит, кому ты здорово досадил?

— Не знаю. Не помню... такого человека.

— Как тебя зовут?! — заорал Сквиль, надеясь неожиданным воплем разбудить отдел мозга, скрывающий потерянную информацию.

Серые глаза молодого человека слегка сощурились:

— Не знаю.

— Что ж, придется придумать тебе имя. Играешь в хуссейд?

— Нет.

— Вот так штука! Что может быть лучше хуссейда для крепкого, проворного парня? Ладно, окрестим тебя «Пардеро» — в честь знаменитого нападающего «Шайденских громовержцев». Ты должен отзываться на имя «Пардеро». Понятно?

— Да.

— Вот и хорошо. Поезжай себе в Газвин. Чем скорее начнешь работать, тем скорее улетишь на Нуменес. Я поговорю с начальником лагеря — он свой человек, за тобой присмотрит.

Пардеро — так ему, очевидно, предстояло называться — продолжал растерянно сидеть. Сквиль пожалел его:

— Все обойдется. Само собой, в трудовом лагере водятся крутые ребята. Но ты ведь знаешь, как их поставить на место? Надавать по рогам, и всех делов! Но не попадайся на глаза надзирателям, а то штраф схлопочешь. Ты вроде парень ничего — замолвим за тебя словечко, начальник будет держать меня в курсе. Еще совет — нет, даже два. Во-первых, не отлынивай. Выполняй норму! Надзиратели знают все уловки, тухту чуют за версту — набросятся, как криббит на падаль, и уже не отстанут. Во-вторых, не играй на деньги! Ты вообще азартные игры помнишь?

— Нет.

— Не рискуй заработанными деньгами, не делай никаких ставок — пусть другие играют, а ты не соблазняйся, не давай себя заманить! Не снимай деньги с лагерного счета. И не заводи дружбу с арестантами. В лагере полно всякой нечисти. Я тебе добра хочу. Если что-нибудь случится, звони инспектору Сквилю. Запомнил, как меня зовут?

— Инспектор Сквиль.

— Правильно, — Сквиль проводил юношу до станции и посадил в транспортер, ежедневно отправлявшийся в Газвин. — Последний совет! Никому не доверяй! Тебя зовут Пардеро — это все, что им нужно знать, держи язык за зубами. Понял?

— Да.

— Ну ладно, удачи!

Транспортер летел под низкими сплошными тучами над самым болотом, темно-пурпурным с черными пятнами, и скоро приземлился у группы бетонных корпусов Газвинского исправительно-трудового лагеря.

В отделе кадров Пардеро оформили без задержек — Сквиль уже известил начальника. Новоприбывшему отвели крохотную комнатку в спальном корпусе, выдали сапоги, перчатки и книжечку лагерных правил. Правила он прочитал и ничего в них не понял. На следующее утро его отрядили в бригаду и послали собирать коконы ползучего колукоида — из них получали ценный ярко-красный пигмент.

Пардеро выполнил норму без особого труда. Этот порок не ускользнул от внимания работавшей с ним шайки немногословных субъектов.

Вернувшись к ужину, Пардеро ел молча, игнорируя собратьев-заключенных — те начинали подозревать, что у Пардеро не все дома.

Зашло невидимое за тучами солнце, над болотами стустились гнетущие сумерки. Пардеро сидел в столовой, вечером служившей местом отдыха и развлечений, и в одиночестве смотрел на стереозэкран. Передавали комический спектакль. Пардеро напряженно прислушивался к диалогу — каждое слово мгновенно находило привычное место в голове и образовывало связь с готовой смысловой концепцией. Лексикон накапливался, диапазон мышления расширялся. Передача кончилась, но Пардеро продолжал сидеть, глубоко задумавшись — он осознал наконец свое состояние. Подойдя к зеркалу над умывальником, он увидел чужое, но чем-то знакомое мрачное лицо — высокий лоб, широкие скулы, впалые щеки, темно-серые глаза, взъерошенную копну темно-золотых волос.

Дюжий балбес по имени Воэн решил позабавиться за счет новичка:

— Гляди-ка! Пардеро насмотреться на себя не может — победитель конкурса красоты!

Пардеро напряженно глядел в глаза отражению: кто он? Донеслось хриплое замечание:

— А теперь прической любитесь!

Приятеля Воэна расхохотались. Повернув голову направо, потом налево, Пардеро недоумевал. По-видимому, кто-то обкорнал его самым унижительным образом. Где-то у него были враги. Медленно отвернувшись от зеркала, он вернулся на сиденье перед потухшим стереозэкраном.

В небе исчезли последние признаки мутного заката — тьма опустилась на Газвинские болота.

Что-то в глубине сознания заставило Пардеро внезапно вскочить на ноги — неизъяснимое побуждение. Воэн вызывающе оглянулся, но взгляд Пардеро на нем не остановился. Тем не менее, Воэн заметил или почувствовал нечто зловещее, заставившее матерого завсегдатая тюрем озадаченно приоткрыть рот. Воэн вполголоса обменялся замечаниями с приятелями. Все они не спускали глаз с Пардеро — тот прошел мимо и открыл дверь на крыльцо, в ночную мглу.

Пардеро стоял на крыльце. Редкие прожекторы тускло освещали лагерный двор, безлюдный и заброшенный, оживленный только долетавшим с болот влажным прохладным ветром. Пардеро спустился по ступеням, бесцельно прошелся по краю двора и направился в болота. Скоро лагерь превратился в размытый островок света за спиной.

Под тяжелыми черными тучами насупилась непроглядная тьма. Пардеро чувствовал, как в нем растет и ширится что-то опьяняющее подобно власти — он становился стихийной, бесстрашной частью мрака... Пардеро остановился. Ноги его напряглись, готовые к прыжку, руки приподнялись, ожидая какого-то действия. Озираясь, он ничего не видел — только далеко позади туманно светился Газвинский лагерь. Глубоко, прерывисто вздохнув, Пардеро снова попытался извлечь из колодца памяти представление о себе — на что-то надеясь, чего-то опасаясь.

Пустота. Все, что он помнил, начиналось в зале ожидания космического порта в Карфонже. Он знал, что раньше происходили какие-то события, но обрывки воспоминаний ускользали — неузнанные, как голоса, почудившиеся во сне. Зачем он здесь, в Газвине? Чтобы заработать деньги. Сколько он здесь пробудет? Пардеро забыл — или чего-то не понял в том, что ему говорили. Его душило болезненное возбуждение — умственная клаустрофобия. Пардеро опустился на колени и опустил голову, стуча лбом в упругий болотный торф, вскрикивая от бессилия и безысходности.

Шло время. Пардеро поднялся на ноги и медленно побрел обратно в лагерь.

Через неделю Пардеро узнал о существовании и функциях лагерного врача. На следующее утро он назвался больным во время переключки и явился в диспансер. На скамьях уже сидели десятка полтора арестантов. Молодой врач, недавно закончивший медицинское училище, вызывал их по одному. Недомогания — непритворные, воображаемые и вымышленные — были связаны, как правило, с работой: ломота в пояснице, аллергические реакции, простуды, бронхит, инфекционное воспаление укусов лишайниковых блох. Непродолжительный опыт работы в лагере уже научил врача разбираться во всевозможных уловках заключенных, мечтавших провести пару дней в постели. Настоящим больным он прописывал лекарства, симулянтам — раздражающие кожу мази или вонючее рвотное.

Врач подозвал Пардеро к столу и оглядел его с головы до ног:

— А с тобой что?

— Я ничего не помню.

— Даже так! — врач откинулся на спинку стула. — Как тебя зовут?

— Не знаю. Здесь, в лагере, меня зовут Пардеро. Вы можете мне помочь?

— Скорее всего нет. Вернись на скамью и подожди — я закончу прием через несколько минут.

Разобравшись с остальными пациентами, врач вернулся к Пардеро:

— Что ты помнишь, и с каких пор?

— Я прилетел в Карфонж. Помню звездолет. Помню зал ожидания — раньше ничего.

— Вообще ничего?

— Ничего.

— Ты помнишь, что тебе нравится, а что — нет? Ты чего-нибудь боишься?

— Нет.

— Амнезия, как правило, вызывается подсознательным стремлением подавить невыносимые воспоминания.

Пардеро с сомнением покачал головой:

— По-моему, это маловероятно.

Молодого врача заинтриговал необычный случай. Кроме того, он был рад возможности развеять скуку. С полусмущенной улыбкой он спросил:

— Если ты ничего не помнишь, откуда ты знаешь, что вероятно, а что нет?

— Наверное, не знаю... У меня что-нибудь не так с головой?

— Травма не исключена. Часто болит голова? Ощупывая голову, ты замечаешь боль или, наоборот, потерю чувствительности в каком-нибудь месте?

— Нет.

— Тогда дело, скорее всего, не в травме. Опухоль мозга вряд ли привела бы к общей потере памяти... Посмотрим, что говорят справочники.

Пробежав глазами несколько страниц, врач поднял глаза:

— Можно попробовать гипноз, шоковую терапию. Но, честно говоря, тебе это вряд ли поможет. Амнезия обычно проходит сама собой — со временем.

— Мне кажется... что память не вернется сама собой. Что-то лежит... в голове, как тяжелое одеяло. Оно меня душит. Не могу его сорвать. Вы сумеете меня вылечить?

Пардеро выразался с простотой, заслужившей расположение врача. Кроме того, доктор интуитивно ощущал странность пациента — внешность Пардеро, его манера держаться и говорить трагически не вязались с лагерной обстановкой. Человек попал в беду — и не знал, почему.

— Очень хотел бы тебе помочь. И помог бы, но не умею, — признался врач. — Экспериментировать опасно. Моей квалификации недостаточно.

— Полицейский инспектор советовал обратиться в госпиталь коннати́га на Нуменесе.

— Разумный совет. Я собирался рекомендовать то же самое.

— Где Нуменес? Как туда попасть?

— На звездолете. Насколько мне известно, билет обойдется в двести с чем-то озолей. Ты зарабатываешь три с половиной в день. Если перевыполнять норму, можно получать и больше. Когда наберется двести пятьдесят озолей, купи билет до Нуменеса. Так будет лучше всего.

Глава 2

Пардеро работал с безудержной энергией фанатика одной идеи. Ежедневно он выполнял полторы нормы, а порой и две — что вызвало у собригадников сначала презрительные насмешки, потом язвительную брань и, наконец, холодную молчаливую враждебность. В довершение ко всему Пардеро отказывался участвовать в жизни лагеря — все свободное время он проводил, уставившись в стереоэкран. Арестантов это задевало. Принимая действительность за воображение, они считали, что Пардеро воображает себя лучше других. Пардеро ничего не покупал в лагерной лавке и, вопреки любым ухищрениям, не соглашался участвовать в азартных играх, хотя время от времени, мрачно улыбаясь, подходил и наблюдал за игрой, что изрядно раздражало игроков. Дважды его тумбочку взламывали и обшаривали желающие перераспределить доходы в соответствии со своими представлениями о справедливости, но Пардеро не снимал деньги с лагерного счета. Убедившись в бесполезности словесного запугивания, громила Воэн решил научить Пардеро не задирать нос, таковой нос расквасив, но столкнулся с сопротивлением настолько бешеным, что почувствовал себя в безопасности только под носом у надзирателей. С тех пор он старательно обходил Пардеро стороной.

Тем временем барьер, разделявший память и сознание Пардеро, оставался непроницаемым. Собирая коконы на болоте, он без конца спрашивал себя: «Кто я? С какой планеты? Чему меня учили? Кто мои друзья? Какому врагу я обязан беспамятством?» Пардеро вымещал раздражение на ползучем колукоиде, заслужив репутацию одержимого.

Его избегали и побаивались.

Пардеро, в свою очередь, загнал лагерную действительность в отдаленный уголок сознания, не желая засорять память подробностями арестантской жизни. Он не возражал против работы, но прозвище «Пардеро» его возмущало. Носить чужое имя — все равно, что носить чужую одежду: возникает ощущение нечистоплотности. За неимением настоящего имени, однако, приходилось довольствоваться чужим, а первое попавшееся было ничем не хуже любого другого.

Гораздо больше его волновала невозможность остаться в одиночестве. Близкое соседство трехсот человек вызывало омерзение. Пардеро особенно страдал во время еды, когда сидел в столовой, старательно не отводя глаз от миски, чтобы не видеть неприкрыто кусающие, жующие, глотающие пасти. Невозможно было не слышать, тем не менее, отрывки, чавканье, вздохи насыщения, шипение и бульканье прихлебываемой баланды. Несомненно, он вырос в обстановке, где такое поведение было недопустимо. Но где? Где он вырос?

Вопрос приводил в пустоту, лишенную даже намеков на воспоминания. Где-то жил человек, наспех обрезавший ему волосы, отобравший у него все документы и предметы, позволявшие удостовериться личность, и отправивший его, как новорожденного в посылке,

странствовать по звездному скоплению. Иногда, пытаясь представить себе врага, Пардеро улавливал внутренним слухом отдаленные каскады звуков, пульсирующие подобно многократному эхо раскатистого хохота. Но стоило сосредоточиться, наклонив голову — и отзвуки пропадали.

Наступление темноты продолжало его тревожить. Нередко он порывался уйти в ночные болота, как будто во мраке его ждала неотложная встреча, но сопротивлялся непонятному побуждению — отчасти от усталости, отчасти потому, что боялся собственного сумасшествия. Пардеро сообщил лагерному врачу о вечерних поползновениях, и тот согласился с тем, что их следовало подавлять по меньшей мере до тех пор, пока не станет известен их источник. Врач похвалил Пардеро за трудолюбие и посоветовал накопить как минимум двести семьдесят пять озолей на тот случай, если возникнут непредвиденные расходы.

Когда на счету Пардеро набралась требуемая сумма, он забрал деньги у кассира и теперь, будучи человеком свободным, мог беспрепятственно покинуть трудовой лагерь. С сожалением попрощавшись с врачом, заслужившим его приязнь и уважение, Пардеро поднялся по трапу транспортера, отбывавшего в Карфонж. Пролетая над Газвинскими болотами, он чувствовал даже нечто вроде скорбного желания вернуться — безрадостный лагерь был единственным приютом, какой он когда-либо знал. Карфонж он почти не помнил, а космодром казался давним сновидением.

Комендант Мерган ему не повстречался, но Динстер, только что явившийся на работу ночной носильщик, узнал его.

Звездолет «Эктобант компании», «Придания», доставил Пардеро в Баруйю на планете Дей, Аластор 2121, где он пересел на лайнер «Лузимар» Ойкуменической магистрали, следовавший до транспортного узла Калипсо на Имбере. Из Калипсо «Серебристый волномах» совершал ежедневные короткие рейсы до Нуменеса.

Пардеро понравилось путешествовать: неожиданные впечатления, случайности и виды потрясали его. Калейдоскоп миров Скопления превосходил всякое воображение — приземления и взлеты, потоки лиц, платьев, костюмов и мантий, шляп, украшений и драгоценностей, цветов, огней и обрывков странной музыки, говор и смех, чарующие взоры красавиц, склоки и торжества, тревоги и воодушевление, устройства и удобства, поразительные индивидуумы и безликие толпы. Неужели он все это знал — и все забыл?

До сих пор Пардеро не предавался жалости к себе — враг оставался зловещей абстрактной фигурой. Но как чудовищно, бездушно с ним обошлись! Немыслимая жестокость! Оторвали от семьи и друзей, лишили сочувствия и покровительства, умственно охолостили, убили в нем человека!

Убийство!

Слово холодило кровь, заставляло содрогнуться и поморщиться. И откуда-то издалека мерещились раскаты издевательского хохота.

Приближаясь к Нуменесу, «Серебристый волномах» задержался у Геральда, внешней планеты той же системы, чтобы получить от Покрова разрешение на посадку — мера предосторожности, позволявшая свести к минимуму вероятность неожиданной космической атаки на дворец коннатига. После обязательной проверки звездолет пропустили — голубовато-белесый шар Нуменеса стал стремительно увеличиваться в иллюминаторах.

На расстоянии примерно пяти тысяч километров произошло привычно-неожиданное преобразование — планета, висевшая где-то сбоку в пустоте, как гигантский елочный шар, стала необъятным миром, раскинувшимся далеко внизу. Открылась великолепная панорама белых облаков, голубого воздуха, сверкающих морей — «Серебристый волномах» спускался на Нуменес.

Центральный космодром в Коммарисе занимал территорию не меньше пяти километров в диаметре, окаймленную высокими пальмами-джасинтами и зданиями неизбежных портовых учреждений в характерном для Нуменеса приземисто-воздушном стиле.

Сойдя по трапу «Серебристого волномаха», Пардеро зашел в скользящий на магнитной подушке вагончик, доставивший его на космический вокзал, где он спросил у первого встречного, как проехать к госпиталю коннатига. Тот указал на справочное бюро, а служащий бюро направил его в пристройку вокзала, где находилось отделение скорой помощи. Там его встретила высокая худощавая женщина в белом халате с голубыми отворотами и манжетами. Она коротко представилась:

— Матрона Гюндаль. Насколько я понимаю, вы желаете, чтобы вас приняли в госпиталь коннатига?

— Да.

Матрона пробежалась пальцами по клавишам — очевидно, включая какое-то звукозаписывающее устройство:

— Имя, фамилия?

— Меня называют «Пардеро». Не знаю, как меня зовут на самом деле.

Матрона Гюндаль никак не прокомментировала сообщение:

— Место и дата рождения?

— Я не помню, где родился и когда.

— На что вы жалуетесь?

— На полную потерю памяти.

Матрона окинула его безразличным взглядом, свидетельствовавшим, вероятно, о некотором интересе к пациенту:

— Другие заболевания, травмы?

— В остальном я чувствую себя неплохо.

— Медсестра вас проводит.

Матрона повысила голос:

— Ариэль!

Вошла молодая блондинка — ее задорное веснушчатое лицо не вязалось с больничным халатом. Матрона Гюндаль указала на пациента лаконичным наклоном головы:

— Этого господина нужно проводить в госпиталь коннатига.

У Пардеро она спросила:

— Багаж у вас есть?

— Нет.

— Желаю скорейшего выздоровления.

Медсестра вежливо улыбнулась:

— Сюда, пожалуйста!

Пока аэротакси бесшумно несло их на север над зелеными и голубыми просторами Флор-Соланы, Ариэль поддерживала приятный разговор:

— Вы уже бывали на Нуменесе?

— Не знаю. Я ничего не помню, кроме последних двух-трех месяцев.

— О, прошу прощения! — растерялась Ариэль. — Ну, если хотите знать, на Нуменесе нет настоящих континентов, только острова. Зато здесь у каждого своя яхта, побольше или поменьше.

— Жить на яхте, наверное, интересно.

Ариэль осторожно коснулась вопроса об амнезии, краем глаза следя, не вызовет ли это у собеседника приступ раздражения или обиды:

— Не помнить себя очень странно. Что вы чувствуете, когда думаете о прошлом?

Пардеро задумался:

— Ничего особенного. Просто не помню, вот и все.

— Хорошо хотя бы то, что у вас ничего не болит. Представьте себе! Вы можете оказаться кем угодно — богачом, знаменитостью!

— Скорее всего, я был самым заурядным субъектом — дорожным строителем, бродячим собачьим парикмахером...

— Совершенно исключено! — заявила Ариэль. — Вы производите впечатление... как бы это сказать...

Она замялась, смущенно улыбнувшись, но закончила:

— Уверенного в себе, сообразительного человека.

— Надеюсь, вы правы, — Пардеро взглянул на излучавшую свежесть блондинку и вздохнул, опечаленный перспективой скорого расставания. — Что со мной сделают?

— Ничего страшного. Вашу болезнь изучат очень умные люди, с помощью очень сложных устройств. Почти наверняка вас вылечат.

У Пардеро сжалось сердце:

— Рискованное дело! Вдруг я — кто-нибудь, кем я совсем не хочу быть?

Ариэль не удержалась от усмешки:

— Насколько я знаю, люди теряют память именно по этой причине.

Пардеро удрученно хмыкнул:

— И вы не боитесь ехать в такси с субъектом, возможно, совершившим постыдные преступления?

— Мне платят за храбрость. Иногда приходится сопровождать опасных пациентов.

Пардеро, не забывавший любоваться видами острова Флор-Солана, заметил впереди высокий шатер из прозрачных панелей, разделенных светлыми ребрами и поясами — рядом угадывались многочисленные сооружения, прячущиеся за пальмами-джасинтами и киноварисами.

По мере приближения из окна такси стали видны шесть куполов вокруг центрального шатра. От каждого купола лучами расходились шесть продолговатых строений.

— Это и есть госпиталь? — спросил Пардеро.

— Госпиталь занимает огромную территорию — отсюда все не увидишь. Это Гексад — вычислительный центр. Здания поменьше — лаборатории и операционные. Палаты пациентов — во флигелях корпусов. Здесь вы будете жить, пока не поправитесь.

Пардеро застенчиво спросил:

— А вас я еще когда-нибудь увижу?

Веснушки на лице Ариэли чуть потемнели:

— Вы хотите, чтобы я вас навестила?

Пардеро трезво проанализировал свои неоднозначные влечения:

— Да.

Медсестра отозвалась почти игриво:

— Вы будете так заняты, что скоро меня забудете.

— Я больше никогда ничего не забуду!

Ариэль задумчиво закусила губу:

— Вы ничего не помните из прошлой жизни?

— Ничего.

— Может быть, вас кто-то любит, у вас где-то есть семья, дети.

— Все может быть... Почему-то мне кажется, что ни семьи, ни детей у меня нет.

— Ха! Все мужчины так говорят, оказавшись далеко от дома... Ну хорошо, я подумаю.

Аэротакси приземлилось. Пардеро с медсестрой прошли к Гексаду по тенистой пальмовой аллее. Ариэль искоса следила за подопечным — предчувствие беды, явно отражавшее-

ся у него на лице, пробудило в ней сочувствие. Она произнесла бодро-утешительным «докторским» тоном:

— Я здесь часто бываю. Как только вы начнете лечение, я вас навещу.

Пардеро через силу улыбнулся:

— Буду рад вас видеть.

Ариэль проводила его в приемный зал, обменялась парой слов со служащим и собралась уходить. Обернувшись через плечо, чтобы попрощаться, она забыла придать голосу формальную безразличность:

— Не забывайте! Я скоро вернусь.

— М. Т. Колодин, — представился грузный, помятый человек со слишком большим мясистым носом и редкими, взъерошенными темными волосами. — «М. Т.» означает «младший техник». Зовите меня просто «Колодин». Вы у меня в списке, так что нам предстоит видаться довольно часто. Пойдемте, я вас устрою.

Пардеро принял ванну и прошел медицинский осмотр. Ему выдали похожий на пижаму легкий светло-голубой костюм. Колодин показал подопечному его палату в одном из флигелей, после чего они вместе пообедали на террасе. Колодин, немногим старше Пардеро, но неизмеримо более умудренный жизнью, живо интересовался состоянием нового пациента:

— Уникальный случай! Ни разу не слышал о полной, непериодической потере памяти. Когда мы вас вылечим, медицина потеряет редчайший экспонат.

Пардеро выдавил кислую улыбку:

— Говорят, люди теряют память потому, что хотят что-то забыть. Может быть, прошлое лучше не ворошить.

— Затруднительное положение, — согласился Колодин. — Но в конечном счете все может объясняться самыми безобидными причинами.

Колодин взглянул на большой палец — по ногтю бежали светящиеся цифры:

— Через пятнадцать минут вас посмотрит С. Т. Рейди. От него зависит методика лечения.

Они вернулись под шатер Гексада. Колодин пропустил Пардеро в кабинет старшего техника. Рейди — тощий человек средних лет с пронзительными глазами — появился минутой спустя. По-видимому, он уже просмотрел данные пациента:

— Как назывался звездолет, доставивший вас на Брюс-Танзель?

— Я его плохо помню.

Рейди кивнул и прикоснулся сначала к одному, потом к другому плечу Пардеро жестким квадратным губчатым тампоном:

— Инъекция поможет вам успокоиться и сосредоточиться... Откиньтесь на спинку кресла, расслабьтесь. Думайте о чем-нибудь приятном.

В кабинете потемнело — Пардеро представил себе веселое лицо Ариэли. Рейди продолжал:

— На стене — пара изображений. Внимательно их рассмотрите — или, если хотите, просто закройте глаза и отдыхайте... Лучше всего будет, если вы полностью расслабитесь и будете слушать, что я говорю, в полном покое... как будто кроме моего голоса ничего нет... Когда я скажу, что вы можете заснуть, вы можете заснуть...

Сложные орнаменты на стене поплыли, расплываясь в стороны. Тихий звук, временами становившийся чуть громче, пульсировал, подстраиваясь к какому-то медленному ритму — казалось, он поглотил и заслонил все звуки мира. Настенные узоры увеличились, полностью потеряли резкость и окружили его — единственной реальностью оставался он сам, его внутренний мир.

— Не знаю, — голос звучал со стороны, из другой комнаты. Его голос. Странно. Понималось тихое бормотание — он не придавал ему значения:

— Как звали вашего отца?

— Не знаю.

— Как звали вашу мать?

— Не знаю.

Снова вопросы, звучавшие то безразлично, то настойчиво — на все был один ответ. Наконец пульсирующий звук прекратился.

Пардеро очнулся в пустом кабинете. Рейди вернулся почти в тот же момент и теперь стоял, с легкой улыбкой глядя на пациента.

Пардеро спросил:

— Что вы узнали?

— Ничего существенного. Как вы себя чувствуете?

— Устал.

— Нормальная реакция. На сегодня все, отдыхайте. Не слишком беспокоьтесь о своем состоянии — мы доберемся до сути дела.

— Что, если вы ничего не найдете? Вдруг у меня действительно не осталось памяти?

Рейди отказался серьезно рассматривать такую возможность:

— Память заложена в каждой клетке тела. Мозг хранит информацию на многих уровнях. Например, вы не разучились говорить.

Пардеро сомневался:

— Когда я прилетел в Карфонж, я почти ничего не умел, даже говорить не мог. Потом, как только я слышал какое-нибудь слово, я сразу вспоминал, что оно значит, и постепенно научился говорить снова.

Рейди коротко кивнул:

— Именно так. Лечение может быть основано на принципе восстановления латентных связей.

Пардеро опустил голову:

— Допустим, я вспомню, кто я такой, и окажется, что я — преступник? Что тогда?

Глаза старшего техника сверкнули:

— Вы рискуете. После восстановления памяти коннати́г может приговорить вас к смерти.

Пардеро поморщился:

— Коннати́г когда-нибудь посещает госпиталь?

— Несомненно. Он бывает везде.

— Как он выглядит?

Рейди пожал плечами:

— На официальных фотографиях он выглядит впечатляюще — важно и благородно, в мундире и регалиях. Отправляясь странствовать инкогнито, он изменяет внешность и переодевается, чтобы ничем не выделяться. Ему так нравится. В скоплении Аластор пять триллионов людей. Но каждому кажется, что коннати́г стоит за плечами и все про него знает.

— Если коннати́г все знает, — поднял голову Пардеро, — может быть, достаточно пойти к нему и спросить, кто я такой?

— Не исключено. В крайнем случае мы так и сделаем.

Прошло несколько дней, неделя, две недели. Рейди применял десятки приборов, препаратов и методов, пытаясь преодолеть барьеры, разделявшие память и сознание Пардеро. Он регистрировал сознательные, подсознательные и физиологические реакции на всевозможные стимулы — цвета, звуки и запахи, вкусовые и осязательные ощущения, освещение раз-

личной интенсивности и различного спектрального состава, проверял предрасположенность пациента к страху высоты, темноты, погружения в бездну, открытого и замкнутого пространства. Этим дело не ограничилось. Рейди перешел к составлению подробных сравнительных графиков изменения состояния пациента под воздействием сложных культурно-психологических факторов, демонстрируя голографические изображения нелепых ситуаций, праздничных торжеств, эротических сцен, жестокостей и ужасов, характерных выражений мужских, женских и детских лиц. Вычислительный механизм накапливал результаты, сравнивая их с известными параметрами, и синтезировал динамическую модель, аналогичную психическим процессам Пардеро.

Окончательный анализ модели, однако, не позволил Рейди выявить причину блокировки памяти:

— Ваши основные рефлексы достаточно типичны. Единственная аномалия наблюдается в связи с реакцией на темноту, стимулирующую вас самым любопытным образом. Ваши социальные инстинкты недостаточно развиты — вероятно, тому виной амнезия. Повидимому, вы больше склонны к настойчивому самоутверждению, нежели к недооценке своих способностей. Вы практически не реагируете на музыку, а цветовая символика не имеет для вас почти никакого значения — что тоже может объясняться амнезией. Запахи стимулируют вас гораздо сильнее, чем я предполагал — но не в такой степени, чтобы это можно было назвать патологией.

Рейди откинулся на спинку стула:

— Обследования сами по себе могли спровоцировать какие-нибудь сознательные ассоциации. Вы ничего не заметили?

— Ничего.

Рейди кивнул:

— Хорошо. Попробуем другой подход. Теоретическая основа такова. Если амнезия связана с сильнейшим подсознательным нежеланием вспоминать те или иные обстоятельства, мы могли бы преодолеть сопротивление, обратив сознательное внимание на те же события. Для этого, однако, необходимо определить характер травматических обстоятельств. Другими словами, мы должны установить ваше происхождение, понять, в какой среде формировалась ваша личность.

Пардеро нахмурился и отвернулся к окну. Рейди внимательно следил за ним:

— Вы не хотите знать о своем происхождении?

Пардеро криво улыбнулся:

— Я этого не говорил.

Рейди пожал плечами:

— Воля ваша. Вы можете покинуть госпиталь в любую минуту. Служба социального обеспечения подыщет вам работу, начинайте новую жизнь.

Пардеро отрицательно покачал головой:

— Меня будет преследовать неизвестность. Может быть, во мне кто-то нуждается, кто-то ждет моего возвращения.

Рейди не возражал:

— Завтра начнем детективное расследование.

Через час после наступления сумерек Пардеро встретился в кафе с Ариэлью и отчитался о событиях дня.

— Рейди признал, что зашел в тупик, — с чем-то вроде мрачного удовлетворения заключил Пардеро. — У него это признание, конечно, заняло полчаса и напоминало научный конспект. Он упомянул также, что единственный способ выяснить, кто я такой — узнать,

где я родился и вырос. Другими словами, меня хотят отправить домой. Куда? Никто не знает. Расследование начнется завтра.

Ариэль меланхолически кивнула. Сегодня она не походила на себя — более того, казалась внутренне напряженной, поглощенной посторонними мыслями. Пардеро протянул руку, чтобы прикоснуться к ее мягкому светлому локону, но она уклонилась.

— И что дальше? — спросила Ариэль.

— Ничего особенного. Рейди сказал, что наступило время решать, хочу ли я продолжать розыски самого себя.

— И что ты решил?

— Продолжать. Возможно, где-то меня ищут, кто-то меня ждет.

Голубые глаза Ариэли печально потемнели:

— Пардеро, я не могу больше с тобой видеться.

— О! Почему?

— Ты сам назвал причину. Люди, потерявшие память, часто оказываются далеко от дома и... завязывают новые связи. Потом, когда их память возвращается, это приводит к трагедии.

Ариэль поднялась из-за стола:

— Попрощаюсь сразу, пока не передумала. — Прикоснувшись к руке Пардеро, она вышла из кафе. Пардеро проводил глазами удалявшуюся фигуру, но ничего не сделал, чтобы ее остановить.

На следующий день расследование не началось. Младший техник Колодин зашел в палату Пардеро только через три дня:

— Сегодня мы полюбуемся на дворец коннатига и посетим Кольцо Миров.

— Не откажусь. По какому случаю состоится познавательная экскурсия?

— Пытаясь восстановить ваше прошлое, я наткнулся на безнадежную путаницу — точнее говоря, на расплывчатую мешанину неопределенностей.

— Это я и сам мог бы вам сказать.

— Разумеется. Нельзя, однако, во всем полагаться на слова — нужны неопровержимые факты. Подтвержденные независимыми источниками факты таковы. Десятого числа месяца мариэля по ойкуменическому календарю вы прибыли на космодром в Карфонже. Точное время прибытия неизвестно — в тот день приземлились шесть пассажирских звездолетов, портовые служащие были заняты сверх головы. На Брюс-Танзель вас мог доставить любой из шести кораблей, принадлежащих четырем различным транспортным компаниям. Ранее эти корабли заходили в порты двадцати восьми миров — каждый из них мог быть вашим пунктом отправления. На девяти из этих двадцати восьми планет находятся крупные транспортные узлы. Вполне возможно, что вы сделали две или даже три пересадки. Потеря памяти при этом не служила бы непреодолимым препятствием. Принимая вас за идиота, стюарды звездолетов и служащие космических вокзалов могли, не особенно задумываясь, переводить вас с корабля на корабль согласно расписанию поездки, указанному в билете. В любом случае, возможных сочетаний планет, космических портов, звездолетов и пересадок слишком много. Можно, конечно, составить список всех вариантов — если ничего другого не останется. Но прежде всего мы навестим коннатига. Хотя он вряд ли снизойдет до личного знакомства.

— А жаль! Я был бы не прочь засвидетельствовать почтение.

Аэротакси доставило их в приморский городок Мониск, где начинался подводный туннель, соединявший Флор-Солану с Тремоной, другим островом посреди экваториального Шумного океана. На Тремоне они сели в аэробус, летевший на юг, и вскоре над горизонтом показался так называемый «дворец коннатига» — сначала бесплотное видение в туманной

дали, едва заметное сияющее веретено, постепенно растущее, приобретающее резкие очертания и в конце концов превращающееся в головокружительную, колоссальную башню на пяти опорах, укоренившихся в пяти островах. В трехстах метрах над поверхностью моря опоры сливались в расходящийся пятью крестовыми сводами купол, служивший платформой первой палубы. Над куполом поднималась башня — к кучевым облакам, между облаками, в вечно солнечные верхние слои атмосферы, сквозь перистую дымку — туда, где уже проглядывали звезды.

Колодин спросил, как бы между прочим:

— У вас на родине¹ есть такие башни?

Пардеро скептически покосился на техника:

— Хотите поймать меня на слове? Если бы я знал, меня бы здесь не было.

Он вернулся к созерцанию башни:

— И где живет коннатиг?

— Его апартаменты в шпиле. Неровен час, он и сейчас там стоит, смотрит в окно. Опять же, скорее всего нет. Никогда не угадаешь. Понятное дело — на планетах Скопления полно отщепенцев, воинствующих диссидентов, мятежников и просто сумасшедших, приходится принимать меры предосторожности. Наемный убийца может приехать на Нуменес, например, под личиной пациента, страдающего амнезией — или даже в состоянии непридуманного беспамятства, но запрограммированный выполнить ужасные инструкции при встрече с коннатигом.

— Я безоружен, — возразил Пардеро. — И я не убийца. Меня от одной мысли об убийстве дрожь пробирает.

— Любопытная реакция! Ее необходимо учесть. На мой взгляд, ваши психометрические данные исключают склонность к насилию. Что ж, даже если вы убийца, сегодня осуществить кровавый замысел вам не удастся — сомневаюсь, что коннатиг пожелает нас принять.

— Но мы сюда приехали, чтобы с кем-то встретиться, не так ли?

— Да. Нас ожидает демософист по имени Оллав, имеющий доступ ко всем библиотекам данных и устройствам для сортировки и сопоставления информации. Весьма вероятно, что сегодня мы узнаем, как называется мир, где вы провели большую часть жизни.

Как обычно, Пардеро рассмотрел вопрос с нескольких сторон:

— И что со мной будет после этого?

— Возможны как минимум три варианта, — осторожно ответил Колодин. — Вы можете остаться в госпитале и продолжать лечение — хотя Рейди, на мой взгляд, не проявляет оптимизма. Вы можете смириться со своей участью и попытаться начать новую жизнь. Или вы можете вернуться на родную планету.

Пардеро промолчал, и Колодин деликатно воздержался от дальнейшего обсуждения.

Вагончик на магнитной подушке доставил их к основанию ближайшей опоры, откуда пропорции башни уже не поддавались сравнительной оценке — оставалось лишь ощущение подавляющей массы и непревзойденной смелости проектирования.

Колодин и Пардеро зашли в прозрачную кабину лифта — море и берег острова провалились вниз.

— Первые три палубы и шесть нижних прогулочных террас отведены туристам. Здесь они проводят целые дни, находя всевозможные способы отдохнуть и развлечься, как самые невинные, так и более экзотические — по своему усмотрению. Желающие могут безвозмездно ночевать в комнатах с неприятной обстановкой, а за умеренную плату пред-

¹ Колодин употребил слово «гайслинг», менее истасканное и не запятнанное лживыми ассоциациями.

лагаются более роскошные номера. Постояльцы заказывают привычные блюда или пробуют произведения знаменитых поваров со всех концов Скопления и даже из других частей Галактики — опять же по минимальным ценам. Ежедневно прибывают и уезжают многотысячные толпы любопытствующих — такова воля коннати́га. Теперь мы поднимаемся мимо административных ярусов — здесь правительственные учреждения и управления двадцати четырех легатов коннати́га... А вот и Кольцо Миров — над ним Антропологический колледж, куда мы и направляемся. Олла́в — в высшей степени компетентный специалист. Посмотрим, что ему удалось выяснить.

Они вышли в вестибюль, выложенный голубой и белой плиткой. Чуть наклонившись к черному диску на стене, Колодин произнес имя демософиста. Олла́в не замедлил явиться — темноволосый человек непримечательной наружности с землистым задумчивым лицом, длинным тонким носом и глубокими залысинами над узким лбом.

Олла́в приветствовал прибывших неожиданно глубоким басом и провел их в кабинет, отличавшийся спартанской простотой обстановки. Когда посетители сели, Олла́в занял место за столом и обратился к Пардеро:

— Насколько я понимаю, вы не помните свое детство?

— Детство и почти всю остальную жизнь.

— Я не могу вернуть вам память, — сказал Олла́в. — Но если вы — уроженец скопления Аластор, мне скорее всего удастся определить, на какой планете вы родились. Может быть, я даже смогу точно указать, в каком районе вы росли и получали воспитание.

— Как вы это узнаете?

Олла́в указал рукой на стол:

— Передо мной запись ваших антропометрических данных, физиологических показателей, результатов анализа свойственных вам соматических биохимических циклов и аномалий, динамическая модель ваших психических параметров — по существу, вся подробная информация, полученная техниками Рейди и Колодиным. Вы понимаете, конечно, что проживание на той или иной планете в условиях той или иной общественной структуры — вообще, принадлежность к определенному укладу жизни — не проходит бесследно. Происхождение, воспитание, традиции, привычки и другие обстоятельства оставляют отпечаток, как умственный, так и физический. К сожалению, отличительные признаки человека редко допускают однозначную интерпретацию, а некоторые из них, ввиду исключительной сложности комплекса формирующих процессов, плохо поддаются количественному измерению. Например, если ваша группа крови — RC3, можно почти наверняка утверждать, что вы не происходите с планеты Азулиас, хотя стопроцентной уверенности, конечно, нет. Важнейшими свидетельствами происхождения могут быть состав кишечной флоры, характер развития мускулатуры ног, накапливающиеся в волосяном покрове химические примеси, наличие и природа любых грибковых инфекций, как паразитических, так и симбиотических, интенсивность кожной пигментации. Возможна классификация бессознательной жестикюляции. Другие общественные инстинкты — такие, как стремление прикрывать различные части тела, а также степень этого стремления — могут указывать на то или иное происхождение, хотя для регистрации поведенческих закономерностей требуется длительное терпеливое наблюдение, и при амнезии они могут очень слабо проявляться. Иногда наводящими уликами, если можно так выразиться, служат характер разрушения зубов и применявшиеся методы зубоврачебного вмешательства. И так далее. Теперь вы понимаете процесс идентификации? Параметры, которым могут быть присвоены числовые весовые коэффициенты, обрабатываются вычислительной машиной, генерирующей список наименований планет, континентов и областей в порядке уменьшения вероятности.

Генерируются еще два списка. В одном различным мирам присваиваются вероятностные значения в зависимости от их достижимости с точки зрения пассажира, прибывшего в

Карфонж на звездолете на протяжении интересующего нас периода времени. С помощью другого списка будет предпринята попытка кодифицировать ваши культурные рефлексy — сложная задача, так как амнезия, несомненно, привела к искажению и подавлению большинства таких реакций, а в последнее время вы успели приобрести целый комплекс новых привычек. Тем не менее, если вы не против, мы пройдем в лабораторию и постараемся зарегистрировать остаточные тенденции.

В лаборатории Оллав посадил Пардеро в массивное кресло, закрепил датчики на различных участках его тела и осторожно надел ему на голову целую сетку контактных электродов. На глаза Пардеро демософист опустил полушария оптической аппаратуры, а уши плотно прикрыл мягкими наушниками.

— Сначала мы установим степень вашей чувствительности к архетипическим концепциям. Как я уже сказал, амнезия может приводить к искажению или подавлению бессознательных реакций — а старший техник Рейди пришел к заключению, что в вашем случае наблюдается исключительная, глубочайшая потеря памяти. И все же, даже если мозжечок полностью блокирован, другие узлы нервной системы позволяют извлечь информацию. Если зарегистрируются какие-нибудь сигналы, мы допустим, что соотношения их интенсивности остались неизменными, даже если их абсолютная амплитуда ничтожна. Позднейшие наложения попытаемся отфильтровать. От вас ничего не требуется — сидите спокойно, не напрягайтесь, не пытайтесь что-либо чувствовать или не чувствовать. Все, что мы хотим узнать, поведают ваши внутренние функциональные механизмы.

Зрение и слух Пардеро подверглись нападению изображений и звуков — он побывал в лесу, озаренном дымчатыми солнечными лучами, на морском берегу, освеженном соленым прибоем, на лугу, покрытом россыпями цветов, в горной долине, где бушевала слепящая снежная буря. Он увидел закат, звездное ночное небо, штиль в безбрежном океане, толпу и движение на городской улице, сельскую дорогу, петляющую по мирным холмам, звездолет в бездонном пространстве.

— Еще одна последовательность! — гулким басом объявил Оллав. Пардеро увидел походный костер, окруженный тенями фигур, восхитительную обнаженную девушку, болтающийся на виселице труп, несущегося галопом всадника в черных стальных латах, парад арлекинов и клоунов, бодро рассекающую волны парусную яхту, трех старух на завалинке.

— Теперь музыка!

В наушниках прозвучали последовательности аккордов, отрывки оркестровых произведений, позывные фанфар и бой барабанов, нежные переливы арфы, веселая джига и сельский хороводный танец.

— Лица!

Прямо в глаза Пардеро уставился суровый седой старик, потом младенец, потом женщина средних лет, за ней презрительно усмехающаяся девчонка, смеющийся юнец, сморщившийся от боли мужчина, плачущая старуха.

— Средства передвижения!

Пардеро полюбовался на всевозможные корабли и лодки, колесницы и самоходный наземный транспорт, летательные аппараты, звездолеты.

— Части тела!

Аппаратура продемонстрировала руку, лицо, язык, нос, живот, мужские и женские половые органы, глаз, открытый рот, ягодицы, ступню.

— Пейзажи и виды!

Хижина на берегу озера, окруженный садом дворец с дюжиной куполов, воздушная беседка в саду, деревянная изба, городской многоквартирный дом, плавучая вилла, храм, лаборатория, зияющая пещера.

— Вещи и предметы!

Меч, дерево, бухта каната, горный утес, лучевой пистолет, плуг с лопатой и мотыгой, правительственный указ с красной сургучной печатью, цветы в вазе, книги на полке, открытая книга на пюпитре, плотницкий инструмент, коллекция музыкальных инструментов, принадлежности для расчетов и геометрических построений, лабораторная реторта, кнут, двигатель, подушка в наволочке с вышивкой, географические карты и чертежи зданий, чертежная готовальня, кипа чистой бумаги.

— Абстрактные символы!

Пардеро увидел сочетания прямых и кривых линий, геометрические фигуры, числа, лингвистические знаки, пиктограммы сжатого кулака и указывающего пальца, нижнюю часть ноги с небольшими крылышками, растущими вдоль щиколотки.

— И последняя серия!

Пардеро увидел самого себя — сперва издали, потом все ближе и ближе, пока не заглянул себе в глаза почти вплотную.

Оллав освободил его от аппаратуры:

— Сигналы очень слабые, но различимые. Психометрические характеристики зарегистрированы — теперь можно составить так называемый «каталог культурных показателей».

— Что вам удалось узнать?

Демософист как-то странно посмотрел на Пардеро:

— Ваши реакции, мягко говоря, непоследовательны. Судя по всему, вы воспитывались в весьма достопримечательной среде. Вы боитесь темноты, но она вас влечет и вдохновляет. Вы боитесь женщин — зрелище женского тела вас смущает — и в то же время женственность вас завораживает. Вы положительно отзываетесь на стимулы, связанные с тактическими военными маневрами, героическими поединками, оружием и боевыми регалиями, но испытываете сильнейшее отвращение к насилию и боли. Другие ваши реакции не менее противоречивы. Возникает вопрос: о чем свидетельствуют противоречия? О наличии некой системы или о разладе функций? Не буду гадать. Полученные результаты вместе с другими данными — мы о них уже говорили — загружены в интегратор. Не сомневаюсь, что отчет уже готов.

— Отчет или приговор? — пробормотал Пардеро. — Даже страшно взглянуть. Похоже на то, что я действительно уникам.

Оллав больше не делал никаких замечаний. Они вернулись в кабинет, где терпеливо ждал младший техник Колодин. Демософист приподнял квадратный лист белой бумаги, бесшумно выползавший из прорези в столе:

— А вот и отчет!

Задержавшись, пожалуй, в нарочито театральной позе, Оллав изучил колонки цифр:

— Закономерность есть...

Он снова просмотрел отчет:

— Вот оно как... Идентифицированы восемнадцать районов на пяти планетах.

Для семнадцати, относящихся к четырем мирам, суммарная вероятность составляет три процента. Для одного района на пятой планете вероятность достигает восьмидесяти семи процентов, что в данном случае равнозначно почти безошибочному выводу. Господин Пардеро! Я не знаю вашего настоящего имени. Но я практически убежден, что вы — рун из Рунических пределов к востоку от Порт-Мара, на Северном континенте планеты Марун, Аластор 933.

Глава 3

В вестибюле, выложенном голубой и белой плиткой, Колодин спросил у Пардеро:
— Получается, что вы — рун. Вам это слово о чем-нибудь говорит? Вызывает какие-то ощущения?

— Нет. Ничего не могу сказать.

— Я так и думал.

К ним присоединился Оллав:

— Пойдемте, познакомимся поближе с вашей планетой. Кольцо прямо под нами, зал 933 — на пятом ярусе. В лифт, господа!

Пока они спускались в прозрачной кабине, Колодин заранее извинялся:

— Кольцо Мирон — одно из немногих учреждений дворца, куда требуется пропуск. Когда-то было не так. Кто угодно мог зайти в зал, посвященный своему миру, и заниматься там любыми безобразиями. Чего только не вытворяли! Писали имена на стенах, вставляли булавки в глобусы, отмечая места рождения, пририсовывали вымышленные ветви к генеалогическим деревьям местных аристократов, подкладывали в архивы непристойные отчеты... В результате мы вынуждены заранее регистрироваться и оставлять расписки при входе.

— Мое удостоверение значительно ускорит процесс, — сухо обронил Оллав.

Покончив с формальностями, служитель провел их к арочному входу под номером 933, открыл замок и распахнул тяжелые двери.

В центре зала над самым полом парил незакрепленный рельефный глобус трехметрового диаметра. Легкое прикосновение заставляло его вращаться в любом направлении.

— Вот ваш Марун! — объявил техник Колодин. — Узнаете? Нет... Я так и думал.

Оллав прикоснулся к глобусу:

— Небольшая плотная планета, не слишком густо населенная. Оттенками коричневого обозначены возвышенности. Заметьте обилие гор и пропастей! Значительная часть суши — труднодоступные нагорья и отрезанные хребтами долины. Оливково-зеленые низины — полярная тундра. Глянцево-голубой металл — водные просторы. Их относительно немного. Обратите внимание также на бескрайние экваториальные болота. Надо полагать, пригодные для жизни районы редки.

Оллав что-то нажал — на глобусе зажглись розовые крапинки:

— Так и есть — население распределено весьма неравномерно. Судя по всему, Порт-Мар — крупнейший город. Но взгляните на другие экспонаты — может быть, что-то вызовет у вас воспоминания, ассоциации...

Пардеро побродил от одной витрины к другой, нагибаясь над застекленными столами с картами и планами, ненадолго задерживаясь у шкафов с муляжами животных и растений, с

образцами изделий, материалов и минералов. В конце концов он обернулся к двум специалистам и спросил довольно-таки упавшим голосом:

— Как далеко до этой планеты?

Колодин подвел его к трехмерному изображению скопления Аластор:

— Мы здесь, на Нуменесе, у ярко-желтой звезды.

Техник нажал кнопку — далеко на краю Скопления зажглось мигающее красное колечко:

— А вот Марун, почти на границе Безвозвратности... Эту цепочку звезд называют «Прядью Фонтинеллы». Брюс-Танзель примерно там, где сходятся линии координатной сетки, видите?

Колодин перешел к другому стереоэкрану:

— Взгляните на модель локальной группы четырех звезд.

Техник нажал кнопку:

— Марун — планета на конце красной стрелки — обращается вокруг оранжевого карлика Фурада, причем довольно быстро, близко к светилу. Зеленая звезда — Цирсе, голубой карлик — Осмо, красный — Маддар. Любопытнейшее положение для населенного мира! Планета, попавшая в сутолоку резвящихся солнц! Маддар и Цирсе вальсируют чуть в стороне вокруг общего центра тяжести, а Фурад с Маруном лениво огибают Осмо. Четыре звезды танцуют сарабанду, балансируя на тонкой Пряди Фонтинеллы!

Колодин прочел вслух надпись на пояснительной табличке:

— На Маруне день и ночь не сменяют друг друга так, как это происходит на большинстве планет. Вместо этого на Маруне чередуются периоды различной освещенности, зависящей от того, какое солнце или какие солнца взошли на небосклон, причем каждому такому периоду присвоено особое наименование. Чаще всего наблюдаются периоды «ауд», «исп», «красный роуэн», «зеленый роуэн» и «умбер». Ночь наступает через неравномерные промежутки времени, определяемые взаимным расположением светил, в среднем примерно раз в год, на Маруне длящийся чуть меньше тридцати ойкуменических суток.

Поверхность планеты преимущественно неблагоприятна для проживания людей, в связи с чем разрозненное и немногочисленное население занимается сельским хозяйством в узкой полосе плодородных предгорий или сосредоточилось в нескольких десятках поселков, а также в единственном крупном городе планеты, Порт-Маре. К востоку от Порт-Мара простираются горные Рунические пределы, где поселились надменные и эксцентричные воины-ученые, руны (их точное число неизвестно). К местной фауне относятся фвай-чи, «псевдоразумные» двуногие аборигены беззлобного нрава. Фвай-чи обитают в высокогорных лесах и защищены от истребления и притеснений как законами, так и местными обычаями. Более подробную информацию см. в каталоге.

Пардеро вернулся к глобусу и скоро нашел Порт-Мар. К востоку от столицы уступами теснились гигантские горные хребты, вершинами устремлявшиеся далеко за границу распространения лесов, далеко за альпийские луга, выше ледников, выше вечно снежных полей — туда, где в разреженной атмосфере уже не выпадали ни дождь, ни снег. По извилистым высокогорным ущельям бурно текли сотни небольших рек, внезапно впадавших в безмятежные озера, в свою очередь переливавшиеся водопадами через края пропастей и порождавшие новый ярус каменистых потоков и зеркальных озер. Крупнейшие долины были поименованы на глобусе: Хаун, Горджетто, Занглорейс, Эккорд, Винтари, Дизбах, Морлюк, Тьюиллин, Шаррод, Рондюс и дюжина других. Названия эти напоминали некий странный, архаический диалект. Пардеро заметил, что ему удивительно легко было их произносить — язык помнил, куда и как повернуться, чтобы произвести тот или иной звук! Когда Колодин, заглянувший ему через плечо, прочел три или четыре названия, Пардеро уже знал, что техник неправильно расставляет ударения — но поправлять не стал.

Оллав окликнул его и указал на фигуры в высокой стеклянной витрине:

— Как вам это нравится?

— Кто это?

— Эйодархальная тризма.

— Что это значит?

— Руническое выражение — я надеялся, что вы, может быть, его вспомните. «Эйодархом» называют владельца высокого ранга, а «тризма» — учреждение, аналогичное бракосочетанию. В приблизительном переводе — «супружеская пара из высшего света», в руническом понимании этих терминов.

Пардеро внимательно разглядел двоих в витрине — высоких, подтянутых людей, темноволосых и светлокожих. На мужчине были темно-красный суконный костюм изощренного покроя, кираса из темных металлических полос и церемониальный шлем из черного металла и черной ткани. Женщина носила наряд попроще — длинное, почти бесформенное серое платье из полупрозрачной кисеи, белые тапочки и свободный черный чепец, оттенявший скульптурно-бледное точеное лицо.

— Типичные руны, — продолжал Оллав. — Целиком и полностью отвергают общепринятые нормы и космополитические веяния. Обратите внимание на позы, на холодное, бесстрастное выражение лиц. Заметьте также, что между женской и мужской одеждой нет ничего общего — бесспорный признак того, что в руническом обществе мужчины и женщины играют разные, скорее всего несовместимые роли. Женщина — загадка для мужчины. Мужчиной, с точки зрения женщины, движут непоследовательные побуждения. Они настолько непохожи, что могли бы принадлежать к различным расам!

Демософист проницательно взглянул на Пардеро:

— Вам они ни о чем не напоминают?

— Мне они не кажутся странными... так же, как человеческий язык не казался странным в Карфонже, хотя я еще ничего не понимал.

— Именно так! — Перейдя к экрану на противоположной стене, Оллав пробежался пальцами по кнопкам:

— Полюбуйтесь на Порт-Мар, в предгорьях Рунических пределов.

Прозвучал негромкий голос диктора за экраном:

— Вы видите Порт-Мар таким, каким его увидел бы пассажир аэромобиля, подлетающего к городу с юга в период ауда, то есть при полном дневном свете, когда взошли Фурад, Маддар, Осмо и Цирсе.

На экране раскинулась панорама небольших, почти утонувших в древесных кронах жилищ из темных тесаных бревен с розовато-бронзовой отделкой из лепного гипса. Крутые скаты крыш соединялись под случайными углами, образуя живописно-беспорядочные сочетания коньков и фронтонов. Во многих случаях от старых домов, подобно кристаллам на кристаллах, отпочковывались добавленные позднее флигели. То и дело встречались заброшенные, полуразвалившиеся строения.

— Эти кварталы, — продолжал диктор, — построены майярами, первопоселенцами Маруна. Чистокровных майяров практически не осталось, их раса вымирает, майярские районы города пустеют. Первоначально планета называлась «Майяр-Рун» в честь двух соперничавших рас. Руны, прибывшие на Марун позже, почти истребили майяров, но после вмешательства Покрова были изгнаны в восточные горы, где им по сей день запрещено иметь лучевое и другое современное боевое оружие.

Камера спустилась и приблизилась к гостинице величественных пропорций. Диктор пояснил:

— «Королевский рунический отель» — единственное заведение, где останавливаются руны, время от времени вынужденные посещать Порт-Мар. Владельцы отеля делают все необходимое для удовлетворения особых, весьма притязательных требований постояльцев.

Камера повернулась к реке — так, чтобы открылась панорама противоположного берега, застроенного более современными зданиями.

— Теперь перед вами Новый город, — говорил диктор. — Расположенный неподалеку Майярский колледж искусств и технологии может похвалиться выдающейся профессурой и почти десятью тысячами студентов, происходящих в основном из Порт-Мара и сельскохозяйственных районов к югу и к западу от столицы. Руны в колледж не поступают.

— Это почему? — спросил Пардеро, повернувшись к демософисту.

— Руны предпочитают свои методы образования.

— Неуживчивый народ!

— Во многих отношениях. Давайте взглянем на Рунические пределы, — Оллав просмотрел предметный указатель. — Сперва я покажу вам одного из автохтонов, так называемых фвай-чи.

Демософист прикоснулся к кнопке — на экране загорелось изображение высокогорного склона, покрытого пятнами подтаявшего снега и редкими черными деревьями с сучковатыми стволами. Камера быстро приблизилась к одному дереву и сфокусировалась на расширенной нижней части морщинистого черно-бурого ствола. Ствол дрогнул, зашевелился. Неуклюже волоча ноги, от него отделилась массивная черно-бурая двуногая фигура, покрытая неопрятными пучками и клочьями лезущей, дрожащей на ветру шерсти. Диктор заговорил:

— Перед вами фвай-чи. Эти существа по-своему разумны, в связи с чем находятся под защитой коннатига. Лохматый ворс, растущий на шкуре фвай-чи — не просто средство маскировки, позволяющее прятаться от снежных медведей. Ворс содержит гормоны, стимулирующие воспроизведение потомства. Время от времени можно наблюдать, как один фвай-чи покусывает ворс другого. Проглоченные таким образом вещества реагируют с почкой на стенке желудка. Оплодотворенная почка развивается, и в желудке вырастает детеныш, в свое время изрыгаемый родителем. Созревший, почти отделившийся от шкуры ворс на других частях тела фвай-чи выполняет иные, часто не менее важные гормональные функции.

Фвай-чи отличаются мирным нравом, но не беззащитны — провоцировать их опасно. Им приписываются нешуточные, хотя и малоизученные парapsихологические способности, и никто не осмеливается их раздражать.

Камера повернулась и плавно спустилась по крутому склону в горную долину. На лугу у реки приютилось селение — полсотни каменных домов. На утесе, обозревавшем долину, высился большой особняк — скорее даже замок. По мнению техника Колодина, этот особняк — или замок — отличался архаичной, излишней изощренностью форм и деталей. Кроме того, пропорции казались чрезмерно стесненными и тяжеловесными, окна-амбразуры — слишком редкими, узкими и высокими. Колодин спросил у Пардеро:

— Что вы об этом думаете?

— Я ничего такого не помню, — Пардеро обхватил голову руками и принялся растирать виски. — Что-то давит, тяжело... Не могу больше смотреть.

— Конечно, нет! — с наигранной веселостью согласился Оллав. — Пойдемте, поднимемся ко мне в кабинет — я налью вам успокаивающей настойки, и замешательство пройдет, поверьте мне.

Возвращаясь в госпиталь коннатига, Пардеро большую часть пути просидел молча. В конце концов он спросил Колодина:

— Когда я смогу отправиться на Марун?

— Когда хотите, — машинально отозвался техник, и тут же добавил тоном человека, уговаривающего капризного ребенка: — Но зачем же торопиться? В госпитале не так уж плохо — вы могли бы отдохнуть еще несколько недель, тщательно подготовиться, составить планы на будущее...

— Я хочу узнать два имени — свое собственное и моего врага.

Колодин моргнул — он недооценил глубину переживаний пациента.

— Возможно, нет никакого врага, — с напускной важностью сказал он. — Ваше состояние может объясняться другими причинами.

Пардеро горько усмехнулся:

— Когда я прибыл на космодром в Карфонже, мои волосы были коротко обстрижены — точнее, меня кто-то наспех оболванил. Мне это обстоятельство казалось загадочным, пока я не увидел манекен руна-эйодарха. Вы заметили его прическу?

— Руны зачесывают волосы прямо назад, без пробора — так, чтобы они не закрывали уши, но спускались с затылка вдоль шеи.

— Таким образом, руна можно опознать по шевелюре?

— Ну... положим, это довольно редкая манера стричься, хотя не слишком причудливая и ни в коем случае не уникальная. Тем не менее, она достаточно необычна, чтобы способствовать удостоверению личности.

Пардеро мрачно кивнул:

— Мой враг хотел, чтобы никто не узнал во мне руна. Для этого он обрезал мне волосы, нарядил меня в идиотский костюм, посадил на звездолет и отправил скитаться по Скоплению, надеясь, что я никогда не вернусь.

— Надо полагать. И все же — казалось бы, проще было бы вас прикончить и выбросить труп в ближайшую канаву. Зачем усложнять себе жизнь?

— Как объяснил Олав, руны убивают только на войне. В любой другой ситуации мысль об убийстве вызывает у них ужас.

Колодин исподтишка наблюдал за Пардеро, неподвижно смотревшим на плывущий внизу пейзаж. Любопытная перемена! За какие-то несколько часов из неосведомленного, растерянного, более или менее беспомощного человека Пардеро превратился в целеустремленную, собранную личность — способную, по мнению Колодина, жестко контролировать страсти, но неспособную ими не руководствоваться. Именно так, по имеющимся сведениям, вели себя руны.

— Допустим, исключительно в качестве гипотезы, что ваш враг существует, — с трудом подбирая слова, сказал Колодин. — Он вас знает, а вы его не помните, что дает ему огромное преимущество. Прибытие в Порт-Мар поставит вас в рискованное положение.

Пардеро возражение техника, казалось, почти позабавило:

— И что же? По-вашему, мне вообще не следует возвращаться? Я подготовлюсь, учитывая риск.

— Как же вы подготовитесь?

— Прежде всего как можно больше узнаю о рунах.

— Само собой, — кивнул Колодин. — Необходимые сведения можно получить в девятьсот тридцать третьем кабинете Кольца Миров. И что дальше?

— Я еще не решил.

Чувствуя, что собеседник уклоняется от прямого ответа, Колодин поджал губы:

— Законы коннатига недвусмысленны. Рунам не позволено иметь лучевое оружие и управлять воздушным транспортом.

Пардеро ухмыльнулся:

— Пока моя личность не установлена, я еще не рун!

— Если подходить к этому вопросу формально... пожалуй, вы правы, — осторожно признал Колодин.

Через четыре с лишним недели Колодин сопровождал Пардеро на центральный космодром в Коммарисе. Они решили пройтись пешком по взлетному полю и остановились, чтобы попрощаться, у трапа «Диласского экстранюансора».

— Скорее всего, я вас больше никогда не увижу, — сказал Колодин. — Очень хотелось бы знать, чем закончатся ваши поиски истины, но на это, конечно, мало надежды.

Пардеро ответил нарочито бесстрастно:

— Благодарю вас за помощь — и за личное расположение, выходящее за рамки профессиональных обязанностей.

Техник Колодин подумал:

— В устах руна — пусть даже руна, впавшего в беспамятство — такая формулировка почти равносильна бурному изъятию чувств.

Вслух он выразился гораздо тактичнее:

— Месяц тому назад вы намекнули, что вам могло бы пригодиться оружие. Вы успели его приобрести?

— Нет. С этим придется подождать. До тех пор, пока всевидящее око коннатига не окажется достаточно далеко, если можно так выразиться.

Украдкой поглядывая по сторонам, Колодин опустил в карман Пардеро небольшую картонную коробку:

— Теперь у вас под рукой «Головокол» модели «Г-дис». Инструкции в упаковке. Позаботьтесь, чтобы он никому не попался на глаза — закон есть закон. Что ж, прощайте, счастливого пути! Свяжитесь со мной как-нибудь, если это не будет слишком трудно.

— Еще раз спасибо! — Пардеро сжал плечи Колодина обеими руками, отвернулся и вошел по трапу.

Колодин вернулся в здание вокзала и поднялся в лифте на смотровую площадку. Через полчаса он увидел, как черный звездолет с красными и золотыми обводами поднялся в воздух и скоро исчез в небесной синеве Нуменеса.

Глава 4

В течение месяца перед отлетом Пардеро почти ежедневно проводил несколько часов в кабинете № 933 Кольца Миров. Иногда техник Колодин составлял ему компанию. Освен Оллав тоже нередко спускался из Антропологического колледжа, чтобы обсудить те или иные маловразумительные привычки и обычаи рунов. Демософист настоял на том, чтобы Пардеро выучил наизусть следующую таблицу:

	ФУРАД	ОСМО	МАДДАР	ЦИРСЕ
АУД	+	+	+ или —	+ или —
СЕМИ-АУД	+	+		
ИСП		+	+	+ или —
ПРОХЛАДНЫЙ ИСП		+		
УМБЕР	+		+ или —	+ или —
ОДИНОКИЙ УМБЕР	+			
РОУЭН			+	+
КРАСНЫЙ РОУЭН			+	
ЗЕЛЕНый РОУЭН				+
МЕРК				

— Таблица отражает типичные условия освещенности¹ на Маруне. В зависимости от них радикально меняется характер пейзажа. Разумеется, они влияют и на характер поведения обитателей планеты, в особенности рунов, — бас демософиста звучал с педантичной мягкостью, хотя он отчеканивал слова как меняла, складывающий монеты столбиком. — Жителей Порт-Мара трудно обвинить в чрезмерной широте взглядов или изощренности вкусов. Тем не менее, руны считают столицу средоточием искушений и суеты, бесстыдного поглощения пищи, бесхарактерности и вседозволенности, животного разврата — вообще всего того, что руны называют «себализмом».

¹ Эти варианты распознаются горожанами Порт-Мара. И у майяров, и у рунов есть особые наименования для каждого из возможных сочетаний светил.

Чередование периодов освещенности усложняется суточным вращением Маруна вокруг своей оси, годовым обращением Маруна вокруг Фурада, взаимным обращением Фурада и Осмо, а также орбитальными перемещениями Маддара и Цирсе по отношению друг к другу и, совместно, вокруг системы Фурада и Осмо. При этом плоскости орбит всех этих систем не совпадают.

Фвай-чи, не имеющие никаких представлений об астрономии, способны, однако, безошибочно предсказывать, какое сочетание светил будет иметь место по прошествии любого произвольно выбранного срока.

В Старом городе Порт-Мара изредка встречаются отщепенцы — молодые руны, восставшие против древних обычаев или изгнанные за нарушение таковых. Ожесточенные и подавленные, они влачат жалкое существование, обвиняя родителей в том, что те не позаботились обеспечить им приличное образование и не уделяли им достаточного внимания. В какой-то мере это верно — руны убеждены, что их предписания самоочевидны даже для несмышленных младенцев, в то время как ни на одной планете Скопления нет более произвольного набора условностей, определяющих социальные отношения. Например, процесс поглощения пищи считается не менее неприличным, чем процесс выделения отходов пищеварения — руны едят в полном одиночестве или, если уединение невозможно, скрываются за ширмами. От ребенка ожидается автоматическое восприятие этой точки зрения и других рунических заповедей. Руны-родители полагают, что в их отпрысках должны естественным образом проявляться свойственные предкам наклонности к приобретению и настойчивому совершенствованию редких непрактичных навыков, а также к подавлению в себе себалистических позывов.

Пардеро поежился:

— Вы уже не впервые употребляете этот термин. Я его не понимаю.

— Себализм — особое руническое представление о сексуальности, связанное с ощущением сильнейшего отвращения. Вы спросите: как, в таком случае, руны производят потомство? Самым невероятным образом. Они нашли изящное, изобретательное решение проблемы. Когда заходят все солнца и наступает мерк, в рунах происходит любопытнейшее превращение. Если хотите, я остановлюсь на этом явлении подробно — но запаситесь терпением, ибо вопрос о ночном преображении рунов заслуживает самого пристального внимания!

Примерно раз в месяц, когда на Маруне сгущаются сумерки, рунов охватывает странное возбуждение. Одни запираются в домах, другие наряжаются в причудливые костюмы и с наступлением темноты рыщут по окрестностям, совершая самые неожиданные поступки.

В предгорьях к югу от Порт-Мара сохранилась «затерянная» община майяров, численностью около десяти тысяч человек — упадочная, вырождающаяся, постепенно вымирающая. Жизнь последних представителей некогда процветавшей расы рабски подчинена режимам освещенности. Настроения, диета, манера одеваться и характер деятельности майяров меняются в зависимости от восхода и захода каждого из четырех солнц. С наступлением мерка майяры запираются в хижинах, зажигают лампы и распевают заклинания, призванные избавить их от гоблина Галулы, калечащего и потрошащего всех, кого темнота настигает под открытым небом. Некая тварь с повадками Галулы действительно существует, но ее видовую принадлежность не удастся установить ввиду отсутствия желающих вести наблюдения.

Руны, настолько же гордые и компетентные, насколько майяры деморализованы и суеверны, тоже в высшей степени подвержены влиянию периодов освещенности. Поведение, приличествующее рунам при одном сочетании солнц, может считаться абсурдным или вульгарным при другом. Руны повышают уровень образования и оттачивают индивидуальные навыки в периоды ауда, испа и умбера. Торжественные обряды — в том числе достопримечательная «церемония ароматических вдохновений» — отправляются, как правило, во время испа. Следует отметить, что музыку руны считают излишне эмоциональным видом искусства, стимулирующим непристойное поведение. В Рунических пределах профессия музыканта, как таковая, не существует.

Ауд — подходящее время для битв, дуэлей, судебных тяжб и сбора арендной платы. Зеленый роуэн — пора поэтических декламаций и сентиментальных вздохов. В часы красного роуэна руны позволяют себе несколько расслабиться и отступить от строжайших правил этикета. Мужчина может пригубить вина в компании других мужчин — при этом каждый, разумеется, пользуется скромной ширмой. Женщины в своем кругу, сходным образом, пробуют настойки и коньяки. Прохладный исп наполняет руна возвышенным аскетическим воодушевлением, безусловно преобладающим над такими более низменными страстями, как любовь, ненависть, ревность или алчность. Ведутся приглушенные беседы на архаическом диалекте, планируются отважные предприятия, принимаются галантные присяги, предлагаются и утверждаются планы свершения славных подвигов, причем многие из них осуществляются — и заносятся в Книги Деяний.

Местный владетель, олицетворение незыблемых моральных устоев, избивает и грабит арендатора. Солидная, благоразумная матрона без оглядки предается немыслимым порочным извращениям. Каждый, кто не укрылся за семью замками, может — и хочет — стать жертвой безумной выходки. Загадочное противоречие! Как согласовать такое поведение со строжайшим этикетом, соблюдаемым после восхода солнц? Никто и не пытается их согласовывать. Ночные деяния считаются стихийными бедствиями, чем-то вроде кошмаров — за них никто не отвечает. Мерк — пора химерических видений наяву. Все, что происходит ночью, нереально. Виновников нет и не может быть.

Во мраке мерка себализм не знает границ. Фактически половые акты совершаются только в качестве ночных деяний и только под личиной изнасилования. Брак — так называемая «тризма» — не заключается по любви или с целью продолжения рода. Скорее это своего рода экономический или политический союз, взаимовыгодная сделка заинтересованных сторон. Если супруги и встречаются в постели, то исключительно под покровом ночи и строжайшей тайны, а зачатие, по меньшей мере формально, рассматривается как результат насилия. При этом мужчина надевает черную накидку, покрывающую плечи, предплечья и верхнюю часть груди, а также высокие сапоги-чулки из черной материи. На голове у него шлем с прячущей лицо маской. Его торс обнажен. Он выглядит нарочито карикатурно — утрированный символ мужской сексуальности. Безличность насильника в ночном костюме максимально усиливает ощущение горячечной нереальности происходящего. Мужчина проникает в комнату, где спит — или притворяется спящей — женщина, после чего, в полном молчании, имеет место совокупление. Девственность или ее отсутствие не имеют значения и никогда не обсуждаются. В диалекте рунов нет слов «девственность» и «целомудрие».

Теперь вы понимаете, почему тризму нельзя, по сути дела, уподобить супружеству. Тризметы могут испытывать взаимную привязанность, но ограничиваются, как правило, формальным общением. Интимные отношения между ними редки. Руны занимают просторные индивидуальные помещения, не допускающие тесноты и скученности, что позволяет им не слишком приближаться к тем, кто живет с ними под одной крышей. Никто ни к кому не прикасается намеренно. Профессии, требующие физического контакта с другими людьми — брадобрея, парикмахера, врача, портного — считаются низменными ремеслами, недостойными высокого звания руна. За услугами подобного рода руны обращаются к жителям Порт-Мара. Отец и мать никогда не шлепают и не обнимают детей, руна не придет в голову похлопать друга по плечу или пожать кому-нибудь руку. Даже в разгаре битвы он старается убивать врагов на расстоянии, в связи с чем такое оружие, как мечи, шпаги и кинжалы, играет преимущественно церемониальную роль.

Теперь позвольте мне описать руничный процесс употребления пищи. В тех редких случаях, когда обстоятельства вынуждают руна обедать при посторонних, он закрывает рот салфеткой, а на Маруне использует уникальное приспособление — небольшую ширму на металлической подставке, полностью закрывающую лицо едока. На торжественных приемах и даже во время дружеских встреч не подаются ни блюда, ни закуски. Вместо этого гости наслаждаются разнообразнейшими утонченными ароматами — умение выбирать и производить последовательности запахов считается искусством и высоко ценится.

У рунов нет чувства юмора. Они болезненно чувствительны к оскорблениям — рун никому не позволяет над собой насмехаться и делает все возможное и невозможное, чтобы не оказаться в смешном положении. Даже разговаривая со старым другом, рун внимательно следит за тем, чтобы не наступить ему на любимую мозоль — фигурально выражаясь, разумеется. Сложный, разработанный в мельчайших подробностях этикет помогает рунам справляться с напряжениями и трениями, неизбежно возникающими при общении и взаимодействии многих людей. Короче говоря, возникает впечатление, что руны отказывают

себе во всех обычных человеческих радостях. Что заменяет им низменные удовольствия простых смертных?

Прежде всего, рунов глубоко волнуют, вдохновляют и стимулируют пейзажи — горы, луга, леса и небо, меняющиеся с чередованием периодов освещенности. Стоимость земли в Рунических пределах зависит от ее эстетической ценности — рун способен всю жизнь изобретать уловки, плести интриги и даже составлять заговоры, чтобы приобрести несколько отборных участков. Рун наслаждается пышностью обрядов и церемоний, неукоснительным соблюдением протоколов, геральдическими деталями. Его манеры, умение себя вести оцениваются окружающими со строгостью балетмейстера, следящего за танцевальными па прима-балерины. Рун гордится коллекцией перламутровой чешуи шерлиkenов, изумрудами, добытыми, ограненными и отшлифованными им самим, аррахскими магическими колесами, привезенными с другого конца Ойкумены. Рун способен десятилетиями предаваться одному, двум или трем глубокомысленным, малопонятным увлечениям — например, изучает специализированную область математики, мертвый язык и традиционную символику фанфарных приветствий. Каждый рун — прирожденный каллиграф и рисовальщик. Дело всей его жизни — составление Книги Деяний, пополняемой, иллюстрируемой и украшаемой с лихорадочной энергией и фанатическим прилежанием. Изредка такие книги предлагаются на рынке и попадают в руки богатых коллекционеров — на планетах Ойкумены за них платят сумасшедшие деньги.

У руна скверный характер, с ним трудно найти общий язык. Щепетильность и раздражительность заставляют его вести себя отстраненно и вызывающе, он презирает все расы, кроме своей. Рун эгоцентричен, заносчив, склонен к осуждению и неприятию.

К женщинам все сказанное относится в той же степени, что и к мужчинам, хотя, разумеется, я говорю о типичных рунах. Нельзя забывать, что среди рунов, как и в любом другом народе, встречаются самые разные индивидуальности.

Недостатки рунов уравниваются их достоинствами — благородством в лучшем понимании этого слова, мужеством, честью, нередко интеллектом потрясающей глубины и проницательности. Опять же, однако, в каждом конкретном случае эти качества могут проявляться по-разному.

Любой рун, владеющий землей, считает себя аристократом. Иерархические титулы зависят от обширности владений. Высшее звание — кайарх, за ним следуют канг, эйодарх, барон, баронет, рыцарь и сквайр. Фвай-чи освободили Рунические пределы, но все еще периодически пересекают их, совершая паломничества по высокогорным лугам и лесам. Руны и автохтоны не вступают в какие-либо отношения.

Естественно, в среде гордых и отважных воинов-ученых, страстно стремящихся к приобретению новых земельных угодий, рано или поздно возникают конфликты. Второй марунский эдикт коннати́га, запрещающий ввоз лучевого оружия, не позволяет рунам вести широкомасштабные военные действия. Но вылазки и набеги совершаются постоянно, наследственная вражда длится тысячелетиями. На войне руны руководствуются двумя непреложными правилами. Во-первых, один рун не имеет права нападать на другого, если тот занимает более высокое иерархическое положение. Во-вторых, так как кровопролитие в рукопашной схватке психологически относится к разряду ночных безумств, руны убивают врагов на расстоянии, применяя фугасные металлические стрелы. Лишь отдельные аристократы демонстрируют особую стойкость и силу духа, сражаясь мечами. Рядовой рун, однако, не может смотреть в лицо другому человеку и убить его, ибо невыносимое воспоминание навсегда лишит его покоя — если убийство не совершено во мраке мерка, в каком случае память становится не более чем впечатлением, оставшимся от ночного кошмара. Но даже после захода солнца допускается только импровизированное убийство в состоянии аффекта. Преднамеренное убийство под покровом мерка — отвратительное преступление.

Пардеро кивнул:

— Теперь понятно, почему враг отправил меня на Брюс-Танзель вместо того, чтобы выбросить мой труп в канаву.

— Есть еще одно соображение, удерживающее рунов от убийства — на Маруне убийца не остается безнаказанным. Фвай-чи каким-то образом распознают преступника, еще никому не удалось их обмануть. Говорят, им достаточно попробовать кровь убитого, чтобы восстановить все обстоятельства его смерти.

Вечером того же дня Пардеро и Колодин решили не возвращаться в госпиталь, а переночевать в туристических номерах на одном из нижних ярусов дворца коннатига. Колодин пошел позвонить по видеофону и вернулся с полоской бумаги. Вручив ее Пардеро, техник сказал:

— Результаты запроса. Я поинтересовался: какой космический корабль, вылетевший из Порт-Мара, мог доставить вас в Карфонж десятого мариэля? Компьютер диспетчерского центра указал соответствующий рейс и дату. Второго ферария по ойкуменическому календарю из Порт-Мара отправился звездолет «Берениция» компании «Красное и черное», делавший остановку на Брюс-Танзеле. Более чем вероятно, что вы находились на борту этого корабля.

Пардеро засунул бумажку в карман:

— Еще вопрос: как я заплачу за проезд до Маруна? У меня нет денег.

Техник Колодин щедро развел руками:

— Никаких проблем. К сумме, выделенной на ваше лечение, именно с этой целью добавлена тысяча озолей. Что еще вас беспокоит?

Пардеро усмехнулся:

— Все мое будущее и все мое прошлое.

— По крайней мере скучать вам не придется, — усмехнулся в ответ Колодин.

«Диласский экстранюансор» промчался сквозь созвездие Пентаграммы, обогнул Диадему Единорога и приземлился на Дзамбаре, Аластор 1317. Здесь Пардеро пересел в лайнер компании «Красное и черное», заходивший в несколько малоизвестных портов на малонаселенных планетах Пряди Фонтинеллы. В конце концов в иллюминаторах показалась солнечная система четырех карликов — оранжевого, голубого, красного и зеленого.

Марун, Аластор 933, приближался и ширился — шар с темноватой изрытой поверхностью, местами проглядывавшей в разрывах между лохматыми грядками и спиралями облаков. Корабль опустился на космодром Порт-Мара. Пардеро вышел вслед за дюжиной других пассажиров, отдал контролеру последний отрывной купон билета, прошел через зал ожидания и оказался под небом Маруна.

Исп начался уже давно — ослепительно-голубой Осмо сиял высоко в южной части небосклона, Маддар стоял в зените, Цирсе выглядывал над северо-восточным горизонтом. Свет казался холодноватым, но благодаря Маддару и Цирсе цвета обогащались красными и зелеными оттенками. Предметы отбрасывали тройные тени неравномерной интенсивности и длины.

Остановившись у здания космического вокзала, Пардеро обвел взглядом открывшуюся панораму, поднял лицо к небу, глубоко вдохнул, выдохнул. В отличие от гниловато-влажного воздуха Брюс-Танзеля и теплой, напоенной ароматами цветов и моря атмосферы Нуменеса, на Маруне дул свежий прохладный ветерок с заметным терпким привкусом. Солнца, потихоньку расползавшиеся в разных направлениях, неброские цвета и вкус воздуха восполняли некую недостачу ощущений — прежде Пардеро ее не замечал или воспринимал как должное. В полутора километрах к западу отчетливо выделялись на фоне

облаков строения Порт-Мара, за ними спускались обширные предгорья. Вид казался знакомым. Пардеро не знал, чем объяснялось ощущение привычности — изучением изображений в кабинете № 933 Кольца Миров? Пробуждавшимися впечатлениями прошлого? И тем, и другим? На востоке земля вздымалась гигантскими волнами — выглядывая один из-за другого, хребты возносились в пугающую заоблачную высь. Под окольцованными снегом пиками и туманно-серыми языками осыпей темнели мягкие покрывала почти черных лесов. Столкновение света с массой создавало разнородные формы и тени. Прозрачность воздуха, заполнявшего пространства, казалась почти осязаемой.

Автобус, ожидавший прибывших, нетерпеливо загудел. Пардеро медленно поднялся в салон, и автобус покатился в город по проспекту Чужеземцев.

Кондуктор объявил маршрут:

— Первая остановка — гостиница «Приют путешественника», следующая — отель «Интерпланеталь». Третья остановка — «Королевский рунический отель». Потом по мосту в Новый город, к гостинице «Кассандер». Конечная — общежитие колледжа.

Пардеро решил остановиться в отеле «Интерпланеталь», производившем впечатление достаточно большого безразлично-стандартного заведения. Чувство неизбежности развязки висело в воздухе — настолько острое, что врага Пардеро тоже, наверное, охватила неизъяснимая подавленность.

Оказавшись в просторном вестибюле «Интерпланеталья», Пардеро настороженно озираясь, но видел вокруг только приезжих инопланетян, не обращавших на него внимания. Персонал отеля тоже никак не реагировал на его прибытие. «Тем лучше!» — подумал Пардеро.

Зайдя в обеденный зал, Пардеро заказал суп и хлеб с мясом — не столько потому, что проголодался, сколько для того, чтобы успокоиться и сосредоточиться. Погрузившись в размышления о ближайшем будущем, он не торопился вставать из-за стола. Нужно было создавать как можно меньше возмущений, способных предупредить врага, действовать осторожно, деликатно, прослеживая нити самых незначительных улик и мало-помалу продвигаясь к средоточию паутины зла.

Покинув отель, Пардеро прогулялся по проспекту Чужеземцев обратно к сверкавшему зеленым стеклянным куполом комическому вокзалу. Пока он шел, Осмо опускался все ниже и наконец исчез за силуэтами строений Порт-Мара. Исп сменился роуэном — Цирсе и Маддар еще сияли высоко в небе, наполняя воздух чуть дымчатым, мягким и теплым светом.

Вернувшись на вокзал, Пардеро направился к конторке справочного бюро. Его приветствовал низкорослый корпулентный служащий, чьи золотистые глаза и красновато-коричневая кожа свидетельствовали о принадлежности к высокой касте майяров — тех самых, что жили в домах из бревен и лепного гипса на склонах холмов в предместьях Старого города.

— Чем могу служить, сударь?

Было совершенно очевидно, что майяр не узнавал Пардеро или никогда с ним не встречался.

— Может быть, вы сумеете предоставить мне кое-какие сведения, — сказал Пардеро. — Второго ферария — или примерно в это время — я отправился в поездку на звездолете «Берениция» компании «Красное и черное». По пути один из пассажиров просил меня оказать ему небольшую услугу, но, к сожалению, выполнить его просьбу не удалось. Мне следовало бы сообщить ему об этом, но я забыл, как его зовут, и хотел бы взглянуть на соответствующий список пассажиров.

— Нет ничего проще, достаточно просмотреть записи.

Зажегся экран, служащий повернул круглую ручку — по экрану промелькнули сотни строк, заполненных именами и цифрами.

— Вот второе ферария. Так точно, сударь. После прибытия «Берениции» на борт взошли восемь пассажиров.

Пардеро внимательно просмотрел список:

— Почему одни имена в одном столбце, а другие — в другом?

— По указу Демографического института, измеряющего плотность движения между мирами. В этом столбце — инопланетяне, делавшие пересадку в Порт-Маре. А здесь — как видите, только двое — пассажиры, начинавшие поездку на Маруне, то есть местные жители.

— Мой попутчик — один из этих двоих. Кто из них взял билет до Брюс-Танзеля?

Толстяк-майяр, несколько озадаченный, наклонился к экрану:

— Никто. Барон Шимрод летел на Кзампиас. Высокородный Сэрле Глэйз отправился странствовать с открытым билетом.

— Как это понимать?

— Желающим предлагают открытые билеты без указания пункта назначения, позволяющие делать любые пересадки до тех пор, пока не будет исчерпана уплаченная вперед сумма, после чего турист может продолжать путешествие или вернуться, по своему усмотрению, внеся дополнительную плату.

— Как далеко мог улететь Сэрле Глэйз, пользуясь открытым билетом? Хватило бы уплаченных им денег до Брюс-Танзеля?

— «Берениция» не заходит на Брюс-Танзель, но давайте посчитаем... Сто сорок восемь озолей до транспортного узла на Дадарниссе... Оттуда до Брюс-Танзеля еще сто два озоля... Совершенно верно. Заметьте, что благородный Сэрле Глэйз приобрел открытый билет за двести пятьдесят озолей, то есть его как раз хватило бы до Брюс-Танзеля.

— Итак, моего попутчика звали Сэрле Глэйз, — Пардеро повторил в уме незнакомое имя. Оно ни о чем не напоминало, не вызывало никаких ассоциаций. Пардеро положил на конторку пару озолей. Слегка поклонившись, служащий с достоинством принял монеты.

Пардеро спросил:

— Кто продал билет Сэрле Глэйзу?

— Запись помечена инициалом «Я». Значит, билет выдал Янек — он работает в следующую смену.

— Не могли бы вы позвонить Янеку и спросить, не помнит ли он обстоятельства продажи билета? За существенную информацию я заплачу пять озолей.

Низенький майяр изучающе покосился на клиента:

— Какого рода информацию вы считаете существенной?

— Сомневаюсь в том, что Сэрле Глэйз сам заплатил за билет. Его должен был сопровождать другой человек. Я хотел бы установить личность этого человека.

Служащий подошел к телефону и стал тихо говорить в трубку, то и дело поглядывая на Пардеро. Разговор затянулся. В конце концов толстяк вернулся к конторке, слегка обескураженный:

— Янек почти ничего не помнит. У него осталось впечатление, что за билет платил субъект в черном руническом плаще и в сером шлеме с забралом и нащечными щитками. Таким образом, Янек не мог разглядеть лицо. Дело было в час пик, выстроилась длинная очередь, Янек торопился. Больше ничего нельзя сказать.

— Этих сведений недостаточно, — ворчливо отозвался Пардеро. — Работает ли тут кто-нибудь, у кого можно узнать дополнительные подробности?

— Не думаю, сударь. Кто, кроме кассира, мог видеть покупателя?

— Что поделаешь! — Пардеро отсчитал еще пару озолей. — Это вам за то, что согласились мне помочь.

— Благодарю вас, сударь. Позвольте высказать одно предположение. Руны, посещающие Порт-Мар, все без исключения, останавливаются в «Королевском руническом отеле». Имейте в виду, однако, что персонал этого отеля не проявляет готовности делиться информацией о постояльцах.

— Спасибо, я учту ваши замечания.

— Разве вы сами — не рун, сударь?

— В каком-то смысле рун, вы правы.

Беззвучно усмехнувшись, толстяк кивнул:

— Кто-нибудь другой обознался бы, но коренного майяра рун не проведет. О нет, только не майяра...

Пардеро в задумчивости возвращался по проспекту Чужеземцев. Результаты хитроумных расчетов старшего техника Рейди и социопсихологических исследований демософиста Оллава подтвердились. Тем не менее, какое таинственное чутье позволило майяру распознать в нем руна? Характерных примет у него не было, бледность кожи почти исчезла под солнцем Нуменеса, одежда и прическа, достаточно типичные по космополитическим понятиям, ни о чем не говорили. Короче говоря, Пардеро практически ничем не отличался от любого другого постояльца отеля «Интерпланеталь». Приходилось допустить, что он выдал себя бессознательными интонациями и жестами — возможно, от руна в нем осталось больше, чем он предполагал.

Проспект Чужеземцев кончался у реки. Пока Пардеро шел по набережной к мосту, красноватый Маддар, склонявшийся к горизонту, утонул в западных низинах. Но Цирсе еще поднимался к зениту — наступил зеленый роуэн. Речные воды струились, мерцая зелеными отблесками, беленые стены Нового города приобрели бледный яблочно-зеленый оттенок. Вдоль набережных зажглись гирлянды огней, украшавшие ограды развлекательных заведений — пивных садов, танцевальных павильонов, ресторанов под открытым небом. Капризная быстротечность, бездумная вульгарность городской жизни заставили Пардеро раздраженно нахмуриться, но он тут же презрительно хмыкнул, удивившись самому себе. Неужели ему удалось застать врасплох ростки рунических предрассудков, тайком проникнувшие сквозь занавес беспамятства?

Повернув в узкую улицу Бронзовых Шкатулок, криво поднимавшуюся по склону холма, Пардеро оказался среди старинных построек из почерневших бревен. Фасады лавок, с парами высоких узких витрин и окованными медью дверями, мало отличались один от другого. Видневшиеся за толстыми стеклами предметы лишь ненавязчиво намекали на характер товаров, словно каждый лавочник стремился превзойти соседей сдержанностью.

Улица Бронзовых Шкатулок кончалась небольшой полутемной площадью под навесом, окруженной антикварными лавками, книжными магазинами и прочими заведениями, предлагавшими экзотические материалы и специализированные инструменты. Здесь Пардеро впервые увидел рунов, переходивших от прилавка к прилавку, подолгу изучавших товары и время от времени пояснявших свои пожелания торговцам-майярам безразлично-легкими движениями пальцев. Никто из них даже не взглянул в сторону Пардеро, что вызвало у него странное смешанное чувство досады и удовлетворения.

Пардеро пересек площадь и повернул вверх по проспекту Черных Джангкаров к остроконечной арке, пробитой в каменной стене. Пройдя под аркой, он приблизился к «Королевскому руническому отелю» и остановился перед входом. Переступить порог значило окончательно отрезать путь к отступлению. С этого момента последствия возвращения на Марун становились необратимыми.

Высокие двери распахнулись — из отеля вышли двое мужчин и женщина. На мужчинах были опоясанные темно-красными кушаками бежевые с черным наряды одинакового покроя, наподобие военных униформ. Женщина, ростом почти не уступавшая спутникам, одела синевато-серый брючный костюм в обтяжку с иссиня-черной накидкой, спускавшейся на спину с черных эполет. Такая манера одеваться считалась подходящей для женщин из Рунических пределов, посещавших Порт-Мар, где формальное кисейное платье выглядело бы неподобающе. Трое прошествовали мимо Пардеро, смерив его мимолетными взглядами. Незнакомцы не пробудили в Пардеро ни малейшего воспоминания — что не удивительно, так как на планете насчитывалось больше ста тысяч рунов.

Раздвинув высокие двери с резьбой в мрачноватом руническом стиле, Пардеро вступил в вестибюль — огромное помещение с высоким потолком, где звуки разносились многократным эхо над выложенным желтовато-коричневой и черной плиткой полом без дорожек и ковров. Кресла, однако, были обиты кожей. Посреди вестибюля бросался в глаза широкий стол с аккуратно разложенными техническими журналами, а на стеллажах у внутренней стены теснились брошюры, рекламировавшие приборы, химикаты, ремесленные инструменты и материалы, различные сорта бумаги и чернил, редкие породы дерева и камня. Фойе соединялось с регистратурой отеля высокой узкой аркой между двумя каннелированными колоннами зеленого камня. Наскоро осмотревшись, Пардеро прошел под аркой.

Навстречу из-за конторки поднялся пожилой регистратор. Несмотря на почтенный возраст, обширную лысину и тройной подбородок, служащий проявлял бдительность и пунктуальность. Мгновенно оценив внешность, одежду и походку Пардеро, регистратор отвесил поклон с точно рассчитанной небрежной почтительностью:

— Чем могу служить, сударь?

Пока он говорил, однако, на его лице уже отразилась некоторая нерешительность.

— Несколько месяцев тому назад, — сказал Пардеро, — точнее говоря, примерно первого ферария, я останавливался в вашем отеле, и теперь хотел бы освежить воспоминания. Не будете ли вы так добры показать мне записи, относящиеся к этой дате?

— Как вам будет угодно, ваше достоинство¹, — служащий снова украдкой покосился на Пардеро, и его манера поведения претерпела дальнейшие изменения: теперь регистратор в чем-то сомневался, испытывая некоторое беспокойство, даже тревогу. Старик с усилием нагнулся — Пардеро послышалось, что затрещали ревматические позвонки — и взгромоздил на прилавок переплетенную кожей гостевую книгу. Раскрыв увесистый том привычно-почтительным жестом, регистратор стал перелистывать одну за одной желтоватые страницы с пестрящими разноцветными обозначениями планами расположения номеров и прочих помещений отеля:

— Вот, ваше достоинство, записи за первое ферария. Если вы благосклонно предоставите дальнейшие указания, я готов оказать вам содействие.

Пардеро попробовал прочесть записи, но не мог сразу разобраться в архаической каллиграфии.

Регистратор продолжал тоном, выражавшим полное понимание трудностей, связанных с соблюдением утонченных правил обращения с конфиденциальной информацией:

— На протяжении упомянутого вами периода времени у нас оставалось достаточно много свободных номеров. Во флигеле «Непритворной учтивости» мы принимали нескольких высокородных тризметов². Вы можете заметить, что их номера обозначены соответ-

¹ «Ваше достоинство» — обращение, применимое почти в любой ситуации, но более уважительное, нежели просто «сударь». Так принято обращаться к рунам, чей статус невозможно определить с первого взгляда.

² Тризмет — лицо, входящее в группу, объединенную «тризмой» (руническим эквивалентом бракосочетания). Тризму могут составлять, помимо мужчины и женщины, дети женщины (причем муж-

вующим образом. В номерах «Для благородных гостей» нашими услугами пользовались эйодарх Торд и вирховесса Ипполита. Апартаменты «Горняя» высь занимали кайарх Рианле Эккордский, крайке Дервас и лиссолет Маэрио. В апартаментах «Гиперион» соблаговолили отдыхать кайарх Йохайм Шарродский — да упокоится мятежный дух его! — и с ним крайке Сингалисса, канги Эфраим и Дестиан и лиссолет Стелани.

Подняв голову, регистратор расплылся в дрожащей от неуверенности улыбке:

— Разве я не имею честь обращаться к его могуществу, новому кайарху Шарродскому?

Чтобы не растеряться, Пардеро придал голосу многозначительность:

— Так вы меня узнали?

— Да, ваше могущество — теперь, когда мы беседуем лицом к лицу, не мог не узнать!

Должен признаться, я в замешательстве — ваша внешность изменилась непостижимым образом. Если можно так выразиться, вы производите впечатление человека возмужавшего, более невозмутимого — и, конечно же, чужеземный наряд подчеркивает перемену... Но не мог же я ошибиться!

Охваченный внезапным сомнением, старик прищурился:

— Ведь я не обознался, ваше могущество?

Пардеро холодно улыбнулся:

— Могли бы вы удостоверить мою личность без моего подтверждения?

Регистратор подавил удивленный взглас. Что-то бормоча себе под нос, он выложил на конторку еще один том в кожаном переплете, раза в два толще гостевой книги. С укоризной поглядывая на Пардеро, он принялся листать бледно-коричневатые пергаментные страницы.

Пардеро спросил:

— А это что за книга?

Рука старого служащего застыла — серые уголки его бескровных губ недоверчиво опустились:

— Перед вами «Большой рунический альманах». Вы им никогда не пользовались?

Пардеро отделался ничего не значащим сухим кивком:

— Покажите мне лиц, занимавших апартаменты «Гиперион».

— Ваше непреодолимое могущество! Я как раз собирался это сделать.

Регистратор снова занялся перелистыванием страниц. С левой стороны в «Руническом альманахе» изображались пирамидальные иерархические схемы и генеалогические деревья, расцвеченные чернилами всевозможных оттенков и связанные ветвящимися линиями со ссылками на другие страницы. Справа, в строгом соответствии со схемами, теснились фотографии — тысячи имен, тысячи лиц. Регистратор переворачивал листы с медлительностью, неимоверно раздражавшей Пардеро. Наконец старик остановился, чуть задумался, постучал пальцем по раскрытой книге:

— Родословная шарродских кайархов.

Пардеро потерял терпение. Повернув альманах к себе, он стал внимательно изучать фотографии.

С середины правой страницы на него смотрело открытое лицо пожилого, еще далеко не старого человека со светлыми, начинающими седеть волосами — угловатое и суровое, лицо это позволяло предположить сложность и противоречивость характера. Высокий лоб мог принадлежать ученому, но широкому рту с привычно сжатыми губами, казалось, стоило большого труда соблюдать приличия и не смеяться. Под фотографией значилось:

чина может быть или не быть их отцом). Понятие «семьи» отличается от понятия «тризмы» целым рядом формальных несоответствий и неприменимых подразумеваемых допущений. В связи с тем, что происхождение по отцу часто не поддается определению, общественный ранг и статус наследуются от матери.

— Йохайм из рода Бен-Буфаров, семьдесят девятый кайарх.

Зеленая линия соединяла Йохайма с неподвижным лицом женщины, хранившим неизъяснимое выражение. Подпись гласила: «Альферики из рода Джентов». Толстая краснокоричневая черта соединяла ее фотографию с изображением неулыбчивого юноши — в нем Пардеро узнал самого себя. Подпись гласила: «Эфраим из рода Бен-Буфаров, наследный канг».

«По меньшей мере теперь я знаю, как меня зовут!» — подумал Пардеро. — Я — Эфраим. Я был кангом, теперь я кайарх — высокопоставленный владетель. Подняв глаза на регистратора, он застал старика врасплох — тот не сводил с посетителя проницательных глаз.

— Вы напрасно любопытствуете, — заметил Эфраим. — Здесь нет никакой тайны. Я путешествовал по другим мирам и только что вернулся. Я ничего не знаю о происходившем в мое отсутствие. Кайарх Йохайм умер?

— О да, ваше могущество. Насколько мне известно, в Шарроде царят неопределенность и замешательство. Ваше исчезновение вызывает сильнейшее беспокойство, так как теперь вы, разумеется — восьмидесятый кайарх, а допустимый срок облачения уже почти истек.

Эфраим медленно кивнул:

— Так-так. Значит, я — кайарх Шарродский.

Он вернулся к изучению альманаха, стараясь не замечать зачарованный взгляд регистратора.

С той же страницы альманаха смотрели еще три лица. Вторая зеленая линия соединяла Йохайма с портретом привлекательной темноволосой женщины с бледным высоким лбом, горящими черными глазами и заостренным тонким носом с горбинкой. Согласно подписи, ее звали «крайке Сингалисса». Сингалиссу две оранжево-красные черты связывали с кангом Дестианом — темноволосым молодым человеком, унаследовавшим орлиный нос матери, и задумчивой темноволосой бледной девушкой, печально кривившей губы. Эфраим не мог не заметить, что девушка отличалась редкостной красотой. В альманахе она значилась как «лиссолет Стелани».

Стараясь придать голосу самое обыденное выражение, Эфраим спросил:

— Вы можете что-нибудь рассказать о нашем последнем посещении Порт-Мара?

Регистратор задумался:

— Две тризмы, шарродская и эккордская, прибыли вместе и в целом вели себя как одна группа. Молодежь посещала Новый город, старшие тризметы занимались делами. Тем не менее, возникали заметные трения. Последовало обсуждение одной из вылазок в Новый город, заслужившей неодобрение старшего поколения. Громче всех негодование выражали крайке Сингалисса и кайарх Рианле — по их мнению, молодые люди учинили недостойную выходку. Когда вы не вернулись к двадцать пятому испу третьего цикла, все стали беспокоиться. По-видимому, вы никому не сообщили об отъезде.

— По-видимому, — кивнул Эфраим. — Пока мы находились в вашем отеле, мерк не наступал?

— Нет, мерка не было.

— Вы не слышали и не заметили ничего, чем можно было бы объяснить мой отъезд?

Регистратор находился в явном затруднении:

— В высшей степени любопытный вопрос, ваше могущество! Не помню ничего существенного... хотя меня удивили слухи о том, что вы познакомились с инопланетным прохвостом.

Старик поперхнулся:

— Надо полагать, он злоупотребил вашим снисхождением — говорят, мошенник умеет втираться в доверие.

— О каком инопланетном прохвосте идет речь?

— Как? Вы не помните своих походов в Новом городе в компании некоего Лоркаса?

— Забыл, как его звали. Лоркас, вы говорите?

— Мато Лоркас. Якшается со всякой новгородской сволочью, предводитель студенческой шайки кретинов-себалистов.

— Каким же образом умер кайарх Йохайм?

— Он погиб вскоре после возвращения в Шаррод, в битве с Госсом, кайархом Горджетто. Вы вернулись как раз вовремя. Через несколько дней вы уже не успели бы стать кайархом — говорят, кайарх Рианле предложил тризму, чтобы объединить владения Шаррода и Эккорда. Теперь, однако, ему придется отказаться от своих планов.

Перевернув пару страниц альманаха, старик-регистратор постучал пальцем по фотографии:

— Кайарх Рианле — человек страстный и целеустремленный.

Эфраим увидел красивое, утонченно-благородное лицо, обрамленное шлемом из блестящих серебряных колец. Крайке Дервас отличалась безучастным взглядом и нарочитым отсутствием выражения. То же можно было сказать о лиссолет Маэрио, скучающе уставившейся в камеру, хотя ее юность и привлекательность позволяли предположить живость характера — вероятно, достаточно бестолковую.

Регистратор осторожно поинтересовался:

— Намерены ли вы остановиться в нашем отеле, ваше могущество?

— Пожалуй, не в этот раз. И желательно было бы, чтобы вы никому пока не сообщали о моем возвращении на Марун. Сперва я должен выяснить некоторые обстоятельства.

— Прекрасно понимаю ваше могущество... О, благодарю вас, покорнейше благодарю вас! — последние слова относились к десяти озолям, столбиком выросшим на конторке.

Когда Эфраим вышел из «Королевского рунического отеля», уже наступил меланхолический умбер. Медленно прогулявшись вниз по проспекту Черных Джангкаров, он вернулся на рыночную площадь под навесом, где на сей раз задержался, чтобы полюбоваться на витрины и прилавки. Ассортимент товаров вызвал у него почтение, смешанное с искренним удивлением. Где еще во всем Скоплении можно было найти более поразительное по разнообразию сосредоточение изделий загадочного назначения, известного лишь немногим посвященным — судя по объявленным ценам, предававшимся безумному расточительству? Эфраим спросил себя: в каких областях он сам оттачивал эрудицию, каким предметом он сам владел с уверенностью виртуоза? Каковы бы ни были его знания и навыки, от них ничего не осталось — память зияла пустотой.

Слегка опечаленный, он спустился к реке по улице Бронзовых Шкатулок. Новый город затих. Гирлянды светильников еще горели вдоль набережной, но в пивных садах и кафе не было признаков буйного веселья. Отвернувшись от разноцветных огней, Эфраим поднялся по проспекту Чужеземцев к отелю «Интерпланеталь», зашел к себе в номер, бросился на постель и заснул.

Ему снились яркие, волшебные сны. Разгоряченный, Эфраим проснулся и тут же попытался собрать воедино разбросанные, тающие образы, чтобы уяснить смысл картин, казавшихся очевидными спящему воображению — но тщетно. Заставив себя успокоиться, он снова заснул — и крепко спал, пока его не разбудили удары гонга, созывавшего постояльцев на завтрак.

Глава 5

Эфраим покинул отель с наступлением семи-ауда. Фурад и Осмо царили в небе, проливая теплый желтый свет — знатоки сочетаний солнц считали его свежим, искрометным, радостно-беспечным, но лишенным вкрадчивой мягкости оттенков полного ауда. Эфраим задержался на минуту, глубоко вдыхая прохладный воздух. Печаль его почти испарилась — лучше было быть кайархом Эфраимом Шарродским, чем мясником, поваром или сборщиком мусора.

Он направился вниз по проспекту Чужеземцев. Оказавшись у моста, вместо того, чтобы повернуть налево и вверх по улице Бронзовых Шкатулок, Эфраим перешел на другой берег реки, в Новый город — и сразу почувствовал себя в среде, радикально отличавшейся от старогородской атмосферы.

Эфраим скоро разобрался в нехитрой планировке Нового города. Четыре главные улицы тянулись параллельно реке — Эстрада, кончавшаяся в студенческом городке, проспект Посредничества и две авеню, названные в честь Ауна и Дуауна, маленьких мертвых миров, вращающихся вокруг Осмо.

Прогуливаясь по Эстраде, Эфраим с интересом и смутным сожалением разглядывал кафе и пивные. С его нынешней, космополитической точки зрения заведения эти выглядели вопиюще невинными. Зайдя в пивной сад, он прошел мимо пары молодых влюбленных, прижавшихся друг к другу на скамье. Сможет ли он когда-нибудь беззаботно предаваться распушенности у всех на глазах? Наверное, даже теперь запреты прошлого стесняли его — в конце концов, его не было на Маруне всего шесть месяцев.

Эфраим обратился к дородному субъекту в белом переднике, производившему впечатление хозяина или управляющего:

— Скажите пожалуйста, вы не знаете некоего Мато Лоркаса?

— Лоркаса? Нет, не встречал.

Эфраим продолжал расспросы, продолжая идти на запад по Эстраде. Наконец девушке, торговавшей в киоске инопланетными журналами, имя Лоркаса о чем-то напомнило. Она махнула рукой в направлении студенческого городка:

— Спросите дальше, в «Гроте сатира». Может быть, он там еще работает. Даже если нет, там знают, где его найти.

И действительно, Мато Лоркас работал в «Гроте сатира», наполняя и расставляя кружки с пивом — высокий молодой человек с живым пронизательным лицом и коротко подстриженными черными волосами. Лоркас не пытался производить впечатление прической или манерой одеваться. Когда он говорил, его тонкий рот язвительно кривился то в одну, то в другую сторону, а то и во все стороны сразу.

Эфраим наблюдал, не торопясь возобновлять знакомство. Заметные в Лоркасе чувство юмора, наблюдательность и склонность к преувеличенно цветистым выражениям вполне

могли вызывать враждебность в людях, не одаренных этими качествами — но никак не вязались со злобным умыслом или коварством. Тем не менее, факты оставались фактами: вскоре после того, как он познакомился с Мато Лоркасом, Эфраима лишили памяти и отправили странствовать, беспомощного, как младенца, чтобы он потерялся в пучине звезд.

Эфраим подошел к бару и занял место на табурете. Лоркас не замедлил оказаться рядом. Эфраим спросил:

— Вы — Мато Лоркас?

— Так точно!

— Вы меня узнаете?

Нахмурившись, Лоркас пригляделся. Его лицо прояснилось:

— Рун! Ага, вы тот самый рун! Забыл, как вас зовут.

— Эфраим из Шаррода.

— Как же, прекрасно помню — вы сюда завалились с двумя барышнями. Поди ж ты, какие они все из себя недотроги, не подступишься! А вы здорово изменились! Нет, правда, совсем другой человек! Как идут дела в горных пределах?

— Своим чередом, надо полагать. Вот что — мне нужно с вами поговорить, важное дело. Когда вы освободитесь?

— А я всегда свободен. Хотите, прямо сейчас все брошу и уйду — сколько можно пиво наливать? Эй, Рамон! Я пошел, управляйся сам!

Нырнув под стойку бара, Лоркас мигом оказался на соседнем табурете:

— Кружку пива? Или бокал дельского?

— Нет, благодарю вас, — Эфраим решил вести себя сдержанно и соблюдать осторожность. — Мне еще рано пить, я недавно проснулся.

— Как хотите. Пойдемте, сядем у набережной, с видом на реку. Вот так. Знаете ли, я частенько думал о вас, пытаясь представить себе, как вы ухитрились... ну, то есть, какой выход вы нашли из тупикового, хотя и приятного положения.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сопровождали двух красоток... Хотя я понимаю, конечно, что в горных пределах все не так просто.

Сознавая, что он может показаться тупым и скучным собеседником, Эфраим спросил:

— Вы хорошо помните тот день? Что вы помните?

Мато Лоркас протестующе воздел руки:

— Помилуйте, сколько воды утекло! День за днем забавы, пирушки, приключения — всего не упомнишь! Придется пораскинуть мозгами...

Лоркас ухмыльнулся:

— Ладно, шутки в сторону. Частенько вспоминаю ваших подруг, разве о них забудешь? Они так похожи — и такие разные! Какие чары пропадают даром в непостижимых горных пределах! Вышагивают, роняют слова, как заколдованные ледяные статуи — хотя я подозреваю, что одна из них... Бьюсь об заклад, обе растаяли бы как миленькие в подходящей обстановке. По-вашему, я себалист? О, я гораздо хуже — закоренелый чораст¹!

Лоркас покосился на Эфраима:

— Странно. Вас моя манера выражаться несколько не шокирует, даже не задевает. Вы и вправду изменились. От чопорного молодого канга за шесть месяцев почти ничего не осталось.

— Судя по всему, так оно и есть, — никак не проявляя нетерпения, отозвался Эфраим. — Так что же все-таки случилось в тот день?

Лоркас снова с сомнением покосился на собеседника:

¹ Чоразм — высшая степень себализма, произвол порока.

— Вы не помните?

— Плохо помню.

— Странно. Тогда вы были вполне в курсе событий. Помните, как мы встретились?

— Не совсем.

Подозревая, что его дурачат, Лоркас пожал плечами:

— Я выходил из букинистической лавки Кадуцея. Вы подошли и спросили, как пройти в «Волшебный сад» — там выступали «Марионетки Галлигейда». По-моему, кончился ауд — дело шло к умберу, у меня по умберам всегда приподнятое настроение. С вами были канг Дестиан — так его, кажется, звали? — и не одна, а даже две красотки... А мне, понимаете ли, никогда не подворачивался случай познакомиться с рунами, вот я и предложил проводить вас к «Волшебному саду». Там оказалось, что «Марионетки» только что закончили представление. Девушки повесили носы, и у меня это вызвало приступ безумного альтруизма. Я настаивал, приглашая вас развлечься за мой счет — уверяю вас, обычно со мной такого не бывает. Заказал бутылку вина и скромные ширмы для желающих... Так вот оно и получилось. Сидели мы впятером. Лиссолет Стелани взидала с недостижимых аристократических высот, а другая — забыл, как ее звали...

— Лиссолет Маэрио.

— Именно, именно! Эта, пожалуй, была подружелюбнее, но... Вы меня поймите правильно, я не жалею. И потом, с нами был канг Дестиан — какой-то весь язвительный и мрачный, а вы... Вы обращались ко мне любезно, хотя и формально. Я до тех пор никогда не говорил с рунами, а когда узнал, что вы — наследный канг, так и вообще решил, что не зря потратил время и деньги.

Так вот, сидели мы себе, пили вино, слушали музыку. Точнее, вино пил я. Вы и лиссолет Маэрио время от времени отваживались пригубить по глоточку за ширмами. А те двое заявили, что их это не интересует. Барышни пилились на студентов и поражались беспредельной низости их себализма. Я по уши влюбился в лиссолет Стелани — о чем она, конечно, не подозревала. Я изо всех сил распускал хвост и курлыкал — а она изучала меня с отвращением, как опасное насекомое. В конце концов Стелани и Дестиан отправились в отель.

Вы и лиссолет Маэрио держались молодцами, пока не явился Дестиан — передать, что Маэрио приказали немедленно возвращаться под его присмотром. Мы с вами остались вдвоем. Скоро начиналась моя смена в «Трех фонарях», пора было закругляться. Мы прогулялись вверх по Джиббери. Я пошел на работу, вы пошли в отель. Вот и все.

Эфраим глубоко вздохнул:

— Вы не провожали меня в отель?

— Нет. Мы попрощались у «Трех фонарей», причем вы были чем-то изрядно расстроены — уж не знаю, может быть, на вас вино так действует. А теперь простите меня за смелость, но я хотел бы знать, почему вас так беспокоит тот давний умбер?

Эфраим не видел причины скрывать правду:

— Мато Лоркас! В тот давний умбер я потерял память. Я помню себя только после прибытия на космодром в Карфонже на планете Брюс-Танзель. В конце концов мне удалось добраться до Нуменеса и поступить в госпиталь коннатиго. Эксперты определили, что я — рун. Вчера я вернулся в Порт-Мар. В «Королевском руническом отеле» я узнал, как меня зовут. Узнал также, что унаследовал титул кайарха Шарродского. Больше ничего не помню. Никого и ничего не узнаю. Прошлое — пустота. Как я буду править Шарродом и отвечать за судьбы людей, если не могу отвечать за себя самого? Я обязан поставить вещи на свои места. С чего начать? И кто виноват? Кто лишил меня памяти? Кто отвел меня на космический вокзал и посадил в звездолет? Что я скажу в Шарроде — как объясню, что произошло? Если в прошлом ничего не осталось, в будущем тоже ничего нет, кроме оши-

бок, сомнений, замешательства! Подозреваю также, что по возвращении домой не встречу никакого сочувствия.

Лоркас, отозвавшийся на невероятный рассказ тихим восклицанием, откинулся на спинку стула. Глаза его блеснули:

— Вы знаете, я вам завидую. Вам повезло. Вам предстоит разгадать великую тайну своего прошлого!

— Не разделяю вашего энтузиазма, — угрюмо возразил Эфраим. — Прошное нависло надо мной, мне душно, тесно. Враги меня знают — а мне остается только размахивать кулаками в потемках. Я возвращаюсь в Шаррод слепой и беспомощный.

— В вашем положении есть несомненные преимущества, — пробормотал Лоркас. — Кто не прочь стать владельцем горного предела — или, если уж на то пошло, какого бы то ни было предела? Жить в замке под одной крышей с лиссолет Стелани! Я бы не отказался.

— Сами по себе эти обстоятельства, может быть, и привлекательны, но они не помогут мне установить личность обидчика!

— Если допустить, что обидчик существует.

— Существует! Кто-то провел меня на борт «Берениции», кто-то заплатил за билет до Брюс-Танзеля!

— Брюс-Танзель — далекая планета. У вашего врага, видно, деньги водятся.

Эфраим крикнул:

— Кто знает, сколько денег у меня было с собой? Не исключено, что на билет ушли все озоли из моего кармана.

— В этом была бы определенная ирония, — согласился Лоркас. — В таком случае замысел вашего врага не лишен своеобразного изящества.

— Существует и другая возможность, — размышлял вслух Эфраим. — Что, если всю мою теорию следует вывернуть наизнанку?

— Любопытный вопрос. Наизнанку — в каком смысле?

— Что, если я совершил отвратительное преступление, и одно воспоминание о нем настолько для меня невыносимо, что я впал в беспамятство — после чего некий доброжелатель, а не враг, отправил меня как можно дальше от Маруна, чтобы я избежал расплаты за преступление?

Мато Лоркас не удержался от скептической усмешки:

— В моем обществе, по крайней мере, вы вели себя благопристойно.

— В таком случае каким образом я потерял память сразу после того, как попрощался с вами?

Лоркас помолчал несколько секунд:

— В этом может и не быть никакой особенной тайны.

— Мудрецы Нуменеса в тупике. А вас решение моей загадки озарило, как только вы о ней услышали?

— Я знаю одного полезного субъекта — только он не мудрец, — ухмыльнулся Лоркас и тут же вскочил на ноги.

— Пойдемте, навестим его.

Эфраим с сомнением встал:

— Насколько это безопасно? Вдруг во всем виноваты вы? Не хочу опять очутиться на Брюс-Танзеле.

Лоркас рассмеялся:

— Вы больше не рун. У рунов нет чувства юмора. Они ведут жизнь настолько сумасбродную, что любая нелепость им кажется в порядке вещей. Уверяю вас, не я ваш тайный враг! В любом случае, даже если бы я украл ваши деньги, я сам сбежал бы на Брюс-Танзель вместо того, чтобы тратить их на вас.

Эфраим едва поспевал за Лоркасом. Тот продолжал болтать на ходу:

— Мы направляемся в довольно странное заведение. Хозяин — большой чудак. Злые языки говорят, что у него сомнительная репутация. На сегодняшний день его теории вышли из моды — теперь популярен бенкенизм, в колледже только и говорят, что о бенкенистах. Они придерживаются принципа стоической невозмутимости по отношению ко всему, кроме их собственных внутренних норм, а нумерованные микстуры Скогеля существенно подрывают убежденность в реальности таковых норм. Что касается меня, я отвергаю любые моды и поветрия — кроме тех, которые я изобрел сам. Знаете, чем я увлекся в последнее время?

— Чем?

— Руническими пределами! Родословными, накоплением и растратой наследств, поэзией и напыщенными декламациями, церемониальными курениями, легендами о галантных героях, утонченными любезностями и романтическим бахвальством, безумствами эрудитов и учеными изысканиями. Монографии рунов знамениты по всему Скоплению — о них знают даже в Ойкумене, представляете? А вы знаете, что руны вообще не занимаются спортом? У них и понятия такого нет. Никаких игр, никаких легкомысленных развлечений — даже для детей!

— Мне это в голову не приходило. Куда мы идем?

— Вон туда, вверх по улице Смышленной Блохи... Понятное дело, вы не прочь узнать, почему эту улицу так называют.

Пока они шли, Лоркас рассказывал скабрезную притчу. Эфраим пропустил ее мимо ушей. Обогнув очередной угол, они оказались на улице, где преобладали специализированные и даже сомнительные заведения — киоск, торговавший жареными улитками, пассаж для любителей азартных игр, кабаре, украшенное красными и зелеными фонарями, бордель, магазин новинок, туристическое агентство, лавка с витриной, изображавшей стилизованное дерево жизни — золотистые фрукты на ветвях служили рекламными ярлыками-ценниками, но кто-то украсил прописные наименования товаров таким количеством капризных завитушек, что они практически не поддавались прочтению. Здесь Лоркас остановился:

— Только говорить буду я — если Скогель не задаст вопрос, обращаясь непосредственно к вам. Его чудные манеры всех отпугивают — но я-то знаю, это напускное. Подозреваю, по крайней мере. Так или иначе, ничему не удивляйтесь. Кроме того, если Скогель назовет цену, сразу соглашайтесь, даже если у вас есть возражения. Скогель не выносит любителей торговаться. Ну, пойдёмте, попытаем счастья!

Лоркас зашел в лавку. Эфраим неохотно последовал за ним.

Из полутьмы в глубине лавки появился Скогель — тощий, как жердь, среднего роста, с длинными руками, круглым лицом воскового оттенка и торчащей во все стороны пыльно-бурой щетиной волос.

— С добрым аудом! — приветствовал его Лоркас. — Вам так и не удалось что-нибудь получить с нашего приятеля Будлза?

— Конечно, нет! Но я ничего и не ожидал — и обошелся с ним соответственно.

— То есть?

— Вам известны капризы Будлза. Водный настой какодила — все, чего он от меня добился. Сможет ли какодил способствовать достижению его целей? Это уже другой вопрос.

— Мне он не жаловался — хотя, по правде говоря, в последнее время Будлз выглядит несколько подавленно.

— Он в любой момент может обратиться ко мне за утешением, это зависит только от него. И кто же у нас этот господин? Что-то в нем напоминает руна, но что-то еще говорит об инопланетном воспитании.

— Вы правы в обоих отношениях. Мой спутник — рун, но он недавно провел довольно много времени на Нуменесе, а также на Брюс-Танзеле. Вам, конечно, интересно было бы знать, какого черта его туда занесло? Ответ прост — у него отшибло память. Я сказал ему, что на его месте я в первую очередь обратился бы за помощью к вам.

— Еще чего! Я не храню память, как слабительное, в коробочках с аккуратными ярлычками. Ему придется самому изобрести новые воспоминания. Это достаточно просто, не правда ли?

Лоркас обменялся с Эфраимом удрученно-веселым взглядом:

— Будучи человеком неуступчивым, мой знакомый не желает довольствоваться подделкой и настаивает на восстановлении оригинальных воспоминаний.

— У меня их нет. Пусть ищет там, где потерял.

— У него их украли. Похититель посадил его, беспамятного, на звездолет, следовавший до Брюс-Танзеля. Мой знакомый всей душой надеется найти и наказать обидчика — о чем красноречиво свидетельствуют его решительный подбородок и горящие глаза.

Закинув голову, Скогель расхохотался и шлепнул ладонями по прилавку:

— Совсем другое дело! Так им и надо! Расплодились, мошенники, наживаются безнаказанно, управы на них нет! Мщение, возмездие! Что может быть лучше? Желаю удачи! Доброго ауда, сударь.

И Скогель, повернувшись к посетителям спиной, промаршировал на негнущихся ногах в полумрак, царивший в недрах его лавки. Эфраим с изумлением глядел ему вслед, но Лоркас жестом посоветовал хранить терпение. Через некоторое время Скогель вернулся к прилавку:

— Так что вам будет угодно на этот раз?

Лоркас ответил:

— Насколько я помню, неделю тому назад вы сделали одно любопытное замечание...

— По какому поводу?

— По поводу психоморфоза.

— Громкое слово! — ворчливо отозвался Скогель. — Я употребил его необдуманно.

— Не может ли этот процесс иметь какое-то отношение к затруднениям моего знакомого?

— Разумеется, может. Почему нет?

— И в чем заключается, в данном случае, причина психоморфоза?

Скогель оперся на прилавок, наклонился над ним и всмотрелся Эфраиму в лицо с напряженным вниманием филина, прислушивающегося к ночным шорохам:

— Вы — рун?

— Несомненно.

— Как вас зовут?

— Судя по всему — Эфраим, кайарх Шарродский.

— Значит, вы богаты.

— Мне неизвестно, богат я или нет.

— И вы желаете восстановить свою память?

— Само собой.

— Вы обратились не по адресу. Я предлагаю товары и услуги совсем другого рода. — Скогель хлопнул ладонью по прилавку и повернулся, чтобы снова уйти.

Лоркас вкрадчиво произнес:

— Мой знакомый настаивает на том, чтобы вы по меньшей мере приняли вознаграждение или гонорар за консультацию.

— Вознаграждение? За что? За слова? За догадки и гипотезы? Вы что думаете, у меня нет ни стыда, ни совести?

— Ни в коем случае! — твердо заявил Лоркас. — Но мой знакомый хотел бы знать, куда и каким образом пропала его память.

— Что ж, выскажу предположение — так и быть, бесплатно. Вашему знакомому скормили ворс фвай-чи. — Скогель обвел рукой полки, сундуки и шкафы своей лавки, уставленные флаконами и бутылками разнообразнейших форм и размеров, пучками кристаллизованных трав, каменными кувшинами и горшками, какими-то металлическими приспособлениями, склянками, пузырьками и пробирками — не поддающееся описанию нагромождение всякой чепухи.

— Открою вам истину! — глубокомысленно объявил Скогель. — По большей части мой товар, в функциональном отношении, абсолютно бесполезен. В психическом, символическом, подсознательном плане, однако, он чрезвычайно эффективен! Каждый препарат исполнен зловещей силы — порой я чувствую себя осажденным духами стихий. Например, отвар паучьей травы с микроскопической добавкой перетертого дьяволова ока дает потрясающие результаты. Бенкенисты — молокососы, недоумки! — утверждают, что мои препараты действуют только на тех, кто в них верит. Неправда! Паракосмические флюиды, не поддающиеся человеческому пониманию, пронизывают наш организм — как правило, мы их не ощущаем и не осознаем, ибо наши органы чувств лишены опоры, ведут отсчет в другой системе координат, перемещающейся, если можно так выразиться, вместе с этими таинственными течениями. Только проверенные временем практические методы, вызывающие насмешки и презрение бенкенистов, позволяют в какой-то мере манипулировать этой непостижимой средой. И что же? Меня называют шарлатаном за то, что я констатирую непреложный факт! — Торжествуя улыбаясь во весь рот, Скогель яростно шлепнул по многотрадальному прилавку.

Робко намекая на необходимость вернуться к первоначальной теме разговора, Лоркас спросил:

— И все-таки, как насчет фвай-чи?

— Терпение! — рявкнул Скогель. — Дайте мне насладиться мимолетной возможностью удовлетворить тщеславие. В конце концов, я не слишком уклоняюсь от интересующего вас предмета.

— Нет-нет, что вы! — торопливо согласился Лоркас. — Разглагольствуйте, сколько хотите.

Не слишком умиротворенный Скогель продолжил цепь умозаключений:

— Я давно предполагал, что фвай-чи взаимодействуют с паракосмосом гораздо интенсивнее, чем люди, хотя они немногословны и не объясняют, каким образом им удастся делать невозможные, казалось бы, вещи — или, скорее, воспринимают многомерную среду как нечто должное и самоочевидное. Так или иначе, фвай-чи — в высшей степени своеобразная, наделенная неожиданными способностями раса. Майяры, по крайней мере, это понимают. Я говорю, конечно, о последней горстке чистокровных представителей некогда многочисленного народа, прозябающей за холмом. — Скогель вызывающе перевел взгляд с Лоркаса на Эфраима, но не встретил никаких возражений.

Скогель заговорил снова:

— Некий шаман-майяр с какой-то стати возомнил, что он у меня в долгу, и не так давно пригласил меня в Атабус засвидетельствовать казнь. Он разъяснил весьма необычный аспект майярской системы правосудия. Подозреваемый — или приговоренный, что с точки зрения майяров почти одно и то же — принимает дозу ворса фвай-чи, после чего регистрируются его реакции. В одних случаях наблюдаются галлюцинации или оцепенение, в других — лихорадочные акробатические номера, конвульсии, чудеса ловкости и сообразительности или мгновенная смерть. Невозможно отрицать, что майяры — практичный народ. Они испытывают живой интерес к возможностям человеческого организма и считают

себя великими учеными. В моем присутствии подозреваемого заставили принять небольшую дозу золотисто-коричневого смолистого вещества, время от времени покрывающего спинной ворс фвай-чи. Узник немедленно вообразил себя четырьмя разными людьми, завязавшими оживленную беседу друг с другом и со зрителями — гортань и язык одного человека внятно воспроизводили голоса двух, а иногда и трех участников разговора одновременно. Пригласивший меня шаман рассказал о нескольких других известных эффектах ворса фвай-чи, в том числе упомянул о разновидности, полностью стирающей человеческую память. Вот почему я предположил, что в вашем случае имело место отравление ворсом фвай-чи.

Гордо улыбаясь, взволнованный Скогель поглядывал то на одного посетителя, то на другого:

— Короче говоря, таково мое заключение.

— Все это прекрасно и замечательно, — сказал Мато Лоркас. — Но как исцелить моего приятеля?

Скогель беспечно махнул рукой:

— Исцеление невозможно — по той простой причине, что лекарств, способных обратить вспять действие ворса фвай-чи, не существует. Чего нет, того нет. Что прошло, тому не бывать.

Лоркас огорченно посмотрел на Эфраима:

— Ну вот, одно по меньшей мере ясно. Вас отравили ворсом фвай-чи.

— Кто, хотел бы я знать? — бормотал Эфраим. — И зачем?

Лоркас повернулся было к Скогелю, но лавочник уже исчез за дверью лаборатории в темной глубине помещения.

Мато Лоркас и Эфраим возвращались к Эстраде по улице Смышленной Блохи. Занятый мрачными мыслями, Эфраим молчал. Лоркас то и дело поглядывал на спутника — его снедало любопытство. Наконец он не выдержал и спросил:

— Что же вы собираетесь делать?

— Дальнейшее неизбежно. У меня нет выбора.

Пройдя еще десять шагов, Лоркас отозвался:

— Вы не боитесь смерти?

Эфраим пожал плечами.

Лоркас спросил:

— С чего вы начнете? Как приступите к делу?

— Я должен вернуться в Шаррод, — сказал Эфраим. — Что еще я могу сделать? Мой враг — кто-то, кого я хорошо знал. Ведь я не стал бы пить неизвестно что неизвестно с кем! В Порт-Мар со мной приехали кайарх Йохайм — он уже мертв, — крайке Сингалисса, канг Дестиан и лиссолет Стелани. Тогда же, в том же отеле остановилась тризма из Эккорда — кайарх Рианле, крайке Дервас и лиссолет Мазрио. Кроме того, некий Мато Лоркас мог подсыпать ворс в бокал вина. Но зачем бы тогда Мато Лоркас познакомил меня со Скогелем?

— Совершенно верно! — с готовностью подтвердил Лоркас. — Помнится, я выбрал неплохое вино, оно вам не повредило.

— И вы не заметили ничего значительного, подозрительного, предвещающего опасность?

Лоркас задумался:

— Я не заметил ничего явно привлекающего внимание. Было ощущение, что в вашей компании существовали напряжения, тщательно подавляемые страсти, замаскированные более подобающими эмоциями — но чем они были вызваны и к чему они могли привести?

У меня не было ни малейшего представления. По правде говоря, я ожидал от рунов всевозможных странностей, и даже не пытался разобраться в своих впечатлениях. Если вы ничего не помните, вам тоже будет трудно разобраться в побуждениях рунов.

— Скорее всего. Но теперь я — кайарх, и окружающим придется считаться с моими причудами. У меня есть время и возможность мало-помалу восстановить свое прошлое. Как лучше всего добраться до Шаррода?

— В горные пределы можно попасть только одним способом: придется нанять аэромобиль, — Мато Лоркас задумчиво посмотрел в небо, где догорали последние лучи заходящего Цирсе. — Если можно, я хотел бы поехать с вами.

— У вас какое-то дело в Шарроде? — с подозрением спросил Эфраим.

Лоркас беззаботно поиграл пальцами в воздухе:

— Давно мечтал посетить страну рунов. Исключительно интересный народ! Не терпится познакомиться с ними поближе. Кроме того, откровенно говоря, я не прочь был бы возобновить пару знакомств.

— Поездка может оказаться сложнее и опаснее развлекательного путешествия. Я — кайарх, но у меня есть враги. Их ненависть может распространиться на моего гостя.

— Можно смело положиться на общеизвестное отвращение рунов к насилию — правда, они забывают о нем во время междоусобиц. Кто знает, однако? Вам может пригодиться помощник.

— Может. Вы упомянули о возобновлении знакомств. Вас по-прежнему привлекает лиссолет Стелани?

Мато Лоркас мрачно кивнул:

— Обворожительная особа! Возьму на себя смелость заявить, что она возбуждает во мне дерзкие помыслы. Как правило, симпатичные барышни не возражают против моего общества, но лиссолет Стелани едва снизошла до того, чтобы признать факт моего существования.

Эфраим невесело усмехнулся:

— В Шарроде вас ждет, скорее всего, еще худший прием.

— Я не рассчитываю на победу во всех возможных смыслах этого слова. Но если мне удастся убедить ее в том, что я заслуживаю хотя бы временной, ни к чему не обязывающей благосклонности, я буду считать, что добился успеха.

— Боюсь, вы недооцениваете серьезность препятствий. Руны относятся ко всем чужакам, как к пошлым невежам.

— Вы — кайарх, ваша воля — закон. Если вы прикажете своим домашним меня терпеть, лиссолет Стелани придется беспрекословно подчиниться.

— Любопытно будет проверить, насколько ваши представления совпадают с действительностью, — сказал Эфраим. — Что ж, собирайтесь — мы отправляемся без промедления!

Глава 6

Когда еще только начинался исп, Эфраим прибыл в управление местной воздушно-транспортной службы и обнаружил, что опередивший его Лоркас уже нанял аэромобиль, не отличавшийся элегантностью — металлическая обшивка местами проржавела, прозрачный купол кабины слегка помутнел, выщербленная отбортовка гондолы двигателя выглядела так, будто ее наскоро выправляли ударами кувалды. Лоркас извинился:

— Ничего лучше нет, но это надежная машина. Владелец уверяет, что двигатель не отказывал ни разу за сто два года службы.

Эфраим скептически обозревал антикварный летательный аппарат:

— Меня мало беспокоит ее внешний вид — лишь бы доставила нас в Шаррод.

— Рано или поздно драндулет развалится — скорее всего, в воздухе. Тем не менее — вы же не хотите карабкаться по горным тропам фвай-чи, держась за хвост норовистого шанка? Пеший путь труден, опасен и займет много времени. Кроме того, такой способ передвижения недостойн вашего высокого звания.

— В том, что вы говорите, есть определенный смысл, — признал Эфраим. — У вас нет другого багажа?

— Все свое ношу с собой! Позвольте, однако, обратить ваше внимание на одну деталь. Почему бы вам не предупредить заранее о своем приезде, чтобы вас приняли, как подобает?

— И чтобы нас сбили по пути?

Лоркас покачал головой:

— Рунам запрещено владеть воздушными транспортными средствами и оружием, способным выводить их из строя — именно по этой причине. Дело в том, что на подготовку официальной встречи кайарха уходит некоторое время и — если я могу взять на себя такую смелость и дать вам совет — торжественная встреча позволит вам произвести правильное впечатление после длительного отсутствия. Чтобы вы не роняли достоинство, я могу связаться с Шарродом от вашего имени, в качестве ассистента.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.

— Кто в настоящее время возглавляет тризму — крайке Сингалисса?

— Надо полагать.

Пользуясь видеофоном не менее древним, чем аэромобиль, Лоркас нашел и набрал номер.

На экране появился лакей в черной ливрее с алыми нашивками:

— Отвечает странг Бен-Буфаров. Назовите причину вашего вызова.

— Я хотел бы поговорить с крайке Сингалиссой, — сказал Лоркас. — У меня для нее важное сообщение.

— Вам придется позвонить в другое время. Крайке на совещании, посвященном подготовке церемонии облачения.

— Даже так? И кто же облачается?

— Новый кайарх.

— Кто станет кайархом?

— Канг Дестиан — к нему переходит право наследия.

— И как скоро должна состояться церемония?

— Через неделю, когда кайарх Эфраим будет официально объявлен пропавшим без вести.

Лоркас рассмеялся:

— Будьте добры, сообщите крайке, что церемонию облачения можно отменить — кайарх Эфраим возвращается в Шаррод!

Лакей уставился в экран:

— Не могу взять на себя ответственность за такое извещение.

Эфраим подошел к видеофону:

— Вы меня узнаете?

— А, ваше могущество!¹ Как я могу вас не узнать!

— Доставьте сообщение, переданное его благородием Мато Лоркасом.

— Сию минуту, ваше могущество!

Лакей согнулся в глубоком формальном поклоне и пропал в расплывчатом ореоле послесвечения.

Эфраим и Лоркас вернулись к аэромобилю и забрались в кабину. Пилот бесцеремонно захлопнул купол и нажал на педаль акселератора. Дряхлый аппарат с дрожью и кряхтением поднялся над стоянкой и рывком двинулся вверх и вперед — на восток.

Пилот, представившийся как Тайбер Флоссиг, болтал, обернувшись через плечо и не обращая внимания ни на альтиметр, ни на проносившийся под ними ландшафт — машина пролетела в какой-то сотне метров над Первым эскарпом. Только после этого, будто вспомнив о чем-то давно забытом, пилот ленивым движением руки заставил ее подняться еще метров на триста. Внизу расстилались высокогорные луга — облака отражались в десятках обширных озер, окруженных разрозненными рощицами ивы-ущельницы и горного скавра, чернели одиночные деревья-катафалки с прижавшимися к земле сучковатыми стволами. В полусотне километров к востоку возносились выше облаков обнаженные утесы Второго эскарпа. Обсуждая появившиеся внизу обнажения пород, Флоссиг заявил, что в этих местах часто находят драгоценные камни — турмалины, перидоты, топазы и шпинели, но что их добыча запрещена в связи с предрассудками фвай-чи:

— По их представлениям, это святая земля или что-то в этом роде — в договоре так и сказано. Для них самоцвет не лучше обычного камня, но они чуют человека километров за семьдесят и насылают на него порчу — неизлечимую чесотку, воспаление мочевого пузыря или пятна по всей коже, как на пегом шанке. Так что здесь никто не бывает.

¹ «Ваше могущество» — пресный и неточный перевод обращения «цернифер», буквально означающего «источник непреодолимой психической силы», в данном случае исходящей от личности кайарха. Рунический корень «церн» ассоциируется с понятиями стихийной мудрости и безличного превосходства, требующими беспрекословного подчинения.

Эфраим указал вперед, на вырастающий грозной стеной эскарп:

— Если вы срочно не подниметесь на полкилометра, через минуту мы разобьемся вдребезги.

— Да-да, — спохватился Флоссиг. — Внушительный хребет, не правда ли? Окажем ему должное уважение. — Аэромобиль стал подниматься с таким ускорением, что у пассажиров душа ушла в пятки, а из гондолы двигателя раздался прерывистый скрежет, не на шутку встревоживший Эфраима:

— Кажется, машина наконец разваливается?

Недоуменно нахмурившись, Флоссиг прислушался:

— Действительно, странный звук — никогда ничего подобного не замечал! Но подумайте сами — если бы вам было столько лет, сколько этой штуковине, у вас тоже в кишках бурчало бы. Старость не радость.

Как только курс летательного аппарата более или менее выровнялся, подозрительные шумы стихли. Лоркас указал на Третий эскарп — до него оставалось еще километров семьдесят:

— Начинайте потихоньку подниматься. Если не перегружать двигатель, до Шаррода мы как-нибудь дотянем.

Флоссиг не возражал — постепенно набирая высоту, аэромобиль приблизился к гигантскому горбу Третьего эскарпа. Под машиной проплывали зазубренные скалы, снежные перевалы и пропасти, изредка перемежавшиеся узкими лесистыми долинами. Величественным взмахом руки Флоссиг предложил страшно-великолепный пейзаж вниманию своих спутников:

— Сколько хватает глаз, среди бесплодных нагромождений камня и льда практически нет ни души — кое-где ютятся, может быть, десятка два изгоев, бежавших от правосудия или от самих себя. В Порт-Маре преступник долго скрываться не может — здесь его последняя надежда.

Ни Лоркас, ни Эфраим никак не прокомментировали монолог пилота. Аэромобиль нырнул в глубокую расщелину, скользя мимо неровных каменных стен, обступивших с обеих сторон — жестокие порывы ветра бросали аппарат из стороны в сторону. Темное ущелье неожиданно кончилось, и машина полетела над хребтами, ступенчатыми утесами спускавшимися в речные долины. Флоссиг снова описал рукой щедрую дугу:

— Пределы, славные Рунические пределы! Прямо под нами — Вайерд, его стерегут Стражи Молчания... А теперь мы летим над Шеррасом. Видите замок — там, посреди озера?

— Сколько еще до Шаррода?

— Уже близко — вот только через хребет перевалим. На такие вопросы всегда один ответ, хе-хе. И зачем вы собрались в столь неуютные края?

— Из любопытства, допустим.

— Ничего вы от рунов не добьетесь — молчат, как могилы, все до одного. Вот, к примеру, под нами — уже позади, правее — видите городок с высокими деревьями вдоль улиц? Тангвиль — там от силы две-три тысячи человек. Говорят, у кайарха Танжиссея не все дома по женской части — прячет узниц в подземельях, где им кажется, что наступил бесконечный мерк, и наносит визиты в любое время, как только приспичит. За исключением мерка, разумеется, когда он совершает вылазки в город.

— Враки! — пробормотал Эфраим, но пилот его не услышал.

— Остроконечный пик слева — Феркюс...

— Эй! Выше, выше! — завопил Лоркас. — Вы что делаете? Мы об скалу расшибемся!

Флоссиг раздраженно дернул штурвал — машина взмыла по крутой дуге, едва проскочив над утесом, напугавшим Лоркаса. Некоторое время пилот хранил обиженное молчание. Горные склоны опускались и поднимались. Презируя безопасность ясного неба и демонстрируя полное безразличие к машине, топографии местности и пассажирам, Флоссиг лавировал среди многогранных утесов и обрывистых ущелий, чуть не задевая днищем крутые ледники и оползни. Лоркас то и дело издавал тревожные восклицания, но Флоссиг их стоически игнорировал и, наконец, направил аэромобиль вглубь довольно широкой долины длиной километров двадцать пять, местами неравномерно сужавшейся. С восточной стороны виднелся водопад, низвергавшийся с высоты шестисот метров в озеро. По берегам раскинулся город Эсх. Из озера медленно вытекала одноименная река, излучинами блуждавшая по зеленым лугам под твердыней странга Бен-Буфаров и, спускаясь блестящим каскадом многочисленных запруд, исчезающая в теснине с западной стороны.

В окрестностях города долина приобретала достаточно цивилизованный вид — поля, окаймленные плотными живыми изгородями ежевики, казалось, прятались от посторонних взоров. Кое-где на лугах паслись стада, а ближе к крутым склонам с обеих сторон долины темнели фруктовые сады. Ниже по течению пастбища перемежались пролесками банисса, белого дуба, шрака и ойкуменического тиса. В прозрачном воздухе кроны деревьев — темнозеленые, багряные, пепельно-охряные, бледно-зеленые — сочно выделялись, как мазки свежей краски на черном бархате. Эфраим почти улыбнулся, охваченный внезапной жгучей волной неизъяснимых чувств. Давали о себе знать померкшие воспоминания? Такие «проблески» в последнее время случались все чаще. Взглянув на спутника, Эфраим обнаружил, что Лоркас тоже любит открывшейся картиной — с завистливым восхищением.

— Я слышал, что руны любовно опекают каждый камень в своих владениях, — ответил на его взгляд Лоркас. — Теперь понятно, почему. Горные пределы — райские кущи, соперничающие красотой.

Выгрузив немногочисленные пожитки пассажиров, Флоссиг стоял в ожидающей позе. Мато Лоркас обратился к нему, четко выговаривая слова:

— Мы заплатили за проезд вперед, еще в Порт-Маре. Ваш начальник пожелал удостоверить в нашей платежеспособности — видимо, не слишком рассчитывая на успешное завершение полета.

Флоссиг вежливо улыбнулся:

— В подобных обстоятельствах обычно подразумевается, что водитель получает чаевые.

— Чаевые?! — с чувством воскликнул Эфраим. — Будьте довольны, если вас не оштрафуют за преступное пренебрежение правилами воздушного движения!

— Кроме того, — добавил Лоркас, — вы останетесь здесь, пока его могущество кайарх не разрешит вам удалиться. В противном случае его тайным агентам в Порт-Маре будет приказано встретить вас по возвращении и переломать вам кости.

Флоссиг поклонился, всем видом показывая, что его достоинство глубоко оскорблено:

— Как вам угодно. За долгие годы наше агентство заслужило высокую репутацию. Если бы я знал, что везу высокородного владельца Шаррода, то отнесся бы к своим обязанностям с надлежащей формальностью. «Каждому свое!» — лозунг нашей фирмы.

Лоркас и Эфраим уже повернулись лицом к странгу Бен-Буфаров — замку из черного камня, отделанного темно-коричневой плиткой, деревом и лепным гипсом, возведенному согласно традициям рунов, предпочитавших вытянутые по вертикали формы. Залы первого этажа обступили десятиметровые стены с узкими высокими окнами, а на этом внушительным основанием высилась хитроумная система башен, башенок, террас, аркадных галерей,

эркеров, балконов и пинаклей. «Вот я и дома! — думал Эфраим. — Мои ноги исходили эту землю вдоль и поперек». Он смотрел на запад вдоль реки — туда, где за лугами и запрудами, за чередующимися лесистыми отрогами цвета приглушались дымкой расстояния, постепенно превращаясь в лиловато-серые тени под дальними утесами. Вид этот тысячи раз открывался его глазам... Эфраим его не помнил.

О приезде кайарха уже знали в городе. К странгу спешили несколько десятков мужчин в черных куртках и светлых кожаных панталонах, и примерно столько же женщин в длинных серых кисейных платьях.

Приближаясь, горожане почтительно кланялись, ритуальными жестами снимая и прижимая к груди головные уборы, после чего делали еще несколько шагов и останавливались точно на расстоянии, предписанном этикетом.

Эфраим спросил:

— Как обстояли дела в мое отсутствие?

Ответил самый пожилой:

— Трагически, ваше могущество! Кайарха нашего, Йохайма, пронзила горджетская стрела. В остальном дела идут не так уж плохо — но и не слишком хорошо. Многих одолевают сомнения, дурные предчувствия. Было вторжение вооруженной банды из Торре. Канг Дестиан приказал дружине выступить, но соответствия рангов¹ почти не нашлось и никакой битвы, по сути дела, не получилось. Наша кровь кипит жаждой мщения! Госс Горджетский должен быть наказан. Канг Дестиан без конца откладывает наступление. Когда он призовет к оружию? Не следует забывать, что наши паруса грозят Горгансу с вершин Ойе-фольга. Мы можем вторгнуться в Горджетто, пока Госс потеет и хнычет от страха. Навалимся всей дружиной, и стены Горганса падут!

— Все в свое время, — кивнул Эфраим. — Теперь я направляюсь в странг Бен-Буфаров, чтобы выяснить, какие нарушения там допускались, пока меня не было. Вам известны какие-нибудь проступки? Есть подозрения?

Старейшина снова поклонился, обнажив седую голову и прижимая шляпу к груди:

— Не осмеливаюсь даже задумываться о возможных нарушениях в стенах Бен-Буфара, и тем более не позволил бы себе высказываться по поводу неподтвержденных слухов и подозрений.

— Скажите все, что знаете, — настаивал Эфраим. — Тем самым вы окажете услугу своему кайарху.

¹ В Рунических пределах порядок ведения военных действий определяется жесткими правилами. Допускаются несколько типов вооруженных столкновений. В формальном бою дерутся только лица, равные по рангу. Если боец высшего ранга нападает на менее родовитого противника, последний имеет право защищаться, отступить или перейти в ответное нападение. Боец низшего ранга, напавший на более высокородного противника, подвергается всеобщему осуждению. В формальном бою используются копья и шпаги, но шпаги — только в качестве колющего оружия.

Время от времени имеют место вторжения переодетых бойцов в маски — их называют «меркменами» и с ними обращаются, как с бандитами. Против меркменов разрешается применять любое оружие, в том числе так называемые «стволы», выпускающие короткие металлические стрелы благодаря детонации взрывных зарядов.

Изредка дело доходит до крупномасштабных битв, когда на войну с многочисленным врагом призывается все способное носить оружие мужское население предела.

Воины, обученные управлению парусными планерами («парусами»), пользуются особым уважением. Условности воздушного боя еще сложнее правил, ограничивающих возможности наземных конфликтов.

— Как будет угодно вашему могуществу — но учитывайте, пожалуйста, что в городе ничего толком не понимают, да и не наше это дело! Придирчивые блюстители нравов не одобряют предлагаемую тризму крайке Сингалиссы и кайарха Рианле Эккордского.

— Как же так? — воскликнул Эфраим. — А что будет делать крайке Дервас?

— Ходят слухи, что ее сошлют в деревню. Такова цена, запрошенная Сингалиссой за Дван-Джар, где Рианле непременно желает строить павильон. По крайней мере, таково всеобщее убеждение. Сообщалось также о предстоящей тризме канга Дестиана и лиссолет Маэрио. Если обе тризмы состоятся, что тогда? Не займет ли Рианле первое место в совете Шаррода? Но теперь вы вернулись полноправным кайархом — эти вопросы отпадают сами собой.

— Благодарю за прямоту, — сказал Эфраим. — Что еще происходило в последнее время?

— Ничего особенного, ваше могущество. Хотя, по-моему, шардам не мешало бы подтянуться. Нет, чтобы сидеть дома и стеречь свое добро! Бездельники! Валяют дурака, как только наступит мерк, а иные проходимцы устраивают форменные безобразия! Уж мы боимся отпирать засовы, когда восходят солнца — не лежит ли труп на крыльце? Опять же, теперь вы наведете порядок, злодейства пойдут на убыль.

Старейшина еще раз поклонился и отошел. Отпустив продолжавшего дуться Флоссига, Эфраим и Лоркас направились к воротам странга по обширному наружному двору.

Пока они приближались, в сторожевых башенках над углами ворот появились два герольда. Подбоченившись в симметричных картинных позах, они задрали спиральные раструбы бронзовых горнов-душескребов и устроили возбужденную, режущую слух переключку. Ворота широко распахнулись — за ними стоял навывтяжку взвод часовых. Наружу прошествовали еще четыре герольда с душескребами, не замедлившие разразиться лихорадочной лавиной звуков — в ней можно было угадать, однако, определенный ритмический контрапункт.

Пройдя под сводчатой аркой, напоминавшей скорее короткий туннель, Эфраим и Лоркас оказались на внутреннем дворе. В кресле с высокой спинкой перед ними сидела крайке Сингалисса. Рядом с ней стоял, нахмутив черные брови, канг Дестиан.

Крайке поднялась на ноги — ростом почти не уступавшая Дестиану, явно привыкшая повелевать женщина с блестящими глазами и угловатыми чертами лица. Ее черные волосы были повязаны на манер тюрбана серым платком, а длинное серое платье на первый взгляд казалось блеклым, даже безжизненным — пока глаз не начинал различать едва уловимую игру света и теней на полуприкрытой тонкой тканью фигуре.

Сингалисса громко и мелодично произнесла:

— Мы устроили ритуальную встречу, хотя — зачем бы я стала это отрицать? — ваше возвращение несвоевременно. Как вы, несомненно, позаботились узнать, меньше чем через неделю ваше наследное право потеряло бы законную силу. Возникает впечатление, что вы пренебрегли элементарной благовоспитанностью, не сообщив о своих намерениях, поскольку предусмотрительность требовала, чтобы мы приняли меры, обеспечивающие непрерывную преемственность власти.

— Ваши замечания естественны, — ответил Эфраим, — и я мог бы даже с ними согласиться, если бы они не были основаны на заведомо ложных предпосылках. Уверяю вас, мои затруднения значительно превосходили любые причиненные вам неудобства. Тем не менее, сожалею о том, что нарушил ваши планы, и понимаю разочарование Дестиана.

— Не сомневаюсь, — кивнул Дестиан. — Могу ли я поинтересоваться, какими обстоятельствами было вызвано ваше длительное отсутствие?

— Разумеется — вы вправе требовать разъяснений. В Порт-Маре мне подмешали в вино наркотик. В бессознательном состоянии меня посадили на звездолет и отправили на далекую планету. Там мне пришлось преодолеть много препятствий, и я сумел вернуться на Марун только вчера. При первой возможности я нанял аэромобиль и прилетел в Шаррод.

Дестиан досадливо поджал губы, подернул плечами и отвернулся.

— Чрезвычайно любопытно! — звучным голосом встала Сингалисса. — Кто решился на такое злодеяние?

— Мы подробно обсудим этот вопрос в дальнейшем.

— Как вам угодно, — крайке чуть наклонила голову в сторону Лоркаса. — И кто же этот господин?

— Имею честь представить моего друга, высокородного Мато Лоркаса. Он оказал мне неоценимую помощь и будет нашим гостем. Насколько я помню, господину Лоркасу и кангу Дестиану представился случай познакомиться в Порт-Маре.

Две или три секунды Дестиан не сводил глаз с Лоркаса, потом что-то беззвучно пробормотал и отвернулся. Лоркас произнес с подчеркнутой учтивостью:

— Это была незабываемая встреча! Рад возобновить знакомство.

В глубине колоннады, в тени высокой проходной арки бесшумно показалась — можно сказать, постепенно материализовалась — фигура молодой женщины. Эфраим узнал лиссолет Стелани, изящную и стройную в ореоле полупрозрачного серого платья-вуали. Глаза Стелани мрачновато блестели подобно глазам крайке Сингалиссы, но ее деликатные черты отличались скорее задумчивостью, нежели властностью. Ее выражение лица и неподвижная поза говорили об отстраненности и безразличии — она встретила Эфраима и Лоркаса так, будто вышла взглянуть на заблудившихся незнакомцев. Лоркас увлекся обворожительной Стелани еще в Порт-Маре и, насколько мог заметить Эфраим, его интерес к ней не убавился — напротив, чувства его были более чем очевидны, хотя никто из присутствующих не брал на себя труд обратить на них внимание.

Почувствовав присутствие Стелани, Сингалисса обратилась к ней через плечо:

— Как видишь, кайарх Эфраим снова с нами. Он подвергся возмутительным унижениям — кто-то сыграл с ним злую шутку.

— Неужели? — тихо отозвалась Стелани. — Очень сожалею. И все же тот, кто отваживается бродить по задворкам Порт-Мара, тем самым берет на себя ответственность за последствия. Кроме того, кайарх оказался в весьма и весьма сомнительной компании.

— Мы все глубоко обеспокоены происшедшим, — продолжала Сингалисса, — и, конечно же, сочувствуем кайарху. Он привез из Порт-Мара знакомого, некоего господина Лоркаса — кажется, так его зовут?

Полное отсутствие реакции со стороны лиссолет выглядело бы дружелюбнее мимолетного движения ее головы. Стелани обратилась к Эфраиму тоном, по звонкости и мелодичности не уступавшим голосу ее матери:

— Кто же так бессердечно с вами обошелся?

За Эфраима ответила Сингалисса:

— В данный момент кайарх предпочитает не вдаваться в подробности.

— Но унижение кайарха оскорбляет нас всех! Мы обязаны разобраться в этой истории.

— Совершенно справедливо, — подтвердила крайке.

Эфраим наблюдал за спектаклем с мрачной улыбкой:

— Мне почти нечего сказать. Я настолько же озадачен, как и вы — пожалуй, больше вашего.

— Больше нашего? — удивилась Стелани. — Мы ничего не знаем.

Сингалисса поспешно вмешалась:

— Кайарх и его знакомый устали от долгого пути — им пора отдохнуть и освежиться.

Снова повернувшись к Эфраиму, она спросила:

— Надо полагать, вы займете почетные покои?

— Не вижу причины нарушать традицию.

Повернувшись, Сингалисса жестом подозвала убеленного сединами широкоплечего служителя — на нем, помимо черной с алыми нашивками ливреи Бен-Буфаров, были черная бархатная треуголка и расшитая серебром мантия из того же материала:

— Агнуа! Принесите кайарху все, что ему потребуется, из Северной башни.

— Сию минуту, ваше благоволение! — старший камергер Агнуа удалился.

Крайке Сингалисса вела Эфраима по сумеречному залу. Со стен взирали многочисленные портреты усопших кайархов — каждый пытался передать потомкам некую сокровенную мудрость напряженным взглядом и движением руки, приподнятой в безмолвном приветствии.

Им преградила дорогу пара высоких, окованных железом дверей с маслянисто-черными чугунными головами горгон — по-видимому, плод мыследействия¹ давно забытого кайарха. Сингалисса остановилась у тяжелых дверей. Эфраим подошел, чтобы распахнуть их, но не мог обнаружить механизм, открывающий замок.

— С вашего позволения, — сухо произнесла Сингалисса и нажала на выпуклую деталь орнамента над головой горгоны. Двери тихо открылись.

Они вошли в длинный вестибюль, напоминавший скорее галерею трофеев. Вдоль стен тянулись массивные полки, заставленные бесчисленными антикварными редкостями, коллекциями, образцами, изделиями из камня, дерева, керамики и стекла, заключенными в хрустальные кубики насекомыми, эскизами, картинами, каллиграфическими декоративными пластинками, Книгами Деяний и тысячами других томов, толстых кожаных папок и монографий. Длинный стол посреди галереи озаряли мягким светом две лампы с зелеными стеклянными абажурами. Портреты кайархов и крайке, висевшие над полками, провожали глазами проходивших внизу.

Галерея трофеев выходила в огромное помещение с высокими сводами и почерневшей от древности деревянной обшивкой стен. Пол устлали ковры с каштановыми и синими узорами на черном фоне. Из высоких узких окон открывался вид на долину.

Крайке указала на дюжину сундуков, стоявших у стены:

— Вещи Дестиана — он полагал, что ему суждено занимать эти покои. Естественно, он раздражен неожиданным поворотом событий.

Сингалисса шагнула к стене и прикоснулась к кнопке. Почти мгновенно появился старший камергер Агнуа:

— Слушаю, ваше благоволение?

— Удалите все, что принадлежит кангу Дестиану.

— Будет сделано, ваше благоволение, — камергер ушел.

— Известно ли вам, как умер Йохайм? — спросил Эфраим.

Крайке с подозрением взглянула на Эфраима и сразу отвела глаза:

— Вам ничего не говорили?

— Я знаю только то, что его убили в стычке с горджетской бандой.

¹ «Мыследействием» называют вдохновенные порывы рунов, стремящихся увековечить свои виртуозные «компетенции» и эрудицию.

— Мне почти нечего к этому добавить. Йохайм был во главе отряда, изгонявшего горджетских меркменов. Кто-то выстрелил ему в спину. Дестиан собирался организовать ответную вылазку после облачения.

— Дестиан может собрать дружину и совершать вылазки по своему усмотрению. Я ему не помешаю.

— Вы не намерены в них участвовать? — в звучном голосе Сингалиссы появился резковатый ледяной оттенок.

— С моей стороны это было бы глупо — слишком много тайн нуждаются в разъяснении. Кто знает? Неровен час, и мне в спину воткнется горджетская стрела.

— Воля ваша — не мне состязаться с вами в мудрости. Когда вы отдохнете, мы будем в Приемном зале. А теперь, с вашего разрешения, я вас покину.

Эфраим наклонил голову:

— Благодарю за содействие.

Крайке удалилась. Эфраим стоял один в древней гостиной. Воздух наполняли ароматы кожаных переплетов, вощеного дерева и ветхой ткани, с легким привкусом запущенности. Растворив пошире железные ставни, Эфраим выглянул в высокое окно. Наступил зеленый роуэн — долину озарял бледный, усталый свет.

Отвернувшись от окна, Эфраим начал осторожно изучать покои кайарха. Гостиная была меблирована тяжелыми креслами и стульями, подержанными и достаточно удобными, хотя и создававшими впечатление казенной чопорности. У одной стены стояли трехметровые стеллажи с книгами на всевозможные темы. В каких областях эрудиции специализировался Йохайм, каким ремеслом виртуозно владели его руки? Чего стоили догадки Эфраима, если он не помнил своих собственных наклонностей и достижений?

В серванте он обнаружил шеренги бутылей с крепкими напитками — покойный кайарх был не прочь выпить в уединении. На настенных щитах красовались мечи и шпаги — по-видимому, знаменитое оружие, покрытое славой.

Арка трехметровой высоты, настолько узкая, что в ней помещался только один человек, вела в залитый светом восьмиугольный салон с сегментированным стеклянным куполом и каменным полом, устланным зеленым ковром.

Расписные настенные панели изображали виды Шаррода в восьми перспективах — несомненно, кто-то из Бен-Буфаров в незапамятные времена посвятил себя пейзажной живописи. Винтовая лестница поднималась на балкон, соединенный с широкой прогулочной террасой. Напротив салона небольшая прихожая открывалась в гостиную с гардеробом кайарха. В шкафах висели мундиры и церемониальные костюмы, в комодах лежали аккуратные стопки белья и рубашек, на полках были расставлены десятки пар сапог, ботинок, сандалий и комнатных туфель, вощенных и начищенных до блеска. Кайарх Йохайм любил порядок. Личные вещи, одежда и знаки отличия ни о чем не говорили. Эфраим ощущал тревожную подавленность, смешанную с возмущением — все эти наряды и обувь должны были давным-давно убрать!

За высокой дверью гардероба находилась спальня кайарха — относительно небольшое помещение с простым убранством. Кровать с тонким, жестким матрасом напоминала походную кушетку. По мнению Эфраима, спальня оставляла желать лучшего — он не возражал против простоты, но не видел особых достоинств в аскетизме. Короткий коридор вел из спальни в ванную с туалетом, а затем в каморку со столом и одним стулом — трапезную кайарха. Пока Эфраим осматривался в трапезной, грохочущий в нише лифт доставил из подвальной кухни глубокую фарфоровую миску с горячим супом, ломоть хлеба, блюдо с

луком-пореем в растительном масле, кусок черновато-коричневого сыра и высокую кружку пива. Впоследствии Эфраим узнал, что трапезная обслуживалась автоматически — закуски обновлялись каждый час. Кайарху никогда не приходилось унижаться, приказывая подать пищу.

Эфраим вспомнил, что голоден, и плотно подкрепился. Выходя из трапезной в коридор, он заметил в конце темного прохода винтовую лестницу. Его отвлекли звуки, доносившиеся из спальни: пара лакеев убирала одежду и обувь покойного кайарха, заменяя их значительно менее разнообразным гардеробом — по-видимому, вещами, оставленными Эфраимом там, где он жил раньше.

— Я приму ванну, — сообщил лакею Эфраим. — Приготовьте мне подходящую одежду.

— Безотлагательно, ваше могущество!

— Кроме того, уберите эту кровать и поставьте что-нибудь пошире и поудобнее.

— Сейчас же, ваше могущество!

Через полчаса Эфраим рассматривал себя в зеркале. На нем были серый сюртук поверх белой рубашки, черные бриджи, черные чулки и черные бархатные туфли — наряд, подходящий для повседневного ношения в замке. Одежда казалась чересчур свободной — за шесть месяцев он потерял в весе.

Эфраим решил узнать, куда вела винтовая лестница в конце коридора. Поднявшись по двадцати ступеням на верхнюю площадку, он открыл дверь, выходившую в другой коридор.

Снаружи дверь казалась частью деревянной обшивки — если бы он закрыл ее за собой, найти ее снова стало бы практически невозможно. Пока Эфраим стоял, рассматривая стену и пытаясь угадать назначение двери, из комнаты в конце коридора появилась лиссолет Стелани. Заметив Эфраима, она задержалась, но потом стала медленно приближаться, глядя в сторону. Зеленые лучи Цирсе, струившиеся через окно-амбразуру у нее за спиной, подсвечивали ее фигуру. Эфраим понял, зачем женщины рунов носили бесцветные полупрозрачные хламиды. Чем ближе подходила девушка, тем отчетливее проступал на ее лице легкий румянец. Смущение? Раздражение? Волнение? Невозможно было угадать, о чем она думала.

Стелани шла — Эфраим стоял и смотрел. Очевидно, лиссолет собиралась проскользнуть мимо, полностью игнорируя его присутствие. Эфраим чуть наклонился, почти готовый обнять ее за талию. Почувствовав его намерение, Стелани сразу остановилась и бросила на него быстрый тревожный взгляд. «Бесспорно, она красива!» — подумал Эфраим. Рунические странности, пожалуй, только усиливали ее привлекательность.

Стелани заговорила, тихо и бесцветно:

— Что заставило вас неожиданно выскочить из мерк-хода? Хотите меня испугать?

— Из мерк-хода? — Эфраим недоуменно оглянулся на приоткрытую панель в стене. — Ах да! Я и не подумал... — Уловив удивление в глазах Стелани, он оборвал себя на полуслове:

— Неважно. Если не возражаете, давайте спустимся в почетные покои. Хотел бы с вами побеседовать.

Он распахнул дверь в стене, но Стелани изумленно отшатнулась:

— Через мерк-ход?

Переводя взгляд с Эфраима на потайной ход и обратно, она не сдержала холодный смешок:

— Вас мое достоинство несколько не беспокоит?

— Прошу прощения! — торопливо извинился Эфраим. — В последнее время я немного забывчив. Разумеется, пойдём обычной дорогой.

— Как пожелаете, ваше могущество, — Стелани ждала.

Немного поколебавшись, Эфраим, не помнивший планировки замка, направился по коридору в направлении, казавшемся самым логичным путем к парадному входу в покои кайарха.

За спиной прозвучал холодный голос:

— Вашему неотразимому влиянию угодно сперва осмотреть коллекцию гобеленов?

Эфраим остановился и пошел в обратную сторону. Молча обойдя лиссолет, он повернул в другой коридор, выходящий в фойе, откуда широкие каменные ступени, окаймленные тяжеловесными балюстрадами и старинными фонарями из кованого железа, спускались на первый этаж. Эфраим туда и направился — Стелани скромно следовала за ним. Оказавшись в приемном зале, Эфраим задержался на пару секунд, но вспомнил дорогу к покоям кайарха.

Беспрепятственно растворив высокие двери с головами медуз, Эфраим пригласил Стелани войти в галерею трофеев. Закрыв двери, он отодвинул от стола кресло, чтобы лиссолет могла сесть. Обратив к нему уже знакомый взгляд, выражавший язвительное замешательство, Стелани спросила:

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы вы могли сесть и отдохнуть — чтобы нам ничто не мешало спокойно говорить.

— Но я не смею сидеть в вашем присутствии, на глазах у ваших предков! — воскликнула Стелани и продолжила вкрадчиво-увещающим тоном:

— Вы же не хотите, чтобы духи мертвых напустили на меня порчу?

— Конечно, нет. Пройдем в гостиную — там портреты вас не потревожат.

— Опять же, это против всех правил.

Эфраим потерял терпение:

— Вы не желаете со мной говорить? Воля ваша — я вас не задерживаю!

Стелани грациозно прислонилась к краю стола:

— Если кайарх приказывает говорить, я не могу не подчиниться.

— Ни о каком приказе, разумеется, нет речи.

— Что вы желаете обсудить?

— Не знаю, с чего начать. По правде говоря, я в замешательстве. Мне пришлось пережить сотни странных происшествий, я видел тысячи новых лиц, посетил дворец коннатиго на Нуменесе... Теперь, по возвращении, обычаи Шаррода мне непривычны.

Стелани уделила полминуты размышлению о затруднении кайарха:

— Действительно, вы кажетесь другим человеком. Раньше вы не допускали ни малейшего нарушения этикета.

— Любопытно! Хотел бы я знать... — рассеянно пробормотал Эфраим. Подняв глаза, он встретил пристальный, изучающий взгляд:

— Так, по-вашему, я изменился?

— Конечно. Если бы я не знала вас с детства, можно было бы подумать, что вас подменили — учитывая, прежде всего, вашу знаменательную забывчивость.

Немного помолчав, Эфраим ответил:

— Должен признаться, мне трудно собраться с мыслями. До вчерашнего дня я даже не подозревал, что стану кайархом. Вернувшись домой, я столкнулся с откровенной неприязнью. Меня это очень расстраивает.

Лиссолет удивилась его простодушию:

— А чего вы ожидали? Сингалисса больше не может называться «крайке» — она потеряла всякое право на пребывание в странге Бен-Буфаров. Я и Дестиан — в том же положении. Нам придется перебираться обратно в старый нудный Дизбах и заново привыкать к деревенской жизни. Здесь мы на вашем содержании. Для нас это печальный поворот событий.

— Если вы не хотите уезжать, я не настаиваю.

Стелани безразлично пожала плечами:

— Никому не интересно, что я обо всем этом думаю.

— Неправда! Меня интересует ваше мнение.

Стелани снова пожала плечами:

— Само собой, я предпочитаю Шаррод Дизбаху.

— Само собой. Расскажите мне — что происходило перед моим исчезновением в Порт-Маре? Что вы помните?

Стелани поморщилась:

— Нашу поездку в Порт-Мар нельзя назвать ни поучительной, ни забавной. Впрочем, в отеле, как вы знаете, умеют соблюдать приличия. Мы решили взять с собой Дестиана и Маэрио и прогуляться к варьете под названием «Волшебный сад» — там давали кукольное представление. Нас предупреждали о невероятной вульгарности городских нравов. Но мы вообразили себя неуязвимо толстокожими и перешли по мосту в Новый город — хотя ни у меня, ни у Дестиана эта вылазка, честно говоря, не вызывала энтузиазма. Вы спросили дорогу у молодого человека — типичного представителя гедонистической городской черни. Кстати, вы его зачем-то с собой привезли. Он провел нас к «Волшебному саду», но представление уже кончилось. Ваш знакомый — Лорта, Лорка? — настаивал на распитии вина, чтобы мы у всех на глазах вливали жидкость в пищеводы, чмокая и булькая. Простите меня за грубость — я предпочитаю выражаться откровенно. Ваш знакомый бесстыдно высмеивал вещи, о которых не имеет ни малейшего представления. Пока вы беседовали с лиссолет Маэрио — достаточно увлеченно, насколько я припоминаю, — этот Лорка возмнил о себе неведь что. Его манеры стали положительно фамильярными — он сделал несколько поистине оскорбительных предложений, простительных исключительно ввиду его полной невинности. Мы с Дестианом решили удалиться. Маэрио, однако, осталась с вами. Право, она проявляет чрезмерную терпимость. Когда мы вернулись в отель, кайарх Рианле уже не на шутку беспокоился. Он поручил Дестиану привести Маэрио обратно, каковое поручение Дестиан выполнил, оставив вас наедине с вашим городским приятелем.

— И через несколько минут меня одурманили зельем и отправили блуждать в космос! — воскликнул Эфраим.

— На вашем месте я расспросила бы этого Лорку — или как его там.

— А! — недовольно крякнул Эфраим, — Ему-то зачем было меня травить? Где-то у меня есть враг, способный на самые подлые проделки, но Лоркаса подозревать бессмысленно.

— У вас много врагов, — мягким мелодичным голосом сказала Стелани. — Госсو Горджетский и Сансевери, владетель Торро, оба еще не уплатили вам долг кровной мести и ожидают от вас того же. Крайке Сингалиссе и канга Дестиана ваше возвращение ставит в чрезвычайно неловкое положение. Лиссолет Маэрио обиделась на ваши настойчивые приставания в Порт-Маре. Ни она, ни кайарх Рианле не готовы вас скоро простить. Что касается лиссолет Стелани... — она прервалась и покосилась на Эфраима. От другой девушки Эфраим мог бы ожидать кокетства, но с его собеседницей оно как-то не вязалось.

— Я предпочитаю держать свое мнение при себе. В сложившихся обстоятельствах не совсем ясно, следует ли мне вообще рассматривать возможность тризмы, — закончила Стелани.

— Даже не знаю, что сказать, — пробормотал Эфраим.

Глаза Стелани вспыхнули:

— Вы расстроены, но вас это мало беспокоит! Конечно, теперь наш уговор — несущественная помеха. Вы даже, наверное, о нем не помните!

Эфраим, пытавшийся остановить ее жестом, робко возразил:

— Поймите же, я стал забывчив...

Голос Стелани задрожал:

— По причинам, для меня непостижимым, вы стараетесь причинить мне боль!

— О нет! Вы неправильно меня поняли. Мне трудно разобраться в происходящем, я действительно многого не помню!

Стелани скептически подняла брови, глядя ему в глаза:

— Вы вообще что-нибудь помните?

Эфраим, присевший было в кресло, вскочил на ноги и поспешил в гостиную, но тут же представил себе, что скажет лиссолет, если он предложит ей рюмку ликера, и медленно вернулся к столу.

Стелани следила за каждым его движением:

— Зачем вы вернулись в Шаррод?

Эфраим горько рассмеялся:

— Где еще я мог бы править пределом и рассчитывать на покорность такой красавицы, как вы?

Стелани резко отступила на шаг — лицо ее одновременно побледнело и покрылось красными пятнами. Она повернулась, чтобы выбежать из галереи.

— Подождите! — Эфраим преградил ей дорогу. Лиссолет отшатнулась и съежилась, беззвучно приоткрыв рот, внезапно испуганная и беспомощная. Эфраим сказал:

— Если вы подумывали о тризме, наверное, вы были обо мне хорошего мнения?

Стелани взяла себя в руки:

— Одно из другого не следует. А теперь мне пора.

Она выпорхнула из галереи, призраком пронеслась по коридору и через приемный зал, вспыхнула стройным силуэтом в зеленых лучах Цирсе и пропала.

Эфраим вызвал старшего камергера Агнуа:

— Проводите меня в покои, отведенные высокородному Лоркасу.

Лоркаса поселили на втором этаже башни Минотавра в преувеличенно просторных помещениях. Древние балки поддерживали свод настолько высокий, что в полутьме его невозможно было разглядеть. Толщина стен, покрытых резными каменными плитами — опять же, продуктом мыследействия одного из предков — достигала полутора метров, о чем можно было судить по глубине четырех оконных проемов, обращенных к северным горам. Лоркас стоял спиной к камину, больше трех метров в ширину и почти такой же высоты, где горел непропорционально скромный огонек.

Молодой человек взглянул на Эфраима с горькой усмешкой:

— Как видите, мне совсем не тесно — и есть чему поучиться.

Он указал на длинный ряд массивных застекленных шкафов в полтора человеческих роста, до отказа набитых толстыми папками с красными и синими корешками:

— Диссертации и трактаты, их опровержения, возражения на опровержения, опровержения возражений на опровержения и возражения на опровержения возражений на опровержения — все пронумеровано и снабжено перекрестными ссылками. Если мне не удастся найти пару поленьев, чтобы поддержать огонь, я собираюсь воспользоваться самыми многословными из почтенных трудов.

Как подозревал Эфраим, крайке Сингалисса надеялась поставить на место наглого выскочки из Порт-Мара и научить его должному почтению:

— Если вам здесь неудобно, я прикажу отвести вам другое помещение, нет ничего проще.

— Ни в коем случае! — заявил Лоркас. — Обожаю величественную архитектуру. Жадно впитываю впечатления — теперь воспоминаний хватит на всю жизнь. Подойдите, погрейтесь у моего жалкого очага. Что вам удалось узнать?

— Ничего существенного. Мое возвращение никого не радует.

— Память не пробуждается?

— Я всем чужой, мне все незнакомо.

Лоркас задумался:

— Может быть, полезно было бы навестить ваши бывшие апартаменты, порыться в старых вещах?

Эфраим покачал головой:

— Не хочу.

Он бросился в огромное глубокое кресло, откинулся на спинку и скрестил вытянутые ноги:

— Даже думать об этом не могу.

Эфраим обвел взглядом суровые темные стены:

— Без всякого сомнения, к нашей беседе прислушиваются две или три пары ушей. Замок испещрен мерк-ходами. — Он вскочил на ноги:

— Этим придется заняться!

Они вместе вернулись в покои кайарха. Вещи Дестиана уже убрали. Эфраим прикоснулся к кнопке, чтобы вызвать Агнуа — тот явился и отвесил поклон без особой почтительности. Эфраим улыбнулся:

— Агнуа, в ближайшее время я собираюсь многое изменить в странге Бен-Буфаров. В частности, возможно обновление персонала. Дайте знать вашим подчиненным, что я внимательно оцениваю расторопность и манеры каждого, невзирая на выслугу лет.

— Слушаюсь, ваше могущество! — на этот раз поклон камергера был значительно глубже.

— Кстати, почему в комнатах высокородного Лоркаса не топят надлежащим образом? С моей точки зрения это вопиющее пренебрежение традициями гостеприимства.

Лицо Агнуа порозовело, бугристый нос дернулся в сторону:

— Мне дали понять, ваше могущество... Точнее говоря... По сути дела я допустил оплошность, ваше могущество. Она будет исправлена незамедлительно.

— Одну минуту, я хотел бы обсудить другой вопрос. Насколько я понимаю, вы хорошо знакомы с укладом жизни в странге?

— Лишь в той мере, ваше могущество, в какой это подобает в моем положении и соответствует понятиям о приличии.

— Очень хорошо. Как вы знаете, мне пришлось перенести лишения по причинам, остающимся загадочными. Я намерен добраться до сути дела. Могу ли я рассчитывать на ваше безоговорочное содействие?

Агнуа колебался только долю секунды, после чего горестно вздохнул:

— Я к вашим услугам — как всегда, ваше могущество.

— Прекрасно. А теперь скажите — подслушивает ли нас кто-нибудь в данный момент?

— Насколько мне известно, нет, ваше могущество, — ответил камергер, но тут же неохотно добавил: — Допускаю, что существует такая возможность.

— У кайарха Йохайма был подробный план странга с указанием всех потайных дверей и мерк-ходов, — Эфраим блефовал, допуская, что среди огромного множества записей и документов, бережно хранившихся в замке, неизбежно должна была оказаться такая схема.

— Принесите мне этот план, я хотел бы его изучить.

— Слушаюсь, ваше могущество. Потребуется, однако, ключ от секретера.

— Разумеется. Где ключ кайарха Йохайма?

Агнуа моргнул:

— Возможно, в распоряжении крайке.

— Что сейчас делает крайке Сингалисса?

— Освежается¹ в своих покоях.

Эфраим нетерпеливо шагнул к двери:

— Проведите меня к ней. Нам нужно поговорить.

— Ваше могущество, вы повелеваете мне указывать вам дорогу?

— Да-да, ступайте вперед.

Агнуа поклонился, развернулся по-военному и повел Эфраима — сначала в большой приемный зал, потом вверх по лестнице и по коридору к башне Джагер, где он остановился перед высокой дверью с гранатово-красными кристаллами, орнаментально выступавшими из резных деревянных панелей. По сигналу Эфраима камергер нажал на центральный кристалл — дверь широко распахнулась, Агнуа отошел в сторону. Эфраим решительно промаршировал в фойе личных покоев крайке. Прибежала горничная, быстро присевшая в грациозном реверансе:

— Что прикажете, ваше могущество?

— Позовите ее благоволение. Немедленно.

Горничная колебалась, но, испугавшись выражения на лице Эфраима, исчезла там, откуда появилась. Минута шла за минутой. Несмотря на приглушенное восклицание камергера, Эфраим толкнул рукой дверь, ведущую во внутренние покои.

Он оказался в продолговатой гостиной, меблированной канapé и столешницами из позолоченного дерева и украшенной красно-зелеными настенными коврами. В боковом арочном проеме ему почудилось какое-то движение. Быстро пройдя под аркой, Эфраим застал крайке Сингалиссу у небольшого встроенного в стену шкафчика. Увидев кайарха, крайке поспешно засунула в шкафчик небольшой предмет и захлопнула дверцу.

Раздраженно повернувшись к Эфраиму, Сингалисса обожгла его возмущенным взглядом:

— Ваше могущество изволили забыть о приличиях?

— Бросьте притворяться, — сказал Эфраим. — Откройте сейф.

Угловатое лицо Сингалиссы окаменело:

— В секретере — только мои личные драгоценности.

Эфраим подозревал Агнуа:

¹ Диалект рунов полон тончайших нюансов. Глагол «освежаться» истолковывается несколькими различными способами, в зависимости от обстоятельств. В данном случае его употребление позволяет предположить, что крайке легла вздремнуть.

— Принесите топор. Сейчас же.

Камергер поклонился. Сингалисса издала нечленораздельный звук и, повернувшись к стене, нажала потайную кнопку. Дверца шкафчика открылась. Эфраим обратился к Агнуа:

— Выложите на стол все, что найдете внутри.

Агнуа осторожно извлек содержимое секретера — стопку кожаных папок. Сверху лежал ажурный чугунный ключ, инкрустированный серебром. Эфраим поднял его:

— Что это?

— Ключ от секретера кайарха.

— А остальное?

— Мои личные бумаги, — стальным голосом отозвалась Сингалисса. — Договоры о тризме, свидетельства о рождении канга и лиссолет.

Эфраим бегло просмотрел папки. В первой же нашелся подробный архитектурный план. Эфраим посмотрел на Сингалиссу, та холодно уставилась на него. Эфраим снова позвал камергера:

— Проверьте содержимое этих папок. Верните ее влиянию упомянутые ею документы. Остальные бумаги отложите в сторону.

Сингалисса опустила в кресло и застыла. Наклонившись над столом, тяжеловесный Агнуа бесшумно раскладывал пергаментные листы — воплощение скромности и почтения. Закончив, он отодвинул небольшую стопу:

— Эти документы относятся к личным делам крайке. Остальные надлежит хранить в секретере кайарха.

— Возьмите их.

Прощавшись с Сингалиссой ледяным кивком, Эфраим покинул ее комнаты.

Мато Лоркас все еще был там, где его оставили — в огромном кресле с обтянутой кожей спинкой. Молодой человек изучал историю войн между Шарродом и соседним пределом под наименованием Слаунт, находившимся в восьмидесяти километрах к югу. Заметив возвращение Эфраима и камергера, Лоркас отложил увесистый том и поднялся на ноги:

— Какие у вас новости?

— Я нашел, что ожидал найти. Крайке не намерена признавать поражение — с ней еще придется повозиться.

Эфраим подошел к секретеру кайарха, вставил ключ и широко распахнул тяжелые дверцы. Некоторое время он разглядывал содержимое — пачки документов, учетные книги, сертификаты, рукописные хроники — но скоро потерял интерес:

— Когда-нибудь придется заняться и этим. А сейчас...

Эфраим повернулся ко входу, где безмолвно, как предмет мебели, стоял навытяжку старший камергер:

— Агнуа!

— Слушаю, ваше могущество.

— Если вы считаете, что способны верно служить мне и только мне, можете оставаться в своей должности. Если нет, немедленно сложите с себя все полномочия и обязанности — и я ни в чем вас не стану винить.

Агнуа тихо произнес:

— Я служил кайарху Йохайму много лет. Ему нечем было меня упрекнуть. Я продолжу служить законному кайарху.

— Очень хорошо. Найдите подходящие материалы и подготовьте эскиз странга Бен-Буфаров с обозначением помещений, занимаемых тризметами покойного кайарха.

— Немедленно этим займусь, ваше могущество.

Эфраим подошел к массивному центральному столу галереи, уселся за него и принялся изучать документы, экспроприированные у Сингалиссы. Он нашел нечто напоминавшее церемониальный протокол, удостоверявший наследственные права представителей рода Бен-Буфаров — список, начинавшийся с глубокой древности и кончавшийся его именем. Неудобочитаемая надпись в традиционном руническом стиле, собственноручно сделанная кайархом Йохаймом, заверяла, что Эфраим, сын крайке Альферики из Заоблачного странга Джентов,¹ является его наследником. В другой папке содержалась переписка кайарха Йохайма и кайарха Рианле Эккордского. Последние письма относились к предложению Рианле, просившего Йохайма уступить Эккорду земельный участок, известный под наименованием Дван-Джар — «отрог Шорохов» — в качестве возмещения за согласие Рианле на тризму канга Эфраима и лиссолет Маэрио. Йохайм вежливо отказывался, ссылаясь на продолжающееся рассмотрение вопроса о тризме Эфраима и Стелани, а также на невозможность передачи Дван-Джара другому владельцу по причинам, хорошо известным Рианле.

Эфраим поднял голову и спросил камергера:

— Зачем Рианле понадобился Дван-Джар?

Агнуа задумчиво уставился в потолок:

— Причина всегда одна и та же, ваше могущество. Кайарх Эккордский во что бы то ни стало желает построить заоблачную обитель на Саашинском утесе, откуда рукой подать до Бельродского странга. Как вы знаете, кайарх Йохайм отказался удовлетворить этот каприз Рианле в связи с непреложностью древнего договора, заключенного с фвай-чи.

— Фвай-чи? При чем тут фвай-чи?

— На отроге Шорохов находится одна из их святынь,² ваше могущество, — Агнуа говорил монотонно, как если бы раз и навсегда решил не выражать никакого удивления по поводу неосведомленности молодого кайарха.

— Да-да, конечно, — Эфраим открыл третью папку. В ней находилась подборка архитектурных чертежей, изображавших различные аспекты странга Бен-Буфаров. Стоявший поодаль Агнуа отвел глаза в сторону, всем видом показывая, что его эти чертежи совершенно не интересуют. «Ага! — подумал Эфраим. — Вот они, планы тайных ходов моего замка!»

На подробных чертежах было много непонятных обозначений. Крайке Сингалисса могла изготовить копии этих планов. По меньшей мере, она неоднократно изучала и запоминала расположение мерк-ходов — в их лабиринте Сингалисса, конечно же, ориентировалась не хуже, чем в общедоступных коридорах.

— Пока все, других вопросов нет, — сказал Эфраим старшему камергеру. — Ни в коем случае ни с кем не обсуждайте мои дела! Если у вас будут что-нибудь спрашивать, отвечайте, что кайарх недвусмысленно запретил вам вступать в разговоры, делать намеки и распространять слухи!

— Как прикажете, ваше могущество! — выцветшие голубые глаза Агнуа снова поднялись к потолку. — Ваше могущество, разрешите мне взять на себя такую смелость и поделиться с вами одним соображением. С тех пор, как скоропостижно скончался кайарх Йо-

¹ В связи с не поддающимися контролю условиями воспроизведения потомства у рунов происхождение определяется по материнской линии, хотя во многих случаях отец и сын знают о своем родстве.

² «Святыня» — неточный перевод. Было бы правильнее выразиться: «место духовного возрождения», «этап паломничества» или «перекресток дорог жизни».

хайм, состояние дел в странге Бен-Буфаров оставляет желать лучшего, хотя крайке Сингалисса, несомненно, оказывала положительное влияние.

Камергер помолчал в нерешительности, после чего заговорил так, будто некая непреодолимая сила заставляла слова срываться с языка вопреки его воле:

— Ваше возвращение, естественно, нарушило планы кайарха Рианле, и с вашей стороны я не стал бы полагаться на его заверения в дружелюбии.

Эфраим попытался придать лицу понимающее и недоумевающее выражение одновременно:

— Я не сделал ничего, чтобы восстановить против себя Рианле — во всяком случае намеренно.

— По всей вероятности это именно так, но с точки зрения Рианле преднамеренность или непреднамеренность не имеют никакого значения, если действия препятствуют достижению его целей. По сути дела, вы аннулировали тризму между кангом Дестианом и лиссолет Маэрио, а Рианле больше не сможет воспользоваться преимуществами тризмы между ним и крайке Сингалиссой.

— Он настолько высоко ценит Дван-Джар?

— По всей видимости, ваше могущество.

Эфраим уже почти не пытался скрыть невежество:

— Значит, он может напасть на Шаррод?

— С его стороны следует ожидать чего угодно.

Эфраим жестом отпустил камергера — тот поклонился и ушел.

Исп перешел в умбер. Эфраим и Лоркас приступили к терпеливому изучению планов странга Бен-Буфаров, снова и снова прослеживая головоломные пересечения потайных ходов, составляя упрощенные схемы и снабжая их своими обозначениями. Винтовая лестница в конце коридора за трапезной, по-видимому, просто-напросто сокращала путь из покоев кайарха на второй этаж башни Джагер. Настоящие мерк-ходы радиально распространялись из небольшого круглого помещения рядом с парадной гостиной — эти узкие туннели пронизывали все стены замка, пересекаясь и соединяясь, поднимаясь и спускаясь. На схемах каждый мерк-ход был заштрихован цветными полосками того или иного оттенка — каждый позволял подглядывать и подслушивать за происходящим в жилых апартаментах, коридорах и залах, пользуясь всевозможными глазками, перископами, решетками вентиляционных отверстий и увеличительными видеоискателями.

От бывших покоев канга Эфраима и из комнат канга Дестиана тоже отходили радиальные туннели, но менее многочисленные, причем в них можно было тайно проникать из мерк-ходов кайарха. Мрачно пожившись, Эфраим вообразил себя в нелепом рогатом шлеме с маской, целенаправленно шагающего по секретным коридорам. Чьи комнаты он посещал во мраке, внезапно отодвигая потайную дверь? Он представил себе лицо лиссолет Стелани, бледное и напряженное, с горящими черными глазами и полуоткрытым ртом, выражающее эмоции, невыразимые для нее самой...

Эфраим вернулся к изучению красной папки и в десятый раз просмотрел сопровождавший планы перечень обозначений с подробными описаниями замков и пружин, открывавших замаскированные выходы, а также устройств сигнализации, предупреждавших кайарха о попытках использования мерк-ходов без его ведома. Выход в гостиную из круглого помещения «Скарлатто», где начинались туннели, преграждала железная дверь, защищавшая кайарха от вторжения. Другие подобные двери блокировали стратегически важные узловые пересечения проходов.

Вынужденные довольствоваться поверхностным знакомством с лабиринтом, Эфраим и Лоркас встали из-за стола, прошли в парадную гостиную и остановились у внутренней стены. Наступила тяжелая тишина.

— Кто знает? — пробормотал Лоркас. — Все может быть... Не исключено, что нас ожидает подвох — волчья яма, ядовитая паутина... Скорее всего, меня просто подавляет общая атмосфера вашего замка. В конце концов, руны не убивают — пока не наступит мерк.

Эфраим ответил нетерпеливым жестом — Лоркас точно выразил мысли, носившиеся у него в голове. Подойдя к стене, он нажал на несколько декоративных выступов в последовательности, указанной на плане. Незаметная потайная дверь дрогнула и отодвинулась в сторону. Они поднялись по каменной лестнице на круглую площадку Скарлатто. Звуки шагов поглощались темно-багровыми коврами дорожками, под сводом горела люстра из двадцати точечных светильников. Из каждой панели покрытой черной и красной эмалью стеной обшивки выступало барельефное, почти плоское мраморное изображение мужского шлема-маски. Каждый барельеф напоминал лицо, искаженное той или иной преувеличенной эмоцией, на каждом была надпись, высеченная неизвестными иероглифами. В шести нишах поблескивали зеркала и экраны, позволявшие наблюдать за парадной гостиной с разных точек зрения. Лоркас тихо спросил голосом, дополнительно приглушенным акустическими особенностями помещения:

— Вы замечаете запах?

— Пахнет коврами... пылью.

— У меня чуткое обоняние. Я различаю аромат духов — точнее, травяной эссенции.

Застывшие под мертвенными лучами светильников, они напоминали два безжизненных манекена.

Лоркас снова нарушил молчание:

— Той же травяной эссенцией пахнет, когда мимо проходит Сингалисса.

— По-вашему, она здесь была?

— Совсем недавно — подглядывала, слушала, пока мы обсуждали планы замка. Железная дверь на лестницу открыта настежь.

— Мы ее закроем. А теперь мне пора спать. Позже мы запрем на замки все остальные двери в проходах, чтобы тут больше никто не бродил и не шпионил.

— Предоставьте это мне! Мне страшно интересно, и я совсем еще не устал.

— Воля ваша. Учтите, крайке могла установить свою собственную сигнализацию.

— Я буду предельно осторожен.

Глава 7

Эфраим проснулся в спальне кайарха и лежал в полутьме. Часы на камине показывали, что наступил ауд, но Фурад и Маддар должны были скоро прийти, уступив небо прохладному испу. Второй циферблат часов указывал суточное портмарское время — Эфраим проспал семь часов, больше, чем намеревался.

Глядя на высокий свод, Эфраим размышлял о положении, в котором он очутился. Его преимущества можно было пересчитать по пальцам. Он правил прекрасной горной долиной из замка, полного очарования древности. Ему удалось, как минимум, частично нарушить планы врага — или врагов. Теперь неприятелю — неприятельнице, неприятелям? — тоже приходилось поломать голову. Следовало ли терпеть дальнейшее пребывание противников в странге Бен-Буфаров? Если да, с какой целью? Эти люди были с ним в Порт-Маре, когда его лишили памяти... Одна эта мысль заставила Эфраима задрожать от ярости и вскочить с постели.

Он выкупался и позавтракал — если это можно было назвать завтраком — холодным мясом с хлебом и фруктами, найденными в трапезной. Не понимая обычаи рунов, такое меню можно было бы считать намеренным оскорблением... Эфраим задумался о введении новшеств. Почему руны должны вести себя с преувеличенной брезгливостью, когда триллионы других людей пируют веселыми компаниями, несколько не обеспокоенные неприличностью поглощения пищи? Но нарушение традиций в одиночку вызвало бы лишь отвращение и осуждение. Решение проблемы приходилось отложить.

В шкафах гардеробной Эфраим нашел одежду, оставленную им, по-видимому, шесть месяцев тому назад — на его взгляд одежды было немного, и она отличалась чрезмерной веселостью расцветки. Он снял с вешалки и рассмотрел кафтан горчичного цвета с черной узорчатой вышивкой и алой подкладкой — щегольской наряд, несомненно подчеркивавший достоинства внешности молодого канга в дружеской обстановке.

Хмыкнув, Эфраим перешел к изучению других костюмов. Теперь он пожалел о том, что не уделил больше внимания гардеробу кайарха Йохайма. Он успел лишь мельком взглянуть на него — осталось только общее впечатление подобающей владельцу сдержанной элегантности.

Эфраим задумчиво вышел в парадную гостиную и вызвал Агнуа. Камергер был чем-то смущен — его бледно-голубые глаза бегали и, пока он кланялся, пальцы его больших холеных рук нервно сжимались, будто он разминал в кулаках комки глины.

Прежде чем Эфраим успел к нему обратиться, Агнуа торопливо произнес:

— Ваше могущество, эйодархи Шаррода просят предоставить им аудиенцию в кратчайшие возможные сроки. Если это устроит ваше могущество, они желают встретиться с вами через два часа.

— Аудиенция подождет! — прорычал Эфраим. — Следуйте за мной.

Он провел Агнуа в гардеробную, встал посреди комнаты и остановил на лице камергера холодный взгляд, заставивший того испуганно моргнуть:

— Как вы знаете, меня не было в Шарроде почти шесть месяцев.

— Так точно, ваше могущество.

— Мне пришлось пережить немало неприятностей, в том числе инцидент, вызвавший частичную потерю памяти. Я говорю об этом, полагаясь на ваше умение держать язык за зубами.

— Естественно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать доверие вашего могущества, — запинаясь, проговорил Агнуа.

— Я забыл многие тонкости и детали рунических обычаев и вынужден пользоваться вашей помощью. Например, возможно ли, чтобы эти костюмы составляли весь мой гардероб?

Агнуа облизал губы:

— Нет, ваше могущество. Крайке выбрала отдельные предметы одежды. Их принесли сюда.

— Я это носил, будучи кангом?

— Да, ваше могущество.

— Эти наряды отличаются щегольским, даже экстравагантным покроем. Считаете ли вы, что они подобают человеку моего сана?

Агнуа потянул себя за кончик бледного длинного носа:

— Не совсем, ваше могущество.

— Если бы я появился перед эйодархами в одном из этих костюмов, они сочли бы мое поведение легкомысленным и безответственным, не так ли? Обо мне стали бы говорить за спиной, что я — невоспитанный юнец, недостойный занимать высокую должность кайарха.

— Подозреваю, что вы правы.

— Каковы, в точности, были указания Сингалиссы?

— Она приказала перенести эту одежду в вашу гардеробную. Она заметила также, что предоставление вам каких-либо рекомендаций, противоречащих предпочтениям вашего могущества, выглядело бы непростительной вольностью как с вашей точки зрения, так и с точки зрения самой крайке Сингалиссы.

— По сути дела она хотела, чтобы вы помогли мне свалить дурака. А затем вызвала эйодархов, настаивающих на аудиенции.

Агнуа торопливо оправдывался:

— Вы справедливо оценили ситуацию, ваше могущество, но...

Эфраим оборвал его:

— Отложите аудиенцию. Объясните эйодархам, что я должен разобраться в событиях последних месяцев. Далее: уберите эти наряды. Поручите портным изготовить для меня надлежащий гардероб. Тем временем принесите что-нибудь подходящее из моей старой одежды.

— Будет сделано, ваше могущество.

— Кроме того, проинформируйте персонал о том, что Сингалисса больше не уполномочена давать указания. Мне надоели мелкие интриги. Никакая она не «крайке» — с этой минуты ее надлежит величать как положено, «вирховессой Дизбахской»!

— Слушаюсь, ваше могущество.

— И наконец — Агнуа, меня поражает то, что вы не позаботились известить меня о намерениях Сингалиссы.

Доведенный до отчаяния камергер взмолился:

— Ваше могущество, за долгие годы я привык беспрекословно выполнять поручения высокородной Сингалиссы. Тем не менее, так или иначе я намеревался защитить достоин-

ство вашего могущества. Моя ли вина в том, что вы разгадали умысел прежде, чем у меня появилась возможность что-либо предпринять?

Эфраим сухо кивнул:

— Найдите мне подходящую одежду на ближайшее время.

Одевшись, Эфраим вышел в парадную гостиную, будучи почти уверен, что встретит Мато Лоркаса. Но гостиная пустовала. Постояв в нерешительности у стола, Эфраим обернулся — вернулся Агнуа. Эфраим опустился в кресло:

— Скажите, как умер кайарх Йохайм?

— Ваше могущество, никто ничего толком не знает. Семафоры предупредили о вторжении горджетских меркменов, спускавшихся верхом с Тассенберга. Кайарх выслал вперед два отряда, чтобы те окружили их с флангов, а сам возглавил третий, собираясь наказать наглецов. Меркмены бросились в Субанский лес и стали удирать вверх по теснинам Хоризуке. Шарды пустились в погоню. Внезапно со всех сторон открыли шквальный огонь горджетские стволы — наши отряды попали в засаду. Йохайм приказал отступать, и шарды с боем прорвались вниз по ущелью. Где-то по пути Йохайму в спину вонзилась стрела — так он погиб.

— В спину? Йохайм бежал, повернувшись спиной к врагу? В это трудно поверить!

— Насколько я понимаю, он занял позицию на пригорке, командуя перемещениями шарродских войск. Надо полагать, меркмен прокрался по скалам у него за спиной.

— Кто был этот меркмен? Какого ранга?

— Его не удалось убить или поймать, ваше могущество. По сути дела его никто даже не видел. Канг Дестиан взял на себя командование отрядами и привел их обратно в Эсх без дальнейших злоключений. И в Шарроде, и в Горджетто все ожидают ответного удара. В Горджетто объявлено военное положение.

Ярость, вызванная бессилием неведения, душила Эфраима. Он тяжело опустил кулаки на ручки кресла:

— Я натыкаюсь на стены, как слепой шут гороховый! Нужны дополнительные сведения, я должен разобраться в местной политике!

— Ваше могущество, этим можно заняться без промедления. Достаточно обратиться к архивам — или, если вы предпочитаете, к кайархальным пандектам. Они в томах с красными и зелеными переплетами, на полке в конце галереи, — с готовностью отозвался Агнуа, надеясь, что Эфраим забудет наконец о недоразумении в гардеробной.

Три часа Эфраим изучал историю Шаррода. Распри между Горджетто и Шарродом продолжались веками. Пределы-соперники наносили друг другу тяжелые потери. Эккорд изредка был союзником Шаррода, иногда — противником, а в последние годы стремительно наращивал военную мощь и теперь превосходил Шаррод численностью бойцов. Дизбах занимал небольшую тенистую долину в верховьях Гартфанга — этот предел не оказывал заметного влияния на местное равновесие сил, хотя дизбы издавна пользовались репутацией опасных интриганов, а их женщины слыли ведьмами.

Эфраим проследил генеалогию самых высокопоставленных эйодархов Шаррода и кое-что узнал о тризмах, объединявших местную знать с другими пределами. Он нашел сведения о себе — о своем участии в маневрах, учениях и походах, о том, что его считали храбрым, настойчивым, хотя и несколько самонадеянным наследником. Оказалось, что в стремлении проводить реформы Эфраим нередко вступал в пререкания с Йохаймом, настаивавшим на сохранении традиций.

Он прочел о своей матери, крайке Альферике, утонувшей во время посещения Эккорда, когда ее лодка опрокинулась на озере Зуле. В списке присутствовавших при погребении

значилась лиссолет Сингалисса из странга Урру в Дизбахе. Вскоре после этого Йохайм заключил новую тризму, и Сингалисса переехала в странг Бен-Буфаров вместе со своими детьми, Дестианом и Стелани, зачатыми вне тризмы — что не считалось среди рунов чем-то необычным и не влекло за собой никаких последствий.

Перенасытившись новыми фактами, Эфраим отложил пандекты, встал, потянулся и стал медленно прохаживаться по парадной гостиной. Услышав какой-то звук, он обернулся, ожидая увидеть Мато Лоркаса, но обнаружил лишь камергера Агнуа. Эфраим вернулся к размышлениям. Необходимо было принять окончательное решение по поводу высокородной Сингалиссы. Она пыталась похитить и скрыть ряд важнейших документов. Кроме того, она пыталась поставить его в затруднительное и унижительное положение. Если он ограничится презрением, Сингалисса, несомненно, продолжит плести интриги. Тем не менее — именно потому, что Сингалисса вызывала отвращение — Эфраим чувствовал непреодолимое нежелание подвергать ее суровому наказанию. Равновесие преступления и приговора создает некую близость, некое взаимопонимание между наказывающим и наказуемым, подобное близости мучителя и жертвы. Тем не менее, он вынужден был как-то реагировать на провокации — иначе Сингалисса сочла бы его трусливым ничтожеством.

— Агнуа, я принял решение. Высокородную Сингалиссу надлежит переселить из апартаментов, занимаемых ею в настоящее время, в помещения, отведенные моему другу Лоркасу, а его благородию Лоркасу должны быть предоставлены более комфортабельные покои в башне Джагер. Займитесь этим сейчас же, я не потерплю никаких задержек.

— Ваше приказание будет выполнено! Смею ли я сделать замечание?

— Я вас слушаю.

— Почему бы не сослать ее восвояси, в Дизбах? В странге Урру вирховесса будет на безопасном расстоянии от Шаррода.

— Разумное предложение. Но Сингалисса вряд ли останется в Дизбахе — вместо этого она посвятит себя изобретению всевозможных каверз, подстерегающих меня на каждом шагу. Здесь она по меньшей мере у меня на виду. Опять же, я еще не знаю, кто учинил над мной подлую расправу шесть месяцев тому назад. Выгнать Сингалиссу я успею, когда узнаю правду. Кроме того... — Эфраим замаялся. Вместе с Сингалиссой, несомненно, уехала бы и лиссолет Стелани. Но обсуждать эту сторону вопроса с камергером Эфраим не собирался.

Заложив руки за спину, он расхаживал взад и вперед по гостиной: что было известно Агнуа о «деяниях мерка», совершавшихся в замке? Что Агнуа мог бы поведать ему о Стелани? Как Стелани вела себя, когда наступал мерк? Закрывала ли она двери и ставни на засовы — как полагалось поступать пугливым девушкам? Кстати, где Стелани и что она делает?

Эфраим спросил:

— Где находится Мато Лоркас?

— Сопровождает лиссолет Стелани. Они гуляют в саду Скорбных Ароматов.

Эфраим крикнул и снова стал мерить шагами гостиную. Следовало ожидать такого развития событий. Отрывистым жестом он приказал камергеру спешить:

— Немедленно проследите за переселением высокородной Сингалиссы. В объяснениях нет необходимости — я отдал простые, недвусмысленные указания. Нет, постойте! Можете сказать, что я разгневался на нее за выбор бесполезных старых тряпок для моего гардероба.

— Слушаюсь, ваше могущество, — Агнуа торопливо покинул покои кайарха. Эфраим почти сразу же последовал за ним. Пройдя через безмолвный приемный зал, он вышел на террасу. Перед ним раскинулись горные просторы, безмятежные под неярким небом умбера. Навстречу уже спешил вверх по ступеням Мато Лоркас.

— Привет, привет! — приговаривал Лоркас с неестественной, на взгляд Эфраима, веселостью, вероятно призванной скрыть нервное возбуждение. — Спать вы горазды! Я уже стал беспокоиться.

— Я давно проснулся. А вы что делали?

— Много чего! Исследовал ходы, начинающиеся в Скарлатто. К вашему сведению — туннели, ведущие к апартаментам высокородной Сингалиссы и лиссолет Стелани, наглухо закрыты свежей кирпичной кладкой. С наступлением мерка вам придется обратить благосклонное внимание на других прелестниц.

— Сингалисса не теряла времени зря.

— Она переоценивает обаяние своего драгоценного тела, — заметил Лоркас. — Стелани — другое дело.

— Судя по всему, вам тоже придется прибегнуть к неруническим методам ухаживания, — угрюмо отозвался Эфраим.

— Ха-ха! Легче пробить головой кирпичную кладку! И все же — препятствия меня только раззадоривают. Так или иначе, я не отступлю. Если я добьюсь успеха — представляете, какое это будет торжество свободомыслия?

— Представляю. В качестве предварительной разведки почему бы вам не пригласить Стелани отобедать с вами?

— О, разведку я уже произвел в Порт-Маре — тому шесть месяцев, как я напоролся на колючую проволоку под током. В каком-то смысле я и Стелани — старые знакомые.

Из-под арки приемного зала вышел Агнуа в бархатной треуголке, символизировавшей его почтенную должность. Морщинистое лицо старого камергера осунулось. Он отдал честь Эфраиму, приподняв треуголку:

— Высокородная Сингалисса уверяет, что чрезвычайно расстроена вашим приказом и находит его не поддающимся пониманию.

— Вы передали ей мое замечание по поводу гардероба?

— Передал, ваше могущество — она отказывается усмотреть в своих действиях какой-либо проступок. Она уверена в том, что вы снизойдете к ее просьбе и примете ее во время церемонии вдохновений,¹ чтобы обсудить ее положение.

— Приму, — согласился Эфраим. — Скажем, через пару часов, когда умбер перейдет в зеленый роуэн — если верить большим часам над аркой.

— Через два часа, ваше могущество? Высокородная Сингалисса прибегла к самым настойчивым выражениям и желает немедленно воспользоваться преимуществами доступа к вашей мудрости.

— Настойчивые желания Сингалиссы подозрительны, — отрезал Эфраим. — Двух часов вполне достаточно, чтобы вы успели подыскать подходящие костюмы для меня и благородного Мато Лоркаса. Кроме того, мне еще нужно сделать некоторые приготовления.

Агнуа удалился, растерянный и возмущенный. В десятый раз Эфраим спросил себя: не предусмотрительнее ли было бы его уволить? Знания и опыт Агнуа делали его почти незаменимым — но старший камергер слишком часто колебался и подпадал под влияние личности, устроившей ему последний разнос.

Эфраим обратился к Лоркасу:

— Вы хотели бы присутствовать на церемонии вдохновений, не правда ли?

¹ Очень приблизительный перевод термина «шердакс». Присутствующие на церемонии рассаживаются вокруг стола с персональными ароматизаторами — отверстиями, испускающими последовательности запахов. Расточение чрезмерной похвалы автору ароматической композиции или слишком глубокое вдыхание благовоний считаются дурным тоном — человек, ведущий себя таким образом, подозревается в тайной порочной склонности к сладостям и деликатесам.

— Конечно! Это было бы незабываемым переживанием — одним из многих, осмелюсь заметить.

— Тогда приходите в парадную гостиную через два часа. Кстати, ваши комнаты теперь в башне Джагер. А Сингалисса переселится в то подземелье, куда вас бросили, — Эфраим широко улыбнулся. — Надеюсь, это послужит ей уроком. Вздумала шутки шутить с кайархом!

— Не думаю, что этим дело кончится, — возразил Лоркас. — Вам и не снились трюки, знакомые Сингалиссе с детства. На вашем месте перед тем, как ложиться спать, я проверял бы, не притаилась ли змея под простыней.

— Да, — перестал улыбаться Эфраим. — Вы совершенно правы.

Он зашел в замок, пересек приемный зал и углубился в портретную галерею, но вместо того, чтобы зайти к себе, повернул в боковой коридор, выложенный коричневой и белой плиткой, и таким образом попал в помещение, служившее одновременно канцелярией, казначейством и хозяйственным управлением странга. На скамье у боковой стены стояло древнее устройство связи.

Эфраим закрыл за собой дверь — на замок. Порывшись в книге кодов связи, он нажал несколько потертых клавиш с почти неразборчивыми символами. Экран озарился бледным светом, потом внезапно оживился зазубренными карминово-красными расходящимися кругами — где-то звучал вызов.

Прошло три-четыре минуты. Эфраим терпеливо сидел на стуле перед экраном. На расторопность в данном случае рассчитывать было бы глупо.

Экран окрасился в зеленый цвет. На зеленом фоне возникла россыпь размножающихся и сливающихся светлых точек, превратившаяся в голову бледного старика с зачесанными за уши редкими прядями белых волос. Патриарх уставился на Эфраима наполовину враждебным, наполовину близоруким взглядом и прохрипел голосом, напоминавшим вздохи испорченного водопроводного крана:

— Кто вызывает странг Горганс, и с какой целью?

— Эфраим, кайарх Шарродский. Я желаю говорить с вашим владельцем, кайархом.

— Я сообщу о желании вашего могущества.

Прошло еще пять минут, после чего экран заполнило массивное меднокожее лицо с огромным носом-клювом и выступающим квадратным подбородком:

— Кайарх Эфраим, ты вернулся в Шаррод. Зачем ты меня зовешь? Шаррод и Горджетто не ведут переговоров больше ста лет.

— Кайарх Госссо, я потревожил вас потому, что мне нужны сведения. Пока меня не было, горджетские меркмены проникли в мой предел. Во время последовавшей стычки погиб кайарх Йохайм — ему в спину вонзилась стрела.

Глаза Госссо сощурились, превратившись в ледяные голубые щели:

— Может быть и так. Что с того? Мы готовы к натиску. Посылай своих меркменов — мы их посадим на колья, расставленные вдоль хребта. Собирай своих эйодархов, наступай с открытым забралом. Мы встретим тебя — равные равных — и лучшие сыны Шаррода захлебнутся кровью.

— Госссо, меня не интересуют изъясления ваших чувств. Я позвонил не для того, чтобы выслушивать высокопарные угрозы.

Голос Госссо опустил на октаву:

— Зачем же ты звонишь?

— Обстоятельства смерти кайарха Йохайма кажутся мне сомнительными. Командуя тремя отрядами шардов, оборонявшихся от горджетских стрелков, он находился в тылу. Трудно предположить, что Йохайм повернулся спиной к неприятелю. Достоверно ли известно, что кто-то из ваших меркменов застрелил кайарха Йохайма?

— Никто из моих людей не притязает на этот подвиг, — прогремел Госсю. — Я долго наводил справки, но впустую.

— Подозрительная ситуация.

— С твоей точки зрения? Несомненно! — веки Госсю слегка расслабились, он даже перестал угрожающе клониться к экрану, откинувшись на спинку кресла. — А ты где был во время стычки?

— Далеко, очень далеко. Во дворце коннатига на Нуменесе. Я узнал много нового, и в частности понял следующее: горджетские вылазки в Шаррод и нападения шардов на Горджетто обходятся нам обоим слишком дорого, катастрофически дорого. Предлагаю перемирие.

Жилистый рот Госсю растянулся, обнажив зубы — Эфраим не сразу понял, что это была не усмешка, а гримаса напряженного размышления.

— Твое наблюдение достаточно верно, — сказал наконец Госсю. — И в Горджетто, и в Шарроде почти никто не доживает до преклонного возраста. Все мы умрем, однако, рано или поздно. Если я откажу воинам Горджетто в радости причинять горе и разрушение шардам, чем они станут заниматься?

— У меня свои проблемы. Уверен, что вы способны найти достойный выход из положения.

Госсю склонил голову набок:

— Безделье и скука доводят бойцов до бешенства. Регулярные вылазки выпускают пар из котла, становится легче жить.

Эфраим сухо произнес:

— Каждого, кто подвергает сомнению ваш авторитет, можете известить о том, что я бесповоротно решил положить конец междоусобице. Я предложил почетный мир, но поголовная мобилизация в Шарроде приведет к полному уничтожению Горджетто. Изучая пандекты, я понял, что у меня есть такая возможность, хотя тотальная война унесет много жизней — прежде всего горджетских жизней, так как наши паруса преобладают в воздухе. Перемирие выгоднее с любой точки зрения.

Госсю отделался язвительным смешком:

— На первый взгляд может быть и так. Не забывай, однако — тысячу лет мы ликовали, насаживая шардов на копья! В Горджетто мальчик не становится мужчиной, пока не прикончит своего первого шарда. И все же... Твои побуждения понятны. Я подумаю.

Салон вдохновений и неофициальных приемов находился на третьем этаже приземистой башни Арджер-Скирд. Эфраим ожидал увидеть помещение умеренных пропорций, но перед ним открылся зал больше двадцати метров в длину и не меньше двенадцати метров в ширину, с полом, выложенным плитами черного и белого мрамора. Шесть высоких окон пропускали странный оливково-зеленый свет, характерный для перехода от умбера к зеленому роуэну. Мраморные пилястры делили стены на несколько неглубоких ниш, отделанных известью, пропитанной акварелью светлого коричневатого-оранжевого оттенка. Во всех нишах стояли массивные полированные вазы метровой высоты, вырезанные из чернокоричневого порфира — плоды мыследействия. Из наполнявшего вазы чистого белого песка торчали лишённые запаха пучки сухой травы. По четырем сторонам стола трехметровой ширины и семиметровой длины были расставлены четыре скромные ширмы. Напротив каждой стояло кресло.

Агнуа спешил навстречу:

— Ваше могущество прибыло немного преждевременно. Боюсь, что наши приготовления еще не закончены.

— Я нарочно пришел пораньше.

Эфраим осмотрел зал, после чего обратил внимание на стол и тихо спросил:

— Кайарх Йохайм часто посещал этот салон?

— Он любил сюда приходить, ваше могущество, если собиралась не слишком шумная компания.

— Какое место отведено для кайарха?

— Вот это, ваше могущество — вот место кайарха, — Агнуа указал на кресло у дальнего края стола, обращенное ко входу.

Эфраим, уже привыкший подмечать бессознательные проявления внутренних колебаний камергера, внимательно посмотрел на него:

— Кайарх Йохайм сидел в этом кресле? Оно ничем не отличается от остальных.

Агнуа смутился:

— Кресла приказала поставить высокородная Сингалисса.

Эфраиму стоило большого труда не взорваться:

— Разве я не распорядился игнорировать ее указания?

— Действительно, теперь я припоминаю ваше распоряжение, — развел руками камергер. — Но я привык машинально подчиняться ее влиянию, особенно в том, что касается несущественных мелочей.

— Вам это кажется несущественным?

Агнуа поморщился и облизал губы:

— Я смотрел на этот вопрос с другой точки зрения.

— Таким образом, установленное вами кресло — не то, которым обычно пользовался кайарх?

— Нет, ваше могущество.

— По сути дела, Сингалисса приказала поставить кресло, совершенно неподобающее высокому сану кайарха — тем более в сложившихся обстоятельствах?

— Выходит, что так, ваше могущество, не могу с вами не согласиться.

— Выходит так, что вы, Агнуа, в худшем случае сговорились с Сингалиссой, а по меньшей мере содействуете ее попыткам выставить меня на посмешище и тем самым подорвать мой авторитет!

Агнуа издал мучительный стон:

— У меня и в мыслях этого не было, ваше могущество! Я действовал с самыми лучшими намерениями!

— Чтобы через минуту здесь все было, как положено!

Агнуа покосился на входящего Лоркаса:

— Пять приборов, ваше могущество?

— Оставьте четыре.

Оскорбительное кресло убрали — вместо него поставили более тяжелое, инкрустированное сердоликами и бирюзой.

— Прошу заметить, ваше могущество, — угодливо улыбнулся камергер. — Небольшое переговорное устройство в подголовнике, на уровне уха, позволяет кайарху получать сообщения и пользоваться рекомендациями.

— Прекрасно! — заявил Эфраим. — Вы спрячетесь и будете давать мне советы, касающиеся правил этикета и обычаев.

— С великим удовольствием, ваше могущество!

Эфраим уселся в кресло кайарха и пригласил Лоркаса сесть с правой стороны.

Лоркас задумчиво произнес:

— Пока что вас преследуют комариными укусами — от Сингалиссы я ожидал большего.

— Не знаю, чего ждать от Сингалиссы. Надо полагать, она стремится показать, что я не только потерял память, но и дурак, неспособный к управлению. Если эйодархи в этом убедятся, меня выгонят, а на мое место посадят Дестиана.

— Помяните мое слово, лучше всего было бы сослать ее в деревню.

— Не спору. И все же...

В салон зашли Сингалисса, Стелани и Дестиан. Эфраим и Лоркас вежливо поднялись на ноги. Сингалисса сделала несколько шагов и остановилась, надменно рассматривая два пустых кресла. Только после этого она бросила быстрый взгляд на троподобное кресло Эфраима.

— Я чего-то не понимаю, — сказала Сингалисса. — Предполагалось, что состоится неофициальный разговор в обстановке, позволяющей всем участникам откровенно выражать свои мнения.

Эфраим спокойно возразил:

— Не могу представить себе совещание, противоречащее укоренившимся представлениям о приличии. Но меня удивляет присутствие сквайра Дестиана — приготовления свидетельствуют о том, что принять участие в нашем собеседовании пожелали только вы и высокородная Стелани. Агнуа, будьте добры, поставьте еще одно кресло слева от ее достоинства, вирховессы Дизбахской. Стелани, а вы садитесь здесь, слева от меня — если не возражаете.

Стелани заняла свое место с ничего не значащей едва заметной улыбочкой. Сингалисса и Дестиан стояли в стороне с вытянувшимися лицами, пока Агнуа ставил и передвигал кресла и ширмы. Эфраим исподтишка наблюдал за Стелани — как всегда, ему хотелось знать, что происходило у нее в голове. Теперь она казалась празднично-беспечной, погруженной в себя.

Сингалисса и Дестиан сели последними, после чего Эфраим и Лоркас опустились, наконец, в свои кресла. Сингалисса собралась было что-то сказать, но Лоркас строго постучал костяшками пальцев по столу, что заставило Сингалиссу и Дестиана обратить к нему вопрошающие взгляды. Стелани изучала Эфраима с пристальным, почти нескромным интересом.

Эфраим заговорил:

— Сложилась напряженные отношения. Некоторым из вас пришлось смириться с менее обнадеживающими перспективами на будущее. С учетом событий последних шести месяцев я должен напомнить, что хуже всех судьба обошлась со мной. За исключением, разумеется, кайарха Йохайма — его лишили жизни. Масштабы причиненного мне ущерба таковы, что было бы несправедливо обвинять меня в бессердечии, если я окажусь глух к жалобам на менее существенные неприятности. На этой основе мы и проведем сегодняшнее совещание.

Улыбка Стелани стала еще бессмысленнее, а голова Дестиана чуть подрагивала в такт беззвучному, но очевидному внутреннему смеху. Длинные пальцы Сингалиссы схватили ручки кресла с такой силой, что белые кости просвечивали через кожу. Сингалисса ответила:

— Излишне было бы напоминать, что всем приходится приспосабливаться к изменяющимся условиям. Сопротивляться действительности бесполезно. У нас был долгий и серьезный разговор с высокородным Дестианом и лисолет Стелани. Мы все озадачены по-

стигшими вас невзгодами. Вы стали жертвой нетрадиционного¹ насилия — что, насколько я понимаю, нередко случается в Порт-Маре.

Молниеносный взгляд Сингалиссы в сторону Лоркаса было почти невозможно проследить:

— Совершенно очевидно, что над вами злобно подшутил какой-то инопланетянин — по причинам, не поддающимся представлению.

Эфраим мрачно покачал головой:

— Ваша гипотеза плохо согласуется с реальностью, особенно если учитывать несколько известных мне фактов. Почти наверняка я стал жертвой руна — руна, потерявшего всякое уважение к традициям.

Звучный, мелодичный голос Сингалиссы стал несколько резковатым:

— Мы не можем судить о неизвестных нам обстоятельствах, но в любом случае ваш обидчик нам неизвестен. В конечном счете вполне возможно, что произошла какая-то ужасная ошибка.

Впервые вмешался Лоркас:

— Для того, чтобы раз и навсегда внести ясность в существо дела — даете ли вы понять его могуществу, что, во-первых, никто из вас ничего не знает о том, что с ним случилось в Порт-Маре, во-вторых, никто из вас не получал никакой информации об этом происшествии и, в-третьих, никто из вас не может даже предположительно назвать виновного?

Никто не ответил. Эфраим вкрадчиво произнес:

— Высокородный Мато Лоркас — мой друг и советник. Его вопрос заслуживает ответа. Что вы скажете, Дестиан?

Дестиан буркнул грубым баритоном:

— Ничего не знаю.

— Лиссолет Стелани?

— Я вообще ни о чем ничего не знаю.

— Ваше достоинство вирховесса?

— Для меня все это непостижимо.

Из сетчатого приемника в подголовнике кресла Эфраима послышался хриплый шепот Агнуа:

— Было бы дипломатично спросить Сингалиссу, не желает ли она освежиться и развлечь присутствующих гаммой благовоний.

Эфраим сказал:

— Ваших недвусмысленных заверений, разумеется, вполне достаточно. Если кто-нибудь из вас случайно вспомнит то или иное относящееся к делу обстоятельство, надеюсь, вы не забудете меня о нем известить. А теперь не соблаговолит ли ее достоинство порадовать нас ароматами?

Чопорно наклонив голову, Сингалисса выдвинула из стола встроенную панель с кнопками, верньерами, переключателями, лампочками индикаторов и другими механизмами. Слева и справа от панели выдвигались ящички с сотнями миниатюрных флаконов. Длинные пальцы Сингалиссы проворно бегали, нажимая кнопки, поворачивая ручки, что-то отмеряя и регулируя точными движениями. Пальцы поднимали флаконы, роняя капли эссенций в оправленные серебром отверстия, за эссенциями следовали порошки, за порошками — струйка шипящей зеленоватой жидкости. Сингалисса нажала широкую клавишу — включился бесшумный насос, испарения стали распространяться по трубкам, закреплен-

¹ Нетрадиционное насилие — допустимое только во время мерка действие, совершенное при свете одного или нескольких солнц, то есть проявление порока, немислимое среди людей, уважающих свое достоинство.

ным под столом, и выделяться из широких отдушин за скоромными ширмами. Тем временем, работая левой рукой, Сингалисса изменяла первый аромат так, чтобы он постепенно переходил в другой, одновременно приготавливаемый правой рукой.

Благовония просачивались в воздух одно за другим подобно гармоническим сочетаниям звуков и закончились, словно каденцией, щекотавшим нос горьковатым дымком.

В ухе Эфраима звучал шепот камергера:

— Просите продолжать — таков этикет!

Эфраим последовал совету:

— Ваше достоинство, неужели это все? Вы лишь пробудили в нас несбыточные ожидания.

— Рада слышать, что мои усилия встречают понимание, — Сингалисса, однако, выпрямилась в кресле и опустила руки на колени.

Губы Дестиана кривились и дрожали, сдерживая мрачную усмешку. Он нарушил молчание:

— Любопытно было бы узнать, каким образом вы намерены наказать Госсю и его псов.

— По этому вопросу мне потребуются дальнейшие консультации.

Сингалисса, будто охваченная стихийным творческим порывом, снова наклонилась над рядами флаконов — опять в глубине стола растворялись капли летучих жидкостей, опять из отверстий за ширмами стали возноситься испарения. Тревожный шепот Агнуа предупредил Эфраима:

— Она смешивает эссенции без разбора! Случайные сочетания часто производят зловоние. Сингалисса знает, что вы не помните правила приготовления ароматов, и надеется, что вы ее похвалите и тем самым ударите лицом в грязь.

Отвернувшись от скоромной ширмы, Эфраим откинулся на спинку кресла. Дестиан давился от смеха, Стелани корчила гримасы. Эфраим поднял брови:

— Возникает впечатление, что ее достоинство вирховесса внезапно потеряла дар ароматической композиции. Некоторые ее новинки скорее изумляют, нежели очаровывают. Даже в компании старых знакомых я предпочитаю более сдержанное чувство юмора. Впрочем, если ее достоинство стремится воспроизвести запахи, поразившие ее воображение в сырых и темных закоулках Порт-Мара, ей это удастся в совершенстве.

Не говоря ни слова, Сингалисса прекратила манипуляции. Эфраим деловито выпрямился в кресле:

— Мы еще не коснулись вопроса о моем приказе переселить ее достоинство в башню Минотавра. Учитывая первоначальную расстановку кресел в этом салоне и неудавшуюся попытку оскорбить мое обоняние, я не намерен пересматривать это решение. Мое терпение не бесконечно, мелкому вредительству пора положить конец. Так как мне претит подвергать ее достоинство более серьезным неудобствам, я надеюсь, что сегодняшний инцидент был последним.

— Благодарю ваше могущество за внимание, — хладнокровно отозвалась Сингалисса.

Небо за высокими окнами чуть потемнело и приобрело новый оттенок — умбер наконец закончился, наступил зеленый роуэн. Одинокий диск Цирсе тускло реял за облачной дымкой над самым горизонтом.

Стелани встрепелась:

— Мерк! Непроглядный мерк грядет — тогда весь мир уgomонится, тогда все доброе ложится и все недоброе встает... на утесах воют шаулы... из лесной чащи крадутся гарки...

Лоркас весело поинтересовался:

— Кто такие гарки? И шаулы?

— Злые духи.

— Они похожи на людей?

— Мне о таких вещах знать не положено, — пожала плечами Стелани. — Я запираю дверь на три засова, а окна закрываю прочными железными ставнями. Кто-нибудь другой, может быть, предоставит вам интересующие вас сведения.

Мато Лоркас иронически покачал головой, словно не доверяя реальности происходящего:

— Я посетил много далеких миров и не перестаю изумляться разнообразию народов Аластора.

Лиссолет Стелани чуть зевнула, прикрывая рот, и спросила скучающим тоном:

— Надо полагать, руны относятся к числу этнографических диковинок, вызывающих изумление высокородного Лоркаса?

Лоркас расплылся в улыбке и наклонился вперед — завязывался светский разговор, его любимое времяпровождение! Двусмысленные вопросы и уклончивые ответы с отголосками возможных дальнейших толкований, возмутительные утверждения, заставляющие собеседника машинально возражать и попадаться в ловушку, изящные лаконичные опровержения, иносказания и умолчания, ведущие к неправильным выводам, терпеливые разъяснения прописных истин с мимолетными намеками на немыслимое!

Прежде всего завязтый говорун определяет общее настроение, интеллектуальный уровень и словесную изобретательность собравшихся. С этой целью полезно сделать краткое педантичное вступление:

— Согласно культурно-антропологической аксиоме, чем более изолировано сообщество, тем более идиосинкразическими становятся его обычаи и условности. Разумеется, обособленность дает некоторые преимущества. Представьте себе, однако, такого человека, как я — бесприютного странника-космополита. Космополит проявляет гибкость и не теряется в любой обстановке, приспосабливаясь к обстоятельствам вместо того, чтобы осуждать, изучая вместо того, чтобы опасаться. Его багаж условностей прост — естественный общий знаменатель, определенный на основе опыта. Он — носитель своего рода универсальной культуры, приемлемой, если не общепринятой, на всех планетах Скопления и по всей Ойкумене. Я не пытаюсь объявить приспособленчество добродетелью, но всего лишь допускаю, что путешественнику удобнее пользоваться космополитической системой ценностей, а не набором условностей и предрассудков, вступающих в противоречие с представлениями окружающих и тем самым приводящих к эмоциональным напряжениям.

Сингалисса решила присоединиться к разговору и произнесла тоном сухим, как шорох опавших листьев:

— Высокородный Лоркас с искренним убеждением предлагает распространенную точку зрения, к сожалению, среди рунов заслужившую репутацию банальной. Как ему известно, мы никогда не путешествуем, если не считать редких поездок в Порт-Мар. Даже если бы мы были предрасположены к странствиям, я сомневаюсь в том, что мы стали бы затруднять себя приобретением привычек, представляющихся нам не только пошлыми, но и отталкивающими. Так как наша беседа носит неофициальный характер, я позволю себе затронуть не слишком удобную тему. Типичный гражданин Скопления демонстрирует, подобно животному, полное отсутствие смущения или неловкости в отношении функций пищеварительного тракта. Он выставляет напоказ пожираемое съестное, выделяет слюну, запихивает еду в ротовое отверстие, перемалывает ее зубами, массирует языком и проталкивает образующуюся массу вниз по пищеводу. Хотя испражнение остатков переваренной пищи осуществляется не столь неприкрыто, этот процесс также служит время от времени предметом шуток и прибауток, как если бы удовлетворение физиологических потребностей — особенность человеческой культуры, добродетель или порок. Разумеется, мы, руны, тоже вынуждены подчиняться биологическим инстинктам, но мы внимательнее относимся к

ближним и не смешиваем животные аспекты существования с культурной и общественной жизнью.

Весь этот монолог Сингалисса произнесла саркастически-монотонным голосом инструктора, зачитывающего по бумажке элементарные правила олуху, оные правила нарушившему.

Дестиан усмехнулся, показывая, что полностью разделяет убеждения матери.

Мато Лоркаса не так-то просто было обескуражить. Он понимающе кивнул:

— Условности, общепринятые в том или ином кругу, всегда можно обосновать более или менее рационально. Безусловно! Необходима, однако, объективная оценка полезности любых традиций. Чрезмерно усложненные правила, слишком жесткие ограничения сокращают число возможностей, открывающихся перед человеком. Они сужают кругозор, душат воображение! Мы живем один раз. Почему, во имя чего мы должны отказывать себе в каких бы то ни было возможностях? Клянусь ночным горшком коннатига, вы неправы!

— Мы не сможем друг друга понять, если вы будете настаивать на сведении действительности к логическим аксиомам и эсхатологическим принципам! — холодно улыбаясь, отрезала Сингалисса. — Рассуждения такого рода неуместны в любом случае. Можно приводить доводы, подтверждающие целесообразность произвольной точки зрения, самой смехотворной, тщательно выбирая соответствующие предпосылки или занимаясь построением искусственных теорий. Путешественник-космополит, поставленный вами в пример, прежде всего должен осознавать наличие разницы между абстракциями и живыми человеческими существами, между социологическими концепциями и реальными общественными образованиями, выживающими на протяжении тысячелетий. От вас я ничего не слышу, кроме наивных дидактических рассуждений.

Лоркас поджал губы:

— Возможно, ваше впечатление объясняется тем, что в моем случае вы имеете дело с представлениями, противоречащими вашим эмоциональным предпочтениям. Но я отвлекаюсь от основного вопроса. Устойчивость упомянутых вами общественных образований ничего не доказывает. Человеческие сообщества отличаются удивительной терпимостью к злоупотреблениям, даже если они отягощены десятками устаревших, неестественных или вредоносных условностей.

Сингалисса позволила себе показать, что ее забавляет бесхитростная уязвимость оппонента:

— Подозреваю, что вы чрезмерно обеспокоены влиянием условностей. Только неразумные дети проявляют нетерпимость к традиционным ограничениям. Такие ограничения незаменимы в любом организованном, цивилизованном обществе, так же, как дисциплина совершенно необходима армии, фундамент — зданию, ориентиры — путнику в незнакомой местности. Без условностей цивилизация — вода в решете. Без дисциплины армия превращается в толпу разбойников. Здание без фундамента обрушивается, а путник, не находящий ориентиров, теряется и гибнет.

Лоркас заявил, что возражает не против всех условностей в принципе, но только против правил очевидно бессмысленных и обременительных.

Сингалисса перекрыла ему путь к отступлению:

— Возникает впечатление, что, говоря о бессмысленных и обременительных правилах, вы имеете в виду обычаи рунов — но, будучи чужеземцем, вы недостаточно знакомы с нашими обычаями, чтобы выдвигать против них сколько-нибудь обоснованные возражения. Я полагаю, что мой образ жизни упорядочен и разумен, и одно это обстоятельство доказывает несостоятельность ваших заблуждений — разумеется, если вы не считаете, что я не способна отличить порядок от хаоса и разумность от безумия.

Лоркас убедился, что Сингалисса ему не по зубам, и развел руками:

— Конечно, нет! Напротив, я готов согласиться по меньшей мере с тем, что ваш взгляд на вещи существенно отличается от моего.

Сингалисса уже потеряла интерес к разговору. Она повернулась к Эфраиму:

— С разрешения его могущества, я хотела бы удалиться.

— Как вам угодно, ваше достоинство.

Сингалисса торопилась. За развевающимся шлейфом ее воздушного серого платья последовали надменно-подтянутый Дестиан и его сестра. Эфраим и заметно удрученный Мато Лоркас тоже покинули салон.

Наружная терраса башни Арджер-Скирд соединялась с верхними помещениями Северной башни и заканчивалась балконом гербария.

Сходя по лестнице Северной башни, они остановились, ошеломленные внезапным шумом — воздух дрожал от вибрирующего гудения гонгов и лающей, возбужденной переключки фанфар.

Сингалисса, уже на нижней площадке, обернулась через плечо. Несмотря на расстояние, ошибиться было невозможно — ее запавшие тонкие губы растянулись в торжествующей улыбке.

Глава 8

Эфраим продолжал спускаться по ступеням под оглушительно-лихорадочный аккомпанемент шести герольдов, дувших в витые бронзовые горны-душескребы. «Шесть горнов?» — удивился про себя Эфраим. Его самого, возвращавшегося с чужбины кайарха, приветствовали только четверьмя! Еще одно мелкое оскорбление, им незамеченное.

Парадные ворота широко распахнулись. Из них выступил Агнуа в белой мантии с расшитыми серебром синими узорами и сложном головном уборе на манер тюрбана — такие церемониальные одежды использовались только в особо важных случаях. Эфраим поморщился: что делать с прохиндеем Агнуа, помогавшим ему в салоне вдохновений, но ни словом не обмолвившимся о предстоящем торжественном приеме?

Истерически заливающиеся фанфары вдруг замолчали — под арку парадных ворот заходил человек в роскошных черных одеждах с контурами, подчеркнутыми тонкими розовыми и серебряными полосками. За ним вышагивали четыре эйодарха. На всех были серебристые головные повязки с напоминающими рога выступами, обмотанными развевающимися розовыми и черными лентами.

Эфраим, ненадолго задержавшийся на площадке лестницы, теперь спускался очень медленно. Агнуа провозгласил:

— Его величественное могущество, кайарх Рианле Эккордский!

Рианле тоже задержался, изучая Эфраима светло-кариими глазами из-под темно-золотых бровей. Кайарх Эккордский стоял, надменно выпрямившись, с полным сознанием того, что он представляет собой блистательное зрелище — человек в расцвете сил, еще не начинающий стариться, широкоскулый, с кудрявой золотистой шевелюрой, гордый и страстный, возможно, лишенный чувства юмора, но определенно не терпящий никаких вольностей.

Эфраим ждал — теперь Рианле пришлось сделать два шага навстречу. Эфраим сказал:

— Приветствую вас в странге Бен-Буфаров! Рад вас видеть, хотя и несколько удивлен вашим визитом.

— Благодарю, — Рианле порывисто отвернулся от Эфраима и отвесил формальный поклон Сингалиссе, Дестиану и Стелани, успевшим подняться на второй этаж и теперь спускавшимся с другой лестницы.

Эфраим спокойно продолжал:

— Вы, конечно, хорошо знакомы с ее достоинством вирховессой, сквайром Дестианом и лиссолет Стелани. А вот и его благородие Мато Лоркас из Порт-Мара.

Рианле ответил на представление Лоркаса не более, чем беглым холодным взглядом. Лоркас вежливо поклонился:

— Всецело в распоряжении вашего могущества.

Эфраим отошел в сторону и подозвал Агнуа:

— Проводите высокородных гостей в подобающие покои, чтобы они могли освежиться, после чего явитесь ко мне в парадную гостиную.

Через некоторое время старший камергер появился в парадной гостиной:

— Да, ваше могущество?

— Почему меня не известили заранее о приезде Рианле?

Агнуа обиженно произнес:

— Я сам ничего не знал, ваше могущество, пока ее достоинство, покидая салон, не приказала мне спешно готовиться к встрече. У меня едва хватило времени переодеться.

Эфраим кивнул:

— Понятно. Рианле не снимает в замке головной убор — так принято?

— В случае официального приема — да, ваше могущество. Головной убор символизирует независимость власти. Когда равные по рангу владельцы ведут переговоры, и гость, и хозяин замка одеваются сходным образом.

— Принесите мне подходящие костюм и головной убор, если они у вас найдутся.

Эфраим переоделся:

— Проведите сюда Рианле, когда он пожелает меня видеть. Если его свита увяжется за ним, скажите, что я предпочитаю беседовать наедине.

— Как будет угодно вашему могуществу, — Агнуа колебался. — Осмелюсь доложить, что Эккорд — могущественный предел, одержавший много славных побед. Рианле тщеславен, но не глуп. Он высоко себя ценит и считает, что никому не уступает престижем и влиянием.

— Благодарю вас, Агнуа. Я буду настолько осторожен, насколько это совместимо с моими принципами.

Через полчаса старший камергер открыл дверь в парадную гостиную, пропуская кайарха Рианле. Эфраим поднялся навстречу:

— Не желаете ли присесть? Кресла очень удобны.

— Спасибо, — Рианле уселся.

— Для меня ваш приезд — приятная неожиданность, — продолжал Эфраим. — Прошу простить, если вы заметили какое-нибудь упущение. У меня еще не было времени собраться с мыслями и навести порядок.

— Вы вернулись в очень удачный момент, — заметил Рианле, широко раскрывая большие светлые глаза. — Для вас, по меньшей мере.

Откинувшись на спинку кресла, Эфраим разглядывал собеседника не меньше пяти секунд, после чего сказал суховатым тоном, не подчеркивая никаких слов:

— Я не рассчитывал на удачу. И ничего не знал об убийстве Йохайма до прибытия в Порт-Мар.

— Позвольте мне выразить соболезнования по поводу его безвременной кончины — от меня лично и от всего Эккорда. Вы употребили выражение «убийство»?

— Тому есть свидетельства.

Рианле медленно кивнул и задумчиво направил взгляд в пространство:

— Я нанес этот дружеский визит для того, чтобы воспользоваться возможностью укрепить взаимовыгодные отношения между нашими пределами.

— Разумеется, я предпочел бы, чтобы они и впредь оставались взаимовыгодными.

— Превосходно! Допускаю, что ваша политика в ближайшее время не будет радикально отличаться от политики Йохайма?

Эфраим начинал ощущать давление, кроющееся за вкрадчивыми репликами Рианле. Он осторожно ответил:

— Во многих сферах, несомненно, никаких существенных изменений не предвидится. В некоторых других областях, однако, переменчивость обстоятельств и сама природа вещей требуют проведения реформ.

— Предусмотрительная, непредвзятая точка зрения! Позвольте мне выразить свое одобрение! В отношениях между Эккордом и Шарродом не должно быть никаких перемен. Пользуюсь случаем заверить вас в том, что я намерен неукоснительно соблюдать договоренности, достигнутые в ходе переговоров между мной и Йохаймом. Хотелось бы знать, что от вас следует ожидать того же.

Эфраим ответил учтивым жестом:

— Предоставлять всеобъемлющие гарантии было бы преждевременно. Все, что я могу сказать в данный момент, носит предварительный характер. Тем не менее, так как между нашими пределами установились тесные дружественные отношения, то, что в интересах одного из нас, должно быть в интересах другого, а в том, что я намерен делать все возможное для защиты интересов Шаррода, вы можете не сомневаться.

Рианле бросил на Эфраима быстрый колющий взгляд, но тут же отвел глаза к потолку:

— Согласен, важные дела могут подождать. Есть один довольно-таки несущественный вопрос, скорейшее решение которого никак не препятствовало бы осуществлению вашей политики. Я говорю о небольшом клочке земли на отроге Шорохов, где я хотел бы построить павильон — оттуда и вы, и я могли бы наслаждаться видами. Перед самой своей кончиной Йохайм собирался подписать дарственную, уступающую мне этот участок.

— Интересно! Не было ли какой-нибудь связи между его смертью и упомянутым вами документом? — спросил Эфраим тоном, не выражавшим ничего, кроме праздного любопытства.

— Разумеется, нет! Какая тут может быть связь?

— У меня слишком богатое воображение. В том, что касается отрога Шорохов, я должен признаться, что все мое существо восстает против мысли об уступке хотя бы пяди шарродской земли, священной для меня и моих подданных. Тем не менее, я рассмотрю этот вопрос.

— Этого недостаточно! — в голосе Рианле появилась резкая нотка, напоминавшая звук задетой стальной пружины. — Мои желания не встречают понимания!

— Чьи желания встречают понимание всегда и везде? — риторически возразил Эфраим. — Не стоит об этом говорить. Надеюсь, мне удастся заручиться согласием лиссолет, и она порадует нас последовательностью воодушевляющих воздушных композиций...

Рианле, чопорный и мрачный, сидел за огромным двадцатиугольным столом в зале торжественных приемов. Стелани приготовила гамму испарений, чем-то напоминавшую о прогулке по холмам — о сырой земле и пронизанной солнечными лучами зелени, о влажных камнях на берегу пруда, об ароматах антионов и лесных фиалок, о подернутых плесенью, трухлявых стволах упавших деревьев, о камфоре. В отличие от Сингалиссы, Стелани выбирала флаконы не столь проворно, скорее забавляясь, как ребенок, играющий с цветными мелками. Но скоро уже пальцы Стелани стали двигаться быстрее — она заинтересовалась своими причудливыми изобретениями, как музыкант, внезапно уловивший достойный внимания материал в импровизации, неохотно исполняемой по настоянию слушателей. Склоны холмов пропали, солнечный лес исчез — последовали легкомысленные, сладковато-пряные, забавные запахи, постепенно терявшие остроту и оставлявшие лишь приятные меланхолические воспоминания подобно цветку валерианы, выросшему в заброшенном саду. К этому аромату в свою очередь прибавились сначала горьковатое испарение, потом йодистое дыхание солончака и, наконец, отчаянное, удушающее зловоние сгоревше-

го дома, еще тлеющего под дождем. Криво улыбаясь, Стелани подняла голову, задвинув в стол панель и ящички.

Рианле пылко провозгласил:

— Невероятно! Вы потрясли нас опустошающими переживаниями!

Эфраим обвел глазами присутствующих. Дестиан сидел, опустив глаза и играя с серебряным браслетом. Неподвижно выпрямившись в кресле, Сингалисса столь же неподвижно смотрела перед собой. Лоркас с восхищением наклонил голову, не отрывая глаз от Стелани. Эфраим подумал: «Мой юный друг окончательно заморожен — ему следовало бы немного скрывать свои чувства, если он не хочет, чтобы его обвинили в себализме.»

Рианле повернулся к Эфраиму:

— Говоря о кончине высокочтимого Йохайма, вы употребили предосудительное выражение — «убийство». Как же вы теперь поступите с собакой Госсю?

Лицо Эфраима окаменело — он пытался сдержать вспышку раздражения. С его стороны упоминать об убийстве, пожалуй, было неблагоприятно — но почему Рианле считал удобным для себя разбалтывать при всех содержание частной беседы? Эфраим чувствовал, что Сингалисса и Дестиан напряженно прислушиваются.

— У меня еще нет определенных планов. Я собираюсь закончить войну с Горджетто, так или иначе. Беспольные распри в конце концов погубят оба предела.

— Я вас правильно понимаю? Вы намерены вести только полезные войны?

— Если война неизбежна, я предпочел бы ставить перед собой достижимые цели, руководствуясь исключительно необходимостью.

Улыбка Рианле выражала почти откровенное презрение:

— Шаррод — небольшой предел. Независимо от новизны ваших представлений о военных кампаниях, существование Шаррода целиком и полностью зависит от снисхождения соседей — такова действительность.

— Вашим мнением, разумеется, пренебрегать невозможно, — ответил Эфраим.

Рианле продолжал размеренным тоном:

— Насколько я помню, не так давно обсуждалась возможность тризмы, способной объединить шарродские и экордские владения. Пожалуй, в настоящий момент затрагивать этот вопрос преждевременно — учитывая хаотическую ситуацию в Шарроде.

Краем глаза Эфраим замечал, как менялись позы сидящих вокруг стола — напряженным мышцам требовалось высвобождение. Он встретился взглядом со Стелани — в ее задумчивых, как всегда, черных глазах чудилось выражение то ли тоски, то ли сожаления.

Рианле снова заговорил, и снова глаза всех присутствующих обратились к его неестественно красивому лицу:

— Тем не менее, все рано или поздно вернется на круги своя. Между нашими пределами должно быть достигнуто взаимопонимание. Налицо неравновесие — я имею в виду невыполненный договор о передаче Дван-Джара, отрога Шорохов. Если тризма будет способствовать желаемому восстановлению равновесия, я серьезно рассмотрю такую возможность.

Эфраим рассмеялся и покачал головой:

— Тризма связана с ответственностью, которую я не могу взять на себя скоропалительно — тем более, что даже ваше могущество изволили выразить очевидные сомнения в ее целесообразности. Должен признаться, ваша проницательность поразительна — вы совершенно точно определили ситуацию в Шарроде! Мой странг зарос паутиной тайн — я обязан расчистить ее прежде, чем смогу помышлять о дальнейших планах.

Рианле поднялся на ноги — одновременно с ним вскочили его четыре эйодарха:

— Шарродское гостеприимство безупречно, и я ничего так не желал бы, как продлить свой визит, но, к сожалению, вынужден торопиться. Уверен, что его могущество реали-

стично оценит прошлое, настоящее и возможное будущее и сделает выводы, удовлетворяющие все заинтересованные стороны.

Эфраим и Лоркас вышли к перилам балкона, окружавшего башню Дестиария, и наблюдали за тем, как Рианле и его свита забирались в арендованный¹ аэромобиль. Уже через несколько секунд аппарат поднялся высоко в воздух и улетел на север.

Лоркас удалился к себе в трапезную, чтобы наскоро закусить — после этого он собирался выспаться. Эфраим остался на балконе. В лучах семи-ауда открывался вид на долину — настолько чарующий, что сердце его замерло. На этой земле он вырос, питаясь ее плодами, из нее он состоял — это его земля, ему предстояло беречь ее, любить ее, править ею до конца своих дней. Беспольные мечты! Шаррод безвозвратно потерял, узы традиции разорвались. Никогда уже он не станет руном, никогда не зарастет зияющая пустота. Ни в Шарроде, ни на чужбине ему не суждено собрать себя воедино — покоя не было, покой ему даже не снился.

Эфраим с волнением впитывал пейзаж глазами человека, знающего, что он скоро ослепнет. Косые лучи, веером пробивавшиеся из-за неровного гребня Эйлодских скал, озаряли сотню лесов — пламенеющие кроны, казалось, светились внутренним светом, терпким лимонно-зеленым и ярким серо-голубым, пестрящим алыми точками стручков и крупными мазками красноватого темно-коричневого, иссиня-черного и зеленовато-черного. Долину обступили далекие грозные пики — каждый имел свое наименование, с каждым было связано древнее предание. Надменный снежнобородый Шаннайр, презирая насмешки Птичьих утесов, отвернулся к югу и так стоял, вечно нахмурившись. Две Ведьмы, злобные Камвра и Димвра, сами себя околдовали и теперь спали над седлом Д'Анквиля под покровом черных деревьев мурре. Дальше — предмет вожеланий Рианле, отрог Шорохов, откуда тропы фвай-чи вели к неведомым святыням под фиолетовым небом Ленглинских гор. Его наследный потерянный край, отчизна-чужбина. Что делать? Во всем пределе он доверял одному человеку — бродяге из Порт-Мара, Мато Лоркасу. Госсмо мог истолковать его предложение перемирия как признание слабости. Не слишком завуалированные угрозы Рианле могли привести к нешуточной катастрофе. В арсенале Сингалиссы оставалось множество ядовитых булавок, способных ежедневно отравлять его существование. Эфраим решил, что должен без промедления созвать шарродских эйодархов и обратиться к ним за помощью. Настала пора принимать решения.

Долина потемнела — Осмо скрылся за Эйлодскими скалами. В небе над самой вершиной Шаннайра пылал только Фурад.

Кто-то медленно подходил по мраморным плитам балкона — обернувшись, Эфраим увидел Стелани. Девушка нерешительно задержалась, потом приблизилась. Они стояли рядом, облокотившись на перила. Краем глаза Эфраим изучал выражение на лице Стелани. Какие мысли копошились за ясным бледным лбом, что заставляло ее губы кривиться в печально-издевательской усмешке?

— Спускается мерк, — сказала Стелани и взглянула на Эфраима. — Ваше могущество, конечно же, внимательно изучили тайные ходы, ведущие во все покои замка?

— Только для того, чтобы защитить себя от назойливого любопытства вашей матери.

Стелани с улыбкой покачала головой:

— Вы думаете, она в самом деле интересуется вашими делами?

— Какая-то женщина подслушивала мои разговоры. Случайно, это были не вы?

— Моя нога никогда не ступала за порог мерк-хода.

¹ В связи с агрессивными наклонностями рунов им не разрешено владеть воздушным транспортом. Если рун желает совершить поездку, он вынужден звонить в Порт-Мар и нанимать подходящую машину.

Эфраим отметил про себя уклончивость ответа:

— По правде говоря, я действительно изучил систему тайных ходов, и теперь прикажу перегородить их тяжелыми стальными дверями.

— В таком случае может возникнуть впечатление, что ваше могущество не намереваетесь пользоваться прерогативами высокого ранга.

Эфраим поднял брови, не совсем понимая замечание Стелани. Он постарался ответить с достоинством:

— Я ни в коем случае не намерен подвергать насилию никого из тех, кто пользуется моим гостеприимством. Кроме того, как вам несомненно известно, проход, ведущий к вашим апартаментам, заблокирован кирпичной кладкой.

— Даже так! Что ж — мне совершенно не о чем беспокоиться. Обычно, когда наступает мерк, я сплю, закрывшись на три засова, но заверения вашего могущества делают такие предосторожности напрасными.

Эфраим дивился — чем она занимается? Шалит? Флиртует? Дразнит? Он сказал:

— Я могу передумать. На других планетах я приобрел кое-какие нерунические привычки, и новоприобретенная широта взглядов побуждает меня признаться, что я нахожу вас обворожительной.

— Шш! О таких вещах разговаривать не положено.

Стелани, однако, не проявляла ни малейших признаков негодования.

— Так вы закроетесь на три засова?

Стелани смеялась:

— Не могу представить себе ваше могущество позволяющим себе столь возмутительные и недостойные выходки! Совершенно очевидно, что в засовах нет необходимости.

Пока они говорили, Фурад, спускавшийся к горизонту, наполовину скрылся за плечом горы, и замок погрузился в сумерки. Стелани приоткрыла рот с детским выражением испуганного удивления:

— Мерк? Уже? Мерещится... что-то странное.

По мнению Эфраима, о чувствах Стелани свидетельствовали вполне убедительные признаки — ее щеки расцвели, грудь всколыхнулась, в темных глазах зажегся огонь. Фурад опустился еще ниже, оставив над горой лишь дымчатое оранжевое зарево. Неужели и вправду наступал мерк? Стелани ахнула и, казалось, пошатнулась в сторону Эфраима. Опыненный ее близостью и духами, он почти прикоснулся к ней — но она быстро подняла руку, указывая на Шаннайр:

— Фурад снова выглянул! Мерка не будет, жизнь продолжается!

Не говоря больше ни слова, Стелани прошла дальше по круговому балкону, остановилась, чтобы прикоснуться к белому цветку, растущему в горшке, бросила мимолетный взгляд через плечо и скрылась за стеной башни.

Эфраим скоро спустился в канцелярию замка. По пути он чуть не столкнулся с Дестианом, направлявшимся, по-видимому, туда же. Дестиан, однако, отдал должное кайарху холодным наклоном головы и повернул в другую сторону. Эфраим закрыл за собой дверь и позвонил в воздушно-транспортную службу Порт-Мара. Он заказал аэромобиль, причем потребовал, чтобы пилотом ни в коем случае не был бесстрашный Флоссиг. Выйдя из конторы, Эфраим сделал несколько шагов по коридору, остановился, вернулся к двери, закрыл ее на ключ и взял ключ с собой.

Глава 9

Эфраим и Мато Лоркас забрались в кабину аэромобиля, тотчас же воспарившего высоко над долиной реки Эсх — выше, еще выше — до тех пор, пока они не оказались на уровне окружающих горных вершин. Эфраим называл уже известные ему пики, перевалы и хребты:

— Хоризуке, Глейденские скалы, Тассенберг, Эйлодские скалы, Ойефольг, Скарлум и на склоне Скарлума — Адский Дракон, Брын-Баатыр, Камвра, Димвра и седло Д'Анквиля, Шаннайр, Птичьи утесы, Госсль-Предатель — там часто сходят лавины, Каманче... А вот и Дван-Джар. Водитель! Спуститесь на верхнее плечо отрога Шорохов.

Ближние вершины отплывали назад, за ними показывались неподвижные дальние хребты других пределов. Под протыкающим облака когтем Каманче широко раскинулся волнистый отрог Шорохов — скорее высокогорный луг, нежели «отрог», к югу обрывавшийся над долиной Эсха, то есть над Шарродом, а к северу спускавшийся в многочисленные сливающиеся долины Эккорда. Летательный аппарат приземлился — Эфраим и Лоркас спрыгнули в доходившую до щиколоток густую траву.

Ветра не было. Небольшими кучами росли деревья. Отрог Шорохов казался островом среди неба, местом полного, безмятежного отдохновения. Эфраим приподнял руку:

— Слышите?

Откуда-то — непонятно откуда — доносился тихий шепот, повышавшийся и понижавшийся подобно едва уловимому далекому пению, иногда со вздохом умолкавший, иногда на долю секунды становившийся громче и тогда напоминавший послышавшийся в полусне мужской хор.

— Ветер? — Лоркас обернулся к деревьям. — Листья не шевелятся. Полный штиль.

— Что странно само по себе. Здесь, на открытом гребне под вершиной, должен быть сильный ветер.

Они медленно шли по траве. В тенистой роще Эфраим заметил группу фвай-чи, безучастно наблюдавших за людьми. Эфраим остановился, Лоркас тоже:

— Вот они, таинственные паломники, вечно бредущие по «дороге жизни» — облезлые, лохматые, все в каких-то колтунах и ошметках. Впрочем, пилигримы человеческого происхождения, как правило, выглядят не лучше... М-да.

Эфраим и Лоркас прошли к северной окраине луга, чтобы лучше разглядеть панораму Эккорда. Бельродский странг, скрывавшийся в волнах лесистых холмов, невозможно было отыскать.

— Превосходный вид! — одобрил Лоркас. — Что же, Рианле может рассчитывать на вашу щедрость?

— Нет. Вся загвоздка в том, что Рианле может завтра же отрядить тысячу человек расчищать здесь площадку под павильон, и еще тысячу — доставлять сюда строительные материалы, а у меня нет почти никакой возможности ему помешать.

— Любопытно! — сказал Лоркас. — В высшей степени любопытно.

— Что именно?

— Спору нет — великолепное, исключительно красивое место. Я сам не прочь был бы устроить здесь павильон. Но в последнее время я внимательно изучал карты. В горных пределах таких мест — пруд пруди. В частности, в одном Эккорде не меньше двадцати альпийских лугов с видами ничуть не хуже. Рианле настаивает именно на отроге Шорохов? Станный каприз!

— Согласен, здесь что-то не так.

Собираясь вернуться к машине, они увидели, что их ждут четверо фвай-чи.

Эфраим и Лоркас начали приближаться. Фвай-чи отпрянули на несколько шагов, о чем-то шипя и ворча между собой.

Люди остановились. Эфраим обратился к автохтонам:

— Вас явно что-то беспокоит. Что вас беспокоит?

Один из фвай-чи гортанно заговорил на старинном, но понятном ойкуменическом диалекте:

— Мы идем дорогой жизни. Это важно. Это трудно. Мы не хотим видеть людей. Зачем вы пришли?

— Без особой причины. Просто посмотреть вокруг.

— Я вижу — вы не хотите вреда. Это наше место, нам его завещали кайархи по древнему уговору. Вы не знаете? Я вижу — вы не знаете.

Эфраим горько рассмеялся:

— Я ничего не знаю — ни о договоре, ни о чем вообще. У меня отняли память — отравили ворсом фвай-чи. Вы можете вернуть мне память?

— Не можем. Яд разрушает... пути к хранилищам памяти. Эти пути нельзя проложить снова. Человек! Скажи своему кайарху...

— Я — кайарх.

— Тогда ты должен знать. Уговор был, есть и будет.

— Уговор ничего не значит, если земля будет передана Эккорду.

— Этого нельзя делать. Мы повторили друг другу слово «навсегда».

— Хотел бы я своими глазами увидеть этот договор, — сказал Эфраим. — Придется внимательно просмотреть архивы.

— В твоих летописях уговора нет, — ответил фвай-чи, и четыре туземца побрели обратно в лес. Эфраим и Лоркас стояли и смотрели им вслед.

— Это еще почему? Что это значит? — развел руками Эфраим.

— По-видимому он считает, что вам не удастся найти договор.

— Посмотрим.

Возвращаясь с Эфраимом к аэромобиле, Лоркас задержался посреди горного луга и посмотрел вверх, на вершину Каманче:

— Я могу объяснить шепчущие звуки. Клинообразная вершина защищает отрог от ветра, разделяя надвое поднимающуюся воздушную массу. Два потока, притянутые друг к другу промежуточной областью пониженного давления, сталкиваются и завихряются над лугом. То, что мы слышим — вибрация бесчисленных невидимых круговоротов, трение воздуха о воздух.

— Вполне может быть. Предпочитаю другое объяснение.

— Например?

— Мы слышим отзвуки шагов миллионов мертвых паломников — о них плачут заоблачные феи, пока грозный Каманче отсчитывает безвозвратные мгновения.

— Не спорю, ваша гипотеза гораздо убедительнее. Куда теперь?

— Меня заинтересовало ваше наблюдение. Вы говорите, в Эккорде не меньше двадцати мест ничем не хуже Дван-Джара? Я хотел бы на них взглянуть.

Они полетели на север, огибая пики и купола хребтов Эккорда. В течение часа обнаружилась дюжина высокогорных лугов, позволявших любоваться перспективами не менее роскошными, чем панорама, открывавшаяся с отрога Шорохов.

— Тем не менее, Рианле приспичило строить павильон именно на вашей земле, — заметил Лоркас. — Спрашивается, почему?

— Не могу себе представить.

— Допустим, он получит от вас Дван-Джар и начнет строительство. Что скажут фвай-чи? Как с ними быть?

— Сомневаюсь, что Рианле придется по душе общество фвай-чи, день за днем шлепающих через его павильон и рассиживающих на лестницах и террасах. Но как он сумеет их остановить? Их охраняет коннатиг.

Аэромобиль спустился по спирали к странгу Бен-Буфаров. Выходя из машины, Эфраим спросил Лоркаса:

— Вы не хотите вернуться в Порт-Мар? Ваше присутствие мне очень помогает, но предстоящие события вряд ли будут носить развлекательный характер. Предвижу одни неприятности.

— Искушение велико, — признал Лоркас. — Здесь отвратительно кормят, и я не люблю есть в одиночной камере. Изошренные оскорбления Сингалиссы портят настроение. Дестиан просто невыносим. Но Стелани — о, волшебная Стелани! Я надеюсь убедить ее навеситить меня в Порт-Маре. С первого взгляда — невозможная задача, но дальний путь начинается с первого шага.

— Таким образом, вы остаетесь?

— С вашего разрешения — еще на пару недель.

Эфраим отпустил пилота, и они стали возвращаться в замок:

— Вам так и не удалось заслужить ее расположение? Вы испробовали все возможные средства?

Лоркас кивнул:

— Не могу ее понять. Она ведет себя двусмысленно. Хотя ее нельзя обвинить в непостоянстве. Если у нее и случаются перемены настроения, то холодное безразличие переходит в ледяное презрение. Но, с другой стороны, почему она не отказывается меня видеть? Ей ничто не мешает показать мне на дверь.

— Она заводила разговор об ужасах мерка?

— Стелани заверила меня, что запирает двери и ставни на замки и засовы, держит под рукой флаконы с едкими вонючими химикатами и недоступна как в теории, так и практически.

Остановившись, Эфраим и Лоркас одновременно подняли головы, глядя на балкон, откуда приоткрытая дверь вела в комнаты Стелани.

— Жаль, что мерк-ход перекрыли, — задумчиво произнес Лоркас. — Если ничего другого не остается, всегда можно наброситься на девушку в темноте. Но она достаточно прозрачно намекнула, что с моей стороны будет благоразумно держаться подальше. Поверите ли, в саду Скорбных Ароматов я даже пробовал ее поцеловать. Тут и намеков никаких не было — она прямо сказала, чтобы я больше ничего подобного себе не позволял.

— Почему бы вам не попытать счастья с Сингалиссой? Или она уже устроила вам разнос?

— Оригинальная мысль! Давайте лучше тайком разопьем бутылку на двоих и поищем в хрониках договор ваших предков и фвай-чи.

В архивном каталоге не нашлось никакого упоминания об уговоре с фвай-чи. Эфраим вызвал Агнуа — тот не имел представления о каком-либо письменном договоре:

— Соглашение такого рода, ваше могущество, в любом случае почти невозможно было бы формально зарегистрировать.

— Надо полагать. Почему Рианле требует именно отрог Шорохов?

Агнуа сосредоточил взгляд на точке, находившейся где-то над головой Эфраима:

— Предполагается, что он намерен построить там летний павильон, ваше могущество.

— И Рианле уже получил дарственную от кайарха Йохайма?

— Не могу сказать, ваше могущество.

— Кто ведет нотариальные записи?

— Кайарх собственной персоной, прибегая к посторонней помощи только по мере необходимости. — Эфраим кивнул, и старший камергер удалился.

— Таким образом, договора нет, — угрюмо подытожил Эфраим. — Я не могу предъявить Рианле никакого документа!

— Фвай-чи вас предупредили.

— Как они узнали? Фвай-чи не роются в рунических летописях!

— Они могут помнить, что так называемый «уговор» был устным соглашением — то есть, что никакого подтверждающего соглашения документа не существует.

Эфраим раздраженно вскочил на ноги:

— Мне нужно посоветоваться — ситуация становится невыносимой!

Он снова вызвал Агнуа.

— Что угодно вашему могуществу?

— Разошлите извещения эйодархам — я желаю встретиться с ними через двадцать часов, чтобы безотлагательно обсудить важные дела. Потребуется присутствие каждого.

— Через двадцать часов, ваше могущество, еще не кончится мерк.

— О!.. Значит, через тридцать часов. И еще одно — не сообщайте о предстоящем совещании ни Сингалиссе, ни Дестиану, ни Стелани, ни кому-либо, кто мог бы передать им эту новость. Кроме того, не давайте по этому поводу никаких указаний в то время, когда упомянутые лица могут вас услышать, и не делайте никаких записей или пометок, относящихся к этому совещанию. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Более чем достаточно, ваше могущество.

Агнуа покинул покои кайарха.

— Если он меня подведет и на этот раз, — сказал Эфраим, — моей снисходительности придет конец!

Подойдя к окну, он через некоторое время воочию удостоверился в отбытии шести помощников камергера:

— Эйодархов известят. Сингалисса об этом узнает, как только посыльные вернутся — но как она сможет мне помешать?

— Ей пора бы уже смириться с неизбежностью, — отозвался Лоркас. — А там, на террасе — кажется, Стелани! С вашего разрешения пойду, попробую ее развлечь.

— Воля ваша. Но разрешите предостеречь вас — меня снедают опасения. Приближается мерк. Под покровом мерка происходят самые неприятные вещи. Закройтесь на замок в своих покоях, постарайтесь заснуть и не выходите, пока не рассветет.

— Разумное предостережение, — нехотя согласился Лоркас. — Не хотел бы повстречаться с гарками. И тем более не горю желанием попадаться в лапы шаулов.

Глава 10

Ауд продолжался еще шесть часов, после чего Фурад и Осмо покинули небосклон. Вместо того, чтобы описывать, как обычно, пологую дугу над горизонтом, Маддар и Цирсе опускались по угрожающе крутой траектории. Первым исчез Маддар, и долина ненадолго погрузилась в волшебные сумерки зеленого роуэна. Потом и Цирсе скрылся за отрогом Шорохов. Оставшееся розовато-зеленое зарево быстро тускнело, сгущалась темнота. В Шарроде наступил мерк.

В окнах сельских домов зажигались и быстро исчезали мерцающие огни — стуча засовами, жители захлопывали ставни и двери. Шарды, не искавшие приключений или страшившиеся неизвестности, ложились спать. Другие обнажались, озаренные пламенем свечей, и надевали плотно облегающие плечи черные накидки, высокие черные сапоги и безобразные, пугающие маски-шлемы. Третьи сбрасывали длинные серые кисейные платья и облачались в свободные халаты из белого муслина, затем приоткрывали ставни или засов (только одного окна или только одной двери!) и, оставшись в полутьме среди теней, наползавших и отступавших в такт тлеющей в углу единственной тонкой свече, кидались на постель, дрожа в надежде и тревоге или переживая не поддающееся определению волнение, похожее на предчувствие повторения пережитого ужаса. Иные, плотно закрыв все ставни и двери, сначала лежали, испуганно сжавшись в комок, потом постепенно расслаблялись, дыша глубже и чаще, с вождением потягивались, выгибая спину, и в конце концов вставали, чтобы приоткрыть дверь или ставень.

Во мраке мерка, не замечая одна другую, крались причудливые тени. Тот, кто находил приоткрытым выбранное окно, отмечал его, чтобы отвадить других, вставленным в ушко щеколды белым цветком, после чего, забравшись в окно, представал перед молчаливой затворницей — воплощение демона Кро.

В странге Бен-Буфаров тоже гасли огни, тоже гремели засовы дверей и ставней. В полуподвальных помещениях прислуги одни готовились к похождениям, другие пытались забыться тяжелым сном. Обитатели башен занимались собственными приготовлениями. Вооружившись небольшим пистолетом, полученным в подарок от Колодина, Эфраим закрыл замки и засовы дверей и щеколды ставней на окнах, после чего обыскал свои покои. С особым вниманием он проверил надежность засовов железной двери, предотвращавшей проникновение в парадную гостиную из Скарлатто, а также потайной двери, ведущей из коридора второго этажа башни Джагер на винтовую лестницу за трапезной.

Закончив обход, Эфраим вернулся в парадную гостиную, бросился в огромное темно-алое кожаное кресло, налил себе кубок вина и погрузился в мрачное раздумье.

Эфраим вспоминал все, что случилось с тех пор, как он вернулся на Марун, пытаясь оценить, насколько он преуспел в решении своей задачи. Память так и не вернулась, враг все еще пользовался преимуществом неизвестности. Шло время. Лица проплывали перед

внутренним взором. Одно лицо вернулось и не исчезало — бледное, хрупкое, с блестящими темными глазами. Она практически завершила его, что не закроет дверь. Эфраим вскочил на ноги и принялся возбужденно ходить из стороны в сторону. Стелани рядом, она доступна — можно ли упускать такую возможность? Эфраим остановился: попытка — не пытка. Достаточно подняться на второй этаж башни Джагер и проверить, свободен ли коридор. Если там никого нет, оставалось пройти метров двадцать до ее двери. Если дверь открыта — Стелани его ждет.

Маска? Сапоги? Нет — это не для него! Он войдет к Стелани с открытым лицом, никем и ничем не притворяясь.

Взойдя по ступеням винтовой лестницы, Эфраим задержался перед замаскированным выходом, отодвинул крышку глазка, посмотрел в коридор. Снаружи никого не было.

Эфраим прислушался. Ни звука. Легкий шорох? Он прислушался внимательнее. Наверное, почудилось — кровь с шумом прилиwała к ушам.

Укравкой, как можно тише, он приоткрыл потайную дверь — сначала чуть-чуть, потом пошире. Выскользнув в коридор, он чувствовал себя беззащитным. Никого не было, царила мертвая тишина. С замиранием сердца Эфраим подбежал ко входу в покои Стелани и снова прислушался. Ни звука. Путь преграждала дверь из шести резных дубовых досок на трех чугунных петлях, с массивной чугунной лапкой пружинной защелки, открывавшейся снаружи.

Теперь или никогда. Эфраим протянул руку к защелке...

За дверью что-то звякнуло — так, будто металл задел за металл. Эфраим отпрянул, настороженно глядя на дверь. Дверь, казалось, так же настороженно глядела на него.

Раздираемый несовместимыми побуждениями, Эфраим нерешительно попятился еще на пару шагов. Потом, бегом вернувшись к мерк-ходу, нырнул в него, запер потайную дверь на засов и спустился в свои покои.

Снова опустившись в алое кожаное кресло, минут пять он оставался в неподвижности. Потом, поднявшись на ноги, Эфраим открыл замок двери, перегородившей узкую арку между гостиной и длинным вестибюлем — «галереей трофеев». Порывшись в шкафах и комодах, он нашел моток веревки, взял его в гостиную и запер за собой дверь.

Выложив на стол план лабиринта мерк-ходов, Эфраим некоторое время изучал его, после чего поднялся на площадку Скарлатто и оттуда перешел по тайному ходу в никем не занятое помещение непосредственно над комнатами Стелани.

Выйдя на балкон, он крепко привязал веревку к перилам и устроил на ней, через равные промежутки, несколько больших узлов, позволявших держаться руками и даже опираться ступнями. Мало-помалу позволив веревке соскользнуть в темноту, он перегнулся через перила и посмотрел вниз — импровизированная лестница покачивалась у ограды балкона Стелани.

Эфраим спускался с великой осторожностью, но скоро уже стоял на нижнем балконе. Окна и стекло балконной двери были наглухо закрыты ставнями, но через щели около петель проникал свет. Эфраим прижался глазом к щели и заглянул в комнату.

Стелани, в повседневном сером платье, сидела за столом и лениво передвигала пластинки мозаики-головоломки, блестящие в зареве яркой свечи. У двери стояли двое в черных панталонах и шлемах-масках. Один держал булаву, другой — кинжал. Неподалеку, на спинке кресла, висел большой черный мешок. Человек с булавой прижал ухо к двери — по его позе, по сутулой спине и большим длинным рукам Эфраим узнал старшего камергера Агнуа. Человек с кинжалом был, несомненно, Дестиан. Покосившись на темные фигуры у входа, Стелани слегка повела плечами и вернулась к своей головоломке.

У Эфраима кружилась голова. Он отвернулся и смотрел в темноту, хватаясь руками за перила балкона. Его тошнило от омерзения, он с трудом сдерживал желудочные спазмы.

Снова заглядывать в комнату он не стал. Заставляя работать онемевшие мышцы, Эфраим подтянулся по веревке на верхний балкон, вытащил и отвязал веревку, свернул ее и вернулся в Скарлатто по тайному ходу. Закрыв на засовы железную дверь, он спустился в гостиную, проверил все остальные двери и ставни, налил себе кубок вина и опустился в алое кожаное кресло, положив пистолет на стол перед собой.

Глава 11

Осмо взошел на востоке. За ним последовали Цирсе на юге и Маддар на юго-западе. Мрак рассеялся — по долине разлилось ликующее сияние испа.

Мато Лоркаса не было в его покоях. Не нашли его и в других помещениях странга Бен-Буфаров.

В замке установилась напряженная, гнетущая атмосфера. Агнуа явился передать Эфраиму, что Сингалисса просит ее принять.

— Ей придется подождать, пока я не закончу совещание с эйодархами, — не оборачиваясь, сказал Эфраим. Он не мог заставить себя взглянуть камергеру в лицо.

— Я так и доложу, ваше могущество, — вкрадчиво отозвался Агнуа. — Смею обратить ваше внимание на послание кайарха Рианле Эккордского всем высокородным обитателям странга Бен-Буфаров. Он настойчиво приглашает вас посетить Бельродский странг и почтить своим присутствием празднество во время следующего ауда.

— С удовольствием побываю в Бельродском странге.

Тянулись часы. Эфраим прошелся по лугу около замка, спустился к реке и долго бродил по берегу. Полчаса он стоял, бросая камешки в воду, потом обернулся к странгу — темное нагромождение башен и переходов теперь казалось гигантским змеиным гнездом.

И куда запропастился Мато Лоркас?

Эфраим быстрыми шагами вернулся в замок. Поднявшись по ступеням на террасу внутреннего двора, он остановился — заходить под сумрачные своды не хотелось, полумрак подавлял его.

Он заставил себя зайти. Стелани, выходявшая из библиотеки, задержалась, ожидая, что он с ней заговорит. Эфраим поспешил мимо и даже не посмотрел в ее сторону — он не смел на нее взглянуть, опасаясь, что она прочтет в его глазах отвращение и угрозу.

Стелани стояла и смотрела вслед — одинокая задумчивая фигура.

В назначенное время Эфраим вышел из покоев, чтобы встретить четырнадцать эйодархов Шаррода. Эйодархи явились в церемониальных черных мантиях поверх белых облачений. Их лица, все до одного, показались Эфраиму подозрительными, даже враждебными.

Эфраим пригласил эйодархов в парадную гостиную, где лакеи и помощники камергера уже приготовили круглый стол. В хвосте процессии явился Дестиан, тоже напяливший черную мантию. Эфраим резко произнес:

— Сквайр Дестиан! Я не звал вас на совещание. В любом случае, ваше присутствие не потребуется.

Дестиан остановился, переводя взгляд с одного эйодарха на другого:

— Хотел бы знать, каково мнение собравшихся по этому вопросу.

Эфраим подал знак лакею:

— Тотчас же удалите сквайра Дестиана из моих покоев, применяя любые необходимые для этого средства!

Дестиан успел изобразить издевательскую улыбку, развернулся на каблуках и удалился. Эфраим закрыл за ним дверь и присоединился к гостям:

— Наше совещание будет носить неофициальный характер. Прошу вас, выражайтесь открыто, не стесняйтесь. Откровенность вызовет у меня только уважение.

— Очень хорошо! — ответил старейший эйодарх (как впоследствии узнал Эфраим, барон Холк) — плотный, даже грузный человек с морщинистым лицом, оттенком напоминавшим старое дерево. — Ловлю вас на слове. Почему вы изгнали канга Дестиана из собрания равных по рангу?

— Мой приказ объясняется многими основательными причинами — о некоторых, если не обо всех, вы сегодня узнаете. Хотел бы напомнить, что, согласно протоколам о ранге, звание сына в данном случае не может быть выше звания матери. В связи с тем, что я стал кайархом, Сингалиссу снова надлежит именовать «вирховессой странга Урру», а ее сына, соответственно, «сквайром Дестианом». Не более чем формальность, конечно, но именно такая формальность делает меня кайархом, а вас — эйодархом.

Эфраим занял свое место:

— Будьте добры, садитесь. Сожалею, что совещание пришлось откладывать так долго. Справедливо было бы предположить, что заметное отсутствие дружелюбия с вашей стороны связано с этой отсрочкой?

— В частности, — сухо обронил барон Холк.

— У вас есть другие жалобы?

— Вы предложили высказываться откровенно. История показывает, что принимать подобные предложения глупо и что откровенность, как правило, дорого обходится. Тем не менее, возьму на себя такой риск. Жалобы наши состоят в следующем. Во-первых, нас оскорбляет безразличие, с которым вы отнеслись к славной традиции, легкомысленно возвратившись за несколько дней до истечения срока престолонаследия с тем, чтобы предъявить притязания на ваш титул.

— Во-первых, — загнул палец Эфраим. — Продолжайте.

— Во-вторых, после возвращения вы постоянно пренебрегали советом эйодархов в том, что касается самых насущных вопросов управления пределом. Вместо этого вы якшаетесь с каким-то выскочкой из Порт-Мара, чья репутация, по сведениям, полученным из надежных источников, не делает ему чести.

В-третьих, вы самым бессердечным образом оскорбили и поставили в неудобное положение крайке Сингалиссу, канга Дестиана и лиссолет Стелани, лишив их статуса и привилегий.

В-четвертых, вы своевольно восстановили против себя нашего союзника, кайарха Рианле Эккордского, и в то же время не уделяете никакого внимания бандиту Госсю, повинному в гибели кайарха Йохайма.

И в-пятых, пока я перечисляю наши претензии, вы слушаете с выражением насмешливого упрямства и скуки, как будто мы пришли сюда шутки шутить!

Эфраим не мог не усмехнуться:

— Благодарю за чистосердечие. Отвечу в том же духе. Уверяю вас, я далек от того, чтобы шутить и веселиться, хотя события последних дней не позволяли мне соскучиться. Прежде, чем я перейду к разъяснению этих достойных удивления событий, однако, я хотел бы знать, где вы почерпнули имеющиеся у вас сведения?

— Канг Дестиан соблаговолил держать нас в курсе.

— Я так и думал. А теперь, пожалуйста, устраивайтесь поудобнее и слушайте внимательно. Я расскажу вам все, что со мной происходило на протяжении последних месяцев...

Эфраим говорил целый час, не упомянув только о том, что он узнал после наступления мерка:

— Короче, я вернулся в Шаррод, как только появилась такая возможность, и откладывал заседание эйодархального совета, потому что вынужден был скрывать потерю памяти, пока мне не удалось хотя бы частично ее возместить. Я предложил Госсю перемирие, так как война с Горджетто истощает ресурсы Шаррода и не ведет ни к чему, кроме бессмысленной вражды и бесконечного кровопролития. Ни Госсю, ни его стрелки не повинны в гибели Йохайма. Убийство кайарха — дело рук предателя.

— Убийство? — слово пробежало вокруг стола, как бормочущее эхо.

— Что касается Рианле и его притязаний на отрог Шорохов, я поступил, как подобало кайарху Шарродскому — не поверил ему на слово и тянул время, чтобы изучить архивы и найти подтверждение существованию договоренности о Дван-Джаре между Рианле и кайархом Йохаймом. Такого подтверждения нет. В сопровождении Мато Лоркаса я посетил отрог Шорохов — несомненно, подходящее место для строительства летнего павильона, откуда открываются захватывающие перспективы. Тем не менее, в самом Эккорде таких мест не меньше дюжины. Я предложил вам собраться, чтобы изложить факты и попросить вашего совета.

Барон Фароз сказал:

— Сразу возникает вопрос — зачем Рианле понадобился именно отрог Шорохов?

— Помимо «шорохов» как таковых, единственная особенность, отличающая Дван-Джар от других открытых высокогорных лугов — в том, что его высоко почитают паломники, фвай-чи. Отрог Шорохов — их святыня, место отдохновения на «дороге жизни». Фвай-чи утверждают, что в древности кайархи Шаррода дали клятву о неприкосновенности Дван-Джара, хотя я не нашел никакого упоминания о ней в летописях Бен-Буфара. Итак, господа, какой ответ я передам кайарху Рианле, когда приеду в Бельродский странг?

Барон Холк ответил:

— Думаю, голосование не требуется. Мы отказываемся уступить отрог Шорохов! Тем не менее, отказ должен быть сформулировать дипломатично — так, чтобы Рианле мог сохранить лицо. Дразнить его опасно!

Барон Алифер предложил:

— В районе Каманче часты обвалы и оползни. Мы можем заявить, что не желаем подвергать доброго соседа и союзника такому риску.

Барон Барватц добавил:

— Заверения фвай-чи придадут отказу дополнительный вес. Можно сослаться на наше нежелание вступать в конфликт с автохтонами и, тем самым, с коннатигом.

— Я внимательно рассмотрю ваши предложения, — сказал Эфраим. — Тем временем, в странге Бен-Буфаров уже никому невозможно доверять. Полезно было бы полностью заменить обслуживающий персонал — за исключением Агнуа. За камергером, напротив, необходимо установить слежку, чтобы он не сбежал. Как это сделать?

— Я все устрою, ваше могущество, — пообещал барон Д'Энзиль.

— Еще вопрос. После наступления мерка исчез мой друг и советник, Мато Лоркас.

— Многие исчезают под покровом мерка, ваше могущество.

— Это особый случай, я хотел бы провести расследование. Барон Эрте, не могли бы вы организовать поиски?

— Будет сделано, ваше могущество.

Эфраим, Сингалисса, Стелани и Дестиан воспарили над горами в аэромобиле. Разговор ограничивался обменом любезностями. Эфраим преимущественно молчал, сосредоточившись на пейзаже. Время от времени он чувствовал, что за ним исподтишка наблюдает Сте-

лани. Однажды, встретившись с ним глазами, она даже изобразила на лице подобие улыбки, но для Эфраима она больше не существовала. Он не понимал, как ему могло казаться раньше, что Стелани источает какое-то очарование — само ее присутствие было почти невыносимо. Сингалисса и Дестиан обсуждали свои мыследействия — обычная тема разговора между рунами. Сингалисса, помимо прочего, вырезала камеи из сердолика, лунного камня, халцедона и хризопраза. Дестиан коллекционировал драгоценные минералы. Таким образом, в этой области их интересы во многом совпадали.

Когда машина пролетала над Дван-Джаром, Дестиан пояснял геологические характеристики района:

— По существу, огромный бугор диабаз, разделенный жилами-перемычками пегматита. В обнажениях иногда встречаются гранаты, время от времени — турмалины, но не слишком чистой воды. Говорят, фвай-чи их откалывают и берут на память.

— Таким образом, на отроге Шорохов бесполезно искать драгоценности?

— Практически бесполезно.

Сингалисса повернулась к Эфраиму:

— Что вы думаете по поводу этого склона, поросшего травой?

— Замечательное место для летнего павильона. Легендарные «шорохи» едва различимы — по сути дела, приятный шелест ветра, не более того.

— Возникает впечатление, что вы готовы утвердить соглашение между Йохаймом и Рианле, — задумчиво проговорила Сингалисса, будто размышляя о невещественных философских материях.

— Не следует торопиться с выводами, — осторожно отозвался Эфраим. — Я еще ничего не решил. Необходимо определить условия договора и, прежде всего, удостовериться в наличии договора как такового.

Сингалисса подняла тонкие черные брови:

— Надо полагать, вы не подвергаете сомнению слово кайарха Рианле?

— Ни в коем случае! — заверил ее Эфраим. — Тем не менее, он мог неправильно истолковать замечания Йохайма. Не следует забывать, что, согласно древнему уговору кайархов и фвай-чи, это заповедный район. Поступить им значило бы поступиться честью предков.

Губы Сингалиссы подернулись ледяной улыбкой:

— Если такой уговор действительно существует, кайарх Рианле может признать его первоочередность.

— Увидим. Возможно, он и не затронет этот вопрос. В конце концов, мы приглашены на празднество, а не на переговоры.

— Увидим.

Летательный аппарат начал длинный пологий спуск к городку Эльде, считавшемуся чем-то вроде столицы Эккорда. Неподалеку воды четырех рек вливались в широкий кольцевой канал. В середине центрального острова возвышался Бельродский странг — дворец из бледно-серого камня и белого эмалированного дерева с розовыми, черными и серебристыми вымпелами на восемнадцати минаретах. По сравнению с ним странг Бен-Буфаров казался диковатым, обветшалым и мрачным.

Аэромобиль приземлился у парадных ворот. Четверых пассажиров встретили шестеро юных герольдов с хоругвями и двадцать музыкантов, изо всех сил дувшие в горны-хрюкоржаки и производившие оглушительный бедлам.

Новоприбывших провели в частные покои, чтобы они освежились. Роскошь бельродских интерьеров превзошла все ожидания Эфраима. Он выкупался в бассейне с душистой водой, но предпочел снова надеть свой костюм, не притронувшись к приготовленной для него кричащей блестяще-черной мантии с огненно-красной шелковой подкладкой. Мало-

заметная дверь вела к туалету и трапезной, где его ждали ломоть деревенского хлеба, сыр, холодное мясо и кислое пиво.

Кайарх Рианле приветствовал четверых гостей в зале торжественных приемов. Присутствовали также крайке Дервас, хмурая высокая женщина, предпочитавшая помалкивать, и лиссолет Маэрио — по слухам, дочь Дервас и Рианле. Отцовство Рианле почти не вызывало сомнений — Маэрио могла похвастаться золотистыми кудрями и ясными, правильными чертами экордского кайарха. Грациозная и подвижная, она не выделялась ростом и, казалось, вынуждена была постоянно сдерживаться, как шаловливый ребенок, привыкший получать выговоры. Благодаря сочетанию янтарной шевелюры и золотистого отлива кожи лицо ее светилось даже в тени. Время от времени Эфраим замечал на себе ее печально-многозначительный взгляд.

Несмотря на значительное превосходство в роскоши, Бельродский странг уступал замку Бен-Буфаров в том, что в приблизительном переводе с рунического диалекта можно назвать «трагическим величием». Кайарх Рианле вел себя исключительно приветливо и учтиво, оказывая особое — даже несколько бестактное, с точки зрения Эфраима — внимание к Сингалиссе. Крайке Дервас ограничивалась формальной вежливостью, обращаясь ко всем гостям без разбора с одинаковыми заученными фразами. Лиссолет Маэрио, напротив, была застенчива и даже, повидимому, чувствовала себя неловко. Она исподтишка наблюдала за Эфраимом. Время от времени их взгляды встречались, и Эфраим удивлялся: как он мог когда-то чувствовать влечение к Стелани, спокойно собиравшей мозаику на столе, пока убийцы ждали его за дверью? Черная оса Стелани, молодая копия старой черной осы Сингалиссы!

Через некоторое время Рианле пригласил гостей в Пунцовую ротонду — двадцатигранное помещение, устланное алым ковром под хрустальным куполом, напоминавшим огромную сверкающую двадцатиугольную снежинку. Тяжелая люстра из десятков тысяч точечных светильников сияла над розовым мраморным столом. В центре стола возвышалась модель павильона, предназначенного кайархом Рианле для отрога Шорохов. Скромно улыбнувшись, Рианле жестом пригласил гостей полюбоваться на модель, после чего рассадил их вокруг стола. В ротонду вошел долговязый субъект в сером облачении, расшитом черными и красными полумесяцами, толкавший перед собой двухколесную тележку. Установив тележку подле кайарха Рианле, он снял с нее покрывало — под ним обнаружились выдвижные лотки и стойки с сотнями флаконов. Маэрио, сидевшая по левую руку от Эфраима, спросила его:

— Разве вы не знаете? Это маэстро Берхальтен, знаменитый затейник.

— Нет, не знаю.

Посмотрев по сторонам, Маэрио понизила голос, чтобы ее мог слышать только Эфраим:

— Говорят, вы потеряли память. Это правда?

— К сожалению, да.

— И поэтому вы исчезли тогда, в Порт-Маре?

— Наверное. Я еще не выяснил все обстоятельства.

Маэрио почти прошептала:

— Все из-за меня.

Эфраим немедленно заинтересовался:

— Почему же?

— Помните, как мы собрались прогуляться по городу?

— Мне известно, что мы устроили вечеринку, но я ничего не помню.

— Мы болтали с инопланетянином по имени Лоркас. Он кое-что предложил, я по глупости согласилась и... вас моя вульгарность настолько потрясла и оскорбила, что вы потеряли рассудок. Вот!

Эфраим скептически хмыкнул:

— Что же вы наделали?

— Об этом даже рассказывать неприлично! Мне вскружило голову, я вела себя просто дико! Поверьте мне, я нечаянно, просто так получилось.

— И я сразу потерял рассудок?

— Ну... не сразу.

— Значит, ваше поведение вряд ли повергло меня в ужас, вызвавший умопомрачение. Сомневаюсь, что вам удалось бы меня оскорбить, даже если бы вы очень постарались! — последнюю фразу Эфраим произнес с непреднамеренной страстностью, удивившей его самого.

Маэрио казалась озадаченной:

— Так говорить не принято.

— Я вас обидел?

Девушка покосилась на него и тут же отвела глаза:

— Вы и так все знаете. О, нет! Конечно нет. Вы все забыли.

— Как только вас увидел, начал учиться заново.

Маэрио прошептала:

— Что, если вы снова потеряете рассудок?

— Никогда я не терял рассудок, зачем вы придумываете!

Кайарх Рианле, сидевший напротив, обратился к Эфраиму:

— Я вижу, вы с одобрением обсуждаете мой павильон! Как вы думаете, он будет хорошо выглядеть на отроге Шорохов?

— Чудесная модель, — кивнул Эфраим. — Интересный, хорошо продуманный проект. Такое здание прекрасно выглядело бы и в любом другом месте.

— Надеюсь, мне не придется подыскивать другое место?

— Я совещался с эйодархами. Так же, как у меня, перспектива расстаться с отрогом Шорохов не вызывает у них энтузиазма. Возникают определенные трудности.

— Трудности всегда можно преодолеть, — Рианле сохранял напыщенно-дружелюбный тон. — Факт остается фактом — мне по душе отрог Шорохов, я сделал выбор!

— В конечном счете решение зависит не от меня, — мягко возразил Эфраим. — Даже если бы я был готов пойти навстречу вашим пожеланиям, меня связывают условия древнего договора шарродских кайархов и фвай-чи.

— Я хотел бы увидеть этот документ своими глазами. Возможно, срок его действия давно истек.

— Не уверен, что договор существует в письменном виде.

Рианле изумленно откинулся на спинку кресла:

— А тогда как вы можете утверждать, что он вообще существует? Откуда известны его условия? Вы их помните?

— Фвай-чи изложили мне условия договора — они однозначны.

— Высказывания фвай-чи знамениты расплывчатостью и двусмысленностью. И на этой — более чем сомнительной — основе вы решили расторгнуть соглашение, достигнутое мной и кайархом Йохаймом?

— Ни в коем случае! Я намерен выполнять все достигнутые соглашения. Надеюсь, вы сможете передать мне копию соответствующего документа, чтобы я, в свою очередь, мог предъявить ее эйодархам?

Рианле холодно воззрился на Эфраима:

— Необходимость документально подтверждать то, что я отчетливо помню, несовместима с моим достоинством!

— Никто не подвергает сомнению ваши воспоминания, — заверил его Эфраим. — Непонятно, однако, что могло побудить кайарха Йохайма пренебречь клятвой предков. Придется приложить все возможные усилия, чтобы разыскать в шарродских хрониках подтверждение неприкосновенности заповедника фвай-чи.

— Таким образом, вы не уступите отрог Шорохов, руководствуясь исключительно принципами взаимного доверия и сотрудничества?

— Я не могу скоропалительно принимать важные решения.

Рианле поджал губы и порывисто повернулся в широком кресле:

— Предлагаю вашему вниманию искусство Берхальтена — он продемонстрирует невиданную доселе концепцию!

Берхальтен, закончивший приготовления, ударил по колену блестящей палочкой — прозвучал вибрирующий удар гонга. Из прохода за его спиной выбежали семь пажей в пунцовых с белым ливреях — каждый держал серебряный поднос с небольшим кувшином. В каждый кувшин Берхальтен собственноручно погрузил твердый цилиндр, состоящий из восьми разноцветных слоев, после чего пажи расставили подносы с кувшинами перед сидящими за столом. Берхальтен наклонил голову в сторону Рианле, закрыл тележку покрывалом и застыл в позе бесстрастного ожидания.

Рианле продолжал:

— Берхальтен изобрел забавное устройство. Сверху на стоящем перед вами кувшине — золоченая кнопка. Нажатие кнопки высвобождает реагент, активирующий ароматизатор. Вы будете очарованы...

Рианле провел гостей на балкон, откуда открывался вид на большую полукруглую сцену с декорациями, изображавшими рунический ландшафт. Справа и слева с каменных утесов низвергались водопады, порождавшие бурные потоки, устремлявшиеся в центральный пруд.

Пробил колокол — и начался невероятный гам! Гудели гонги, заливались резким хохотом и подвывали хрюкоржаки, такт задавало оглушительное стаккато медных тарелок. Во всей этой свалке насилующих барабанные перепонки диссонансов угадывалась, однако, сложная ритмическая последовательность, трояко имитировавшаяся в увеличении, в уменьшении и ракоходом.¹

С противоположных сторон сцены надвигались одна на другую две группы воинов в фантастических доспехах, причудливых металлических масках и шлемах с гребнями из шипов и ветвящихся колючек. Сперва бойцы крались нелепыми шагами вприсядку, медленно вскидывая ноги и задерживая их высоко в воздухе, потом бросались на противника под воющий рев серпентосирен, изображая бой замирающими на мгновение и стремительно меняющимися ритуальными позами. Рианле и Сингалисса, сидевшие на одном конце балкона, быстро обменялись несколькими фразами, полностью заглушенными диким шумом представления. Эфраима посадили рядом со Стелани на другом конце. Дестиан разговаривал с Маэрио, то и дело гордо поднимая голову и поворачиваясь к ней в профиль — у него был красивый профиль. Крайке Дервас сидела, уставившись на танцоров ничего не

¹ Руны не сочиняют и не исполняют настоящую музыку, будучи неспособны мыслить в терминах мелодии или гармонии. Их фанфарные «переклички» и «праздничные шумы» прогрессируют согласно контрапунктическим ритмическим закономерностям, определяемым математическими формулами, причем цель исполнителей заключается в точной имитации ритма. При этом высотнотональные взаимоотношения звуков совершенно произвольны, а слушатели получают скорее интеллектуальное, нежели эмоциональное удовлетворение.

видящими неподвижными глазами. Стелани бросила на Эфраима взгляд, в былые дни неуверенности, до наступления мерка, вызвавший бы у него замирание сердца. Она тихо спросила:

— Вам нравится балет?

— Искусные исполнители. Мне трудно судить об этих вещах.

— Почему вы отстранились? Несколько дней вы почти ничего не говорите.

— Прошу меня извинить. Управление Шарродом требует постоянного внимания.

— Блуждая по далеким мирам, вы, наверное, стали свидетелем многих интересных событий.

— Верно.

— Правда ли, что обитатели других планет — обжоры и себалисты? Или это всего лишь предубеждение?

— Их привычки, несомненно, отличаются от рунических традиций.

— А вы как относились к их привычкам? У вас они вызывали отвращение?

— У меня не было возможности беспокоиться о чем-либо, кроме моих невзгод.

— А! Вы уклоняетесь от прямого ответа.

— Откровенно говоря, я опасюсь того, что мои неосторожные замечания, если они станут известны вашей матушке, будут ложно истолкованы и использованы с тем, чтобы подорвать мой авторитет.

Стелани выпрямилась. Несколько минут она наблюдала за танцорами. Балет достиг кульминации — на сцене появились два легендарных героя, Хисс и Зан-Иммариот.

Стелани снова повернулась к Эфраиму:

— Вы составили обо мне неправильное мнение. Я не рассказываю Сингалиссе обо всем, что вижу и слышу. Неужели вы думаете, что мне не душно в стенах странга Бен-Буфаров? Я тоже жажду новых впечатлений! Может быть, вам не понравится моя искренность, но мне тоже иногда приходится сдерживать порывы чувств. Сингалисса поклоняется условностям — я считаю, что в некоторых случаях условности, соблюдаемые другими, неприменимы по отношению ко мне. Почему люди не имеют права благопристойно пробовать вино — так, как это делается в Порт-Маре? И не смотрите на меня с таким удивлением. Я докажу вам, что тоже способна отбросить традиции!

— Допускаю, что пренебрежение традициями поможет вам развеять скуку. Со стороны Сингалиссы, однако, подобные развлечения неизбежно встретят осуждение.

Стелани улыбнулась:

— Разве Сингалисса должна обо всем знать?

— Не должна, вы совершенно правы! К сожалению, она прекрасно умеет не только строить козни, но и вынюхивать все, что делается у нее за спиной.

— Посмотрим! — изобразив беззвучный смех, Стелани откинулась на спинку кресла. Битва Хисса и Зан-Иммариота завершалась обоюдным изнеможением. На сцене темнело, звуковое сопровождение замедлялось, замирало.

Наступила сумрачная тишина, нарушаемая лишь трепетным дрожанием гонгов под мягкими прикосновениями рук.

— Мерк! — прошептала Стелани.

На сцену прыжками выбежали три фигуры в демонических масках и костюмах из черных роговых пластинок, блестящих, как надкрылья жуков.

Стелани наклонилась ближе к Эфраиму:

— Три воплощения Кро — Майесс, Гоун и Скъяффрод. Герои пытаются сопротивляться — смотрите! А! Они уже гибнут! Демоны торжествуют, демоны пляшут! — Стелани повернулась к Эфраиму, коснувшись его плечом:

— Как странно, должно быть, жить в мире с одним солнцем, где мерк наступает каждый день!

Эфраим отвел глаза в сторону — Стелани дышала слишком близко, в ее темных глазах искрами отражались огни сцены. Эфраим сказал:

— Ваша мать, разумеется, за нами наблюдает. Но вот что удивительно — судя по всему, ее нисколько не раздражает наша интимная беседа!

Стелани напряглась и, наклонившись вперед, стала смотреть на воплощения низких страстей, втаптывающие в грязь мертвых героев. Судорожно нагибаясь, демоны опускали головы, вскидывая руки к небу — судорожно выпрямляясь, поднимали головы, протягивая руки к земле.

Позже, когда четыре гостя уже собирались уезжать, Эфраим улучил минуту, чтобы обменяться парой слов с Маэрио. Та сказала, почти тоскливо:

— Вы успели подружиться со Стелани. Жаль! Она кого угодно умеет заворожить.

Эфраим выдавил болезненную улыбку:

— Внешние признаки обманчивы. Открою вам секрет... Вы не проболтаетесь?

— Конечно, нет.

— Насколько я понимаю, Сингалисса поручила Стелани спровоцировать меня притворными воздыханиями на какую-нибудь глупость, способную дискредитировать меня в глазах шарродских эйодархов. На самом деле...

— На самом деле? — Маэрио затаила дыхание.

Эфраим обнаружил, что ему не хватало слов, чтобы выразиться достаточно точно и деликатно:

— Скажу вам как-нибудь в другой раз. Но это вы меня заворожили, а не Стелани.

Глаза Маэрио заискрились:

— До свидания, Эфраим!

Повернувшись, чтобы уйти, Эфраим заметил пристальный взгляд Стелани — теперь на ее лице было написано дикое отчаяние раненого зверя. Эфраиму пришлось напомнить себе, с каким безразличием она разглядывала головоломку на столе, когда у порога его ждали человек с булавой, человек с кинжалом и большой черный мешок.

В последнюю очередь Эфраиму надлежало официально попрощаться с кайархом Рианле.

— Размах вашего гостеприимства носит поистине величественный характер! — заявил Эфраим. — В странге Бен-Буфаров нам остается довольствоваться лишь бледным подражанием. Тем не менее, надеюсь, вы не заставите нас слишком долго ждать ответного визита — мы всегда рады принять вас, крайке и лиссолет.

На лице Рианле не осталось никаких следов дружелюбия. Он ответил:

— Принимаю приглашение — как от своего имени, так и от имени крайке и лиссолет. Надеюсь, вы не сочтете слишком бесцеремонным мое намерение навестить Шаррод через три дня? У вас будет достаточно времени на поиски легендарного договора в архиве предков. Кроме того, вы успеете созвать экстренное совещание с эйодархами и убедить их в том, что мое соглашение с кайархом Йохаймом должно быть выполнено неукоснительно и безотлагательно.

Гневные, неосторожные слова готовы были сорваться с языка Эфраима. Ему стоило большого труда их не произнести.

— Я посоветуюсь с эйодархами, — сказал он наконец. — Вынесенное советом Шаррода решение, одобрите вы его или нет, будет основано на наших представлениях о долге. В любом случае вы окажете нам честь пребыванием в странге Бен-Буфаров. Увидимся через три дня.

Глава 12

По возвращении в странг Бен-Буфаров Эфраим не узнал слуг, распахнувших ворота. Сингалисса остановилась, как вкопанная:

— Кто эти люди? Где наши лакеи?

— Я их заменил, — объяснил Эфраим. — Всех, кроме Агнуа. Он продолжает занимать должность старшего камергера.

Сингалисса бросила на него пытливый взгляд:

— Какой смысл нарушать заведенный порядок? Зачем вы это сделали?

Эфраим отвечал сдержанно и любезно:

— Я хотел бы жить среди людей, достойных моего доверия — то есть обязанных своим положением исключительно мне. Был только один способ этого добиться. Пришлось всех уволить и нанять новый персонал.

— Сплошные заботы и беспокойства! — воскликнула Сингалисса. — Их становится больше с каждым днем. Чем это кончится? Хуже того! По-видимому, вы готовы развязать безнадежную войну только потому, что не можете расстаться с ничтожным клочком бесплодной земли!

— Хотел бы я знать, почему Рианле из кожи лезет вон, чтобы заполучить «ничтожный клочок бесплодной земли»! У вас есть какие-нибудь предположения?

— Кайарх Рианле со мной не откровенничает.

Приблизился лакей:

— Ваше могущество, явился барон Эрте.

— Просите его сюда.

Подошел эйодарх Эрте. Переводя взгляд с Эфраима на Сингалиссу и обратно, после некоторого колебания он обратился к кайарху:

— Ваше могущество, я могу представить отчет.

— Говорите.

— Под кучей щебня у Ховарского леса обнаружили труп в черном мешке. Его опознали — это останки Мато Лоркаса.

Желудок Эфраима судорожно сжался. Он посмотрел на Сингалиссу — та стояла с каменным лицом. Если бы не тихий звон металла за дверью, сейчас в черном мешке лежал бы он сам!

— Прикажите принести труп на террасу.

— Как будет угодно вашему могуществу.

Сингалисса тихо спросила:

— А это зачем?

— Вы еще не догадались?

Сингалисса медленно отвернулась.

Эфраим вызвал камергера:

— Агнуа, поставьте на террасе козлы или широкую скамью.

Агнуа позволил себе выразить позой некоторое замешательство:

— Сию минуту, ваше могущество!

Четыре горца принесли на террасу гроб и установили его на козлах. Эфраим глубоко вздохнул, выдохнул, снова набрал воздуха в легкие и поднял крышку гроба. Несколько секунд он смотрел на лицо мертвеца, после чего повернулся к камергеру:

— Принесите булаву.

— Слушаю, ваше могущество! — Агнуа собрался было уйти, но тут же остановился и обернулся. Камергер был в ужасе:

— Какую булаву, ваше могущество? На стене в галерее трофеев их целая дюжина.

— Ту булаву, которой был убит высокородный Лоркас!

Агнуа снова повернулся и медленно скрылся под темной аркой входа. Сжимая зубы, Эфраим осмотрел труп. Череп был разmozжен булавой, но на спине зияла глубокая колотая рана — след кинжала.

— Закройте гроб! — приказал Эфраим. — Лоркас больше ничего не расскажет. Где Агнуа? Бездельник не торопится!

Эфраим подал знак лакею:

— Найдите Агнуа, скажите, чтоб поторопился!

Лакей скоро вернулся — бегом:

— Агнуа мертв, ваше могущество! Он принял яд!

Эфраим хлопнул слугу по спине:

— Вернитесь в замок, всех расспросите! Узнайте все подробности!

Глубоко разочарованный, он повернулся к барону Эрте:

— Один из убийц избежал возмездия. Будьте добры, похороните несчастного Лоркаса.

Через некоторое время лакей вернулся с докладом. Судя по всему, войдя в замок, Агнуа сразу прошел в свои комнаты и там опорожнил флакон, содержащий смертельную дозу яда.

Принимая ванну, Эфраим мылся с необычным для него рвением. Подкрепившись безрадостной пищей, найденной в трапезной, он лег в постель. Шесть часов он дремал, ворочался, просыпался в поту, ужасаясь кошмарным видениям, снова дремал, снова ворочался. Наконец, полностью изнеможенный, он забылся глубоким сном.

Пилот аэромобиля, доставившего Эфраима из Бельродского странга, все еще ждал дальнейших указаний, не решаясь улететь без разрешения кайарха. Одевшись, Эфраим спустился к машине и приказал отвезти себя на отрог Шорохов.

Поднимаясь в лучах разноцветных солнц, аппарат устремился на север и через несколько минут мягко опустился в траву на плече Каманче. Выйдя из машины, Эфраим побрел по лугу. Со всех сторон открывались воздушные, облачные перспективы — только на востоке высился остроконечный пик. Заботы, интриги, трагедии странга Бен-Буфаров здесь не существовали. Существовал только покой, покой без сновидений. Усталый травой летучий остров парил в бескрайней тишине — затерянный мир, где забвение смерти заменяло бессмертие.

Дойдя до середины луга, Эфраим остановился. Шорохов не было. Прошли мгновения, и он услышал вздохи, смешение миллионов нежнейших призывов — каждый по отдельности невозможно было бы уловить. Дыхания превратились в журчащее бормотание, трепетно растворяющееся и снова приливающее, незаметно переходящее в тишину — звук стихийного сожаления...

Эфраим тоже глубоко вздохнул и повернул к лесу. Там, как и прежде, среди стволов темнели фигуры фвай-чи. Волоча ноги, туземцы вышли ему навстречу. Эфраим продолжал идти и скоро встретился с ними лицом к лицу.

— Я приходил сюда до наступления мерка и говорил с одним из вас, — сказал Эфраим. — Он все еще здесь?

— Мы все были здесь.

— Я столкнулся с трудностями. Эти трудности не только мои — они в той же степени ваши. Эккордский кайарх возжелал присвоить Дван-Джар. Он собирается построить здесь павильон для развлечения.

— Трудности твои. У нас их нет. Кайархи Шаррода поклялись охранять святилище — навеки.

— Слова ничего не доказывают. У вас есть документ, подтверждающий клятву кайархов?

— Документов нет. С незапамятных времен — с тех пор, как люди поселились в долине, клятва переходила из уст в уста, от кайарха к наследнику.

— Кайарх Йохайм мог передать мне клятву, но я ничего не помню. Ваш яд отнял мою память. Теперь я не могу ничего возразить эккордскому кайарху.

— Уговор есть уговор. Дали слово — держите слово.

Фвай-чи вернулись в лес.

Подавленный Эфраим вернулся в странг Бен-Буфаров, созвал совещание эйодархов и сообщил о требованиях Рианле. Бароны помоложе стали призывать ко всеобщей мобилизации. Остальные мрачно молчали.

— Рианле непредсказуем, — сказал Эфраим. — По крайней мере, таково мое мнение. Наши приготовления к войне могут охладить его пыл. С другой стороны, если его ресурсы достаточно превосходят наши, он может не отступить перед лицом сопротивления. Например, он может приказать своим войскам занять Дван-Джар, а затем просто-напросто игнорировать наши протесты.

— Значит, мы должны занять Дван-Джар первыми и укрепиться! — воскликнул барон Гектр. — Тогда мы сами сможем игнорировать протесты Рианле.

Барон Холк покачал головой:

— Заманчивая идея — но рельеф местности всему помешает. Кайарху Рианле ничего не стоит провести отряды вокруг Каманче и вверх по склону Дювайля. Гарнизон на отроге Шорохов можно снабжать только по тропе, поднимающейся по полке Лорского лба — Рианле в одиночку мог бы сорвать всю нашу затею, стоя наверху и собственноручно сбрасывая камни с обрыва. Выгоднее было бы укрепиться на Базонском уступе и перекрыть перевал под Когтем Грифона, но это означало бы вторгнуться в Эккорд и неминуемо повлекло бы ответный удар.

— Посмотрим на физиограф, — решил Эфраим.

Один за другим собеседники прошли в восьмиугольный Стратегический зал. Там они целый час изучали десятиметровую топографическую модель Шаррода и соседних земель, но убедились только в том, что уже знали — если бы отряды Рианле заняли Дван-Джар, нападающие могли бы отрезать пути их снабжения, и эккордский гарнизон остался бы в безвыходном положении.

— В этой ситуации численный перевес Рианле ничего не значит, — задумчиво проговорил барон Эрте. — Нашего ополчения хватит, чтобы загнать его в тупик.

— Оптимистичный взгляд на вещи! — возразил барон Д'Ашейль. — У эккордского кайарха не меньше трех тысяч парусов. Если они соберутся здесь, — он указал на отвесный эскарп, протянувшийся над долиной Эсха, — Рианле успеет атаковать Шаррод с воздуха,

пока наши войска заняты на Базонском уступе. Мы можем либо держать в осаде его гарнизон на Дван-Джаре, либо охранять долину от его парусов. Но я не вижу возможности делать и то, и другое одновременно.

Эфраим спросил:

— Сколько парусов можно собрать в Шарроде?

— Четырнадцать сотен «орлов» и примерно столько же «птенцов».

— Двух тысяч восьмисот парусов недостаточно, чтобы атаковать Бельродский странг?

— Самоубийство! Пришлось бы слишком долго планировать — над Стонущими скалами воздушный поток круто устремляется вниз.

Советники вернулись к круглому столу из красного сиенита.

Эфраим подвел итог:

— Насколько я понимаю, все придерживаются того мнения, что мы не сможем успешно сопротивляться, если Рианле решит начать войну всерьез. Не так ли?

Никто не возразил.

Эфраим продолжал:

— Один вопрос мы еще не обсудили. Почему Рианле настойчиво добивается уступки Дван-Джара? Басням о постройке павильона я не верю. Я только что вернулся с отрога Шорохов. Там возникает щемящее чувство красоты и покоя — настолько острое, что остается только думать о бренности человека и тщетности надежд. Рианле горд и упрям — но разве он полностью лишен уважения к красоте? Сама идея вести строительство в таком месте кощунственна.

— Согласен, Рианле горд и упрям! — отозвался барон Цзанто. — Но этим невозможно объяснить столь дорогостоящий и бессмысленный каприз.

— Чем отрог Шорохов отличается от любого другого горного луга с красивыми видами? Только тем, что по нему проходит «дорога жизни» фвай-чи, — заметил Эфраим. — Какую выгоду можно извлечь, осквернив святыню аборигенов и действуя им на нервы?

Эйодархи сосредоточенно молчали. Наконец барон Алифер не слишком уверенно произнес:

— Ходят слухи, что роскошные привычки обходятся эккордскому кайарху слишком дорого — доходов странга не хватает на оплату всех его причуд. Поэтому я не стал бы сбрасывать со счетов возможность того, что Рианле надеется каким-то образом эксплуатировать непочатый ресурс, а именно сокровища фвай-чи. Например, получив Дван-Джар, он мог бы шантажировать туземцев, принуждая их платить дань целебными препаратами, эликсирами и кристаллами в обмен на обещание не начинать строительство.

Барон Холк нахмурился:

— Не вижу, каким образом все эти соображения помогают решению наших проблем. Необходимо согласовать дальнейшую политику. Как мы ответим Рианле?

Эфраим обвел взглядом сидящих за столом:

— Мы обсудили все варианты, кроме одного. Остается только подчиниться требованиям Рианле. Считает ли совет, что, несмотря на унижительность такого решения, у нас практически нет никакого другого выхода?

— Практически никакого — такова действительность, — проворчал барон Холк.

Барон Гектр ударил кулаком по столу:

— Разве нельзя занять оборонительную позицию, даже если придется блефовать? Рианле хорошенько подумает, прежде чем отважится рисковать всем, что у него есть!

Эфраим кивнул:

— Подождем до следующего ауда — и тогда примем окончательное решение.

И снова Эфраим созвал совет эйодархов. На этот раз никто не жаловался — все сидели в угрюмом молчании. Эфраим его нарушил:

— Я просмотрел хроники и не нашел убедительного свидетельства существования договора между Шарродом и фвай-чи. Остается только предать аборигенов и подчиниться Эккорду. Есть возражения?

— Есть! — прорычал барон Гектр. — Я готов драться!

— Мы все не прочь подраться, — отозвался барон Фароз. — Но я не вижу смысла рисковать своей головой и жизнью своих людей без всякой надежды на победу. Мы вынуждены подчиниться.

— Такова необходимость, — кивнул барон Холк.

Эфраим сказал:

— Если кайарх Йохайм в самом деле уступил настояниям Рианле, ему, по-видимому, приходилось руководствоваться теми же неприятными соображениями. Надеюсь, наше унижение послужит на пользу Шарроду.

Он поднялся на ноги:

— Рианле приезжает завтра. Приглашаю всех вас принять участие в нашей встрече. Ваше присутствие поможет мне сохранить достоинство.

— Мы придем.

Глава 13

За час перед прибытием Рианле эйодархи собрались на террасе странга Бен-Буфаров. В результате психологических процессов, в каждом случае носивших индивидуальный характер и объяснявшихся различными причинами, многие бароны ожесточились — опасения, преобладавшие над стыдом, постепенно сменились решимостью бросить вызов судьбе. Еще недавно все эйодархи готовы были покориться неизбежности и уступить надменному соседу — теперь, казалось, старейшин охватило возбуждение непримиримого упрямства.

— Рианле утверждает, что вы потеряли память, и хочет этим воспользоваться? — повернулся к Эфраиму барон Балтазар. — Пусть так! Но я-то ничего не забыл! В летописях нет упоминания о древнем уговоре — ну и что же? Фвай-чи не отрицают, что он существует только на словах. Я отчетливо помню — кайарх Йохайм обсуждал этот уговор в моем присутствии!

— Я тоже! — вмешался барон Гектр. — Рианле не посмеет усомниться в наших словах.

Эфраим печально усмехнулся:

— Посмеет — отчего бы ему не посметь? Мы не в силах ему помешать.

— Сдаться без боя значило бы допустить опасный стратегический промах, — возразил барон Балтазар. — Мы твердо откажемся выполнять его требования. Если он оккупирует Дван-Джар, мы возьмем измором его гарнизон и разрушим все, что он построит. А если его стервятники начнут кружить над долиной Эсха, шарродские орлы набросятся на них с Эйлодских скал и переломают им крылья!

— Хорошо! — поднял брови Эфраим. — Если таково ваше решение, можете на меня рассчитывать. Помните, однако, что твердость не исключает осторожности. Не провоцируйте Рианле. Не заводите разговор об обороне, пока он не станет угрожать. Рад слышать, что для вас — так же, как и для меня — повинование нестерпимо. Ага! Над плечом Шаннайра появилась муха. Надо полагать, Рианле и его свита.

Аэромобиль приземлился. Первым вышел Рианле, за ним — крайке Дервас, лиссолет Маэрио и четыре эйодарха. Герольды поспешно промаршировали из-под ворот странга, исполняя церемониальную фанфарную переключку. Рианле и его спутники стали подниматься по ступеням, ведущим на террасу. Эфраим и шарродские эйодархи спустились, чтобы встретить их на полпути.

Покончив с формальными приветствиями, Рианле картинно выпрямился, выставя красивую голову в самом выгодном ракурсе:

— Сегодня кайархи Шаррода и Эккорда встречаются, чтобы отметить начало новой эры дружественных отношений между их пределами, в связи с чем мне приятно сообщить, что я благосклонно рассматриваю возможность тризмы между вами и лиссолет Маэрио.

Эфраим слегка поклонился:

— В высшей степени любезное предложение, ваше могущество, целиком и полностью согласующееся с моими намерениями! Но вы проделали утомительный путь — я обязан предоставить вам возможность освежиться. Через два часа мы увидимся в парадной гостиной.

— Превосходно! Допускаю, что вы не нашли дальнейших возражений против моего незначительного проекта?

— Ваше могущество, примите мои заверения в том, что укрепление взаимовыгодных отношений между нашими пределами, основанное на принципах равноправия и сотрудничества — одна из первоочередных задач шарродской политики.

Лицо Рианле помрачнело:

— Почему вы не отвечаете по существу? Намерены вы или нет уступить Дван-Джар?

— Ваше могущество, давайте не будем обсуждать важные дела на крыльце. Через пару часов, когда вы отдохнете, я разъясню шарродскую точку зрения.

Рианле поклонился и резко повернулся спиной к Эфраиму. Помощники камергера провели его и прибывших с ним гостей в отведенные им апартаменты.

Маэрио стояла у высокого сводчатого окна, глядя на долину Эсха. Проведя рукой по каменной плите подоконника, она вздрогнула, пораженная прохладной шероховатостью поверхности. Как живется в странге Бен-Буфаров, в громадных сумрачных залах, наполненных отзвуками веков? Здесь творились странные дела, положившие начало многим мрачным легендам. Говорили, что ни в одном горном пределе не было замка, испещренного столькими тайными ходами. Эфраим изменился, спору нет! Он явно повзрослел и, пожалуй, соблюдал рунические условности почти неохотно, без убеждения. Наверное, все это только к лучшему. Ее мать, Дервас, когда-то тоже была веселой и простодушной, но Рианле (по всей видимости, ее отец) ежеминутно напоминал, что крайке обязана служить примером соблюдения рунических традиций в глазах всего предела, и Дервас принесла себя в жертву благодравии во имя вящей славы Эккорда. Благодравие Эфраима вызывало у Маэрио сомнения: он не походил на человека, способного беспокоиться о неукоснительном соблюдении обычаев. По сути дела, ее собственный опыт исключал такую возможность!

Легкий шорох заставил ее обернуться. Панель стеной обшивки скользнула в сторону — перед ней стоял Эфраим.

Быстро подойдя ближе, он оказался лицом к лицу с девушкой и улыбнулся:

— Извините, я вас напугал. Нам нужно поговорить — так, чтобы никто не знал. Другого способа не было.

Маэрио покосилась на дверь:

— Хорошо бы закрыть засов — а то нас застанут вместе.

— Верно. — Эфраим закрыл дверь на засов и вернулся:

— Я о вас думал. Не могу вас забыть.

— Я тоже о вас думала — особенно с тех пор, как кайарх завел разговор о тризме.

— Должен вам кое-что сказать. Как бы я ни хотел, чтобы вы жили со мной под одной крышей, с тризмой ничего не получится, потому что эйодархи не намерены отдавать Дван-Джар и готовы сражаться, чтобы его отстоять.

Маэрио медленно кивнула:

— Я так и знала... Но я больше нигде не хочу жить! Что мне делать?

— Пока ничего. Мне придется готовиться к войне.

— Вас могут убить!

— Надеюсь, до этого дело не дойдет. Дайте подумать. Вы готовы бежать со мной — сбежать из пределов?

Маэрио затаила дыхание:

— Куда?

— Не знаю. Того положения, какое мы занимаем здесь, у нас нигде больше не будет. Возможно, нам придется зарабатывать на жизнь!

— Я поеду с вами.

Эфраим взял ее за руки. Она задрожала и закрыла глаза:

— Эфраим, не надо! Вы снова потеряете память!

— Маловероятно, — он поцеловал ее в лоб.

Маэрио ахнула и отшатнулась:

— Я не чувствую под собой ног! Все увидят, что я не в себе!

— Мне пора. Не торопитесь, успокойтесь. Потом приходите в парадную гостиную.

Эфраим вернулся по мерк-ходу в свои покои и переделался в церемониальный костюм. В дверь постучали. Эфраим взглянул на часы — Рианле, так рано?

Распахнув дверь, он обнаружил Бехараба, нового старшего камергера:

— Да, в чем дело?

— Простите, ваше могущество! Под стенами замка несколько туземцев. Они желают говорить с вашим могуществом. Им объяснили, что вы отдыхаете, но они не уходят.

Эфраим проскочил мимо камергера, вихрем спустился с лестницы и пробежал со всех ног через приемный зал и внутренний двор, заслужив надменное изумление Сингалиссы, чинно беседовавшей во дворе с экордским эйодархом.

Под террасой стояли четверо фвай-чи — облезлые красновато-бурые ветераны «дороги жизни», все в лохмотьях и ключьях дрожащего на ветру ворса. Два лакея, отворачивая брезгливо вытянутые лица, пытались их вытолкать. Когда Эфраим появился на террасе, обескураженные фвай-чи уже собрались уходить.

Сбегая по ступеням, Эфраим жестом приказал лакеям отойти:

— Я — кайарх. Вы хотели меня видеть?

— Да, — сказал один фвай-чи, и Эфраиму показалось, что он узнал сутулого пилигри-ма, говорившего с ним на отроге Шорохов. — Ты сказал, что не помнишь уговора. Уговора с кайархами о Дван-Джаре.

— Это правда. Ко мне приехал кайарх Экорда. Он требует, чтобы я отдал Дван-Джар.

— Ничего не отдавай. Он слишком многого хочет. Возьмет Дван-Джар, захочет еще и еще. Захочет, чтобы мы утоляли его... алчность.

Фвай-чи протянул Эфраиму небольшой пыльный флакон, наполовину заполненный темной жидкостью:

— Твоя память заперта. Ее уже нельзя открыть... никакими ключами. Выпей это.

Эфраим взял флакон и с любопытством рассмотрел содержимое:

— Что со мной будет, если я это выпью?

— Вещество тела содержит память. Вы зовете ее... инстинктом. Я даю тебе лекарство. Оно соединяет... клетки тела. Клетки обмениваются памятью. Все. Даже запертые. Открыть запертые клетки нельзя. Можно... расплавить решетки. Ты выпьешь лекарство? Или бо-ишься?

— Я умру?

— Нет.

— Сойду с ума?

— Трудно сказать. Наверное, нет.

— И я вспомню все, что знал — все, что забыл?

— Да. Память вернется. Ты вспомнишь, что обещал охранять Дван-Джар.

Эфраим задумчиво поднимался по ступеням.

У балюстрады ждали Сингалисса и Дестиан. Сингалисса резко спросила:

— Что в этом флаконе?

— Память. Мне достаточно это выпить — и память вернется.

Сингалисса наклонилась вперед, ее руки вздрагивали. Эфраим попятился. Сингалисса спросила:

— И вы это выпьете?

— Разумеется.

Сингалисса закусила губу. Эфраиму показалось, что у него внезапно обострилось зрение — он увидел тусклую бледность кожи Сингалиссы, мельчайшие морщинки вокруг глаз и рта, ее ключицы, выпяченные, как грудка ошипанной птицы.

— На вашем месте я не рисковала бы, — произнесла Сингалисса. — Подумайте! У вас все идет хорошо. Вы — кайарх. Вы собираетесь заключить тризму с крупнейшим, богатейшим пределом. Что вам еще нужно? Содержимое этого сосуда может нарушить равновесие, и что тогда?

Дестиан покровительственно вставил:

— Будь я на вашем месте, я довольствовался бы тем, что имею!

Сингалисса продолжала:

— Вам полезно посоветоваться с кайархом Рианле. Он очень неглупый человек, он вам поможет.

— Казалось бы, вопрос о восстановлении моей памяти не должен интересовать никого, кроме меня, — заметил Эфраим. — Сомневаюсь, что мудрость Рианле в данном случае уместна.

Пройдя в приемный зал, он увидел Рианле, спускавшегося навстречу по парадной лестнице. Эфраим задержался:

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули?

Рианле вежливо поклонился:

— Очень хорошо, благодарю вас.

К ним подошла Сингалисса:

— Я рекомендовала Эфраиму попросить вашего совета по важному вопросу. Фвай-чи передали ему жидкость, способную, по их словам, вернуть ему память.

Рианле задумался, потом извинился:

— Одну минуту, с вашего позволения.

Эккордский кайарх отошел в сторону с Сингалиссой, и они стали о чем-то говорить, почти беззвучно шевеля губами. В конце концов Рианле кивнул и задумчиво вернулся к подножию лестницы, где его ждал Эфраим.

— Пока я освежался, — сказал Рианле, — у меня было время заново оценить ситуацию, вызвавшую напряжение между нашими пределами. Предлагаю отложить дальнейшее обсуждение Дван-Джара. Нельзя допускать, чтобы столь несущественная мелочь служила препятствием для предложенной тризмы. Как вы считаете?

— Совершенно с вами согласен.

— Тем не менее, я очень сомневаюсь в полезности и даже безвредности препаратов фвай-чи. Они нередко вызывают повреждения мозга. Я обязан заботиться о будущем благополучии Маэрио, в связи с чем вынужден настаивать на том, чтобы вы не принимали пагубные наркотические зелья, приготовленные фвай-чи.

«Удивительное дело! — подумал Эфраим. — Если потеря моей памяти дает столько преимуществ другим, значит, несмотря на все мое возмущение, я недооценил нанесенный мне ущерб!»

Вслух он сказал:

— Нас ждут в гостиной. Прошу вас, присоединимся к собравшимся.

Сидя за обширным красным столом, Эфраим разглядывал обращенные к нему лица. Не считая его самого, присутствовали двадцать четыре персоны — четырнадцать шарродских баронов, четыре эйодарха из Эккорда, Сингалисса, Дестиан, Стелани, Рианле, крайке Дервас и Маэрио.

Эфраим осторожно поставил на стол маленький пыльный флакон:

— Возникло новое обстоятельство, требующее внимания. Речь идет о моей памяти. Она в этом пузырьке. В Порт-Маре кто-то украл у меня память. Я ничего так не хочу, как установить личность грабителя! Из тех, с кем я проводил время в Порт-Маре, двое уже умерли. Случайно или не случайно — это мы скоро узнаем — оба были убиты. Мне рекомендуют не пить лекарство. Мне говорят, что лучше не ворошить прошлое, предупреждая, что правда не стоит того, чтобы портить отношения с влиятельными людьми. Само собой, я отвергаю такую точку зрения. Я хочу, чтобы ко мне вернулась память, чего бы это ни стоило!

Эфраим откупорил флакон, поднес его ко рту — и залпом проглотил содержимое. Жидкость, мягко-землистая на вкус, напоминала взвесь измельченной плесневелой коры в дождевой воде, набранной из трухлявого пня. На него напряженно смотрели двадцать четыре лица.

— Прошу простить вопиющую нескромность глотания в вашем присутствии... Ничего не чувствую. Надо полагать, препарат действует не сразу — сначала он должен проникнуть в кровь, распространиться по всему телу... Мелькают свет и тени — ваши лица то исчезают, то появляются. Придется закрыть глаза... Вспышки света — взрываются, расползаются пятнами... Вижу все свои внутренности, жилы, сосуды... Вижу руками... вижу ноги изнутри... себя сзади и спереди.

Эфраим хрипел:

— Звуки — всюду звуки...

Он больше не мог говорить и откинулся на спинку кресла.

Он осязал, видел, слышал хаос впечатлений — кружащиеся солнца и пляшущие звезды, пену соленого прибоя, теплоту болотной грязи, гниловатый запах водорослей. Ощущение копья, крепко сжатого в руке и вонзающегося во что-то плотное. Жгучее пламя костра под ногами. Истерический визг женщин. Времени не было. Видения проплывали мимо, возвращались и снова уплывали в мутную глубину, как стайки встревоженных рыб. Эфраим стал терять сознание, его конечности немели. Он боролся, пытаясь усилием воли разогнать сонливую слабость — первый яростный взрыв впечатлений отступил, улегся, исчез.

Череда ощущений продолжалась, но теперь они сменялись не так часто и, по-видимому, разворачивались в хронологической последовательности. Он начинал видеть лица, слышать голоса — незнакомые лица, незнакомые голоса людей, невыразимо близких. Слезы лились у него по щекам... Он измерил годами бездонную пропасть космических расстояний, познал скорбь странников, навсегда покидавших родные миры, ликовал торжеством завоеваний. Он убивал, его убивали. Он любил, его любили. Он выкормил и вырастил тысячу семей. Он умер тысячами смертей и тысячи раз впервые открыл глаза с младенческим плачем.

Картины памяти являлись все медленнее, будто запись событий, подходя к концу, с каждой секундой становилась подробнее. Он был первым человеком, ступившим на каменную землю Маруна. Он возглавлял исход племен из Порт-Мара, изнурительные восхождения человеческих волн в горные пределы. В нем жили все кайархи Шаррода — и многие кайархи других пределов. В нем жили сотни эйодархов и рядовых рунов. Все эти жизни он испытал за пять секунд.

Ход событий замедлялся. Он наблюдал за строительством странга Бен-Буфаров. Он рыскал в полутьме по тайным ходам замка, он взобрался на Тассенберг и сбросил в ущелье Хизма молодого воина в кольчуге, с длинными соломенными волосами — тот падал в про-

пасть, яростно выкрикивая проклятья... Он начинал видеть лица, уже почти знакомые, чьи имена просились на язык. Он стал высоким подростком с темно-рыжими волосами и вырос в высокого худощавого человека, широкоскулого, с коротко подстриженной густой бородой. С часто бьющимся сердцем Эфраим смотрел глазами этого человека — по имени Йохайм — на коридоры, залы и покои странга Бен-Буфаров, калейдоскопически озаряемые лучами ауда, испа, умбера, роуэна. Наступал мерк — он бродил по узким туннелям в облегочной плечи накидке, в шлеме с маской и высоких мягких сапогах, опьяненный диким ликованием неожиданного появления в спальнях избранниц, порою искренне корчившихся от ужаса. Йохайм заключил тризму — в странг Бен-Буфаров прибыла дева Альферика из Заоблачного замка, и в свое время у нее родился сын Эфраим. Память Йохайма поблекла и растворилась.

Он вспомнил детство Эфраима. Мать его, Альферика, утонула во время поездки в Эккорд. Скоро в странге Бен-Буфаров появилась новая крайке, Сингалисса, с двумя детьми, злобным темноволосым Дестианом и бледным призраком с огромными глазами, блуждающим по закоулкам замка — Стелани.

Наставникам поручили образование трех детей, самостоятельно выбиравших мыслительные действия и области эрудиции. Стелани занималась сочинением стихов на невразумительном, переполненном символическими многозначностями языке, училась клеить невесомые орнаментальные завесы из крыльев ночных бабочек, запоминала наименования звезд, а также оттачивала мастерство приготовления благовоний и ароматических испарений — навык, почти обязательный для барышень благородного происхождения. Кроме того, она коллекционировала цветочные вазы в стиле «глянцельн», отливавшие таинственным прозрачно-фиолетовым блеском, и рога единорогов. Дестиан собирал драгоценные кристаллы и реплики медальонов на эфесах знаменитых шпаг и мечей. Он изучал также геральдику и математические формулы традиционных фанфарных переключек. Эфраим выбрал замковую архитектуру, минералогию и теорию сплавов, хотя Сингалисса считала эти дисциплины недостаточно утонченными и специализированными.

Эфраим вежливо признавал справедливость критики Сингалиссы и тут же забывал о ней. Он был наследным кангом — мнения Сингалиссы его не беспокоили.

Сингалисса владела дюжиной навыков и слыла авторитетом в том, что касалось нескольких дидактических жанров и экзотических компетенций — пожалуй, самая эрудированная особа из всего окружения Эфраима. Примерно раз в год она посещала Порт-Мар, чтобы покупать инструменты и материалы, необходимые обитателям странга Бен-Буфаров для продолжения их излюбленных занятий. Когда Эфраим узнал, что к Сингалиссе и Йохайму в Порт-Маре присоединятся кайарх Рианле Эккордский, крайке Дервас и лиссолет Маэрио, он решил поехать с ними. После длительного обсуждения Дестиан и Стелани также отважились предпринять вылазку в низменное гнездо разврата.

Эфраим встречался с Маэрио на протяжении многих лет — в формальной обстановке, обязательной при посещении цитадели одного кайарха тризметами другого. Сперва она казалась ему легкомысленной и эксцентричной.

Маэрио не беспокоилась об эрудиции, неловко и неудачно выбирала флаконы с ароматическими эссенциями и, казалось, постоянно пыталась удержаться от какой-нибудь неприличной выходки, что заставляло Сингалиссу то хмурить, то поднимать брови, а Стелани — отворачиваться с напускным выражением скуки и долготерпения. Именно реакция двух последних, неприятных ему особ, побудила Эфраима начать ухаживать за Маэрио. Мало-помалу он заметил, что ее общество пробуждает в нем необычайную живость, интерес к происходящему. Кроме того, на Маэрио было приятно посмотреть. Запретные мысли закрадывались ему в голову — он изгонял их, внутренне защищая честь высокородной

лиссолет. Как она возмутилась бы, если бы знала, о чем он думает! Такое же представить себе невозможно!

Кайарх Рианле, крайке Дервас и лиссолет Маэрио прилетели в странг Бен-Буфаров. Наутро вся компания собиралась отправиться в Порт-Мар. Рианле, Йохайм, Эфраим и Дестиан уединились в парадной гостиной, чтобы дружески побеседовать. Прячась за скромными ширмами, они изредка позволяли себе тихонько нагнуться и пригубить арак из маленькой фарфоровой чашки.

Рианле превзошел самого себя. Он всегда умел выражаться витиевато и остроумно, но в этот раз просто блистал красноречием. Подобно Сингалиссе, Рианле, в высшей степени эрудированный знаток, разбирался в сигналах фвай-чи, помнил наизусть все тропы их «дороги жизни», изучал пантехническую метафизику, коллекционировал насекомых Эккорда и даже опубликовал три энтомологические монографии. Кроме того, Рианле был известен мастерством в бою — за ним числился целый ряд замечательных подвигов. Эфраим слушал, как завороченный.

Рианле говорил с Йохаймом о Дван-Джаре:

— Я побывал на отроге Шорохов. Йохайм, тебе принадлежит заповедный край неопикуемой красоты! Жаль, что им никто не пользуется — один из нас обязан исправить эту ошибку. Будь щедр, Йохайм, позволь мне построить на Дван-Джаре летний павильон, окруженный садом. Как там дышится, какой покой! Небо и шепот ветра! Идеальное место отдыха и размышлений.

Йохайм улыбнулся:

— Невозможно! Неужели ты не видишь, насколько неуместно такое предложение? Если я соглашусь, эйодархи объявят, что я спятил, меня выгонят из странга! Кроме того, я связан древним уговором — мои предки дали клятву фвай-чи. С ними лучше не шутить.

— А я и не думал шутить! Мелочь, безделица, ничтожный клочок пустыря — согласен! Но из-за него я глаз сомкнуть не могу!

Йохайм покачал головой:

— Пока я жив, отрог Шорохов останется заповедником фвай-чи. А когда я умру, это уже будет не моя забота. Ответственность перед туземцами ляжет на плечи Эфраима. Так что откажись от каприза. Забудь о Дван-Джаре.

Рианле усмехнулся:

— Мои надежды могут сбыться только после твоей смерти — так тебя следует понимать? Желать смерти союзнику и соседу из-за мимолетной прихоти? Немыслимо! Поговорим о чем-нибудь другом...

Через несколько часов кайархи шарродский и эккордский прибыли с тризметами в Порт-Мар и, как всегда, остановились в «Королевском руническом отеле», где персонал, привыкший обслуживать рунов, хорошо знал и уважал их обычаи...

Эфраим, опутивший лицо на руки, поднял голову и обвел дикими глазами сидевших вокруг стола. Царило напряженное молчание, все взгляды остановились на нем. Эфраим опустил веки. Теперь воспоминания появлялись медленно и мягко, но с удивительной ясностью и яркостью. Он выходил из отеля в компании Дестиана, Стелани и Маэрио — прогуляться по Порт-Мару и, может быть, зайти в «Волшебный сад», где публику развлекали «Марионетки Галлигейда».

Они спустились по улице Бронзовых Шкатулок и перешли по мосту в Новый город. Несколько минут они прогуливались по Эстраде, заглядывая в пивные сады, где портмарские горожане и студенты из колледжа бесстыдно глотали пиво и пережевывали пищу у всех на виду.

В конце концов Эфраим спросил дорогу у молодого человека, выходявшего из книжной лавки. Увидев компанию рунов, тот вызвался проводить их к «Волшебному саду». Ко всеобщему разочарованию, они пришли, когда уже опускался занавес. Проводник, Мато Лоркас, представился и настоял на том, чтобы руны распили с ним бутылку вина, обещая найти подходящие ширмы. Сидя в ресторане, Стелани поднимала брови и отворачивалась, напоминая помолодевшую копию Сингалиссы. Эфраим переглядывался с Маэрио, прихлебывая вино за скоромной ширмой. Собравшись с духом, Маэрио отважилась ему подражать.

Мато Лоркас производил впечатление неиссякаемого источника бодрости и остроумия, отказываясь примириться с угрюмым молчанием Стелани и Дестиана.

— Как вам понравился город? — спросил он, обращаясь ко всем четверем рунам одновременно.

— Мне тут весело! — отозвалась Маэрио. — Но, конечно же, в Порт-Маре не все развлечения столь безобидны? Говорят, здешние жители предаются всевозможным безумствам.

— Не всегда и не везде. Мы находимся, например, в весьма добропорядочном районе. Вам так не кажется?

— Наши представления о добропорядочности существенно расходятся, — холодно процедил Дестиан.

— Конечно. Но раз уж вы приехали в Порт-Мар, почему бы не попробовать вести себя так, как принято здесь?

— Не вижу, каким образом одно следует из другого, — проворковала Стелани.

Лоркас рассмеялся:

— Разумеется, нет! Мне было любопытно проверить, поймаются ли вы на удочку равноправия культур. И все же... Разве у вас никогда не возникает желание жить... скажем так, нормальной жизнью?

Эфраим поинтересовался:

— Вы считаете, что руны ведут ненормальную жизнь?

— С моей точки зрения ее никак нельзя назвать нормальной. Вы задушили себя условностями. Руны — ходячие переплетения неврозов.

— Странно! — заявила Маэрио. — Я чувствую себя превосходно!

— Я тоже, — подтвердил Эфраим. — По-видимому, вы ошибаетесь.

— Ага! Ну что ж, вполне возможно. Хотел бы я как-нибудь посетить один из горных пределов и своими глазами убедиться в справедливости ваших представлений. Вам не нравится вино? Может быть, вы предпочитаете пунш?

Дестиан посмотрел на Маэрио, потом на Эфраима:

— По-моему, нам пора в отель. Разве мы уже не насладились прелестями Нового города?

— Возвращайтесь, воля ваша, — пожал плечами Эфраим. — Я никуда не тороплюсь.

— Я останусь с Эфраимом, — вставила Маэрио.

Мато Лоркас обратился к Стелани:

— Надеюсь, вы тоже останетесь. Почему нет?

— Зачем?

— Хотел бы кое-что вам объяснить... Может быть, вам даже приятно будет меня выслушать.

Стелани лениво поднялась из-за стола и молча направилась к выходу. Дестиан, снова с сомнением покосившись на Эфраима и Маэрио, последовал за ней.

— Жаль! — вздохнул Лоркас. — Обворожительное создание!

— Стелани и Дестиан — в высшей степени порядочные молодые люди, — наивно съязвила Маэрио. Лоркас понимающе улыбнулся:

— А вы? Тоже в высшей степени?

— Когда этого требуют церемониальные правила. Должна признаться, иногда мне просто не терпится нарушить какой-нибудь запрет! Например, если бы здесь не было Эфраима, я бы попробовала пунш. Все люди едят и пьют. Чего тут стыдиться?

Эфраим рассмеялся:

— Ладно! Постараюсь не уступить вам в храбрости! Но давайте немного подождем — Дестиан и Стелани еще не скрылись за углом.

Мато Лоркас заказал ромовый пунш для гостей и для себя. Эфраим и Маэрио сначала пили за скромными ширмами, но потом, давась от смущенного смеха, поднесли бокалы к губам и отхлебнули, глядя друг на друга.

— Bravo! — серьезно похвалил их Лоркас. — Вы сделали первый шаг на пути к раскрепощению.

— Не стал бы придавать этому слишком большое значение, — отозвался Эфраим. — Закажем еще по бокалу. Лоркас, вы не против?

— С удовольствием! Позвольте заметить, однако, что ваши родители не слишком обрадуются, если вы ввалитесь пьяные в «Королевский рунический отель» и начнете распевать песни.

Маэрио хлопнула себя по лбу:

— Ох! Мой отец станет красный, как помидор! Во всей Вселенной нет более строгого блюстителя нравов.

— А мой отец просто сделает вид, что ничего не заметил, — сказал Эфраим. — Он напускает на себя строгость — и умеет наказывать, когда это требуется, но по существу... в глубине души он относится к условностям с юмором.

— Так что вы — не родственники?

— О, нет!

— И вы друг другу нравитесь?

Эфраим и Маэрио обменялись испуганными взглядами. Эфраим неловко рассмеялся:

— Не могу это отрицать.

Он снова посмотрел на Маэрио, внезапно повесившую нос:

— Я вас обидел?

— Нет.

— Что же вас расстраивает?

— То, что нам пришлось приехать в Порт-Мар, чтобы объясниться.

— Нелепость, конечно, — признал Эфраим. — Но в Порт-Маре дозволено многое, что немыслимо в Шарроде или в Эккорде. Например, здесь я могу к вам прикоснуться, хотя еще не мерк.

Он взял ее за руку.

Мато Лоркас вздохнул:

— Увы мне, увy! Пора оставить вас вдвоем. Извините меня на минуту — мне действительно нужно кое с кем поговорить.

Эфраим и Маэрио сидели рядом. Она положила голову ему на плечо — он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Эфраим! Еще не мерк!

— Ты сердишься?

— Нет.

Лоркас вернулся к столу и вполголоса сказал:

— Явился ваш приятель, Дестиан.

Эфраим и Маэрио мигом заняли исходные позиции. Подходя, Дестиан с любопытством поглядывал то на одного, то на другую. Он обратился к Маэрио:

— Кайарх Рианле просил меня проводить вас обратно в отель.

Эфраим испытующе взглянул Дестиану в лицо — скользкий отпрыск Сингалиссы имел привычку преподносить факты в выгодном для себя свете. Почувствовав напряжение, Маэрио вскочила на ноги:

— Да. Мне пора освежиться. И смотрите! Умбер, на небе тучи, под старыми деревьями темно — мерк, да и только!

Дестиан и Маэрио удалились. Жизнерадостно махнув рукой, Лоркас уселся рядом с Эфраимом:

— Такова жизнь, друг мой!

— Не знаю, не знаю, — приуныл Эфраим. — Что она теперь обо мне подумает?

— Назначьте ей свидание в укромном местечке и узнайте.

— Немыслимо! Здесь, в Порт-Маре, мы потеряли самообладание. В горных пределах такое поведение совершенно недопустимо, — Эфраим оперся подбородком на ладони и мрачно разглядывал посетителей ресторана.

— Пойдемте, прогуляемся по Эстраде, — предложил Лоркас. — Мне скоро на работу в «Три фонаря», но я успею показать вам несколько сцен городской жизни.

Лоркас привел Эфраима в кабаре, посещаемое главным образом студентами. Они послушали музыку и выпили немного светлого пива. Эфраим рассказывал Лоркасу об укладе жизни в Рунических пределах:

— Консервативному руну это кабаре показалось бы зверинцем, наполненным безудержно размножающимися вырожденками. Таково, по крайней мере, было бы мнение крайке Сингалиссы.

— И вы его разделяете?

— Нет — иначе меня бы здесь не было. Надеюсь обнаружить какие-то преимущества в том, что невольно представляется отвратительным разгулом, найти ему какое-то оправдание. Взгляните на эту пару, в углу. Потееют, лапают друг друга, сопят, как собаки в разгаре течки! Как минимум, их поведение негигиенично.

— Они слегка распустились. Тем не менее, большинство посетителей ведут себя вполне прилично, причем их нисколько не волнуют похождения двух распутников.

— Я в замешательстве, — признался Эфраим. — Скопление Аластор населяют триллионы людей. Не могут же все они отчаянно заблуждаться! Возможно, сама идея порочности не имеет смысла.

— Все, что вы здесь видите, трудно назвать «пороком», — возразил Лоркас. — Пойдемте, я покажу вам места не столь невинные. Если вы не предпочитаете, так сказать, оставаться при своих иллюзиях.

— Нет, я пойду с вами — если мне не придется дышать чересчур зловонным воздухом.

— Когда с вас хватит, так и скажите, — Лоркас взглянул на часы. — У меня осталось около часа. Потом мне уже точно нужно быть в «Трех фонарях».

Поднявшись по улице Хромых Детей, они свернули на авеню Ауна. Лоркас описывал попадавшиеся по дороге наименее респектабельные заведения — роскошный бордель, бары, обслуживавшие сексуальных извращенцев, полутемное «кафе», где на втором этаже за определенную плату можно было пользоваться запрещенными нейростимулирующими устройствами, и другие притоны, предлагавшие подонкам общества еще более сомнительные развлечения.

Эфраим внимал пояснениям своего Вергилия с каменным лицом. Он чувствовал себя не столько шокированным, сколько отстраненным, как если бы ему демонстрировали декорации, приготовленные за кулисами театра абсурда. В конце концов они дошли до «Трех фонарей», просторного ветхого строения, откуда доносилось пиликанье деревенских скрипок

и брэнчание банджо — завсегдатаи предпочитали веселые джиги в стиле «Тинсдейльских бродяг».

«Сингалисса была права, — подумал Эфраим, — когда объявила музыку не более чем символическим себализмом». Впрочем, слово «себализм» здесь не совсем подходило. Точнее говоря, музыка — символическое выражение страстей, включающих и себализм, и многие другие проявления сильных чувств. У входа «Трех фонарей» Лоркас попрощался с Эфраимом:

— Не забывайте, я с величайшим удовольствием воспользуюсь любой возможностью посетить горные пределы. В один прекрасный день... кто знает?

Эфраим живо представил себе ледяной прием, который Сингалисса неизбежно уготовила бы наприсовишемуся в гости Лоркасу, и воздержался от обещаний:

— В один прекрасный день. В настоящее время это может оказаться неудобным.

— Что ж, до свидания! Вы не забыли дорогу? Спуститесь прямо по авеню Ауна, поверните на юг по любой поперечной улице и выйдете на Эстраду. Оттуда недалеко до моста, а на том берегу останется подняться к отелю по улице Бронзовых Шкатулок.

— Я хорошо ориентируюсь — не потеряюсь.

Махнув рукой на прощание, Лоркас неохотно скрылся за дверью «Трех фонарей». Эфраим отправился назад знакомой дорогой.

Небо заволокли тяжелые тучи. Продолжался умбер, сумрачный и пасмурный — Фурад опустился за холм Джиббери, Маддар и Цирсе полностью исчезли за свинцовым грозовым фронтом. Тьма, почти неотличимая от мерка, спустилась на Порт-Мар — авеню Ауна озаарили разноцветные огни, призывавшие к бесшабашному веселью.

Пока Эфраим шел, мысли его вернулись к Маэрио. Как ему хотелось остаться с ней вдвоем! Но тщетно было противиться воле кайарха Рианле, строгостью нравов не уступавшего самой Сингалиссе.

В этот момент Эфраим проходил мимо роскошного борделя и, пока он размышлял о характере Рианле, дверь заведения открылась. С раскрасневшимся лицом, в растрепанной одежде из публичного дома вышел кайарх Рианле собственной персоной.

Эфраим остоленел: последний бокал пунша, пожалуй, был лишним. Недоверчиво усмехнувшись, он пригляделся — и разразился безудержным хохотом.

Рианле стоял, то открывая, то закрывая рот, сначала побагровев от гнева, потом пытаясь изобразить товарищескую ухмылку. В сложившихся обстоятельствах ни то, ни другое не выглядело убедительно и не возымело никакого действия. Для руна насмешки нестерпимы. Эфраим не мог не рассказать о случившемся — драгоценному анекдоту о могущественном владетеле Экорда суждено было передаваться из уст в уста, из поколения в поколение! Каково бы ни было мнение кайарха Рианле о самом себе, он немедленно осознал, что с этого момента ему предстояло стать всеобщим посмешищем, что хихиканье и фырканье за спиной будут сопровождать его всю оставшуюся жизнь.

Неким отчаянным усилием воли Рианле удалось взять себя в руки:

— Что вы здесь делаете?

— Ничего! Любуюсь на городские достопримечательности — и обнаруживаю самые невероятные вещи! — Эфраима сотрясали приступы плохо сдерживаемого смеха. Рианле выдавил холодную улыбку:

— Что тут скажешь? Не судите меня слишком строго. К сожалению, я вынужден ежедневно олицетворять собой апофеоз рунической доблести. От меня ожидают невозможного, бремя становится невыносимым. Сегодня прохладно. Пойдемте, выпьем чего-нибудь горячего, уподобившись бесстыдным обитателям Порт-Мара! Здесь подают экзотический

напиток, именуемый «кофе». Считается, что он оказывает скорее отрезвляющее, нежели опьяняющее действие.

Рианле провел Эфраима по улице Смышленной Блохи к заведению под вывеской «Кофейный пассаж Аластория-Люкс». Заказав напитки на двоих, Рианле извинился:

— Одну минуту, я сейчас вернусь.

Сидя напротив окна, Эфраим видел, как Рианле перешел через улицу и скрылся в маленькой убогой лавке с витринами, заваленными всякой всячиной.

Подали кофе — Эфраим попробовал варево и нашел его пикантным и ароматным. Запахи, наполнявшие кофейню, ему тоже понравились. Рианле вернулся. Они молча сидели и прихлебывали кофе, осторожно поглядывая друг на друга.

Рианле приподнял крышку серебряного кувшина-кофейника, заглянул в него. Его рука на мгновение задержалась над открытой горловиной, после чего крышка со звоном захлопнулась. Эккордский кайарх налил Эфраиму и себе по второй чашке. Теперь он был разговорчив и учтив. Забыв о кофе, остывавшем на столе, Рианле углубился в рассуждения. Эфраим пил и слушал. Ум его помрачился и растворился клочьями тумана.

Как во сне, он брел с ведущим его под руку Рианле по Эстраде, по мосту, по каким-то задворкам. Они очутились в парке за «Королевским руническим отелем». Приближаясь к заднему ходу, Рианле принимал все меры предосторожности, чтобы их не заметили, но ему не повезло — из-за живой изгороди, отделявшей отель от парка, навстречу шла Сингалисса.

С отвращением взглянув на Эфраима, она повернулась к Рианле:

— Вы нашли его в состоянии алкогольного отравления! Какой позор! Йохайм будет вне себя от стыда и возмущения!

Рианле на мгновение задумался, но тут же безнадежно покачал головой:

— Давайте пройдем в боковую аллею, подальше от посторонних ушей, и я вам все объясню.

Рианле и Сингалисса присели на скамью, скрытую буйной растительностью. Эфраим стоял рядом, сосредоточенно разглядывая светлячка. Рианле прокашлялся:

— Все гораздо хуже, чем вы думаете. Это не простое опьянение. Кто-то предложил ему опасный наркотик. Он сделал глупость, попробовал его — и лишился памяти. Полностью.

— Какая трагедия! — воскликнула Сингалисса. — Нужно немедленно известить Йохайма. Он перевернет вверх дном весь Новый город, узнает всю подноготную!

— Подождите! — тихо и хрипло сказал Рианле. — Нашим интересам лучше всего послужит другое развитие событий.

Сингалисса остановила на лице эккордского кайарха холодный, всевидящий, все понимающий взгляд:

— Нашим интересам?

— Да. Подумайте. Йохайм рано или поздно умрет — скорее всего раньше, чем этого можно было бы ожидать. Когда произойдет это прискорбное событие, Эфраим станет кайархом.

— В его нынешнем состоянии?

— Конечно, нет! Он быстро научится говорить и ориентироваться, а Йохайм поможет ему восстановить память. Но... что, если Эфраим отправится путешествовать?

— И не вернется?

— После смерти Йохайма Дестиан станет кайархом Шаррода и, с моего благословения, заключит тризму с Маэрио. Йохайм никогда не отдаст отрог Шорохов. Но если Дван-Джар перейдет в мои руки, я смогу наложить дань на фвай-чи. Для меня это существенный и надежный источник дохода, а для них драгоценные камни и эликсиры все равно ничего не

значат! Шарродом будет править Дестиан, и все устроится наилучшим образом для нас обоих.

Сингалисса напряженно думала:

— Не следует недооценивать Дестиана — он бывает невероятно упрям! Но Дестиан ни в чем не сможет мне отказать, если я стану крайке Эккордской. Честно говоря, Бельродский странг гораздо больше соответствует моим вкусам, чем старый мрачный Бен-Буфар.

Рианле поморщился и даже тихо застонал:

— А Дервас? Что будет с ней?

— Вам придется расторгнуть тризму — что не так уж сложно. Если такой план вас устраивает и вы его выполните, все будет хорошо. Если нет, нам лучше забыть об этом разговоре, и я отведу Эфраима к Йохайму. Будьте уверены! Йохайм настойчив и безжалостен. Он любит Эфраима и не остановится ни перед чем, пока не выяснит все обстоятельства!

Рианле вздохнул:

— Дестиан будет следующим кайархом Шарродским. Мы отпразднуем две тризмы: нашу и Дестиана с Маэрио.

— В таком случае мы друг друга понимаем.

Эфраим слышал каждое слово, но разговор не произвел на него ни малейшего впечатления.

Сингалисса ушла и скоро вернулась с мешковатым серым костюмом и ножницами. Она наспех обстригла волосы Эфраима, после чего, с помощью Рианле, напялила на него серый костюм. Рианле поднялся к себе в номера и вышел в черном плаще и шлеме, закрывающем лицо.

Воспоминания Эфраима становились расплывчатыми. Он смутно помнил дорогу в космический порт и посадку на звездолет «Берениция», где Рианле сунул стюарду взятку...

Память, пробужденная эликсиром фвай-чи, сливалась с памятью, приобретенной после возвращения сознания. Эфраим открыл глаза, глядя прямо в лицо сидящему напротив кайарху Рианле. И снова он увидел смесь ярости, стыда и отчаянной попытки изобразить дружелюбие, замеченную у борделя на авеню Ауна.

— Я все помню, — сказал Эфраим. — Знаю, как зовут моего врага. Знаю, как и почему он отнял у меня прошлое. У него были серьезные основания так поступить. Но это личные дела, и я займусь ими сам. Посвятим наше совещание более важным вопросам.

Возвращение памяти позволяет мне с уверенностью подтвердить, что кайарх Йохайм действительно поклялся соблюдать устный договор, заключенный нашими предками и фвай-чи. При этом он сделал следующее замечание:

«Пока я жив, отрог Шорохов останется заповедником фвай-чи. А когда я умру, это уже будет не моя забота». Кайарх Рианле ошибочно истолковал это замечание как согласие кайарха Йохайма на передачу Дван-Джара Эккорду после его смерти, что и послужило причиной дальнейшего недоразумения. Уверен, что теперь кайарх Рианле убедился в необоснованности своих притязаний на Дван-Джар и согласится от них отказаться — окончательно и бесповоротно. Я правильно понимаю ситуацию, ваше могущество?

— Правильно. Теперь я вижу, что слишком буквально воспринял слова Йохайма — он пошутил, — монотонно ответил Рианле.

— Остается решить еще три вопроса, — продолжал Эфраим. — Ваше могущество, предлагаю заключить тризму между нашими странгами и пределами.

— Сочту за честь одобрить ваше предложение, если лиссолет Маэрио не возражает.

— Я согласна, — сказала Маэрио.

— А теперь разрешите мне уделить некоторое время менее радостным событиям. Необходимо вынести решение по обвинениям в убийстве.

Слово «убийство» вызвало бормотание и приглушенные возгласы.

Когда волнение улеглось, Эфраим объяснил:

— Кайарх Йохайм был убит металлической стрелой, выпущенной из ствола ему в спину. Тщательное расследование показало, что никто из горджетских меркменов не нарушал конвенцию о рангах и не стрелял в кайарха. Следовательно, убийца — шард или, точнее говоря, человек, сопровождавший шарродские отряды.

Другое убийство было совершено под покровом мерка. Меня это преступление затрагивает лично — в такой степени, что я не могу претендовать на беспристрастность. Поэтому вы, эйодархи Шаррода, заслушаете мои показания и вынесете приговор, а я обязуюсь не препятствовать его исполнению.

Теперь я выступаю в качестве очевидца.

По возвращении в странг Бен-Буфаров в компании моего друга, Мато Лоркаса, я встретил самый неприязненный прием — по сути дела, откровенно враждебный.

За несколько дней до наступления мерка высокородная Стелани удивила меня внезапной сердечностью и заверениями в том, что впервые в жизни она оставит засовы на двери открытыми...

Эфраим подробно описал события, предшествовавшие мерку, засвидетельствованные во время мерка и последовавшие за исчезновением Лоркаса.

— Совершенно очевидно, что была предпринята попытка заманить меня в спальню Стелани. Но вместо меня туда проник бедняга Лоркас. Может быть, его убили прежде, чем заговорщики поняли, что обознались. Возможно также, что его узнали сразу, но убили все равно, чтобы он не смог предупредить меня о западне.

Я хорошо понимаю, что мерк служит оправданием многим странным деяниям, но это убийство относится к другой категории. Оно было запланировано не меньше, чем за неделю до наступления мерка и осуществлено с холодной расчетливостью при соучастии как минимум четырех человек. Мы говорим не о кошмарном видении мерка. Мы имеем дело с убийством.

Раздался резкий голос Сингалиссы:

— Злонамеренные измышления, настолько неправдоподобные, что они не заслуживают опровержения!

Эфраим повернулся к Дестиану:

— А вы что скажете?

— Целиком и полностью согласен с замечаниями высокородной Сингалиссы.

— Стелани?

Молчание. Наконец, тихий ответ:

— Я ничего не скажу. Мне надоела жизнь.

Рианле встал и торопливо удалился из помещения. За ним последовали его тризметы и смущенная, раздосадованная свита эккордских эйодархов. Шарродские эйодархи тоже встали и собрались тесным кружком в соседнем Стратегическом зале. Вполголоса посовещавшись минут десять, они вернулись к столу.

— Приговор вынесен, — объявил барон Холк. — Все трое виновны в равной мере. Виновны не в подчинении страстям, внушенным мерком, но в преднамеренном убийстве. Их надлежит тотчас же обрить наголо и изгнать из Рунических пределов, полностью лишив имущества и личных вещей, в той одежде, что на них, и ни в какой другой. Они изгоняются навечно, и ни один предел не примет их в свое лоно.

Убийцы! Снимите все драгоценности и украшения. Выложите их на стол вместе с оружием, деньгами и другими личными вещами. После этого спуститесь в подвальную кухню — там вам обреют головы. Затем вас проводят под стражей к аэромобилию и отвезут в

Порт-Мар, где вам отныне суждено снискивать себе пропитание по мере своих способностей.

Глава 14

Маэрио и Эфраим стояли, облокотившись на перила террасы странга Бен-Буфаров.

— Внезапная перемена! — сказал Эфраим. — Больше никто не мешает. Трудности позади. Мы молоды, перед нами вся жизнь.

— Боюсь, что трудности только начинаются, — откликнулась Маэрио. Эфраим с удивлением повернулся к ней:

— Почему ты так думаешь?

— Как почему? Ты привык к нерунической жизни, я ее попробовала на мгновение. В Шарроде обычаи превыше всего — нам будут мешать на каждом шагу. Как ты себе представляешь будущую жизнь?

— Мы можем жить где угодно и как угодно! — заявил Эфраим. — Если мы будем счастливы, остальное неважно.

— Ну хорошо — мы уедем странствовать по далеким мирам. Что потом? Как шарды отнесутся к нашему возвращению? Придется притворяться, это почувствуют. Нас будут сторониться, как зараженных.

Эфраим смотрел на извилины реки, на луга и леса:

— Увы! Уже сейчас нас трудно назвать рунами чистой воды. Что делать?

— Не знаю.

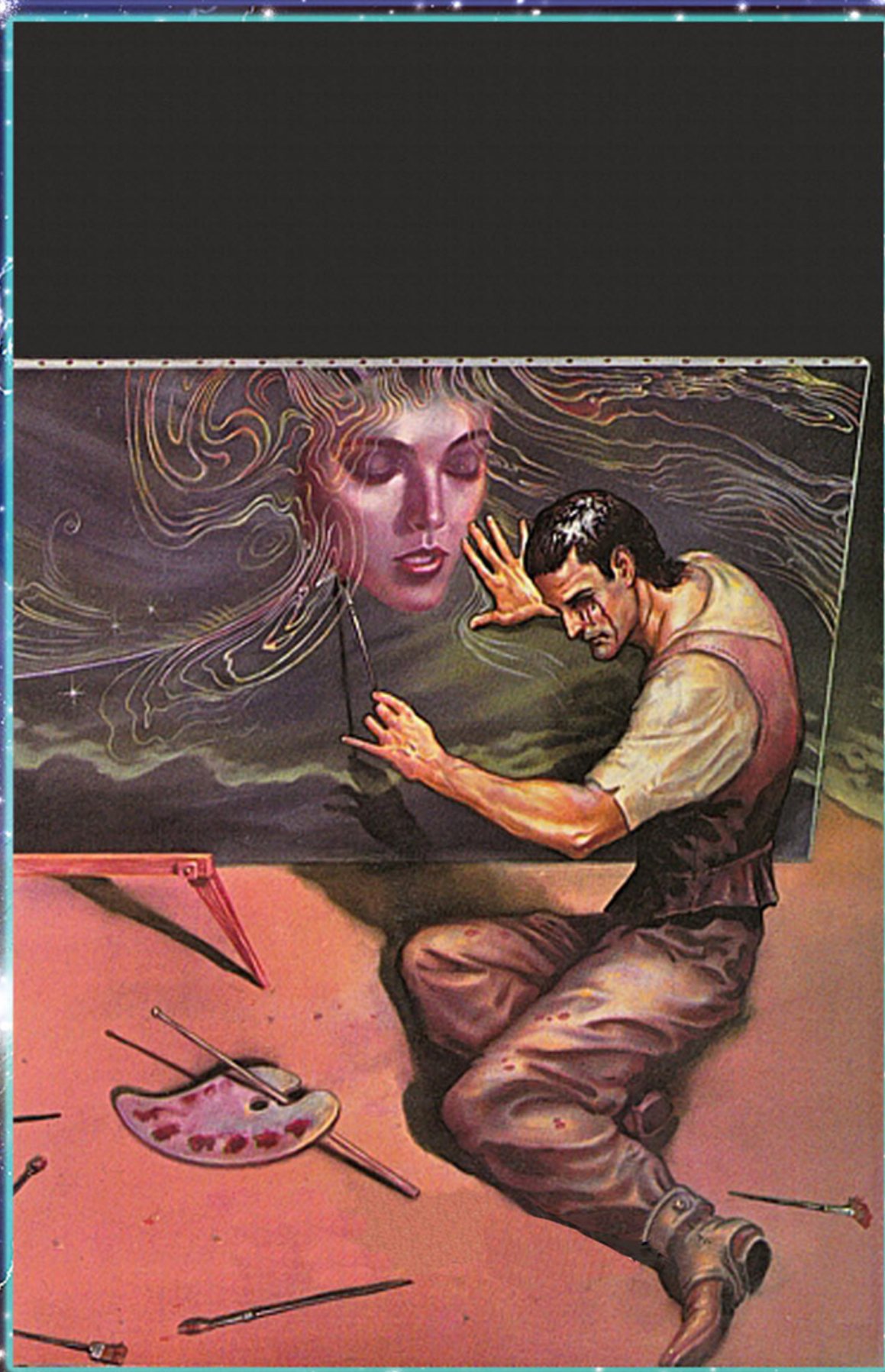
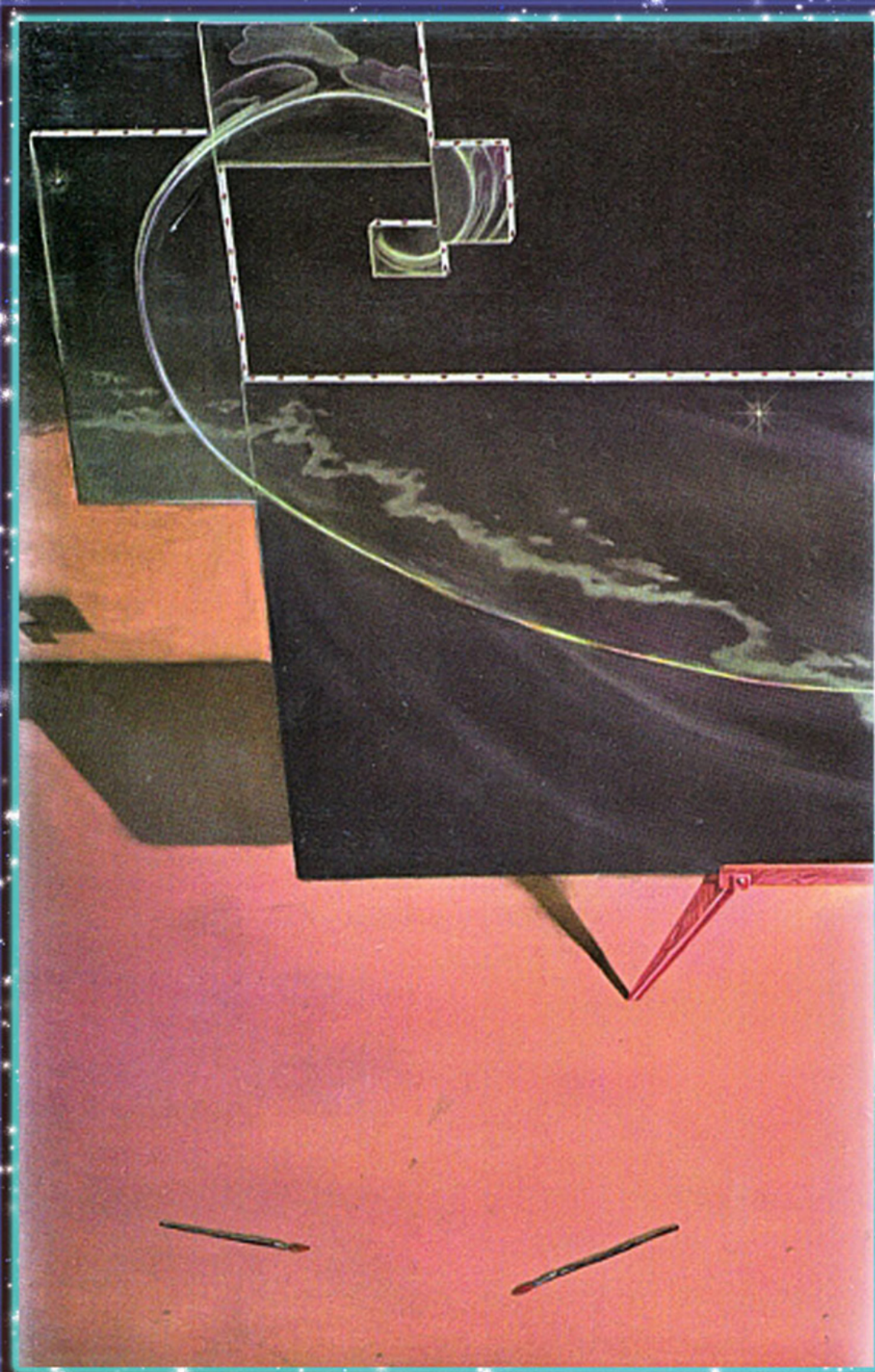
— Я тоже не знаю.

Вист:

Аластор 1716

Некоторые называли это Утопией

«Аррабус — ритмично бьющееся сердце Виста. Вопреки измышлениям, распространяемым недоброжелателями, Аррабус работает, Аррабус живет, Аррабус потрясает воображение! Сомневающийся может прилететь на Вист и во всем убедиться собственными глазами. В связи с перегрузкой общественных служб, вызванной перенаселением, иммигранты больше не приветствуются. Тем не менее, любой человек, достаточно нечувствительный к мелким неудобствам, может принять временное или постоянное участие в фантастическом социальном эксперименте — в Аррабусе право на пищу и жилье, подобно праву дышать воздухом, считается неотъемлемой естественной привилегией всех и каждого.

Новоприбывший обнаруживает, что внезапно избавился от всех забот и тревог. Аррабин работает (на местном жаргоне — «тухтит») всего два раза в неделю по пять с половиной часов. Еще два часа в неделю он обязан «придуриваться», то есть производить уборку и ремонт в многоквартирном блоке, где он прописан. Чужестранца с первой минуты захватывает головокружительный вихрь общества, посвятившего себя праздному самовыражению и легкомысленным развлечениям. Аррабины поют и танцуют, сплетничают, занимаются бесчисленными амурными похождениями и бесконечно ездят на «полотне» куда глаза глядят, беспричинно и бесцельно, проводя долгие часы в характерном для жителей мегаполиса состоянии «балдения» — напоминающего сон наяву созерцательного рассредоточения внимания в неподвижно движущейся толпе.

Каждый, кто посещает Вист, ожидает потрясений и неожиданностей, но никогда не готов воспринять умопомрачительный шквал впечатлений, обрушивающийся на него со свойственной реальности бесцеремонностью».

Из секретного досье Коннатига.

Глава 1

Аластор¹, скопление тридцати тысяч видимых звезд, несчитанных останков погасших светил и огромного множества старментов — скитающихся лун, астероидов и комет — приютилось на краю галактики между зияющими пустотой Злополучной бездной и Несбыточной пучиной, в стороне от основного витка Ойкумены, кажущегося оттуда пеленой мерцающего тумана. Откуда бы ни приближался к Аластору космический странник, взору его открывается примечательное зрелище — отливающие белыми, голубыми и красными сполохами созвездия, подсвеченные завесы разреженной материи, местами разорванные, местами затемненные кляксами пыли, блуждающие внутрь и наружу вереницы звезд, завитки и всплески флуоресцирующего газа.

Следует ли рассматривать Аластор как часть Ойкумены? Жители Скопления — от четырех до пяти триллионов человек, населяющие более трех тысяч миров — редко об этом задумываются и, по сути дела, не считают себя ни ойкуменидами, ни аластридами. Отвечая на вопрос о происхождении, типичный обитатель Скопления назовет, пожалуй, родную планету или, что более вероятно, страну, где он появился на свет и вырос — как будто его отечество настолько знаменито и замечательно, что его название должно быть на устах каждого встречного и поперечного во всех городах и весях необъятной Галактики.

Поглощенность местными интересами отступает перед славой Коннатига, правящего скоплением Аластор из дворца в Люсце на планете Нуменес. Дворец Коннатига — сооружение на пяти гигантских опорах, укоренившихся в пяти островах — пользуется известностью во всех населенных человеком областях Вселенной.

В трехстах метрах над поверхностью моря крестовый свод, образованный опорами, поддерживает усеченную пирамиду прогулочных террас. Над террасами находятся правительственные учреждения, церемониальные залы и центральный Аласторский коммуникационный комплекс, а еще выше — знаменитое Кольцо Миров, ярусы исследовательских институтов и палаты для почетных гостей. На самом верху, более чем в трех километрах над океаном, гнездятся персональные апартаменты Коннатига. Шпиль дворца скрывается в облаках, порой пронзая их насквозь и воспаряя в вечно ясное небо. Когда шпиль Люсца радужно сверкает в солнечных лучах, дворец Коннатига поражает воображение — сказочное, фантастическое видение! Его нередко называют самым вдохновляющим творением человеческих рук.

© Wyst: Alastor 1716, 1978 by Jack Vance.

© Русский перевод: Александр Фет, 2005.

Редактура А. Тейтельбаума и Марии Соколенко.

Переводчик выражает благодарность Джеку Вэнсу (автору), Игорю Борисенко, Инне Ослон и многим другим за полезные пояснения, замечания и советы.

¹ Аластор — в древнегреческой мифологии «дурной глаз», «демон мести». — Прим. перев.

Присутствуя на официальных приемах, Коннатиг носит строгий черный мундир и черную каску, производя впечатление суровости, бдительности, непреклонного могущества — таким он остается в воображении подданных. В поднебесной обители, однако, его существование не отягощено лишними формальностями. Представляясь высокопоставленным чиновником на службе Коннатига, странствуя инкогнито по отдаленным уголкам Скопления или размышляя в заоблачном уединении, он выглядит как благожелательный, благовоспитанный обыватель ничем не примечательной наружности, выделяющийся разве что ненавязчивой компетентностью.

В Люсче кабинет Коннатига уютится под куполом на самом острие гигантской башни, откуда во всех направлениях открывается вид на беспредельные просторы космоса, облаков и океана. В обстановке кабинета преобладает массивная мебель из черного дерева: пара мягких кресел, рабочий стол и большой сервант с полками, пестрящими всевозможными сувенирами, фотографиями и достопримечательностями — среди них небольшой глобус древней Земли. Чуть поодаль от стола на обширной схематической карте Скопления мерцают три тысячи разноцветных огоньков¹ — символы населенных миров.

Коннатиг привык к одиночеству, в кабинете он чувствовал себя легко и удобно. Темнело — из панорамных окон сочился сливово-синий сумеречный свет. Коннатиг стоял у западного окна, любясь исчезающими сполохами заката и пробуждением звезд.

Тишину нарушил ясный короткий звук — тинк! — будто капля упала в бассейн со спокойной водой. Коннатиг отозвался, не оборачиваясь:

— Эсклавад?

Ответил голос:

— Из Аррабуса, с планеты Вист, прибыли четыре делегата, величающих себя «Шептунами». Они просят аудиенции — если появится такая возможность.

Не отрывая глаз от догорающей вечерней зари, Коннатиг помедлил пару секунд, после чего сказал:

— Могу принять их через час. Проведите их в Черную гостиную, предложите подходящие закуски и напитки.

— Как вам будет угодно.

Отвернувшись от окна, Коннатиг подошел к письменному столу и произнес:

— Тысяча семьсот шестнадцать!

В углубление стола выпали три карточки. Первая, отправленная двумя неделями раньше из Уонисса, одного из городов-округов аррабинского мегаполиса, содержала следующее сообщение:

«К Вашему сведению:

Кодовые номера предыдущих отчетов, посвященных тому же вопросу, указаны ниже. Вкратце: в Аррабусе в ближайшее время ожидается празднование Фестиваля Века — столетнего юбилея самоуправления под эгидой так называемого

¹ Цветовыми кодами обозначаются преобладающие местные условия. Пользуясь особым переключателем, Коннатиг может выбирать любую из нескольких категорий справочной информации. Обычно, когда переключатель находится в центральном положении, Коннатиг способен с первого взгляда оценить общую ситуацию в скоплении Аластор, насчитывающем более трех триллионов жителей. Когда Коннатиг прикасается к огоньку-символу, на панели появляются наименование и номер соответствующей планеты. Если Коннатиг нажимает на тот же индикатор чуть сильнее, из прорези стола бесшумно выскальзывают информационные карточки с описаниями важнейших последних событий, происходивших на планете. Коннатигу достаточно также произнести вслух номер планеты, и обозначающий ее индикатор вспыхивает на секунду белым светом, а у Коннатига под рукой оказываются все те же справочные карточки.

«Эгалистического манифеста». Осмелюсь напомнить, что этот документ предписывает всем людям (в частности, гражданам Аррабуса) руководствоваться принципом всеобщего равноправия, исключаяющим нужду, а следовательно и принуждение, в том числе необходимость тяжелого труда.

Посвятив себя практическому осуществлению этих идеалов, аррабины столкнулись с определенными трудностями (см. мои предыдущие отчеты).

Шептуны (исполнительный комитет четырех представителей округов) в высшей степени обеспокоены сложившейся ситуацией. Неутешительные прогнозы убедили их в необходимости некоторых фундаментальных реформ. Во время юбилейных торжеств они намерены объявить о программе перестройки и оздоровления экономики Аррабуса, но опасаются, что она не будет пользоваться популярностью — аррабины, как и многие другие народы, ожидают от будущего лишь улучшения обстоятельств существования, а не ограничения возможностей. В настоящее время каждый аррабин работает тринадцать часов в неделю, выполняя более или менее необременительные обязанности. Аррабины, однако, надеются на дальнейшее сокращение этого срока.

Шептуны направляются в Люсц, чтобы подчеркнуть необходимость перемен. Они намерены обсудить с Вами реальные перспективы реформ. Они надеются также, что Вы почтите своим присутствием Фестиваль Века, тем самым демонстрируя поддержку новой программы, и, возможно, окажете Аррабусу экономическую помощь. Я ездил в Уонисс, чтобы проконсультироваться с Шептунами. Завтра они выступят перед народом в Унцибале, после чего сразу же отправятся на Нуменес.

Считаю, что их оценка сложившейся ситуации отражает действительное положение вещей, и рекомендую Вам уделить посланникам Аррабуса благожелательное внимание.

*Бонамико,
курсар Коннатига,
Унцибал, Аррабус».*

Внимательно прочитав донесение курсара, Коннатиг взял вторую карточку, датированную днем позже:

«Коннатигу в Люсце:

Шептуны Аррабуса приветствуют Вас!

Мы скоро прибудем в Люсц, где надеемся встретиться с Вами, чтобы обсудить неотложные дела чрезвычайной важности. Кроме того, Вы получите приглашение к участию в Фестивале Века — торжестве, посвященном столетию эгализма. В ходе совещания мы подробно разъясним цель приглашения и посвятим Вас в наши планы на следующее столетие, в том числе сообщим об ожидающих Аррабус неизбежных переменах. Рассчитывая на Ваше конструктивное содействие, мы обратимся к Вам за советом.

*С уважением,
Шептуны Аррабуса».*

Коннатиг уже просматривал эти два сообщения, когда они прибыли; теперь он перечитывал их для того, чтобы освежить в памяти их содержание. Третьего послания, полученного через некоторое время после второго, он еще не видел:

«Коннатигу в Люсче:

Депеша из Аластроцентрала в Унцибале, Аррабус.

Вынужден взять на себя эту обязанность и сообщить о необычных, вызывающих беспокойство обстоятельствах. Некий Джантифф Рэйвенсрок явился в Аластроцентрал и утверждает, что должен срочно, совершенно безотлагательно поставить Вас в известность о событиях, чреватых катастрофическими последствиями. Курсар Бонамико отсутствует самым непостижимым образом. Мне остается только предложить Вам отправить в Аррабус следователя, способного разобраться в сложной и, возможно, достаточно серьезной ситуации.

*Клод Морре,
секретарь Аластроцентрала,
Унцибал, Аррабус».*

Пока Коннатиг размышлял, не выпуская из руки третью карточку, в прорези стола появилась четвертая:

«Коннатигу в Люсче:

Сплошной кошмар, я ничего не понимаю и боюсь! Боюсь прежде всего за несчастного Джантиффа — его могут схватить с минуты на минуту! Если кто-нибудь не положит конец этому безобразию. Хорошо, если просто убьют, а то еще что-нибудь похуже придумают, с них станется. Его обвиняют в жутком преступлении, а он невинный ребенок — что они придумывают? Секретаря Морре убили! Курсар Бонамико пропал без вести! Я сказала Джантиффу, чтобы он бежал на юг, в Потусторонние леса. Там опасно, но здесь ему оставаться нельзя.

Скорее пришлите кого-нибудь на помощь! Я одна и не знаю, что делать.

*Алейда Гластер,
дежурный регистратор,
Аластроцентрал, Унцибал».*

Читая последнее сообщение, Коннатиг нахмурился и некоторое время стоял без движения, после чего повернулся, бросив карточку на стол, и спустился по деревянной винтовой лестнице на площадку лифта. Перед ним сдвинулась в сторону дверь — Коннатиг вошел в кабину, спустился до Кольца Миров и, пользуясь одним из радиальных туннелей, предназначенных только для него, доехал в той же кабине до кабинета № 1716.

На табличке в вестибюле перечислялись важнейшие данные Виста — населенной тремя миллиардами людей единственной небольшой, прохладной и плотной планеты белого солнца, Двона. Коннатиг прошел в обширный кабинет. Посреди зала плавал в воздухе глобус трехметрового диаметра — миниатюрная реплика Виста с десятикратно преувеличенным для наглядности рельефом поверхности. Прикасаясь к глобусу, Коннатиг мог поворачивать его в любом направлении. Когда перед ним оказались Трембал и Тремора — два континента, противолежащих подобно искаженным зеркальным отражениям — Коннатиг остановил глобус. Континенты, похожие на огромные песочные часы с не слишком тонкой талией, раскинулись вдоль меридианов Виста на шесть тысяч километров от Северного залива до Стонущего океана на юге. Около экватора, в талии «песочных часов», их разделяет Саламанское море — затопленный океаном сейсмический разлом шириной километров сто пятьдесят. Прибрежные полосы Трембала и Треморы, каждая не больше тридцати километров в поперечнике, тянутся извилистыми лентами между морем и яйлами — крутыми эскарпами на севере и на юге. Эти взморья получили наименование «Аррабус». На южном берегу раскинулись города-округа Унцибал и Серсе, на северном — Пропунция и Уонисс.

Пары городов неразличимо слились: по сути дела, весь Аррабус покрылся непрерывной застройкой. За северной и южной яйлами начинаются так называемые Потусторонние леса — некогда населенные и местами цивилизованные, а ныне одичавшие просторы, заросшие темной тайгой.

Повернув глобус другим полушарием к себе, Коннатиг бегло осмотрел Зумер и Помбал — островные континенты поменьше, тоже «противостоящие», но далеко разнесенные на север и на юг от экватора. Оба отличаются малопривлекательным рельефом полузамерзших, часто заболоченных фьордов, разделенных почти отвесными гребнями гор. Здесь тоже живут люди, но их мало.

Отойдя от глобуса, Коннатиг прошелся по залу, разглядывая манекены в традиционных нарядах, панорамные пейзажи и прочие экспонаты. Ближе всех под стеклянным колпаком застыла пара арабинов — почти одинаково одетые мужчина и женщина в свободных блузах кричащей расцветки, шортах и сандалиях из синтетического волокна. Их несимметричные прически, местами завитые или фигурно выстриженные, с торчащими и висящими локонами, служили, по-видимому, средством выражения индивидуальных предпочтений. На смугловато-бледных лицах — шаловливое рассеянное выражение, как у детей, замышляющих озорную проказу. Будучи потомками множества смешанных рас и народов, никакими другими особенностями физиономий или телосложения арабины не отличаются.

Рядом выпрямились манекены горцев Помбала и Зумера — мужчины и женщины гораздо более характерной внешности: высокие, ширококостные, с длинными горбатыми носами, выдающимися скулами и подбородками. На них подбитые мехом одежды с орнаментами из медных шпилек и подвесок, высокие сапоги и ермолки из мягкой кожи. На стене за манекенами — фотография наездника-зура на внушающем ужас шунке¹ в спортивной попоне, выезжающего на стадион для «шункерии». Чуть поодаль от других манекенов сгорбилась на корточках женщина средних лет в длинном платье с капюшоном из вертикальных желтых, оранжевых и черных полос — ногти ее блестят, как позолоченные. На табличке написано: «Ведьма из Потустороннего леса».

Приблизившись к справочному терминалу, Коннатиг изучил краткую историю Аррабуса² — с ней он был знаком весьма поверхностно. Читая, он медленно кивал, будто находя подтверждение некоему давно сложившемуся мнению. От терминала он перешел к трем большим фотографиям на стене. Первая, вид Унцибала с воздуха, на первый взгляд могла показаться геометрической абстракцией — бесчисленные ряды разноцветных, но одинаковых многоквартирных блоков, постепенно уменьшались в перспективе и сливались с горизонтом. Второй снимок позволял понять, каким видел стадион 32-го района зритель, сидящий на трибуне: скамьи, сплошь покрытые порослью человеческих тел, окружали арену, где набычились два шунка, готовых схватиться насмерть. На третьей фотографии корреспондент запечатлел вид, открывающийся вдоль одного из знаменитых арабинских движущихся «полотен» — битком набитая людьми скользящая лента больше тридцати метров в ширину стремилась вдаль и растворялась в дымке расстояния.

На лице Коннатига, изучавшего объемные изображения, появилось выражение, свидетельствовавшее о некотором почтении. Мысль о сосредоточении огромного множества человеческих существ на относительно небольшом пространстве была ему в принципе знакома, но виды Аррабуса наглядно демонстрировали, каким образом эта отвлеченная идея воплощалась в жизнь.

¹ Шунки: чудовищные твари, водятся в болотах Помбала. Отличаются исключительно неуживчивым, злобным и непредсказуемым нравом. Шунки отказываются размножаться на Зумере, хотя лучшими наездниками считаются именно зуры. На стадионах Аррабуса зрелища с участием шунков, наравне с местной разновидностью хуссейда — самые популярные развлечения.

² См. Глоссарий, п. 1.

Коннатиг нашел папку с отчетами курсара¹ и пролистал их. В подробном обзорном отчете десятилетней давности содержалось следующее описание:

«Аррабус — ритмично бьющееся сердце Виста. Вопреки измышлениям, расширяемым недоброжелателями, Аррабус работает, Аррабус живет, Аррабус потрясает воображение! Сомневающийся может прилететь на Вист и во всем убедиться собственными глазами. В связи с перегрузкой общественных служб, вызванной перенаселением, иммигранты больше не приветствуются. Тем не менее, любой человек, достаточно нечувствительный к мелким неудобствам, может принять временное или постоянное участие в фантастическом социальном эксперименте — в Аррабусе право на пищу и жилье, подобно праву дышать воздухом, считается неотъемлемой естественной привилегией всех и каждого.

Новоприбывший обнаруживает, что внезапно избавился от всех забот и тревог. Аррабин работает (на местном жаргоне — «тухтит») всего два раза в неделю по пять с половиной часов. Еще два часа в неделю он обязан «придуриваться», то есть производить уборку и ремонт в многоквартирном блоке, где он прописан. Чужестранца с первой минуты захватывает головокружительный вихрь общества, посвятившего себя праздному самовыражению и легкомысленным развлечениям. Аррабины поют и танцуют, сплетничают, занимаются бесчисленными амурными похождениями и бесконечно ездят на «полотне» куда глаза глядят, беспричинно и бесцельно, проводя долгие часы в характерном для жителей мегаполиса состоянии «балдения» — напоминающего сон наяву созерцательного рассредоточения внимания в неподвижно движущейся толпе. Аррабин завтракает, обедает и ужинает питательной «всячиной», запивая ее витаминизированным «смолоком», а на десерт закусывает миской «студеля», чтобы, как принято говорить, «замочить червячка». Предусмотрительный иммигрант быстро привыкает к такой диете и даже учится получать от нее удовольствие — ибо другой еды нет и не будет.

«Жрчка» или «жранина» — пища естественного происхождения — в Аррабусе почти не встречается. Решение проблем, связанных с выращиванием, распределением и приготовлением «жранины» для трех миллиардов человек, немыслимо в обществе, решительно покончившем с позорной несправедливостью изнурительного труда. Время от времени «жрчка» становится предметом мечтательных сожалений и завистливых разговоров, но ее отсутствие никого, по-видимому, серьезно не беспокоит. Человек, слишком озабоченный мыслями о еде, с точки зрения большинства аррабинов заслуживает некоторого порицания. Иммигрант или турист, не желающий, чтобы за спиной его называли «жлобом», воздерживается от критических замечаний по поводу однообразия аррабинского стола. Таким образом, Аррабус — не место для гурмана. Равенство превыше всего: ни о традиционных блюдах, ни об изысканных творениях вдохновенных кулинаров не может быть и речи. В заключение следует отметить, что в Аррабусе ни одно из предприятий общественного обслуживания не производит каких-либо опьяняющих жидкостей. Диссельберг не признавал вина, пива и крепких напитков, провозгласив их «мочой цивилизации». Тем не менее, на каждом этаже каждого многоквартирного блока у кого-то в углу побулькивает незамысловатый змеевик, заправленный остатками недоеденной всячины и ежедневно «накапывающий» бидон-другой браги,

¹ Курсар: местный представитель Коннатига, как правило работающий и проживающий в экстерриториальном анклав, именуемом «Аластроцентралом».

именуемой предпочитающими неизящные выражения арабами просто-напросто «пойлом».

В другом отчете пропавшего без вести курсара Коннатиг обнаружил еще одно достойное внимания отступление:

«Каждый, кто посещает Вист, ожидает потрясений и неожиданностей, но никогда не готов воспринять умопомрачительный шквал впечатлений, обрушивающийся на него со свойственной реальности бесцеремонностью. Его взору представляются бесконечные кварталы одинаковых жилых блоков, уменьшающиеся в строгом соответствии с законами перспективы и пропадающие в грязноватой дымке горизонта. Он стоит на эстакаде путепровода, наблюдая за несущейся внизу тридцатиметровой рекой человеческих фигур с блаженно застывшими бледными лицами. Он посещает Дисджерферакт в пойменной низине Унцибала — карнавальный комплекс, где к числу популярных аттракционов относится так называемый «Парк смерти», позволяющий любому желающему выступить перед зеваками с волнующей речью и покончить с собой под аплодисменты прохожих. Он наблюдает за парадным караваном шунков, обреченной поступью сотрясающих мостовую по пути к стадиону. Он спрашивает себя: не грезит ли он, возможно ли это? Он протирает глаза — небывальщина остается явью. Но ощущение невероятности происходящего не исчезает!»

Чужестранец может покинуть тесноту и толкотню Аррабуса, чтобы побродить по туманным Потусторонним лесам северного или южного континента. Как только путник поднимается на плоскогорье за гигантской стеной яйлы, он оказывается в другом мире, существующем, по-видимому, лишь для того, чтобы напоминать арабам об удаче, выпавшей на их долю. Трудно представить себе, что тысячи лет тому назад эти дикие просторы были уделами герцогов и принцев. Тайга скрывает последние следы роскоши их дворцов. Вист — небольшой мир, всего лишь восемь тысяч километров в диаметре. Горизонт относительно близок, даже до самого дальнего ориентира меньше часа спокойной ходьбы. Направляясь на юг через Потусторонний лес, странник в конце концов выходит к берегу Стонущего океана, где начинается совсем другая страна, со своими особенностями и красотами. Одного зрелища матово-молочных лучей Двона, отражающихся от холодных серых волн, достаточно, чтобы оправдать далекий путь.

Любопытствующий посетитель Виста, однако, редко покидает мегаполис Аррабуса, где в конце концов он начинает ощущать почти непреодолимый, удушающий гнет вездесущей толпы — своего рода психическую клаустрофобию. Человек чувствительный скоро осознает присутствие некой подспудной темной силы, заставляющей его испуганно озиаться и поеживаться подобно первобытному гоминиду, вглядывающемуся в темный провал незнакомой пещеры с убежденным недоверием, внушенным опытом поколений: в глубине неизвестности неизменно таится безжалостное чудовище».

Коннатиг усмехнулся: его позабавила витиеватая пылкость отчета, представленного все тем же Бонамико человеком, по-видимому, чересчур эмоционального склада. И все же — как знать? Сам Коннатиг никогда не бывал на Висте. Возможно, для недобрых предчувствий Бонамико были серьезные основания. Коннатиг взглянул на примечание к отчету, тоже подписанное курсаром Бонамико:

«Зумер и Помбал, небольшие континенты другого полушария, гористы и наполовину покрыты ледниками. Они заслуживают упоминания лишь потому, что там разводят и дрессируют непокладистых шунков не менее раздражительные шункобои и зуры-наездники».

Время истекло: через несколько минут Коннатиг должен был встретиться с Шептунами. Уходя, он бросил последний взгляд на глобус и провел по нему ладонью — теперь невесомой, но массивной реплике Виста предстояло крутиться день за днем в опустевшем зале, пока ее не остановит трение воздуха.

Вернувшись наверх, Коннатиг сразу прошел в гардеробную, где занялся приготовлением той версии самого себя, какая, по его мнению, производила должное впечатление на аластридов любого происхождения. Сначала он нанес несколько мазков грима телесного тона чуть темнее оттенка кожи, чтобы подчеркнуть очертания скул и висков, после чего покрыл зрачки мягкой влажной пленкой, делавшей их темнее и значительно ярче. Наконец, искусственная накладная горбинка на носу, придававшая профилю дополнительную решительность. Коннатиг надел строгий черный мундир, оживленный лишь серебряными пуговицами на эполетах, и обтянутую черной тканью каску, почти закрывавшую коротко остриженные волосы.

Коннатиг нажал кнопку — у противоположной стены появилось голографическое изображение его самого: подтянутый мрачноватый человек неопределенного возраста, олицетворение непререкаемого авторитета власти. Правитель трех тысяч миров рассматривал трехмерное отражение деловито, не проявляя ни одобрения, ни разочарования — как плотник, надевший привычный фартук перед тем, как подойти к верстаку.

Из неизвестного источника послышался тихий голос Эсклавада:

— Шептуны ожидают в Черной гостиной.

— Благодарю вас, — Коннатиг прошел в соседнее помещение, точную копию Черной гостиной, где уже разговаривали голографические реплики Шептунов: трое мужчин и одна женщина в типичных для современного Аррабуса повседневных, довольно-таки легкомысленных нарядах «веселенькой» расцветки. Коннатиг внимательно изучал их изображения — такую разведку он производил практически в отношении каждой делегации, чтобы хотя бы частично нейтрализовать уловки и ухищрения ходатаев, надеявшихся повлиять на него в своих целях. Неловкость, напряжение, гнев, безразличное спокойствие, отчаяние, фаталистическое оцепенение — Коннатиг научился распознавать признаки всех этих состояний и оценивать общее настроение прибывших к нему депутатов.

По мнению Коннатига, в данном случае перед ним, несмотря на однообразие костюмов, была достаточно разношерстная группа. Каждый из Шептунов олицетворял психологический аспект, в чем-то несовместимый с другими тремя и свидетельствовавший о разобщенности или даже взаимной неприязни членов делегации.

«В случае Шептунов, выбираемых почти случайно из числа всех желающих представлять интересы населения, отсутствие психологической совместимости может ни о чем не свидетельствовать», — подумал Коннатиг.

Старейший депутат, седой субъект тщедушного сложения, с первого взгляда ничем не напоминал государственного деятеля. Долговязый и костлявый, он сидел, подергивая хитрым длинным носом, в некой напряженно-перекошенной позе, вытянув шею, откинув назад и чуть склонив набок голову, широко расставив вытянутые ноги, неуклюже опустив один локоть и выпятив другой. Он говорил капризно и беспокойно:

— Меня мутит от высоты. Здесь окон нет, но я не могу забыть, что до земли три километра. Нужно было потребовать, чтобы нас приняли на нижнем этаже.

— До воды, а не до земли, — проворчал другой Шептун, тяжеловесный мужчина с не приветливым лицом. Его темные волосы, висевшие влажными кудрявыми локонами, не были взбиты так, как это было принято среди аррабинов — этот не уступал диктату моды. Он производил впечатление самого решительного и волевого человека в группе.

Третий Шептун сказал:

— Коннатиг живет себе помаленьку и не боится за свою драгоценную шкуру — так что не беспокойся, сквозь пол не провалишься. Хотя за твою шкуру, конечно, никто гроша ломаного не даст.

— Ничего я не боюсь! — возмутился старикан. — Разве я не забрался на Пьедестал? Разве я не скакал куда-то сломя голову в гидродиске, разве я не летел сюда в звездолете?

— Да-да, все правильно, — успокоил его третий. — Твоя отвага общеизвестна.

Жгучий брюнет, значительно моложе двух других Шептунов, он отличался пропорциональной фигурой и правильными чертами улыбчивого любезного лица с тонким прямым носом. Рядом с ним сидела широкоскулая женщина — ее бледному грубоватому лицу придавал упрямое выражение выдающийся квадратный подбородок.

В гостиную вошел Эсклавад:

— Коннатиг скоро вас примет. Тем временем он предлагает закусить и освежиться, — служитель указал рукой на стену за спиной гостей, откуда выдвинулся буфет. — Будьте как дома. Вы заметите, что мы постарались учесть ваши предпочтения.

Только Коннатиг заметил ироническое движение уголка рта своего камердинера.

Не успел Эсклавад выйти, как нескладный старый Шептун вскочил на ноги:

— Посмотрим, чем потчует Коннатиг.

Он бочком приблизился к буфету, присмотрелся:

— Что? А? Это как понимать? Всячина со смолокном! Ну да, конечно, Коннатиг не может разориться на жрачку для дорогих гостей!

Женщина спокойно отозвалась:

— Надо полагать, по его мнению вежливость требует, чтобы гостям подавали привычные блюда.

Красавчик-брюнет язвительно рассмеялся:

— Коннатиг вряд ли придерживается эгалитетических взглядов. Он — сливки на сливках общества, а мы — подонки из подонков. О чем он и напоминает нам таким ненавязчивым образом.

Тяжеловесный мужчина подошел к буфету и взял ломоть печеной всячины:

— Я это ел дома и здесь нос воротить не буду, без задних мыслей.

Старикан налил чашку вязкой белой жидкости, попробовал, поморщился:

— Смолочно несвежее!

Улыбаясь, Коннатиг сел в массивное деревянное кресло и нажал кнопку. Его голографическое изображение появилось в Черной гостиной. Шептуны испуганно обернулись. Двое у буфета медленно отложили все, что было у них в руках. Красавчик начал было вставать, но передумал и остался в кресле.

Эсклавад снова вошел в гостиную и обратился к изображению Коннатига:

— Перед вами Шептуны Аррабуса с планеты Вист.

Служитель повернулся к даме:

— Госпожа Фосгард представляет Уонисс.

Он вежливо указал на тяжеловесного мужчину:

— Господин Оргольд представляет Унцибал.

Наступила очередь красавчика:

— Господин Лемисте представляет округ Серсе.

Наконец, старикан:

— Пропунцию представляет господин Дельфен.

Коннатиг ответил:

— Добро пожаловать в Люсц! Обратите внимание: перед вами мое трехмерное изображение. Я принимаю эту меру предосторожности, чтобы не тратить время на уточнение многих обстоятельств.

Фосгард заметила, слегка насмешливо:

— Мономарху на вершине человеческой пирамиды приходится, конечно, опасаться покушений.

— Риск достаточно велик. Я встречаюсь с сотнями посетителей самых различных наклонностей и убеждений. Рано или поздно среди них попадаете безумец, воображающий меня жестоким тираном, утопающим в награбленной роскоши. Приходится прибегать к многочисленным средствам защиты от таких убийственных поползновений, даже если они продиктованы благими намерениями.

Фосгард упрямо качала головой. Коннатиг подумал: «Твердости убеждений ей не занимать!»

Депутатка возразила:

— Так или иначе, самодержавный властитель нескольких триллионов подданных не может не сознавать, что находится в неестественно привилегированном положении.

Коннатиг подумал: «Кроме того, она сварлива».

Вслух он отозвался:

— Разумеется! Бремя постоянного осознания этого факта, однако, уравнивается — точнее, сводится к нулю — тем обстоятельством, что он не имеет значения.

— Боюсь, я не поспеваю за ходом ваших мыслей.

— Идея сложна, но в то же время проста. Я — это я, то есть человек, занимающий пост Коннатига по причинам, от меня не зависящим. Если бы я был кем-то другим, то не занимал бы пост Коннатига. Это очевидно. Не менее очевидно и логическое следствие такого допущения: в таком случае Коннатигом был бы не я, а кто-то другой. Этот человек, подобно мне, размышлял бы о причинах, позволивших ему занять единственное в своем роде положение. Таким образом я, будучи Коннатигом скопления Аластор, на самом деле нахожусь в положении, не более привилегированном, чем вы, будучи госпожой Фосгард из Уонисса.

Фосгард неуверенно рассмеялась и начала было спорить, но ее прервал медоточивый Лемисте:

— Мы здесь не для того, чтобы анализировать личность Коннатига, его положение или капризы судьбы, даровавшие ему власть. По сути дела мы, эгалисты-прагматики, отрицаем существование невыразимой мистической силы, в просторечии именуемой «судьбой». Наша задача вполне определена.

— И в чем же она состоит?

— Эгалистический строй существует в Аррабусе уже сто лет. Наше общество уникально — такого нет ни на одной другой планете Скопления и даже, насколько нам известно, Ойкумены. Скоро начнется Фестиваль Века — мы будем праздновать столетие наших достижений.

Коннатиг, несколько озадаченный, размышлял: «Я ожидал выступлений совсем иного рода. Снова и снова приходится напоминать себе: ничто не принимай за чистую монету! Ничто и никогда!»

Вслух он заметил:

— Конечно, я хорошо помню о Фестивале Века и рассматриваю ваше любезное приглашение.

Лемисте продолжал, быстро и чуть отрывисто:

— Как вы знаете, мы создали просвещенное общество на основе полного равноправия и свободы индивидуального самовыражения. Естественно, мы стремимся пропагандировать наши достижения — не только ради удовлетворения самолюбия, но и в расчете на существенные выгоды. В связи с чем мы и направили вам приглашение. Разрешите пояснить. С первого взгляда присутствие Коннатига на эгалитическом торжестве могло бы показаться аномалией, нарушающей наши принципы и даже намекающей на нашу готовность поступиться этими принципами. Мы надеемся, однако, что вы, согласившись принять участие в фестивале, отбросите элитарные предрассудки и на некоторое время станете одним из нас — поселитесь в многоквартирном блоке, будете ездить на полотне и посещать массовые зрелища вместе со всеми. Тем самым вы сможете непосредственно оценить эффективность наших учреждений.

Задумчиво помолчав, Коннатиг ответил:

— Любопытное предложение, достойное внимательного изучения. Вы уже закусили? Я мог бы предложить вам более изысканные блюда, но воздержался, чтобы не нарушать ваши принципы.

Дельфен, с трудом заставлявший себя держать язык за зубами, не выдержал:

— Наши принципы справедливы! Именно поэтому мы здесь — чтобы распространить их и чтобы защитить себя от последствий нашего успеха. Со всего Скопления к нам направляются миллионы прихлебателей, будто Аррабус — богадельня для всех лодырей Вселенной! Слетаются, как саранча, на наше добро, заработанное тяжким трудом, приобретенное благодаря самоотверженному служению обществу! Все это безобразие оправдывается правом на иммиграцию. Мы эту иммиграцию хотим остановить, а нам не дают — из-за вашего «Закона о свободе передвижения». Поэтому мы вынуждены требовать, чтобы нам...

Фосгард поспешно встала:

— Не требовать — просить, ходатайствовать...

Дельфен отмахнулся:

— Да что там! Просить, ходатайствовать — не один ли хрен? Мы хотим, во-первых, чтобы прекратили иммиграцию. Во-вторых, Скопление должно выделять средства на содержание пришедшей орды, уже пристроившейся пожить на дармовщинку. В-третьих, нужны новые машины — заменить оборудование, износившееся, пока инопланетные паразиты все соки из нас выжимали!

Дельфен был явно непопулярен среди других Шептунов — пока он говорил, остальные пытались всеми силами показать, что не разделяют его склонность к вульгарным выражениям.

Раздраженная Фосгард произнесла наигранно-шутливым тоном:

— Будет тебе, Дельфен! Не утомляй Коннатига многословными тирадами.

Дельфен криво усмехнулся:

— Многословными тирадами, а? А почему, спрашивается, не называть вещи своими именами? Сколько на волка ни напяливай овечью шкуру, зубы-то торчат? Коннатиг ценит прямоту. Что мы тут — будем сидеть, подложив ладошки под задницы, и строить умильные рожи? Ладно, ладно, как хотите. Молчу, молчу.

Старик подмигнул Коннатигу:

— Вот увидите, она целый час изведет, повторяя то, что я сказал за двадцать секунд.

Фосгард проигнорировала последнее замечание и обратилась к Коннатигу:

— Шептун Лемисте уже упомянул о Фестивале Века. Основная цель нашего визита — предложить вам участие в торжестве. Существуют, однако, и другие вопросы, затронутые Дельфеном. Может быть, их было бы полезно обсудить, пока есть такая возможность.

— Не возражаю, — ответил Коннатиг. — Моя функция заключается в содействии преодолению трудностей справедливыми и практически целесообразными средствами, если такое содействие не противоречит конституции Аластора.

Фосгард серьезно сказала:

— Наши проблемы можно сформулировать в нескольких словах...

Дельфен снова не сдержался:

— Достаточно одного слова: иммигранты! Тысяча в неделю! Волосатые маньяки и холонокровные извращенцы, эстеты не от мира сего, томные неженки-неудачники — и у всех в голове одни девки да жранина! А нам не дают захлопнуть дверь у них перед носом. Нелепость какая-то!

Лемисте вкрадчиво вставил:

— Шептун Дельфен прибегает к красочным преувеличениям. Многие иммигранты — надежные идеалисты. Тем не менее, многие другие — всего лишь паразиты, движимые материалистическими побуждениями.

Дельфена не так-то просто было одернуть:

— Да хоть бы они все были святые — поток давно пора перекрыть! Где это видано? Иммигрант выжил меня из моей собственной квартиры!

Фосгард язвительно заметила:

— Ага! Вот почему этот вопрос так волнует Шептуна Дельфена!

Оргольд впервые высказался, с отвращением растягивая слова:

— Ну, устроили вы тут перепалку — ни дать ни взять стая голодных тащипугаев!

Коннатиг задумчиво произнес:

— Тысяча человек в неделю — не слишком много для страны с трехмиллиардным населением.

Оргольд деловито возразил — причем Коннатигу его манера говорить понравилась больше, чем его агрессивно-неопрятная внешность:

— Наши производственные мощности перегружены. В кратчайшие сроки необходимо ввести в эксплуатацию восемнадцать новых установок для переработки протокваши...

Лемисте поспешил пояснить:

— Протокваша — сырьевая пищевая пульпа.

— ... новую подземную сеть кормопроводов, резервуаров и дозаторов, тысячу новых жилых блоков. Потребуется огромная работа. Аррабины не желают посвящать жизнь изнурительному труду. Придется принимать меры. Прежде всего — хотя бы для того, чтобы не выслушивать бесконечные жалобы Дельфена — следует решить простейшую задачу и прекратить дальнейшую иммиграцию.

— Практически невозможно, — покачал головой Коннатиг. — Свобода передвижения гарантируется конституцией.

Дельфен воскликнул:

— Эгалистам завидуют по всему Скоплению! Триллионы желающих так или иначе не поместятся в Аррабусе — значит, равноправие должно быть введено на всех планетах Аластора. Другими словами, распространение эгализма — первоочередная обязанность Коннатига!

На лицо Коннатига легла тень мрачноватой усмешки:

— Я внимательно рассмотрю ваши предложения. В настоящее время я не нахожу в них логики, доступной моему пониманию.

Беззвучно выругавшись, Дельфен раздраженно повернулся в кресле, закинул ногу на ногу и бросил через плечо:

— Что тут понимать? Орда иммигрантов бесконечным потоком низвергается из космоса на Аррабус! Какой еще логики не хватает?

— Тысяча в неделю? В Аррабусе за то же время десять тысяч человек кончают жизнь самоубийством.

— Это ничего не доказывает!

Коннатиг слегка пожал плечами и обвел Шептунов спокойным изучающим взглядом. «Странно! — думал он. — Почему Оргольд, Лемисте и Фосгард, явно не заинтересованные в поддержке Дельфена, позволяют ему выступать в качестве их представителя и предъявлять абсурдные требования, унижающие достоинство всей делегации?»

Самым проницательным из четверых был, пожалуй, Лемисте. Тот позволил себе снисходительную улыбку:

— По природе вещей Шептунами становятся энергичные, независимо мыслящие люди. Наши представления о наилучших способах решения проблем Аррабуса нередко расходятся.

Фосгард сухо добавила:

— Между нами нет полного согласия даже по поводу того, в чем именно состоят эти проблемы.

Лемисте предпочел не отвлекаться:

— В сущности все сводится к тому, что наше оборудование устарело. Нужны новые машины, способные производить больше продуктов и товаров общего потребления.

— Таким образом, вы ходатайствуете о предоставлении денежной субсидии?

— Финансовая помощь, несомненно, была бы полезна — на регулярной основе.

— Почему бы не возобновить обработку северных и южных земель? Когда-то они обеспечивали пропитание многочисленного населения.

Лемисте с сомнением покачал головой:

— Аррабины — городские жители. В сельском хозяйстве мы ничего не понимаем.

Коннатиг поднялся на ноги:

— Я откомандирую в Аррабус группу специалистов. Они проведут исследования, проанализируют ситуацию и представят рекомендации.

Внутреннее напряжение, отражавшееся на лице Фосгард, вырвалось наружу. Она вскричала скандально-резким голосом:

— Знаем мы ваших специалистов! Слышали их рекомендации! Делай то, делай се — и никакого равноправия! В Аррабусе не место эгоистической конкуренции, вещизму, торгашеству! Мы не поступимся завоеванными победами!

— Уверю вас, я лично займусь изучением волнующих вас вопросов, — отозвался Коннатиг.

Оргольд обронил с выражением угрюмого безразличия:

— Так вы приедете на Фестиваль?

— Не забудьте! — радостно подскочил Лемисте. — Мы все приглашаем вас, все три миллиарда!

— Приглашению будет уделено самое пристальное внимание. А теперь, поскольку я заметил, что вы не слишком интересуетесь предложенными закусками, надеюсь, вы предпочтете более экзотические блюда. Вы у меня в гостях, таков обычай. На нижних прогулочных ярусах — сотни превосходных ресторанов. Обедайте где пожелаете, сколько пожелаете — все за счет Коннатига.

— Спасибо, — суховати ответила Фосгард. — Очень любезно с вашей стороны.

Коннатиг повернулся, чтобы уйти, но тут же задержался, будто вспомнив о немаловажном обстоятельстве:

— Кстати, кто такой Джантифф Рэйвенсрок?

Шептуны — все четверо — застыли, глядя на него с подозрением и удивлением. Первым собрался с мыслями Лемисте:

— Джантифф Рэйвенсрок? Мне это имя незнакомо.

— Мне тоже! — хрипло, вызываяще провозгласил Дельфен.

Фосгард отрицательно дернула головой, не открывая плотно сжатого рта, а Оргольд вообще не реагировал, сосредоточенно глядя в пространство над головой голографии Коннатига.

Лемисте спросил:

— Кто этот Джантифф?

— Человек, вступивший со мной в переписку. Неважно. Если я побываю в Аррабусе, не премину его найти. Желаю вам хорошо провести время.

Изображение Коннатига сделало несколько шагов к стене и растворилось в тенях. В гардеробной Коннатиг снял каску:

— Эсклавад?

— Слушаю.

— Что вы думаете о Шептунах?

— Необычная группа. У Фосгард дрожал голос, у Лемисте тоже. Оргольд умеет скрывать напряжение. Дельфен не умеет себя держать. Вполне вероятно, что имя «Джантифф Рэйвенсрок» им хорошо знакомо.

— Здесь кроется какая-то тайна, — кивнул Коннатиг. — Не прилетели же они с Виста только для того, чтобы выдвинуть ряд нелепых требований, противоречащих предварительно заявленным намерениям? Исключено!

— Согласен. Что-то заставило их изменить точку зрения.

— Причем, судя по всему, дело не обошлось без Джантиффа Рэйвенсрока.

Глава 2

Джантифф Рэйвенсрок родился в сравнительно обеспеченной семье в пригороде Фрайнесса на планете Зак, Аластор 503. Отец его, Лайл Рэйвенсрок, калибровал микрометры в Институте молекулярного проектирования, а мать подрабатывала техником-аналитиком в компании «Орайон инструментов». Его сестры, Ферфана и Джуилья, специализировались, соответственно, в областях кондаптрического¹ фазирования и резьбы по причальным сваям.²

В начальной академии Джантифф, высокий и худой юноша с вытянутым костлявым лицом и матовой черной шевелюрой, на первых порах обучался навыкам графического дизайна, после чего, уже через год, заинтересовался главным образом хроматикой и психологией восприятия. Поступив в высшую школу, Джантифф всецело посвятил себя истории изобразительных искусств — вопреки советам родителей и сестер, считавших, что он разбрасывается вместо того, чтобы остановиться на чем-то определенном. Отец его указывал на необходимость своевременного приобретения профессии. По его мнению, слишком широкий круг занятий Джантиффа, несмотря на их бесспорную увлекательность, граничил с легкомыслием и даже безответственностью.

Джантифф послушно внимал нравоучениям. Тем временем ему попался на глаза старый учебник пейзажной живописи, автор которого утверждал, что лишь натуральные пигменты могут правдиво отображать натуру, и что поддельные синтетические краски оказывают на художников подсознательное влияние и неизбежно придают их произведениям фальшивый оттенок. Джантиффу эти доводы показались убедительными — он принялся собирать, размалывать и смешивать умбру, охру и киноварь, кору, корни и ягоды, рыбы железы и высохшие экскременты ночных грызунов, чем вызвал легкое недоумение и насмешки матери и сестер.

Лайл Рэйвенсрок решил, что опять пришло время наставить сына на путь истинный. Он начал разговор издали:

— Насколько я понимаю, ты еще не смирился с перспективой прозябать в презренной нищете?

¹ От ойкуменического «кондаптриолика», «наука об управлении информацией» (кибернетика — одна из кондаптрических дисциплин).

² Зак — мир сотен тысяч островов, разбросанных по сотням морей и образующих бесчисленные бухты и проливы. Даже единственный крупный остров-континент испещрен озерами, соединенными сетью рек и каналов. Многие семьи живут в плавучих домах, а к тому же нередко владеют небольшими парусными яхтами. Причальные сваи на Заке — символы общественного положения, профессии и особых наклонностей владельцев. Их украшают сложными орнаментами, резными масками, фигурами и навершиями.

Джантифф, временами рассеянный до невнимательности, но от природы податливый и бесхитростный, отвечал не задумываясь:

— Конечно, нет! В мире столько приятного и любопытного!

Лайл Рэйвенсрок продолжал тем же наивно-любопытствующим тоном:

— Любопытные и приятные вещи не достаются даром. Надеюсь, ты собираешься зарабатывать на жизнь честным трудом, не вступая на стезю преступлений и мошенничества?

— Разумеется! — подтвердил несколько озадаченный Джантифф. — Само собой.

— Рад слышать! Не совсем ясно, однако, каким образом ты сможешь обеспечивать свое существование, нахватавшись без разбора поверхностных сведений и суждений, но так ничему толком и не научившись? Нужно сосредоточиться на чем-то одном и приобрести профессию. Хорошо платят только тому, кто умеет хорошо делать свое дело!

Понурился, Джантифф промямлил, что не успел выбрать специальность, способную заинтересовать его на протяжении всей жизни. Лайл не согласился с таким подходом. Насколько ему было известно, никакие законы, ни божеские, ни человеческие, не требовали, чтобы работа была интересным или радостным занятием. Вслух Джантифф признал правоту отца, но втайне продолжал лелеять надежду на то, что ему как-нибудь удастся снискивать пропитание за счет легкомысленных увлечений.

Джантифф закончил высшую школу без особого отличия. Начинались летние каникулы — за несколько быстротечных месяцев ему предстояло решить, чем он будет заниматься до конца своих дней. Была возможность поступить в лицей и получить диплом специалиста или готовить чертежи в какой-нибудь компании, начиная карьеру помощником проектировщика. Безоблачное детство прошло, с праздными утехами юности приходилось прощаться. Приунывшему Джантиффу снова попался в руки потрепанный трактат о пейзажной живописи. Один отрывок привлек его пристальное внимание:

«Иные мастера посвящают жизнь исключительно запечатлению пейзажей. Сохранилось множество любопытнейших образцов этого жанра. Помните, однако, что картина отражает не столько пейзаж как таковой, сколько неповторимое восприятие самого художника!

Следует хотя бы бегло упомянуть и о другом аспекте пейзажной живописи — о солнечном свете. Будучи важнейшим фактором, влияющим на визуальное восприятие, характер солнечного света меняется от планеты к планете — на одной царят багровые сумерки, другую опалает ослепительно-голубое сияние. Изменения условий освещения требуют соответствующей регулировки напряжения, неизбежно возникающего в связи с расхождением между объективной реальностью и внутренним представлением. Нет ничего полезнее для мастера, пишущего с натуры, чем путешествовать, посещая разные миры. Настоящий художник учится смотреть на вещи беспристрастно, освобождаясь от искажений, навязанных иллюзиями, воспринимая действительность такой, какова она есть.

Существует мир, где солнце и воздух будто сговорились, порождая безупречный свет, заставляющий каждую поверхность вибрировать истинными, торжествующими цветами. Это неспособное лгать солнце — белая звезда Двон, эта благословенная планета — Вист, Аластор 1716».

Джуилья и Ферфана вознамерились излечить Джантиффа от странностей. По их мнению, основным его недостатком была робость. Сестры предложили его вниманию целый ассортимент напористых, неукротимо дружелюбных девиц, тем самым надеясь привить ему навыки общения. В компании Джантиффа, однако, искательницам обыденных приключений скоро становилось скучно — они покидали его в замешательстве, даже с некото-

рой тревогой. Высокий брюнет с бирюзовыми глазами и орлиным носом, Джантифф не мог пожаловаться на непривлекательность. Не отличался он на самом деле и робостью. Он не умел, однако, говорить о пустяках — и не без оснований подозревал, что стал бы предметом насмешек, если бы отважился обсуждать с подругами сестер свои неортодоксальные томления.

В ужасе от модных вечеринок, Джантифф, не говоря никому ни слова, отправился к причалу на берегу Шардского моря, на принадлежавшую семье плавучую дачу. Джуилья или Ферфана рано или поздно явились бы требовать его возвращения, в связи с чем Джантифф поспешно отдал швартовы, пересек Фалласский залив и бросил якорь в тростниках на мелководье.

«Тишина и покой: наконец-то!» — думал Джантифф. Заварив чаю и опустившись в кресло на передней верхней палубе, он наблюдал за тем, как оранжевое солнце, Мур, тускнело и пухло, сползая к горизонту. Спокойные воды морщились под дыханием вечернего бриза — мириады оранжевых бликов перемигивались в стройных черных тростниках. Джантифф утешился. Тихое широкое небо, игра солнечных лучей на воде лились целебным бальзамом в смущенную, неуверенную душу. Если бы можно было остановить мгновение душеутоляющего покоя, запечатлеть его навсегда! Джантифф печально качал головой: жизнь и время неумолимы, мгновения уходят без следа. Фотографии бесполезны. Краски неспособны передать светлый прохладный простор, переливающийся дуновениями. В недостижимости очевидного и кроется причина щемящих томлений: художник желает подчинить себе магическую связь видимого и прозреваемого, угадать в трехмерном зеркале действительности то, что оно отражает, проникнуться сокровенной сущностью вещей и распорядиться ею по своей прихоти. Причем «сокровенная сущность» — не обязательно нечто изощренное или глубокомысленное. Она просто есть. Например: настроение позднего вечера на воде, лодка среди тростников и в ней — что, пожалуй, важнее всего — одинокая фигура. В голове Джантиффа строилась композиция, он уже мысленно выбирал сочетания пигментов... но вздохнул и снова покачал головой. Практически неосуществимо. Даже если ему удастся сохранить мимолетное впечатление, что он будет с ним делать? Повесит на стену? Абсурд! Многократно разглядываемая картина теряет смысл, как ежедневно повторяемая шутка.

Солнце заходило, в тростниках порхали болотные мотыльки. С моря донеслись тихие голоса, занятые спокойной беседой. Джантифф напряженно слушал, чувствуя, как по коже крадутся осторожные холодные прикосновения неизъяснимого. Кто истолкует голоса моря? Как только случайный свидетель бесшумно погружает в воду весло, пытаясь тайком подобраться ближе, голоса умолкают. О чем их разговор? Опустив голову, закрыв глаза, мы тщимся разгадать таинственный намек, нам мнится, что мы вспоминаем древний язык моря, слова становятся знакомыми, почти разборчивыми — почти. Джантиффу голоса моря давно не давали покоя. Как-то раз он даже записал их, но при воспроизведении пропадало настойчивое убеждение в осмысленности звуков. Джантифф сосредоточился: конечно же, разговоры моря имеют самое непосредственное отношение к сокровенной сущности вещей... Если бы можно было постигнуть хотя бы единое слово! Одного слова бывает достаточно, чтобы угадать общее направление беседы. Еще немного — и тайное станет явным! Но, как всегда, едва Джантифф отчаянным внутренним усилием приблизился к разгадке, голоса догадались, что их подслушивают, и замолчали. Море молчаливо темнело под покровом ночи.

Джантифф зашел в кубрик, закусил бутербродом с мясом, запивая пивом, и вернулся на палубу. Звезды горели по всему небу — Джантифф сидел и смотрел, блуждая мыслями в

недостижимых далях, вспоминая названия знакомых солнц, воображая имена незнакомых.¹ Чего только нет во Вселенной! Сколько всего нужно ощутить, увидеть, узнать! Одной жизни не хватит... С воды опять донеслось невнятное бормотание. Джантифф представил себе бледные очертания бестелесных фигур, плывущие в темноте, созерцающие созвездия... Удаляясь, голоса мало-помалу замолкли, наступила тишина. Джантифф снова спустился в кубрик — заварить свежего чая.

Кто-то оставил на столе журнал «Дальновидец». Джантифф рассеянно перелистал пару страниц; в глаза ему бросился заголовок:

«СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АРРАБИНОВ
Достопримечательная эра общественных нововведений
на планете Вист, Аластор 1716

Корреспондент «Дальновидца» побывал в Унцибале, многолюдном приморском мегаполисе. Там он обнаружил динамичное сообщество, движимое оригинальными философскими стимулами. Цель аррабинов — удовлетворение человеческих стремлений в условиях досуга и достатка. Как им удастся это чудо? Посредством радикального пересмотра традиционной системы ценностей. Делать вид, что при этом все обходится без трудностей и напряжений, значило бы незаслуженно преуменьшать достижения аррабинов, чья энергия, судя по всему, не ослабевает — они готовятся к празднованию столетия эгалитетических реформ. Наш корреспондент сообщает любопытнейшие подробности».

Джантифф прочел статью с живым интересом. Вист благословлен безупречным светом неподражаемого солнца, Двона. Там — как выразился автор трактата? — «каждая поверхность вибрирует истинными, торжествующими цветами». Отложив журнал, Джантифф вышел на палубу. Звезды уже слегка переместились — на востоке всходило, отражаясь в безмятежном море, созвездие, на Заке известное под наименованием «Шамисад». Джантифф обзирал небеса, стараясь угадать: где в россыпях светил прячется чудесный Двон? Вспомнив, что в рубке лежало местное издание «Аласторского альманаха», он отправился на поиски справочника.

«Альманах» поведал, что Двон — неяркая белая звезда в созвездии Черепахи, на самом краю Панциря.²

Джантифф взобрался на верхнюю палубу плавучей дачи и вгляделся в ночное небо. Там, на севере, под спиралями Статора, мерцало созвездие Черепахи, и в нем — бледная искра Двона. Возможно, у Джантиффа разыгралось воображение, но ему казалось, что именно эта звезда в самом деле мерцает всеми оттенками спектра.

До сих пор сведения о планете Вист возбуждали в нем не более чем праздное любопытство, но уже на следующий день он заметил в газете объявление о проведении рекламного конкурса, финансируемого местной ассоциацией агентов космических транспортных ком-

¹ Обитателям Аластора звезды, как правило, близки и знакомы, и «астрономии» (т. е. звездочтению, умению называть звезды по памяти) они учат всех детей. Опытный звездочет может припомнить наименования тысячи с лишним звезд и о каждой рассказать ту или иную историю. В былые времена таким знатокам оказывали особые почести, а самые умелые рассказчики снискивали повсеместную славу.

² Излишне было бы напоминать о том, что на одной планете Скопления созвездия выглядят не так, как на другой. Соответственно отличаются одно от другого и наименования созвездий, используемые жителями различных миров. С другой стороны, некоторым характерным структурным элементам Аластора — таким, как Фьямифер, Хрустальный Угорь, Провал Куна и Прощальный Венец — издревле присвоены наименования, общепризнанные во всем Скоплении.

паний. Автору лучшей картины, изображавшей красоты Зака, ассоциация обещала оплатить проезд до любой планеты Скопления и обратно, а также предоставить триста озолей на путевые расходы. Джантифф тут же соорудил станок, приготовил палитру пигментов и набросал на холсте, по памяти, вечерний пейзаж: тростники на мелководье Шардского моря и среди них — плавучую яхту на якоре. Времени было мало. Джантифф работал с яростным сосредоточением и представил законченную работу на рассмотрение комиссии за несколько минут до истечения объявленного срока.

Через три дня Джантифф узнал, что комиссия присудила первый приз пейзажу «Вечер на мелководье Шардского моря». Его это не слишком удивило.

Джантифф подождал до ужина, и только тогда поделился новостью с родителями и сестрами. Тех в равной степени поразило как то, что магне Джантиффа кем-то придается какое-то значение, так и влечение изготовителя оной магни к посещению никому не известных миров. Джантифф пытался серьезно обосновать свои побуждения:

— Да, мне нравится жить дома — как иначе? Просто не знаю, чем заняться. Не могу ни на чем остановиться. Такое чувство, будто я вот-вот обернусь и замечу краем глаза что-то новое, радужное, чудесное — оно меня ждет, оно рядом! Если бы я только знал, как и куда смотреть!

Мать растерянно хмыкнула:

— Хотела бы я знать, в кого ты уродился с такими причудами!

Лайл Рэйвенсрок огорчился:

— Неужели у тебя нет никакого желания жить, как все нормальные люди? Не гоняться за радужной чертовщиной, а найти порядочное занятие, завести счастливую семью?

— Я не знаю, чего хочу! В том-то и дело. Может быть, для меня лучше всего было бы на какое-то время сменить обстановку, посмотреть, чем занимаются на других планетах. Тогда, наверное, я найду себе место, где-нибудь устроюсь.

— Ну вот! — всплеснув руками, воскликнула мать Джантиффа. — Улетишь в далекие края и будешь делать там карьеру, а мы тебя больше никогда не увидим!

Джантифф принужденно рассмеялся:

— Конечно, увидите! Я не собираюсь нигде оставаться надолго. Мне не сидится на месте, я хочу увидеть, как живут другие люди, понять, какая жизнь придется мне по душе, вот и все.

Лайл Рэйвенсрок мрачно кивнул:

— В твоём возрасте меня тоже одолевала охота к перемене мест. Но я заставил себя отказать от этих мыслей и теперь уверен, что поступил правильно. На чужбине нет ничего такого, из-за чего стоило бы изнурять себя тоской по дому.

Ферфана наклонилась к брату:

— А какой пирог с морским щавелем мама готовит! Кто еще так поджарит браурсаки? А шишхали с чесночком?

— Придется потерпеть. И откуда ты знаешь, вдруг мне понравится инопланетная еда?

— Ох! — поежилась Джуилья. — Всякая пакость, и названий-то не выговоришь.

Семья посидела в молчании.

— Ну что ж, — пожал плечами Лайл, — если ты твердо решил ехать, никакие доводы тебя не переубедят.

— Увидите, все будет к лучшему, — без убеждения отозвался Джантифф. — Когда я вернусь и отряхну с ног пыль далеких миров... надеюсь, все устроится и определится. И вы, наконец, сможете мной гордиться.

— Ну что ты, Джантик, мы и так уже тобой гордимся, — возразила Ферфана, тоже без особого убеждения.

Джуилья спросила:

— И куда ты отправишься? Что будешь делать?

Джантифф отвечал с деланной веселостью:

— Куда полечу? Туда, сюда, куда глаза глядят! Чем займусь? Всем на свете! Чем угодно! Главное — набраться опыта. Попытаю счастья на рубиновых рудниках Акадии. Навещу Коннатига в Люсце. Неровен час, придется заехать в Аррабус, провести недельку-другую в эмансипированном обществе.

— Эмансипированное общество! — прорычал Лайл Рэйвенсрок. — Щебечущая стая сверкунчиков-однодневок!

— Утверждается, по крайней мере, что аррабины полностью устранили неравенство. Работают всего тринадцать часов в неделю и премного собой довольны.

Джуилья обвиняюще указала пальцем на брата:

— Знаю я его! Останется в Аррабусе, эмансипируется по уши и вспоминать про нас забудет!

— Джулька, что ты придумываешь? Об этом и речи не может быть!

— А тогда ноги твоей чтобы не было на Висте! Читала я статью в «Дальновидце». В Аррабус слетаются бездельники со всех концов Галактики — и никто никогда не возвращается.

Ферфана, втайне мечтавшая о дальних странствиях, задумчиво пробормотала:

— Может быть, нам всем не мешало бы туда съездить, полюбоваться на чудеса в решетке?

Ее отец отделался сухим смешком:

— Где я возьму время? Кто-то должен работать!

Глава 3

Джантиффу, прибывшему в Унцибал дождливой ночью, невольно пришли в голову строки, прочитанные накануне в предисловии к справочнику «Народы Аластора»: *«Оказываясь в незнакомой обстановке, опытные путешественники умеют не придавать чрезмерное значение первому впечатлению. Такие впечатления, основанные на привычных представлениях, сформировавшихся в другое время и в других местах, неизбежно обманчивы»*. В этот поздний час унылый унцибальский космодром казался лишенным всякого очарования и даже какой-либо оригинальности. Джантифф недоумевал: почему общество, способное на протяжении столетия удовлетворять потребности миллиардов, не сочло нужным позаботиться об элементарных удобствах относительно немногочисленных приезжих?

Покинув звездолеты, двести пятьдесят пассажиров очутились в темноте под открытым небом — их никто не встретил. Метрах в четырехстах цепочка тусклых голубых фонарей тянулась, по-видимому, перед зданием космического вокзала. Ругаясь и ворча, пассажиры побрели по лужам к фонарям.¹

Джантифф, возбужденный мыслью о том, что под ним — земля другого мира, шел в стороне от молчаливо бредущей вереницы остальных приезжих. Ветер доносил из Унцибала необычный, но полужнакомый тяжеловато-кислый запах, лишь подчеркивавший странность планеты Вист.

В здании космопорта к новоприбывшим монотонно обращался потрескивающий голос из громкоговорителя: «Добро пожаловать в Аррабус! Приезжие подразделяются на три категории. К первой категории относятся представители коммерческих организаций и туристы, наносящие кратковременный визит. Вторая категория — лица, намеренные провести в Аррабусе менее одного года. Третья категория — иммигранты. Пожалуйста, вставайте в очереди у выходов, обозначенных соответствующими номерами. Внимание! Импорт любых пищевых продуктов запрещен! Все имеющиеся у вас пищевые продукты необходимо предварительно сдать в бюро экспроприации контрабанды. Добро пожаловать в Аррабус! Приезжие подразделяются на три категории...» Джантифф протискивался через плотную толпу — по-видимому, несколько сотен пассажиров, прилетевших раньше, еще не покинули зал прибытия. В конце концов он нашел петляющую замысловатыми зигзагами очередь к выходу № 2 и занял место в хвосте. Большинство приезжих относили себя к категории иммигрантов очередь к выходу № 3 была в несколько раз длиннее. У выхода № 1 стояли всего несколько человек.

Постепенно, мелкими шажками, Джантифф продвигался вперед. Вдали — там, где начиналась очередь — виднелись восемь турникетов с прозрачными будками для чиновни-

¹ См. Глоссарий, п. 2

ков. Функционировали, однако, только два турникета. Тучный субъект, пыхтевший за спиной Джантиффа, надеялся ускорить продвижение, подкрадываясь вплотную и слегка подталкивая Джантиффа выдающимся животом. Стремясь избежать соприкосновения, Джантифф переместился чуть ближе к стоявшему впереди верзиле. Толстяк не замедлил заполнить образовавшийся промежуток, и Джантифф, подпираемый упругим пузом сзади, уткнулся носом в спину спереди. Тем временем толстяк продолжал напирать. Верзила не выдержал и обернулся:

— Послушайте, любезнейший! Мне не меньше вашего надоело стоять в очереди. От того, что вы клюете мне спину, очередь не станет короче.

Опасаясь оскорбить толстяка, жарко дышавшего ему в затылок, Джантифф не нашелся, что сказать. Но когда верзила снова шагнул вперед, Джантифф решительно остался на месте, несмотря на участвовавшие толчки и пыхтение сзади.

В конце концов Джантифф оказался у окошка прозрачной будки перед турникетом и предъявил посадочный талон. Служащая — молодая женщина с желтыми волосами, экстравагантно всклокоченными над одним ухом, — отвела его руку в сторону:

— Что ты мне суешь? Где разрешение на въезд — зеленая карточка?

Джантифф порылся по карманам:

— У меня, кажется, нет зеленой карточки. Нам не давали никаких зеленых карточек.

— Значит, вернись на звездолет и возьми зеленую карточку.

Заметив краем глаза, что у толстяка сзади — такой же белый талон, как у него, Джантифф в отчаянии возразил:

— А у этого господина тоже нет зеленой карточки!

— Не имеет значения. Тебя не пропишут, пока не представишь разрешение на въезд — неужели не понятно?

— Но мне больше ничего не дали. Белой карточки должно быть достаточно!

— Отойди, не задерживай очередь.

Джантифф застыл, уставившись на свой талон:

— Вот, смотрите, здесь написано: «Посадочный талон и разрешение на въезд!»

Служащая покосилась на талон и с досадой прищелкнула языком. Раздраженно подойдя к другой будке, она что-то сказала сидевшему там чиновнику. Тот позвонил по телефону.

Растрепанная блондинка вернулась к турникету:

— Новая форма, ее ввели месяц тому назад. А я уже год не тухтела в космопорте — и всех подряд посылаю назад на звездолет, представляешь? Анкету давай... нет-нет, синий экземпляр, розовый оставь себе.

Джантифф предъявил требуемую бумагу — сложный вопросник, тщательно заполненный в полете.

— Ммм... Джантифф Рэйвенсрок. Из Фрайнесса на планете Зак. Ммм... Профессия: специалист по технографике. Цель пребывания в Аррабусе: удовлетворение любопытства... Это еще что? — желтоволосая церберша подняла брови. — Какое такое любопытство?

Джантифф поспешил объяснить:

— Я хотел бы изучить общественное устройство Аррабуса.

— Так и надо писать!

— Хорошо, я исправлю.

— Поправки не допускаются. Придется заполнить другую анкету. Где-то у входа, со стороны космодрома, был прилавок с бланками. По крайней мере, я их там видела в прошлом году. Давай, поворачивайся.

— Подождите! — возопил Джантифф. — В графе полно пустого места! После «удовлетворения любопытства» я напишу «в целях изучения общественного устройства Аррабуса». Это не будет поправкой.

— Ну ладно. Так не полагается, конечно.

Джантифф быстро приписал несколько слов. Чиновница протянула руку, чтобы взять печать и проштамповать талон. Прозвучал звонок. Уронив печать на прилавок, служащая встала, сняла шаль с крючка на стене будки и накинула на плечи. В будку завалился похожий на мальчишку юноша с пухловатым круглым лицом. Веки его едва поднимались — он провел бессонную ночь.

— Вот и я! — сообщил он желтоволосой сотруднице. — Маленько припозднился, но ничего, никто не облезет. Вернулся из Серсе: поддали на славу... а тухта тут как тут. Ну и ладно, лучше отбарабанить свое с похмелья, чем время терять. На что еще тухта годится?

— Тебе везет. Мне завтра ишачить. Полы мыть или подшипники смазывать.

— На прошлой неделе мне выпал обувной агрегат. Даже забавно — когда поймешь, когда на какие рычаги нажимать. Где-то что-то, конечно, закоротило, когда полсмены уже прошло. Башмаки полезли с такими, понимаешь, длиннющими носищами, загнутыми в стороны. Я их не браковал — того и гляди, косолапость войдет в моду, и я прославлюсь. Представляешь?

— Раскатал губу! Кому охота позориться в копытах с носками на сторону?

— Кому-то придется: все берут, что дают. Башмаки в коробочках, на коробочках ярлычки с номерочками, кому какой номерочек попадетс...

Выглянув из-за плеча Джантиффа, толстяк возмутился:

— Нельзя ли пошевелиться, господа? Нам всем давно пора перекусить и отдохнуть.

Чиновники смерили приезжего одинаковыми взглядами, выражавшими полное, искреннее непонимание. Желтоволосая повесила сумочку на плечо:

— Пойду спать. То есть — спать. На «переспать» сил не осталось, представляешь?

— Ох, не говори... Ну что, пора тухтеть. Кто не тухтит, тот не ест всячину, — круглолицый юноша подошел к окошку, брезгливо приподнял с прилавка бумаги Джантиффа. — Посмотрим... Прежде всего давай разрешение на въезд. Зеленую карточку.

— У меня нет зеленой карточки.

— Нет зеленой карточки? Ну, приятель... Что тебе сказать? Позаботься завести себе зеленую карточку. Это нетрудно — даже я знаю, как это делается. Вернись на звездолет, найди старшего стюарда. Он шнуром все устроит.

— Белый талон теперь заменяет зеленую карточку.

— Неужели? Опять все шиворот-навыворот? Ну тогда ладно. Что еще, что еще? Голубая анкета... Да ну ее, не хочу связываться! А то мы тут оба помрем со скуки. Понятное дело, тебя нужно прописать по месту жительства. Уже приметил себе общагу?

— Еще нет. Вы не могли бы что-нибудь порекомендовать?

— А что тут рекомендовать? Я из унцибальских — значит, лучше Унцибала города нет. Вот неплохое место, — юноша вручил Джантиффу круглый жетон. — Блок 17–882. Покажи жетон дежурному по этажу. — Высоко подняв печать, он торжественно, со стуком проштамповал талон Джантиффа:

— Вот и все, приятель! Желаю тебе неутомимости в постели, свежей всячины и удачного жребия в тухте!

— Спасибо. Могу ли я переночевать в гостинице? Или придется ночью искать блок... как его там?

— Ночуй в «Приюте путешественника», сколько влезет — пока не кончатся озолы.¹ Полотно сегодня мокрое, скользкое. Не зная дороги, на твоём месте я не стал бы шарахаться впотьмах.

«Приют путешественника», — ветхое массивное здание с дюжиной флигелей и пристроек, находился прямо напротив выхода из космического вокзала. Оказавшись в вестибюле, Джантифф подошел к конторке и попросил сдать ему комнату. Портье протянул ключ:

— Семь озолей.

Джантифф отшатнулся, не веря своим ушам:

— Семь озолей? За одну ночь в одной комнате с одной кроватью?

— Так точно.

Джантифф неохотно уплатил требуемую сумму. Но когда он увидел комнату, его негодованию уже не было предела: во Фрайнесе такой номер считался бы «помещением с минимальными удобствами» и обошелся бы не больше озолы за ночь.

Спустившись в кафетерий, Джантифф занял место за эмалированной бетонной стойкой. Разносчик поставил на стойку поднос с пластиковой крышкой.

— Не спешите, — удержал его Джантифф. — Я хотел бы взглянуть на меню.

— Никаких меню. Всячина со смолочком — и глоток студеля вдогонку, червячка замочить. Мы все едим одно и то же.

Джантифф снял крышку и обнаружил на подносе с выдавленными отделениями четыре брикета из спекшегося коричневого теста, кувшинчик с белой жидкостью и маленькую миску желтоватого желе. Джантифф осторожно попробовал «всячину» — она отличалась довольно приятным, хотя и неопределенным вкусом. Сладковато-кислое «смолочно» имело слегка вяжущее действие, а «студель» напоминал разбавленный заварной крем.

Как только Джантифф покончил с едой, разносчик всучил ему квитанцию:

— Оплата наличными в вестибюле.

Джантифф с недоверием смотрел на квитанцию:

— Два озолы? Грабеж среди бела дня!

— Грабеж среди бела дня начнется, когда взойдет солнце, — хладнокровно поправил его разносчик. — Но в «Приюте путешественника» плата взимается независимо от времени суток.

Все постояльцы, мужчины и женщины, мылись в одной и той же полутемной душевой — здесь равноправие решительно возобладало над стеснительностью. Джантифф смущенно воспользовался столь же коллективно-равноправным туалетом, живо представляя себе, что сказала бы его мать, увидев такое безобразие, и поспешно ретировался к себе в комнату.

Ночи на Висте короткие — когда Джантифф поднялся с постели, Двон уже поднимался к зениту. Едва проснувшийся художник напряженно вглядывался в панораму незнакомого города, изучая игру света на гранях многоквартирных блоков и бегущих магистральных. Каждое типовое общежитие отличалось цветом от соседних, и — возможно потому, что Джантифф этого хотел и ожидал — оттенки действительно казались удивительно богатыми и чистыми, как поверхности только что вымытых предметов, выставленных сушиться на солнце.

¹ Озол: денежная единица, примерно эквивалентная ойкуменическому СЕРСу, т. е. соответствующая стоимости неквалифицированного труда одного взрослого человека в стандартных условиях на протяжении одного часа.

Одевшись, Джантифф спустился в вестибюль и спросил у портье, как проехать к блоку 17–882. Не позволяя себе даже думать о завтраке стоимостью в два озоля, он вступил на обширное «полотно» — заполненную толпящимися аррабинами сплошную светло-серую поверхность, медленно скользящую вдоль обочины, ускоряющуюся с каждым шагом в поперечном направлении и стремительно несущуюся в центральной части.

Лучезарное сияние Двона озаряло городской пейзаж по обеим сторонам магистрали — Джантифф смотрел, как зачарованный, настроение у него заметно исправилось.

Текущая магистраль плавно изгибалась к западу — справа и слева, сходясь в дымчатой перспективе, к горизонту маршировали вереницы одинаковых блоков. В человеческие реки один за другим вливались боковые притоки. Раньше Джантифф и представить себе не мог столь чудовищные скопления людей: фантастическое зрелище само по себе! Унцибал — одно из чудес населенной человеком части Галактики! Впереди, ныряя под полотно, струилась перпендикулярная человеческая река — пара бульваров, скользивших вместе с деревьями в противоположные стороны. Проезжая над бульварами, Джантифф успел заметить бесчисленные, несущиеся с обеих сторон ряды мужчин и женщин с безмятежно застывшими лицами.

Скользящее полотно повернуло и слилось с другой, еще более широкой магистралью. Джантифф начал следить за висевшими над дорогой знаками, предупреждавшими об отводах. Вовремя перейдя с отвода на медленно текущую параллельную местную линию, вскоре он сошел с нее у блекло-розового двадцатитрехэтажного здания, занимавшего квадратный участок со стороной не меньше шестидесяти метров: это и был блок 17–882, место временной прописки Джантиффа Рэйвенска.

Джантифф задержался — осмотреть фасад. Из-под верхнего слоя краски, местами облупившегося, выглядывали грязно-розовые, лиловатые и розовато-белесые пятна, придававшие строению бесшабашный, непоседливый характер — по сравнению с соседним общежитием, выкрашенным в безукоризненно-надменный темноголубой цвет. Джантиффу обжитая общарпанность пришлась по душе, он поздравил себя с удачной пропиской. Как и во всех остальных общежитиях, в наружных стенах блока 17–882 не было никаких окон или проемов, за исключением общего входа. Вдоль парапета, окружавшего крышу, зеленела листва висячего сада. Под глубокой аркой входа непрерывно сновали входящие и выходящие жильцы — мужчины, женщины, а иногда и дети, все поголовно в карнавально-веселеньких нарядах, слегка раздражавших Джантиффа кричащими сочетаниями цветов. Лица их тоже неизменно выражали веселье — они смеялись и болтали, передвигаясь нарочито бодрой, пружинистой походкой. Заразительная безоблачность настроения окружающих передавалась Джантиффу, его опасения стали рассеиваться.

Джантифф прошел в вестибюль, приблизился к конторке и вручил свой вид на жительство регистратору — пухлому коротышке с рыжеватой шевелюрой, взбитой над ушами, а на темени завитой хитроумными локонами. Жизнерадостное круглое лицо коротышки тут же сменилось капризно-недовольным выражением:

— Чтоб меня пронесло! Еще иммигрант на мою голову?

— Я не иммигрант, — с достоинством отвечал Джантифф. — Всего лишь временный постоялец.

— Какая разница? Куда ни кинь, лишняя капля в море, а море выходит из берегов! Основал бы эгалистическое общество на своей планете, и всех делов.

Джантифф вежливо возразил:

— У нас на Заке идеи равноправия не пользуются достаточной популярностью.

— Ни у вас на Заке, ни во всей вшивой Вселенной, набитой элитарными предрассудками! А мы не можем бесконечно угождать каждому бездельнику. И так уже машины на соп-

лях держатся. Протокваша кончится, полотна останятся — что тогда? Все с голоду подохнем, вот что!

У Джантиффа слегка отвисла челюсть:

— Не может быть, чтобы иммигрантов было так много!

— А ты что думал? Тыща в неделю!

— Но не все же остаются? Кто-то уезжает?

— Уезжать-то уезжают, да не все — человек шестьсот в неделю. Ну, семьсот, в лучшем случае. Сколько ни вычитай, машин больше не станет.

Регистратор протянул ключ:

— Правила объяснит сожительница, и столовку покажет. Расписание тухты получишь после обеда.

Джантифф с сомнением вертел ключ в руках:

— Если есть свободная отдельная квартира, я предпочел бы...

— Тебе и дали отдельную, — пожал плечами коротышка. — Только в ней две койки. Подожди, понаедет еще миллиард таких, как ты, гамаки будем развешивать. 19-й этаж, квартира Д-18. Я позвоню, предупрежу, что ты вселяешься.

Лифт вознес Джантиффа на девятнадцатый этаж. Там он отыскал коридор «Д», остановился у квартиры 18 и уже приподнял руку, чтобы постучать, но в конце концов решил, что у него было право заходить, когда ему вздумается. Руководствуясь этим соображением, он приложил ключ к пластинке замка — дверь сдвинулась в сторону. Джантифф зашел в небольшую гостиную с парой низких диванов, столом, стеллажом и встроенным в стену экраном. Под ним был жесткий бежевый ковер с черным узором, с потолка свисали не меньше дюжины шаров, изготовленных из проволоки и цветной бумаги. На одном из диванов сидели мужчина и женщина, оба значительно старше Джантиффа.

Джантифф сделал шаг вперед, ощущая некоторую неловкость:

— Меня зовут Джантифф Рэйвенсрок. Меня здесь прописали.

Сидевшие приветливо улыбнулись и одновременно, как по команде, вскочили на ноги. (Впоследствии, размышляя о своих приключениях в Унцибале, Джантифф не переставал удивляться тщательно отработанному этикету, позволявшему арабинам худо-бедно справляться с теснотой и перенаселением.)

Мужчина, высокий и стройный, с правильным тонким носом и жгучими глазами, не отставал от моды — его блестящие черные волосы были взбиты пучками над ушами, на лоб ниспадали витые локоны. Он казался общительнее и прямодушнее своей подруги. По меньшей мере, он приветствовал нового жильца энергично-дружеским взмахом руки, ничем не напоминаям раздраженное брюзжание регистратора:

— Джантифф! Добро пожаловать в Аррабус! Тебе досталась прекрасная квартира в знаменитой Розовой ночлежке!

— Очень рад, благодарю вас, — кивнул Джантифф. Подруга такого умного, жизнерадостного человека не могла быть слишком неприятной напарницей. Опасения, снова начинавшие тревожить Джантиффа, улеглись.

— Позволь представить тебе чудесную, очаровательную — и в высшей степени талантливую — Скорлетту. Меня зовут Эстебан.

Скорлетта говорила быстро, сбивчиво, низким грудным голосом:

— По-моему, ты не крикун и не слишком неряшлив. Как-нибудь уживемся. Но будь так добр, не свисти в квартире, не спрашивай лишний раз, чем я занимаюсь. И сдерживай отрывку. Не терплю соседей с отрывкой.

Джантифф подавил вспышку гнева. К такому приему он не готовился. С трудом подыскивая слова, он пробормотал:

— Будьте уверены, я не забуду о ваших предпочтениях. — Краем глаза он наблюдал за Скорлеттой. «Замкнутая женщина, — думал он, — пожалуй, чем-то подавленная». Широкое бледное лицо Скорлетты особыми приметами не отличалось — впечатляли только глаза, горевшие из-под пушистых черных бровей. Ее кудри, слегка припущенные над ушами, возвышались упрямой округлой копной — крепковатая, вовсе не уродливая женщина, при желании, наверное, умевшая быть привлекательной. Тем не менее, Джантифф охотнее разделит бы жилье с Эстебаном. Он сказал:

— Надеюсь, я не причиню лишних неудобств.

— Надо полагать. На вид ты вроде смирный. Эстебан, притащи три кружки из столовки — клюкнем по маленькой, раз такое дело. Пойло¹ найдется. Джантифф, значит. Догадался захватить сверточек жрачки?

— Увы! — развел руками Джантифф. — Мне это и в голову не пришло.

Эстебан отправился за кружками. Тем временем Скорлетта пошарила под стеллажом и вытащила бидон:

— Не подумай, что это запахло². От одного бидона Аррабус не обеднеет — куда дальше беднеть-то! Так у тебя точно никакой жранины нет — может, найдется, если поищешь?

— Ничего нет — одна сумка с вещами.

— Жаль! От пойла без закуси с души воротит. Эх, соленых бы огурчиков! Перченой колбаски! Ладно, пойдем, покажу твою койку.

Джантифф последовал за сожительницей в небольшую квадратную комнату с двумя стенными шкафами для одежды, двумя сундучками, столом (заваленным мелочами, принадлежавшими Скорлетте) и двумя койками, разделенными тонкой пластиковой шторой. Скорлетта сгребла безделушки и рукоделье в кучу на краю стола, ткнула большим пальцем в освободившееся пространство:

— Твоя половина. — Большой палец поднялся и повернулся в сторону:

— Твоя койка. Пока я на тухте, развлекайся с подружками сколько влезет — а пока тебя нет, квартира в моем распоряжении. Все устроится, если мы не будем тухтеть в одну смену, что редко случается.

— Да-да, понятно, — бормотал Джантифф.

Вернулся Эстебан с тремя синими стеклянными кружками. Скорлетта их торжественно наполнила.

— За столетие! — провозгласила она звенящим голосом. — Коннатиг заплатит свой долг!

Джантифф влил в себя мутную жидкость и едва сдержал гримасу отвращения — пойло отдавало мышами и пропотевшим старым матрасом.

— Хорошо пошло! — одобрительно отозвался Эстебан. — Пойло что надо! И тост у тебя что надо!

— Крепкий напиток, — согласился Джантифф. — А когда наступит столетие?

— Скоро. Остались считанные месяцы. Праздник будет хоть куда! Бесплатные игры, танцы на полотне, пойло потечет рекой! Я уж не забуду наварить про запас. Эстебан, ты где-нибудь присмотришь дюжину бидонов?

¹ Пойло: скорее крепкое пиво, нежели самогон. Скрытно, но повсеместно готовится аррабинами из объедков всячины и промышленной глюкозы (иногда с добавлением стручков смолыницы, вырабатываемой на крышах).

² Запахло: не по-товарищески, в ущерб другим. В основе поведения аррабинов лежит общее представление о «товариществе», т.е. о справедливом распределении благ, воспринимаемое не как абстрактный принцип или традиция, но как практически целесообразное стремление к взаимопомощи.

— Дорогуша, я тухтел на витаминке один-единственный раз — и расчетчик стоял над душой, следил за каждым шагом. Едва уволок пару посудин.

— Значит, поила не будет.

— А пластиковые мешки не подойдут? — предложил Джантифф. — В конце концов — была бы емкость, пойло хуже не станет.

Эстебан мрачно покачал головой:

— Уже пробовали. Арабинские мешки текут — все текут.

Скорлетта размышляла вслух:

— У Сарпа завалился бидон без дела — старому бездельнику лень даже пойло варить. Надо сблатовать Кедиду, пускай свистнет. Так, значит три бидона есть. А всячина откуда возьмется?

Эстебан вздохнул:

— Придется недоедать.

— Я тоже буду оставлять, — вызвался Джантифф, — если нужно.

Скорлетта подарила ему одобряющий взгляд:

— Другой разговор! Кто сказал, что иммигранты — прилипалы-кровососы? Только не Джантифф!

Эстебан задумчиво опустил веки:

— Знаю я одного умельца в Лиловом улье... так он примостился отливать протоквашу прямо из кормопровода — отменное получается пойло, прямо-таки забирает! Я мог бы приобщить к делу ведро-другое сырой протокваши, стоит попробовать.

— Что такое протокваша? — поинтересовался Джантифф.

— Сырье общепита, пульпа. Ее гонят по трубам с центрального кормозавода. В кухонном сепараторе происходит ее чудесное превращение во всячину, смолочно и студель. Не вижу, почему из протокваши нельзя было бы варить добротное пойло.

Скорлетта тщательно отмерила каждому еще по полкружки:

— Ну что ж, опять же... За Фестиваль! Пусть Коннатиг заставит лодырей, норовящих сесть нам на шею, заранее отправлять в Унцибал контейнеры с солеными огурчиками и перчеными колбасками!

— А пропунцеры пускай грызут прошлогоднюю всячину...

— ... и скармливают объедки Коннатигу! Он у нас равнее всех равных.

— Ему-то подадут жранину по спецзаказу из «Приюта», не беспокойся!

Джантифф спросил:

— Коннатиг приедет на Фестиваль?

Скорлетта пожала плечами:

— Шептуны едут в Люсц, его пригласят. Кто знает?

— Не приедет он, — отрезал Эстебан. — Думаешь, Коннатиг не понимает, что в подда-той толпе, орущей «Да здравствует эгализм!» и «Скоплению — равенство!», он будет выглядеть последним дураком?

— Ага, и частушки: «Наш Коннатиг пошабашит, похлебавши протокваши...»

— Вот именно. Что на это можно сказать?

— Ну, что-нибудь... Например: «Мои дорогие подданные! Весьма разочарован тем, что вдоль всей Унцибальской магистрали не расстелили красные бархатные ковры — у меня разболелись любимые мозоли. Хотя за пределами Аррабуса об этом почти никто не подозревает, здесь я могу откровенно признаться: я — блюдолиз.¹ Ну-ка, набейте мне полный трюм звездолета вашей самой лучшей жрачкой!»

¹ Блюдолиз: эпитет, на Висте потерявший традиционное значение и применяемый в отношении арабинов, страдающих особым местным пороком, связанным с употреблением пищи.

Не осмеливаясь ни смеяться, ни возмущаться, Джантифф растерянно возразил:

— Что вы, в самом деле! Коннатиг ведет самый умеренный образ жизни.

Скорлетта презрительно усмехнулась:

— Льстивая пропаганда министерства аплодисментов и оваций! Никто на самом деле не знает, как живет Коннатиг.

Эстебан допил все, что осталось в синей кружке, и расчетливо прищурился, разглядывая бидон:

— Общеизвестно, что Коннатиг частенько исчезает из Люсца. Говорят — разумеется, это слухи, но дыма без огня не бывает — что как раз во время этих «каникул» Боско Босковитц¹ развлекается грабежами и пытками. Слышал, что совпадение этих событий по времени точно установлено, даже сомнений никаких нет.

— Любопытно! — отозвалась Скорлетта. — Кажется, Боско Босковитц содержит на какой-то вымершей планете тайный дворец с прислугой из отборных красавчиков-детей обоого пола, вынужденных потакать каждой его прихоти?

— Так точно! И не странно ли — Покров никогда ни в чем не мешает Босковитцу!

— Странно? Мягко сказано. Вот почему и я говорю: Скоплению — равноправие!

Джантифф с отвращением выпалил:

— Не верю ни одному слову!

Скорлетта только рассмеялась своим мрачным смехом:

— Ты молод и наивен.

— Не мне судить.

— Неважно, — Скорлетта заглянула в бидон. — Почему бы нам не закончить то, что мы так славно начали?

— Превосходная мысль! — поддержал ее Эстебан. — На доньшке — самая крепкая брага.

Скорлетта подняла голову, прислушалась:

— Не успеем. Звонят — пошли в столовку. Потом проедемся, покажем город новичку — как по-вашему?

— Всегда рад прогуляться! После дождя посвежело. Как насчет Танзели? Ее можно захватить по пути.

— Само собой. Бедняжка, я ее не видела уже несколько дней! Сейчас же позвоню. — Скорлетта подошла к экрану и принялась нажимать кнопки, но безуспешно:

— Опять не работает! Дурацкое изобретение! Два раза уже ремонтировали.

Джантифф подошел к экрану, тоже понажимал кнопки, послушал. Потянув за кольцо защелки, он опустил откидывающийся на петлях экран, наклонился над ним.

Скорлетта и Эстебан стояли у него за спиной и неприязненно разглядывали внутренности экрана:

— Ты в этом разбираешься?

— Не очень. В начальной школе нас учили собирать элементарные схемы, потом я этим мало интересовался. И все-таки... Это простейшее оборудование, все компоненты сменные, каждый с индикатором отказа... Гм. Кажется, все в порядке. Ага! Кто-то вставил фильтр в гнездо блокировки — зачем, непонятно. Вот, теперь попробуйте.

Экран засветился. Скорлетта с горечью заметила:

— А недоумок, тухтевший техником, два часа кряду читал руководство и все равно ни в чем не разобрался.

¹ Боско Босковитц: знаменитый старменер, почти легендарный персонаж, виновник множества извращенных, жесточайших преступлений. См. также Глоссарий, п. 3

— Не суди других слишком строго, — повел плечом Эстебан. — Он не виноват, что ему выпало ишачить. Любой мог бы оказаться на его месте.

Набирая номер, Скорлетта что-то недовольно мычала себе под нос. Когда на экране появилось женское лицо, Скорлетта буркнула:

— Позовите Танзель, пожалуйста.

Лицо воспитательницы сменилось физиономией девочки лет девяти-десяти:

— Здрасьте-здрасьте, папа-мама!

— Мы заедем через часок — пойдем прогуляемся, развеемся. Тебе сегодня ничего не нужно делать?

— А что тут делать? Я подожду у входа.

— Ну и ладно. Примерно через час.

Все трое собрались уже уходить, но Джантифф остановился:

— Положу сумку в стенной шкаф. Чтобы с самого начала все было на своем месте.

Эстебан хлопнул Джантиффа по плечу:

— Эй, Скорлетта! Твоему напарнику цены нет!

— Я же сказала — как-нибудь уживемся.

Пока они шли по коридору, Джантифф спросил:

— А что случилось с вашим прежним сожителем?

— С сожительницей. Понятия не имею. В один прекрасный день ушла и не вернулась.

— Удивительно!

— Надо полагать. Чужая душа — потемки. А вот и столовка.

Они зашли в просторный длинный зал с рядами столов и скамей, уже заполненный галдящими жильцами 19-го этажа. Дежурный пробил номера их квартир в регистрационной карточке. Получив подносы с крышками из окна раздаточного устройства, трое уселись за стол и сняли крышки — каждый поднос содержал те же три блюда, что Джантиффу намеревались подать в «Приюте путешественника». Даже порции были того же размера.

Скорлетта отложила брикет всячины:

— Пора собирать на следующую выпивку.

Скорчив насмешливую гримасу сожаления, Эстебан сделал то же самое:

— На пойло не жалко!

— А вот и мой вклад! — сказал Джантифф. — Возьмите, я настаиваю.

Скорлетта забрала три брикета:

— Пойду, спрячу. Будем считать, что мы их съели.

Эстебан вскочил:

— Превосходная идея! Давай, я отнесу, мне нетрудно.

— Не говори глупостей, — огрызнулась Скорлетта. — Здесь всего два шага.

Эстебан смеялся:

— Смотри, какая прямая! Ну, пошли вместе.

Озадаченный Джантифф переводил взгляд с одной на другого:

— У вас так принято? В таком случае я тоже пойду.

Эстебан вздохнул, покачал головой:

— Конечно, нет. Скорлетта дурью мается... Не будем возвращаться, и все.

Скорлетта пожала плечами:

— Как хочешь.

Джантифф примирительно сказал:

— Пусть всячина полежит здесь, мы ее не тронем — ведь вы не слишком голодны? А по пути на улицу занесем ее в квартиру.

— Конечно, — согласился Эстебан. — Самое справедливое решение.

Внезапные услужливость и уступчивость Эстебана показались Джантиффу чрезмерными.

— Заткнитесь и ешьте! — приказала Скорлетта.

Они обедали молча. Джантифф с интересом наблюдал за другими жильцами. Никто не скрытничал, никто не пытался не попадаться на глаза — каждый, по-видимому, был хорошо знаком с остальными. Аррабины весело перекликались из конца в конец столовки, обмениваясь приветствиями, шутками, намеками на какие-то вечеринки и представления, насмешками над общими знакомыми. Стройная девушка с тонкими золотисто-медовыми волосами задержалась около Скорлетты и что-то прошептала той на ухо, украдкой бросив многозначительный взгляд на Джантиффа. Скорлетта мрачно расхохоталась:

— Не валяй дурака! Ишь, чего выдумала!

Девушка присоединилась к друзьям за соседним столом. Ее грациозно-округлые формы, миловидная физиономия и нахальная непосредственность вызвали у Джантиффа укол щемящего влечения, но он не решился что-нибудь сказать.

Скорлетта не преминула заметить направление его взгляда:

— Это Кедида. Старый пердун напротив — Сарп, ее сожитель. Он десять раз на дню норовит затащить ее в постель, что не очень-то удобно. В конце концов, сожителей мы не выбираем, а любовников высматриваем сами, что не одно и то же. Она мне предложила обменять тебя на Сарпа, но я об этом и слышать не хочу. Когда у меня подходящее настроение, Эстебан всегда под рукой — хотя в последнее время не так часто, как хотелось бы.

Джантифф, подбиравший ложкой ускользавшие кусочки студеля, предпочел никак не комментировать полученное сообщение.

Покинув трапезную, все трое вернулись в квартиру Д-18. Скорлетта спрятала три брикета всячины и повернулась к Джантиффу:

— Ну что, пошли?

— Я все думаю — брать с собой камеру или нет? Моя родня просила присылать побольше фотографий.

— Не в этот раз, — посоветовал Эстебан. — погоди, пока не разберешься, что к чему. Когда узнаешь, откуда и что снимать, получатся потрясающие снимки! Кроме того, ты еще не научился иметь дело со свистом.

— Со свистом? Это как понимать?

— С воровством, проще говоря. В Аррабусе свистунов видимо-невидимо. Разве тебе не говорили?

Джантифф покачал головой:

— Не совсем понимаю, зачем у кого-то что-то тащить в условиях полного равенства?

Эстебан расхохотался:

— Экспроприация — основа эгализма! Не свистнешь — не сравняешься. Когда всё, что плохо лежит, мигом исчезает, накопление материальных благ в одних руках становится невозможным. В Аррабусе мы делимся всем, что у нас есть — со всеми и поровну.

— Не вижу здесь никакой логики, — пожаловался Джантифф, но Эстебан и Скорлетта не проявили стремления к дальнейшему обсуждению социальных парадоксов.

Они взошли на скользкое полотно и проехали примерно километр до районного детского дома, где их поджидала Танзель — непоседливая худенькая девочка с приятным лицом, широкими скулами явно напоминавшая Скорлетту, а тонким носом — Эстебана, но отличавшаяся от обоих долгим задумчиво-проницательным взглядом. Родителей она приветствовала радостно, хотя и без особого проявления чувств, а Джантиффа подвергла неприкрытому изучению с головы до ног. Через некоторое время она вынесла заключение:

— Ты такой же, как все!

— А каким ты меня представляла? — поинтересовался Джантифф.
— Людоедом-эксплуататором. Или жертвой людоедов-эксплуататоров.
— Забавно! Никогда не встречал на Заке никого, кто хотел бы выглядеть эксплуататором или жертвой. У нас даже людоедов нет.

— Тогда зачем ты приехал в Аррабус?

— Трудный вопрос, — серьезно ответил Джантифф. — Не уверен, что могу на него ответить. Дома... меня все время что-то беспокоило, я все время что-то искал, чего не мог найти. Нужно было уехать, привести мысли в порядок.

Родители Танзели прислушивались к беседе отстраненно и чуть насмешливо. Эстебан спросил, подчеркнуто непринужденно:

— И что же, тебе удалось привести мысли в порядок?

— Не знаю. В сущности, я хотел бы создать нечто замечательное и прекрасное, и в то же время безошибочно говорящее обо мне... Хочу выразить тайны бытия. Я не надеюсь их постигнуть, прошу заметить. Даже если я мог бы их постигнуть, то не стал бы их разъяснять... Хочу увидеть тайные, чудесные измерения жизни и сделать их явными для тех, кто стремится их разглядеть — и даже для тех, кто не стремится... Боюсь, я выражаюсь недостаточно ясно.

Скорлетта холодно отозвалась:

— Выражаешься ты достаточно ясно, но зачем все это нужно — вот что непонятно.

Танзель слушала, сдвинув брови:

— Кажется, я понимаю, о чем он говорит. Не всё, конечно. Я тоже думаю про тайны жизни. Например, почему я — это я, а не кто-то другой?

Скорлетта оборвала ее:

— Будешь много думать — скоро состаришься!

Эстебан говорил с дочерью серьезнее:

— Танзель, не забывай, что Джантифф — не такой, как мы с тобой, не эгалист. Напротив — он хочет создать нечто выдающееся, то есть индивидуалистическое.

— Можно сказать и так, — Джантифф уже пожалел, что стал распространяться о своих намерениях. — Но точнее можно было бы выразиться иначе: я появился на свет с определенными способностями. Если я не пользуюсь этими способностями — нет, если я не делаю все, на что способен! — значит, я обкрадываю себя, веду недостойную жизнь.

— Ммм... — глубокомысленно промычала Танзель. — Если все будут так думать, никто никому покоя не даст.

Джантифф смущенно рассмеялся:

— Не бойся — таких, как я, достаточно мало.

Танзель повела плечами, демонстрируя хмурое безразличие, и Джантифф охотно прекратил затянувшийся разговор. Уже через пару секунд настроение девочки изменилось — она тянула Джантиффа за рукав и показывала вперед:

— Смотри, Унцибальская магистраль! Страшно люблю стоять на мосту и глядеть вниз! Пойдем, пойдем, ну пожалуйста! Там есть площадка!

Танзель вприпрыжку побежала на смотровую площадку. Взрослые не спеша последовали за ней и встали, облокотившись на перила, над могучей человеческой рекой — парой скользящих в противоположных направлениях полотен, шириной метров тридцать каждое, плотно набитых аррабинами. Танзель возбужденно обернулась к Джантиффу:

— Если тут стоять очень-очень долго, можно встретить всех людей, какие есть во Вселенной!

— Не преувеличивай! — обронила Скорлетта. По-видимому, она не одобряла фантазии дочери.

Под ними проносились, угрожающе быстро приближаясь и исчезая под мостом, неподвижные арабины, люди всех возрастов с безмятежно-расслабленными лицами — такими, будто каждый прогуливался в одиночку, погруженный в размышления. Время от времени то одно, то другое лицо поднимало глаза к площадке, где стояли зеваки, но, как правило, стремнина голов мчалась, ни на что не обращая внимания.

Эстебан проявлял признаки нетерпения. Хлопнув ладонями по перилам, он выпрямился и многозначительно взглянул на небо:

— Пожалуй, пойду. Меня ждет Эстер — мы договорились.

Скорлетта блеснула черными глазами:

— Некуда тебе торопиться.

— И все-таки...

— Какой дорогой ты отправишься?

— Какой? По магистрали, как еще?

— Ну и поедем вместе, сойдешь у общаги Эстер. Насколько я помню, она живет в районе Тессеракта.

С достоинством сдерживая раздражение, Эстебан коротко кивнул:

— В таком случае пора идти.

Спустившись по дугообразному переходу к широкой платформе-обочине, они вступили на полотно и смешались с толпой, несущейся на запад. По мере того, как Джантифф протискивался вслед за спутниками ближе к скоростной средней части магистрали, он обнаружил необычный эффект. Оборачиваясь направо, он видел лица, поспешно удалявшиеся вспять и сливавшиеся с отстающей толпой. Повернувшись налево, он замечал шеренги лиц, появлявшиеся словно ниоткуда и стремительно надвигавшиеся. По какой-то непонятной причине одновременное восприятие противоположных ускорений вызывало растерянность, даже испуг. У Джантиффа закружилась голова. Он поднял глаза к плывущим мимо разноцветным многоквартирным блокам — розовым, бежевым, шоколадным, канареечно-желтым, блекло-красным, оранжевым, малиновым, зеленым всевозможных тонов: цвета залежавшегося мха, зеленовато-белесым с прожилками светло-зеленого, трупного сине-зеленого оттенка, зеленовато-черным. Каждый цвет громко заявлял о себе, озаренный яркими лучами Двона.

Джантифф увлекся многообразием оттенков. Окраска блока, несомненно, оказывала символическое влияние на жильцов. Персиковый тон с размытыми водянисто-рыжеватыми пятнами: кто и почему выбрал именно эту краску? Какие правила или традиции при этом соблюдались? Ярко-белый с сиреневым отливом, голубой, ядовито-зеленый — типовые корпуса тянулись к горизонту веером верениц, причем каждый цвет, несомненно, что-то означал, был чем-то дорог тем, кто к нему привык... Танзель тянула его за рукав. Джантифф обернулся и заметил справа фигуру Эстебана, торопливо лавировавшую, уже исчезающую в толпе. Девочка хмуро пояснила:

— Он забыл о важной встрече, а теперь вспомнил и попросил за него извиниться.

Мимо с ловкостью ртутной капли проскользнула багровая от злости Скорлетта:

— Неотложное дело! До скорого! — Она тут же пропала в лабиринте человеческих тел.

Джантифф, оставшийся наедине с девочкой, спросил в полной растерянности:

— Куда они убежали?

— Не знаю. Поехали дальше! Хочу без конца кататься на полотне!

— По-моему, лучше вернуться. Ты знаешь, как проехать к Розовой ночлежке?

— Проще простого! Перейди на магистраль Диссельберга — потом останется чуть-чуть проехать по 112-й латерали.

— Показывай дорогу. На сегодня с меня хватит. Странно, что Эстебан и Скорлетта внезапно решили нас тут оставить!

— Свинство, — согласилась Танзель. — Но я привыкла к свинству... Хорошо. Если хочешь вернуться, сойдем на следующем развороте.

Пока они ехали, Джантифф интересовался жизнью Танзели, с его точки зрения вполне заслуживавшей внимания. Он спросил, в частности, нравится ли ей учиться в школе.

Танзель пожала плечами:

— Если бы я не училась, пришлось бы тухтеть. Так что я хожу на уроки чтения, счета и онтологии. В следующем году нас будут учить динамике общения, это гораздо забавнее. Будут показывать, как драматизировать обыденность общепринятыми выражениями. А ты ходил в школу?

— Ходил, конечно — шестнадцать бесконечных лет!

— И чему ты научился?

— Чему только нас не учили! Всего не припомнишь.

— А потом тебя послали тухтеть?

— Нет, еще нет. Я еще толком не понял, чем хочу заниматься.

— Похоже, на твоей планете эгализм еще не победил.

— Не в такой степени, как у вас. У нас каждый работает гораздо больше, но почти каждому нравится то, что он делает.

— А тебе не нравится.

Джантифф смущенно рассмеялся:

— Я не боюсь тяжелой работы, но еще не представляю себе, как за это взяться. Вот моя сестра, Ферфана, вырезает орнаменты и скульптурные рельефы на причальных сваях. Наверное и я займусь чем-нибудь в этом роде.

Танзель кивнула:

— Как-нибудь мы еще потреплемся. Вот уже детский дом, мне сходить. Розовая ночлежка скоро, с левой стороны. Ну, пока.

Джантифф остался один в толпе. Действительно, вдали показалась обшарпанная Розовая ночлежка — как ни удивительно, ему надлежало теперь считать ее своим домом.

Войдя в общежитие, Джантифф поднялся в лифте на 19-й этаж и быстро прошел по коридору к своей квартире. Отворив раздвижную дверь, он вежливо позвал:

— Это Джантифф! Я вернулся!

Ответа не было — квартира пустовала. Джантифф зашел, задвинул за собой дверь. Некоторое время он стоял посреди гостиной, не зная, чем заняться. До ужина оставалось два часа. Опять всячина, смолочно и студель! Джантифф поморщился. Его внимание привлекли подвешенные к потолку шары из цветной бумаги и проволоки. Он рассмотрел их поближе: зачем эти шары? Маслянистая полупрозрачная зеленая бумага и проволока были явно «свищены» с какого-то предприятия. Возможно, Скорлетта просто хотела украсить квартиру веселыми подвесками. «Если так, — подумал Джантифф, — ее поделки трудно назвать удачными или даже просто аккуратными».¹ Что ж, постольку, поскольку они развлекали Скорлетту, он не собирался совать нос в чужие дела.

Джантифф заглянул в спальню, оценивающе присматриваясь к двум койкам и неубедительно разделявшей их пластиковой шторой. Что сказала бы его мать? Несомненно, ее не порадовала бы такая близость между ее сыном и случайной сожительницей. Что ж, поэтому он и уехал — знакомиться с обычаями других планет. Хотя, по правде говоря, если уж

¹ Впоследствии Джантифф узнал, что многие арабины украшают квартиры причудливыми, иногда даже нелепыми побрякушками, изготовленными из материалов, накопленных за долгие годы и «свищенных» во время тухты, причем прилагают невероятные усилия, чтобы достичь того или иного особого эффекта, и придают своим достижениям несоразмерно большое значение. Жильцов таких квартир, как правило, считают недостаточно сознательными эгалистами и нередко подвергают оскорбительным насмешкам.

близость неизбежна, он предпочел бы делить спальню с молодой женщиной (как ее звали — Кедида?), обратившей на него внимание в столовой.

Джантифф решил распаковать пожитки, подошел к стенному шкафу, где оставил сумку — и застыл. Сердце его упало: кто-то сломал замок на сумке, оставив открытым откидной верх. Джантифф нагнулся, порылся. Немногочисленные предметы одежды никто не тронул, но «парадные» ботинки из дорогого серого лантиля исчезли. Исчезли также все его пигменты и палитра, камера и диктофон, а также дюжина мелочей. Джантифф медленно вернулся в гостиную и опустился на диван.

Уже через несколько минут в квартиру зашла Скорлетта — насколько мог судить Джантифф, в исключительно дурном настроении: черные глаза сверкали, сжатые губы превратились в бескровную черту. Голосом, срывающимся от напряжения, она проговорила:

— Ты здесь давно?

— Пять-десять минут.

— Латераль Киндергоффа перекрыли ремонтники-подрядчики, — пожаловалась Скорлетта. — Пришлось топать полтора километра.

— Пока мы гуляли, кто-то взломал замок на моей сумке и стащил почти все мои вещи.

Услышав эту новость, Скорлетта едва не вышла из себя.

— А чего ты ожидал? — воскликнула она неприятно-резким тоном. — Ты в стране всеобщего равноправия! Почему у тебя должно быть больше, чем у других?

— А почему у вора должно быть больше, чем у меня? — сухо поинтересовался Джантифф. — Теперь это он нарушает принцип равноправия.

— Ты не ребенок. Учись сам справляться со своими проблемами, — подвела итог Скорлетта и промаршировала в спальню.

Через несколько дней Джантифф отправил родным письмо:

«Дорогие мама, папа и сестры!

Я устроился, пожалуй, в самой удивительной стране Скопления — в Аррабусе на планете Вист. Меня прописали в двухкомнатной квартире. Соседка — женщина довольно приятной наружности, убежденная эгалистка. В частности, она не одобряет мой образ мыслей и мои привычки. Но ведет себя прилично и даже кое в чем мне помогает. Ее зовут Скорлетта. Вам может показаться необычным, что меня поселили в одной квартире с незнакомой женщиной, но на самом деле все очень просто. В эгалистическом обществе разнице полов не придают значения. Любой человек считается равным любому другому во всех отношениях. Подчеркивание половых признаков здесь осуждают и называют «сексуализацией». Например, если девушка выгодно демонстрирует преимущества своей фигуры, ее обзывают «сексуалисткой», а ее манеру одеваться считают серьезным проступком.

Квартиры первоначально предназначались для женатых пар или друзей одного пола, не возражающих против совместного проживания, но этот принцип отвергли как «пережиток сексуализма», и теперь людей прописывают случайно, по жребью, хотя нередки последующие обмены по предпочтению.

В Аррабусе приходится расстаться со всеми предрассудками! На первый взгляд многие стороны здешней жизни напоминают привычные представления, но я уже понял, что приезжему нужно постоянно быть начеку. Первое впечатление всегда обманчиво! Задумайтесь над этим. Подумайте о бесчисленных мирах Скопления и Ойкумены, Эрдического сектора, Примархии! Триллионы и триллионы людей, и у каждого неповторимое лицо! В этом есть нечто пугающее.

И все же я чрезвычайно впечатлен Аррабусом. Система работает, никто не хочет изменений. Аррабины кажутся счастливыми и удовлетворенными (по мень-

шей мере никто не стремится к изменениям). Превыше всего они ценят отдых и развлечения, жертвуя личным имуществом, возможностью хорошо поесть и в какой-то степени свободой. Уровень образования здесь очень низкий, никто не специализируется в какой-либо определенной области. Техническое обслуживание и ремонт поручают случайным людям по жребию, а в серьезных случаях — подрядчикам из Потусторонних лесов. (Потусторонние леса — обширные области к югу и к северу от Аррабуса. Там нет государственной власти. Сомневаюсь, чтобы в Потусторонних лесах вообще было какое-нибудь общественное устройство, но я о них почти ничего не знаю.)

Мне еще не удалось сделать ничего существенного, потому что все мои принадлежности украли. Скорлетта считает это нормальным явлением и не понимает, почему я огорчаюсь. Она насмехается над моим «антиэгаллизмом». Ну и ладно. Как я уже упомянул, аррабины — странный народ. По-настоящему их возбуждает только еда — не повседневная «всячина со смолокном», а любые натуральные, дефицитные в Аррабусе продукты питания. В этой связи один мой знакомый, Эстебан, пару раз упомянул о пороках настолько невероятных и отвратительных, что я лучше воздержусь от их описания.

Общежитие, где я живу, называют «Розовой ночлежкой», потому что снаружи здание выкрашено в розовый цвет, хотя краска изрядно облезла. Насколько я знаю, все общежития одинаковы в том, что не касается расцветки, но местные жители приписывают каждому многоквартирному дому индивидуальный характер, один называя «скучным», другой «легкомысленным», третий «кишащим лукавыми свистунами», «местом, где всячина вкуснее», «местом, где можно отравиться», «притоном шутников-садивистов» или «гнездом недобитых сексуалистов». В каждой «общаге» — свои легенды, свои песни, особый жаргон. Считается, что у нас в Розовой ночлежке обитают люди более или менее покладистые, хотя немного нахальные. Ко мне такое определение, конечно, подходит.

Вы спросите: что такое «свистун»? Попросту говоря — вор. Я уже имел несчастье привлечь внимание свистуна, и моя камера пропала, так что я не могу прислать никаких фотографий. К счастью, озоль я всегда носил с собой. Пожалуйста, пришлите мне на обратный адрес новые пигменты, растворитель, помазки и большую пачку матричного картона. Ферфана знает, что мне нужно. Застрахуйте посылку — если она придет обычной почтой, ее могут «экспроприировать».

Пишу через пару дней. Отработал первую смену «тухты» на так называемом «экспортном заводе» и получил «пайку» — по десять «деревянных» (бумажных талонов) за каждый час работы. Недельная пайка после отработки нормы — сто тридцать «деревянных», из которых восемьдесят два я должен сразу заплатить общаге за жилье и питание. Остающиеся талоны не слишком полезны, так как купить на них почти ничего: продаются только одежда и обувь, билеты на стадионы и жареные водоросли в парке аттракционов, Дисджерферакте. Теперь я одеваюсь, как аррабин, чтобы не слишком выделяться. Некоторые лавки в космическом порту торгуют импортными товарами — инструментами, игрушками, экспроприированной у приезжих контрабандной «жраниной» — по ценам, вызывающим оторопь! Все продается по талонам, конечно, а талоны практически ничего не стоят (за один озоль дают что-то вроде пятисот «деревянных»). Абсурдное положение вещей. Хотя, если подумать, не такое уж абсурдное. Кому нужны аррабинские талоны? На них нигде ничего нельзя купить.

И все-таки местный образ жизни, при всех его нелепостях, не так уж плох. Подозреваю, что в любых условиях жизнь заставляет людей находить определенный компромисс между различными свободами. Разумеется, различных свобод столько же, сколько человеческих представлений о свободе, и наличие одной свободы иногда означает отсутствие другой.

В любом случае, мне приходят в голову идеи для картин (можете насмеяться над моей мазней, сколько хотите). Свет здесь просто восхитительный — обманчиво бледный, но будто рассыпающийся всеми цветами спектра по краям и неровностям!

Я мог бы еще многое рассказать, но сохраню часть сведений про запас, чтобы было о чем писать потом. Не прошу вас посылать мне «жрачку» — меня... честно говоря, не знаю, что со мной сделают, если я буду получать продуктовые посылки. Лучшее, наверное, не знать.

Иммигранты и временные постояльцы здесь не в почете, но про меня уже ходят слухи, что я — мастер на все руки, умеющий ремонтировать бытовую аппаратуру. Смех, да и только! Я знаю не больше того, чему учили в школе и дома. Тем не менее, каждый, у кого ломается настенный экран, настаивает, чтобы я его чинил. Иногда приходят совершенно незнакомые субъекты. А когда я делаю такое одолжение, как меня благодарят? На словах благодарят, но при этом у них на лице весьма любопытное выражение — его трудно описать. Презрение? Отвращение? Антипатия? Потому что мне легко дается то, что с их точки зрения — навык, требующий особых способностей и длительного обучения. Сегодня я принял решение: больше не буду оказывать услуги бесплатно. Потребую талоны или отработку часов «тухты». Тогда меня станут больше уважать, хотя за спиной будут по-прежнему ругивать, конечно.

Вот несколько сюжетов для будущих картин:

- многоквартирные блоки Унцибала — пестрота оттенков, в глазах арабинов символизирующих последние остатки индивидуальности жилищ;*
- вид со смотровой площадки на Унцибальскую магистраль — набегающие волны лиц, безмятежных, ничего не выражающих;*
- игры — шункерия, арабинская версия хуссейда¹;*
- Дисджерферакт — вечный карнавал в приморской низине (о нем подробнее напишу позже).*

Еще пара слов о местном варианте хуссейда. Надеюсь, никто из вас не будет слишком шокирован или огорчен. Играть по общепринятым правилам, но шерль проигравшей команды подвергается самому позорному и мучительному обращению. Ее разоблачают и помещают в особую тележку-клетку, оснащенную отвратительным деревянным макетом, автоматически совершающим неестественное надругательство над шерлью по мере того, как игроки проигравшей команды, запряженные в тележку, волочат ее вокруг игрового поля на потеху зрителям и тем самым приводят автомат в действие. Никогда не перестаю удивляться: каким образом находятся девицы, добровольно рискующие оказаться в таком положении? Ведь рано или поздно любая команда проигрывает!

Тем не менее, тщеславие иных представительниц женского пола превозмогает любые доводы разума. Кроме того, встречаются девушки отчаянно храбрые и неизлечимо глупые, а некоторыми, видимо, движет нездоровая, недостаточно изученная способность испытывать наслаждение от публичного унижения.

¹ См. Глоссарий, п..4

Довольно об этом. Кажется, я упомянул, что у меня украли камеру — посему фотографии не прилагаются. По сути дела, не уверен в том, что в Унцибале вообще есть лаборатория или предприятие, где можно было бы распечатать снимки из кристалла памяти.

Дальнейшие новости — в следующем письме.

Целую всех, ваши Джантифф»

Глава 4

Как-то утром Эстебан, временами навещавший Джантиффа, привел приятеля:
— Внимание, Джанти! Перед тобой Олин, парень что надо — несмотря на солидный животик, символизирующий, по его словам, лишь здоровый сон и чистую совесть. Чудесного рога изобилия, ежедневно наполняющего утробу жрачкой, у него, к сожалению, нет.

Джантифф вежливо поздоровался и даже пошутил в том же роде:

— Надеюсь, что отсутствие подобного животика у меня не послужит основанием для подозрений в тайных преступлениях, отягощающих мою совесть.

Гости от души расхохотались. Эстебан продолжал:

— Экран Олина страдает таинственным недугом, а именно плюется дымом и пламенем, принимая самые безобидные сообщения. Естественно, это приводит Олина в отчаяние. Я ему и говорю: не горюй! Моего друга Джантиффа, техника с планеты Зак, всячиной не корми, дай распутать какую-нибудь головоломку!

Джантифф попытался не омрачать безоблачный тон беседы:

— У меня есть идея на этот счет. Допустим, я прочитаю всем желающим лекцию по мелкому ремонту бытовой аппаратуры — много не возьму, скажем, пятьдесят «деревянных с головы. Любой — и ты, и Олин — получит возможность научиться всему, что я знаю. После этого вы сами сможете ремонтировать свою рухлядь и помогать друзьям, поленившимся придти ко мне на лекцию.

Широкая улыбка Олина неуверенно задрожала. Красивые брови Эстебана выразительно взметнулись:

— Дружище! Ты не шутишь?

— Конечно, нет! Это было бы выгодно всем. Я заработаю лишние талоны и больше не стану терять время, оказывая услуги каждому, кто спьяну нажал не на ту кнопку. А вы приобретете полезные навыки.

На какое-то время Эстебан лишился дара речи. Потом, криво усмехаясь, он воззвал к лучшим чувствам:

— Джантифф, простая ты душа! С чего бы я решил приобретать какие-то навыки! Это означало бы предрасположенность к работе. А для цивилизованного человека такая предрасположенность неестественна.

— Готов допустить, что труд как таковой — не заслуга и не самоцель, — согласился Джантифф. — Но почему-то всегда удобнее, когда работает кто-то другой.

— Работа — полезная функция механизмов, — заявил Эстебан. — Пусть машины ломают голову и потеют! Пусть автоматы приобретают навыки! Жизнь — о, наша жизнь! — столь быстротечна. Жаль каждой потерянной минуты!

— Да-да, разумеется, — не спорил Джантифф. — Идеалистический, бессребренический подход. На практике, однако, и ты, и Олин уже потеряли два-три часа, проклиная дымящийся экран, составляя планы и приходя ко мне. Предположим, я соглашусь взглянуть на перегоревший экран. Вы оба вернетесь со мной в квартиру Олина и будете смотреть, как я его чиню. В общей сложности вы потеряете примерно по четыре часа каждый. Итого восемь человеко-часов — не считая времени, потерянного мной! — при том, что Олин мог бы, если бы захотел, справиться с проблемой за десять минут. Неужели не очевидно, что обучение позволяет экономить время?

Эстебан с сомнением качал головой:

— Джантифф, непревзойденный мастер казуистики! Учиться работать значило бы смириться с мировоззрением, противоречащим принципам красивой жизни.¹

— Вынужден согласиться, — глубокомысленно вставил Олин.

— Таким образом, вы готовы вообще не пользоваться экраном — лишь бы не марать руки?

Красноречивые брови Эстебана произвели очередной искусный маневр, на этот раз заняв полувопросительную, полупрезрительную позицию:

— Само собой! Приземленность твоего мышления — дореформенный пережиток. Мог бы заметить также, что предложенные тобой лекции — форма эксплуатации, которая несомненно привлекла бы пристальное внимание товарищей из Службы взаимных расчетов.

— Я не рассматривал свое предложение с этой точки зрения, — кивнул Джантифф. — Откровенно говоря, бесконечные мелкие одолжения, оказываемые людям, презирующим мою способность их оказывать, отнимают у меня слишком много драгоценного времени и наносят ущерб красоте моей жизни. Если Олин отработает за меня следующую смену, я почию его экран.

Олин и Эстебан обменялись насмешливыми взглядами. Не говоря ни слова, оба пожали плечами, повернулись и вышли из квартиры.

С планеты Зак пришла посылка для Джантиффа — пигменты, помазки, картон и материал для подложки. Джантифф тут же занялся воспроизведением впечатлений, занимавших его мысли. Скорлетта украдкой наблюдала, но не высказывала замечаний и не задавала вопросов. Джантиффа ее мнение не интересовало.

Однажды, в столовке, девушка с медовыми волосами, внешностью и повадками заслужившая тайное благорасположение Джантиффа, плюхнулась на скамью прямо напротив него. Губы ее кривились и дрожали, плохо сдерживая веселье, готовое взорваться беспричинным радостным смехом:

— Объясни-ка мне кое-что. Да-да, ты! — она игриво ткнула указательным пальцем в сторону Джантиффа. — Каждый раз, когда я прихожу в столовку, ты без конца на меня пялишься — нос опустишь в миску, а глазички так и бегают! Это почему? Неужели я такая ужасно распрекрасная и обворожительно соблазнительная?

Джантифф смущенно ухмыльнулся:

— Так точно — ужасно распрекрасная и обворожительно соблазнительная!

— Ш-ш! — приложив палец к губам, девушка с наигранным испугом посмотрела по сторонам. — Меня и так считают сексуалисткой. Ты что! Только дай им повод, разорвут на куски!

— Что поделаешь? Не могу от тебя глаз оторвать, вот и все!

¹ Красивая жизнь: неточный перевод арабинского выражения, отражающего общераспространенное представление о неотъемлемом и самоочевидном праве человека на беззаботное существование на всем готовом.

— И все? Смотришь и смотришь и смотришь. Что дальше-то? Впрочем, ты иммигрант.

— Временный постоялец. Надеюсь, моя дерзость не причинила тебе особого беспокойства.

— Ни малейшего. Ты мне сразу приглянулся. Давай переспим, если хочешь. Покажешь новые инопланетные позы. Не сейчас, мне сегодня на халтуру, чтоб она провалилась! В другой раз — если ты не против.

— Я? Нет, конечно... не против, — Джантифф прокашлялся. — Раз пошло такое дело. Если не ошибаюсь, тебя зовут Кедида?

— А ты откуда знаешь?

— Скорлетта сказала.

— А, Скорлетта! — Кедида скорчила гримасу. — Скорлетта меня ненавидит. Говорит, у меня ветер в голове. Она же у нас сознательная, а я — отъявленная сексуалистка. Кому что.

— Ненавидит? За что тебя ненавидеть?

— Как за что? Ну... сама не знаю. Мне нравится дразнить женщин и заигрывать с мужчинами. Я причесываюсь не так, как принято, а как мне нравится. Мне нравится, когда я нравлюсь мужчинам, а на женщин мне плевать.¹

— Не вижу в этом состава преступления.

— Как же! Спроси Скорлетту, она на пальцах объяснит!

— Мнения Скорлетты меня не интересуют. По правде говоря, она производит впечатление истерички, постоянно на грани срыва. Между прочим, меня зовут Джантифф Рэйвенсрок.

— Звучит очень иностранно. Элитарные предрассудки ты, наверное, всосал с молоком матери. Как тебе удастся приспособиться к эгалитарному строю?

— Без особого труда. Хотя некоторые обычаи арабинов все еще приводят меня в замешательство.

— Понятное дело. Мы — сложные люди. Равноправие нужно как-то компенсировать.

— Вероятно. Ты хотела бы посмотреть на другие миры?

— Конечно — если только не придется все время работать, в каком случае предпочитаю оставаться в веселом свинском Аррабусе! У меня полно друзей, мы ходим в клубы и на игры. Меня никогда ничто не огорчает, потому что я думаю только об удовольствиях. Кстати, мы с товарищами собрались пофуражить. Поедешь с нами?

— Пофуражить?

— Отправимся в поход — на дикую природу, за пределы цивилизации! Доедем до южной яйлы, проберемся в Потусторонний лес. Все, что плохо лежит — наше! На этот раз разведем, что делается в долине Паматры. Если повезет, наберем жранины получше. А нет, так все равно позабавимся — это уж как пить дать!

— Я не прочь развлечься, если буду свободен от тухты.

— Поедем в твисдень утром, сразу после завтрака, а вернемся в фырдень вечером — или даже утром в двондень.

¹ Аррабинский диалект плохо поддается переводу. Арабины избегают употребления выражений, конкретно указывающих на мужской или женский пол. Местоимения мужского и женского рода заменяются бесполовыми словосочетаниями или, на худой конец, местоимениями среднего рода. Вместо того, чтобы сказать «мать» или «отец», арабин употребляет термин «биопарент», означающий «одного из родителей», а говоря о брате или сестре, обходится словечком «сиблинг». Когда указание на различие полов необходимо (как это случилось во время беседы Кедида с Джантиффом в столовой), используются местные разговорные модальные частицы, в общепринятом межпланетном языке служащие ругательными наименованиями половых органов, в связи с чем буквальный перевод вышеупомянутой беседы носил бы оскорбительно вульгарный характер, не соответствующий намерениям собеседников.

— Нет проблем! Поедем.

— Ну и ладно. Встретимся здесь. Захвати какой-нибудь плащ — спать придется, скорее всего, под открытым небом. Подожди еще, найдем вкуснятины — оближешься!

Рано утром в твистень Джантифф явился за завтраком, как только открылись двери столовки. По совету Скорлетты он взял рюкзак, содержащий походное одеяло, пляжное полотенце и приобретенный заранее двухдневный запас всячины. О походе Скорлетта отозвалась бесцеремонно, с некоторым злорадством:

— Вымокнете в тумане, исцарапаетесь в кустах, будете шататься всю ночь с высунутыми языками, пока не попадаете от усталости. Хорошо еще, костер разведете — если кто-нибудь догадается спички взять. Впрочем, кто знает? Если забредете поглубже в лес и не напоретесь на западню, может, найдете ягоду-другую или птицу поймаете — жареного попробовать. Куда собрались?

— Кедида говорит, что знает неразведанные уголки в долине Паматры.

— Фф! Что бы она понимала в каких-то уголках! Что она вообще понимает? Вот Эстебан устроит настоящий пикник — объедение! Жрачки на всех хватит, и тебе перепадет.

— Но я уже обещал Кедиде и всей компании...

Скорлетта пожала плечами, фыркнула:

— Вольному воля. Вот, возьми спички — и смотри, не ешь жабыю ягоду! А то в Унцибал не вернешься. Насчет Кедида будь начеку — она еще никогда ни в чем не оказывалась права. Кроме того, говорят, она не подмывается, так что никогда не знаешь, какую дрянь подцепишь от ее вчерашнего дружка.

Джантифф пробормотал нечто нечленораздельное и принялся сосредоточенно смешивать пигменты на палитре. Скорлетта подошла, заглянула ему через плечо:

— Кого это ты нарисовал?

— Это Шептуны — принимают делегацию подрядчиков в Серсе.

Наклонив голову, Скорлетта внимательно присмотрелась:

— Ты никогда не был в Серсе.

— Нет. Я сделал набросок по фотографии из «Концепта» — помните?

— О «Концепте» вспоминают только для того, чтобы узнать, когда и где будут играть в хуссейд, — неодобрительно качая головой, Скорлетта подняла со стола другой набросок, вид на Унцибальскую магистраль. — Лица, лица, лица! Зачем ты их рисуешь, и так старательно? Мне от этих лиц не по себе.

— Посмотрите внимательно, — посоветовал Джантифф. — Никого не узнаете?

Чуть помолчав, Скорлетта сказала:

— Как же! Вот Эстебан! А это я? Ловко у тебя получается!

Она подняла еще один лист:

— А это что? Столовка? И опять лица. Какие-то пустые лица.

Скорлетта снова наклонила голову — теперь она смотрела на Джантиффа:

— Почему ты нас такими рисуешь?

Джантифф торопливо отозвался:

— Аррабины мне кажутся... как бы это выразиться... замкнутыми, что ли.

— Замкнутые — мы? Какая чушь! Мы — пламенные, дерзкие идеалисты! Временами, пожалуй, непостоянные и страстные. Такое про нас можно сказать. Но — замкнутые?

— Вы, несомненно, правы, — согласился Джантифф. — Мне еще не удалось передать эти качества.

Скорлетта повернулась было, чтобы уйти, но прибавила через плечо:

— Ты не мог бы занять немного синей краски? Хочу нарисовать иероглифы на культовых шарах.

Джантифф сперва взглянул вверх, на висящие под потолком поделки из бумаги и проволоки, диаметром сантиметров тридцать каждая, потом на широкую жесткую кисть Скорлетты, и в последнюю очередь — на свою коробочку с синим пигментом, уже наполовину пустую:

— Послушайте, Скорлетта, не требуйте от меня невозможного. Разве нельзя воспользоваться анилиновой краской или чернилами?

Лицо Скорлетты порозовело:

— А где я возьму краску? Или чернила? Я ничего не знаю о таких вещах, их никому просто так не дают, а я никогда не тухтела там, где их можно было бы свистнуть.

Джантифф выбирал слова с предельной осторожностью:

— По-моему, я видел чернила. Их продают с прилавка № 5 в районном хозяйственном магазине. Может быть...

Скорлетта обернулась с резким жестом, одновременно выражавшим отказ и негодование:

— По сто талонов за драхму? Вы, иностранцы, все одинаковы — купаетесь в деньгах, а к нужде относитесь бессердечно! Эксплуататоры!

— Ну, ладно, — вздохнул подавленный Джантифф. — Возьмите пигмент, если нужно. Я обойдусь другим цветом.

Но Скорлетта вихрем отвернулась к зеркалу и принялась примерять какие-то серьги. Джантифф снова вздохнул и продолжал рисовать.

Фуражиры собрались в вестибюле Розовой ночлежки — восемь мужчин и пять женщин. Рюкзак Джантиффа немедленно стал предметом насмешек:

— Эй, куда Джантифф собрался? На Дальний Юг?

— Джантифф, дружище, мы фуражиры, а не переселенцы!

— Джантифф — оптимист! Он захватил мешки, корзины и подносы, чтобы притащить домой побольше жрачки!

— Вот еще! Я тоже притащу — только внутри!

Молодой полный блондин по имени Гаррас спросил:

— Джантифф, открой нам правду без утайки: что ты взвалил на плечи?

Встречая шутки извиняющейся улыбкой, Джантифф ответил:

— По правде говоря, ничего особенного — смену одежды, несколько брикетов всячины, блокнот для набросков и — если хотите знать — рулон туалетной бумаги.

— Старина Джантифф! По меньшей мере откровенности ему не занимать!

— Ну что, пошли? Приспичило человеку тащить туалетную бумагу — пусть тащит...

Смешавшись с толпой на магистрали, тринадцать молодых людей ехали на запад не меньше часа, после чего перешли на латераль, кончавшуюся у южных уступов яйлы.

Вечером предыдущего дня Джантифф изучил карту и теперь пытался опознать ориентиры. Указав на громадный гранитный утес, нависший впереди, он спросил:

— Это Одинокий Свидетель! Правильно?

— Правильно, — подтвердил Творн, самоуверенный юноша со светло-рыжей шевелюрой. — За Свидетелем — Ближнее нагорье. Там, если повезет, можно пожить жраниной. Видишь трещину в яйле? Хебронский провал — там подъем в долину Паматры.

— На Среднем нагорье, по пути к Фрубергу, больше шансов пожить, — возразил угрюмый приятель Творна по имени Юзер. — Пару месяцев тому назад мои знакомые уже обрабатывали долину Паматры вдоль и поперек — и вернулись домой не солоно хлебавши.

— Чепуха! — усмехнулся Творн. — Я отсюда чую аромат спелой квашницы. И не забывай о фрубюргерах — разбойники швыряются камнями!

— Быдло в долине еще паршивее, — заметила Суновера, барышня ростом с Джантиффа, но значительно шире в талии. — Жирные, вонючие паскуды все, как на подбор. Не люблю с ними совокупляться.

— В таком случае удирай! — отозвался Юзер. — Или тебе это не приходило в голову?

— Жрать, совокупляться, удирать! — трагикомически провозгласил Гаррас. — Три побуждения, составляющих существование Суноверы!

Джантифф обратился к Суновере:

— А почему, собственно, вы должны совокупляться или удирать, если вам не хочется?

Суновера досадливо прищелкнула языком и не ответила. Кедида потрепала Джантиффа по щеке:

— И то и другое полезно для души, милый мой, а иногда необходимо во избежание исключительных неудобств.

Джантифф встревожился:

— Я хотел бы знать, что от меня ожидается. Я должен с кем-то совокупляться? Или от кого-то удирать? В каких ситуациях полагается совокупляться или удирать? И где мы возьмем жранину?

— Тайное станет явным во мгновение ока! — скорчил дьявольскую рожу Гаррас.

— Все в свое время, Джантифф, — покровительственно произнес Творн. — Не беспокойся, пока нет никаких причин для беспокойства.

Джантифф пожал плечами и скоро отвлекся, обратив внимание на комплекс грязноватых промышленных зданий — туда, судя по всему, направлялись почти все арабины, ехавшие с ними по латерали. Снизойдя к его расспросам, Гаррас сообщил, что на этом объекте экстрагировались, перерабатывались и расфасовывались гормоны, служившие основным предметом арабинского экспорта.

— Рано или поздно и ты получишь повестку, — заверил Джантиффа Гаррас. — Отвертеться никому не удастся. Строишься и маршируешь на завод, как автомат, ложишься на палету, едешь по конвейеру. Твои железы доят, твою кровь сосут, твою спинномозговую жидкость вытягивают — вообще, делают, что хотят, причем в самых интимных местах. Настанет твой черед, все испытаешь на своей шкуре.

О таком аспекте существования арабинов Джантифф не подозревал. Нахмурившись, он провожал долгим взглядом оставшееся позади скопление приземистых корпусов:

— И сколько времени это занимает?

— Два дня. Еще два-три дня лежишь пластом, постепенно очухиваешься. Так или иначе, что-то же нужно экспортировать, чтобы платить за ремонт? В конце концов два дня — не слишком высокая плата за год равноправия.

Движущееся полотно закончилось у станции, где участники похода взойшли в салон видавшего виды омнибуса. Раскачиваясь и угрожающе кренясь, скрипучий драндулет покатился вверх по дороге между крутыми склонами, поросшими голубым шиполохом и черными дендронами с ветвями, усыпанными ярко-алыми округлыми стручками, полными ядовитых семян.

Через час переваливающийся с боку на бок двухэтажный автобус поднялся на яйлу по Хебронскому провалу и остановился.

— Приехали, выходим! — закричал Творн. — Теперь потопаем на своих двоих, как древние первопроходцы!

Все гурьбой направились по широкой, полого спускавшейся тропе через редкую рощу тонкоствольных киркашей, источавших сильный сладковатый аромат смолы. Впереди раскинулась долина Паматры, а за ней, на самом горизонте, виднелся дымчатый, чуть волнистый ковер Потустороннего леса.

Гаррас обернулся на ходу:

— Джантифф, не отставай! Что ты придумал?

— Хочу сделать набросок дерева. Смотри — ветви, как руки танцующей менады!

Обернулся и Творн:

— На каракули нет времени! Идти еще километров восемь, а то и в два раза больше. Джантифф неохотно опустил блокнот в рюкзак и догнал спутников.

Широкая тропа вела на пойменный луг и разделялась на шесть узких троп, удалявшихся направо и налево под разными углами. Здесь им повстречалась другая группа фуражиров.

— Привет! Вы откуда? — закричал Юзер.

— Сорвиголовы из Шмельвилля в двадцать втором квартале.

— О, это от нас далеко! Мы из Розовой ночлежки в семнадцатом — кроме Уобла и Вища, представляющих печально знаменитую Белую хату. Удалось что-нибудь найти?

— Почти ничего. Пospели горькие орехи, но кто-то обобрал все кусты. Сорвали дюжину сладких хмельков и заглянули в сад, но туземцы нас оттуда погнали — и отрядили пачана, за нами следить. А вы куда?

— За жраниной, куда. И своего добьемся! Заберемся поглубже километров на десять-пятнадцать, там и начнем.

— Удачи!

Творн повел «авангард Розовой ночлежки» по тропе, тут же углубившейся в чащу черных булаваров. В лесной тени было, влажной и прохладной, пахло гниловатой подстилкой опавших листьев. Творн кричал:

— Смотрите, не попадется ли горький орех! Где-то в окрестностях должна быть дикая слива!

На протяжении пары километров не наблюдалось никаких признаков орехов или слив, после чего тропа раздвоилась. Творн колебался:

— Что-то не помню этой развилки... Может, мы вообще не туда попали? Как бы то ни было — жрачка найдется! Итак — направо!

Эрналия, хрупкая девушка с брезгливыми повадками, пожаловалась:

— Сколько еще идти? Я не любительница пеших прогулок, тем более что никто не имеет представления, куда нас занесет!

Творн сурово нахмурился:

— Дорогуша, волей-неволей придется идти дальше. Мы посреди леса, здесь совершенно нечего есть, кроме оскомятной коры.

— Не говорите о еде! — взмолилась светловолосая Реильма со стройными ногами и формами явно сексуалистических пропорций. — Я умираю с голоду.

Широким взмахом руки Творн приказал товарищам двигаться:

— Не хныкать! Вперед, за жраниной!

Правая тропа через некоторое время превратилась в едва заметную тропку, петлявшую в чаще булаваров, и становилась труднопроходимой из-за ветвей, торчавших ниже человеческого роста. Кедида, замыкавшая процессию вместе с Джантиффом, ворчала себе под нос:

— Творн сам не знает, куда мы забрели, зато изображает больше всех!

— А что мы, в сущности, ищем? — поинтересовался Джантифф.

— Фермы Нагорья — богатейшие в Южном Потустороннем лесу, потому что они по соседству с Зоной отдыха. Фермеры поразительно похотливы, просто до безумия. Дают корзину жрачки только за то, чтобы тебя полапать. Представляешь? Чего я только не слышала — жареную птицу несут, тушеную солонину, батраше в рассоле, полные корзины фруктов! И все за то, чтобы минутку поваляться.

— Трудно поверить. Мало ли что рассказывают.

Кедида смеялась:

— Я и не такое видела — но при этом нужно, чтобы все было по правилам. Частенько, пока девушки развлекают фермеров, парни подъедают все до последней крошки. Тогда, разумеется, все ссорятся и возвращаются злые как черти.

— Понятное дело, — посочувствовал Джантифф. — Суновера, например, ни за что не смирилась бы с таким поворотом событий.

— Ни за что... Гляди-ка, Творн что-то нашел!

Предупрежденные жестикуляцией Творна, фуражеры замерли. Крадучись приблизившись к рыжему предводителю, они заметили, наконец, проглядывавшую сквозь листву небольшую ферму. Слева на лугу паслись полдюжины жвачных животных, справа тянулись грядки бантока, многочисленные кусты мучной ягоды, высокие деревянные решетки, сплошь увитые квашницей. Посреди всего этого изобилия стояла чуть покосившаяся бревенчатая хижина с крышей из химически отвержденной земли.

Гаррас протянул руку куда-то в сторону:

— Смотрите! Выюнки лиссума, много! Никого вокруг?

— Похоже, ни души, — пробормотал Юзер. — А за хижинкой птичник.

— Что ж, смелость города берет! — сказал Гаррас. — Туземцы, наверное, внутри, набивают утробы обеденной жрачкой, а мы стоим, слюни пускаем. Принимаю подразумевающееся приглашение!

Он вышел из-под булаваров и направился к выюнкам лиссума. За ним последовали Кольчо, Хаскен, Виш, Творн и другие. Джантифф предусмотрительно держался позади. Гаррас хрипло закричал — земля расступилась у него под ногами, он пропал. Остальные сначала нерешительно остановились, но мало-помалу собрались вокруг ямы-западни, любуясь на Гарраса, барахтающегося в куче полусгнивших шиповатых ветвей.

— Вытащите меня отсюда! — возмущенно вопил Гаррас. — Что стоите, как вкопанные?

— Ну зачем так волноваться? — пожурил его Творн. — Давай руку. — Он помог Гаррасу выбраться из ямы.

— Какая жестокость! — воскликнула Реильма. — Ты мог себе что-нибудь серьезно повредить!

— У меня всё болит! — рычал Гаррас. — Весь истыкан шипами. Кроме того, они целый год сливали в эту яму помой. Но я доберусь до лиссума, он от меня не уйдет!

— Будь осторожен! — дрожащим голосом предупредила Мавдель. — Туземцы явно недружелюбно настроены.

— Я тоже недружелюбно настроен! — огрызнулся Гаррас и снова направился к выюнкам, тщательно осматривая перед собой землю. Поколебавшись, остальные последовали его примеру.

Не дойдя метров двадцать до шестов с выюнками, Гаррас споткнулся и чуть не упал.

— Сигнальная проволока! — закричал он.

Из хижины вышли двое мужчин, женщина крепкого телосложения и двое подростков. Все они подобрали колья, а мальчуган помладше отворил калитку в основании хижины. Из образовавшегося отверстия резво выскочили четыре черных дельпа из породы «кусачек». С блеяньем и стоном дельпы накнулись на фуражеров. За ними по пятам бежали, размахивая кольями, разгневанные земледельцы. Фуражиры повернулись, как по команде, и побежали к лесу. Впереди всех был Джантифф, не отходивший далеко от деревьев.

Отстал дружелюбный увалень Кольчо — он имел несчастье запнуться и упасть. Дельпы окружили его, но фермеры их отозвали и послали вдогонку за другими. Тем временем они принялись избивать Кольчо кольями. Жертве удалось, наконец, вырваться — из последних сил перебирая ногами, Кольчо добрался до сулившей относительную безопасность лесной

чащи. Дельпы настигли Реильму с Эрналией и могли бы здорово их покусать, если бы Творн и Джантифф не отогнали зубастых тварей сухими сучьями.

Горе-фуражиры возвращались тем путем, каким пришли. На развилке обнаружилось, что Кольчо, по-видимому, убежал в другом направлении — его не было. Все стали звать:

— Кольчо, Кольчо! Ау! — Но Кольчо не отзывался, а возвращаться к ферме и искать его никому не хотелось.

— Нужно было держаться вместе со всеми, — заметил Юзер.

— У него не было такой возможности, — возразила Кедида. — Туземцы его били. Хорошо еще, что он убежал.

— Бедняга Кольчо, — вздохнула Мавдель.

— Бедняга Кольчо, бедняга Кольчо! — возмутился Гаррас. — А как насчет меня? Я весь в царапинах, исколот, воняю невесть чем! С этим нужно что-то делать.

— Неподалеку ручей, пойдй вымойся, — посоветовал Творн. — Почувствуешь себя лучше.

— Какой смысл мыться, если придется надевать провонявшие штаны?

— Джантифф взял запасную пару. Вы с ним примерно одного размера — а Джантифф, конечно, поделится. Правда, Джантифф? Мы же старые добрые товарищи из Розовой ночлежки — один за всех, все за одного!

Джантифф неохотно вынул одежду из рюкзака — Гаррас отправился мыться.

Кедида потребовала от Творна отчета:

— Что теперь? Тебе известно, по крайней мере, где мы?

— Конечно. От развилки нужно было пойти налево. Я запомнил. Никаких проблем.

Реильма капризничала:

— Проблема в том, что уже обед, и я проголодалась. Ни шагу больше не сделаю!

— Все проголодались, — сказал Хаскен, — не ты одна.

— А вот и одна! — накинулась на него Реильма. — Никто не становится таким голодным, как я, потому что я ничего не могу делать, пока не поем!

— А, чтоб тебя! — сплюнул Творн. — Джантифф, дай ей откусить всячины, а то из-за нее мы тут застрянем.

— Я тоже хочу есть, — обиделась Эрналия.

— Не надо делать трагедию, — холодно обронила Реильма, — с тобой поделаться.

Джантифф вынул четыре брикета всячины, положил их на пень:

— Все, что у меня есть. Делите сами.

Реильма и Эрналия взяли по брикету. Юзер и Творн разделили третий, Кедида и Суновера — четвертый.

Гаррас вернулся после купания.

— Ну что, так легче? — весело спросила его Реильма.

— В какой-то степени, хотя я предпочел бы штаны на размер больше. Все лучше, однако, чем эти вонючие тряпки, — Гаррас с преувеличенным отвращением поднял старую одежду двумя пальцами вытянутой руки. — С собой я их не понесу, придется оставить.

— Не выбрасывай, выстираешь — пригодятся, — посоветовал Творн. — У Джантиффа освободилось место в рюкзаке, брось туда.

— И то правда! — посветлел Гаррас и повернулся к Джантиффу. — Ты не возражаешь?

— Какие могут быть возражения? — мрачно отозвался Джантифф. Творн поднялся на ноги:

— Все готовы? Пошли!

Теперь фуражиры шагали по левой тропе — Творн по-прежнему во главе процессии. Через некоторое время он торжествующе поднял кулак и обернулся:

— Правильно идем — я узнал этот камень, в прошлый раз тоже сначала подумал, что это гриб. Чую — впереди жранина! Пошли!

— Ну сколько еще идти? — хныкала Реильма. — Честное слово, ноги болят!

— Терпение, терпение! Еще немного — осталось холм перевалить, видите? Всего несколько километров. Никто, кроме меня, про это место не знает, так что держите язык за зубами, договорились?

— Как хочешь. Была бы жранина.

— Пошли тогда, пошли. Не волочите ноги.

Заметно прибодрившийся отряд маршировал вверх по склону. Они даже принялись петь задорные частушки, полные неприличных намеков на обжорство, легендарные фуражи и блюдолизы.

Лес мало-помалу редел, и на гребне холма перед ними открылся обширный, далекий вид на юг — темные леса, зеленоватая полоска реки и трагическое небо: свинцово-фиолетовое над горизонтом, слепяще-белое и отливающее пурпуром в зените, усеянное стайками белых, светло-серых, темных облаков. Джантифф остановился, пораженный. Рука его потянулась за спину, чтобы достать блокнот из рюкзака, но наткнулась на сырую грязную одежду Гарраса и с сожалением опустилась.

Отважные фуражиры спешили — Джантиффу пришлось их догонять. У подножия холма тропу снова обступил густой лес.

Творн приказал спутникам остановиться:

— Отсюда — тихо, осторожно! Чтобы не было никаких неприятностей.

Вглядываясь вперед, Суновера заметила:

— Ничего не вижу. Ты, наверное, опять напутал?

— Ничего не напутал! Мы на дальнем краю долины Паматры, здесь самые сочные клубни-лимонки. А речная плоскорыбица, жареная на костре? Пальчики оближешь! Правда, плоскорыбица водится южнее, но ближайшие фермы в двух шагах, так что будьте осторожны... Джантифф, что ты в землю уставился?

— Ничего. Лишайник на старом бревне — смотри, как оранжевые тона горят на черном фоне!

— Очень замечательно, но у нас нет времени на поэтические восторги. Все вперед — потихоньку, внимательно!

Фуражиры продолжали путь в молчании. Через полчаса Реильма снова принялась ныть, но Творн, яростно жестикулируя, заставил ее закрыть рот. В ту же минуту он поднял руку и громко прошептал:

— Стоп! Вот она, ферма — смотрите, но только так, чтобы нас не заметили.

— Держите ухо востро! — предупредил Юзер. — Здесь могут быть сигнальные провода, ямы-западни, электрические разрядники, всякая мерзость.

Слева, за частоколом древесных стволов, Джантифф заметил ферму, не слишком отличающуюся от той, где их постигло первое фиаско.

Собравшись вокруг Творна, Гарраса и Юзера, фуражиры посовещались, указывая то в одну, то в другую сторону. Потом они вооружились палками покрепче — на тот случай, если снова придется иметь дело с дельпами.

Творн инструктировал товарищей:

— Тихонько проберемся вдоль ограды — по-моему, не должно быть никаких ловушек. Потом — бегом к птичнику, он за избой. Пригнитесь, не показывайтесь! Удачи и вкусной жранины!

Сложившись пополам, Творн засеменил вперед, деловито переваливаясь на полусогнутых ногах. Другие потянулись за ним. Как и раньше, самым смелым оказался Гаррас. Забравшись в огород, он принялся выдергивать корнеплоды, поспешно рассовывая их то в

рот, то по карманам. Уobl, Вищ и Суновера облепили решетку с квашницей, но сезон прошел — им досталась опустевшая шелуха. Творн крался под окнами избы к птичнику.

Кто-то задел-таки сигнальную проволоку. Из небольшой колоколенки на крыше раздался оглушительный лязгающий звон. Дверь распахнулась — наружу выбежали старик, старуха и маленький мальчик. Старик подобрал палку и накинудся на Гарраса, Мавдель и Хаскена, обиравших грядки с редиской. Те повалили старика на землю и с подоспевшей старухой сделали то же самое. Мальчуган забежал в избу, появился с топором в руках и, широко раскрыв глаза, с отчаянным воплем бросился в атаку. Из-за избы донесся приглушенный голос кричавшего Творна:

— Назад! Все назад! Смывайтесь!

Подбирая на бегу рассыпающиеся редиски, фуражиры пустились наутек. Торжествующие Творн и Юзер тащили пару тощих, потрепанных птиц со свернутыми шеями.

Вернувшись на тропу, радостно запыхавшаяся шайка остановилась передохнуть.

— Надо было остаться подольше! — жаловалась Реильма. — Я видела спелую дыню, вот такую!

— Надо было — если б не чертов колокол! Кто зацепил проволоку? Теперь пора убираться, пока не прибыло подкрепление.

Привал устроили на опушке у ручейка. Творн и Юзер щипали и чистили птиц, Гаррас разводил костер. Мясо, кусочками нанизанное на прутья, поджарили.

Кедида недоуменно повертела головой:

— Где Джантифф?

Это никого, по-видимому, не беспокоило.

— Заблудился, наверное, — пожала плечами Реильма.

Гаррас, обсасывавший косточку, покосился на тропу:

— Не видать. Стоит где-нибудь, уставился с восхищением на старый пенъ.

— Не велика беда, — заметил Творн, — нам больше достанется.

Фуражиры продолжали пировать.

— А! Вкуснятина! — объявил Гаррас. — Нужно чаще устраивать походы.

— Ох! — вздохнула Реильма. — Просто чудесно. Дайте еще редиски, она во рту тает!

— Сам Коннатиг не едал такой птицы. С дымком! — заявила Суновера.

— Жаль, что мало! — Реильма опять вздохнула. — Я могла бы вот так есть и есть, целыми часами без остановки! Что может быть лучше?

Творн неохотно поднялся на ноги:

— Пора собираться — до Хебронского провала еще топать и топать.

Глава 5

На следующий день Кедида, появившись в столовке, разыскала Джантиффа — тот сидел в углу и старался не попадаться на глаза. Решительно пройдя прямо к нему, вертихвостка шлепнулась рядом на скамью:

— Вчера — что с тобой случилось? Ты пропустил самый смак!

— Так вышло. На самом деле мне не хотелось есть.

— Не выдумывай, Джантифф. Я тебя насквозь вижу. На что ты обиделся?

— Ничего я не обижался. Просто мне кажется... такое ощущение, что воровать нехорошо.

— Какая чепуха! — Кедида надменно вскинула брови. — У них много, у нас мало. Почему бы им не поделиться?

— Если фермеры станут делиться с тремя миллиардами арабинов, и у них ничего не останется, и у вас не прибавится.

— Возможно, — она чуть пожала ему руку. — Должна сказать, ты вчера отличился. Не могла на тебя нарадоваться.

Джантифф покраснел:

— Ты правда так думаешь?

— Конечно!

Джантифф подбирал слова:

— Я... мне пришла в голову мысль.

— Какая?

— Старик в твоей квартире... Как его зовут?

— Сарп.

— Вот-вот. Сарп. Не согласится ли он со мной поменяться? Тогда мы могли бы все время быть вместе.

Кедида рассмеялась:

— Старый Сарп ни за какие коврижки не переедет! Кроме того, никакой радости нет в том, чтобы наблюдать друг друга в дурном настроении и за самыми неподходящими занятиями. Неужели ты не понимаешь?

— Э-э... не знаю. Если бы тебе кто-то очень нравился, ты, наверное, хотела бы проводить с ним как можно больше времени?

— Ну, вот ты, например, мне очень нравишься, и я вижусь с тобой как можно чаще.

— Это не одно и то же!

— Не забывай, что у меня много друзей — с ними я тоже должна проводить время.

Джантифф начал было возражать, но решил придержать язык. Кедида прикоснулась к лежавшей перед ним папке:

— Что это у тебя? Картинки? Можно посмотреть?

— Смотри, конечно.

Перелистывая наброски, Кедида попискивала от удовольствия:

— Джантифф, какая прелесть! Это мы шагаем по тропе... Когда ты успел, это же только вчера было! Вот Творн, вот Гаррас... а это я? Джантифф! Разве я такая? Вся бледная как смерть, глаза вытаращила, будто привидение увидела! Не говори, не хочу ничего знать. Вот если бы ты написал мой портрет — такой, чтобы на него приятно было посмотреть — я бы его на стену повесила!

Она нагнулась, чтобы рассмотреть набросок поближе:

— Суновера... Юзер... Реильма... всех нарисовал! А эта фигура в тени — это же ты сам!

Скорлетта и Эстебан тоже явились завтракать, и с ними — не слишком умудренное жизнью воплощение противоречивых влечений, их дочь Танзель. Кедида позвала их:

— Идите сюда, смотрите, какие у Джантиффа чудесные картинки! Это мы в походе — идем по тропе! И роща так нарисована, что кажется, будто пахнет смолой керкаша!

Эстебан рассмотрел рисунок с покровительственной улыбкой:

— Такое впечатление, что вы не перегружены жраниной.

— Конечно, нет! Это было утром, мы все еще шли на юг. А насчет жранины не волнуйся — пообедали мы отменно, хватило на всех. Жареная птица, салат из свежих овощей с травами, куча фруктов... Лучше не придумаешь!

— Ой! — подпрыгнула Танзель. — Почему меня там не было!

— Не преувеличивай, — пожурил Кедиду Эстебан. — Меня не проведешь, в свое время я частенько фуражировал.

Кедида с достоинством выпрямилась:

— В следующий раз пойдем вместе — убедишься собственными глазами.

— Кстати... Кольчо нашелся? — рассеянно спросил Джантифф.

Никто не обратил внимания. Эстебан разглагольствовал:

— Я жрачку люблю не меньше других, но теперь я плачу цыганам талоны, а они накрывают на стол. Между прочим, следующий пикник уже заказан. Хочешь — присоединяйся. Придется внести свою долю, разумеется.

— Сколько? Я хотела бы поехать.

— Пятьсот «деревянных» за все про все, включая доставку по воздуху в Потусторонний лес.

Кедида схватила за голову, взъерошив пальцами золотисто-медовые волосы:

— Я что, иностранный подрядчик? Откуда я возьму такие деньги?

Танзель уныло шмыгнула носом:

— А у меня вообще талонов нет.

Скорлетта бросила быстрый колючий взгляд на Эстебана, с подозрением покосилась на Джантиффа, похлопала дочь по спине:

— Не волнуйся, ты поедешь.

Подчеркнуто игнорируя слова Скорлетты, Эстебан продолжал перелистывать наброски:

— Неплохо, неплохо... Здесь ты, пожалуй, перестарался. Слишком много лиц... Ага! Я кого-то узнаю!

Кедида присмотрелась:

— Это я и Сарп — сидим, как злыдни, на диване, смотрим в разные стороны. Джантифф, когда ты это нарисовал?

— На прошлой неделе. Скорлетта, вы не хотели бы поменяться квартирами с Кедидой?

— Ха! — Скорлетта изобразила насмешливое удивление. — С какой стати?

— Я хотел бы жить с Кедидой.

— А я буду делить спальню с бормочущим во сне, выжившим из ума старикашкой? Никогда в жизни!

Эстебан посоветовал:

— Джантифф, не живи в одной квартире с женщиной, которая тебе нравится. Слишком тесный контакт приводит к трениям.

— И какой смысл ежедневно совокупляться с одним и тем же человеком? — добавила Кедида.

— А какой смысл вообще совокупляться? — внесла свою лепту Танзель. — Одно пыхтение да сопение.

Эстебан продолжал перелистывать рисунки:

— Надо же! А это у нас что такое?

Танзель возбужденно ткнула пальцем в картон:

— Это ты и Скорлетта! Вот старый Сарп. А этого громилу я не знаю.

Эстебан смеялся:

— Не слишком похоже. Если я и вижу здесь какое-то сходство, то исключительно в том смысле, что Джантифф придает всем лицам одинаковое выражение.

— Ничего подобного! — возмутился Джантифф. — Лицо — символ, графическое отображение личности. Подумайте сами! Запечатлевая речь, мы записываем буквенные символы. Запечатлевая личность, мы рисуем лицо. Я рисую неподвижные, спокойные лица, чтобы не исказить их символический смысл.

— Уж эти мне рассуждения выше облака ходячего, — вздохнул Эстебан.

— В них нет ничего сложного! Подумайте еще раз! Я могу нарисовать двух людей — например, смеющихся после того, как кто-то удачно пошутил. Один — сварливый, вздорный тип, другой — человек добродушный и любезный. Так как оба смеются, тот, кто рассматривает рисунок, может подумать, что оба — люди добродушные. Но если черты лица неподвижны, ничто не мешает проявляться индивидуальным свойствам, то есть личности.

Эстебан умоляюще выставил ладони:

— Довольно! Сдаюсь! У меня нет ни малейшего сомнения в том, что у тебя прирожденный талант к проделкам такого рода.

— Прирожденный талант тут ни при чем, — уперся Джантифф. — Пришлось учиться многие годы.

Умница Танзель спросила:

— Разве это не элитизм, когда человек стремится что-то делать лучше остальных?

— Теоретически — несомненно, — серьезно кивнула Скорлетта. — Но Джантифф живет в Розовой ночлежке — значит элитистом быть не может.

Эстебан усмехнулся:

— В каких еще преступлениях мы можем обвинить элитиста Джантиффа?

Танзель задумалась:

— Джантифф — монополист, потому что все свободное время посвящает личным интересам, а со мной не делится, хотя он мне страшно нравится.

Скорлетта хрюкнула:

— Его наклонность к сюсюканью с детьми — извращенная форма сексуализма. Видите, как он действует на Танзель?

— Кроме того, он — эксплуататор, потому что хочет единолично пользоваться телом Кедида.

Джантифф открыл рот, чтобы произнести гневную речь в свою защиту, но не нашел слов. Кедида похлопала его по плечу:

— Не беспокойся, Танзель. Мне он тоже нравится, а сегодня он может монополизировать меня, сколько хочет, потому что сегодня мы вместе идем на стадион.

— И я не прочь! — откликнулся Эстебан. — Дерутся гигант Шкунер — его недавно привезли — и пегий Веварк. Говорят, оба злые, как черти.

— Все может быть, но я без ума от Киззо — он погоняет голубым Джамули во втором номере. Ох, он такой храбрец и красавчик, я просто таю, когда его вижу!

Эстебан пожевал губами:

— Киззо, пожалуй, хватает через край, стараясь произвести впечатление — в коленях-то он слабоват... Тем не менее, бесстрашия ему не занимать — по сравнению с ним Ламар и Кельчафф выглядят парой пугливых старых дев.

— Ну вот, так всегда! — обиделась Скорлетта. — У меня тухта сегодня, куда я пойду?

— Сбереги талоны на цыган, — посоветовал Эстебан. — Если хочешь поехать на пикник, конечно.

— Верно. Пора красить шары. Где бы взять еще краски? — взгляд ее расчетливо остановился на Джантиффе. Тот поспешил занять оборонительную позицию:

— Я не могу больше раздавать пигменты. У самого почти ничего не осталось.

Эстебан спросил у него:

— А ты не хочешь поехать на пикник?

Джантифф колебался:

— Я уже фуражировал — не могу сказать, что мне понравилось.

— Дорогой мой, это же разные вещи! У тебя озоли остались?

— Немного. Они надежно спрятаны, прошу заметить.

— Тогда ты можешь себе позволить попить. Я займу тебе место.

— Но... хорошо. Где и когда состоится пир?

— Когда? Как только я закончу приготовления. Все должно быть, как положено, до последней мелочи! Где? В Потустороннем лесу, разумеется, где ничто не мешает наслаждаться чудесным видом и свежим воздухом. Я недавно познакомился с подрядчиком Шубартом — он предоставит аэромобиль.

Джантифф невесело рассмеялся:

— Кто у нас теперь эксплуататор, монополист, олигарх и тому подобное? И как насчет эгализма?

Эстебан остался воплощением добродушия, но в голосе его появилась резкость:

— Эгализм — превосходная вещь, я поддерживаю равноправие целиком и полностью! Тем не менее — к чему отрицать очевидное? Каждый хочет взять от жизни все, что может. Будь моя воля, я стал бы подрядчиком. Может быть, у меня еще получится.

— Ты выбрал неподходящее время, — заметила Кедида. — Видел объявление в последнем выпуске «Концепта»? Шептуны говорят, что подрядчики обходятся слишком дорого, и настаивают на проведении реформ. Может быть, скоро вообще не будет никаких подрядчиков.

— Даже так? — фыркнула Скорлетта. — А кто будет работать?

— Понятия не имею, — пожала плечами Кедида. — Я не Шептун и не подрядчик.

— Спрошу старину Шубарта, — пообещал Эстебан. — Ему все известно.

— Ничего не понимаю! — пожаловалась Танзель. — Я думала, подрядчики — нечистоплотные иностранцы, жадные и невежественные. Им поручают выполнять за нас грязную работу. Почему ты хочешь стать подрядчиком?

Эстебан веселился:

— Из меня выйдет чистоплотный, вежливый и сознательный подрядчик — совсем как я!

Кедида вскочила на ноги:

— Джантифф, пойдем! Пора торопиться, займут все лучшие места! И захвати талоны — на прошлой неделе я растратилась в пух и прах.

Поздно вечером Джантифф возвращался домой по магистрали Диссельберга. Шункерия¹ превзошла все его ожидания — яркие впечатления, необычные ощущения переполняли память.

Задолго до начала представления проходы, ведущие на стадион, плотно забила толпа. Джантиффа окружали предвкушающие развлечение лица: влажно блестящие глаза, возбужденно болтающие, смеющиеся рты — эти люди ничем не напоминали блаженно оцепеневшие статуи на скользящем полотне Унцибальской магистрали! Стадион — циклопическое сооружение — поднимался, заслоня небо окруженной лесом опор ступенчатой воронкой: ярус за ярусом, контрфорс над контрфорсом, балкон на балконе. Бесчисленные головы сливались, напоминая нерезкий, чуть шевелящийся ковер, ниспадавший по сегментам ярусов, как дорожки колоссальных сходящихся лестниц. Отовсюду доносился непрерывный рокочущий гул, хриплый, как далекий прибой, быстро набиравший силу или замиравший в зависимости от событий.

Предварительные церемонии показались Джантиффу растянутыми: битый час по полю вышагивали туда-сюда музыканты в коричневых ливреях с лиловыми погонями и отворотами, производя невероятный шум с помощью завывающих рогов, рокочущих басовых резонаторов и ослепительно сталкивающихся метровых цимбал. Наконец поднялись ворота восьми арочных порталов: на пьедесталах самоходных колесниц выехали восемь шункеров. Герои толпы объехали поле, глядя прямо вперед, будто околдованные неким роковым зрелищем. Ни разу не повернув головы, каждый скрылся под той аркой, откуда выехал.

Волны рокочущего гула вздымались и опадали в такт настроениям полумиллиона людей, сидевших плечом к плечу, затылок в затылок — Джантифф пытался представить себе, каким психологическим законам подчинялось это явление.

Внезапно, по сигналу, ускользнувшему от внимания Джантиффа, рокот прекратился — в воздухе повисло напряженное молчание.

Ворота под восточной и западной арками открылись: на поле вырвались шунки. Яростно рыча, десятиметровые бестии рыли когтями землю и вставали дыбом, пытаясь стряхнуть невозмутимо стоявших на загривках наездников. Началась шункерия.

Чешуйчатые туши тяжело сталкивались, причем наездники сохраняли хладнокровие, превосходившее всякое разумение. Джантифф не верил своим глазам: снова и снова шункеры уклонялись от ударов мощных когтистых лап и вскакивали на загривки чудовищ, как только те, с визгом повалившись на бок, снова поднимались и бросались на врага. Джантифф поделился изумлением с Кедидой:

— Они чудом остаются в живых!

— Иногда двоих или троих дают. Сегодня им везет.

Джантифф с недоумением покосился на спутницу: к чему относилась нотка сожаления в ее голосе — к наездникам, погибшим в прошлом, или к тому, что сегодняшним шункерам удавалось водить смерть за нос?

— Они учатся долгие годы, — объясняла Кедида, когда они покидали стадион. — Проводят полжизни в стойлах шунков — в шуме, вони и грязи. Потом приезжают в Аррабус, надеясь пережить десять боев. Счастливчики возвращаются в Зондер богачами.

Кедида замолчала — ее внимание было поглощено чем-то другим. Там, где латераль сливалась с магистралью Диссельберга, она неожиданно сказала:

— Джанти, здесь мы разойдемся. Я договорилась о важной встрече, мне нужно торопиться.

¹ Шункерия: плохо поддающийся переводу термин. В Аррабусе ему придается не только буквальное значение («бои шунков»), но и переносное — «судьбоносное состязание, покрывающее славой».

У Джантиффа челюсть отвисла:

— Как же так? Я думал, мы проведем вечер вместе — может быть, у тебя...

Кедида с улыбкой покачала головой:

— Невозможно, Джанти. Пожалуйста, не обижайся. Я пошла, у меня нет времени.

— Но я хотел к тебе переехать! Мы хотели...

— Нет, нет, нет! Джанти, будь человеком! Увидимся в столовке.

Джантифф вернулся в Розовую ночлежку в самых расстроенных чувствах. Скорлетта ссутулилась за столом в гостиной, раскрашивая бумажные шары последними остатками его пигментов — синим, черным, темнозеленым, еще какими-то.

Джантифф только руками развел:

— Ну что это такое! Поймите наконец, Скорлетта — так нельзя, это ни в какие ворота не лезет!

Скорлетта обернулась — на ее побледневшем лице Джантифф впервые заметил отчаяние. Она молча вернулась к работе, но вскоре процедила сквозь зубы:

— У тебя все есть, а у меня ничего нет — вот что ни в какие ворота не лезет!

— Что у меня есть? — голос Джантиффа задрожал, стал высоким и жалобным. — У меня тоже ничего нет! Вы все забрали! Ни коричневого пигмента не осталось, ни черного, ни зеленого, ни синего! Охра кончается. Чем я буду рисовать? Одними красными тонами, оранжевым и желтым? Подождите-ка — желтого тоже нет?...

— Слушай, Джантифф! Мне нужны талоны — иначе Танзель не сможет поехать на пикник. Она никогда нигде не была и ничего не видела, даже жвачки не пробовала. Да, я потратила твои драгоценные краски — что с того? Ты из обеспеченной семьи, всегда можешь получить новые краски, а мне приходится мастерить и продавать чертоты культовые шары, чтоб их разорвало!

— Почему бы Эстебану не заплатить за Танзель? У него «деревянных» хоть отбавляй.

Скорлетта горько усмехнулась:

— Эстебан слишком много думает о себе, чтобы делиться с другими. По правде говоря, ему следовало бы родиться в одном из Каторжных миров — там он стал бы главарем какого-нибудь преступного синдиката. Или эксплуататором. В любом случае, Эстебан — не эгалит. Ты представить себе не можешь, какие дикие махинации он проворачивает!

Обескураженный горячностью Скорлетты, Джантифф присел на диван. Скорлетта продолжала мрачно тыкать кистью в свои поделки. Джантифф проворчал:

— И кому нужна вся эта дрянь, на которую вы изводите мои пигменты?

— Кому нужна, тому нужна! Стою на углу в Дисджерферакте — люди подходят, покупают шары, талонов не жалеют. Зачем они им? А зачем мне это знать? Лишь бы покупали. Дай-ка оранжевой краски... Джантифф! Перестань упрячиться, тебе это не к лицу!

— Да берите вы, берите! Но это в последний раз. С сегодняшнего дня я запираю все пигменты на замок!

— Не будь таким мелочным.

— А вы очень великодушны — за чужой счет!

— Не распускай язык, Джантифф! Не дорос еще со мной так разговаривать! Включи экран. Шептуны выступают с важным объявлением, хочу послушать.

— Сплошную болтовню у вас передают, — брюзжал Джантифф. — Никогда ничего нового.

Встретившись глазами с горящим взглядом Скорлетты, однако, он нехотя поднялся на ноги и включил экран.

Джантифф решил написать письмо домой:

«Дорогие мои мама, папа и сестры!

Прежде всего — неизбежные просьбы. Не хочу никому надоедать, но обстоятельства сложились не в мою пользу. Пожалуйста, пришлите мне пигменты еще раз, двойной запас. Здесь их невозможно достать — как, впрочем, и все остальное. Тем не менее, жизнь идет своим чередом. Однообразное питание опротивело до смерти. В Аррабусе каждый только и думает, что о «жрачке». Мои знакомые собираются устроить «цыганский пикник». Понятия не имею, что это такое, но меня пригласили, и я поеду — хотя бы для того, чтобы на несколько часов забыть о всячине со смолоком.

Боюсь, у меня начинается раздвоение личности. Иногда кажется, что я живу в зазеркалье, где белое стало черным, а черное — нет, не белым, это было бы слишком просто — а чем-то до смешного нелепым: десятью тухлыми рыбинами, например, или запахом левкоя. Учтите при этом, что Аррабус некогда был процветающей, промышленно развитой страной, ничем особенным не выделявшейся. Неужели то, что здесь произошло — неизбежная последовательность событий? А события развивались с пугающей, железной логикой. Жизнь коротка: зачем тратить лишнюю секунду на неблагодарный труд? Технология облегчает человеческую жизнь, в этом ее предназначение. Следовательно, технология должна быть развита и усовершенствована до такой степени, чтобы она заменяла человеческий труд везде, где это возможно. Пусть машины вкалывают! Цель человеческой жизни — удовольствия и развлечения, богатство впечатлений, радость бытия! Превосходно, замечательно! Только машины не могут во всем заменить человека. Машины неспособны себя обслуживать, машины неспособны планировать, проектировать, думать. Таким образом, даже аррабинам приходится тухтеть — тринадцать часов в неделю, о ужас! Кроме того, машины имеют наглость ломаться. Приходится нанимать подрядчиков из поселений Блея и Фрока и с хуторов, рассеянных по Потусторонним лесам. Подрядчики, естественно, не работают даром. Говорят, они поглощают практически весь валовой продукт Аррабуса. Задача аррабинов значительно упростилась бы, если бы они позволяли людям с полезными наклонностями учиться и становиться техниками и механиками, но эгалисты заявляют, что специализация — первый шаг к элитарному строю. Разумеется, так оно и есть. Никому не приходит в голову, однако, что иностранные подрядчики, эксплуатирующие Аррабус и наживающие состояния — элита чистой воды (хотя использование наемными работниками возможностей, открывающихся в связи с упрямством и глупостью нанимателей, трудно назвать «эксплуатацией»).

Я употребил выражение «никому не приходит в голову», но тут же подумал, что это не совсем так. Вчера вечером передавали обращение Шептунов к населению — я сделал несколько зарисовок с экрана, одну посылаю вам. Шептунами становятся случайно. На каждом этаже каждого общежития один человек, по жребию, назначается дружинником. Из двадцати трех дружинников общежития один, тоже по жребию, становится управдомом. Из числа управдомов квартала — разумеется, по жребию — выбирается депутат. Каждый из четырех городов метрополиса — Унцибал, Пропунция, Уонисс и Серсе представлен советом депутатов. Один из членов городского совета депутатов — по жребию, как иначе! — входит в четверку Шептунов. Ожидается, что Шептуны, как истинные представители эгалистического общества, равные среди равных, должны выполнять свои обязанности, в чем бы они не за-

ключались, не требуя особых знаков внимания и ничем не выделяясь. Этим и объясняется традиционное наименование аррабинского «подлинно представительного» высшего органа управления — «Шептуны» (впервые появившееся, как мне говорили, в связи с каким-то непочтительным политическим анекдотом).

Так или иначе, вчера вечером передавали выступление Шептунов. Осторожно выбирая выражения, они не преминули воздать должное не подлежащим обсуждению преимуществам равноправия. Тем не менее, фактическое содержание их обращения трудно назвать оптимистическим. Даже я уловил намеки на плачевное состояние экономики, хотя мои уши далеко не столь восприимчивы к идеологическим эвфемизмам, как слух уроженцев Аррабуса. Женищина по имени Фосгард зачитала, без комментариев, статистические данные, недвусмысленно свидетельствующие о катастрофическом росте государственного дефицита, истощении запасов валюты и прекращении притока капиталовложений. Каждому предоставляется делать выводы по своему усмотрению. Шептуны объявили, что в ближайшее время посетят Коннатига в Люсце, чтобы обсудить сложившееся положение вещей. Их намерение непопулярно — аррабины инстинктивно отвергают унижительную мысль об обращении за помощью к всесильному «монополисту-эксплуататору». В столовой ропщут, называя поездку Шептунов в Нуменес злоупотреблением полномочиями и объясняя ее желанием Шептунов «попробовать красивой инопланетной жизни». Следует учитывать, что Шептуны живут в таких же квартирах, как все, питаются всячиной, смолотом и студелем наравне со всеми; единственное исключение состоит в том, что они не обязаны тухнуть. В день Столетия они выступают с дальнейшими заявлениями — по всей видимости, будет предпринята попытка постепенно вытеснить подрядчиков из Аррабуса. Сама по себе перспектива избавиться от подрядчиков вполне устраивает местное население. Подрядчики живут в сельских поместьях, как бароны древности, и аррабины презирают их за элитизм (и тайно им завидуют).

Разрозненные факты и наблюдения: Блель, побережье на Дальнем Юге за Потусторонним лесом, омывается экваториальным течением, в связи с чем климат там мягче, чем может показаться при взгляде на карту. Не забывайте, что Вист — небольшая планета. Обитателей Фрока, к северо-западу от Блея, называют «фруками». В Потусторонних лесах бродят кочевники. По причинам, мне до сих пор неизвестным, одних прозвали «цыганами», а других — «ведунами». Цыгане чаще появляются в окрестностях Аррабуса и время от времени устраивают для местных жителей, за деньги, пикники на открытом воздухе. Аррабины не испытывают никакого интереса к музыке. Здесь никто не играет на музыкальных инструментах: учиться чему-то, чего не умеют другие, означало бы совершить грех элитарной специализации. Не могу не признать, что оказался на исключительно странной планете. Аррабус шокирует, возбуждает тревогу, смущение, отвращение, голод! Но в то же время местная жизнь завораживает. Я способен часами смотреть на бесчисленные толпы — люди, люди, всюду люди! В самом их количестве есть некое стихийное величие. Представьте себе лицо — любое лицо: например, с большим носом, маленькими ушами, круглыми глазами и заостренным подбородком. Встаньте на площадке над Унцибальской магистралью и смотрите на лица — рано или поздно именно такое лицо появится перед глазами! Приводит ли такая многочисленность к однообразию? К потере индивидуальности? Ничуть не бывало!

Каждый арабин отчаянно старается быть непохожим на других, тщательно подчеркивая свои неповторимые манеры, интонации, привычки, пристрастия. Да, арабины ведут суетную, тщеславную жизнь. Но разве любая другая жизнь, в конечном счете, не суетна и не тщеславна? Арабин появляется на свет ниоткуда; когда он уходит из жизни, о нем никто не вспоминает. Арабус не производит ничего существенного. Единственная ценность, созданию которой посвятил все свои усилия этот гигантский человеческий муравейник — возможность не работать!

На сегодня хватит. Скоро напишу еще.

*Как всегда, целую всех,
ваш Джантифф»*

В связи с тем, что Джантифф спрятал и закрыл на замок оставшиеся пигменты, Скорлетта решила, что культовые шары достаточно разрисованы, и принялась собирать их в связки по полдюжины. Тем временем Джантифф ходил по гостиной, заглядывая под диваны и под все, что лежало на стеллаже и на столе. В конце концов его суетливые перемещения привлекли внимание Скорлетты. Та спросила:

— Во имя пламени небесного! Что ты носишься и шарахаешься, как птица с переломанным крылом? Посиди спокойно, дай мне собраться!

Джантифф отвечал спокойно и с достоинством:

— Вчера вечером я сделал несколько зарисовок Шептунов хотел послать одну или две домой, но нигде не могу их найти. Начинаю подозревать, что их кто-то свистнул.

Скорлетта бесцеремонно расхохоталась:

— Такое внимание должно тебе льстить!

— Постоянные пропажи мне порядком надоели.

— Не делай из мухи слона! Нарисуй еще набросок или пошли другой. Все это не имеет абсолютно никакого значения — не считая того, что ты постоянно и целенаправленно действуешь мне на нервы.

— Приношу глубочайшие извинения! — съязвил Джантифф. — Последую вашему совету и пошлю другой набросок. Не забудьте передать мои поздравления свистуну.

Скорлетта только пожала плечами и закончила связывать шары:

— Теперь, Джантифф, будь так добр, помоги мне отнести шары в квартиру Эстебана — он знает торговца, обещавшего сбыть их подороже.

Джантифф начал было протестовать, но Скорлетта оборвала его:

— В конце концов, Джантифф, всему должен быть предел! Ты всю жизнь купался в роскоши — а теперь не хочешь помочь бедной девочке попробовать, что такое настоящая еда?

— Неправда! — рассердился Джантифф. — Только вчера мы с ней ездили в Дисджер-феракт! Я на каждом углу покупал ей хрустящие водоросли,¹ и сладкие сосульки, и пирожки с угрями — до тех пор, пока она не сказала, что скоро лопнет!

— Ладно, ладно, не отлынивай! Подсоби-ка — шары легкие, я же не прошу тебя мебель таскать.

Всем видом показывая, что не согласен с таким обращением, Джантифф позволил нагрузить себя связками культовых шаров. Скорлетта забрала остальные связки, и они отправились по коридорам к Эстебану. Скорлетта пнула дверь квартиры Эстебана — тот выглянул в коридор. Увидев шары, он не проявил энтузиазма:

¹ Хрустящие водоросли: намотанные на палочку узкие полоски съедобных водорослей, обжаренные в горячем масле.

— Так много?

— Да, так много! Я их сделала, а ты их продашь — и не забудь принести назад всю проволоку, какая останется.

— Откровенно говоря, было бы в высшей степени неудобно...

Скорлетта попыталась ответить яростным жестом, но, будучи отягощена связками, смогла лишь беспомощно поднять и опустить локти:

— Ты и Джантифф — два сапога пара! Я твердо намерена поехать на пикник, и Танзель поедет со мной, ясно? Либо плати за ее жранину, либо помогай продавать шары!

Эстебан застонал от раздражения:

— За что мне такое наказание? Ни минуты покоя! Давай сюда свои шары, чтоб они провалились! Их еще пересчитать надо.

Пока Эстебан и Скорлетта считали шары и ругались, Джантифф присел на диван, отличавшийся от всех, какие он видел в других квартирах, прочной высококачественной обивкой с контрастными оранжевыми, коричневыми и черными геометрическими узорами. Вся остальная обстановка квартиры Эстебана также свидетельствовала об умении и привычке жить со вкусом. На тумбочке у дивана Джантифф заметил камеру, показавшуюся ему знакомой. Он поднял ее, внимательно рассмотрел и положил в карман.

Скорлетта и Эстебан закончили подсчет.

— Ты зря думаешь, что Кибнер спит и видит, как бы ему пострадать на благо ближнего, — говорил Эстебан. — Он возьмет не меньше тридцати процентов выручки.

— Грабеж среди бела дня! — отчаянно, страстным контральто воскликнула Скорлетта. — Я берегла каждый талон, во всем себе отказывала, работала каждую свободную минуту — а ты и пальцем не пошевелил! Десяти процентов более чем достаточно.

Эстебан с сомнением усмехнулся:

— Начну торговаться с пяти — посмотрим, сколько Кибнер уступит.

— Прояви твердость! Объясни, что это ручная работа, а не какой-нибудь ширпотреб! Торгаши воображают, что мы деньгам цену не знаем!

— Что я слышу? Симптомы буржуазного элитизма! — шутливо пригрозил Эстебан. — Подавляй в себе пережитки.

— Чья бы корова мычала! — язвительно отозвалась Скорлетта. — Пошли, Джантифф. Скоро позвонят к ужину.

Взгляд Эстебана, скользнувший по лицу Джантиффа, задержался на тумбочке, быстро обшарил гостиную, ненадолго вернулся к тумбочке и наконец сурово остановился на лице Джантиффа:

— Минуточку! Судя по всему, мы имеем честь находиться в обществе свистуна — хотя, как правило, я свистунов на порог не пускаю.

— Ты о чем? — ошетибилась Скорлетта. — У тебя нечего взять, ты в общаге ничего стоящего не держишь.

— А как насчет камеры? Давай-ка, Джантифф, выворачивай карманы! Ты сидел на диване — прекрасно помню, как ты тянулся к тумбочке.

— Я в затруднительном положении, — поджал губы Джантифф.

— Разумеется! Пропала камера. Она у тебя.

— Если хотите знать, у меня в кармане — камера, которую я привез с Зака. Вашу камеру я не видел.

Эстебан угрожающе шагнул вперед, протянул руку:

— У меня со свистом шутки плохи. Взял камеру — отдавай!

— Не отдам, потому что это, без всякого сомнения, моя камера.

— Нет, моя! Она лежала на тумбочке — я видел, как ты ее взял!

— Вы можете ее опознать?

— Само собой! Я ее знаю, как свои пять пальцев! Могу перечислить снимки, записанные в кристалле.

Чуть замявшись, Эстебан добавил:

— Если потребуется.

— Снизу на моей камере, рядом с серийным номером, стилизованными древнемишескими тростниковыми силлабулами выгравировано имя «Джантифф Рэйвенсрок». На вашей тоже?

Круглые темно-карие глаза Эстебана сверлили лицо Джантиффа. Не опуская руку, он хрипло ответил:

— Понятия не имею, что там нацарапано!

Джантифф подошел к столу и несколькими изящными движениями изобразил на листе писчей бумаги пять замысловатых силлабул:

— Древнемишеское письмо. Желаете сравнить с надписью на моей камере?

Эстебан издал тихий нечленораздельный звук и отвернулся.

Когда Джантифф и Скорлетта уже вышли из квартиры Эстебана и возвращались по коридору, Скорлетта заметила:

— Ты ведешь себя как ребенок, устроил неприличную сцену. Кроме того, восстанавливать против себя Эстебана в высшей степени неразумно.

Изумленный Джантифф остановился, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Скорлетта упрямо продолжала идти, как ни в чем не бывало. Джантифф догнал ее:

— Вы шутите!

— С чего бы я стала шутить?

— Но я всего лишь заставил его вернуть то, что он украл! Разве это не разумно?

— Говори «свистнул», а не «украл». Это невежливо.

— По-моему, я вел себя с Эстебаном настолько вежливо, насколько позволяли обстоятельства.

— Ты его оскорбил. Он человек гордый и щепетильный.

— Гм! Насколько я понял, щепетильностью аррабины не отличаются, да и гордиться им особенно нечем.

Скорлетта развернулась и влепила Джантиффу пощечину. Джантифф отступил на шаг, потом пожал плечами. Они вернулись домой в молчании. Скорлетта промаршировала в гостиную, распахнув дверь настежь. Джантифф с преувеличенной осторожностью задвинул за собой дверь.

Скорлетта резко повернулась к нему — Джантифф отшатнулся. Но Скорлетта уже сожалела о случившемся. Дрожащим, срывающимся голосом она воскликнула:

— Я не хотела тебя ударить! Пожалуйста, не сердись.

— Я сам виноват, — бормотал Джантифф. — Мне не следовало упоминать об аррабинах.

— Не будем об этом говорить — мы оба устали и раздражены. Нужно успокоиться, расслабиться. Пошли совокупляться — это поможет восстановить дружеские отношения.

— Необычный взгляд на вещи, честно говоря... Но если вы так считаете...

Джантифф решил зайти к Кедиде, однако обнаружил в квартире только Сарпа, ворчливо сообщившего, что Кедида скоро вернется «... и опять начнутся шум и неразбериха и вечная возня по поводу и без повода. С ней сплошная морока, помани мое слово!»

— Примите мои соболезнования, — сказал Джантифф. — Почему бы вам с кем-нибудь не поменяться?

— Легко сказать! Кто согласится посадить себе на шею вечно галдящую вертихвостку? И прибирать еще за ней каждый день? Ты что, смеешься? Она на пустом месте голышом умудряется свалку устроить за две минуты!

— Моя сожительница как раз, на мой взгляд, слишком много молчит — тихоня, можно сказать, — отозвался Джантифф. — Никогда не знаешь, чего от нее ожидать, а по части уборки она отличается прямо-таки феноменальной аккуратностью. Может быть, мне удастся убедить ее поменяться с Кедидай.

Сарп склонил голову набок и с сомнением прищурился:

— Обмен всегда связан с риском. Кто она, твоя богиня чистоплотности?

— Скорлетта.

Сарп подскочил с испуганно-презрительным воплем:

— Скорлетта?! С ее-то вечными промасленными бумажками и проволочными закорючками? Это ты называешь аккуратностью? Тихоня, как же! Она не только болтает без умолку, но и сует нос не в свои дела и всеми вокруг помыкает. Довела бедного Виссилима до того, что тот сначала сменил этаж, а в конце концов променял Розовую ночлежку на какую-то дыру! Ты что, меня за дурака принимаешь?

— Вы ее не понимаете — у нее на самом деле чувствительная, податливая натура. А если вы согласитесь поменяться, я буду очень благодарен и что-то вам подарю.

— Например?

— Например, нарисую ваш портрет — разноцветный!

— Ха! Вон зеркало висит — что мне еще нужно?

— Ну... вот, у меня есть превосходнейшая вещь, я ее с Зака привез. Вечное перо — с устройством, синтезирующим нестирающиеся чернила из углерода, водяных паров и азота, содержащихся в воздухе. Никогда не ломается, работает долгие годы.

— Я почти никогда ничего не пишу. Что еще ты можешь предложить?

— Больше у меня почти ничего нет. Кокарда из нефрита с серебром, для вашей шляпы?

— Я не щеголь. Разве что обменять ее на кулек морской жрачки где-нибудь на набережной. И что с того? Старая добрая всячина со смолотком да глоток студеля, червячка замочить — старику довольно.

— Я так понял, что Кедида действует вам на нервы...

— По сравнению со Скорлеттой она ангел, воплощение сочувствия и сострадания! Да, Кедида любит повеселиться в шумной компании, кто станет отрицать? Нынче связалась с Гаршем Дарскиным из «Эфталотов»... А вот и они.

Дверь резво откатилась в сторону — в квартиру ввалились Кедида и три мускулистых молодых человека.

— Старый добрый Сарп! — с порога заворковала Кедида. — Так и знала, что ты дома. Притащи бидончик пойла, промочим горло! Гарш тренировался, так я даже смотреть на него устала!

— Пойло кончилось, — пробурчал Сарп. — Ты сама вчера все выпила.

Кедида заметила, наконец, Джантиффа:

— А вот и Джантифф, душа парень, ни в чем не откажет! Джантифф, принеси прохладного пойла. Хуссейд — утомительная игра, нам всем не мешает освежиться.

Джантифф поджал губы:

— К сожалению, не могу сделать такое одолжение.

— Вот зануда! Гарш, Кирзо, Бормотун, знакомьтесь — это Джанти Рэйвенсрок с планеты Зак. Джанти, перед тобой авангард «Эфталотов», самой результативной команды на Висте!

— Рад возможности познакомиться с вами, — поклонился Джантифф, стараясь придать голосу самое церемонное выражение.

— Джантифф ужасно талантлив, — продолжала Кедида. — Он рисует чудесные картины. Джантифф, нарисуй нам что-нибудь!

Джантифф смущенно покачал головой:

— Кедида, я же не автомат, не могу производить рисунки по требованию. Кроме того, у меня нет с собой ни помазков, ни пигментов...

— Отговорки! Не скромничай, Джантифф, нарисуй что-нибудь забавное, остроумное! Смотри, вот твое перо, а где-то здесь была какая-то бумага... Вот, рисуй на обороте регистрационного бланка.

Джантифф неохотно взял перо и бланк:

— Что рисовать?

— А что хочешь. Меня, Гарша, даже старого Сарпа.

— На мой счет не беспокойся, — Сарп поднялся, подошел к двери. — Я пошел к Эстебану. У него какое-то таинственное предложение.

— Наверное, по поводу пикника. Были бы талоны, я мигом бы все отдала, лишь бы поехать! Джантифф, давай, не ленись! Нарисуй Бормотуна — смотри, какой он живописный! Правда, у него нос похож на якорь? Вылитый шункер из Северного Помбала!

Заставляя шевелиться непослушные пальцы, Джантифф стал рисовать. Две или три минуты Кедида и гости наблюдали за ним, потом разговорились и забыли о его существовании. Джантифф с отвращением поднялся и вышел из квартиры. Этого никто, по-видимому, даже не заметил.

«Дорогие мама, папа и сестры!

Не знаю даже, как благодарить вас за пигменты — буду беречь их, как зеницу ока. Скорлетта свистнула почти все тона из предыдущего набора, чтобы раскрасить иероглифами культовые шары. Она надеялась продать их за большие деньги, а теперь считает, что торговец Кибнер — у него лавка в Дисджерферакте — надул ее. Она в полном отчаянии, так что я, находясь в квартире, стараюсь держаться как можно незаметнее. Скорлетта стала рассеянной и как будто чурается меня — почему, не знаю. Что-то произошло, из-за чего-то изменилась атмосфера. Может быть, из-за предстоящего пикника? Это большое событие и для Скорлетты, и для ее дочери. Не претендую на понимание чувств и побуждений Скорлетты, но не могу избавиться от впечатления, что она чем-то не на шутку встревожена.

Дочь Скорлетты, Танзель — симпатичная девочка. Я ездил с ней в Дисджерферакт и потратил полозоль, покупая ей всякие деликатесы вроде хрустящих водорослей и пирожков с копченым угрем. Лавочники в Дисджерферакте — все с других планет, любопытнейшая коллекция физиономий и характеров! Дисджерферакт — огромный прибрежный парк развлечений, в нем тысячи всевозможных киосков, балаганов и притонов. Сюда съезжаются со всех концов Галактики циркачи и шарлатаны, антиквары и продавцы краденого, кукольники и шуты гороховые, фокусники и чудотворцы, уроды и музыканты, акробаты и ясновидящие — а также, разумеется, лоточники, продающие съестное. Дисджерферакт — пошлый, убогий, пикантный, завораживающий водоворот красок и звуков.

Самые поразительные аттракционы в Дисджерферакте — павильоны забвения в так называемом «Парке смерти». Подобных учреждений нет, наверное, во всей населенной человеком части Галактики. В эти павильоны приходят арабины, желающие умереть. Содержатели павильонов соревнуются, пытаясь всевозможными способами завлечь «посетителей». В настоящее

время открыты пять таких заведений. Самое экономичное самоубийство можно совершить на трехметровой цилиндрической трибуне. «Посетитель» забирается на трибуну и выступает с прощальной речью — иногда импровизированной, иногда тщательно разученной на протяжении нескольких месяцев. Такие декламации привлекают большой интерес — вокруг трибуны собирается внимательная толпа, поддерживающая оратора одобрительными возгласами, аплодисментами, стонами сочувствия. Бывает и так, что речь раздражает или оскорбляет аудиторию — тогда раздаются свист и мяуканье. Тем временем сверху на трибуну, как колпачок на горящую свечу, постепенно опускается воронка из черного меха. По мере того, как воронка закрывает жестикулирующего оратора, его восклицания становятся все глуше, и в конце концов наступает тишина. Некий предприимчивый уроженец одного из исходных миров Ойкумены записал множество таких прощальных речей и опубликовал лучшие отрывки в сборнике под названием «Пока я не забыл».

Рядом — «Дворец нирваны». Заплатив за вход, посетитель, желающий прекратить существование, вступает в лабиринт полупрозрачных, полужеркальных призматических поверхностей. Он бродит туда-сюда, окруженный золотистым сиянием, пока его друзья ожидают снаружи. Мало-помалу его силуэт становится плохо различимым среди теней, бликов и отражений, и больше его не видят.

Следующий аттракцион смерти — «Ладья ароматов» — просто-напросто канал с пристанью. Отправляющийся в последнее плавание спускается в лодку и устраивается, полулежа, на удобной софе. Его осыпают многочисленными бумажными цветами, источающими благоухания; у него в руке — рюмка тонизирующей настойки. Лодка плывет по каналу в темный туннель, откуда доносятся звуки небесной музыки. Через некоторое время лодка возвращается к пристани, пустая. Что происходит в туннеле, никто не знает.

Услуги, предоставляемые «Конечной станцией радостного пути», носят более оживленный характер. «Пассажир» прибывает с шумной компанией закадычных друзей. В роскошном зале со стенами, обитыми резными деревянными панелями, «пассажиру» и его гостям подают все деликатесы и напитки, какие он смог оплатить заранее. Друзья едят, пьют, вспоминают былое и обмениваются шутками до тех пор, пока люстры не начинают тускнеть, после чего гости прощаются и уходят, а в зале становится темно. Иногда «пассажир» решает, что поторопился с бесповоротным решением, и покидает зал вместе с друзьями. Бывает и так (если верить слухам), что веселая компания перепивается до бесчувствия, и возникает ситуация, чреватая ужасными ошибками — например, виновник праздника уползает на четвереньках и в конечном счете возвращается домой, а его осоловевшие, неспособные подняться из-за стола приятели навсегда остаются в темном зале.

Пятый навильон, «Тартарары» — популярное зрелище, организованное на манер кабинета в игорном доме. Пять участников выставляют на кон заранее условленную сумму и садятся на пять пронумерованных железных стульев. Зрителям, заплатившим за вход, тоже разрешается делать ставки, как в тотализаторе. Раскручивается разделенное на пять секторов «колесо удачи». Колесо замедляется, один из секторов останавливается напротив стрелки. Игрок, сидящий на стуле с номером сектора, обращенного к стрелке, выигрывает кон, то есть пятикратную ставку. Остальные четверо проваливаются в

люки под стульями, и люки тут же закрываются. Согласно легенде — возможно, апокрифической — некий смельчак по имени Баствик занял стул № 2, поставив всего двадцать «деревянных». Он выиграл и остался на том же стуле, но теперь смог поставить сто талонов. Стрелка опять указала на сектор № 2, а хладнокровный Баствик продолжал сидеть, рискуя жизнью и пятьюстами талонами. И снова ему повезло! Дрожащими руками Баствик собрал две тысячи пятьсот талонов и выбежал из павильона. Стул № 2 продолжал стоять еще два кона. Если бы Баствик сохранил спокойствие, он выиграл бы 62500 «деревянных»!

Я полюбовался на павильоны забвения, гуляя с Танзелью — она прекрасно осведомлена. По сути дела почти все, что я знаю о Дисджерферакте, я узнал от нее. Я спросил ее, что делают с трупами — лучше бы не спрашивал! Тела самоубийц измельчают и спускают в канализацию вместе с отходами и помоями. Масса отходов, именуемая «неочищенной протоквашей», подается по трубам, вместе с «неочищенной протоквашей» из других районов, на центральную станцию общепита, где ее очищают, перерабатывают и пополняют витаминными добавками. Оттуда «очищенная протокваша» подается по кормопроводам к общежитиям города. В кухнях общежитий протокваша преобразуется в знакомые до боли питательные всячину, смолочно и студель.

Раз уж я остановился на этой неаппетитной теме, позвольте рассказать об одном странном происшествии, случившемся поутру на прошлой неделе. Мы со Скорлеттой гуляли в висячем саду, когда в кустах малинового горошка обнаружили труп. По-видимому, убитого ударили кинжалом в шею. Все оказавшиеся на крыше, в том числе я и Скорлетта, столпились вокруг тела и шептались, пока не прибыл, наконец, управдом. Управдом оттащил покойника в лифт, и тем дело кончилось.

Меня такое положение вещей, разумеется, озадачило. Я сказал Скорлетте, что на Заке никто не стал бы трогать тело до окончания полицейского расследования.

Скорлетта отнеслась к моему замечанию с обычным высокомерием:

— Мы живем в эгалитическом обществе, нам не нужна полиция. Расчетчики следят за порядком и задерживают тех, кто спятил.

Я возразил:

— Но этого недостаточно. Вы только что видели собственными глазами — человека убили!

Скорлетта рассердилась:

— Тэнго был скандалист и обманщик! Вечно просил тухтеть за него, а потом не отдавал долг. Никто о нем плакать не будет.

— Вы имеете в виду, что не будет вообще никакого расследования?

— Если не донесут управдому — не будет.

— Зачем доносить, если управдом собственноручно оттащил тело в лифт?

— Не может же он сам себе доносы писать! Это противоречило бы здравому смыслу.

— Здравый смысл требует провести расследование. В общежитии разгуливает убийца — он может оказаться нашим соседом!

— Вполне возможно — но кому придет в голову доносить? Получив донос, управдом должен расспросить всех и каждого. Придут расчетчики, начнут

без конца сравнивать показания, вынюхивать унижительные подробности личной жизни, всем станет тошно — зачем это нужно?

— Значит, несчастного Тэнго зарезали, и никому нет никакого дела?

— Нашел кого жалеть! Нахала и паразита!

Я больше не обсуждал этот вопрос. Думаю, что в каждом обществе существуют те или иные механизмы, позволяющие избавляться от нежелательных элементов. В условиях всеобщего равноправия такой механизм — убийство при молчаливой поддержке большинства.

Я хотел бы столько всего рассказать, что мысли разбегаются. Массовые развлечения здесь посещаются почти всеми и поглощают львиную долю бюджета. Я присутствовал на представлении, называемом «шункерией» — невероятное зрелище! Хуссейд тоже очень популярен. Одна моя приятельница познакомилась с игроками из команды «Эфталотов», набранной главным образом в Порт-Руге на северном побережье Зумера. Аррабины не играют в хуссейд, только смотрят. Спортсмены — уроженцы других областей Виста или инопланетяне. Насколько я понимаю, в Аррабусе хуссейд вызывает страсти, по накалу...»

Кто-то стучал. Джантифф отложил письмо и отодвинул дверь — на пороге стояла Кедида:

— Привет, Джантифф. Я зайду?

Джантифф пропустил ее. Кедида впорхнула в гостиную, подарив Джантиффу взгляд, полный игривой укоризны:

— Где ты был? Мы не виделись целую неделю! Даже в столовке не показываешься!

— В последнее время я приходил попозже, когда все расходились, — признался Джантифф.

— А я тебя ищу! Мы к тебе уже привыкли, ты не имеешь права пропадать.

— Насколько я помню, все твое время занимали «Эфталоты», — заметил Джантифф.

— Так точно! Молодцы-красавцы, правда? Я просто без ума от хуссейда! Кстати, сегодня они играют. У меня где-то была контрамарка, но я ее посеяла. Хочешь пойти?

— Не очень. Я собирался...

— Полно, Джанти, не будь таким черствым. Ты ревнуешь, вот что! Но разве можно меня ревновать к целой команде игроков в хуссейд?

— Очень даже можно. У меня девять поводов для ревности, не считая запасных. Шерль, надеюсь, не в счет.

— Глупости! В конце концов, не могла же я разорваться на части и быть одновременно в двух местах. Нельзя на меня дуться только за то, что я занята!

— Смотря чем занята... — пробормотал Джантифф.

Кедида расхохоталась:

— Так ты пойдешь посмотреть хуссейд? Ну пожалуйста, Джанти!

Джантифф обреченно вздохнул:

— Когда нужно идти?

— Когда? Сейчас! Сию минуту — или мы опоздаем. Никак не могла найти контрамарку и с ума сходила, но потом вспомнила о тебе — ты такой тленочек, на тебя всегда можно положиться! Не забудь талоны, а то нас на стадион не пустят. У меня, как всегда, хоть шаром покати.

Джантифф смотрел Кедиде в глаза — губы его возмущенно дрожали, подыскивая слова. Но ее лучезарная улыбка заставила его обреченно пожать плечами:

— Я тебя не понимаю.

— Я тебя тоже не понимаю, Джанти, так что мы квиты. Что, если б мы все друг друга понимали? Кому от этого было бы лучше? Гораздо разумнее оставить все, как есть. Пошли, опоздаем!

Через некоторое время Джантифф вернулся к письму:

«... превосходящие все, что наблюдается на других планетах.

По странному стечению обстоятельств я только что провожал приятельницу на стадион, где играли в хуссейд. «Эфталоты» состязались с игроками из команды с труднопроизносимым названием «Дангсготские бравуны», с Каррадасских островов. Меня все еще дрожь пробирает. Хуссейд в Унцибале — не то, что у нас во Фрайнесе. Стадион невероятных размеров заполняет ревущая орда — нет, бесчисленные орды! Рядом еще можно видеть отдельные лица, слышать отдельные голоса, а на расстоянии толпа превращается в смутную плесень, судорожно подергивающуюся рябью.

Играют здесь по стандартным правилам, но с местными вариациями, по моему, совершенно излишними. Предварительные торжественные церемонии замысловаты и продолжительны — в конце концов, свободного времени у зрителей хоть отбавляй! Игроки — в роскошных костюмах, их представляют по одному. Как я уже упомянул, аррабинов среди них нет. Каждый игрок выходит из строя и демонстрирует мускулатуру в ритуальных позах. Шерли появляются на противоположных концах поля и восходят по лестницам в «цитадели» (действительно напоминающие миниатюрные крепости), пока пара оркестров играет «Славу девственницам-шерлям». В то же время на поле выкатывают огромное, четырехметровое деревянное изображение каркуна¹ Клаубуса, каковое шерли подчеркнуто игнорируют — по причинам, становящимся очевидными впоследствии. Третий оркестр играет вульгарную, позвякивающую и подвывающую «каркуническую» музыку, контрапунктирующую, а временами и диссонирующую с двумя «Славами». Я заметил, что аррабины, сидевшие рядом, слушали беспокойно и напряженно, вздрагивая от резких диссонансов, но при этом серьезно предвкушая драму с не характерным для них сосредоточением. Шерли все это время неподвижно стоят в «цитаделях», озаренные лучами Двона и не поддающимся описанию психическим ореолом — каждая олицетворяет чары красоты и доблести, но при этом, несомненно, с трепетом спрашивает себя:

— Прославлюсь ли я? Или меня отдадут на растерзание Клаубусу?

Игра продолжается до тех пор, пока одна из команд больше не может платить выкуп, после чего шерль проигравшей команды насилуется Клаубусом самым отвратительным образом, причем ее, совокупляющуюся с деревянной статуей на специальной тележке под аккомпанемент хриплой, лающей музыки, возит вокруг поля запряженная в тележку проигравшая команда. Победителям устраивают роскошный пир, не скупясь на импортную жранину. Зрители испытывают своеобразный катарсис и, повидимому, разряжают внутренние напряжения. Униженная шерль, однако, навсегда теряет привлекательность и достоинство. Она становится неприкасаемой и в отчаянии способна на любые, самые дикие поступки. Как вы теперь понимаете, хуссейд в

¹ Каркуны: в мифологии аластридов — символизирующие демонические страсти существа, ненавидящие человеческий род, но обуреваемые ненасытной похотью.

Унцибале — не развлечение, а мрачный, мучительный спектакль, сенсационно популярный общественный ритуал. Учитывая все сказанное, представляется почти невероятным тот факт, что командам удается без особого труда находить красавиц-шерлей, привлекаемых славой, как ночные мотыльки — пламенем костра.

Аррабины — несомненно извращенный народ, предрасположенный к игре болезненными, патологическими страстями. Например, во время схваток шунков ограждения поля недостаточно высоки и надежны, в связи с чем массивные твари, скачущие и кувыркающиеся в безумной ярости, нередко перепрыгивают барьер и валятся на головы публике. Раздавленные многотонной чешуйчатой тушей, гибнут десятки людей. Стараются ли аррабины поставить ограждения повыше и покрепче? Освобождают ли опасные места в передних рядах? Никогда! Рискуя таким образом, аррабины принимают непосредственное участие в ритуале жизни и смерти. Разумеется, никто не ожидает, что его раздавят или разорвут на клочки, так же как и шерль не ожидает, что ее осквернят и изуродуют. Подлинный триумф себялюбия, миф о торжестве личности над судьбой! Я думаю, что по мере скопления в больших городах люди вовсе не лишаются индивидуальности — совсем наоборот, их самомнение непропорционально раздувается. С этой точки зрения толпы, бесконечной стремниной мчащиеся по Унцибальской магистрали, становятся психическим явлением, выходящим за рамки воображения! Попробуйте представить себе: ряд за рядом, вереница за вереницей лиц, лиц, лиц, и каждое лицо — неповторимый мир в себе, самодостаточная сущность бытия, пуп Вселенной!

На этом и закончу сегодняшнее письмо. Хотел бы сообщить о каких-то определенных планах, но, по правде говоря, у меня их нет. В этой стране, восставшей против человеческой природы, меня ежеминутно бросает от изумления к отвращению и обратно.

Пора идти тухтеть — я поменялся сменами с неким Арсмером, живущим дальше по коридору. В эту неделю я занят! Хотя, если применить стандарты, общепринятые на Заке, я тут бесстыдно бездельничаю.

Горячо целую всех — маму, папу и сестер,
ваш блудный Джантифф

Глава 6

Джантиффу все труднее было притворяться, что он не замечает странные перемены в поведении Скорлетты. Та никогда не казалась ему спокойной или уравновешенной, но теперь постоянно находилась в состоянии злобного, чреватого вспышками ярости молчания, перемежавшегося приступами нездоровой нервной веселости. Дважды Джантифф заставлял ее с Эстебаном, когда они о чем-то шептались — при этом их беседа прерывалась настолько демонстративно, что Джантифф чувствовал себя лишним в своей квартире. В другой раз Джантифф, вернувшись домой, застал Скорлетту в припадке страха и отвращения — она бросалась из угла в угол, то закрывая лицо руками, то делая такие движения, будто пыталась стряхнуть с рук что-то мокрое и липкое. На такой спектакль Джантифф уже не мог не обратить внимание:

— Ну, что еще случилось?

Скорлетта тут же остановилась, глядя на Джантиффа помутневшими черными глазами, и разразилась гневными жалобами:

— Эстебан с его пикником! Танзель умрет от огорчения, если ее не возьмут, а Эстебан требует полный взнос. У меня не хватает талонов.

— Почему же он сам не заплатит за Танзель?

— Ха! Неужели ты до сих пор не понял, что как только речь заходит о деньгах, Эстебан думает исключительно о себе?¹

Джантифф сразу понял, к чему клонится разговор. Он сочувственно покачал головой и попытался проскользнуть в спальню. Скорлетта схватила его за руку, и опасения Джантиффа не замедлили оправдаться:

— Джантифф, у меня сто «деревянных». На пикник нужно еще пятьсот. Ты мне не займешь? Я для тебя сделаю что-нибудь приятное.

Джантифф поморщился, глаза его бегали по сторонам:

— Я устал, мне сейчас ничего не нужно.

— Но Джантифф, всего один озоль — от силы два. У тебя же их целая пачка!

— Мне нужно вернуться на Зак.

— Но обратный билет-то у тебя уже есть! Ты сам говорил!

— Да, да! Билет у меня есть! Но если придется где-то задержаться по пути, из-за Эстебана с его пикником у меня не останется денег!

— Но за себя-то ты платишь!

— Я достаточно потратился на пигменты из-за ваших культовых шаров.

¹ У арабинов отцовство всегда подвергается сомнению, но даже если оно признается, этот факт не влечет за собой никаких обязательств.

— Подумать только, какая мелочность! — взорвалась Скорлетта, ударив кулаком по стене. — С тобой и связываться не стоит! Скажи спасибо, что я Эстебана уговорила!

— Не понимаю, о чем вы, — сухо отозвался Джантифф. — Какое Эстебану дело до моей мелочности и вообще до того, чем я занимаюсь и кто я такой?

Скорлетта собралась было разразиться очередной тирадой, но решила воздержаться и ограничилась кратким замечанием:

— Тебе бесполезно объяснять.

— Вот и хорошо, — холодно согласился Джантифф. — Давайте прекратим разговор на эту тему.

Лицо Скорлетты перекосилось недоброй усмешкой:

— А я думала, ты хотел переехать к этой сунше¹ Кедиде.

— Я выражал такое желание, — не повышая голос, ответил Джантифф. — По-видимому, это невозможно, так что и говорить не о чем.

— Ошибаешься! Всё очень просто устроить — если этим займусь я.

— Неужели? И как вы намерены сотворить такое чудо?

— Пожалуйста, Джантифф, не нужно подвергать сомнению всё, что я говорю. Если уж я за что-то возьмусь, я этого добьюсь, будь уверен. Старый Сарп переедет, если Танзель будет время от времени с ним совокупляться. А она ждет не дожидается, чтобы ее взяли на пикник — так что все устроится наилучшим образом.

Джантифф с отвращением отвернулся:

— Не хочу участвовать в ваших мерзких махинациях!

Скорлетта уставилась на него, с неподдельным удивлением сдвинув черные брови:

— Почему нет? Каждый получит то, чего хочет. Что тебе не нравится?

Джантифф попытался сформулировать высоконравственное замечание, но все доводы, приходившие ему в голову, в арабинской общаге казались вопиюще неуместными. Он глубоко вздохнул:

— Во-первых, я хотел бы сперва обсудить этот вопрос с Кедидой. В конечном счете...

— Ничего подобного! Кедида тут совершенно ни при чем. Ей-то что? Она забавляется со своими спортсменами — от того, где ты живешь, с ней или с кем-то другим, ей ни тепло, ни холодно!

Подняв глаза к потолку, Джантифф сдержал готовое сорваться с языка резкое замечание. Его представления и представления Скорлетты были несовместимы — зачем давать повод для лишних словоизлияний?

Скорлетта, однако, в поводах не нуждалась:

— По правде говоря, Джантифф, я была бы только рада от тебя избавиться. Вечно становишься в позу и любишь собой, смотреть противно! Раскидываешь, развешиваешь повсюду свои каракули, чтобы каждую минуту всем напоминать о твоих драгоценных талантах! Так и не смог избавиться от элитарных предрассудков, выкормыш буржуйский! Ты в Арабусе! Тебя здесь терпят, не забывай об этом!

— Никто меня не терпит! — не выдержал Джантифф. — Я плачу все, что положено, и работаю не меньше других!

Бледное круглое лицо Скорлетты подернулось лукавой хитрецей, как у избалованного ребенка, знающего, что он напакостил, но уверенного, что ему все простят:

— А у тебя странные рисуночки, очень подозрительные! Кого ни встретишь, всех рисуешь! Зачем это тебе? Кого высматриваешь? Признавайся!

¹ Сунша: юркий продолговатый грызун-паразит без шерстяного покрова, способный испускать различные отпугивающие и привлекающие запахи.

— Я рисую людей, потому что мне так нравится. А теперь, если я не хочу опоздать на тухту...

— Вот еще, ты мне указывать будешь! Выкладывай талоны, я все устрою.

— Об этом не может быть и речи. Сначала устройте, а там посмотрим. Кроме того, талонов у меня не густо придется менять озоли в космопорте.

Мрачно сосредоточившись, Скорлетта не спускала с него глаз:

— Я должна дать Эстебану определенный ответ — он меня ждет с минуты на минуту.

— Отвечайте, что хотите.

Скорлетта решительно вышла из квартиры. Джантифф уже переоделся в рабочий комбинезон и вышел на улицу, когда вспомнил, что сегодня за него смену отрабатывал Арсмер. Чувствуя себя последним идиотом, он поднялся на лифте и вернулся домой. Пока он снимал в спальне комбинезон и сапоги, раздался характерный звук откатывающейся входной двери. Отворив стенной шкаф, Джантифф прислушался. В гостиную зашли несколько человек. Приблизилась тяжелые шаги: кто-то раздвинул пошире створки перегородки между комнатами и заглянул в спальню, но не заметил Джантиффа, почти зашедшего в стенной шкаф, чтобы положить на полку сложенный комбинезон.

— Его нет, — Джантифф узнал голос Эстебана.

— Он сегодня на тухте, — откликнулась Скорлетта. — Садись, я посмотрю, отстоялось ли пойло.

— На мой счет не суетитесь, меня воротит от здешней сивухи, — этот голос, глуховатый и сиплый, Джантифф не узнал.

Сварливый козлиный тенорок, несомненно принадлежавший Сарпу, возразил:

— Вам хорошо говорить, с винным погребом да соковыжималками!

— Ничего, скоро и у тебя все будет! — с бесшабашной бодростью заявил Эстебан. — Подожди пару месяцев.

— Такая мысль могла придти в голову только гению или безумцу, — задумчиво произнес незнакомец.

— Скажите лучше: мечтателю! — торжествовал Эстебан. — Разве не так делается история? В праздном размышлении мечтателя осеняет идея. Он подчиняется ее неопровержимой логике — и рушится империя! Самое смешное, что вопрос жизни и смерти решился... благодаря чему? Благодаря жалким каракулям несмысленного щенка. Ирония судьбы!

— В данном случае «вопрос жизни и смерти» — не преувеличение, — сухо обронил незнакомец. — Имейте в виду.

— Забудем об опасениях, они только мешают! — воскликнул Эстебан. — С этой минуты будущее принадлежит нам! Смелость города берет!

— И все же, не следует торопиться. Я мог бы назвать сотню препятствий, грозящих провалом.

— Прекрасно! Мы изучим каждое по отдельности и обойдем их на безопасном расстоянии. Скорлетта, где пойло? Наливай, не жалея!

— Про меня не забудьте, — вставил Сарп.

Джантифф присел на койку. Он уже кашлянул, чтобы напомнить о себе, но его никто не услышал, потому что в тот же момент Эстебан громко провозгласил:

— За успех нашего предприятия!

— Не уверен, что мы настроены на одну и ту же волну, — незнакомец употребил непривычное для Джантиффа выражение. — Мне ваш проект представляется чересчур рискованным, практически неосуществимым. Бредовая затея.

— Ошибаетесь! — весело возразил Эстебан. — Достаточно разделить план на несколько этапов. Каждый этап сам по себе предельно прост. В вашем случае вообще не должно быть сомнений — разве у вас есть какой-нибудь другой выход из положения?

Незнакомец недовольно крикнул:

— Так-то оно так... Дайте-ка еще раз взглянуть на этот рисунок... Да, что и говорить... Поразительно! Нарочно не придумаешь.

Скорлетта съязвила:

— Пожалуй, стоит выпить за здоровье Джантиффа.

— Вот именно, — голос Эстебана помрачнел. — Как с ним быть? Нужно хорошенько подумать.

Джантифф прилег на койку, хотя подумал, что лучше было бы, наверное, под нее спрятаться.

— Ваш Джантифф — типичный пример неизбежных многочисленных проблем, — бубнил глуховатый голос. — Короче говоря: что нужно сделать для того, чтобы нас не опознали?

— Именно в этом отношении вы незаменимы, — отозвался Эстебан.

Послышался похожий на кашель смешок Сарпа:

— По определению, мы все незаменимы.

— Верно, — согласился Эстебан. — Любой из нас может добиться успеха только в том случае, если успеха добьются все.

— В одном сомневаться не приходится, — задумчиво произнесла Скорлетта. — Если мы сделаем первый шаг, пути к отступлению не будет.

Джантифф не мог не удивиться тому, насколько голос Скорлетты, ясный и рассудительный, отличался от яростных истерических восклицаний, только что применявшихся ею в той же гостиной с целью мелкого вымогательства.

— Вернемся к основной проблеме, — сказал сиплый голос. — Ваше отсутствие в Розовой ночлежке сразу заметят.

— Мы разъедемся по другим общагам!

— Пусть так — но рано или поздно кто-нибудь взглянет на экран и скажет: «Смотрика! Это старина Сарп! А с ним, чтоб меня разорвало, наша соседка Скорлетта! И Эстебан!»

— Я об этом много думал, — тихо возразил Эстебан. — Проблема преодолима. В конце концов людей, которые нас хорошо знают, не так уж много.

Сарп спросил:

— А о жирнейшем фарциссимусе¹ вы забыли? Шептуны пригласили его на Фестиваль.

— Пригласили — но он, скорее всего, не приедет.

— Как знать? — вмешался незнакомец. — И не такое случалось. Я настаиваю на том, чтобы ничто — ничто, слышите? — не было оставлено на волю случая.

— Согласен! Кстати, я уже подумал об этой стороне дела. Подумайте и вы. Если он приедет, то непременно полезет на вышку-мартышку,² не так ли?

— Возможно. Не обязательно.

— Хорошо. Так или иначе — либо он не приедет, либо окажется под рукой.

— Приемлемое утверждение.

— Если бы вам всучили кулек хрустящей водоросли, сообщив, что одна из палочек отравлена, что бы вы сделали?

— Выбросил бы весь кулек.

— То-то и оно! Несмотря на то, что таким образом в кормопровод отправится в основном безвредная, съедобная жранина.

¹ На жаргоне аррабинов «фарцовщик» — инопланетный торговец или турист, привозящий контрабанду (как правило, жранину). «Жирный фарцовщик» — богатый и влиятельный инопланетянин. Соответственно, «жирнейший фарциссимус» — эвфемизм, означающий Коннатига.

² Вышка-мартышка: жаргонное словечко, означающее Пьедестал — главную трибуну над Полем голосов.

— Ммм... Ну, это мы обсудим в другой раз. Пикник все равно устроим?

— Обязательно! — сказала Скорлетта. — Я обещала Танзели, нет причин ее разочаровывать.

— В какой-то степени это неосторожно. Не следовало бы обращать на себя внимание.

— Никто не обратит внимания. Не одни мы пикники устраиваем.

— И все же — почему бы не отменить пикник? В будущем представится возможность попить, и не один раз.

— Кто знает, что нас ждет? Волчок крутится — а куда покатится?

— Как хотите. Не суть важно.

По той или иной причине Скорлетта направилась в спальню и, наклонившись к своему сундучку, краем глаза заметила Джантиффа. Резко выпрямившись, она издала сдавленный возглас удивления:

— А ты что тут делаешь?

Джантифф притворился, что с трудом просыпается:

— А? Что? Привет, Скорлетта. Уже обед?

— Я думала, ты на тухте.

— Сегодня меня сменил Арсмер. А что? Что такое? У тебя гости? — Джантифф сел, протирая глаза, опустил ноги на пол. Из гостиной слышалось оживленное бормотание. Входная дверь открылась и закрылась.

В спальню поспешно зашел Эстебан:

— Джантифф! Мы тебя разбудили?

— Да нет, все равно пора вставать, — Джантифф, щеголявший в трусах с тех пор, как снял комбинезон, с опаской поднял глаза на угрожающе нависшую над ним фигуру Эстебана. — Я сегодня вскочил с утра пораньше, не выспался. Потом вспомнил, что тухты не будет, и снова завалился.

Он поднялся, тем самым заставив Эстебана потесниться, и, захватив рубашку, прошел в опустевшую гостиную.

У него за спиной прозвучал тихий голос Эстебана:

— Скорлетта сказала, что ты согласился занять ей деньги на пикник.

— Да, — коротко ответил Джантифф, — согласился.

— Когда я получу деньги? Прошу прощения за спешку, но мне тоже нужно выполнять обещания.

— Завтра не будет слишком поздно?

— Нет, самое время. До завтра, значит.

Эстебан бросил многозначительный взгляд в сторону Скорлетты и вышел в коридор. Скорлетта вышла за ним.

Джантифф приблизился к стене и внимательно рассмотрел висевшие на ней наброски, один за другим. Ничто в этих набросках — по меньшей мере, с точки зрения Джантиффа — не возбуждало никаких подозрений и не носило крамольного характера. Загадочное обстоятельство!

Скорлетта вернулась. Джантифф успел вовремя отойти от стены. Скорлетта бросила на стол пару побрякушек и сказала деланно-беззаботным тоном:

— Эстебан — экстравагантная натура! Никогда не воспринимаю его всерьез. Что говорится, бурное воображение — особенно после кружки-другой пойла. Слышал, какие он тут развивал фантастические теории?

Скорлетта сделала паузу и отвела глаза, вопросительно подняв пушистые черные брови.

Джантифф поспешил ответить сразу, но с ленцой в голосе и позевывая:

— Я спал, как убитый. Не помню даже, когда он пришел.

Скорлетта коротко кивнула:

— О каких только интригах и заговорах не наслушаешься в общежитии! От скуки люди готовы на стену лезть! Бред собачий.

— Это как понимать? Пикник — тоже бред собачий? Пикника не будет?

Скорлетта изобразила звонкий смех:

— Еще как будет! Давай, одевайся, поезжай в космопорт деньги менять! А я пойду договорюсь с Сарпом.

Глава 7

Джантифф вышел из Розовой ночлежки и медленно, размышляя на ходу, направился к магистрали. Он поеживался — дул бодрящий прохладный ветерок, хотя в небе не было ни облачка. Двон сиял, переливаясь подобно расплавленной жемчужине, но сегодня Джантифф впервые не обращал внимания на хроматические эффекты. Проехавшись по латерали, он перешел на Унцибальскую магистраль, скользившую на восток к космопорту. «Подозрительно! — думал он. — В высшей степени подозрительно. Что все это значит? Что происходит? Ничего хорошего, в любом случае».

В полутора километрах к востоку от космопорта отвод магистрали устремлялся на север, к Полю голосов, минуя Аластроцентрал. Джантифф почти бессознательно перешел на эту ленту и подъехал к Аластроцентралу зданию из черного камня в глубине огороженного двора, выложенного плитами светло-сиреневого порфира и усаженного вдоль дорожки, ведущей к зданию, двумя рядами лимонных деревьев.

Джантифф пересек широкий двор и, пройдя через воздушную завесу, оказался в фойе. За конторкой сидел худошавый темноволосый молодой человек — судя по прическе и по не поддающейся определению инопланетной манере держаться, явно не арабин. Он вежливо обратился к Джантиффу:

— Добрый день! Чем могу служить?

— Я хотел бы поговорить с курсаром, — сказал Джантифф. — Хотя не знаю даже, как его зовут.

— Курсара зовут Бонамико и, насколько я знаю, в настоящее время он не занят. Могу ли я поинтересоваться, кого я имею честь представить курсару?

— Меня зовут Джантифф Рэйвенсрок, я из Фрайнесса на планете Зак.

— Одну минуту, пожалуйста, — служащий прикоснулся к кнопке и произнес:

— Господин курсар, вас желает видеть уважаемый Джантифф Рэйвенсрок с планеты Зак.

Из динамика в стене ответил тихий голос:

— Очень хорошо, Клод, я могу его принять.

Клод жестом пригласил Джантиффа следовать за собой. Они пересекли фойе, перед ними отодвинулась дверь, и они вошли в кабинет с зеленым ковром и стенами, обшитыми белым деревом. На массивном столе посреди кабинета теснились всевозможные предметы: книги, географические карты, фотографии, полированные кубики различных пород дерева, небольшая круглая подставка для просмотра голограмм и хрустальная сфера диаметром сантиметров пятнадцать, по-видимому выполнявшая функцию универсальных часов. Опираясь на стол, навстречу Джантиффу поднялся курсар Бонамико — крепко сложенный невысокий человек с грубоватым, но доброжелательным лицом и коротко подстриженными светлыми волосами.

Клод церемонно представил посетителя:

— Господин курсар, перед вами уважаемый Джантифф Рэйвенсрок.

— Благодарю вас, Клод, — сказал курсар, и обратился к Джантиффу: — Не откажетесь от чашки чаю?

— Не откажусь, — ответил Джантифф. — Очень любезно с вашей стороны.

— Клод, будьте добры, позаботьтесь о чае. Садитесь, господин Рэйвенсрок, расскажите, чем я мог бы оказаться вам полезен.

Джантифф осторожно опустился в мягкое кресло. Курсар оставался за столом:

— Вы недавно приехали?

— Совершенно верно. Как вы догадались?

— По обуви, — едва заметно улыбнувшись, пояснил курсар. — На магистралях Аррабуса редко приходится видеть хорошо сделанные ботинки.

— Да, разумеется, — Джантифф схватился обеими руками за ручки кресла и наклонился вперед. — Я должен рассказать нечто настолько невероятное, что даже не знаю, с чего начать. Думаю, следовало бы упомянуть о том, что во Фрайнесе на Заке меня учили трехмерному черчению и живописной композиции — другими словами, я умею с определенной степенью сходства зарисовывать то, что вижу. После прибытия на Вист я сделал много набросков, в том числе зарисовки людей, едущих по скользящему полотну, а также моих соседей и других жильцов Розовой ночлежки, где меня прописали.

Курсар кивнул:

— Продолжайте, я вас слушаю.

— Моя сожительница, то есть соседка по квартире — некая Скорлетта. Сегодня один из ее приятелей, Эстебан, пришел к ней в сопровождении старика по имени Сарп и еще одного человека, которого я не знаю. Они не догадывались, что я остался в спальне, и волей-неволей мне пришлось подслушать их разговор.

Джантифф воспроизвел беседу настолько точно, насколько позволяла память:

— В конце концов Скорлетта обнаружила меня в спальне и очень испугалась. Сарп и незнакомый человек сразу покинули квартиру. Мне все это очень не нравится. По сути дела, я случайно узнал о существовании какого-то зловещего заговора.

Джантифф прервался, чтобы прихлебнуть чаю, принесенного Клодом.

Курсар задумался:

— У вас нет сведений, позволяющих установить личность четвертого человека?

— Почти никаких. Когда он выходил из квартиры, дверь в спальню была раздвинута, и я успел его заметить краем глаза. Крупный, широкоплечий субъект, уже немолодой, черноволосый. По крайней мере, мне так показалось.

Курсар с сомнением покачал головой:

— Не знаю, что вам сказать. Несомненно, содержание подслушанной беседы позволяет предположить, что гости вашей соседки задумали нечто далеко выходящее за рамки мелкого хулиганства.

— Я тоже так думаю.

— Тем не менее, не совершено никаких противозаконных действий. Я не могу вмешаться, пользуясь полномочиями представителя Коннатига, исключительно на основе содержания подслушанного разговора. В конце концов, люди говорят о самых разных вещах, но очень редко переходят от слов к делу. Аррабины, как вы могли заметить, склонны к сумасбродству и преувеличениям.

Джантифф разочарованно нахмурился:

— Разве нельзя навести справки, начать расследование?

— Каким образом? На Висте Аластроцентрал играет несущественную роль — мягко выражаясь. У нас тут что-то вроде крошечного анклава, окруженного вражеской террито-

рией. У меня всего два помощника — Клод и Алейда. У них недостаточно работы, это правда, но ни Клод, ни Алейда не годятся в секретные агенты. У меня тоже нет требуемой квалификации. В Аррабусе нет ни разведывательной сети, ни какого-либо полицейского учреждения, куда можно было бы обратиться.

— Сидеть сложа руки тоже непростительно!

— Согласен. Прежде всего нужно получить какую-то фактическую информацию. Постарайтесь установить личность четвертого заговорщика. Вы можете это сделать?

Джантифф с сомнением наклонил голову:

— Наверное, могу. Эстебан устраивает загородный пикник, а этот субъект, судя по всему, собирается в нем участвовать.

— Превосходно. Узнайте, как его зовут, и продолжайте наблюдение. Если они перейдут от разговоров к делу, я смогу оказать противодействие.

Джантифф проворчал:

— Это все равно, что чинить дырявую крышу во время дождя.

Бонамико усмехнулся:

— Дождь, по меньшей мере, помогает установить, в каком месте прохудилась крыша! Тем временем, у меня есть еще одна возможность. Завтра я еду в Уонисс на совещание с Шептунами. Передам им ваше сообщение, а Шептуны уже примут меры по своему усмотрению. Они достаточно разумные люди, чтобы не пренебрегать опасностью. А вы попробуйте собрать дополнительные сведения.

Джантифф уныло согласился с курсаром, допил чай и покинул Аластроцентрал.

Скользкая лента несла его к космопорту. Обернувшись, Джантифф с тревожным сожалением смотрел на удаляющееся здание Аластроцентра — ему казалось, что он потерял какой-то шанс. Но что еще он мог сказать или сделать? И, учитывая обстоятельства, что еще мог сказать или сделать курсар?

В космопорте Джантифф зашел в бюро обмена валют, получил большую пачку талонов за пять озолей и направился обратно в Розовую ночлежку. Мысли его вернулись к Кедида. Та, конечно, обрадуется перемене. Сарп, в конце концов, далеко не приятнейший из возможных соседей. И все же — Джантифф поморщился — Кедида достаточно определенно высказалась по этому поводу. «Она всегда преувеличивает», — подбодрил он себя. Знакомый путь кажется коротким — немного погода он уже заходил в квартиру.

Скорлетты не было. Джантифф собрал пожитки. Наконец события начинали складываться в его пользу! Прелестная, бесшабашная, обворожительная Кедида! Как она удивится... Яркие образы, носившиеся в голове Джантиффа, задержались, потускнели. Будущее без Кедида представлялось мрачным и одиноким — но зачем обманывать себя? Будущее с Кедидой невозможно! Тем не менее, все как-нибудь обойдется, они что-нибудь придумают. Конечно, придется уехать из Унцибала — куда? Трудно вообразить себе Кедида и ее экстравагантные привычки в контексте, скажем, Фрайнесса. Разительный контраст! Кедида пришлось бы постоянно сдерживаться... Джантифф снова поморщился: на такое чудо трудно рассчитывать. Он принялся расхаживать по гостиной из угла в угол — три шага туда, три шага обратно — потом остановился, взглянул на выходную дверь. Жребий брошен. Сарп въезжает, он выезжает. Что ж, может быть, все к лучшему. Кедида к нему расположена — в этом Джантифф не сомневался. Так или иначе они как-нибудь приспособятся и будут счастливы...

Дверь открылась — вернулась Скорлетта. Застыв на пороге, она глядела исподлобья:

— Я все устроила. Ты готов?

— М-да. Должен сказать, Скорлетта, я подумал... Может быть, мне все-таки не следует переезжать.

— Что?! — заорала Скорлетта. — Ты надо мной издеваешься!

— Я подумал, что...

— Кому какое дело до того, что ты думаешь! Я все устроила, ты переезжаешь. Чтобы я тебя здесь больше не видела!

— Пожалуйста, Скорлетта, не горячитесь. В конечном счете, от вас не зависит...

— Зависит, и еще как! — набычившись, Скорлетта внезапно шагнула вперед; Джантифф инстинктивно отступил. — Смотри у меня, Джантифф, ты напрочишься! Вечно шарь по углам, вынюхиваешь, подслушиваешь!

Джантифф пытался протестовать — Скорлетта не слушала:

— Откровенно тебе скажу — с меня хватит! Тошнит от твоей холеной мелочности, от мазни твоей идиотской, от твоих буржуйских повадок! Ты даже совокупляться не можешь, не считая на пальцах, кто кому сколько должен! Убирайся к своей сиповке,¹ вы друг друга стоите! Любишь подсматривать? Так наглядишься — она тебе покажет с каждым встречным-поперечным, всю ночь напролет! Видела я этих ее «Эфталотов», вылезающих из спальни — на ногах еле держатся! Так может и тебе, заморышу, перепадет...

— Довольно, довольно! — закричал Джантифф. — Перееду только для того, чтобы избавиться от ваших скандалов!

— Тогда давай деньги! Девятьсот двадцать талонов.

— Девятьсот двадцать? — возмутился Джантифф. — Вы говорили: пятьсот.

— Пришлось занимать три места — для тебя, для меня и для Танзели, по триста «деревянных» каждое. Плюс двадцать на мелкие расходы.

— А ваши сто талонов?

— А что я буду их тратить? Они мне достались потом и кровью! Давай, гони талоны! — Скорлетта вся подалась вперед. Джантифф ошеломленно смотрел в круглое лицо, налитое ненавистью, как синяк — кровью. Он содрогнулся: с этой отталкивающей самкой он очутился в одной постели?

— Деньги!

Непослушными пальцами Джантифф отсчитал девятьсот двадцать талонов. Скорлетта ткнула ему в грудь желтой карточкой:

— Твой билет. Хочешь — езжай, не хочешь — проваливай!

В открытой двери за спиной Скорлетты появилась заглядывающая голова Сарпа:

— Сюда, что ли? Тут вроде не пыльно. Хотя, какая разница? Что одно стойло, что другое. Какая у меня койка — правая, левая?

Джантифф молча взял пожитки и ушел. Через час, когда Кедида вернулась домой, Джантифф уже расставлял на полке у нее в гостиной рисовальные принадлежности. Рассеянная Кедида не сразу заметила, чем он занимается:

— Привет, Джанти, дорогуша... сегодня тебе придется смыться поскорее — я буду занята с ног до головы.

— Кедида! Времени у нас сколько угодно! Все получилось!

— Замечательно! Что получилось?

— Я свалил старого Сарпа на Скорлетту! Наконец мы будем вместе!

Кедида застыла, будто пораженная электрическим током — неподвижно вытянув руки вниз, растопырив пальцы, упираясь большими пальцами в бедра:

— Ты не мог придумать ничего глупее! Не знаю, что и сказать...

— Скажи: Джантифф, я очень рада!

— Еще чего! Как я могу быть рада, если вся моя команда вот-вот сюда завалится, а ты стоишь в углу и маячишь перед глазами?

У Джантиффа челюсть отвисла:

¹ Непереводаимо (прим. автора).

— Твоя команда?

— Да, моя команда. С сегодняшнего дня я — шерль «Эфталотов»! Всегда об этом мечтала, и мечта сбылась. Чудеса, да и только! Скоро начнутся отборочные матчи, мы всех победим — нутром чувствую! Иначе не может быть. Больше никогда, никогда не будет никакой тухты, никакой скуки — впереди годы богатства, раздолья, веселья!

Джантифф мрачно опустил на стул:

— Что случилось с их предыдущей шерлью?

— Не поминай при мне эту криветку!¹ У нее дурной глаз, она приносила несчастье, внушала пораженческие настроения! «Эфталоты»сами так говорят. Что усмехаешься? Все так и будет, вот увидишь!

— Кедида, дорогая моя, послушай! Шутки в сторону! — Джантифф вскочил, подбежал к ней, взял ее за руку. — Опомнись, не становись шерлью! Что ты выиграешь, чем ты рискуешь? Подумай! Подумай, насколько счастливее ты будешь со мной! Брось «Эфталотов»! Откажи им! Мы уедем из Аррабуса, сможем жить по-человечески! Ради чего ты жертвуешь своим будущим?

Кедида похлопала Джантиффа по щеке, закончив дружеский жест чем-то вроде досадливой вялой пощечины:

— Тебе когда на тухту?

— Нескоро — за эту неделю я свое отработал.

— Жаль. Потому что сегодня вечером я развлекаю друзей, и ты нам помешаешь.

Наступило молчание. Джантифф расправил плечи:

— Тебе достаточно предупреждать меня о необходимости освободить квартиру — можешь упражняться до упаду, когда тебе вздумается. Усердные тренировки, несомненно, помогут шерли истощенной команды выполнить ее последний долг.

Кедида ответила:

— Иногда мне кажется, Джантифф, что в глубине души я тебя презираю. И не проси меня вводить новый код дверного замка — каким он был, таким и останется.

Опасаясь самого себя, Джантифф вырвался из квартиры, скрылся в лифте, выбежал на улицу. Возвращение в Розовую ночлежку казалось невыносимым. Уже вечерело. Человеческая река — Унцибальская магистраль — несла его дальше и дальше. Мимо промелькнула незнакомая латераль Манчжури, а Джантифф все шагал, наклонив голову навстречу порывистому ветру, безразлично расталкивая плечами замороженные толпы. Потревоженные бесцеремонным обращением, арабины яростно стонали и шипели, в спину Джантиффу неслись изощренные ругательства. Он их не слышал.

Джантифф отодвинул плечом толстую в ярко-оранжевом платье с красными оборками. Та покачнулась, пытаясь удержаться на высоких каблуках, и повалилась на спину, путаясь в пламенных оборках, крича и дрыгая ногами. Приподнявшись на локтях, она разразилась ужасными проклятиями вслед спешившему удалиться Джантиффу. Протискиваясь вперед, Джантифф обернулся. Женщина с трудом поднималась на ноги, но никто даже не пытался ей помочь, никто не упрекнул обидчика, не бросил в его сторону осуждающий взгляд — арабины продолжали неподвижно мчаться в никуда с озабоченно-восторженными лицами. Ругались только те, кого он толкал, другим было все равно. Джантиффа осенила печальная мысль: такова жизнь! Только что грузная, немолодая женщина ехала по Унцибальской магистрали, погружившись в привычные мысли, гордая огненным оранжево-красным платьем — прошло мгновение, и бесчувственная случайная сила повалила ее навзничь, под ноги безразличных прохожих.

¹ Местное оскорбительное выражение, обозначающее потасканную, нечистоплотную женщину с вульгарными манерами.

Джантифф задумчиво шагал по стремительно несущейся ленте. После столкновения с пышнотелой аррабинкой ярость его почему-то улеглась — он смотрел на поток плывущих мимо лиц с угрюмым отчуждением.

Странные люди, аррабины! Если уж на то пошло, все люди — в высшей степени странные существа. Джантифф пристально всматривался в лица, будто в них можно было найти намеки на разгадку сокровенных тайн бытия. Все лица чем-то похожи, но никогда не одинаковы — как снежинки, равномерно мерцающие радужными искрами на сугробах, но бесконечно разнообразные при ближайшем рассмотрении. Джантиффу начинало казаться, что он уже где-то видел каждого встречного, и не однажды. Тот сутулый старик вполне мог бы сойти за Сарпа! А долговязая женщина, откинувшая голову назад, могла бы заменить Гугейду, прозябавшую на шестнадцатом этаже Розовой ночлежки. Джантифф с усмешкой представил себе, что где-то по Унцибальской магистрали навстречу несется точная копия его самого. Каким человеком был сей псевдо-Джантифф, местная версия его безрадостной персоны?

Размышления о сходстве человеческих типов постепенно перестали вызывать у него интерес, и Джантифф вернулся к оценке нелицеприятной действительности. Выбор возможностей был удручающе скуден. К счастью, он в любой момент мог отправиться на космодром и покинуть Вист. Разумеется, так он и сделает. Довольно оскорблений, довольно скандалов! Не говоря уже о всячине, смолотке и студеле. Джантифф почувствовал новый прилив раздражения и обиды, причем больше всего он был недоволен самим собой. Неужели он, Джантифф — столь ничтожное, презренное существо? Стыд и позор! Он должен раз и навсегда избавиться от жалости к себе! Но как быть с чудесными планами на будущее? Их осуществление зависит только от него, ни от кого другого! И все надежды придется выбросить, как мусор на помойку, только потому, что его унизили? Будто для того, чтобы подчеркнуть сущность проблемы, заходящее солнце прикрылось тонкой полоской далекого облака, мгновенно вспыхнувшего по краям великолепным алмазным блеском. Сердце Джантиффа сжалось. Пусть аррабины живут непостижимо невежественной, мелочной жизнью! Сияние Двона, чистое и ясное, наполняет мир мифическим светом Царства Небесного!

Джантифф глубоко, взволнованно вздохнул. Он целиком погрузится в работу. Он покажет болтунам-аррабинам, что такое твердость и целеустремленность! Никаких симпатий, никаких сожалений. Вежливость, формальная предупредительность — да. Теплота, привязанность? Нет! А Кедида может оставаться шерстью четырех команд разом, туда ей и дорога. Скорлетта? Эстебан? Каковы бы ни были их подлые затеи, выше головы не прыгнешь — пусть попытаются, только шеи себе переломают, и поделом. Желтый билет на загородный пикник? Среди собравшихся может оказаться рослый черноволосый субъект с глуховатым сирым голосом. Любопытно было бы все-таки узнать, кто он такой, и поставить в известность курсара Бонамика. И почему бы ему не попировать? В конце концов, он заплатил за свое место, а Эстебан никогда не согласится вернуть уплаченные деньги. Так тому и быть! С сегодняшнего дня Джантифф Рэйвенсрок заботится только о себе! Пожалуй, следовало бы снова переехать, сжечь за собой мосты. И оставить Кедида? Не все так просто, однако. Взмалошная, очаровательная Кедида! Обворожительная Кедида! Что и говорить, вскружила она ему голову. Может быть, она еще передумает, у нее все зависит от настроения. Черт бы ее побрал! Почему он должен стесняться или утруждать себя в малейшей степени? Он имеет полное право жить там, где живет — а Кедида заметит его отстраненность и, просто в пику ему, начнет им интересоваться. В такой последовательности событий, по меньшей мере, нет ничего невозможного! Джантифф перешел на поперечную ленту, скользящую на север, и доехал до прибрежной низины. Подкрепившись парой сладких сосулук на окраине Дисджерферакта, он вернулся в Розовую ночлежку.

С напускной беспечностью Джантифф вломился в свою новую квартиру. Кедиды дома не было. На стене кто-то нацарапал мелом напоминание:

«ЗАВТРА МАТЧ!
«ЭФТАЛОТЫ» ПРОТИВ «БРАГАНДЕРОВ СКОРНИША»!
ТРЕНИРОВКА ВЕСЬ ВЕЧЕР!
ЗАВТРА — ПОБЕДА!
ДА ЗДРАВСТВУЮТ «ЭФТАЛОТЫ»!»

Поджав губы, Джантифф прочел воззвание и занялся размещением пожитков в тех немногих уголках квартиры, где не разбросала свое барахло Кедида.

На следующий день, поздно вечером, Кедида привела торжествующую ватагу товарищей по команде, друзей и болельщиков. Она тут же подбежала к Джантиффу, сидевшему в гостиной, и взъерошила ему волосы:

— Что я говорила, Джанти? Мы выиграли! А ты все хныкал и брюзжал. Пять неудержимых атак подряд!

— Знаю, — сказал Джантифф, — я был на стадионе.

— Ну а тогда почему ты не празднуешь вместе с нами? Ура, всем ура! «Эфталоты» в лучшей форме! Джантифф, не будь таким занудой, веселись со всеми! Пойло потечет рекой, все обиды как рукой снимет!

— О каких обидах может быть речь? — холодно удивился Джантифф. — К сожалению, мне нужно работать, веселиться вам придется без меня.

— Смотри, нахохлился, как старая ворона! Хочу, чтоб ты нарисовал всех «Эфталотов» — и меня, бесстрашную шерль непобедимой команды!

— Как-нибудь в другой раз, — упорствовал Джантифф. — В любом случае, на вечеринке рисовать будет невозможно.

— И то правда. Значит, завтра или послезавтра. А теперь — раскупориваем бидоны! Не скупись, Скрива, наливай по полной! За победу «Эфталотов»!

В шуме и в сутолоке терпение Джантиффа скоро иссякло. Он вышел в коридор, поднялся на лифте в «висячий сад» на крыше и долго сидел, погруженный в мрачные думы, на скамье, полускрытой буйно разросшимся кустом.

Через час он спустился в пустую квартиру, оставленную пьяной компанией в ужасном беспорядке — всюду валялись перевернутые стулья, разбитые кружки, мусор, пустые бидоны. Кто-то пролил кружку пойла ему на постель.

Возвращение Кедиды он едва заметил, и в полусне ему как-то удалось игнорировать звуки, раздававшиеся за шторой.

Утром Кедиде стало плохо — во всяком случае, она демонстративно издавала тихие невнятные стоны. Джантифф лежал молча, не шевелясь. Наконец Кедида спросила:

— Джанти, ты спишь?

— Нет, конечно.

— У меня все болит, боюсь пошевелиться.

— Даже так?

— Ну правда, Джанти! Какой-то кошмар, по мне как на катке ездили. Понять не могу, что случилось.

— Неужели?

— Джантифф, мне сегодня на тухту, а я сесть не могу, не то что встать. Ты за меня от-
тарабанишь? Будь человеком!

— И не подумаю.

— Ну Джанти, не надо так говорить! Сегодня особый случай, я даже подумать не могу
о том, чтобы куда-то тащиться. Ну пожалуйста, Джанти, будь так добр!

— Доброты мне не занимать. Но тухтеть я за тебя не буду. Во-первых, ты никогда не
отдаешь долги. Во-вторых, у меня самого сегодня тухта.

— О-о, дьявол! Придется подниматься, ничего не попишешь. Голова гудит, как колокол
— что за жизнь! Эх, как-нибудь!

На протяжении следующих двух дней Кедида рано уходила и поздно возвращалась —
Джантифф ее почти не видел. На третий день она осталась дома, но перспектива предстоя-
щего матча «Эфталотов» с пользовавшимися высокой репутацией «Вергазскими хальдра-
вами» приводила ее в панически раздраженное состояние. Когда Джантифф предложил ей
порвать, пока не поздно, с «Эфталотами», Кедида уставилась на него с изумлением:

— Джанти, о чем ты говоришь? Нам осталось только побить «Хальдравов», и мы вый-
дем в полуфинал, потом в финал...

— А потом?

— Но мы же не проиграем! Джанти, неужели ты не видишь? Мне везет, я приношу уда-
чу! Все так говорят. Чемпионам никто не страшен! Жрачки будет от пуза, и больше нико-
гда никакой тухты — никогда!

— И это все? А другие места, другие миры ты увидеть не хочешь?

— А чего я там не видела? Вечно пресмыкаться перед плутократами да спину гнуть во-
семь дней в неделю, пока копыта не откинешь? На что она мне сдалась, такая жизнь? Тоска
смертная!

— Не всегда и не везде. На многих планетах Скопления люди живут по-своему, и жи-
вут совсем неплохо.

— Предпочитаю эгализм. Когда все равны, каждому легче.

— Но на самом-то деле ты не хочешь никакого равноправия! Ты хочешь победить, воз-
выситься над другими, чтобы у тебя всегда было вдоволь дефицитной жрачки, чтобы тебе
никогда не нужно было тухтеть. Это элитизм, а не эгализм!

— А вот и нет! Это потому, что я — Кедида, других таких нет! И потому что завтра мы
победим! И нет в этом никакого элитизма, можешь говорить все, что хочешь.

Джантифф печально усмехнулся:

— Не пойму я вас, арабинов.

— Это тебя никогда не поймешь! Ты не разбираешься в самых простых вещах. Вместо
того, чтобы радоваться жизни, возишься день-деньской с идиотскими кистями и красками!
Кстати: когда ты собираешься рисовать наш групповой портрет? Ты обещал.

— Не знаю. Не уверен, что вообще...

— Сегодня не получится, мы тренируемся. Завтра тоже, завтра игра. Послезавтра будем
отдыхать после празднования победы. Так что с мазней придется подождать, не велика бе-
да.

Джантифф вздохнул:

— Вот и хорошо, забудем об этом.

— Ага, забыть-то мы забудем, но ты мог бы сделать для нас что-нибудь получше — на-
пример, большой плакат на стену: «Слава «Эфталотам», чемпионам Арабуса!» С обна-
женными титанами, золотыми молниями и ярко-зелеными падающими звездами. Ну пожа-
луйста, Джанти! Нас что-нибудь в этом роде изрядно позабавит.

— Послушай, Кедида...

— Ты не хочешь мне подарить даже такую безделицу?

— Тогда принеси краски и бумагу. Я отказываюсь тратить пигменты на всякую чушь. Кедида пискливо мяукнула, выражая предельное отвращение:

— Джантифф, это уже просто неприлично! Ты торгуешься, как лавочник, из-за каждой мелочи!

— Пигменты мне присылают заказной почтой с Зака.

— Ну и проваливай к себе на Зак, что ты ко мне пристал?

Джантифф счел недостойным для себя что-либо отвечать и вышел из квартиры.

В вестибюле на первом этаже его окликнула Скорлетта, излучавшая неубедительное дружелюбие:

— А, Джантифф! У тебя, небось, слюнки текут? К пикнику все готово.

Последовал лукавый взгляд искоса:

— Ты, конечно, не упустишь такой случай?

Джантиффу ее манера очень не понравилась:

— Разумеется, нет. Я заплатил за билет. Почему бы я стал выбрасывать деньги на ветер?

— Вот и хорошо. Отправимся послезавтра, рано утром.

Джантифф прикинул в уме:

— Послезавтра? Ничего не может быть лучше. Сколько нас будет?

— Ровно дюжина. Больше в аэромобиль не поместится.

— Мы полетим? Каким образом Эстебану удалось раздобыть воздушный транспорт?

— А, ты не знаешь Эстебана! Он умеет провернуть любое дело и выйти сухим из воды.

— Не сомневаюсь, — холодно отозвался Джантифф.

Скорлетта снова развеселилась — и снова от нее повеяло неподдельным притворством:

— Еще одна важная мелочь — не забудь взять с собой камеру. Цыгане выкидывают неподражаемые номера! Забудешь камеру — пожалеешь!

— Не хочу брать с собой ничего лишнего.

— Ты никогда себе не простишь, если упустишь такую возможность! Кроме того, Танзель хотела бы получить пару фотографий на память. Ты же ей не откажешь?

— Ладно, возьму камеру.

— Договорились! Встретимся в вестибюле, сразу после завтрака.

Скорлетта бодро направилась к лифту. Джантифф проводил ее взглядом: Скорлетта, придававшая огромное значение столь редкому в ее жизни событию, очевидно сама хотела обзавестись сувенирами и решила снова воспользоваться его услужливостью. Что ж, на этот раз ее ожидания могут не оправдаться.

Джантифф вышел из общежития и присел на скамью под навесом, в стороне от входа. Вскоре из-под арки появилась Кедида. Оказавшись на солнце, она зажмурилась и сладко потянулась, после чего поспешила, почти вприпрыжку, к вечно многолюдной магистрали. Когда ее фигура исчезла в неподвижно несущейся толпе, Джантифф поднялся на ноги и вернулся в квартиру. Как всегда, Кедида оставила после себя невероятный беспорядок. Джантифф немного прибрал в комнатах и задумчиво прилег на койку. Сомнений не оставалось: пора было уезжать из Унцибала... Поведение Скорлетты, особенно в том, что касалось камеры, показалось ему исключительно подозрительным. Никогда раньше она не проявляла интереса к фотографированию... Джантифф задремал, но через некоторое время его разбудили пронзительные голоса: вернулась Кедида, и с ней в квартиру гурьбой ввалились самодовольные «Эфталоты», обмениваясь скабрёзными шутками, хвастливо поддразнивая друг друга, наперебой обсуждая тактику завтрашней игры. Джантифф повернулся на бок и попытался закрыть уши подушкой. В конце концов он встал, прошлепал к лифту и поднялся в сад на крыше, где и просидел до тех пор, пока не позвонили к ужину.

Кедида, вся раскрасневшаяся от возбуждения, тоже заглянула в столовку. Джантифф старался не смотреть на нее. Едва притронувшись к еде, она упорхнула. Вернувшись домой, Джантифф застал ее уже в постели, утомленно спящую — она даже не задернула шторку между койками. Какой невинной и чистой она выглядела во сне! С досадой отвернувшись, Джантифф разделся и лег в постель: завтра беспардонным «Эфталотам» и их самонадеянной шерли предстояло иметь дело с серьезными противниками.

Вечером следующего дня Джантифф возвращался в Розовую ночлежку. Днем было жарко, и даже теперь еще воздух казался тяжелым. Небо над городом затянули темные тучи — только на западе блестела, как рыба чешуя, полоска заката. Джантифф невольно поморщился: неужели у него настолько разыгралось воображение? Или ветер действительно доносил тошнотворно-сладковатый запах тления? Подернув плечами, Джантифф подавил зарождавшуюся мысль: способность мозга находить самые причудливые аналогии в вечном поиске закономерностей порой вызывала отвращение. Сурово приказав себе держать себя в руках, он вошел в общежитие и поднялся на лифте. У входной двери квартиры он задержался и замер в странной позе — опустив голову, с рукой, наполовину поднявшейся к кнопочной пластинке замка. Очнувшись, Джантифф открыл дверь, зашел в пустую квартиру. Сегодня лампы горели тускло, гостиная казалась темноватой, душной, глухой. Джантифф задвинул за собой входную дверь, подошел к столу, опустил на стул.

Прошел час. В коридоре слышались тихие шаги. Дверь отодвинулась — зашла Кедида. Джантифф молча наблюдал за ней. Она тоже приблизилась к столу и опустилась на стул — неловко, с усилием, как страдающая ревматизмом старуха. Джантифф бесстрастно изучал ее лицо: бледные скулы чуть просвечивали сквозь посеревшую кожу, уголки рта опустились.

Глядя на Джантиффа столь же бесстрастно, Кедида тихо сказала:

— Мы проиграли.

— Я знаю, я там был, — кивнул Джантифф.

Губы Кедида чуть покривились. Она спросила, так же тихо:

— Ты видел, что они со мной сделали?

— Да, с начала до конца.

Кедида улыбнулась непонятной кривой улыбочкой и ничего не сказала.

Джантифф произнес без выражения:

— Помочь я ничем не мог, не смотреть было бы трусостью — оставалось только смотреть.

Кедида отвернулась к стене. Шли минуты. В коридоре прозвучал звонок.

— До ужина десять минут, — встрепенулся Джантифф. — Прими душ, переоденься. Станет легче.

— Не хочу есть.

Джантифф не знал, что сказать. Когда раздался второй звонок, он встал:

— Ты идешь?

— Нет.

Джантифф отправился в столовку. Мгновенно появившаяся вслед за ним Скорлетта взяла поднос, присела прямо напротив, с притворным беспокойством обернулась направо, налево:

— Где Кедида? Ее сегодня не будет?

— Нет.

— «Эфталоты» продули, — Скорлетта смотрела исподлобья, с ядовитой усмешкой. — Им устроили хорошую взбучку.

— Я был на стадионе.

Скорлетта коротко кивнула:

— Никогда не понимала, ради чего женщины ставят себя в такое положение. У некоторых, по-видимому, желание производить впечатление становится болезненной потребностью. В конце концов команда проигрывает, и тогда уж действительно начинается впечатляющий спектакль! Результат невозможно не предвидеть; следовательно, он и является изначальной целью. Преступный сексуализм! Удивительно, что это извращение все еще не запретили.

— Стадионы набиты до отказа, — возразил Джантифф.

Скорлетта презрительно хрюкнула:

— Как бы то ни было! Все эти игроки в хуссейд, «Эфталоты» и «Хальдравы» — чужеземцы, враги равноправия, эксплуататоры! Понаехали сюда, и за наши деньги над нами же издеваются. Почему бы им, спрашивается, не привозить своих шерлей? О нет, это им и в голову не приходит! Они предпочитают протаскивать крамольную пропаганду под видом развлечений. Ведь по сути дела это сексуализм чистой воды. Ты не согласен?

— Я не анализировал этот вопрос, — равнодушно отозвался Джантифф.

Скорлетту его ответ не удовлетворил:

— Потому что в глубине души ты — противник равноправия!

Джантифф промолчал. Скорлетта вдруг преисполнилась покровительственным сочувствием:

— Но ты не огорчайся! Подумай: завтра пикник! Сможешь целый день удовлетворять свои антиэгалитаристические страстишки, и никто тебе ничего не запретит.

Джантифф хотел было заметить, что именно Скорлетта, а не он, постоянно проявляет нездоровый интерес к запретному элитарному пиршеству, но никак не мог подобрать удобное выражение. Вместо этого он откровенно признался:

— Не уверен, что смогу поехать.

Скорлетта вскинула черные брови, взгляд ее стал суровым и неподвижным:

— Что? Отстегнув целую пачку деревянных? Конечно, ты поедешь.

— По правде говоря, я не в настроении.

— Но ты же обещал! — выпалила Скорлетта. — Танзель ждет не дождется твоих фотографий. И я. И Эстебан! Мы на тебя рассчитываем.

Джантифф что-то бормотал, намереваясь возразить, но Скорлетта возражений не допускала:

— Значит, ты явишься, и не будет никаких накладок?

— Такое обращение, вообще-то, мне...

Скорлетта угрожающе наклонилась вперед. Но Джантифф замялся не поэтому — он вспомнил поручение курсара:

— Хорошо, если для вас это так важно, я приду.

Скорлетта расслабилась, откинулась на спинку стула:

— Отправимся сразу после завтрака, так что смотри не проспай и не считай ворон! И камеру не забудь!

Джантифф не знал, как реагировать — любой ответ казался унижительным. Он проглотил последнюю ложку студеля, поднялся и направился к выходу из столовой, чувствуя спиной тяжелый, неподвижный взгляд Скорлетты.

Возвратившись в квартиру, он старался не шуметь. В гостиной было пусто. Джантифф заглянул в спальню. Койка Кедида была старательно задернута шторой.

Джантифф постоял в нерешительности, вернулся в гостиную. Осторожно отодвинув стул, он сел, облокотился на стол и стал смотреть в стену.

На следующее утро Джантифф проснулся рано. За шторой неподвижно лежала Кедида. Джантифф тихонько оделся и отправился в столовку. Скорлетта прибыла туда же чуть

позже и остановилась, загородив дверной проем, в почти величавой позе — чуть расставив ноги в стороны, гордо вскинув голову, поблескивая глазами. Глаза ее рыскали по столам. Обнаружив Джантиффа, она тут же промаршировала прямо к нему. Раздосадованный Джантифф поднял глаза к потолку: почему Скорлетта позволяет себе такую развязность? Та, однако, игнорировала или даже не заметила его недовольство, с ходу опустившись на соседний стул. Джантифф угрюмо косился на нее. Сегодня Скорлетта была не в лучшей форме: явно одевалась впопыхах и, по-видимому, забыла помыться. Когда она наклонилась, чтобы потянуть Джантиффа за рукав, от нее повеяло острым запахом прогорклого жира, заставившим Джантиффа брезгливо отодвинуться. Скорлетта снова ничего не заметила — либо ей было все равно, либо мысли ее были заняты чем-то другим:

— Денек выдался на славу! Не надейся, оставь всячину на пойло. Чем голоднее будешь, тем больше тебе понравится пикник!

Джантифф с сомнением смотрел на свой поднос. Скорлетта, будто спохватившись, быстро протянула руку и одним движением собрала всю его всячину:

— Ты не умеешь пойло варить. Предоставь это мне.

Джантифф попытался отнять всячину, но Скорлетта уже опустила ее в сумку на поясе.

— Но я голоден! — возмутился Джантифф.

— Сегодня пикник! Слушай, что тебе говорят: не набивай кишки всячиной!

Джантифф отодвинул смолочно и студель подальше от Скорлетты.

— Откуда вы знаете? — проворчал он. — Может быть, мне не по нутру придется ваша жрачка.

— На этот счет не беспокойся! Цыгане прекрасно готовят — нигде в Скоплении не найдешь лучшего стола. Сперва закуски: пастели из мяса с пряностями, пеммикан попастушески, рыбные колбаски, блинчики с перцем, борлоки. На первое: пирог со сморчками, чесноком и вареным выменем. Салат из лесной зелени под мускусным соусом, обсыпанный сухариками. На второе: мясо, жареное на углях, с луком и брюквой. Десерт: пирожные в цветочном сиропе. И всё будем запивать настоящим хольсбеймским вином! Как тебе, а?

— Впечатляющее меню. По сути дела, даже удивительно — где они берут все эти ингредиенты?

Скорлетта беззаботно махнула рукой:

— Кто их знает? Их дело — доставать и подавать, наше дело — платить и пировать.

— Надо полагать, чтобы достать мясо, они угоняют скот у фермеров.

Скорлетта нахмурилась, отведя глаза в сторону:

— А зачем во всем этом копать? Ну, докопаешься, а дальше что? Бери, что дают. Если мясо свежее, сочное — какая разница, откуда оно взялось?

— Действительно, — Джантифф поднялся на ноги. Скорлетта задумчиво следила за ним:

— Ты куда?

— Домой. Нужно поговорить с Кедидой.

— Поторопись, мы уже уходим. Я буду ждать внизу. И не забудь камеру.

С упрямой решительностью Джантифф направился к себе в квартиру. Койка Кедида все еще была задернута шторой. «Если она не поспешит, то пропустит завтрак, — подумал Джантифф. — А она и вчера ничего не ела».

— Пора вставать! — позвал он. — Кедида! Ты спишь?

Ответа не было. Джантифф подошел, отодвинул штору. Постель Кедида пустовала.

Джантифф в замешательстве глядел на аккуратно сложенное одеяло. Они разошлись в коридоре? Может быть, Кедида принимает душ? Зачем же было прятать прибранную постель? Джантифф вздрогнул, пораженный ужасным подозрением. Он распахнул дверь

стенного шкафа — самого нового платья и сандалий Кедида не было. Он покопался в ящике, где Кедида держала талоны. Пачка талонов исчезла.

Джантифф бросился вон из квартиры, спустился в лифте и, не обращая внимания на пронзительные возгласы Скорлетты, выбежал из общежития. Очутившись на магистрали, он стал поспешно пробираться через толпу, игнорируя яростные проклятия, озираясь по сторонам, присматриваясь к шеренгам голов — не мелькнет ли где-нибудь знакомый золотистый локон?

Добравшись до Дисджерферакта, он пустился со всех ног к павильонам забвения — обгоняя одних, едва уклоняясь от столкновения с другими — и, уплатив талон за вход, прошел на огороженную территорию Парка смерти.

На Трибуне прощания, вызывая к немногочисленным слушателям, рыжеволосый самоубийца самозабвенно декламировал оду. Кедида поблизости не было; в любом случае, она не стала бы произносить речи. Ладья ароматов? Джантифф заглянул в увитый цветами дворик у пристани. Шестеро незнакомцев молча ждали своей участи. Джантифф подбежал к Дворцу nirваны и принялся лихорадочно сновать по сводчатой галерее, окружавшей полупрозрачные стены, переливавшиеся золотисто-радужными бликами. Прикладывая ладони к стеклам, вглядываясь внутрь, он то и дело узнавал мимолетные отражения: вот порхнуло, рассыпаясь остроконечными осколками, яркое платье, вот ниоткуда появилась рука, ищущая проход в хрустальном лабиринте, и — вдруг, на мгновение — знакомый обворожительный профиль! Джантифф бешено колотил по стеклу:

— Кедида!

Призмы сместились, повернулись — лицо, обернувшееся было к Джантиффу, пропало в темно-золотом блеске.

Джантифф стучал, вглядывался, звал — тщетно.

— Ее уже нет, — прозвучал раздраженный голос. — Пойдем, тебя все ждут.

Обернувшись, Джантифф увидел Скорлетту.

— Не могу понять, — бормотал он. — Показалось, что это она...

— Хочешь знать наверняка? Проще простого, — буркнула Скорлетта. — Пошли к билетеру.

Подхватив Джантиффа под локоть, она заставила его подойти к турникету и, нагнувшись к окошку будки, спросила:

— Сегодня утром кто-нибудь из Розовой ночлежки был? Унцибал 17-882.

Билетер провел пальцем по списку:

— Освободилось место в квартире Д-6 на девятнадцатом этаже.

Скорлетта повернулась к Джантиффу:

— Она здесь была. Ее больше нет.

— Бедная Кедида!

— Да, все это печально, но у нас нет времени распускать нюни. Ты камеру не забыл?

— Оставил в квартире.

— А, чтоб она провалилась! Почему ты никогда не можешь подумать о других? Из-за тебя все уже скачут, как на иголках!

Джантифф молча последовал за Скорлеттой. Неподалеку ждал Эстебан.

— Кедида прошла через призмы, — сообщила Скорлетта.

— Жаль, — покачал головой Эстебан, — весьма прискорбно. Она всегда была такая веселая. Но пора двигаться, время не ждет. Куда делась Танзель?

— Я ее в общежитии оставила. Нам все равно возвращаться за камерой Джантиффа.

— Что ж, встретимся у перекрестка магистрали с потоком Тамба, на северной площадке.

— Прекрасно. Дай нам двадцать минут. Джантифф, пошли!

Когда они вернулись в Розовую ночлежку, Джантифф чувствовал непривычное приятное опьянение, даже легкое головокружение. «Вот еще! — с удивлением думал он. — Чему это я обрадовался? Кедида, драгоценная Кедида — опозорилась и погибла... Это потому, что она так и не стала моей. Она не могла мне принадлежать, а теперь я свободен. Теперь я поеду на пикник, опознаю четвертого заговорщика, а потом... Потом я навсегда покину Арабус, без оглядки... Интересно, что это Скорлетта с ума сходит по моей камере? Странно. В высшей степени подозрительно. Тут что-то не так».

В вестибюле общежития Скорлетта сухо приказала:

— Сбегай за камерой. Я найду Танзель, встретимся здесь.

Джантифф оскорбленно заложил руки за спину:

— Скорлетта, будьте добры, поймите наконец, что никто вам не давал никакого права мной распоряжаться!

— Да-да. Не теряй времени, нас давно ждут.

Поднявшись в лифте на девятнадцатый этаж, Джантифф зашел в квартиру, открыл сейф — защищенный замком металлический ящик в стене — и вынул фотографическую камеру. Подбрасывая ее на ладони, несколько секунд он размышлял, после чего открыл камеру, вынул кристалл памяти и положил его в сейф, а в камеру вставил запасной кристалл из сейфа.

В вестибюле его ждали Скорлетта и Танзель. Взгляд Скорлетты тут же сосредоточился на камере. Она по-военному кивнула:

— Порядок. Можно идти, наконец.

— Скорей, скорей! — чтобы у взрослых не осталось ни малейшего сомнения в необходимости торопиться, Танзель выбежала на улицу, повернулась, подпрыгнула, побежала обратно. — Флиббит улетит без нас!

Скорлетта мрачно рассмеялась:

— Ну уж нет, без нас Эстебан никуда не денется. Без нас ничего у него из этого пикника не выйдет!

— Все равно пошли скорей!

Унцибальская магистраль струилась на восток, Танзель восторженно трепала языком:

— Смотрите, вокруг миллионы, миллионы людей, а на пикник едем только мы одни! Здорово, правда?

— Так говорить немножко неэгалитично, — упрекнула ее Скорлетта. — Правильнее было бы выразиться: сегодня наша очередь ехать на пикник.

Танзель скорчила капризную, легкомысленную гримасу:

— Как ни выражайся, едем-то мы, а не кто-нибудь другой!

Скорлетта не сочла нужным отвечать. Джантифф наблюдал за проказами Танзели отстраненно, будто издали. Чем-то она напоминала Кедиду — несмотря на то, что волосы у нее были черные, коротко подстриженные, кудрявые. Кедида тоже вечно болтала глупости и бесхитростно веселилась... На глаза невольно навернулись слезы — Джантифф смотрел в небо, где веером распустились в блаженном свете Двона вереницы перистых облаков. Где-то там, в сиянии вечного утра, витал бестелесный дух Кедида — таково, по меньшей мере, было учение правоверных квинкункциев, к каковым формально относились родители Джантиффа. Если бы он мог в это верить, как было бы замечательно! Джантифф старался различить в облаках хотя бы намек на знамение, но видел только торжествующие перламутровые переливы — гордость Виста.

— На что это ты уставился? — прозвучал голос у самого уха.

— На облака.

Скорлетта подвергла небеса пренебрежительной инспекции, не обнаружила ничего достойного внимания и промолчала.

Танзель обернулась, протянула руку вперед:

— Вот уже латераль Тамба! Эстебан ждет на северной площадке, и с ним все остальные.

Внезапно вспомнив о своем поручении, Джантифф насторожился и пристально пригляделся к спутникам Эстебана. Их было восемь человек: четверо мужчин и четыре женщины. Джантифф узнал только Сарпа. Широкоплечего грузного субъекта, выходявшего из квартиры, когда Джантиффа «разбудили» в спальне, среди них не было.

Эстебан не позаботился представить своих знакомых. Всей компанией они продолжали мчаться на восток по Унцибальской магистрали. Не обнаружив среди собравшихся черно-волосого громилу, Джантифф снова впал в апатию и ехал поодаль от других. Пару раз он даже подумывал о том, чтобы ускользнуть — разумеется, незаметно — и вернуться в Розовую ночлежку. Но что там делать, в опустевшей квартире? Идея потеряла привлекательность. Джантифф заметил, что Скорлетта и Эстебан тоже ехали в стороне от основной компании и, чуть наклонившись друг к другу, о чем-то долго серьезно говорили. Время от времени они оборачивались, поглядывая на Джантиффа. Несомненно, разговор шел именно о нем. Джантифф почувствовал неприятный холодок — в конце концов, он не был среди друзей.

Джантифф стряхнул безразличие и занялся изучением попутчиков. Никто не обращал на него особого внимания — за исключением Сарпа, то и дело бросающего лукаво-издевательские взгляды, вдохновленные, надо полагать, вестью о призматической эвтанизии Кедиды.

Вздохнув, Джантифф принял фаталистическое решение отбыть пикник, как наказание. День только начинался — возможно, еще выпадет случай что-нибудь разузнать. Поравнявшись с Большим Южным проходом, компания перешла на латераль, скользящую на юг через 92-й район по окраинам города и, наконец, по болотистой пустоши, поросшей солончаковой полынью, клочкухой и бордвой. Когда исчезли постройки, кругом не было ни души — кроме пары мальчуганов, пускавших змея и тем самым только подчеркивавших безлюдность унылых просторов.

Скользящая лента поднималась по длинной пологой рампе. Отсюда Унцибал казался уже колоссальной упорядоченной схемой из прорезей и прямоугольных выступов, обесцвеченных расстоянием. Латераль повернула в Сторожевую долину, и Унцибал скрылся за холмом. Вдали, под первыми уступами яйлы, Джантифф увидел скопление длинных приземистых корпусов. Почти одновременно послышался рокочущий, стонущий рев, по мере приближения разделившийся на сотни отдельных шумов: тяжелые глухие удары, скрежет, пронзительный свист, грохот железных колес, гулкий металлический звон и лязг, частые громкие хлопки, похожие на звуки гигантских трещоток, ритмичные гудки и трели выпускаемых газов и пара. По пустоши наискось приближалась высокая ограда из колючей проволоки, внезапно повернувшая и побежавшая параллельно движущемуся полотну. Над изгородью через равные промежутки торчали металлические рогатины. Иногда — видимо, когда пролетало насекомое — между рогатинами с сухим треском проскакивали белые молнии. За оградой тянулась пара длинных конвейеров. Вдоль конвейеров, сгорбившись, стояли люди в грязных комбинезонах — мужчины отдельно, женщины отдельно. Джантифф подошел к Сарпу:

— Что тут происходит?

Сарп взирал на неприглядный промышленный ландшафт с безмятежным, почти покровительственным пренебрежением:

— Увы, Джантифф, перед тобой наши ясли для непослушных детей. Другими словами, Унцибальский исправительный лагерь, гостеприимства коего нам обоим до сих пор посча-

стливилось избежать. Никогда не зарекайся, однако! Попадешься под руку расчетчикам — они мигом докажут, что ты злостный сексуалист.

Джантифф не верил глазам своим:

— Все эти люди — сексуалисты?

— Ни в коем случае! Тут у нас нарушители всех сортов: и тунеядцы, и симулянты, не говоря уже о бессрочниках — инакомыслящих, предпринимателях и вредителях.

Полюбовавшись минутой-другую на заключенных, Джантифф не мог удержаться от усмешки:

— Убийцы остаются безнаказанными, а инакомыслящих и сексуалистов отправляют на каторгу?

— А как иначе? — торжествовал Сарп. — Убийца в иной ситуации даже полезен — народу-то у нас пруд пруди! А инакомыслящий подрывает равноправие, оно — одно на всех. Так что жалеть их нечего, все они порочили и позорили наше великое общество. Пусть теперь потрудятся на благо оно, сортируя руду для Metallургического синдиката.

Скорлетта обернулась:

— Жалостливый Джантифф! Только страдает он почему-то всяким выскочкам-извращенцам. Смотри, Джантифф, заруби себе на носу! Тех, кто ополчился на народную власть, у нас в Аррабусе не жалуют: двойная тухта и никакого пошла! Не говоря уже о том, что экстракт из них качают три раза в год. Тебе общага не нравится? А в лагерь не хочешь?

— Мне-то что? — обронил Джантифф. — Я не аррабин.

— Да что ты говоришь? — ласково-издевательским голосом пропела Скорлетта. — А мы-то думали, ты приехал наслаждаться достижениями общества всеобщего благоденствия!

Джантифф только пожал плечами и снова обратился к Сарпу:

— До сих пор я ничего не слышал о Metallургическом синдикате.

— Синдикатом заправляют пять головных подрядчиков. Кому, как не им, учить выскочек равноправию?

Старик издал диковатый смешок — заржал, как лошадь, но тут же поперхнулся:

— Кто в Аррабусе не знает пятерых великих воспитателей? Они у нас равнее всех равных. Комморс, гроссмастер Восточных лесов! Шубарт, гроссмастер Блея! Фарус, гроссмастер Ламмерланда! Дулах, гроссмастер Фрока! Мальвезар, гроссмастер Льювса! Пять прожженных плутократов. Тоже мне «бесправные придурки»!¹ Причем Шубарт — самый отъявленный сукин сын. У него на откупе вся Служба взаимных расчетов.

— Попрошу не выражаться! — строго прервал тираду Сарпа Эстебан. — Не стал бы злословить по адресу Шубарта, любезно предоставившего нам возможность долететь до лугов в долине Ао. В противном случае нам пришлось бы трястись в колымаге.²

Приятель Эстебана по имени Доббо шутливо отозвался:

— Почему бы не растряссти кости в старом драндулете? Лучший способ полюбоваться на окрестности!

¹ С точки зрения аррабинов претендовать на человеческое достоинство может только равноправный член общества, а любые подрядчики и работающие на них технические специалисты и механики считаются чем-то вроде касты недолюдей, чужеземных выродков. Аррабины любят представлять себе подрядчиков как раболепных, продажных бригадиров-надзирателей, постоянно сознающих свое подчиненное положение, но стремящихся во всем угождать благородным бессребреникам-эгалитам и поэтому притворяющихся неестественно расторопными и энергичными. В просторечии подрядчиков нередко величают «придурками».

² То есть в омнибусе.

— Еще чего! Того и гляди, заснешь — и не проснешься до самого Блея, — отрезал Эстебан. — Нет уж, благодарю покорно. Предпочитаю флиббит. И давайте-ка полегче насчет подрядчика Шубарта, придержите языки.

Сарп, которому явно доставляло удовольствие действовать Эстебану на нервы, не унимался:

— Раз мы летим на флиббите Шубарта, то и пожаловаться уже ни на что нельзя? Шубарт роскошествует в помещичьей усадьбе у себя в Баладе и в ус не дует! Действительно, почему бы ему не называться «гроссмастером» и не задирать нос перед арабинской чернью?

— На его месте я делал бы то же самое, — заметил Доббо, — Разумеется, я сторонник равноправия — у меня нет другого способа уклониться от бесконечной тухты. Но будь такая возможность, я бы долго не раздумывал — бери, что дают!

Стоявший рядом Эйлас усмехнулся:

— Доббо берет даже то, что никто не дает. Он у нас еще не подрядчик, но по праву мог бы называться гроссмастером свистунов.

— О-го-го! — воскликнул Доббо. — Шутки шутками, но пора и честь знать! Впрочем, не могу не признать: вокруг меня все, что плохо лежит, находит полезное употребление. Так что от высокого звания я не отказываюсь.

Дорожная лента скользила вдоль сортировочных конвейеров, пока они не кончились, после чего повернула к плавильням и фабричным корпусам, пронеслась мимо отвалов шлака и бункеров для разгрузки руды с аэробарж, миновала пару ангаров для обслуживания техники. Впереди полотно раздваивалось. Следуя за Эстебаном, попутчики направились к терминалу перед административным корпусом, обогнули его и оказались на посадочной площадке, где выстроилась дюжина летательных аппаратов. Эстебан зашел в контору диспетчера и вскоре появился оттуда, повелительно указывая на старый помятый воздушный экипаж:

— Все на борт! Пикник не ждет! Перевозка за счет моего старого приятеля, подрядчика Шубарта!

— Раз уж ты у него побираешься, что тебе стоило попросить «Космер-Туз» или «Дэйси-Ятаган»? — во всеуслышание блеснул эрудицией Сарп.

— Приказ обжалованию не подлежит! — отозвался Эстебан. — Посудина не шикарная, но всё лучше, чем тащиться на драндулете. А вот и наш водитель.

Со стороны лагерного управления вперевалку подходил мускулистый, коренастый черноволосый тип с оплывшей зловещей физиономией. Джантифф присмотрелся: четвертый заговорщик? Все может быть — хотя обладатель глуховатого голоса, пожалуй, был повыше и двигался живее.

Эстебан обратился к попутчикам:

— Избранники Фортуны, предвкушающие пир! Позвольте представить вам distinguished Бувехлютера по прозвищу «Бухлый», мастера на все руки и незаменимого помощника подрядчика Шубарта. Он любезно согласился отвезти нас.

Опьяненная возбуждением, Танзель закричала:

— Да здравствует distinguished Бухлый! Ура, ура, ура!

Эстебан воздел руки, игриво призывая к сдержанности:

— Не будем возносить ему преувеличенные похвалы, а то он возгордится и решит, что ему не подобает якшаться с такими, как мы!

Джантифф напряженно прислушался, ожидая ответа со стороны Бухлого, но тот отделался не слишком дружелюбным кряхтением, не позволившим опознать голос. Джантифф изучал черты водителя — узкие глаза с тяжелыми складчатыми веками, бугристые скулы, большой мясистый рот, недовольно надутые щеки, маленький подбородок, раздвоенный

глубокой ямкой. Бухлый не располагал к себе, но от него исходило ощущение грубой животной энергии. Он что-то еле слышно пробормотал Эстебану на ухо, развернулся и направился к пилотской кабине. Эстебан снова позвал:

— Все на борт! Пошевеливайтесь! Мы и так уже на час опоздали.

Участники пирушки забрались в экипаж и расселись. Эстебан, приподнявшийся с кресла у перегородки пилотской кабины, наклонился к Бухлому и давал какие-то указания. Джантифф внимательно разглядывал затылок водителя. Почти наверняка Бухлый не был четвертым заговорщиком.

Бухлый с пренебрежением пробежался пальцами по приборам — экипаж поднялся в воздух и направился на юг, едва разминувшись с утесами яйлы. За спиной Джантиффа Эйлас и его подруга по имени Кадра, судя по всему, обсуждали Эстебана. Кадра заметила:

— Воздушный экипаж придает поездке очарование настоящего приключения. Сразу стало интересно и весело — я как будто проснулась! Никто так не умеет побираться, как Эстебан.

— Верно, — уныло согласился Эйлас. — Хотел бы я знать, как это у него получается.

— Тут нет никакой тайны, — возразила Кадра. — Правильное сочетание настойчивости, находчивости и обаяния, умение вовремя подлизаться и втереться в доверие — вот и все, что нужно побирателю.

— Не мешает еще изрядная доля нахальства и бесстыдства, — вставил другой попутчик, Дескарт, на что его долговязая невзрачная соседка, Ризма, саркастически отозвалась:

— А как насчет простого дурацкого везения? Удача ничего не значит?

Кадра усмехнулась:

— Главное то, что Эстебан — старый знакомый подрядчика Шубарта.

— Отдай должное прохвосту! — покачал головой Эйлас. — У Эстебана, несомненно, есть чутье и способности. Где-нибудь за бугром он стал бы успешным предпринимателем.

— Или подпольным воротилой.

— Или старментером, — внесла свою лепту Ризма. — Представьте, как он красовался бы на палубе звездолета в белой униформе и золоченом шлеме, с перевязью и эполетами, с кнутом в руке и кобурой на бедре!

— Эстебан, послушай только — ушам не поверишь! — позвал Дескарт. — Мы пытаемся угадать твои бывшие перевоплощения.

Эстебан перебрался на корму:

— Неужели? Какую напраслину опять на меня возводят?

— Не волнуйся, ничего страшного, — успокоила его Кадра. — Просто мы считаем, что ты — антиэгалитарное чудовище.

— По меньшей мере про меня не говорят, что я — жалкое, убогое создание, — с поддельным облегчением вздохнул Эстебан.

— Сегодня мы все — антиэгалитаристы! — торжественно объявил Эйлас. — Сегодня дадим волю пережиткам и недостаткам!

— За это стоит выпить! — поддержал его Педер. — Эстебан! Где пойло?

— Никакого пойла на борту! — строго сказал Эстебан. — Потерпите, скоро приземлимся в Гальсме. Цыгане выкатят бочку хольсбеймского.

Кадра шаловливо поинтересовалась:

— Помните детскую песенку? «Антиэгалитаристы, убирайтесь с Виста! Аррабинам все равно, что жранина, что...»

— Даже если помним, — оборвала ее Скорлетта, — к чему ее вспоминать?

— Тоже мне, блюстительница нравов! Сегодня праздник, можно и порезвиться.

— А я помню эту песню, все куплеты! — вызвалась Танзель. — Она веселая, в детском доме ее часто поют. Серьезным тонким голосом девочка затянула непристойную частуш-

ку. Один за другим ее взрослые спутники подхватили неприхотливый мотив — все, кроме Джантиффа: он эту песню никогда не слышал, да и никакого настроения сквернословить у него не было.

Под воздушным экипажем проплывали пологие южные склоны яйлы, леса и горные луга, за ними показались долины, открывавшиеся на холмистую равнину. По равнине петляла гладкая, как угорь, река Большой Дазм. У излучины, где река поворачивала на юго-восток, появился поселок — не меньше сотни изб. Экипаж начал спускаться. Поначалу Джантифф решил, что им предстояло приземлиться в поселке, но аэромобиль пролетел еще километров тридцать над болотистым лугом, местами поросшим камышом, затем над зарослями серой с коричневато-красным отливом тонконожки, над широким сонливym притоком Большого Дазма и над еще одним лесом. Наконец флиббит круто нырнул к прогалине, откуда поднималась сизая струйка дыма.

— Приехали! — объявил Эстебан. — Пока мы не вышли, должен сказать пару слов во избежание лишних неприятностей. Опытным участникам пикников такие предостережения, конечно, ни к чему, но я повторяю, чтобы потом меня ничем не попрекали. Танзель, будь особенно осторожна! Цыгане — своеобразный народ. По-своему они, конечно, умеют себя вести, но привычки у них дикие, а на равноправие им плевать. По сути дела, для цыгана аррабин — что-то вроде тени или призрака. Не пейте слишком много вина — а то не успеете распробовать деликатесы. И, само собой, никуда не отходите поодиночке. Надеюсь, никому не нужно объяснять, почему.

«Любопытно! — подумал Джантифф. — Всем известно, почему, но говорить об этом никто не хочет. Причем у всех сделались какие-то неподвижные, поблекшие лица». Джантифф решил подождать удобного момента и обратиться за разъяснениями к Сарпу. Тем временем, в чем бы ни заключалась невыразимая опасность, к предостережению Эстебана следовало относиться со всей серьезностью.

Аэромобиль опустилcя на землю. Бесцеремонно толкаясь, аррабины поспешили к выходу. Джантифф спустился по трапу последним, внимательно оглядываясь по сторонам — чего, впрочем, никто не заметил.

Цыгане ждали напротив, с другой стороны поляны, у шеренги деревянных столов на козлах. Прежде всего в глаза бросалась пестрая неразбериха костюмов в охряную, каштановую, синюю и зеленую полосу. При ближайшем рассмотрении цыгане оказались четырьмя мужчинами в свободных панталонах чуть ниже колен и тремя женщинами, закутанными в шали с головы до пят — гибкие темноволосые люди с быстрыми плавными движениями, с кожей желтовато-оливкового оттенка, тонкими прямыми носами и скорбно опущенными уголками глаз, затененных мрачноватыми бровями. На Джантиффа стройные фигуры и правильные черты туземцев произвели, однако, неизъяснимо отталкивающее впечатление. Снова у него возникли сомнения в предусмотрительности участия в пикнике — опять же, без поддающейся определению причины. Возможно, этому способствовало выражение на лицах цыган, встречавших аррабинов — выражение неприязни, не переходившей в открытое презрение лишь благодаря полному безразличию. Кроме того, Джантифф сомневался в том, что цыгане предложат аррабинам еду, заслуживающую доверия. Отвращение к клиентам не располагает поваров к чистоплотности или к выбору доброкачественных продуктов. Джантифф безрадостно усмехнулся своей брезгливости: в конце концов, он ежедневно поглощал неизбежный аррабинский рацион, состоявший из протокваши — то есть, попросту говоря, из переработанных отходов — и даже, как правило, не морщился. Оставалось только последовать примеру других и подойти к грубо сколоченным столам.

Вопреки предупреждению Эстебана, все сразу столпились вокруг бочки, откуда цыганки разливали вино в деревянные кружки. Джантифф подошел было к бочке, но тут же от-

прянул, не желая оказаться в толкучке. Отвернувшись, он оценил другие приготовления к пиру. На столах уже расставили горшки, супницы и закрытые подносы, издававшие ароматы, несмотря на все опасения казавшиеся весьма аппетитными. В стороне, под металлической решеткой, попухивали жаром обуглившиеся сучковатые поленья.

Эстебан и старший цыган подошли к столам. Эстебан сверил содержимое посуды со списком, вынутым из кармана, и, по-видимому, не нашел, к чему придраться. Оба повернулись, глядя на сутолоку вокруг бочки с вином. Эстебан что-то напряженно втолковывал цыгану.

Танзель потянула Джантиффа за рукав:

— Пожалуйста, Джанти! Возьми мне немножко вина! Каждый раз, когда я подхожу к бочке, меня отпихивают.

— Попробую, — с сомнением сказал Джантифф, — хотя меня тоже отпихивают. Эгаллисты ведут себя на удивление эгоистично.

Ему удалось добыть две кружки вина, и он протянул одну девочке:

— Не пей слишком быстро, а то голова закружится, и ты не сможешь ничего есть.

— Не беспокойся! — Танзель попробовала вино. — Ай, какая прелесть!

Джантифф осторожно пригубил из кружки. Вино, не слишком крепкое, оказалось слегка кисловатым, с едва заметным мускусным привкусом:

— Ничего, пить можно.

Танзель отхлебнула еще глоток:

— Весело, правда? Почему пикники нельзя устраивать каждый день? Как вкусно пахнет! А я зверски проголодалась!

— Смотри, обьешься — тошнить будет, — мрачно предупредил Джантифф.

— Ничего со мной не будет! — Танзель допила все, что оставалось в кружке. — Пожалуйста...

— Не сразу, — покачал головой Джантифф. — Подожди несколько минут. Тебе, может быть, и не захочется больше пить.

— Захочется, захочется! Но спешить, конечно, некуда. О чем это Эстебан так долго разговаривает? И все время на нас поглядывает.

Джантифф обернулся, но Эстебан и старый цыган уже закончили беседу.

Эстебан приблизился и обратился к спутникам:

— Закуски подадут через пять минут. Мы договорились с гетманом. Никаких недоразумений не предвидится. Всем, кто не заходит слишком далеко в лес, гарантируется полная неприкосновенность. Вино превосходное, заказ выполнен неукоснительно. Можно не опасаться ни поноса, ни колик. Тем не менее, призываю всех к умеренности!

— В умеренности тоже надо знать меру! — возразил Доббо. — Нельзя всегда и во всем себя ограничивать! Всему свое время.

Теперь Эстебан находился в наилучшем расположении духа:

— Что ж, угощайтесь на славу! В конце концов, каждый решает сам за себя. Сегодня наш девиз: каждому свое!

— За здоровье Эстебана! — провозгласила Кадра. — Пусть почаще устраивает пикники и не берет с собой любителей побрызгать — от них одна морока!

Улыбаясь, Эстебан принял поздравления друзей, после чего широким жестом пригласил их к столу:

— Попробуем закуски. Не ешьте слишком много — мясо уже раскладывают на решетке.

И снова Джантиффу пришлось ждать, пока не закончилась сутолока — аррабины спешили занять места на скамьях, на ходу срывая крышки с подносов.

Этот пикник Джантифф запомнил на всю жизнь — точнее, всю жизнь он тщетно пытался о нем забыть. Воспоминания о пикнике, в отличие от любых других, неизменно сопровождались сильнейшим щемящим чувством, подкатывавшим к горлу сладко-горячей волной и порождавшим круговорот отрывочных переживаний: перед внутренним взором возникали пестрые шали и панталоны цыган, контрастирующие со смуглыми мрачными лицами, языки пламени, лижущие нанизанное на рашперы мясо, столы, ломящиеся от горшков и супниц, пирующие аррабины, в воображении Джантиффа превращавшиеся в карикатурные символы обжорства — а за ними, бесшумные, как тени, на фоне темного леса двигались фигуры цыган. Порой у него в уме пробуждались призрачные запахи: жгучих пикулей, папайи и аноны, жареного мяса. И каждый раз в памяти заново самоутверждались лица — неопишуемая гримаса Скорлетты, обезумевшей от несовместимых эмоций, беззащитная улыбка Танзели, еще не знающей ни наслаждения, ни боли, криво усмехающаяся физиономия Сарпа, грубая, потная, опухшая от плотских излишеств морда Бувехлютера, лицо Эстебана...

Четвертый заговорщик не появился, и Джантифф начинал терять всякий интерес к происходящему. Танзель, вооружившись второй кружкой вина и навалив на тарелку гору закусок, плюхнулась рядом на скамью:

— Джанти, ты почему ничего не ешь?

— Подожду, пока не улягутся голодные страсти.

— Не забудь попробовать пикули. Вот, возьми хотя бы этот. Вкуснятина, правда? От него во рту мурашки бегают.

— Да, неплохо.

— Так положи себе закуски, скоро ничего не останется!

— Мне на самом деле все равно. Не останется — ну и ладно.

— Джанти, ты какой-то странный, честное слово. Просто чокнутый. Не хочешь — я сама все съем.

В конце концов Джантифф решил последовать примеру окружающих, наложил себе еды на тарелку и принял вторую кружку вина от безучастной женщины у бочки. Вернувшись к столу, он обнаружил, что Танзель уже расправилась со своей порцией.

— У тебя завидный аппетит! — заметил Джантифф.

— Еще бы! Я нарочно два дня голодала. Чего бы еще взять? Пеммикана? Или пару блинчиков с перцем? Они такие поджаристые — пальчики оближешь! Или лучше подождать, пока не подадут мясо?

— На твоём месте я бы потерпел, — посоветовал Джантифф. — Потом ты всегда успеешь еще раз попробовать то, что тебе больше всего понравилось.

— Наверное, ты прав. Ох, Джанти, как все это замечательно! Мне хочется, чтобы пикник никогда не кончался — никогда-никогда! Ты меня слышишь?

— Да-да, — на самом деле Джантифф отвлекся, встревоженный необычным обстоятельством. Эстебан и цыганский гетман стояли в стороне и тихо разговаривали. Эстебан указал на Джантиффа кружкой, гетман посмотрел туда же. Джантифф притворился, что ничего не замечает, но по спине у него пробежал холодок.

Кто-то стоял сзади. Джантифф обернулся — к нему наклонилась Скорлетта:

— Ну как, Джантифф? Пикник что надо?

— Все в наилучшем виде. Мне особенно нравятся маленькие жареные колбаски — хотя кто их знает, из чего они сделаны.

Скорлетта хрипло расхохоталась:

— Лучше не спрашивать! Раз они тебе по вкусу, ешь да похваливай! В конечном счете всем деликатесам одна дорога — в кормопровод.

— В конечном счете так оно и есть.

— Так что угощайся на здоровье, Джантифф! — Скорлетта хлопнула его по спине, вернулась к своему столу и в третий раз наполнила тарелку. Джантифф наблюдал за ней краем глаза, не слишком ободренный дружеским обращением. Прохаживаясь по поляне, Эстебан приблизился к Скорлетте, тоже решившей размять ноги с тарелкой в руках. Вопросительно подняв брови, Эстебан что-то прошептал ей на ухо. Скорлетта, до отказа набившая рот, пожала плечами, сглотнула, сумела что-то ответить. Эстебан кивнул и продолжил неторопливую прогулку вокруг столов.

Через некоторое время он поравнялся с Джантиффом:

— Ну что, как дела? Никаких жалоб?

— Никаких, — осторожно отозвался Джантифф.

— Я хотела бы знать, когда мы сможем опять сюда приехать! — громко заявила Танзель.

— Ага! Хочешь, чтобы мы все превратились в жлобов и ни о чем не думали, кроме жратвы?

— Ничего такого я не хочу. Просто...

Эстебан рассмеялся и похлопал девочку по затылку:

— Не беспокойся, что-нибудь устроим. Пока что все идет хорошо, лучше не придумаешь!

— Мне здесь ужасно нравится!

— Не объедайся до поры до времени, успеется. Джантифф, ты фотографируешь?

— Еще нет.

— Ну как же так, Джантифф! А накрытый праздничный стол — закуски, ароматы, вкуснятина? Ты всё пропустил?

— Боюсь, что так.

— А наша живописная прислуга? Их надменные лица, отстраненные и бесстрастные? Их полосатые штаны и сапоги с острыми носками? Как же так? Дай-ка мне камеру, я снимаю.

Джантифф колебался:

— Не знаю. Предпочел бы не расставаться с камерой. Вы можете ее потерять.

— Ни в коем случае! Что было, то прошло и больше не повторится — выбрось из головы. Камера будет в целости и сохранности, уверяю тебя.

Джантифф неохотно передал Эстебану фотоаппарат.

— Спасибо! Надеюсь, в кристалле еще достаточно свободной памяти? — поинтересовался Эстебан.

— Сколько угодно, я зарядил новый кристалл.

Эстебан замер, пальцы его крепко сжали камеру:

— Что случилось со старым? Он у тебя с собой?

Сбитый с толку бесцеремонностью вопроса, Джантифф поднял глаза: Эстебан глядел мрачно, исподлобья. Джантифф ответил холодно и вежливо:

— Не совсем понимаю, почему вас интересует использованный кристалл. Какая-нибудь из старых фотографий привлекла ваше внимание?

Эстебан пытался сдержать ярость — без особого успеха:

— Как тебе известно, я успел записать на том кристалле несколько снимков.

— Нет оснований для беспокойства, кристалл в надежном месте.

К Эстебану вернулся обычный апломб:

— В таком случае не о чем говорить. Почему ты не пьешь? Это настоящее хольсбеймское — нам устроили пир на весь мир!

— Сейчас пойду, возьму еще вина.

— Ну и ладно, развлекайся от души! — оставив камеру на столе, Эстебан удалился. От внимания Джантиффа не ускользнуло, что в течение нескольких следующих минут Эстебан успел пошептаться сначала со Скорлеттой, а потом с Сарпом.

«Говорят обо мне и о фотокристалле», — думал Джантифф. Несомненно, Эстебан и Скорлетта проявляли настойчивый интерес к его камере по одной и той же причине. Их беспокоили снимки, запечатленные на старом кристалле. Почему? Внезапно на Джантиффа снизошло озарение: конечно! Как он не догадался раньше? На фотографиях, снятых Эстебаном, могло оказаться лицо неизвестного четвертого заговорщика.

Джантифф покачал головой, поражаясь собственной глупости: забрал украденную камеру из квартиры Эстебана и даже не подумал проверить содержимое кристалла! Конечно, раньше у него не было особых причин заниматься такой проверкой — личные дела Эстебана его не интересовали. Но теперь ситуация радикально изменилась! Хорошо, что кристалл под замком в домашнем сейфе. Джантифф вздрогнул и почувствовал, как его лоб покрывается холодной испариной: код квартирного сейфа был хорошо известен Сарпу. Джантифф забыл его поменять. Ошибку необходимо было исправить сразу по возвращении в Унцибал!

Цыгане прибрали на столах, после чего разложили шипящее мясо на длинных деревянных блюдах. Одна из женщин полила мясо соусом, другая нарезала поджаристый каравай, третья принесла огромную деревянную миску с салатом. После этого цыгане отошли в лесную тень.

Эстебан провозгласил:

— Все к столу! Ешьте! Вы никогда так не ели! Мы живем один раз — предадимся обжорству!

Аррабины бросились разбирать шашлыки. Джантифф, как всегда, подождал, пока не кончилось первое столпотворение.

Через полчаса пирующие, сытые и сонливые, разлеглись на поляне. Приподнявшись на локте, Эстебан прокричал сдавленным от напряжения голосом:

— Не забудьте! Предстоит десерт! Кремовый торт «Миллисент» с цветочным сиропом!

В ответ раздались стоны протеста:

— Эстебан, ты уморить нас хочешь!

— Что? Десерт — и больше ничего?

— А подать мою пайку всячины!

— И миску студеля, червячка замочить!

Цыгане обошли лежащих, раздавая пирожные на блюдах и кружки с горячим чаем из вербены, после чего занялись упаковкой походной утвари.

Танзель прошептала Джантиффу на ухо:

— Мне нужно сходить в лес.

— Ну и сходи, что тебе мешает?

Танзель скорчила гримасу:

— Этот человек — Бухлый — все время пристает. Не хочу идти одна, а то он увяжется.

— Ты серьезно?

— Ну правда! Шагу пройти не дает!

Оглядевшись по сторонам, Джантифф не мог не заметить, что глаза лежавшего в стороне Бувехлютера, действительно, сосредоточились на Танзели с нездоровым любопытством:

— Ладно. Я тебя провожу, пошли.

Танзель поднялась на ноги и направилась к лесу. Бухлый лениво пошевелился, собираясь встать, но Джантифф опередил его, последовав за девочкой, и подручный подрядчика Шубарта расслабился на траве.

Джантифф поравнялся с девочкой под сенью раскидистых вязов.

— Пройдем еще чуть-чуть, — сказала Танзель и немного погода добавила:

— Подожди, я сейчас.

Она исчезла в кустах. Джантифф присел на ствол упавшего дерева и занялся созерцанием леса. Голоса пирующих сюда едва доносились. Косые лучи Двона веерами сочились сквозь листву и разливались по пожелтевшей подстилке. Какими далекими казались чудовищные столпотворения Аррабуса! Джантифф размышлял об обстоятельствах жизни в Унцибале, о новых знакомых — по большей части об обитателях Розовой ночлежки. Бедная самонадеянная Кедида, оглушенная предательством судьбы, униженная до смерти! А Танзель? На что она могла надеяться, что ей сулило будущее? Джантифф обернулся, ожидая возвращения девочки. Та не появлялась. Джантифф набрался терпения.

Прошло еще три минуты. Джантифф начинал беспокоиться, вскочил на ноги. Танзели давно пора было вернуться! Джантифф позвал:

— Танзель!

Ответа не было. Странно!

Джантифф зашел в кусты, посмотрел налево, направо:

— Танзель! Куда ты пропала?

У одного корня, там, где обнажалась земля, Джантифф заметил след, похожий на отпечаток каблука. Рядом, на влажной мшистой подстилке, виднелись две широкие параллельные царапины, местами прерывавшиеся. Что бы это значило? Джантифф остановился в замешательстве. Быстро обернувшись, он облизал пересохшие губы и снова позвал — на этот раз голос его больше походил на хриплый шепот:

— Танзель?

Либо она заблудилась, либо вернулась на прогалину другим путем.

Джантифф, хорошо помнивший дорогу, пошел обратно и принялся искать девочку среди пирующих на поляне. Ее нигде не было. Цыгане уже удалились, захватив посуду и рашперы.

Эстебан заметил Джантиффа — лицо его разочарованно вытянулось. Джантифф подошел к нему:

— Танзель ушла в лес, я нигде не могу ее найти.

Тут же, широко раскрыв глаза, подбежала Скорлетта — вокруг горящих черных зрачков показались белки:

— Что? Что такое? Где Танзель?

— Она ушла в лес, — запинаясь, повторил Джантифф, пораженный выражением лица Скорлетты. — Я ее звал и повсюду искал, но ее нигде нет.

Скорлетта издала ужасный вопль:

— Цыгане украли! А! Цыгане увели Танзель! Еще один пикник устроят! Будьте вы все прокляты с вашим пикником!

Схватив ее за локоть, Эстебан цедил сквозь зубы:

— Держи себя в руках!

— Мы съели Танзель! — задыхаясь, рыдала Скорлетта. — Сожрали мою девочку! Сегодня? Завтра? Какая разница?

Обратив лицо к небу, Скорлетта разразилась диким, душераздирающим воем — у Джантиффа задрожали колени.

Эстебан, с посеревшим лицом, тряс Скорлетту за плечи:

— Пойдем, пойдем! Мы их догоним у реки!

Повернувшись, он позвал остальных:

— Цыгане увели Танзель! Все в погоню, к реке! Надо их остановить, пока не отчалила лодка!

Объевшиеся участники пиршества неуклюже потянулись за Эстебаном и Скорлеттой. Джантифф сделал несколько шагов в ту же сторону, но желудочные спазмы заставили его остановиться. Круто повернув с тропы, он опустился на колени почти в бессознательном состоянии. Его рвало снова и снова.

Где-то рядом кто-то пел странную стонущую песню из двух перемежающихся тонов. Мало-помалу Джантифф понял, что звуки эти исходили из него самого. Он отполз на несколько метров под кусты и лежал плашмя, уткнувшись лицом во влажный мох. Сокращения желудка постепенно становились более редкими.

Во рту оставался кислый маслянистый привкус. Джантифф вспомнил соус, которым поливали мясо. Снова внутренности его скрутились и сжались, но изо рта вытекла лишь тонкая струйка горькой желчи. Отплевываясь, он поднялся на ноги, посмотрел мутными глазами по сторонам, вернулся на тропу. Издали доносились восклицания и окрики. Джантифф их не замечал.

В просвете листвы виднелась река. Джантифф пробрался к топкому берегу, прополо-скал рот, омыл лицо, опустился на конец выступавшего из воды гнилого бревна.

Перекидываясь унылыми фразами, по тропе возвращались аррабины. Джантифф заставил себя встать, но, как только он направился к тропе, впереди послышались голос Скорлетты и бормочущий в ответ баритон Эстебана — они зачем-то свернули с тропы и теперь шли прямо к нему.

Джантифф остановился — перспектива встретиться лицом к лицу с Эстебаном и Скорлеттой в этом безлюдном месте вызвала у него испуг и отвращение. Он кинулся в прибрежные заросли полиптеры и замер, скрытый пушистыми стеблями выше человеческого роста.

Эстебан и Скорлетта прошли мимо и встали на берегу реки, приглядываясь к реке вниз и вверх по течению.

— Ничего не видно, — устало произнес Эстебан. — Они уже на полпути в Аото.

— Не могу понять, — дрожащим голосом отозвалась Скорлетта. — Почему они решили тебя надуть? Разве вы не договорились?

Эстебан колебался:

— Возникло недоразумение... ужасная ошибка. Ведь они сидели вместе. Я договорился с гетманом, все объяснил, показал. Тот прищурился и спрашивает, будто сомневается: «Счетка, что ль? Молодь на жаркое?» Ты же знаешь, они по-своему выражаются. Мне и в голову не пришло, что он может иметь в виду Танзель. Я и отвечаю: «Именно так!» Получается, что гетман выбрал «молодь» помоложе. Таковы печальные факты. А теперь я сожму зубы и забуду про это — и ты сделаешь то же самое.

Скорлетта долго молчала. Наконец она заговорила — голосом, хриплым от напряжения:

— Что теперь? Что будет с ним?

— Прежде всего — кристалл. Потом я от него избавлюсь, все будет шито-крыто.

— Тебе придется поторопиться, — бесцветно произнесла Скорлетта.

— Все учтено, все идет по плану. Осталось три дня.

Скорлетта смотрела на противоположный берег реки:

— Бедная девочка! Такая трогательная, такая веселая! Не могу о ней думать... и не думать тоже не могу.

— Непоправимая оплошность, — голос Эстебана на мгновение дрогнул. — Необходимо сохранять ясность мыслей. Слишком многое поставлено на карту.

— Да... слишком многое. Иногда мне кажется... что ты сошел с ума.

— Ну-ну! Выше голову! Не так страшен черт, как его малюют. Невероятная простота замысла — залог успеха. Такое никому даже присниться не может.

— Коннатиг — достаточно страшный черт.

— Коннатиг сидит себе в Люсче в башне из слоновой кости, мечтает быть богом и видит сны наяву. Если он явится в Аррабус, мы докажем, что он так же смертен, как любой другой.

— Эстебан, никогда и нигде не произноси эти слова вслух.

— Не думать невозможно. От мыслей нет спасения. Мысли ветвятся и становятся планами. Планы облакаются словами, как плотью. За словом следует дело. Так вершится судьба.

Скорлетта смотрела на реку пустыми, неподвижными глазами. Эстебан отвернулся:

— Забудь о ней. Пойдем.

— Проклятый инородец живет, а моя бедная маленькая птичка погибла!

— Пойдем, — коротко повторил Эстебан.

Они поднялись к тропе. Через некоторое время Джантифф последовал за ними — на негнущихся ногах, как лунатик.

Глава 8

Настроение участников пикника, возвращавшихся в Унцибал, ничем не напоминало радостное возбуждение, царившее в воздушном экипаже по пути на пикник. Пару раз предпринимались попытки завязать тихий разговор, но беседы быстро увяли, и остаток полета прошел в молчании. Скорлетта и Эстебан сидели, мрачно выпрямившись, неподвижно глядя перед собой. Джантифф тайком поглядывал на них с изумлением — от их разговора у реки его все еще была нервная дрожь. Если бы не лингвистическое недоразумение, сейчас он лежал бы, связанный, на дне лодки, окруженный молчаливыми оливковыми каннибалами со скорбными глазами.

Когда они прибыли на посадочную площадку лагерного управления, Эстебану пришлось зайти вместе с Бувехлютером в диспетчерскую контору. Джантифф воспользовался этим обстоятельством и потихоньку отделился от группы, ожидавшей Эстебана. Вскочив на скользящее полотно, он направился на север, по возможности быстро шагая и даже делая пробежки, чтобы ускорить передвижение. Каждые несколько секунд он оборачивался, хотя никто, конечно, не успел бы следовать за ним по пятам. Джантифф нервно посмеивался — в самом деле, невозможно было отрицать, что впервые в жизни ему было по-настоящему страшно. Каким-то чудом он натолкнулся на что-то ужасное, и теперь каждую минуту его существованию мог придти конец. Эстебан не оставил в этом никаких сомнений.

Полотно, тянувшееся от Большого Южного прохода, пересекало Унцибальскую магистраль. Джантифф повернул на восток, передвигаясь, как и раньше, со всей возможной быстротой. Он огибал плотные скопления людей и протискивался бочком через толпу, переходя на бег трусцой, как только открывался свободный промежуток. С Унцибальской магистрали он перешел на латераль № 26 и вскоре очутился у входа в Розовую ночлежку.

Джантифф нырнул под арку входа, пробежал по вестибюлю и закрылся в лифте. Знакомый приторный запах арабинского общежития уже казался чужим, существующим отдельно. Выйдя на девятнадцатом этаже, он поспешил по коридору к своей квартире.

Войдя в гостиную, он на мгновение остановился, чтобы отдышаться и собраться с мыслями. В комнате ничего не изменилось: на брошенных вещах Кедида уже образовался едва заметный налет пыли. Каким далеким стало воспоминание о Кедиде! Через неделю ее все забудут — таковы нравы Унцибала. Джантифф тихо закрыл входную дверь и убедился в том, что замок сработал. После этого он подошел к сейфу в спальне и открыл его. В поясную сумку он переложил оставшиеся озоли, амулет, подаренный матерью, пигменты, помазки и пачку бумаги. Свой обратный билет на звездолет, удостоверение личности и арабинские «талоны» он засунул в карман. Взвешивая в руке фотокристалл, он с опаской поглядывал на дверь. Любопытство боролось с желанием поскорее скрыться. Конечно, у него оставалось несколько секунд! Участники пикника, наверное, все еще ехали по Унцибаль-

ской магистрали: можно было бегло просмотреть фотографии. Джантифф вынул из камеры новый кристалл, вставил старый, включил микропроектор, направил камеру на стену.

Перед глазами мелькали его первые снимки: сходящиеся в перспективе кварталы Унцибала, толпы на магистрали, окруженные приморскими низинами парки Дисджерферакта, Розовая ночлежка — фасад, вестибюль, «висячий сад» на крыше. Лица — Шептуны, обращающиеся к арабинам с трибуны, Скорлетта и Танзель, Скорлетта с Эстебаном, Скорлетта одна, Кедида с Сарпом, Кедида в столовке, Кедида смеющаяся, Кедида задумчивая.

Последовали фотографии, сделанные Эстебаном после того, как тот «свистнул» камеру: люди, известные и незнакомые Джантиффу, копии иллюстраций из какого-то справочника в красном переплете, ряд снимков широкоплечего темноволосого субъекта в кепке, черной куртке, черных брюках и армейских башмаках. Это и был четвертый участник тайного совещания. Джантифф внимательно изучил его лицо. Физиономия незнакомца отличалась решительной прямолинейностью и неуступчивостью. В глазах, прищурившихся под мохнатыми черными бровями, светилась искра проницательности. Где-то Джантифф уже видел именно это или очень похожее лицо — совсем недавно... Сосредоточенно нахмурившись, Джантифф вглядывался в изображение на стене. Неужели...

Джантифф резко обернулся — кто-то пытался открыть входную дверь, но не преуспел, после чего громко постучал. Джантифф тут же выключил проектор, вынул кристалл из камеры, нерешительно повертел его в пальцах и засунул в карман.

Снова постучали в дверь. Снаружи раздался приглушенный голос:

— Открывай! — Голос, грубый и враждебный, принадлежал Эстебану. У Джантиффа душа ушла в пятки. Каким образом Эстебану удалось вернуться так скоро?

— Я знаю, что ты здесь — сказали в вестибюле! — настаивал голос. — Открывай!

Джантифф подошел к двери:

— Я устал. Дела подождут, увидимся завтра.

— Мне нужно тебя видеть сию минуту. Это важно.

— А мне не важно.

— Повторяю: дело чрезвычайной важности! — голос приобрел угрожающий оттенок.

— Что еще случилось? — притворно-недовольным тоном спросил Джантифф.

— Откроешь — узнаешь.

— Не сейчас. Я пошел спать.

Наступила пауза.

— Как знаешь, — в коридоре стало тихо.

Прошло десять, двадцать секунд. Джантифф уловил шорох удаляющихся шагов. Покосившись на гостиную через плечо, он будто попрощался взглядом с населявшими ее призраками и их мертвыми голосами, взял со стола поясную сумку и камеру, потихоньку отодвинул входную дверь, выглянул в коридор.

В коридоре никого не было.

Джантифф вышел, закрыл дверь квартиры и направился к лифту, остро сознавая тот неприятный факт, что ему предстояло пройти мимо квартиры Д-18, где теперь проживали Скорлетта и Сарп.

Дверь квартиры Д-18 была закрыта. Джантифф ускорил шаги и почти побежал на цыпочках подобно танцору-миму, изображающему крадущегося злодея.

Дверь квартиры Д-18 с шумом раздвинулась, в коридоре появились Эстебан и голова Сарпа. Эстебан продолжал что-то втолковывать Сарпу, повернувшись ко входу.

Джантифф пытался бесшумно проскользнуть дальше по коридору, но Сарп, выглянувший из-за плеча Эстебана, не преминул его заметить и потянул Эстебана за локоть. Тот развернулся на месте:

— Стой! Джантифф! Ну-ка иди сюда!

Джантифф даже не обернулся, подбежал к лифту и нажал кнопку. Дверь отодвинулась — Джантифф зашел в лифт. Дверь закрылась перед самым носом Эстебана, отчаянно пытавшегося ее удержать. У Эстебана в руке сверкнул металл.

С бешено бьющимся сердцем Джантифф спустился на первый этаж, прошмыгнул через вестибюль, выбежал на улицу и со всех ног поспешил к скользящему полотну.

Из-под арки входа Розовой ночлежки выскочили Эстебан и Сарп. Повертев головами по сторонам, они увидели Джантиффа и пустились в погоню. Едва удерживаясь на ногах при перемене ускорений, Джантифф прыжками пересек магистраль, чтобы нырнуть в толпу, скопившуюся на стремительно несущейся центральной полосе. Там он принялся энергично протискиваться вперед, расталкивая пассажиров и не обращая внимания на протестующие возгласы. Он все еще сжимал в руке поясную сумку и камеру. За ним ловко пробивался сквозь толпу Эстебан. Сарп заметно отстал. Лезвие в руке Эстебана не оставляло сомнений в его намерениях. Вытаращив глаза от испуга и удивления, Джантифф прибавил ходу. Эстебан собирался его зарезать! На городской магистрали, на глазах у толпы пассажиров. Невежливо! Ему не позволят. Люди помогут, люди задержат его... Не так ли? Отчаянно пробираясь вперед, Джантифф оглядывался, встречаясь глазами с мутно-глянцевыми, безразличными взорами.

Эстебан распахивал арабинов гораздо бесцеремоннее Джантиффа — расстояние между убийцей и жертвой сокращалось. Джантифф уже видел напряженно-сосредоточенное лицо преследователя, блеск его глаз. Джантифф споткнулся и шагнул в сторону, чтобы не упасть. Эстебан, с высоко занесенным ножом, уже настиг его. Джантифф схватил высокую женщину с костлявой физиономией и швырнул ее навстречу Эстебану. В ярости женщина успела схватить Джантиффа за руку, зацепила в падении ремешок поясной сумки и вырвала ее. Камера упала на полотно. Джантифф бежал без оглядки, не вспоминая о сумке и о камере — теперь он думал только о спасении жизни. Беспощадный Эстебан не отставал.

Там, где латераль сливалась с Унцибальской магистралью, образовалось свободное пространство, и приткий Джантифф немного оторвался от Эстебана, но потерял преимущество, как только снова оказался в толпе. Протискиваясь боком, толкаясь локтями, ладонями и плечами, Джантифф пробивал дорогу в возмущенно ругающейся человеческой массе. Дважды Эстебан приближался настолько, что уже заносил нож над спиной Джантиффа — крича от страха, окружающие бросались врассыпную. В обоих случаях Джантиффу удалось ускользнуть от удара: в первый раз благодаря отчаянному акробатическому прыжку в сторону, а в другой — снова воспользовавшись стоявшим поблизости подростком в качестве снаряда, брошенного под ноги Эстебану. Эстебан повалился, натолкнувшись с разбега на падающего юнца, и Джантифф выиграл спасительные десять метров. Кто-то — нечаянно или умышленно — подставил Джантиффу ногу. Джантифф растянулся на полотне. Эстебан уже нагнулся, чтобы всадить нож ему в шею. Ближайшие бездельники чуть расступились и с любопытством ожидали развязки. Джантифф пнул Эстебана каблуком в пах и лихорадочно откатился в сторону. Вскрабавшись на ноги, он прикрылся коротенькой полной женщиной, визжавшей во весь голос, и с силой толкнул ее навстречу Эстебану. Эстебан упал на визгливую толстуху — и на этот раз выронил нож. Джантифф попытался подобрать оружие, но толстуха злобно двинула ему кулаком в лицо — Эстебан первым дотянулся до ножа. Крякнув от отчаяния, Джантифф отпрыгнул, уклоняясь от описавшего дугу лезвия, и продолжил бегство по магистрали.

Эстебан начинал выдыхаться. Он кричал:

— Свистун! Свистун! Держи свистуна!

Арабины оборачивались на звук, видели Джантиффа и опасливо расступались, освобождая дорогу. Таким образом, крики Эстебана играли на руку преследуемому — Эстебан, впрочем, это сразу понял и замолчал.

Приближался перекресток Унцибальской магистрали и латерали № 16. Джантифф резко повернул, притворяясь, что бежит к отводу на латераль, но вместо этого присел на корточки, спрятавшись за плотной группой арабинов, и проехал отворот. Эстебан поддался на уловку, поспешил направо по отводу — и сразу потерял всякую возможность догнать свою жертву.

Джантифф доехал до следующего перехода над магистралью и направился обратно на восток, внимательно оглядываясь. Не было никаких признаков погони — только бесконечные лица арабинов, ряд за рядом, плывущие по течению великой человеческой реки.

Теперь у него не было сумки — с ней пропали все его озоли. Камера тоже пропала. Джантифф застонал, дрожа от ярости. Сжимая кулаки и размахивая руками, он выкрикивал в адрес Эстебана все ругательства, каким научился на Висте и на родной планете. Он не забыл обругать и себя. Гнусный, безобразный день! Впредь с этой минуты — он больше не позволит так с собой обращаться!

Там, где Унцибальская магистраль плавно поворачивала в направлении космического порта, Джантифф сошел с полотна напротив Аластроцентра. С чувством огромного облегчения он прошел под черным с золотыми обводами порталом главного входа и оказался в фойе. Секретарь Клод, в черно-бежевой форме административной службы Коннатига, поднялся навстречу. Джантифф почти выкрикнул:

— Я — Джантифф Рэйвенсрок с планеты Зак! Мне нужно немедленно видеть курсара!

— К сожалению, в настоящий момент это невозможно, — отозвался секретарь.

Ошеломленный Джантифф не понимал:

— Невозможно? Почему?

— Курсар временно покинул Унцибал.

Джантифф с трудом удержался от громкого стога. Испуганно оглянувшись, он убедился в том, что огороженный двор Аластроцентра пуст:

— Где же он? Когда вернется?

— Курсар уехал в Уонисс, где он совещается с Шептунами перед их отлетом на Нуменес. Он вернется на гидродиске вместе с Шептунами, в следующий аэнсдень.

— Через три дня? Слишком поздно! Что делать? Я раскрыл опасный заговор против Коннатига!

Клод с сомнением, искоса посмотрел на Джантиффа:

— Если дело обстоит так, как вы говорите, курсара следует известить как можно скорее.

— Я могу не дожить до аэнсдня. Мне некуда податься.

— Вы прописаны в квартире?

— Там оставаться небезопасно. Разве я не могу остановиться здесь — на несколько дней?

— Апартаменты курсара закрыты, и я не уполномочен их открывать.

Джантифф снова бросил взгляд через плечо:

— Куда же мне идти?

— Могу посоветовать только «Приют путешественника».

— Но у меня нет денег — у меня все отняли!

— Не платите по счету до аэнсдня. Курсар, несомненно, выделит необходимые средства.

Джантифф мрачно кивнул. Заставив себя задуматься, он вынул из кармана фотокристалл:

— Пожалуйста, дайте мне лист бумаги.

Клод предоставил бумагу и перо. Джантифф написал:

«Это кристалл памяти из моей фотографической камеры. Некоторые фотографии свидетельствуют о существовании заговора. Возможно, что опасность угрожает жизни самого Коннатига. Заговорщики проживают в общежитии под наименованием «Розовая ночлежка», жилищный блок № 17–882. Их зовут Эстебан, Скорлетта и Сарп. С ними заодно еще один человек. Если меня не убьют, я вернусь в аэнсдень.

*Джантифф Рэйвенсрок
из Фрайнесса на планете Зак»*

Джантифф обернул кристалл запиской и вручил послание секретарю:

— Это необходимо хранить в надежном месте и передать курсару как можно скорее! В том случае, если меня... — голос Джантиффа чуть дрогнул. — ...если меня убьют, вы это сделаете?

— Разумеется, сделаю все, что в моих силах.

— Теперь мне пора идти — рано или поздно кто-нибудь догадается проверить, не зашел ли я в Аластроцентрал. Никому не сообщайте, где я нахожусь!

Вежливая улыбка Клода выглядела несколько натянуто:

— Разумеется, ни в коем случае.

Джантифф медленно направился к выходу, сожалея о необходимости покидать относительно безопасное здание. Но что было делать? Оставалось только запереться в «Приюте путешественника» на три дня. Вернется курсар, и все будет хорошо.

Задержавшись в тени под порталом, Джантифф внимательно выглянул на двор — и мгновенно заметил Эстебана, метрах в пятидесяти. Тот целеустремленно шагал к Аластроцентралу. Джантифф испугался и опешил. Попятившись, он прижался к внутренней стене за углом портала и затаил дыхание.

Приближались шаги. Эстебан деловито прошел мимо. Оказавшись у него за спиной, Джантифф тут же выскользнул на двор и помчался к магистрали частыми длинными прыжками.

Его догнал яростный крик:

— Эй! Джантифф! — Эстебан заметил его маневр. Вступив на скользкое полотно, Джантифф обернулся и увидел, что Эстебан все еще стоит у портала, выставив ногу вперед и чуть покачиваясь — по-видимому, в убийце боролись побуждения, тянувшие его в противоположных направлениях.

Джантифф пытался представить себе, как разворачивались бы события, если бы курсар не уехал.

Перейдя на скоростную полосу, Джантифф снова оглянулся — у далекого портала все еще можно было различить одинокую фигуру Эстебана. Через несколько секунд Аластроцентрал скрылся за блоками общежитий.

В регистратуре «Приюта путешественника» Джантифф подписался именем Арло Йорума с планеты Фарис, Аластор 458. Портье без лишних слов выдал ему ключ от номера.

Джантифф выкупался и растянулся на кушетке. Все мышцы болели, он чувствовал тошнотворную усталость. Джантифф закрыл глаза — три дня быстрее всего пройдут во сне. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Наконец-то он перестал быть игруш-

кой в руках вымогателей и злоумышленников. Как минимум, в «Приюте путешественника» он был в безопасности. Здесь Эстебан не осмелится напасть — в гостинице постоянно дежурили расчетчики.¹

Джантифф открыл глаза, поморгал, скорчил гримасу, снова попробовал уснуть. Воспоминания кошмарного дня маячили перед глазами — Джантифф вздрагивал и ерзал по кушетке.

Давала о себе знать пустота в желудке. Джантифф проснулся, сел посреди постели. Нужно было что-то съесть. Он оделся и спустился в кафетерий. Там ему подали всячину, смолочно и студель, стоимость каковых, в озолях, прибавили к счету за ночлег.

Громкоговорители трансляционной системы оповещения, вечно мурлыкавшие безвкусные популярные мелодии, внезапно замолчали, после чего раздался громкий голос диктора:

«Внимание! В Службу взаимных расчетов Унцибала поступило экстренное сообщение об отвратительном убийстве. Преступник — некий Джантифф Рэйвенсрок, временный иммигрант, проходивший испытательный срок. Рэйвенсрок — уроженец планеты Зак, высокий, худой молодой человек. Волосы темные, прическа нарочито непримечательная. Лицо вытянутое, длинный нос, глаза заметного зеленого оттенка. Для окончательного расследования этого гнусного злоупотребления нашим гостеприимством требуется скорейшее задержание Рэйвенсрока. Совет депутатов распорядился ввести чрезвычайное положение вплоть до поимки преступника. Служба взаимных расчетов уполномочена производить повсеместные облавы и обыски. Все, кому не безразлично равноправие, будьте бдительны! Помогите задержать опасного инородца!»

Джантифф испуганно вскочил на ноги и стоял, дрожа всем телом. Стараясь не привлекать к себе внимание, он приблизился к арочному проходу, соединявшему кафетерий с вестибюлем гостиницы. У конторки регистратуры склонились, расспрашивая портье, двое в черных шляпах с низкими тульями. У Джантиффа обреченно опустились плечи: расчетчики! Портье явно нервничал и охотно давал многословные разъяснения, указывая бледным пальцем на лифт и показывая номер комнаты в регистрационной книге.

Отвернувшись от конторки, агенты прошагали к лифту. Как только расчетчики исчезли за дверью кабины, Джантифф тихонько прошел, глядя на улицу, вдоль стеклянной стены напротив регистратуры, отворил входную дверь и скрылся в ночи.

¹ Расчетчики — агенты службы взаимных расчетов (СВР), немногочисленной, высокооплачиваемой и старающейся держаться незаметно наемной полиции, завербованной за пределами Аррабуса. СВР — достаточно эффективная организация, подчиняющаяся городским советам депутатов и руководствующаяся скорее распоряжениями властей, нежели общими принципами охраны правопорядка.

Глава 9

Контрасты и парадоксы Дисджерферакта, циклопического парка аттракционов в болотистой прибрежной низине, неизменно поражали воображение Джантиффа. Дисджерферакт! Низкопробный и разгульный, назойливый, крикливый, бутафорский рынок шарлатанов и самозванцев, бойко торгующих бросовым барахлом и третьеразрядными развлечениями за арабинские «талоны», не стоящие бумаги, на которой они напечатаны! Поистине сон во сне, заменитель отдыха для тунейцев и разгильдяев! Издали, под жемчужными лучами Двона, темно-красные картонные павильоны, высокие синие балаганы-шапито, бесчисленные гирлянды, транспаранты и блестящие вертушки создавали мираж нарядного, роскошного, сказочного мира. По вечерам несчетные россыпи факелов, дрожащих под порывами морского ветра — сполохи и тени, пляшущие и мечущиеся — навевали атмосферу варварского исступления, столь же поддельную, как и весь Дисджерферакт. Так или иначе, вся эта канитель послужила Джантиффу последним убежищем — здесь никому ни до кого не было дела, здесь каждого всецело поглощали сиюминутные влечения.

Три дня Джантифф прятался по задворкам и закоулкам, на каждом шагу опасаясь увидеть черные шляпы расчетчиков или внушающий ужас силуэт Эстебана. Днем он забирался в тесный промежуток между киоском торговца пикнулями и общественным туалетом. С наступлением темноты он осмеливался совершать вылазки, напяливая головной платок на манер моряков с Каррадасских островов и приклеивая фальшивые усы — их он смастерил из собственных волос. Талоны, оставшиеся после оплаты пикника, он расходовал бережливо, изредка покупая леденцы и кульки с жареной морской капустой. Пока светило солнце, он проводил долгие часы в полусне, то забываясь, то просыпаясь — кричали лоточники, гнусаво мяукал клаксон в будке продавца горячих вареных черветок, вопили, выполняя по сигналу групповые номера, жонглеры и дети-акробаты, нараспев, притворно-восторженно голосили зазывалы, а из павильона напротив раздавался гулкий грохот чечетки.

Рано утром в аэнсденъ Джантифф находился в уже привычном состоянии сонного оцепенения, когда на столбах по всей приморской низине включились рупоры системы радиовещания:

«Внимание! Сегодня мы провожаем Шептунов, отправляющихся на Нуменес, чтобы провести совещание с Коннатигом. Как упоминалось в предыдущих сообщениях, Шептуны предложили смелую, прогрессивную программу реформ и объявили девиз следующего столетия: «Жизнеспособный эгализм» должен удовлетворять не только потребности, но и стремления в объеме, соответствующем многообразию человеческого гения! Шептуны поднимутся на башню в Люсце, чтобы заручиться конструктивной поддержкой Коннатига в их эпохальном начинании. Залог их успе-

ха, однако, не столько в поддержке Коннатига, сколько в единодушной поддержке арабинских масс. Всех желающих приглашают явиться сегодня на Коммунальную площадь. Шептуны прибдут на гидродиске из Уонисса точно в полдень и выступят с Пьедестала».

Джантифф равнодушно выслушал громогласное объявление, переданное второй и даже третий раз. На мгновение, когда замерло эхо последних слов, на аллеях и площадках Дисджерферакта воцарилась неестественная тишина — после чего шум и сутолока возобновились с прежним неизбывным напором.

Джантифф привстал на колени в темной грязной щели, посмотрел направо, налево, не заметил ничего подозрительного, выскользнул наружу и смешался с пестрым потоком жаждущих развлечений. У ближайшего киоска, предлагавшего напитки и закуски, он обменял талон на горсть обжаренных в масле водорослей. Прислонившись к стене, он не спеша проглотил хрустящие, хотя и достаточно безвкусные волокна, после чего, так как ему все равно было совершенно нечего делать, направился по аллее на восток к Коммунальной площади, в просторечии именуемой «Поле голосов». Курсар прибывал с Шептунами на гидродиске, но, скорее всего, не собирался возвращаться в Аластроцентрал до отлета Шептунов на Нуменес — таким образом, у Джантиффа было достаточно времени для того, чтобы выслушать выступление Шептунов и, если представится такая возможность, понаблюдать за ними.

Длинноногий Джантифф скоро добрался до окраины Дисджерферакта, обогнул заболоченную приморскую пустошь и перешел по мосту через Вязкую топь на Коммунальную площадь — открытое овальное пространство больше полутора километров в длину и чуть меньше в ширину. На всем этом пространстве торчали установленные через равные промежутки высокие пронумерованные столбы с четырьмя рупорами на каждом — номера помогали арабинам, договорившимся о встрече, находить друг друга. На восточном конце площади возвышалась гигантская опора, поддерживавшая круглую площадку под стеклянным зонтом — Пьедестал, прозванный арабинами «вышкой-мартышкой». За Пьедесталом начиналось покрытое опалинами урочище космодрома.

Когда Джантифф спускался с моста через Вязкую топь, тысячи арабинов уже стекались по площади к Пьедесталу, образуя плотное волнуемое полукольцо. Раздосадованный Джантифф не сумел приблизиться к «вышке-мартышке» менее, чем на сто метров — с такого расстояния вряд ли можно было различить повадки и выражения лиц Шептунов невооруженным глазом.

Двон поднимался к зениту — Унцибальская магистраль извергала толпы за толпами, сбивавшиеся в непроходимую массу, набухавшую и расползавшуюся по Коммунальной площади. Скоро для новоприбывших уже не оставалось места. Желая попасть на площадь не могли сойти со скользящего полотна и вынуждены были возвращаться восвояси, проезжая до следующего перехода. Площадь заполнилась до отказа — люди упирались друг в друга локтями, дышали друг другу в затылок. Морской ветерок уносил в город поднимавшиеся над толпой испарения. Джантифф понял, наконец, откуда происходил замешанный на влажно-йодистом морском ветре приторно-кисловатый запах с налетом сероводорода, встретивший его на космодроме по прибытии в Арабус. Вопреки наставлениям авторов туристских справочников, первое впечатление — легкого отвращения оказалось верным.

Джантифф пытался подсчитать в уме число окружающих людей, но скоро запутался — в любом случае на площади собралось несколько миллионов арабинов... На Джантиффа накатила душная волна боязни замкнутого пространства — его обступили непроходимой стеной, он не мог двинуться с места! Что, если все эти миллионы прижавшихся друг к дру-

гу тел внезапно поддадутся панике, и начнется давка? В высшей степени неприятная мысль! Джантифф представил себе море барахтающихся фигур, волнами переливающихся через наносы уже почти неподвижных тел — вздымающееся и опадающее месиво появляющихся и судорожно пропадающих рук, лиц, ног... По толпе прокатился невнятный ропот: над водой показался гидродиск, прибывавший из Уонисса. Аппарат сделал вираж над космодромом и уверенно опустился точно на участок за Пьедесталом. Открылся овальный люк, по трапу спустился стюард, а за ним — четыре Шептуна, трое мужчин и женщина в церемониальных мантиях. Игнорируя толпу, они исчезли в подземном переходе. Прошла пара минут. Все стоявшие на Коммунальной площади подняли глаза к круглой площадке Пьедестала.

Шептуны появились на краю площадки. Поначалу они просто стояли над толпой — четыре маленькие фигурки, размытые на фоне ярко озаренного солнцем стеклянного зонта. Джантифф пытался отождествить их с людьми, выступавшими по телевидению. Женщину звали Фосгард, мужчин — Оргольд, Лемисте и Дельфен.

Один из мужчин заговорил — о чем с такого расстояния трудно было судить по движениям лица, но рупоры разнесли его слова по всему полю:

— Шептуны существуют благодаря поддержке народа и действуют, выражая народную волю. Благоволение народа придает нам силу и уверенность, вдохновляет нас, пробуждает к жизни неудержимую энергию! Такими, облеченными величием и мощью равноправных масс, мы предстанем перед лицом Коннатига. Торжество справедливости неизбежно, и все препятствия падут под натиском революционных идей!

Наступает эпоха великих перемен! Празднуя столетие благородного равноправия, мы отдаем должное непревзойденным завоеваниям, воплощенным в жизнь благодаря беззаветному самопожертвованию миллиардов, триллионов людей. Новая эра открывается перед нами — величественная череда веков, каждый из которых послужит неопровержимым доказательством безусловных преимуществ нашего оптимального строя. Эгалистическое учение всесильно, потому что оно верно! Триумфальное распространение идей Диссельберга и Карадаса по всему скоплению Аластор, по всей Ойкумене — неизбежно! Таково наше историческое предназначение, такова ваша воля, воля народа! Не так ли?

Шептун сделал паузу. Толпа отозвалась явно машинальным и несколько неуверенным одобрительным бормотанием. Энтузиазма не было. Даже Джантифф, мало знакомый с политическими ожиданиями арабинов, был озадачен: общий тон выступления никак не вязался с содержанием обращения, переданного утром.

— Так тому и быть! — провозгласил Шептун, и тысячи рупоров, по четыре на каждом столбе, гаркнули в унисон. — Пути к отступлению нет. Шатания, сомнения, пораженческие настроения недопустимы! Равноправие навеки! Скука и утомительный труд — самые страшные враги человечества. Мы свергли их древнюю диктатуру — пусть подрядчики потеют за жалкие гроши! Эгализм — залог эмансипации всего человеческого рода!

Итак: мы, Шептуны, направляемся на Нуменес, подчиняясь единой непреклонной воле арабинского народа. Наше послание Коннатигу, изъявление народной воли, будет содержать три важнейших требования.

Во-первых, больше никакой иммиграции! Те, кто нам завидуют, пусть вводят равноправие на своих собственных планетах.

Во-вторых: арабины — мирный народ. Мы не опасаемся нападений и не собираемся ни на кого нападать. Почему, в таком случае, мы обязаны финансировать власть Коннатига? Нам не нужны его высокопарные советы, защита его Покрова, контроль его бюрократов. Поэтому мы потребуем, чтобы ежегодные налоги были снижены или вообще упразднены.

В-третьих, экспортируемые нами материалы продаются дешево, а импортные товары обходятся очень дорого. По существу, таким образом мы субсидируем неэффективные, несправедливые общественные системы, навязанные обитателям других планет. Будьте уверены: Шептуны, ваши посланники, настойчиво потребуют введения нового курса обмена внутренней валюты Аррабуса на озоли! Разве час арабинского труда не соответствует по ценности часу, проведенному на работе каким-нибудь мошенником-молокососом у черта на куличках, где-нибудь на планете Зак?

Джантифф вздрогнул, выпрямился, нахмурился. Замечание Шептуна казалось не только неуместным и глупым, оно прямо противоречило элементарным представлениям о дипломатии.

Рупоры продолжали оглушительно орать:

— Близится наш столетний юбилей. В Люсце мы пригласим Коннатига посетить Аррабус, принять участие в нашем фестивале, оценить собственными глазами наши грандиозные достижения. Если он откажется, это его личная трагедия. В любом случае, мы отчитаемся перед вами на следующем всеобщем собрании арабинских эгалистов! А теперь мы отправляемся на Нуменес. Пожелайте нам счастливого пути!

Шептуны приветственно подняли руки — толпа вежливо заревела в ответ. Шептуны отошли от края площадки и пропали. Через несколько минут они появились на окраине космодрома из-под гранитного наверху подземного перехода. Их уже ожидал наземный транспортер — через несколько минут транспортер подъехал к далекой громаде звездолета «Эльдантро».

Толпа рассасывалась без особой спешки. Джантифф, скоро потерявший терпение, начал протискиваться, лавировать, расталкивать самых медлительных, но все его ухищрения не приводили к заметному результату — потному, уставшему, предельно раздраженному, ему удалось взойти на движущееся полотно Унцибальской магистрали только часа через два.

Джантифф сразу направился в Аластроцентрал. Войдя в здание, он обнаружил за конторкой не Клода, а высокую дородную женщину с внушительным бюстом и строгим выражением лица. Та приветствовала его с формальной вежливостью:

— Чем я могу вам помочь?

— Мне необходимо немедленно видеть курсара, — сказал Джантифф и машинально оглянулся — у него уже выработался параноидальный рефлекс, — по делу чрезвычайной важности.

Женщина внимательно разглядывала Джантиффа не меньше пяти секунд, и Джантифф остро ощутил, каким грязным оборванцем он должен был выглядеть в ее глазах. Наконец служащая ответила — голос ее прозвучал чуть суше, чем раньше:

— Курсара нет. Он еще не вернулся из Уонисса.

Разочарованный Джантифф застыл, потом промямлил:

— Бонамико должен был вернуться сегодня. Вместе с Шептунами. Клода тоже нет?

Женщина снова подвергла Джантиффа исчерпывающему осмотру — он начинал чувствовать себя неудобно. Служащая покачала головой:

— Клода тоже нет. Меня зовут Алейда Гластер, я — регистратор на службе Коннатига, и могу решить любой вопрос, с которым вы хотели обратиться к Клоду.

— Я оставил Клоду записку и фотографический кристалл, с просьбой передать их курсару. Я хотел бы удостовериться в их сохранности.

— В регистратуре нет никакой записки, кристалла я тоже не видела. Должна с прискорбием сообщить вам, что Клод Морре погиб.

Джантифф широко раскрыл глаза:

— Погиб? — Собравшись с мыслями, он спросил: — Каким образом? Где? Когда?

— Три дня тому назад. На него напал какой-то уличный бандит, ударил ножом в шею. Непоправимая трагедия.

Джантифф окончательно приуныл:

— Убийцу нашли? Задержали?

— Нет. Но его личность установлена. Это некий Джантифф Рэйвенсрок с планеты Зак.

Джантифф сумел выдавить:

— Так записка и кристалл пропали?

— Ни в регистратуре, ни во всем управлении нет никакой записки с кристаллом.

— А курсара известили об убийстве?

— Разумеется! Я сразу сообщила в Аластроцентрал Уонисса.

— Позвоните туда сейчас же! Если курсар еще там, я должен с ним поговорить. Уверю вас, это неотложное дело государственной важности.

— Как прикажете о вас доложить?

Джантифф неуклюже попытался уклониться:

— Это не имеет значения.

— Ваше имя имеет существенное значение, — сухо возразила Алейда. — Вы, случайно, не Джантифф Рэйвенсрок?

Джантифф смутился под испытующим взглядом. Он послушно кивнул:

— Я Джантифф Рэйвенсрок. Но я не убийца!

Чуть наклонив голову, Алейда ответила изменившимся, но не поддающимся истолкованию взглядом. Она включила переговорное устройство:

— Говорит Алейда из унцибальского Аластроцентра. Не могли бы вы позвать курсара Бонамико?

Послышался тихий отчетливый голос:

— Курсар Бонамико вернулся в Унцибал. Сегодня утром он улетел на гидродиске вместе с Шептунами.

— Странно. В свое управление он еще не заходил.

— По-видимому, его что-то задержало.

— Надо полагать. Спасибо, — Алейда Гластер снова повернулась к Джантиффу:

— Если вы не убийца, почему вас ищут расчетчики?

— Расчетчики введены в заблуждение! Убийца мне известен — он оказывает влияние на подрядчика Шубарта, контролирующего унцибальское отделение Службы взаимных расчетов. Вы понимаете, что происходит? Необходимо разъяснить ситуацию курсару!

— Несомненно, — Алейда смотрела куда-то вдаль, через прозрачные панели стены за спиной Джантиффа. — Сюда идут расчетчики. Вы могли бы изложить им вашу версию событий.

Джантифф подскочил и с ужасом оглянулся: по широкому двору к portalу Аластроцентра с тяжеловесной уверенностью направлялись два типа в черных шляпах с низкими тульями.

— Нет! — закричал Джантифф. — Меня увезут и убьют! Неужели вы не понимаете? Если я расскажу курсару все, что знаю, Шубарту придет конец! Поэтому он приказал расчетчикам меня остановить и заткнуть мне рот — любой ценой!

Алейда мрачно кивнула:

— Спрячься в кабинете курсара. Поскорее, они уже здесь.

Дверь в стене отодвинулась, и Джантифф заскочил в кабинет. Дверь тут же закрылась — Джантифф прижался к ней ухом. Послышались размеренные тяжелые шаги, потом строгий голос Алейды:

— Чем я могла бы вам помочь, господа?

Ответил густой баритон:

— Приказано задержать некоего Джантиффа Рэйвенсрока. Он находится в Аластроцентрале?

— Вы — расчетчики, — сухо заметила Алейда. — Выслеживать убийц — ваша обязанность, а не моя.

— Свои обязанности мы выполняем! Три дня мы вели постоянное наблюдение за вашим учреждением, опасаясь того, что преступник может снова кого-нибудь зарезать — например, вас. Соглядатай видел, как Джантифф Рэйвенсрок заходил в Аластроцентрал. С тех пор прошло около пяти минут. Вызовите его, пожалуйста, и мы препроводим его в место предварительного заключения.

Тон Алейды Гластер стал предельно ледяным:

— Джантифф Рэйвенсрок обвиняется в убийстве. Убит Клод Морре, секретарь на службе Коннатига. Преступление совершено в Аластроцентрале, то есть в пределах экстерриториальной юрисдикции. Таким образом, ответственность за установление фактов и определение размера наказания несет правительство Коннатига. Это дело не входит в компетенцию Службы взаимных расчетов.

Последовала десятисекундная пауза. Баритон нарушил молчание:

— Приказ обсуждению не подлежит. Мы обязаны выполнить наш долг и произвести обыск учреждения.

— Никаких обысков в Аластроцентрале не будет, — отрезала Алейда. — Если вы сделаете хотя бы одно угрожающее движение, я прикоснусь к двум кнопкам. Прикосновение к первой кнопке уничтожит вас на месте. Вторая кнопка вызывает Покров.

Баритон ничего не ответил. Джантифф услышал равномерно удаляющиеся шаги. Дверь отодвинулась — на него смотрела Алейда:

— Быстро, за ними! Это твой единственный шанс. Они в замешательстве — пошли докладывать начальству. Начальство устроит им разнос и объяснит, что я отказалась от права на экстерриториальную неприкосновенность, когда обратилась к ним с просьбой о расследовании убийства Морре.

— Куда я пойду? Если бы я мог сесть на звездолет, у меня есть обратный билет...

— Местный космопорт кишит расчетчиками. Уезжай из города, ступай на юг! В Баладе есть своего рода космодром, оттуда ты сможешь улететь домой.

Джантифф огорченно поморщился:

— Отсюда до Балада несколько тысяч километров!

— Может быть и так. Но если ты останешься в Унцибале, тебя рано или поздно схватят. Уходи без промедления с заднего хода. Доберешься до Балада, позвони в Аластроцентрал.

Джантифф ушел. Алейда Гластер гневно покачала головой, закусил губу и отправила сообщение:

«Коннатигу в Люсче:

Сплошной кошмар, я ничего не понимаю и боюсь! Боюсь прежде всего за несчастного Джантиффа — его могут схватить с минуты на минуту! Если кто-нибудь не положит конец этому безобразию. Хорошо, если просто убьют, а то еще что-нибудь похуже придумают, с них станется. Обвиняют его в жутком преступлении, а он невинный ребенок — что они придумывают? Секретаря Морре

убили! Курсар Бонамико пропал без вести! Я сказала Джантиффу, чтобы он бежал на юг, в Потусторонние леса. Там опасно, но здесь ему оставаться нельзя.

Скорее пришлите кого-нибудь на помощь! Я одна и не знаю, что делать.

*Алейда Гластер,
дежурный регистратор,
Аластроцентрал, Унцибал».*

Глава 10

Джантифф ехал на запад по Унцибальской магистрали — ссутулившись, неподвижно уставившись под ноги. Далеко за спиной остались космопорт, Аластроцентрал и отвратительная Розовая ночлежка, где начались все его беды. Разрозненные воспоминания проносились у него в голове, искаженные, разорванные негодованием, усталостью и тошнотворным предчувствием опасностей, поджидавших на долгом пути через Потусторонний лес. Сколько придется идти до Балада? Полторы тысячи километров? Три тысячи километров? В любом случае расстояние представлялось огромным, непреодолимым — дремучие леса, заросшие мхом руины, необозримые ленивые реки, блещущие, как ртуть, в безмятежных лучах Двона... Какая-то мысль настойчиво пыталась обратить на себя внимание его сознания: что-то связанное с разговором об омнибусе у лагерного управления Metallургического синдиката... Кто-то пошутил по поводу перспективы доехать до самого Балада. Значит, какое-то транспортное сообщение между Унцибалом и Баладом существовало. К сожалению, на Висте за пределами Аррабуса транспортные перевозки стоили дорого, а у Джантиффа оставались только никому не нужные «талоны», да и тех было мало. Он печально посмотрел на фамильный амулет — резной диск розового кварца с наручным браслетом из звеньев стельта. Может быть, он сможет оплатить проезд, если продаст браслет?

Так он ехал навстречу заходящему солнцу. Смеркалось, темнота в экваториальном Аррабусе наступала быстро. Перейдя на магистраль, ведущую к Большому Южному проходу, он повторил путь, проделанный по дороге на пикник. Каким далеким казался этот кошмарный пир, хотя прошло всего четыре дня! Желудок Джантиффа спазматически сжался от одного воспоминания.

Он подъезжал к южной окраине города. На Аррабус спустился влажный ночной мрак, сгущенный низкими тучами. По проспектам 92-го района ползли струйки холодного тумана, уличные фонари казались зловеще сияющими нимбами. Время было позднее, на скользящем полотне народу осталось немного. Когда жилищные блоки кончились, дорога почти опустела.

Полотно полого поднималось в гору. Унцибал, сзади и внизу, превратился в расплывчатую полосу света, протянувшуюся вдоль всего горизонта. Дорога повернула в Сторожевую долину, и город скрылся за темным отрогом яйлы.

Впереди показались другие огни: Metallургический синдикат. Параллельно скользящему полотну побежала ограда — вспышки электрического огня, проскакивавшие между рядами проволоки, в темноте казались еще более устрашающими, чем днем.

На фоне неба чернели очертания высоких отвалов руды, шлака и спеченного агломерата. В ночи раздался продолжительный гулкий грохот — аэробаржа выгружала руду в подземный бункер. Джантифф пригляделся, встрепнулся. Руду доставляли из карьеров непо-

далеку от Блея, в южной части Потустороннего леса. После разгрузки, надо полагать, баржи возвращались в место погрузки — то есть далеко на юг. Если бы он сумел проехать зайцем на такой барже, ему удалось бы бесплатно преодолеть большую часть пути до Балада! Джантифф перешел на крайнюю, медленно движущуюся полосу и сошел с нее, поравнявшись с баржей. Баржа соскользнула с подземного бункера и переместилась под другой, навесной бункер, откуда в нее с шумом посыпался какой-то материал. Джантифф оценивал ситуацию. Здесь лагерной ограды больше не было, но между ним и баржей находился участок, ярко освещенный фонарями. Если бы он направился прямо к барже от скользящего полотна, его сразу заметили бы.

Джантифф вернулся на полотно и проехал еще сотню метров — туда, где кончался освещенный участок. Снова сойдя с полотна, он стал пробираться по темному полю, размокшему от филтраты, сочившегося из шлакового отвала. Ноги вязли в грязи, испускавшей едкий кислотный запах. Беззвучно ругаясь, Джантифф поравнялся наконец с теневой стороной отвала, после чего передвижение стало не столь утомительным. Джантифф осторожно прошел туда, откуда можно было видеть освещенный участок — и только успел заметить, как поднялась в воздух и скрылась в ночи аэробаржа.

Джантифф с горьким сожалением провожал глазами исчезающие в небе габаритные огни. Дул прохладный ветер. Обняв себя руками, чтобы как-нибудь согреться, Джантифф стоял в тени под горой шлака, на вонючих задворках безлюдного промышленного комбината. Никогда еще он не чувствовал себя так одиноко. Отверженный, брошенный на произвол судьбы, он каким-то чудом обманул смерть, но среди живых ему уже не было места — если бы он превратился в сухой куст или обломок шлака, во Вселенной ничто не изменилось бы... Джантифф заставил себя не думать о смерти. Глупо стоять в темноте на холодном ветру и ничего не делать! Что было делать, однако? Он не видел никаких возможностей.

Под низкими тучами снова скользили габаритные огни — приближалась еще одна баржа! Тяжеловесный воздушный аппарат приземлился над подземным бункером. Водитель высунулся из кабины и наклонился, переговариваясь с рабочим, обслуживавшим бункер.

Днища отделений трюма наклонились — руда с шумом и грохотом посыпалась в воронку бункера. Джантифф напрягся, приготовился. Баржа переместилась под навесной бункер рядом с отвалом шлака. Шлак с ревом посыпался в трюм по желобу. Джантифф со всех ног подбежал к барже и вскочил на наружный горизонтальный выступ в основании грузового отсека. Пытаясь за что-нибудь схватиться, он шарил руками, но наткнулся только на вертикальные ребра жесткости. Узкая поперечная балка не служила достаточной опорой — его просто-напросто сдуло бы с взлетевшей баржи при первом порыве ветра. Джантифф прыгнул вверх, схватившись пальцами обеих рук за верхнюю кромку грузового отсека. Болтая ногами в воздухе, он сумел схватиться покрепче, подтянулся и перевалился через кромку в отделение трюма — куда как раз в этот момент сыпался шлак из навесного бункера. Джантифф отчаянно танцевал и прыгал из стороны в сторону, потом карабкался на четвереньках и плашмя по оползающему склону растущей кучи шлака — и как-то сумел избежать погребения заживо. Водитель, сидевший в тускло освещенной кабине, обернулся. Джантифф бросился ничком на шлак — неужели его заметили? По всей видимости, нет — нагруженная баржа вздрогнула, поднялась в воздух и понеслась в черном, наполненном холодным ветром пространстве. Дрожащий Джантифф вздохнул с облегчением: он вырвался из Аррабуса.

Баржа быстро пролетела два-три километра, после чего замедлилась и, судя по всему, неподвижно повисла в воздухе — встречного ветра больше не было. Джантифф недоуменно приподнял голову. Что происходило? Мощная лампа, установленная на крыше кабины,

осветила трюм. Водитель выбрался из кабины и прошел на корму по центральным мосткам. Остановившись над Джантиффом, он грубо приказал:

— Давай вылезай! Ты чего тут делаешь?

Джантифф кое-как вскарабкался по куче шлака и встал, с трудом удерживаясь на норовящем сползти гребне. Отсюда, подняв голову, он мог смотреть в лицо угрожающе наклонившейся фигуре. То, что он увидел, не располагало к оптимизму. Водитель был на редкость уродлив. Лицо его, круглое и бледное, соединялось непосредственно с бочкообразным торсом без какого-либо намека на шею. Глаза, широко расставленные, щурились косыми прорезями над плоскими скулами. Нос — не более, чем шишечка — казался органом, совершенно недостаточным для вентиляции нескладного могучего организма. Водитель повторил, таким же грубым голосом:

— Ну? Чего ты тут делаешь? Читал предупреждения? С беглецами из лагеря мы не цацкаемся.

— Я не из лагеря! — закричал Джантифф. — Я бегу из Унцибала! Мне нужно добраться до Блея, за Потусторонним лесом.

Водитель облокотился на перила и смотрел на него с язвительным недоверием:

— Что ты потерял в Блея? Там бесплатной всячиной не кормят — там кто не работает, тот не ест.

— Я не арабин, — серьезно, с волнением объяснял Джантифф. — Даже не иммигрант. Я ненадолго заехал посмотреть на Вист, а теперь хочу как можно скорее уехать.

— Ну, в то, что ты — не заключенный, поверить можно. Никакой заключенный в своем уме не полез бы в трюм баржи для перевозки руды. Если б я тебя не пожалел, знаешь, что с тобой было бы?

— Нет, то есть не совсем, — промямлил Джантифф. — Я ничего не ломал и не портил.

Тон повелителя баржи стал самодовольно-покровительственным:

— Прежде всего, чтобы не напороться на Взьерошенный хребет, я поднимаюсь на пять километров. Там воздух, как в морозильнике, облака — ледяной туман. То есть ты бы замерз, как сосулька. Нет-нет, давай со мной не спорь. Я и не такое видел. Во-вторых. Куда, по-твоему, я везу шлак? У меня в трюме что, драгоценные камни для тигры любимой наложницы подрядчика? Не совсем так. Я зависаю над озером Неман там, где подрядчик Шубарт изволит устраивать дамбу для переезда. Открываю трюмы — шлак сыплется, и с ним твой замерзший труп плюхается в черную воду с полуторакилометровой высоты. Такая перспектива тебя устраивает?

— Я всего этого не знал, — искренне признался Джантифф. — Если бы знал, то, наверное, выбрал бы другое средство передвижения.

Водитель несколько раз быстро кивнул, будто ему нравилось перекатывать голову между плечами:

— Нет, ты не лагерник, ясное дело. В лагере знают, как с зайцев шкурки обдирают, хе-хе. В голосе летучего пролетария появился оттенок благосклонности: — Ну что ж, тебе повезло. Довезу тебя до Блея, так и быть — если ты заплатишь... скажем, сто озолей. Выбери: мороз и озеро Неман — или платный проезд.

Джантифф поморщился:

— Арабины меня ограбили, отняли все, что было. Ничего не осталось, кроме нескольких талонов.

Несколько секунд водитель мрачно молчал:

— А что у тебя в мешке на поясе?

Джантифф продемонстрировал содержимое мешка:

— Пятьдесят «деревянных» и чуть-чуть морской капусты.

— Тьфу! — водитель издал разочарованный стон. — Что мне делать с этим бараклом? Он повернулся и потопал по мосткам к своей кабине.

Спотыкаясь и сползая, Джантифф побежал за ним по гребню кучи шлака:

— Сейчас у меня ничего нет, но мой отец вам заплатит! Честное слово!

Водитель остановился и принялся с преувеличенным вниманием осматривать отделения трюма:

— Никого больше не вижу. Твой отец, он куда запропастился? Пусть вылезает и платит.

— Он не здесь. Он во Фрайнесе на планете Зак.

— На планете Зак? Надо же! Что ж ты сразу не сказал? — водитель протянул руку вниз и одним движением выдернул Джантиффа на мостки. — Я гатцвангер с Кандаспа, это недалеко от Зака, каких-нибудь тридцать световых лет. Аррабины? Чокнутые они все — где живут, там и гадят, а чем гадят, тем и живут. Глаза б мои не видели их равноправия! Давай, лезь в кабину. Не подобает одному порядочному эксплуататору оставлять в беде другого.

Джантифф осторожно последовал за бочкообразным гатцвангером и залез в теплую кабину.

— Садись, вон туда. Я как раз собирался перекусить. Чем богаты, тем и рады. Или ты питаешься только морской капустой?

— С удовольствием к вам присоединюсь, — вежливо сказал Джантифф. — Моя морская капуста уже не первой свежести.

Водитель выложил хлеб, мясо, пикули и флягу вина, жестом пригласив незваного пассажира угощаться:

— Тебе повезло, что тебя нашел я, Лемизель Шваркоп, а не кто другой. Иные дальнотбойщики делают вид, что ничего не видят и знать ни о чем не хотят. По правде сказать, я до того презираю аррабинов, что готов везти на край света всех, кто не прочь от них сбежать. Лагерников в том числе. А вот есть у нас такой Бухлый, нынче личный шофер подрядчика Шубарта — в свое время тоже баржу водил. Так тот никого, кроме услужливых потаскух, не жалует — да и тем, говорят, норовит ничего не платить.

Джантифф решил не упоминать о своем поверхностном знакомстве с Бувехлютером:

— Я вам очень благодарен. Вам и Кассаденции.¹

— Как бы то ни было, — продолжал разглагольствовать Шваркоп. — Потусторонний лес — не место для таких, как ты. Там никто не поддерживает порядок, каждый сам за себя. Приходится драться, прятаться или бегать с места на место — если у тебя, конечно, нет врожденной склонности к рабству.

— Все, что я хочу — улететь с этой планеты, — сказал Джантифф. — Только для этого я и направляюсь в Балад.

— В Балад... Вполне может быть, что тебе придется долго ждать.

Джантифф сразу встревожился:

— Почему?

— Баладский космодром — всего лишь площадка на берегу моря. Примерно раз в месяц там приземляется грузовой корабль — привозит товары для местных жителей и для подрядчика Шубарта. При этом очень маловероятно, чтобы корабль, заходящий в Балад, на обратном пути делал остановку на Заке.

Джантифф переваривал плохие новости в унылом молчании. В конце концов он спросил:

— И как же мне вернуться на Зак?

Шваркоп поднял брови:

¹ См. Глосарий, п. 5

— С унцибальского космодрома ежедневно отправляются десятки кораблей.

— Верно, — Джантифф не хотел вдаваться в подробности. — Придется об этом подумать.

Аэробаржа скользила во тьме. Одолеваемый усталостью, Джантифф сонно грезил наяву. Шваркоп растянулся на кушетке за сиденьями и принялся громко храпеть. Глядя в лобовые стекла, Джантифф видел только мрак впереди и звезды скопления Аластор наверху. Где-то в стороне, далеко внизу, появился и медленно проплыл мимо мерцающий желтоватый огонек. Кто не спал в диком ночном лесу? Кто не боялся сидеть у костра посреди ночи? Цыгане? Бродяги? Кто-то заблудился? Огонек мигнул последний раз и исчез.

Джантифф растянулся на скамье и попытался уснуть. В конце концов он задремал — через несколько часов его разбудил топот башмаков Шваркопа.

Часто моргая глазами, Джантифф застонал, заставил себя сесть и сгорбился, обняв голову руками. Шваркоп полоскал лицо в умывальнике, громко фыркая и сопя, как тонущее животное. Кабина озарилась бледно-серым светом занимающейся зари. Джантифф встал и подошел вплотную к лобовому стеклу. Двон еще не взошел, небо затянула хмурая крапчатая пелена. Внизу, до самой гряды холмов на южном горизонте, расстился лесной ковер, изредка прерывавшийся небольшой прогалиной или озерцом.

Шваркоп со стуком поставил перед Джантиффом кружку чаю, взгляделся в плывущий под баржей пейзаж:

— Скверное утро! Сыро, как в погребе. Сычовый лес — гиблое место, здесь только дикари да ведьмы водятся!

Приподняв руку ко лбу, водитель осенил себя малопонятными знаменами. Джантифф с удивлением взглянул на него, но решил, что задавать вопросы неуместно. Шваркоп произнес с мрачной убежденностью:

— Если судьба заставляет человека работать на чужбине, с его стороны предусмотрительно уважать местные верования и следовать местным обычаям. Дикари Сычового леса каждое утро совершают такой молчаливый обряд. Они убеждены в том, что это дает немалые преимущества. Почему бы я стал с ними спорить или презирать их за это? Кто знает? В конце концов, они тут живут уже сотни лет, им виднее.

— Совершенно верно, — с готовностью согласился Джантифф. — Исключительно целесообразная предосторожность.

Шваркоп налил еще чаю:

— Сычовый лес кишит тайнами и загадками. В незапамятные времена здесь были плодородные поля, ухоженные сады. Кто бы мог подумать? Дворцы, усадьбы — все заросло, покрылось паутиной и плесенью.

Джантифф с благоговением покачал головой:

— Что было, то прошло.

— Только не для подрядчика Шубарта! Он собирается валить лес и расчищать поля. У него, понимаешь ли, повсюду будут фермы, усадьбы, деревни и земства, он спит и видит себя повелителем Потустороннего царства! О, гроттмастера Шубарта хлебом не корми, дай покичиться, похвастаться роскошью, устроить пышный прием важным инопланетным гостям!

— Грандиозный план. По меньшей мере, у него есть воображение.

— Грандиозный — и разорительный. Подрядчик Шубарт доит Аррабус, как золотоносное вымя, озолей у него куры не клюют. Ха! Води его баржи как угорелый, выполняй щекотливые поручения, кланяйся ему в пояс — глядишь, в один прекрасный день тебя пожалуют титулом. Его высокоблагородие виконт Шваркоп! А Бухлый — тот уж точно в герцоги метит. Из грязи в князи! А мне-то что? Пусть устраивают себе царства-государства, лишь бы меня не трогали. Шваркоп показал пальцем на юго-запад:

— А вот и озеро Неман, где Шубарт строит плотину. Там наши дороги разойдутся.

Джантифф надеялся долететь до южных берегов. Он разочарованно спросил:

— И сколько еще до Балада?

— Километров восемьдесят, не велика беда, — Шваркоп выложил перед ним хлеб и мясо. — Ешь! Подкрепись хорошенько, прогулка пойдет тебе на пользу. Только смотри, не поминай мое имя в Баладе! Неровен час, пронюхают о моих выкрутасах в усадьбе Шубарта, а он сердобольных не жалуется. В лучшем случае меня мигом уволят.

— Само собой, я ничего никому не скажу! — огорченный Джантифф прилежно занялся завтраком, не представляя себе, где и как ему снова представится случай поесть. Через некоторое время он спросил-таки без всякой надежды: — Может быть, капитан грузового корабля согласится забрать меня из Балада?

— Маловероятно. На грузовые звездолеты незнакомых не пускают. Почему? Очень просто: кому охота рисковать своей шкурой? Старменерам ничего не стоит притвориться пассажирами, заплатить за проезд, перебить команду — и поминай как звали! Где-нибудь в окраинных системах Примархии¹ за небольшой звездолет с полными трюмами дают миллион озолей, без вопросов. И капитаны, и экспедиторы прекрасно это знают. На твоём месте я бы не рассчитывал улететь из Балада.

Джантифф смотрел на казавшийся бесконечным покров дремучего леса — ему предстояло пересечь его пешком, причем, если верить Шваркопу, совершенно бесцельно. В Баладе он будет еще дальше от дома, чем в Аррабусе. И все же, какие еще возможности оставались в сложившихся обстоятельствах? Он осторожно произнес:

— Может быть, вы согласились бы передать сообщение курсару в Унцибале? Он вам заплатит — дело чрезвычайной важности.

Шваркоп выпучил глаза:

— Чтобы я ездил по ихнему вонючему полотну в Унцибал? Да ты рехнулся, парень. За сто озолей не поеду. Передавай сообщения по телефону, как все нормальные люди.

Джантифф поспешил согласиться:

— Да, конечно, это мне не пришло в голову! Он отошел в сторону, пока Шваркоп занимался управлением аэробаржей, мало-помалу спускавшейся к озеру Неман — заполненному черной водой продолговатому разлому среди поросших лесом холмов, шириной не больше четырех-пяти километров. Шваркоп остановил баржу в воздухе и потянул на себя рычаг — шлак высыпался на конец плотины, уже доходившей до середины озера.

— Планируется проложить дорогу из Балада через Сычовый лес, по плотине через Неман и к истокам реки Буглас, а оттуда по Дождливому нагорью — если Шубарт не собирается рыть туннель напрямик через Взьерошенный хребет. В любом случае взрывные работы намечаются. Я сделал шесть рейсов, доставляя фракс на унцибальский склад — там его достаточно, чтобы гора Зейд взлетела на воздух со всеми потрохами, а на ее месте открылось новое Динклинское ущелье!

— Судя по всему, Шубарт действительно не стесняется в средствах.

— Он вообще не стесняется. И зачем ему все это, совершенно непонятно. Но куда нам, дуракам, чай пить! Лемюэль Шваркоп — простой наемный работник, а он — гроссмастер Шубарт. Этим все сказано.

Шваркоп опустил баржу на берегу озера — там, где начиналась дамба. Распахнув дверь кабины, он выглянул наружу и внимательно осмотрел окрестности. Несмотря на прохлад-

¹ Примархия — звездное скопление, несколько уступающее по размерам Аластору. Некогда этой частью Млечного пути правила династия примархов; ныне, раздираемая враждой воинствующих фракций, Примархия погружена в хаос и разруху. Одна из важнейших функций Покрова, космической армады Коннатига — защита Аластора от налетов из Примархии.

ную сырость в воздухе, не было ни ветра, ни дождя. Озеро Неман поблескивало черным зеркалом.

— Денек выдался что надо! — провозгласил Шваркоп с сердечностью, не показавшейся Джантиффу вполне искренней. — Шлепать под дождем через Сычовый лес — небольшое удовольствие. Ну что, всего наилучшего! До Балада восемьдесят километров — за пару дней дойдешь, если тебя ничто не задержит.

В последнем замечании Джантифф уловил тревожный намек:

— Что могло бы меня задержать?

Шваркоп пожал плечами:

— Можно представить себе тысячу вещей, и все равно никогда не угадаешь. Да хранит нас Джампара!¹

— А по дороге нет никакого постоянного двора, где можно было бы переночевать?

Шваркоп указал куда-то вдоль берега:

— Там, если приглядишься, можно заметить россыпь искусственного мрамора. В древности здесь было что-то вроде центра увеселений. Господа и барышни флиртовали, катаясь по озеру в ладьях с резными серебряными ширмами и вельветовыми парусами. В те времена по дороге в Балад были и постоянные дворы, и гостиницы. А теперь... Как пройдешь теснину Ганта, у обочины будет хижина ремонтников. Там и ночуй — на свой страх и риск.

— На страх и риск? — воскликнул Джантифф. — Какой риск?

— Дорожные рабочие, бывает, устраивают ловушки, чтобы ведунов отпугивать. А ведуны оставляют фантомы — наводить порчу на ремонтников. Чтобы веший не попутал, разведи четыре больших ярких костра, ложись между ними — и до утра тебя никто не тронет. Но пламя должно быть высокое.

— Веший — это кто такой? — спросил Джантифф, с подозрением глядя туда, где началась стена темного леса.

— Этот вопрос часто задают. Ответа еще никто не получал. Ведьмы знают, но они-то вообще ничего не говорят, даже друг другу, — Шваркоп задумался. — Советую просто об этом не думать. Встретишь вешего лицом к лицу — сам узнаешь. А не встретишь — зачем тебе знать? Говорят, огонь его отваживает, если пламя поднимается высоко — так, что веший не хочет его перешагивать. Больше ничего не могу сказать.

Шваркоп завернул в котомку все, что осталось от его провианта, и протянул сверток Джантиффу:

— По дороге попадают дикie сливы, какажу и медунята. Но у фермеров ничего не кради — даже репу. Они тебя примут за ведуна и спустят вурглей. Ладно, счастливого пути. Шваркоп забрался в кабину спиной вперед и захлопнул дверь. Баржа поднялась в воздух и стала набирать высоту над озером.

Джантифф стоял на берегу, пока баржа не растворилась в дымке горизонта. Повернувшись, наконец, к лесу, он не увидел ничего, кроме темной листвы и еще более темной тени между стволами. Расправив плечи, он направился на юг по дороге в Балад.

¹ В устах уроженца Кандаспа воззвание к Джампаре — не слишком удачная шутка. Если бы Шваркоп серьезно относился к предрассудкам, он, разумеется, призвал бы Четырехгрудую Корё, покровительницу Кандаспа. Ирония, конечно, не ускользнула от внимания Джантиффа, хотя такое напутствие скорее смутило, нежели ободрило его.

Глава 11

Двон поднимался по небосклону — перед Джантиффом тянулась по дороге его ко-
сая тень. Как и в Аррабусе, свет казался дрожащим от перенасыщенности цветами. Здесь, в умеренных широтах, на полпути к южному полюсу Виста, этот эффект только усилился, и Джантифф представлял себе, что, рассматривая под увеличительным стеклом один из сияющих мазков, оставленных на земле пробившимися через листву лучами, он обнаружил бы бесчисленные разноцветные точки, блестящие, как миллионы микроскопических капель росы... Джантифф вспомнил, как он любовался на этот свет в первые дни после прибытия на планету, как свет вдохновлял его. Увы, ничего не получилось из его затей! Напротив, именно его наброски и портреты привели в движение последовательность событий, послужившую причиной стольким его невздам. И невздам этим нет конца! По меньшей мере из Балада он сможет позвонить курсару, а тот, несомненно, придумает способ безопасно перевезти его обратно в Унцибал и отправить домой с космодрома. И Джантифф, бодро шагавший на юг, начал интересоваться пейзажем. Когда он наконец вернется на Зак, какие чудесные истории он сможет рассказать!

Дорога полого поднималась среди раскидистых деревьев с мощными, расширяющимися внизу стволами. Джантифф взобрался на гребень невысокого холма. Впереди простирался лес, дальше — еще лес, еще дальше — снова лес до горизонта, деревья местные, деревья экзотические. Некоторые, наверное, происходили с планет Ойкумены или даже с древней Земли! Воображение Джантиффа заработало: он представил себя прибывающим на космодром Альфа-Гея и отправляющимся путешествовать по сказочным городам древней Земли, где его пытливному взору готовы были предстать красоты невообразимой древности! Во сколько обошлось бы такое путешествие? Пришлось бы потратить не меньше двух-трех тысяч озолей. Где взять такие деньги? Как-нибудь что-нибудь получится, нет ничего невозможного. Прежде всего нужно вернуться на Зак в целости и сохранности!

Так, утешая себя фантазиями и перспективами, Джантифф шел размашистыми шагами, километр за километром. Когда Двон достиг зенита, то есть поднялся чуть выше середины северной части небосклона, Джантифф остановился у ручья и закусил, бережно отложив про запас больше половины оставшейся провизии. На какое-то время, наконец, лес показался ему мирным и лишенным опасностей. Сколько он уже прошел? Как минимум пятнадцать километров... В ста шагах от него на дорогу из леса вышли восемь человек. Джантифф сначала напрягся, потом решил спокойно сидеть и наблюдать.

За тремя женщинами в длинных свободных платьях шли трое мужчин в черных рубашках и бледно-зеленых шароварах, подросток и маленький ребенок. У всех были светлые волосы, у ребенка — соломенного цвета. Заметив Джантиффа, незнакомцы боязливо задержались, после чего, не промолвив ни слова и даже не обменявшись жестами, повернули по дороге на юг. Взрослые ускорили шаг, дети припустили за ними.

Джантифф провожал их глазами. Время от времени мальчуган оглядывался — так как при этом группа хранила полное молчание, трудно было определить, руководствовался ли ребенок исключительно любопытством или указаниями старших. Группа скрылась за поворотом.

Джантифф тут же вскочил на ноги и направился туда, где ведуны вышли из леса. В нескольких метрах от дороги он заметил дерево, отягощенное сочными темно-сиреневыми плодами. Джантифф устоял перед искушением. Возможно, незнакомцы угощались фруктами. Могло быть и так, однако, что в сыром виде фрукты были ядовитыми и требовали приготовления... Джантифф пошел своей дорогой, такими же размашистыми шагами, как и раньше, нисколько не беспокоясь о том, что может догнать ведунов. Незнакомцы не проявили никаких признаков враждебности — почему бы они решили, что он представляет для них какую-нибудь опасность? Тем не менее, когда Джантифф вышел на прямой участок дороги, позволявший видеть далеко вперед, ведунов на обозримом расстоянии не оказалось.

Джантифф упорно шел на юг, но по мере наступления вечера шаги его постепенно замедлялись, и деревеневшие мышцы ног начинали болеть. Когда Двон уже опускался к северо-западному горизонту, впереди показался крутой подъем с каменистыми выступами и глубокими ложбинами. На высоком утесе, нависшем над дорогой, в роще чернолиственных цунгов лежали развалины некогда величественного дворца. «Невеселое место, — подумал Джантифф. — Надо полагать, место свидания меланхолических призраков». Он поспешил мимо, заставляя ноющие ноги делать шаг за шагом — вверх по расщелине, где навстречу журчала зигзагами и порогами узкая бурная речка. Джантифф решил, что это и была «теснина Ганта». В ложбине было сыро и холодно — когда подъем кончился и открылся широкий луг, у Джантиффа отлегло от сердца.

Диск заходящего Двона прикоснулся к темной кромке леса на горизонте. Джантифф смотрел по сторонам, но нигде не замечал хижину, упомянутую Шваркопом. Понутив голову, он отправился дальше — последние лучи Двона играли на лугу, подчеркивая кочки глубокими тенями. Дорога углубилась в новый лес, и Джантифф, ссутулившись, брел в сгущающихся сумерках, будучи уверен, что каким-то образом пропустил обещанную хижину.

Ноздри уловили слабый запах дыма. Джантифф сразу остановился, потом медленно двинулся вперед и вскоре увидел впереди, неподалеку, искру костра.

С величайшей осторожностью он приблизился к небольшой прогалине у дороги. В самом деле, здесь была хижина — грубое сооружение шагах в тридцати от обочины. Вокруг костра сидели восемь человек: трое мужчин самых разных возрастов, три женщины, также представлявших три поколения, мальчик лет четырех-пяти и подросток — точнее, девушка, едва вышедшая из подросткового возраста. Очевидно, это были те ведуны, повстречавшиеся с Джантиффом на дороге. Но как они добрались до прогалины намного раньше него? Не может быть, чтобы они пробежали все это расстояние! При этом они отдыхали у костра явно не меньше часа. Стоя в тени, Джантифф внимательно рассматривал ведунов. Вопреки слухам и рассказам, они не казались отталкивающими неопрятными дикарями. Напротив, они производили впечатление вполне нормальных, обычных людей. Джантифф припомнил, что дальними предками ведунов были аристократы, чьи разрушенные дворцы рассеяны по необъятным Потусторонним лесам. У всех были светлые волосы — от льняного до светло-каштанового и пыльно-рыжеватого оттенков. В частности, девушка отличалась странно привлекательной наружностью. Или ему так почудилось в пляшущих отблесках костра? Может быть, тут не обошлось без колдовства?

Никто ничего не говорил — ведуны смотрели на пламя костра, как зачарованные.

Джантифф сделал шаг вперед и попробовал произнести дружеское приветствие, но сумел только выдавить слегка дрожащим голосом:

— Привет!

Маленький мальчик дал себе труд обернуться, остальные даже ухом не повели.

— Добрый вечер! — еще раз попробовал обратить на себя внимание Джантифф, снова шагнув вперед. — Можно присесть у костра?

Старшие ведуны смерили его взглядом, но никто ничего не сказал.

Принимая отсутствие открытых проявлений враждебности за приглашение, Джантифф опустился на колени и протянул к огню озябшие руки. Снова он попытался завязать разговор:

— Я иду в Балад. Может быть, там меня возьмут на звездолет и я смогу улететь с Виста. По сути дела, на Висте я недавно, прилетел с планеты Зак — это в секторе Фьямифера. Я провел несколько месяцев в Унцибале, но с меня хватит. Там слишком много народу, и аррабины все какие-то... без царя в голове. Вы когда-нибудь бывали в Аррабусе?...

Голос Джантиффа замер в тишине — его никто не слушал. Мягко говоря, странное поведение! Что ж, если ведуны предпочитали молчать, у них было полное право молчать. К тому же, у ведунов могли быть свои, таинственные способы общения — не зря же их прозвали ведунами! Джантифф почувствовал холодок почтения. Стараясь не показаться навязчивым, он исподтишка изучал соседей, сидевших слева и справа. Их одежды, плетеные из лыка, были выкрашены в зеленые, розовые и бледно-коричневые тона и в лесной глуши выглядели вполне естественно. Головы мужчин были повязаны платками, женщины головы не покрывали — их длинные волосы свободно спускались на плечи. У всех ведунов и ведьм были позолочены ногти, ярко блестевшие в освещенном кругу костра. На них не было никаких украшений, талисманов или амулетов. Каковы бы ни были их тайные навыки, средства их применения не бросались в глаза. Судя по всему, ведуны уже поужинали — рядом, на скамье, стояли котелок и блюдо с остатками шашлыка.

Ободренный тем, что никто, очевидно, не возражал против его присутствия, Джантифф осмелился осведомиться:

— Я здорово проголодался — нельзя ли доесть то, что осталось?

Вопрос не вызвал никаких признаков одобрения, никаких возражений. Джантифф взял несколько остывших кусочков мяса — не все — и с удовольствием подкрепился.

Костер начинал догорать. Девушка поднялась на ноги и пошла собирать валежник. От Джантиффа не ускользнули ее стройность и грация движений. Он тоже вскочил и побежал ей помогать, что вызвало у нее едва уловимое движение губ, напоминавшее улыбку. Никто из старших ведунов не обращал внимания на происходящее, хотя мальчуган уставился на Джантиффа с суровым осуждением.

Джантифф съел еще чуть-чуть шашлыка, размышляя о том, собирались ли ведуны ночевать в хижине, за плотно закрытой дверью. Может быть, они опасались ловушек дорожных рабочих?

Костер снова разгорелся, тепло и тишина убаюкивали — веки Джантиффа сомкнулись. Он глубоко заснул.

Постепенно, мучительно пытаясь осознать, где он находится, Джантифф проснулся. Он лежал на жесткой холодной земле, костер превратился в едва тлеющие угли. Некоторое время Джантифф озибался в темноте — никого не было, ведуны ушли.

Присев на корточки, он протянул руки над углями. Лицо почувствовало прикосновение холодных капель — начинался моросящий дождь. Джантифф с трудом поднялся на ноги и стоял во мраке, покачиваясь от усталости. Было бы в высшей степени жела-

тельно укрыться от дождя. Он с сомнением подумывал о хижине, пытаясь вспомнить, в каком направлении ее следовало искать.

Продвигаясь наощупь, он натолкнулся на сколоченную из колючих досок стену и продвинулся поближе к двери. Засов легко сдвинулся, дверь со скрипом распахнулась. Когда раздался неожиданный звук, сердце Джантиффа замерло, но ничто не шелохнулось, никто не отозвался. Джантифф прислушался — из хижины не доносилось ни звука. Никто не дышал, не шевелился, не ворочался. Джантифф попытался шагнуть внутрь, но обнаружил, что не может заставить себя это сделать — его организм инстинктивно сопротивлялся такой идее.

Джантифф колебался примерно минуту, и с каждой секундой намерение зайти в хижину представлялось ему все более опрометчивым. Что-то в глубине мозга подсказывало, что во мраке хижины притаилось нечто, и что это нечто приготовилось сожрать его с леденящим кровь хлюпающим причмокиванием. Когда-то в детстве ему приснился такой кошмар, и теперь память предупреждала об опасности, за неимением лучшего используя залежавшийся материал. Джантифф отступил от двери и вернулся туда, где он и девушка собирали валежник. Через некоторое время ему удалось найти несколько сухих ветвей, и он сложил их на углях. Приложив невероятные усилия, он ухитрился раздуть огонь — наконец в ночи взметнулись внушающие уверенность языки пламени. Снова согревшись, он уселся с твердым намерением больше не спать. Теперь хижину озарили отсветы костра. Проем открытой двери, однако, зиял непроглядной тьмой. Джантифф быстро отвел глаза — у него возникло ощущение, что он может увидеть что-то, чего видеть не следовало... В голове блуждали рассеянные обрывки мыслей, глаза слипались... Послышался скрип Джантифф широко открыл глаза. Кто-то закрыл дверь хижины.

Джантифф привстал на четвереньки в позе бегуна на старте. Бежать! Немедленно, куда глаза глядят! В нем скулило и рвалось с цепи истеричное животное. Куда бежать, однако? В темный дремучий лес? Джантифф принес побольше дров, развел костер поярче. Ему больше не хотелось спать.

Пасмурное небо чуть побледнело — начинался рассвет. Очертания прогалины постепенно проявлялись. Джантифф сидел у догорающего костра, как статуя, вырезанная из дерева. Он поворошил угли, чувствуя себя древним, как мир, поднялся, неуклюже вытянув затекшие ноги, и доел остававшиеся в котомке хлеб и мясо. Бросив на хижину последний, лишенный всякого любопытства взгляд, он мрачно побрел на юг.

Часа через три пасмурная пелена рассеялась. Лес озарился искрометными лучами Двона, и у Джантиффа заметно исправилось настроение. События прошедшей ночи уже стирались у него в памяти подобно болезненным сновидениям.

Дорога пересекала речку. Джантифф напился, ополоснул лицо и попробовал несколько ягод, найденных в густой поросли на берегу. Минут десять он отдыхал, после чего снова отправился в путь.

Мало-помалу пейзаж менялся. Лес становился редким и перемежался каменистыми проплешинами. К полудню Джантифф поравнялся с боковой дорогой, ведущей направо, после чего такие перекрестки стали попадаться примерно каждые полтора километра. Джантиффа окружали дикие каменистые низины, поросшие жестким кустарником и наземными кораллами. Слева, по-прежнему дремучий и темный, тянулся лес, отступавший к юго-востоку.

После полудня Джантифф проходил мимо фермы, производившей впечатление достаточно благоустроенного хозяйства. За оградой белил основания стволов низкорослых фруктовых деревьев молодой человек, не старше Джантиффа. Заметив при-

ближение путника, тот выпрямился и подошел к ограде, чтобы присмотреться — крепкий парень с длинноносым продолговатым лицом и блестящими черными волосами, связанными в три пучка. Джантифф вежливо поздоровался, но решил не задерживаться, задетый появившимся на лице садовода выражением издевательского изумления.

Фермер, однако, не мог сдержать любопытство:

— Эй! Постой-ка! — Джантифф задержался, — Вы ко мне обращаетесь?

— Само собой. Ты видишь кого-нибудь еще?

— Нет, не вижу.

— То-то и оно! Ты, я смотрю, нездешний.

— Вы правы, — холодно отозвался Джантифф. — Я прибыл на Вист из Фрайнесса на планете Зак.

— Не слыхал о такой планете. Все планеты не упомнишь — в Скоплении не счесть всяких дыр и закоулков.

— Несомненно, так оно и есть.

— Ну и что же? Как так получается, что ты идешь по Сычовой дороге, если она кончается у Немана?

— Знакомый подвез меня из Унцибала к озеру Неман, — ответил Джантифф. — Оттуда я иду пешком.

— Ведуны по дороге попадались? Говорят, из Харалумилета перекочевала новая триба.

— Я встретил группу бродяг, — кивнул Джантифф. — Они мне не помешали. По сути дела, достаточно воспитанные люди.

— Если они не исхитрились отравить тебя своей мерзопакостной¹ стряпней, считай, тебе повезло.

Джантифф сумел улыбнуться:

— Я разборчив в выборе пищи, уверяю вас.

— И что ты делаешь в наших краях?

Джантифф использовал заранее приготовленный ответ:

— Я — стипендиат, веду этнографические исследования. Перед возвращением домой хотел бы посетить Блель.

Фермер скептически хмыкнул:

— Нечего тут у нас исследовать, мы самые обычные люди. С таким же успехом мог бы заниматься ерундой у себя дома.

— Возможно, — Джантифф чопорно поклонился. — Прошу меня извинить, мне нужно идти.

— Иди, никто тебя не держит — только смотри не заглядывайся на мой отборный тернослив! Исследования исследованиями, а если я тебя застаю в саду — Станкера спущу! Знаю я вас, любителей погулять да помечтать за чужой счет!

— У меня нет ни малейшего намерения заниматься расхищением сельскохозяйственной продукции, — с достоинством ответил Джантифф. — Всего наилучшего!

Чуть южнее дорога проходила мимо сливового сада — до некоторых плодов можно было дотянуться рукой, не перелезая ограду. Джантифф, однако, решительно прошагал прочь, хотя явно не находился под наблюдением.

Местность становилась населенной. К западу простирались обработанные земли — ферма за фермой, фруктовые сады, огороды, пшеничные и овсяные поля. С восточ-

¹ Неточный перевод. Слово «услак» означает «дьявольские отбросы»; прилагательное «услакан», таким образом, можно перевести как «оскверненный», «нечистый», «богохульный».

ной стороны упорно продолжался высокий, густой, угрюмый лес. Через некоторое время впереди показалась беспорядочная группа ветхих построек — поселок Балад. По правую руку, чуть поодаль, виднелись несколько складов и мастерских, полукольцом окружавших открытую к морю площадку космодрома. Площадка пустовала.

Джантифф заставил уставшие ноги двигаться как можно быстрее. Слева, на востоке, блеснула излучина спокойной полноводной реки. Дорога повернула туда же, ближе к Сычовому лесу. Взглянув на ходу в глубину лесной чащи, Джантифф остановился — ноги его внезапно онемели. В двадцати метрах, почти незаметные среди пестрых пятен света и тени, неподвижно и молча, как некие сказочные твари, выросшие из-под земли, стояли трое в черных рубахах и бледно-зеленых шароварах.

Джантифф смотрел на них, не мигая, стараясь справиться с частым сердцебиением. Ведуны внимательно смотрели на него — или, может быть, не на него, а куда-то дальше.

Задержавший дыхание Джантифф выдохнул, после чего, руководствуясь тем сообщением, что это могли быть его вчерашние попутчики, приветственно поднял руку. Три фигуры не шелохнулись, продолжая пристально смотреть на Джантиффа или на что-то еще, недоступное его восприятию.

Джантифф устало двинулся вперед, постепенно удаляясь от леса, перешел реку по древнему чугунному мосту и, наконец, оказался на окраине Балада.

Дорога расширялась и превратилась в протянувшееся через весь поселок пространство метров пятьдесят поперек, скорее напоминавшее пустырь, нежели улицу. Здесь Джантифф остановился и хмуро осмотрелся. Балад был меньше и примитивнее, чем он ожидал — по существу не более, чем открытое всем ветрам селение на дюнах у Стонущего океана. С южной стороны главной улицы ютились несколько лавок. Напротив располагались рынок, полуразвалившееся строение неизвестного назначения, клиника с аптекой, огромный ангар, где чинили сельскохозяйственную технику, и пара тракторов — «Старый гревун» и «Киммери».

Поперечные улицы спускались к реке, где покачивались на привязи несколько рыбацких лодок. Вдоль улиц и по берегу реки тянулись избы с огородами. Примерно в километре за окраиной Балада река превращалась в широкое устье и впадала в океан. На улицах играли пятеро или шестеро бледных черноволосых детей. У входа в «Старый гревун» стояли несколько колесных экипажей и пара самосвалов. Примерно столько же посетителей запарковались у «Киммери».

«Старый гревун» был ближе — двухэтажное здание с основанием из шлаковых блоков и бревенчатой надстройкой, выкрашенной черными, красными и зелеными полосами, придававшими заведению аляповато-легкомысленный вид. Джантифф толкнул входную дверь и оказался в зале с длинными столами и скамьями, едва освещенном узкими, пыльными малиновыми окнами, прорезанными в бревенчатой стене под самым потолком. В это время дня в полупустом трактире коротали время всего семь или восемь человек, игравших в санкё¹ и потягивавших эль из глиняных кувшинов.

Джантифф заглянул в кухню, где, приготовившись чистить большую рыбу, стоял с ножом и щеткой в руках дородный мужчина с сияющей лысиной и пышными черными усами. Его манеры свидетельствовали о раздражении, вызванном непонятными на первый взгляд причинами. Заметив Джантиффа, усач опустил нож и щетку и отрывисто спросил:

¹ Игроки в санкё задумывают и пытаются осуществлять сложные планы нападения и обороны, передвигая по квадратной доске шириной чуть меньше метра фигуры, изображающие крепости, эстафрактов и копьеносцев.

— Да? Чем могу быть полезен?

Смущенно запинаясь, Джантифф объяснил:

— Я путешественник с другой планеты, мне нужны кров и пища. Так как у меня кончились деньги, я был бы рад заработать на пропитание.

Нож и щетка упали на стол. На лице трактирщика появилось явно более привычное выражение напыщенного добродушия:

— Тебе повезло! У служанки, видите ли, роды, поваренок тоже заболел — за компанию, надо полагать. Нам многого не хватает, но работы всегда полно. При этом у меня только одна пара рук, так что можешь сразу браться за дело. Прежде всего, будь так добр, почисти эту рыбу!

Глава 12

Трактирщик Фариск не покривил душой: работы было действительно вдоволь. Фариск, от природы человек достаточно покладистый и не слишком требовательный, в силу обстоятельств вынужден был постоянно давать Джантиффу новые поручения — нужно было драить пол и убирать на столах, резать мясо и рыбу, чистить овощи, подавать еду и напитки, мыть посуду и скоблить сковороды, а в оставшееся время извлекать перцебы¹ из раковин и промывать их пресной водой.

Заработок Джантиффа составлял два озоля в день. Ему разрешили пользоваться каморкой в дальнем углу второго этажа, а также есть и пить все, что подавалось в трактире, без ограничений.

— Я не скупердьяй какой-нибудь! — великодушно объявил Фариск. — Тем не менее, после того, как ты побегаешь с высунутым языком неделю-другую, твое мнение на этот счет может измениться.

— В настоящее время, — в тон хозяину, с чувством отвечал Джантифф, — предложенные вами условия меня более чем удовлетворяют!

— Значит, по рукам!

На следующее утро после прибытия в Балад Джантифф отправился в местное почтовое отделение и позвонил в унцибальский Аластроцентрал — по законам Скопления такие переговоры оплачивались за счет Коннатига. На экране появилась Алейда Гластер:

— А-га! — торжествующе воскликнула она. — Джантифф Рэйвенсрок! Где ты?

— Следуя вашему совету, прибыл в Балад. Пришел вчера вечером.

— Превосходно! И теперь ты собираешься улететь домой?

— Я еще не наводил справки, — ответил Джантифф. — Вполне может быть, что со звездолетом ничего не получится. Здесь приземляются только грузовые корабли. Говорят, пассажиров они не берут.

Лицо Алейды вытянулось:

— Мне это не пришло в голову.

— В любом случае, — продолжал Джантифф, — мне нужно поговорить с курсаром. Он вернулся?

— Нет! И не звонил в управление. С его стороны это в высшей степени странно.

Джантифф прищелкнул языком от огорчения:

¹ Перцеб — небольшой трехстворчатый моллюск. Многочисленные колонии перцебов встречаются на подводных камнях и скалах вдоль побережья Стонущего океана. Перцебов, собранных накануне, извлекают из раковин, тщательно промывают пресной водой и жарят в ореховом масле с айолем. Приготовленные таким образом, они пользуются большой популярностью у местных жителей.

— Когда он прибудет, пожалуйста, вызовите меня по телефону. Я остановился в тракторе «Старый гревун». Я стал свидетелем событий, о которых курсар должен быть поставлен в известность незамедлительно.

— Обязательно передам ваше сообщение.

— Большое спасибо.

Джантифф вышел на улицу и поспешил обратно в трактор, где его отсутствие уже начинало раздражать обидчивого Фариска.

Посетители «Старого гревуна» позволяли составить представление о характере местного населения — фермеры и жители поселка, прислуга из усадьбы гроссмастера Шубарта (так его величали в Баладе), складские рабочие и механики с космодрома и даже экспедитор собственной персоной, некий Юбанк, заведовавший приемкой и отправкой грузов. По мнению Джантиффа, по большей части это был неотесанный и довольно-таки недружелюбный народ — особенно фермеры, каждый из которых будто стремился перещеголять других самонадеянностью, упрямством и грубоватой немногословностью. Они ели серьезно и решительно, усердно употребляя мутноватые спиртные напитки Фариска и его хитроумно разбавленный эль. Выпивка не развязывала им языки и не располагала к веселью — пьяные, они впадали в сонное оцепенение. Как правило, Джантифф не прислушивался к беседам. Тем не менее, заметив, что разговор зашел о ведунах, он поинтересовался:

— Почему они ничего не говорят? Кто-нибудь знает?

Земледельцы усмехнулись невежеству инопланетянина.

— Говорить-то они еще как говорят! — провозгласил старший и самый общительный из собутыльников, некто Скорба. — Мой брат поймал парочку в амбаре. Один так-таки сбежал, а вторую он привязал к обшкурочному столбу и выпытал из нее всю подноготную — не скажу, как. Ведьма призналась, что может говорить не хуже любого другого — однако слова, понимаешь ли, всеу произносить нельзя, в них слишком много колдовской силы. Поэтому они говорят только тогда, когда колдуют. Так сказала ведьма. А потом запела стихами или что-то в этом роде, и у братца моего, Чабби, пошла кровь из ушей, так что он выбежал из амбара. А когда вернулся с устволкой,¹ ведьма уже шла восвояси. Чабби прицелился — и что ты думаешь? Устволка взорвалась у него в руках — полгода забинтованный ходил!

Фермер по имени Бодило презрительно кивнул, порицая недомыслие братца Чабби:

— Против ведьмы ни устволка, ни какое другое изобретение не годится. Лучшее средство — кол, вырезанный из девятилетнего хобера и вымоченный девять ночей в воде, не тронутой живой рукой!

— Метелка из колючей ивы еще никогда не подводила, — внес свою лепту Сансоро. — Она у меня всегда под рукой, а если что — вургли своему делу обучены. В Чернильном лесу собирается новый шабаш.

— Только вчера ведунов видел, — сообщил молодой человек по имени Дуэйд, с огромным клювоподобным носом и бровями цвета воронова крыла. — Похоже, стягиваются к Вемищенскому омуту. Прокричал им вслед проклятие — они даже не обернулись.

Скорба осушил кружку и со стуком опустил ее:

— Пора бы Коннатигу ими заняться. Мы свои гроши² платим — и что получаем взамен? Поздравления и высокие цены. Лучше тратить те же гроши на эль. Эй, как тебя! Принеси-ка еще пинту!

¹ Устволка — легкое световое оружие, применяемое для отстрела грызунов, охоты на дикую птицу и т. п.

² «Грошами» в простонародье называют небольшой подоходный налог, взимаемый Коннатигом.

— Сию минуту.

Неподалеку сидел человек в костюме из рыжеватой саржи, под цвет редких волос рыжегато-песочного оттенка — Юбанк, экспедитор космодрома, назначенный grossмастером Шубартом инопланетянин. Грузный, но узкоплечий и сутулый, он отличался характерным грушевидным телосложением. Будучи завсегдатаем «Старого гревуна», Юбанк заваливался ежедневно после полудня, чтобы промочить горло, закусить горячими перцебами и сразиться в санкё на динкет-другой¹ с любым желающим. Характер у него был ровный, мягкий и спокойный, но чуть иронический — губы его то кривились, то вытягивались трубочкой, будто он чему-то внутренне посмеивался. Теперь, повернувшись на скамье лицом к выпивохам, он решил присоединиться к разговору:

— Ну-ну, братва! Не браните Коннатига. Его только помянешь, он тут как тут. Даже в Баладе у стен есть уши, сами знаете.

Дуэйд заржал:

— Давай-давай, рассказывай! У нас тут все наперечет — разве что Коннатиг устроился к Фариску столы обслуживать. Только сдается мне, Джанкс на Коннатига не смахивает. («Джанксом» посетители таверны, коверкавшие незнакомые имена на свой лад, уже успели прозвать Джантиффа.)

— Что правда, то правда. Джанкс — не Коннатиг, — саркастически согласился Юбанк. — Фотографии коннатига я видел, и никакого сходства не усматриваю. Тем не менее, не жалейте гроши. Коннатиг тратит их с пользой. Взгляните вечером на небо — сколько звезд в Скоплении! И все под защитой Покрова.

Бодило крякнул:

— На ветер пускают наши гроши. Старментерам в Блеле делать нечего. Что с нас возьмешь? У меня хоть шаром покати.

— Гроссмастер Шубарт может пригнуться старментерам, — возразил Скорба. — Он живет в роскоши, и это его полное право, но всякому богачу приходится опасаться космических пиратов.

Дуэйд проворчал:

— С меня берут такую же долю дохода. А кого защищает Покров? Шубарта или меня? Нет в мире справедливости.

Юбанк рассмеялся:

— Не вешай нос! Покров не всемогущ. Если Коннатиг не защитит grossмастера Шубарта, значит и его гроши, и твои одинаково ни на что не годятся! Справедливость восторжествует. Кто не прочь сыграть в санкё по маленькой?

— Только не я, — угрюмо отказался Дуэйд. — Коннатиг отбирает гроши, а ты — динкеты. Бехева тебя знает, как ты ухитряешься каждый раз выигрывать. Одно разорение.

— И не я, — присоединился к приятелю Бодило. — Своим динкетам я найду лучшее применение. Джанкс! Перцебы еще не готовы?

— Через пять минут!

Юбанк, не преуспевший в намерении пожить за счет деревенщины, отвернулся. Через несколько минут, когда у Джантиффа выдалась свободная минута, он приблизился к экспедитору:

— Прошу прощения, господин Юбанк. Не могли бы вы дать мне совет?

— Всегда готов помочь ближнему в пределах дозволенного, — осторожно отозвался тот. — Должен предупредить, однако, что бесплатные советы, как правило, бесполезны.

Джантифф не обращал внимания на шутки:

¹ Динкет — мелкая монета, десятая часть озоля.

— Я хотел бы долететь до Фрайнесса на планете Зак, Аластор 503. Там у меня родители. Как вы думаете, с местного космодрома туда можно попасть?

Юбанк покачал головой:

— В Балад прибывают только грузовые корабли, совершающие круговые рейсы с заходами на Хильп и Ламбетер, вдоль Клыка Горгоны.

— А на Хильпе или на Ламбетере нельзя сделать пересадку и улететь на Зак?

— Можно-то можно, да вот только здешние звездолеты пассажиров не берут — капитан сухогруза, соглашающийся подвозить каждого встречного-поперечного, может потерять лицензию. Поезжай в Унцибал, пакетбот «Черная стрела» отвезет тебя прямо на Зак.

— Унцибал мне надоел до чертиков, — пробормотал Джантифф. — Ноги моей там больше не будет!

— В таком случае боюсь, что тебе придется довольствоваться пасторальным существованием в Блеле.

Джантифф задумался на минуту:

— У меня есть обратный билет из Унцибала до Фрайнесса на Заке. Не могли бы вы обменять его на билет из Балада до Фрайнесса — такой, чтобы я мог сразу взойти на борт пакетбота в Унцибале, не проходя через волокиту в космическом порту?

— Это можно устроить, но как ты попадешь в Унцибал?

— Разве отсюда туда нет никаких рейсов?

— Регулярного пассажирского сообщения нет.

— Но если, например, вам нужно было бы слетать в Унцибал, что бы вы сделали?

— Нанял бы флиббит. Естественно, аэромобиль обойдется недешево, путь далекий.

— Во сколько, примерно?

Юбанк задумчиво погладил подбородок:

— Пожалуй, я мог бы все устроить за сотню озолей. В крайнем случае придется еще немного доплатить. Дешевле не получится.

— Сто озолей! — у Джантиффа руки опустились. — Это большие деньги.

Юбанк пожал плечами:

— Не такие уж большие, если учесть, сколько хлопот связано с перевозкой. Владелец флиббита не согласится гонять машину и тратить время даром. Я тоже, кстати, бесплатные услуги не оказываю.

Фермеры уже стучали кружками по столу:

— Джанкс! Перцебы готовы?

Джантифф вернулся к своим обязанностям. Сто озолей? Грабеж среди бела дня! Получая два озолы в день и не расходуя ни динкета, сто озолей можно скопить за пятьдесят дней. К тому времени аррабинский Фестиваль Века давно закончится.

«Несомненно, названная сумма включает щедрые комиссионные для самого Юбанка, — думал помрачневший Джантифф. — Что ж, либо экспедитор сбавит цену, либо мне придется зарабатывать больше». Первое представлялось маловероятным: скупость Юбанка стала притчей во языцех среди завсегдатаев «Старого гревуна». По словам Фариска, Юбанк прибыл в Балад в том же костюме из рыжеватой саржи, который он ежедневно носил до сих пор. Значит, нужно было больше зарабатывать. Каким образом? Выполнение поручений Фариска занимало практически все время.

Убирая со стола грязную посуду, Джантифф с возмущением покосился на скрягу-экспедитора, поглощенного тихой беседой с новым посетителем, только что зашедшим в трактир. Заметив новоприбывшего, Джантифф замер с мисками и кружками в руках. Подобострастные манеры Юбанка свидетельствовали о том, что его собеседник — грузный широкоплечий субъект с жесткой черной щетиной волос, прищуренными глазами и полнокровным, легко багровеющим лицом — пользовался в Баладе значительным влиянием. По

местным представлениям, он был одет по-щегоольски — в бледно-голубой костюме военного покроя (слегка помятый и потертый), черные сапоги, черный ремень с перевязью через плечо и черную шляпу из рогожи с плюмажем в виде серебряного пера. Субъект посмотрел по сторонам, заметил Джантиффа, поднял руку:

— Официант! Кружку эля!

— Сию минуту! — с бьющимся сердцем Джантифф наполнил и принес кружку.

Бувехлютер смотрел ему прямо в лицо, но явно не узнавал.

— Это «Темная брага Фариска»? Или привозной «Небрангер»?

— «Темная брага» лучшего разлива.

Бухлый отпустил его безразличным кивком. Присутствие Джантиффа на пикнике, даже если Бухлый вообще обратил на него внимание, явно не запечатлелось в памяти личного шофера подрядчика Шубарта. «Еще один повод поскорее убраться из Балада! — сжав зубы, думал Джантифф. Сто озолей могли оказаться не столь уж дорогой ценой!»

Через некоторое время Юбанк поднялся на ноги и попрощался с Бухлым. Джантифф поспешил подойти к нему у выхода:

— Сейчас у меня нет ста озолей, но я постараюсь собрать эту сумму как можно скорее.

— Ну и ладно, — сказал экспедитор. — Я проверю расписание «Черной стрелы», и мы обо всем договоримся.

Джантифф предложил без особой надежды:

— Если бы вы могли отвезти меня раньше, я заплатил бы вам сразу по возвращении на Зак.

Юбанк покровительственно усмехнулся:

— Зак далеко, на таком расстоянии обязательства легко забываются.

— Но вы можете мне доверять! Я еще никого никогда не обманывал!

Продолжая смеяться, экспедитор успокоительно поднял руку:

— Тем не менее и не взирая ни на что! Я веду дела добросовестно и предусмотрительно, а это значит — сто озолей на бочку и никаких разговоров.

Джантифф обиженно пожал плечами:

— Сделаю все, что смогу. Кстати... кто этот ваш знакомый?

Юбанк бросил взгляд в трактирный зал:

— Многоуважаемый Бувехлютер по прозвищу «Бухлый». Он — доверенное лицо гроссмастера Шубарта, в настоящее время находящегося в деловой поездке на другой планете, в связи с чем Бухлый распоряжается у него в усадьбе как у себя дома и всех нас развлекает своими леденящими кровь шуточками. Выполняй его заказы в первую очередь — и не будет никаких проблем.

— Официант! — как раз в этот момент позвал Бухлый. — Двойную порцию перцебов!

— Очень сожалею, но свежих перцебов больше не осталось. Сегодня много посетителей.

Раздосадованный Бухлый грязно выругался:

— Почему Фариск никогда не умеет рассчитать заранее, сколько чего ему нужно? Приноси тогда горшок горячего сварла с топленным жиром и полфунта фаршированного рубца.

Джантифф бросился выполнять приказание. Начинался хлопотный вечер.

Через несколько часов посетители, наконец, разошлись и разъехались, один за другим исчезая в ночном тумане, наползавшем на Блель с просторов Стонущего океана. Джантифф убрал со столов, навел порядок в кухне, погасил свет и облегченно удалился в свою каморку.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Джантифф не мог пожаловаться на то, как с ним обращались в «Старом гревуне». Если бы его не мучили страхи и подозрения — и если

бы Фариск поменьше докучал бесконечными просьбами — провинциальное существование в Баладе могло бы даже показаться в чем-то приятным, хотя и бесперспективным. Рано утром Джантиффа будила Палинка, грубоватая и нескладная дочь Фариска. Она же готовила и подавала ему завтрак: горячую кукурузную кашу, кусок колбасы и кружку чая из черно-цвета. Сразу после завтрака Джантифф брал швабру и мыл пол в трактирном зале, приносил припасы из погреба и наводил порядок за стойкой бара, приготавливая всё необходимое для обслуживания посетителей. Уже на четвертый день Джантиффу стали поручать дополнительную работу — независимо от погоды, даже если моросил холодный дождь, весь Балад затягивало туманом, и Стонущий океан бушевал, разбивая о скалы темно-серые валы, ему приходилось отправляться с парой ведер на берег и собирать с подводных камней, бродя по колени в холодной воде, ежедневный запас перцебов. Несмотря на необходимость зябнуть и мокнуть, это занятие нравилось ему больше других. Выходя за окраину Балада, Джантифф, с детства привыкший к морю, оставался наедине с бескрайним океаном.

Как правило, Джантифф шел на восток по пляжу Дессимо, где омываемые волнами, полупогруженные в море плоские каменные уступы перемежались с небольшими прибойными пещерами. Среди дюн по всему пологому берегу встречались ароматные поросли всевозможной растительности — лилового подвязочника, карликового гололома, имбирных хохолков, поскрипывавшей под ногами ползучей приворотной ягоды. Время от времени попадались россыпи силиканта — миниатюрные пятиконечные звезды, будто сделанные из притертого стекла, неброско отливающие сотнями почти не повторяющихся оттенков. Там и сям торчали, пригнувшись навстречу ветру короткими искривленными стволами, приморские гранаты, причудливо раскинувшие ветви, как застывшие на бегу, панически размахивающие руками старые ведьмы. Глядя в морскую даль, Джантифф каждый раз испытывал вызванное непривычной близостью горизонта странное ощущение — казалось, что он стоит высоко в воздухе. В дождливую погоду пейзаж мрачнел и становился зловещим, а если налетал штормовой ветер, заставлявший скалы дрожать под ударами прибоя, оставалось только брести, пригнувшись подобно гранатовым деревьям, назад в трактир с пустыми ведрами.

В погожие деньки жемчужный океан искрился и сверкал под лучами Двона, кусты подвязочника озарялись подобно подсвеченному перламутровому стеклу, а песок под босыми ногами казался чистым и свежим, как в начале времен — и Джантифф, помахивая ведрами и вдыхая прохладный соленый ветер, чувствовал, что, несмотря на опасности и невзгоды, жить стоило хотя бы просто ради того, чтобы жить.

На полпути к широкому мысу Дессимо почти к самому океану узким языком подступала лощина Сычового леса. Здесь Джантифф обнаружил ветхий сарай, едва заметный в глубине пляжа, уже под тенью деревьев. Крыша провалилась, одна из стен обрушилась, а пол замело нанесенными ветром песком, прутьями и опавшими листьями. Джантифф поворошил песок и листья палкой, но не нашел ничего заслуживающего внимания.

Однажды Джантифф выбрался на самую оконечность мыса — массивный выступ черной скалы, скрывавший с подветренной стороны дюжину струящихся слабыми водоворотами мелких бухточек, почти отделенных от моря низкими каменистыми грядами. Бродя по колено в этих естественных купальнях, Джантифф нашел огромное множество первосортных перцебов, в том числе «коронелей» — крупных раковин, содержимое которых особенно ценилось местными гурманами. С тех пор Джантифф посещал этот «заказник» ежедневно. Проходя мимо старого сарая, он время от времени поднимал и устанавливал на прежних местах пару камней из осыпавшейся стены или выносил наружу несколько горстей скопившихся внутри песка и листьев.

Утром одного солнечного дня Джантифф обогнул мыс, чтобы вернуться в Балад другой дорогой, по берегу залива Льюлес, в связи с чем ему представилась возможность полюбоваться на усадьбу, роскошное жилище гроссмастера Шуберта в глубине безукоризненно ухоженного парка с подстриженными кустами и светлыми гравийными дорожками. Джантифф задержался — в трактире ему приводилось слышать много фантастических историй, связанных с этой местной достопримечательностью. Даже на большом расстоянии невозможно было не заметить фигуру нежившегося на солнышке Бувехлютера, полуразвалившегося на садовой скамье. Немного погодя из кухни вышла с подносом закусок молодая горничная в черном форменном платье с красным передником. Бухлый, по-видимому, позволил себе игривую вольность — горничная нервно увернулась от его руки, занесенной ей за спину. Бухлый проявил прыткость, быстро нагнувшись и потянув к себе один из красных помпонов, окаймлявших передник горничной. Служанка стала протестовать, жаловаться и, наконец, заплакала. Галантность Бувехлютера как рукой сняло. Он огрел девушку тяжелой ладонью по ягодицам — та едва устояла на ногах и, спотыкаясь и рыдая, поплелась обратно в усадьбу. Джантифф инстинктивно шагнул вперед: он готов был выкрикнуть гневное замечание, но поостерегся и прикусил язык. Бухлый заметил его движение и яростно вскочил на ноги. К счастью, их разделяли не меньше шестидесяти метров воды. Подхватив ведра с перцебами, Джантифф поспешил удалиться.

Часа через три после полудня Бухлый явился в «Старый гревун». Джантифф обслуживал столы, стараясь игнорировать вызывающие взгляды опасного фаворита. В конце концов Бухлый подозвал его жестом, и Джантифф вынужден был подойти:

— Чем могу служить?

— Ты сегодня за мной шпионил, а? Смотри, утоплю в нужнике, щенок паршивый!

— Я не шпионил, — возразил Джантифф. — Я просто проходил мимо по берегу, чтобы отнести в трактир свежие перцебы.

— Не ходи мимо усадьбы. Гроссмастер Шубарт не любит, когда вокруг околачиваются всякие бездельники, и я тоже зевак не терплю.

— Вы хотели что-нибудь заказать? — стараясь сохранить достоинство, осмелился спросить Джантифф.

— Когда надо будет, тогда и закажу! — гаркнул Бухлый. — Сдается мне, я где-то уже видел твою пронырливую рожу. Она мне и раньше не нравилась, а теперь и подавно — так что не суй свой длинный нос в чужие дела, без носа останешься!

Джантифф смолчал и вернулся к обслуживанию других посетителей. В углу трактирного зала просиживал штаны Юбанк, через несколько минут подозвавший к себе Джантиффа:

— Что у тебя с Бухлым, какие-то нелады?

Джантифф кратко описал происшествие на берегу и прибавил:

— Теперь он злой, как черт.

— Понятное дело, причем дело обстоит хуже, чем ты думаешь. Я собирался нанять Бувехлютера, чтобы он отвез тебя в Унцибал на флиббите Шубарта.

Бухлый уже стоял рядом. Ухмыляясь, он оперся кулаками на стол:

— Это его ты хочешь отправить в Унцибал? С удовольствием захвачу его с собой и не возьму ни гроша!

Ни Джантифф, ни Юбанк ничего не ответили. Бухлый еще раз усмехнулся и вышел из трактира. Джантифф уныло пробормотал:

— С Бухлым я точно никуда не полечу.

Экспедитор ответил одним из свойственных ему успокоительных жестов:

— Не принимай его всерьез. Бувехлютер горазд пошуметь, но все его угрозы — пустые слова. Как правило. Я просмотрел расписание, и теперь мне нужен твой обратный билет. Он у тебя с собой?

— Да, но я не хотел бы его отдавать.

Юбанк с улыбкой покачал головой:

— Я не могу забронировать тебе место без обратного билета.

Джантифф неохотно протянул экспедитору билет.

— Очень хорошо, — сказал Юбанк. — Ты можешь вылететь из Унцибала через три недели на борту «Джервазиана». Сколько у тебя озолей?

— Двадцать.

Юбанк досадливо прищелкнул языком:

— Недостаточно! Через три недели у тебя и восьмидесяти не наберется! Что ж, придется тебе лететь на «Серенаике», через шесть недель.

— Но к тому времени закончится арабинский Фестиваль Века!

— Ну и что?

Джантифф ответил не сразу:

— У меня есть дело в Унцибале. Я должен быть там до начала Фестиваля. Поверьте мне, я отдам двадцать озолей. Как только я вернусь домой, вы получите все недостающие деньги. Обещаю вам!

— Разумеется, — с усталым вздохом сказал Юбанк. — Я тебе верю. Сейчас ты и сам свято веришь всему, что говоришь. Но по возвращении на Зак тебя могут отвлечь срочные дела, и ты забудешь о далеком, заброшенном инопланетном поселке. Так оно обычно и бывает. Боюсь, я вынужден настаивать на выплате всей суммы вперед. Так что же? «Джервазиан» или «Серенаика»?

— Придется лететь на «Серенаике», — упавшим голосом сказал Джантифф. — Раньше я просто не наскребу денег. Но имейте в виду: я ни в коем случае не полечу с Бухлым.

— Как хочешь. Могу нанять флиббит Бульвана, отвезу тебя сам. На том и порешим.

Джантифф вернулся к повседневной работе. Шесть недель казались бесконечным сроком. И как насчет Фестиваля Века? Нужно было снова и снова звонить в Аластроцентрал — до тех пор, пока он не освободится от бремени фактов и подозрений, переложив его на плечи курсара... Издалека, из Балада, его догадки представлялись странными, даже невероятными — Джантифф иногда спрашивал себя: не приснился ли ему нелепый унцибальский заговор? Может быть, непривычная диета вызвала яркие параноидальные галлюцинации, что-то вроде наркотического отравления? На какое-то мгновение уверенность в себе покидала Джантиффа, но затем возвращалась. Не мог же он, в самом деле, придумать покушения Эстебана на его жизнь, подслушанные разговоры, содержимое фотокристалла, убийство Клода Морре!

Вечером Джантифф заметил в кухне полного розовощекого молодого человека, и незадолго до закрытия трактира Фариск отвел Джантиффа в сторону:

— С завтрашнего дня у нас дела пойдут, как раньше — то есть я должен с сожалением сообщить, что больше не нуждаюсь в твоих услугах.

Джантифф ошеломленно молчал. В конце концов он выдавил:

— В чем я провинился?

— Ни в чем, все в порядке. Могу даже сказать, что в целом и в общем я твоей работой доволен. Мой племянник Ворис, однако, желает занять прежнюю должность. Он бездельник, и выпивает больше эля, чем подает. Тем не менее, я вынужден ему уступить. В противном случае придется выслушивать бесконечные упреки моей сестры — а она стерва, каких свет не видел! Увы, так делаются дела в бесславном Баладе. Сегодня ты можешь переночевать в своей комнате, но завтра ее нужно будет освободить.

Джантифф отвернулся и закончил вечернюю уборку в состоянии растерянной подавленности. Всего два часа тому назад его угнетала необходимость работать в трактире еще шесть недель — теперь такая возможность казалась бы чуть ли не благословением!

Последние посетители разошлись. Джантифф помыл посуду, отправился к себе в каморку и пролежал, не сомкнув глаз, почти до рассвета.

Утром, как обычно, его разбудила Палинка. Она никогда не проявляла особого дружелюбия, а сегодня от нее веяло откровенной неприязнью:

— Сказано подать тебе последний завтрак, так что пошевеливайся! У меня полно других забот.

Джантифф готов был отозваться гневным восклицанием, но благоразумие одержало верх. Он угрюмо пробормотал, что уже встает, и явился в кухню, как полагалось.

Палинка поставила перед ним миску каши, кружку чаю, кусок хлеба и блюдо с вареньем. Сонный Джантифф ел без особого аппетита, чем вызвал нетерпение Палинки:

— Давай, Джантифф, не тяни волюнку! Мне пора убирать со стола.

— А мне пора получить жалованье! — вспыхнул Джантифф. — Где Фариск? Я уйду, как только он заплатит.

— Тебе придется ждать целый день, — отозвалась дочь трактирщика. — Папаша ушел на рынок.

— И где мои деньги? Разве он не поручил тебе мне заплатить?

Палинка хрипло рассмеялась:

— Не смей меня с утра пораньше. Папаша смылся, чтобы не попадаться на глаза — надеется, что ты забудешь про деньги.

— Ничего я не забуду! Пока не получу все до последнего динкета, я от Фариска не отстану!

— Завтра утром он тут будет. А сегодня тебе здесь делать нечего, давай проваливай!

Озлобленный Джантифф молча вышел из «Старого гревуна». Минуту-другую он стоял на прохладном ветру, ссутулившись и засунув руки в карманы куртки. Посмотрев по сторонам, он обратил внимание на «Киммери», другой трактир неподалеку. Попытать счастья у конкурента? Джантифф невольно поморщился — баладские таверны ему порядком осточертели. Тем не менее, он поправил куртку и отправился размашистыми шагами в «Киммери», где его встретила мадам Чага, низкорослая тучная женщина с вечно озабоченным выражением лица. Она занималась хорошо знакомым Джантиффу делом — мыла шваброй пол в трактирном зале. Джантифф обратился к ней, стараясь придать своему голосу внушающую доверие уверенность, но мадам Чага только мрачно усмехнулась, ни на секунду не прерывая ритмичные движения швабры:

— На прислугу мне озолей не хватит — как видишь, управляюсь в одиночку. Ищи работу у тех, кому денег девать некуда — например, у гротомастера. Ему может понадобиться еще один лизоблюд, ногти подчищать.

Джантифф вернулся на улицу и подверг предложение мадам Чаги неутешительному анализу.

По тротуару приближалась фигура в рыжевatom костюме — Юбанк направлялся в управление космодрома. Заметив Джантиффа, экспедитор кивнул и прошел бы мимо, если бы настойчивый Джантифф не преградил ему путь, сделав несколько шагов вдогонку: вот, наконец, человек, способный решить все его проблемы!

Юбанк приветствовал его достаточно вежливо:

— Какому срочному делу я обязан нашей встречей в столь ранний час?

— Фариск больше не нуждается в моих услугах, — бодро и торопливо объяснил Джантифф, — что само по себе не слишком приятное известие, но в связи с этим открывается возможность, выгодная для нас обоих, так как я быстрее смогу накопить деньги, если вы устроите меня на работу на космодроме, где платят больше, чем в трактире.

На лице экспедитора сразу возникло отсутствующее выражение:

— К сожалению, это невозможно. По правде говоря, на космодроме даже постоянному персоналу часто нечем заняться.

Расстроенный Джантифф повысил голос:

— Как же я заработаю сто озолей?

— Не знаю. Так или иначе, добыть эти деньги тебе придется. Твой билет уже отправлен в Унцибал, место на «Серенаике» забронировано.

Джантифф испуганно замер:

— И поездку уже нельзя отложить?

— Нет, обратный билет использован.

— И вы не можете ничего предложить? Может быть, у гроссмастера найдется какая-нибудь работа? Вы не замолвите за меня словечко?

Юбанк уже потихоньку продвигался в сторону, чтобы обойти Джантиффа:

— Гроссмастер в отъезде. Усадьбой управляет Бувехлютер — когда не лезет кому-нибудь под юбку, не охотится на ведьм и не опустошает погреб «Старого гревуна». Он вряд ли захочет тебе помочь. Не сомневаюсь, что ты найдешь какой-нибудь выход из положения. Желаю удачи и всего хорошего! — Экспедитор поспешил своей дорогой.

Джантифф брел по главной улице на восток — мимо «Старого гревуна», на окраину городка и дальше. Выйдя на берег моря, он сел на плоский камень и стал смотреть на неугомонные серые волны. Утренний свет Двона, собираясь во впадинах между волнами, стекался и растекался подобно ртути. Среди скал вздымалась и опадала серебристая пена прибоя. Джантифф сосредоточенно смотрел в горизонт и оценивал свои возможности. Можно было бы, конечно, вернуться в Унцибал и скрываться, как раньше, за общественным туалетом в Дисджерферакте — но как он преодолет полторы тысячи километров дикого леса? Допустим, он угонит флиббит гроссмастера. Что, если его поймает Бухлый? Джантифф невольно поежился. Оставалось надеяться на возвращение курсара, в связи с чем необходимо было ежедневно звонить в Аластроцентрал. Завтра утром он потребует жалованье у Фариска — ничтожную сумму, способную, однако, прокормить его несколько дней, а то и пару недель. Какую-то крышу над головой нужно было найти сегодня же. Джантифф чуть выпрямился — ему в голову пришла мысль. Поднявшись на ноги, он прошел по берегу к брошенному рыбацкому сараю (если таково было первоначальное назначение полуразвалившейся хижины на краю леса). Без особого энтузиазма осмотрев это жалкое строение, уже хорошо ему знакомое, он принялся за работу, очищая внутреннее помещение от валежника, опавших листьев, песка и грязи.

Наломав в лесу гибких зеленых прутьев, он устроил из них плотное, упругое основание новой крыши. Теперь требовался водонепроницаемый настил. Джантифф задумался. Лишних денег на искусственное покрытие не было — приходилось импровизировать. Сама собой напрашивалась мысль о настиле из плетеного тростника или пальмовых листьев, но ни тростник, ни пальмы в Блеле не росли. Минимальное капиталовложение становилось неизбежным.

Джантифф вернулся в Балад и приобрел, потратив один озоль, моток веревки, нож и сухую лепешку-галету, после чего побрел обратно к сараю. Приближался вечер, времени отдыхать не было. Собирая вдоль берега охапки водорослей, Джантифф разложил их кучами на песке. Некоторые старые стебли подгнивали — от них исходила характерная йодистая вонь. Когда Джантифф научился, более или менее, плести водоросли, он уже продрог, промок и перепачкался буровой слизью. Упрямо игнорируя неудобства, он сплел из водорослей несколько циновок и разложил их внахлест на крыше.

Закончить сооружение крыши к заходу солнца не удалось. Джантифф развел костер, выстирал одежду в ручье неподалеку, помылся и, пока догорала вечерняя заря, собрал дюжины перцебов на ужин. Развесив мокрую одежду на палках, воткнутих в песок, он

сгорбился на корточках у костра, голый, пытаясь согреться со всех сторон одновременно. Тем временем перцебы пеклись в раковинах, и через некоторое время Джантифф славно закусил жареными моллюсками и сухой лепешкой.

Наступила ночь, берег и море окутались мраком. Джантифф лег на спину и смотрел на небо. Он не разбирался в том, как знакомые созвездия выглядели с Виста, и не мог назвать ни одну из звезд, но некоторые из парящих над ним пылающих точек, несомненно, согревали миры, населенные отважными мужчинами и прекрасными женщинами. И никто из них даже не подозревал, что где-то страшно далеко, на берегу Стонущего океана, лежит и думает существо по имени Джантифф Рэйвенсрок!

Позволив мыслям блуждать бесцельно и бесконтрольно, Джантифф размышлял о самых разных вещах и наконец решил, что разгадал сокровенную сущность странной маленькой планеты — Виста. На Висте все было не тем, чем казалось — купаясь в таинственном дрожащем свете, все было чуточку искажено, чуточку не в фокусе, как силуэт на фоне миража, отражающего нечто совсем другое. Такова, по мнению Джантиффа, была и природа людей, населявших Вист. Конечно же, характер людей соответствовал характеру мира, где они родились и выросли... Джантифф вспомнил о родной планете и задал себе вопрос: не казался ли Зак, с его точки зрения «обычный» и «нормальный», странным и непонятным уроженцам других миров? По аналогии, не казался ли им странным и непонятным уроженец другого мира, а именно Джантифф? Вполне возможно, что так оно и было.

Костер догорал, остались только тлеющие угли. Джантифф поднялся, с трудом распрямляя затекшие ноги. В качестве постели он мог воспользоваться кучей опавших листьев, и на сей раз этим приходилось довольствоваться. Джантифф на всякий случай еще раз прошелся по берегу, после чего укрылся в хижине. Зарывшись в кучу листьев и ворочаясь, через некоторое время он сумел занять достаточно удобное положение и крепко заснул.

На рассвете Джантифф выбрался из тесной хижины под открытое небо. Ополоснув лицо в ручье, он позавтракал остатками сухой лепешки и остывшими печеными перцебами, за ночь успевшими стать довольно-таки неаппетитными. Даже если Джантифф собирался прожить в старом сарае не больше недели, следовало обзавестись котелком, сковородой, кружкой, вилок и ложкой, солью, мукой, бутылью-другой растительного масла и, пожалуй, парой пачек чая. Закупка всего этого добра нанесла бы непоправимый ущерб его жалким сбережениям. Как еще можно было приобрести самое необходимое? Джантифф выспался, мысли его прояснились. Он должен был время от времени оставлять хижину на произвол судьбы, чтобы звонить в Аластроцентрал. Рано или поздно он застанет курсара — может быть, даже сегодня!

Джантифф встал, стряхнул с одежды листья и песок и направился в Балад. Подойдя к «Старому гревуну», он зашел на задний двор и постучал в кухонную дверь.

Выглянула Палинка:

— Джантифф? Что тебе нужно?

— Как то есть что? Я пришел за деньгами.

Палинка распахнула дверь и жестом приказала заходить:

— Говори с папашей. Вот он сидит.

Джантифф приблизился к столу. Фариск надул щеки и, подняв мохнатые брови, уставился куда-то в сторону — по-видимому надеясь на то, что неприятное напоминание о долге, если на него не смотреть, чудом исчезнет само по себе. Джантифф, однако, не исчезал. Вместо этого он уселся напротив Фариска, и тому пришлось волей-неволей заметить его присутствие.

— Доброе утро, Джантифф, — осторожно сказал трактирщик.

— Доброе утро, — отозвался Джантифф. — Мне причитается жалованье.

Фариск устало вздохнул:

— Приходи через несколько дней. Я купил на рынке несколько полезных вещей, и теперь у меня туговато с деньгами.

— У меня с деньгами гораздо туже! — воскликнул Джантифф. — Имейте в виду, я буду сидеть у вас на кухне и есть бесплатно все, что попадется под руку, пока мне не выдадут обещанное жалованье!

— Ну-ну! — успокоительно поднял ладонь Фариск. — Нет никаких причин для волнения. Палинка, налей Джантиффу кружку чаю.

— Я еще не завтракал, и с удовольствием принял бы предложение подкрепиться горячей кашей.

Фариск подал знак Палинке:

— Дай ему миску кукурузной каши. Джантифф — порядочный, понятливый парень, что само по себе редкость, заслуживающая поощрения. Так сколько я тебе должен?

— Двадцать четыре озоля.

— Двадцать четыре! — подпрыгнув на стуле, вскричал усатый трактирщик. — А сколько пива ты выпил? Сколько ты всего съел?

— Я ничего не пил и не ел кроме того, что полагалось. Вы это прекрасно знаете.

Фариск мрачно вытащил кошелек и отсчитал деньги:

— Так и быть. Я держу свое слово.

— Спасибо! — оживился Джантифф. — Теперь мы в расчете. Допускаю, что со вчерашнего дня ситуация не изменилась? Вы по-прежнему не нуждаетесь в моих услугах?

— К сожалению, нет. По сути дела, мне тебя здорово не хватает. Ворис утверждает, что растянул ногу и не может собирать перцебы, а его увольнение, как тебе известно, невозможно в связи с катастрофическим нравом моей сестры. Придется поручить перцебы Палинке.

— Еще чего! — страстно возмутилась Палинка. — Мне делать больше нечего, как часами бродить по колено в холодной воде, натываясь на острые камни и всякую ядовитую гадость? Ничего лучше придумать не мог?

— Один разок, только сегодня, — примирительно сказал Фариск. — Завтра у Вориса пройдет воспаление, растяжение или что у него там, и все будет, как раньше.

Палинка стояла на своем:

— У Вориса воспаление хитрости! Пройдет нога, заболит что-нибудь еще. Даже когда на болячки сослаться уже нельзя, он всегда найдет предлог отвертеться. То ему прилавок вздумалось воском натирать, то его тошнит потому, что эль вчера, видите ли, был несвежий, то сегодня волна слишком сильная! А на следующий день опять: «Палинка, Палинка! Сходи за перцебами, бедняжка Ворис захворал!» Знаю я вас! Не выйдет! — Чтобы подчеркнуть свои слова, Палинка со звоном опустила сковородку на стол: — Джантифф, конечно, с причудами, но он-то хотя бы раковины приносил и не жаловался. Ворис ему в подметки не годится.

Фариск попытался прибегнуть к чисто философскому убеждению:

— Какое значение, в конце концов, имеют несколько перцебов? Любой день состоит из определенного числа минут и не станет короче или длиннее от того, что ты соберешь пару ведер.

— Вот и собирай их сам! — Палинка промаршировала прочь, всем видом показывая, что вопрос дальнейшему обсуждению не подлежит.

Помолчав, Фариск погладил усы и доверительно наклонился к Джантиффу:

— Ты не сделаешь мне одолжение и не принесешь немного перцебов? Только сегодня, в виде исключения.

Джантифф прихлебывал чай:

— Давайте рассмотрим этот вопрос по существу.

Фариск обиделся:

— Я же не прошу ничего особенного! Неужели так трудно дать твердый ответ?

— Совсем не трудно, — продолжал Джантифф, — но я хотел бы закончить свою мысль. Как вы знаете, я остался без работы. При этом мне совершенно необходимо скопить некоторое количество денег.

Фариск поморщился и хотел было прервать собеседника, но Джантифф остановил его, подняв руку:

— Давайте подумаем о том, что представляет собой ведро перцебов. Будучи очищены и поджарены, перцебы из одного ведра составляют примерно двадцать порций. Порция перцебов стоит один динкет. Таким образом, ведро перцебов дает вам два озоль. Два ведра — четыре озоль, и так далее. Допустим, я буду ежедневно приносить требуемое количество перцебов, а также извлекать их из раковин и чистить, получая озоль за ведро. Таким образом вы будете извлекать прибыль, нисколько не утруждая ни себя, ни Палинку, ни даже Вориса.

Фариск обдумывал предложение, дергая себя за ус. Палинка прислушивалась с другого конца кухни и теперь подошла поближе:

— О чем тут спорить? Ворис всегда найдет повод не ходить за перцебами! А у меня от холодной воды ноги синеют. И вообще я боюсь поскользнуться, удариться головой и утонуть в водовороте.

— Ну хорошо, Джантифф, — решил Фариск. — Проверим, как работает твоя система. Несколько дней ничему не повредят. Выпьем еще чаю, чтобы отметить наш договор.

— С удовольствием, — согласился Джантифф. — Кроме того, давайте условимся, что оплата будет производиться без отсрочек, сразу после доставки.

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился трактирщик. — Успех любого предприятия зависит от репутации владельца. Стану ли я рисковать репутацией из-за жалкой кучки моллюсков?

Джантифф сделал неопределенный жест рукой:

— Ежедневный расчет позволит избежать необходимости вести учет и сравнивать записи.

— Это несущественный вопрос, — сказал Фариск. — Еще одна деталь: раз уж ты всерьез решил заняться этим делом, я предпочел бы получать четыре ведра перцебов в день, а не два.

— Я собирался предложить что-то в этом роде, — с готовностью отозвался Джантифф. — Удвоение заработка мне не мешает.

— Надо полагать, ты будешь собирать перцебы, пользуясь своим собственным оборудованием?

— В течение нескольких ближайших дней, как минимум, мне придется пользоваться ведрами, ломом и клещами из вашей кладовки. В случае их поломки или чрезмерного износа я, разумеется, возмещу убытки.

Фариск все еще сомневался в целесообразности заключения сделки на столь неформальной основе, но Палинка нетерпеливо воскликнула:

— Скоро обед! Ты сегодня собираешься готовить перцебы или нет? Если да, пусть Джантифф идет и занимается своим делом, перестань к нему приставать. — Трактирщик воздел руки в бессильном раздражении и удалился из кухни. Джантифф зашел в кладовку, собрал инструмент и ведра и направился к океану.

Еще вчера Джантифф приметил скальный выступ метрах в двадцати от берега, до сих пор им не обследованный в связи с тем, что его отделяла от берега глубокая впадина. Теперь он соорудил из валежника и плавника небольшой плот, позволявший идти по дну или

даже плыть, толкая перед собой стоящие на плоту ведра. Погрузившись по плечи в морскую воду, отчего у него задрожали колени и застучали зубы, Джантифф подтащил плот к подводной скале и привязал плот к острому выступу, торчавшему над водой.

Его ожидания немедленно оправдались: скала плотно обросла перцебами, и ведра скоро наполнились. Вернувшись на берег, Джантифф развел костер и грелся, пока извлекал перцебы из раковин и очищал их.

Солнце еще не поднялось к зениту, когда Джантифф доставил в трактир «Старый гре-вун» четыре ведра перцебов. Фариска результаты экспедиции Джантиффа несколько озадачили:

— Когда ты работал на меня, у тебя столько же времени уходило на сбор двух ведер, а здесь четыре ведра, причем перцебы уже очищены и промыты!

— Количество затрачиваемых усилий пропорционально их оплате, — заметил в ответ Джантифф. — Кстати, я заметил, что ваша кладовка завалена старой сломанной мебелью и всяким хламом. За три озоля я берусь ее расчистить и унести мусор на свалку.

Яростно торгуясь, Фариск сумел сбить предложенную цену до двух озолей, после чего Джантифф взялся за дело. Сортируя хлам, он оставил себе два старых стула, трехногий стол, пару рваных матрасов, а также несколько котелков, канистр и помятых сковородок. Приобретение этих вещей и было, в сущности, основной причиной его заинтересованности в расчистке кладовки — Джантифф подозревал, однако, что если бы он просто попросил Фариска отдать ему рухлядь, тот приписал бы ей непомерную стоимость. А теперь, к полному удовлетворению Джантиффа, его дневная выручка составила шесть озолей, не считая мебели и утвари для временного жилища.

На следующий день Джантифф приступил к работе пораньше и скоро собрал и очистил семь ведер перцебов. Четыре ведра, согласно договору, он доставил Фариску, а другие три без особого труда сбыл его конкурентке из соседнего трактира, мадам Чаге, еще за три озоля.

В хорошем настроении мадам Чага отличалась исключительной словоохотливостью. Приветствуя возможность заручиться вниманием нового собеседника, она угостила Джантиффа горшком щей и отвела душу, описывая всевозможные хлопоты и неприятности, связанные с необходимостью угождать вкусам и прихотям капризных посетителей, неспособных ценить по достоинству ее кулинарные способности.

Джантифф с готовностью согласился с тем, что бремя ее забот угрожает стать невыносимым. Он заметил также, что прибыльность таверны нередко зависит от привлекательности ее интерьера и внешнего вида. Вполне возможно, что радующие глаз цветочные орнаменты на фасаде «Киммери» и изображение веселой процессии празднующих селян на длинной панели над входной дверью способствовали бы просветлению несколько унылой атмосферы, царящей в заведении, и побудили бы посетителей оставаться в ней подольше.

Мадам Чага с пренебрежением отвергла его идею:

— Все эти разговоры об орнаментах и живописных панелях хороши там, где можно нанять приличного художника. А в Баладе никто и квадрат в квадрате толком не нарисует!

— Почему же? — наивно возразил Джантифф. — Я учился рисованию много лет. Может быть, у меня получится что-нибудь в этом роде.

На протяжении следующих полутора часов Джантифф имел возможность убедиться в том, что в искусстве бесконечно торговаться мадам Чага превосходила даже Фариска. Напустив на себя безразличный, несколько скучающий вид, однако, в конце концов он сумел заключить договор примерно на таких условиях, какие его устраивали, причем мадам Чага даже выдала авансом пять озолей на приобретение материалов.

Джантифф тотчас же отправился в сельскую лавку, где купил разные краски и несколько кистей. Выходя на улицу, он заметил приближавшегося ленивой косолапой походкой плотного полнощеккого субъекта в рыжевatom костюме.

— Юбанк! Вас-то мне и нужно было видеть! — позвал его Джантифф, придав голосу нарочитую бодрость. — Теперь мы можем вернуться к нашему первоначальному плану!

— К какому такому плану? — Юбанк остановился в явном замешательстве.

— Вы не помните? За сто озолей — что, надо сказать, грабеж среди бела дня! — вы обещали отвезти меня в унцибальский космический порт, чтобы я успел улететь на «Серенаике».

Юбанк задумчиво кивнул:

— Разумеется, сто озолей должны быть выплачены авансом. Ты это учитываешь?

— Не вижу препятствий! — уверенно заявил Джантифф. — У меня на руках что-то вроде тридцати озолей. Сделка с мадам Чагой принесет еще двадцать два. Сверх того, я зарабатываю по шесть-семь озолей в день.

— Рад слышать, что у тебя хорошо идут дела, — вежливо отозвался экспедитор. — Поделись опытом: в чем секрет процветания?

— Никакх секретов! Каждый мог бы делать то же самое. Я просто-напросто брожу по пояс в морской воде и собираю семь ведер перцебов, потом вынимаю их из раковин, чищу и поставляю в «Киммери» и в «Старый гревун». Не желаете ли получать время от времени ведро-другое отборных моллюсков?

Юбанк рассмеялся:

— Мне достаточно того, что подают в «Гревуне». Но ты мог бы обратиться к повару грассмастера Шубарта. Грассмастер вернулся, у него нынче много гостей. А им несомненно придутся по вкусу свежие перцебы.

— Превосходная мысль! Можно считать, что я уже на борту «Серенаики»!

Юбанк молча улыбнулся характерной для него отстраненной улыбочкой и пошел своей дорогой. Джантифф задержался, чтобы поразмыслить. Чем скорее он заработает сотню озолей, тем лучше. Озоли грассмастера ничем не хуже любых других. Попытка — не пытка!

Джантифф оставил банки с краской в сарае Фариска и направился к усадьбе грассмастера по северному берегу залива Льюлес. Подходя к приусадебному парку, он заметил в обычно сонливых окрестностях признаки суматохи и бурной деятельности. Озираясь, чтобы не попасться на глаза Бухлому, Джантифф украдкой пробрался к служебному заднему входу. Поваренок позвал шеф-повара. Тот без лишних разговоров поручил Джантиффу поставлять два ведра перцебов каждые три дня в течение ближайших двадцати четырех дней за четыре озолы, то есть предложил платить в два раза больше за ведро, чем трактирщики.

— Пока не началось празднование столетия Унцибала, грассмастер развлекает влиятельных гостей, — пояснил шеф-повар. — Потом возобновится обычный распорядок.

— Все будет сделано в точном соответствии с вашими указаниями, можете на меня положиться, — пообещал Джантифф.

Джантифф возвращался по дороге в Балад почти окрыленный, будто сто озолей уже звенели у него в кармане. Он мог с уверенностью рассчитывать на безопасное прибытие домой... Услышав за спиной отчаянное жужжание колесных приводов, Джантифф поспешил отпрыгнуть на обочину — мимо пронесся экипаж. За рулем, оскалившись блаженно-бессмысленной ухмылкой, необычной на хищной оплывшей физиономии, развалился явно подвыпивший Бувехлютер.

Машина, мчавшаяся в Балад, скрылась в клубах пыли. Джантифф снова вышел на дорогу. Куда торопился Бухлый с таким радостным нетерпением? Озадаченный Джантифф на-

правился к телефону сразу по возвращении в поселок и снова позвонил в унцибальский Аластроцентрал.

На экране появилось лицо Алейды Гластер. Ее щеки, некогда румяные и округлые, казались впалыми. Секретарша была встревожена и даже, по-видимому, плохо себя чувствовала. Джантифф произнес извиняющимся тоном:

— Вас снова беспокоит Джантифф Рэйвенсрок. Боюсь, я вам порядком надоел.

— Не говори глупости! — отрезала Алейда. — Я всего лишь выполняю свои обязанности. Ты все еще в Баладе?

— Да, и пока что мои дела, насколько я могу судить, идут неплохо. Но мне совершенно необходимо поговорить с курсаром. Он вернулся в Унцибал?

— Нет! — в голосе Алейды звенело нескрываемое напряжение. — Не вернулся. Что само по себе никуда не годится.

Джантифф не мог сдержать досаду:

— Мое дело не терпит отлагательств!

— Обстоятельства нашей последней встречи не оставили в этом никаких сомнений, — съязвила секретарша. — К сожалению, я не могу вызвать курсара по мановению волшебной палочки.

— Надо полагать, вы снова связывались с управлением в Уониссе?

— Разумеется. Курсара никто не видел.

— Может быть, следовало бы уведомить Коннатига?

— Это уже сделано.

— В таком случае остается только ждать, — вздохнул Джантифф. — Если потребуется оставить мне срочное сообщение, пожалуйста, вызывайте таверну «Старый гревун» — мне передадут.

— Понятно.

Джантифф стоял на широкой главной улице. Погода менялась. Полная воды туча свисала с неба, как темное вымя, тяжелые капли дождя начинали падать в пыльный песок. Натянув куртку на голову и сгорбившись, Джантифф поспешил к «Старому гревуну». Решительно зайдя в трактирный зал, он уселся за стол и знаком приказал Ворису подать кружку эля.

Выглядывая в проем кухонной двери, Фариск заметил Джантиффа, нахмурился и вышел к нему, грозно шевеля усами:

— Джантифф, я тобой недоволен!

Джантифф удивленно поднял голову:

— Чем я провинился?

— Ты поставляешь перцебы в «Киммери»! Я не усматриваю в этом никакой выгоды.

— Для вас в этом нет и никакого убытка! Посетители мадам Чаги любят жареные перцебы с айолом — так же, как и ваши. Если я откажусь собирать для них моллюсков, вместо меня это будет делать кто-нибудь другой.

— Но ты пользуешься моими ведрами, моим лапчатым ломом, моими клещами!

Джантифф беззаботно рассмеялся:

— Ну что вы в самом деле! Какие мелочи. Оборудование останется в целости и сохранности. Кроме того, самые лучшие, отборные коронели я доставляю только в «Старый гревун». Даже если их обслуживают с ленцой, ваши завсегдатаи по меньшей мере всегда могут сказать, что перцебы Фариска вкуснее, чем в «Киммери»! На что же тут жаловаться?

— Я надеялся на твою благодарность!

— И я вам очень благодарен, спору нет.

— А тогда почему же мне говорят, что ты собираешься раскрасить старый грязный сарай этой ведьмы, чтобы придать ему опрятный и привлекательный вид?

— Если мне заплатят, как положено, я и «Старый гревун» так же раскрашу.

Фариск глубоко вздохнул:

— Чую, куда дует ветер! Сколько тебе платит мадам Чага?

— Не могу разглашать условленную сумму, но в общем и в целом сорок озолей составили бы вполне удовлетворительную плату.

Фариск подскочил от изумления:

— Сорок озолей? Тебе отсчитает сорок озолей дряхлая карга, дрожащая над каждым грошом и прячущая деньги в кошель, привязанный под юбкой? Рассказывай!

— Не забывайте, что я — квалифицированный специалист! — поднял указательный палец Джантифф.

— Как я могу забыть о том, чего ты мне никогда не сообщал?

— Принимая меня на работу, вы не дали мне времени даже прокашляться, а об описании моих разнообразных талантов и речи не было.

— Еще чего! — бормотал Фариск. — Сорок озолей за какую-то мазню. Грабеж, да и только!

— Как вам понравится серия из десяти декоративных настенных панно, по пять озолей каждое? Если вы заплатите по шесть озолей за панно, я могу добавить контуры с серебряным отливом. Тогда интерьер «Киммери» поблекнет по сравнению с вашим.

Фариск осторожно предложил другие условия, и переговоры продолжились. Тем временем в таверну завалился Бухлый в компании молодых людей крепкого телосложения — батраков с ферм, рыбаков, портовых подсобных рабочих. Они расселись, заказали эль и принялись громогласно обсуждать свои дела. Джантифф не мог не слышать, о чем зашел разговор.

— У меня четыре вургля... спустим их на краю Сычового леса...

— ...и к Вамищенскому омуту! Там у них табор.

— Осторожно, Бухлый! Не забывай о золотухе.

— Не беспокойся. Мне-то в рот ничего не попадет!

В конце концов Джантифф не выдержал, зашел на кухню к Фариску и поинтересовался:

— О чем это они расшумелись?

— Собрались охотиться на ведьм. Любимое развлечение Бувехлютера.

— Охотиться на ведьм? Зачем это им нужно?

Трактирщик взглянул через плечо на разгулявшуюся ораву:

— Гершельман обрабатывает поля с благоговением жреца, подстригающего живую изгородь у храма. В прошлом году кто-то стащил у него бушель семян плетневого плюща. В краже обвинили ведунов — он рад возможности их наказать. Клова угостили нечистой пищей, испорченной ведьмами. Ему пришлось долго очищаться. Теперь, как только заходит разговор об охоте на ведьм, он хватается за дубину. Зиттелю просто скучно — этот готов заняться чем угодно, лишь бы развлечься. Дюссельбек гордится своими натасканными вурглями и любит пускать их в ход. Бухлый обожает насиловать в лесу загнанных малюток. А в случае Парго все предельно просто: ему нравится убивать.

Джантифф с опаской и презрением покосился на компанию охотников за ведьмами, только что заказавшую у вспотевшего Вориса еще по кружке эля:

— Вульгарное, жестокое развлечение!

— Само собой, — кивнул Фариск. — Меня этот спорт никогда не привлекал. Ведьмы — быстроногие твари, за ними так просто не угонишься. Вечно я то в болото забреду, то в кустах каких-нибудь застряну. Судя по всему, ведунам игра в кошки-мышки нравится не меньше, чем их преследователям.

— В это трудно поверить.

Трактирщик развел руками:

— А если нет, зачем бы они зачастили в леса вокруг Балада? Зачем стали бы красть плетневой плющ? Зачем пугают нас по ночам колдовскими кострами и призраками?

— Тем не менее, охота на ведьм представляется мне отвратительным времяпровождением.

Фариск упрямо хрюкнул:

— Ведуны — извращенцы, я их привычек не одобряю и предпочел бы, чтобы они держались подальше. Готов, однако, согласиться с тем, что облавы следует организовывать по правилам, сохраняя человеческое достоинство. Бухлый, например, действительно ведет себя разнузданно. Удивительно, что он еще золотуху не подхватил. Знаешь, как ее лечат? Худшему врагу не пожелаешь. Похоть вынуждает Бухлого безумно рисковать!

Подавленный неприятным разговором, Джантифф решил глотнуть эля и обнаружил, что кружка опустела. Он подал знак Ворису, но тот был всецело занят обслуживанием бравых охотников на ведьм:

— Можно считать, что мы окончательно договорились по поводу декоративных панно и их стоимости?

— Даю не больше двадцати озолей за десять изображений — и настаиваю на использовании четырех красок, с серебряным отливом!

Джантифф повернулся, всем видом показывая, что собрался уходить:

— Зачем мы теряем время? Когда речь идет о художественной работе, производящей эстетический эффект, не пристало торговаться из-за каждого озоля!

— Все зависит от того, с какой стороны рассматривается этот вопрос, представляющий собой, подобно аптекарским весам, палку о двух концах. В конце концов, испытывать радость творчества будешь ты, а не я! А это для меня немалая потеря. В противном случае художники не писали бы картины для собственного удовольствия.

Мало-помалу Джантиффу удалось опровергнуть доводы трактирщика, и они ударили по рукам. Фариск налил Джантиффу кружку «Темной браги» и расстался с ним по-дружески.

Джантифф возвращался к своей хижине. Двон начинал опускаться к западному горизонту, и бледные лучи отбрасывали косые тени на песчаные дюны пляжа Дессимо. Тучи рассеялись под порывами южного ветра, уже терявшими силу и налетавшими изредка, без прежнего напора. Стонущий океан все еще волновался, предаваясь гневным воспоминаниям, и с громом обрушивался на прибрежные скалы, вздымая фонтаны пены и брызг — хорошо, что Джантиффу сегодня больше не нужно было собирать перцебы. Подходя к тому месту, где лес подступал почти к самому берегу, Джантифф замедлил шаги. Из глубины леса доносилось уханье вурглей — мрачный, беспорядочно пульсирующий звук, от которого по спине бежали мурашки древнего страха. Напрягая слух, можно было различить отдаленные вопли и улюлюканье охотников, отставших от своих гончих. «Отвратительная забава!» — снова подумал Джантифф и поспешил дальше по песку, сгорбившись и наклонив голову.

Повизгивающий вой становился то громче, то тише — и вдруг где-то рядом раздалось оглушительное скандальное тьяканье. Джантифф застыл на месте и с тревогой посмотрел в чащу Сычового леса. Между стволами было заметно какое-то движение. Немного погодя Джантифф различил пару человеческих фигур, мелькающих в разрывах теней под деревьями. Джантифф заставил свои конечности двигаться и побрел дальше по берегу. Ужасная лавина звуков снова остановила его — рычание и визг вурглей, человеческие вопли, полные ужаса и боли. Лицо замершего Джантиффа побагровело, сморщилось гневной гримасой. Разинув рот в беззвучном крике, он бросился в чащу, задержавшись только для того, чтобы подобрать крепкий тяжелый сук.

Ручей, выющийся по Сычовому лесу, расширялся, образуя небольшой омут. Возбужденно перепрыгивая с одного берега на другой, вургли с плеском бросились в темную воду, хватая зубами застрявшую в глубокой грязи женщину. Дико крича и размахивая дубиной, Джантифф подбежал к самому краю омута и остановился.

Два вургля взобрались женщине на плечи и погрузили ее голову в воду. Удовлетворенно урча, один грыз ее череп, другой рвал зубами шею под затылком. Струя крови, темнее воды, расплывалась по поверхности лесного пруда. Женщина сделала несколько судорожных движений и скончалась. Джантифф медленно отступил на пару шагов — его тошнило от отвращения и ярости. Отвернувшись, он побрел обратно к берегу. Снова завизжали, затявкали вургли. Ожидая нападения, даже надеясь на него, Джантифф встал лицом к лесу и поднял дубину. Но гончие вспугнули другую дичь — с искаженным от страха лицом из Сычового леса бежала девушка с развевающимися светло-каштановыми волосами. Джантифф сразу узнал ее — это ей он помогал собирать хворост для костра у хижины дорожных рабочих. За ней пружинистыми скачками гнались четыре вургля — высоко задрав морды, оскалив влажные клыки. Заметив Джантиффа прямо перед собой, девушка в отчаянии остановилась: она не знала, куда бежать. Вургли уже бросились на нее, она упала на колени. Джантифф был рядом — размахнувшись дубиной, он переломил хребет ближайшей гончей. Та свалилась на тропу: задняя половина лежала неподвижно лапами вправо, передняя билась в агонии лапами влево. Второго вургля Джантифф встретил на бегу ударом в лоб — тяжеловесная тварь перекувыркнулась и замерла. Два выживших вургля оробели, заскулили, прижались к земле и стали отползать. Джантифф шагнул вперед и замахнулся дубиной — гончие отскочили в стороны и удрали.

Джантифф вернулся к беглянке — та стояла на коленях и все еще пыталась отдышаться. Из Сычового леса доносились, постепенно приближаясь, возгласы охотников на ведьм; уже можно было различить отдельные слова, опознать кричавших по голосам.

Джантифф обратился к молодой ведьме:

— Слушай внимательно! Ты меня слышишь?

Девушка повернулась к нему лицом. Она отчаянно напряглась, но ничего не сказала.

— Вставай, пошли! — с тревогой позвал Джантифф. — Охотники уже идут, тебе нужно прятаться!

Он схватил ее за руку, заставил встать на ноги. Один из вурглей тайком подобрался поближе и внезапно выскочил из засады, но Джантифф был начеку и нанес жестокий удар дубиной, огревшей гончую по задку. Тварь завизжала и стала крутиться на месте, кляца зубами и стараясь достать языком кровоточащий ушиб. Джантифф принялся истерически, изо всех сил избивать скулящего вургля, остановившись только после того, как животное перестало подавать признаки жизни. Тяжело дыша, Джантифф оперся на сук обеими руками и прислушался. Охотники явно потеряли след — они аукались и звали вурглей. Оттащив тела трех убитых гончих к протоке между омутом и океаном, Джантифф спихнул их в воду — медленно кружась, дохлые вургли поплыли к морю.

Джантифф вернулся к ведьме-беглянке:

— Быстрее, пошли! Помнишь меня? Мы встретились в лесу. Теперь — сюда, бегом!

Джантифф тащил девушку за руку, заставляя ее бежать — вдоль ручья, потом по пляжному песку к прибрежным скалам. У воды ведьма остановилась и стала упираться. Джантиффу пришлось силой затащить ее в прибой и провести по плечи в волнах, то и дело теряющую дно под ногами, метров пятьдесят параллельно берегу. На какое-то время они остановились, чтобы передохнуть. Джантифф напряженно следил за краем леса; девушка неподвижно смотрела на шипящие пеной, вздымающиеся и опадающие вокруг нее волны. Джантифф поднял ее на руки и с трудом выкарабкался на берег напротив своей хижины.

Пинком отворив самодельную дверь, он усадил беглянку на скрипучий старый стул из кладовки Фариска:

— Посиди здесь, пока я не вернусь. По-моему... можно надеяться, что здесь тебя искать не станут. Ни в коем случае не показывайся снаружи. Сиди тихо!

Возвращаясь по пляжу к устью ручья, Джантифф подумал, что в последнем предостережении, скорее всего, не было необходимости — с тех пор, как он ее увидел, девушка ни разу не нарушила молчание.

Джантифф приближался к тому месту, где устье ручья пересекало песчаный берег. Из Сычового леса выходили три человека. Двое вели вурглей на поводках, третьим был Бувехлютер.

Вынюхивая следы молодой ведьмы, вургли задержались там, где она упала на колени, покрутились на месте и натянули поводки, устремившись к морю.

Бухлый не замедлил заметить Джантиффа:

— Эй, ты, как тебя! Где ведьмы? Мы их вспугнули и гнали к морю.

— Видел только одну, — с готовностью ответил Джантифф боязливым, подобострастным тоном. — Возвращаясь из города, я слышал, как тявкали вургли. Ведьма выбежала из леса, бросилась вон туда, а за ней вургли.

Джантифф протянул руку в направлении прибрежных скал, куда уже рвались гончие на поводках.

— Ты ее разглядел? — рявкнул Бухлый.

— Издали много не разглядишь, но ведьма была молодая, быстроногая. Малолетка, не иначе.

— Пошли, пошли! — заорал на своих спутников Бухлый. — Это она, я ее по всему лесу искал!

Вургли проследили путь беглянки до кромки прибоя, где они принялись бегать туда-сюда и обиженно повизгивать. Бухлый посмотрел по сторонам, пригляделся к морю, протянул руку вперед:

— Ага! Там что-то плавает. Труп!

— Это вургель, — мрачно заметил Дюссельбек. — Тысяча чертей!¹ Ведьма утопила моего Дальбуша!

— А тогда где же малолетка? — ревел Бухлый. — Она что, сама утопилась? Эй, ты! — теперь он обращался к Джантиффу. — Что ты видел?

— Ведьму и вурглей. Ведьма подбежала к воде, вургли за ней. А потом она исчезла.

— И с ней мои добрые вургли! — воскликнул безутешный Дюссельбек. — Чтоб ее Паштола побрала! Ведьмы плавают под водой, как смоллоки!

Бухлый отпихнул Джантиффа в сторону и вернулся на лесную тропу. Другие охотники последовали за ним.

Джантифф видел, как они прошли вверх по берегу ручья к омуту, где обнаружили труп старшей ведьмы.

После непродолжительной приглушенной беседы охотники созвали вурглей и направились обратно в Балад. Их фигуры пропали в тенях, пестрящих последними проблесками бледно-лиловых закатных лучей.

Джантифф вернулся к своей хижине. Молодая ведьма продолжала сидеть там, где он ее оставил, бледная и неподвижная.

— Они ушли, — сообщил Джантифф. — Не беспокойся, здесь тебя никто не тронет. Хочешь есть?

¹ Местное выражение, употребленное Дюссельбеком, звучит гораздо грубее: «Шаук чутт!»

Девушка не ответила — даже не шелохнулась. «Она в состоянии шока», — подумал Джантифф. Он развел огонь в очаге и повернул стул вместе с ведьмой поближе к огню:

— Давай-ка теперь согрейся. Я сварю суп. А еще у нас будут перцебы с луком, жареные на растительном масле!

Девушка смотрела на пламя, как завороченная. Через некоторое время она медленно вытянула руки, повернув ладони к огню. Джантифф, готовивший ужин, краем глаза наблюдал за ней. Лицо ее, больше не искаженное ужасом, осунулось и поблекло. Сколько ей было лет? Насколько мог судить Джантифф, она была моложе его, но ребенком ее назвать нельзя было: небольшие груди уже приобрели округлость, а бедра, стройные и не слишком широкие, придавали фигуре несомненную женственность. Джантифф решил, что небольшой рост и некоторая хрупкость телосложения были свойственны ей от рождения. Он довольно долго возился, но в конце концов подал лучший ужин, возможный с учетом его ограниченных ресурсов.

Девушка не отказалась от угощения и ела без всякого смущения, хотя и немного. Время от времени Джантифф пытался завязать с ней разговор:

— Ну, вот и хорошо! Теперь ты чувствуешь себя получше?

Никакого ответа.

— Хочешь еще супа? А вот, смотри — отборный перцеб!

Снова молчание. Когда Джантифф попробовал предложить беглянке вторую порцию перцебов, она просто отодвинула миску.

По мнению Джантиффа, ее поведение напоминало повадки глухонемых. Тем не менее, что-то в ее внешности заставляло его сомневаться в ее неспособности говорить. Может быть, она не понимала ойкуменический язык и говорила только на местном наречии? Но эта гипотеза казалась еще более безосновательной: на поляне у хижины дорожных рабочих ведуны тоже будто воды в рот набрали.

— Меня зовут Джантифф Рэйвенсрок. А тебя? — Молчание.

— Ну ладно. Придется придумать тебе имя. Тебе понравится, если я буду звать тебя Киской? Наверное, нет. Пикабу-Тикабу? Тоже нет? Валерианкой? Придумал: Джиллиана!¹ Тебе подошло бы называться Джиллианой. Хорошо, шутки в сторону. Наречем тебя Искрианой, потому что у тебя блестящие волосы и ногти отливают золотом. Отныне ты — Искриана.

Но «Искриана» не отзывалась на новое имя. Девушка-ведьма сидела и смотрела на пляшущие языки огня, наклонившись и сложив руки на коленях. Вскоре Джантифф заметил, что она плачет.

— Ну, ну! Не надо так огорчаться, слезы ничему не помогут. Конечно, тебе пришлось пережить много неприятностей...

Джантифф замялся и замолчал. Как он мог ее утешить? В лесном омуте, судя по всему, умерла страшной смертью ее мать. В самом деле, самообладанию девушки можно было только позавидовать! Джантифф опустил перед ней на колени и осторожно погладил ее по голове. Ведьма не обращала на него никакого внимания, и Джантифф оставил ее наедине с ее мыслями.

Огонь в очаге догорал. Джантифф вышел, чтобы собрать дров и осмотреться. Давно стемнело. Когда Джантифф вернулся с охапкой валежника, Искриана — так уж он решил ее величать — лежала лицом вниз на сырой земле. Джантифф постоял, посмотрел на нее, потом сложил дрова в угол, нагнулся и довольно-таки неуклюже перенес девушку на по-

¹ Джиллиана — персонаж народных сказаний Зака, говорливая девчонка, попавшая в плен к стар-менерам, но поспешно освобожденная ими без выкупа, так как даже закоренелые космические пираты не могли вынести ее бесконечной болтовни.

стель. Она продолжала лежать с закрытыми глазами — вялая, безразличная ко всему. Джантифф мрачно подложил в очаг три полена посырее и стащил с себя ботинки. Почесав в затылке, он с нарочитой деловитостью снял со ступней Искрианы плетеные сандалии, отметив при этом, что на пальцах ног ногти молодой ведьмы тоже отливали золотом. Маникюр и педикюр: странное тщеславие для лесной дикарки! Возможно, символ касты, общественного положения в племени? Или просто традиционное украшение? Джантифф лег на охапку листьев рядом с девушкой и натянул на нее и на себя старое рваное одеяло, тоже экспроприированное в сарае Фариска. Долго еще он лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам ночи — пока ровное тихое дыхание девушки не убедило его в том, что она наконец заснула.

Глава 13

Лучи рассвета проникли в хижину через отверстие в стене, служившее Джантиффу отдушиной и окном. Он осторожно приподнялся на локтях. Искриана уже проснулась и лежала, глядя в плетеный из прутьев потолок.

— Доброе утро! — приветствовал ее Джантифф. — Сегодня ты будешь с мной разговаривать? Нет? Почемуто я так и думал... Что ж, жизнь идет своим чередом, пора собирать перцебы. Но прежде всего завтрак!

Джантифф раздул огонь, заварил чай и поджарил хлеб. Минут пять Искриана безучастно наблюдала за ним, после чего — внезапно, будто кто-то ее подтолкнул — села, надела сандалии и, бросив на Джантиффа непостижимый взгляд, блеснувший золотом, выпорхнула из хижины. Джантифф вздохнул, пожал плечами и сосредоточился на приготовлении пищи. Конечно же, теперь Искриана прежде всего нуждалась в обществе своей родни. Он мог предложить ей лишь временное убежище, не более того. В Сычовом лесу, среди своих, девушка сможет вернуться к привычному образу жизни. Тем не менее, Джантифф чувствовал укол сожаления — присутствие Искрианы, пусть даже молчаливое, придавало его хижине нечто, чего ему давно не хватало. Возможно, он просто устал вести существование изгоя и отшельника.

Джантифф уже приготовился завтракать в одиночестве, когда снаружи послышались легкие шаги. Дверь распахнулась — зашла Искриана, умытая и причесанная. В складке юбки она принесла дюжину коричневых стручков растения, известного под наименованием «оборотной лозы». Ловко очистив стручки от шелухи, девушка высыпала бобы на сковороду. Через пять минут, осторожно попробовав жареные бобы, Джантифф решил, что они послужат прекрасной добавкой к его однообразному меню.

— Ну вот, какая ты у нас умница! — похвалил ведьму Джантифф. — Тебе нравится имя «Искриана»? Если да, кивни — или, еще лучше, улыбнись.

Он внимательно следил за лицом девушки. Ему показалось, что губы ее дернулись, пытаясь изобразить улыбку. Невозможно было сказать, однако, означало ли это движение ответ на его вопрос.

Джантифф поднялся на ноги и выглянул наружу. Океан хмуро волновался.

— Ничего не поделаешь, — пожаловался Джантифф. — Придется собирать перцебы, причем теперь с меня требуют целых девять ведер в день! А у меня от ежедневных холодных купаний вся кожа разбухла и покрылась какой-то слизью!

К счастью для Джантиффа, на обнаруженной им россыпи скал никто не собирал моллюсков уже долгие годы — их обращенная к морю сторона сплошь поросла перцебами. Джантифф работал с поспешностью, вызванной холодом и общей усталостью, и собрал девять ведер в рекордно короткий срок. Тем временем Искриана бродила вокруг, частенько поглядывая в сторону леса — так, будто ожидала услышать оттуда какой-то зов или сиг-

нал. По-видимому, однако, никто ее так и не позвал. В конце концов она вышла на берег моря, чопорно уселась на выступ скалы и принялась следить за работой Джантиффа. Как только Джантифф начал вынимать моллюсков из раковин и чистить их, Искриана стала помогать ему — поначалу робко и вяло, но с ежеминутно возрастающей сноровкой. Весь товар Джантиффа был готов к доставке, когда до полудня оставалось еще больше часа.

— Мне придется на какое-то время тебя покинуть, — сказал он девушке. — Если хочешь уйти, так тому и быть — уходи без сожалений. Конечно, я был бы очень рад, если бы ты решила остаться. Но прежде всего помни: как только ты кого-нибудь заметишь, прячься, и как можно быстрее!

Искриана внимательно выслушала его, и Джантифф отправился по своим делам.

В «Старом гревуне» шли бесконечные пересуды о вчерашней охоте на ведьм. По всеобщему мнению, облава в целом удалась. «С нашей стороны Сычового леса, по меньшей мере, они больше носа не покажут, — заявлял один завсегдатай. — Вчера Камбрес застал двух у себя в саду и уложил обоих на месте».

— Ха! Теперь-то, наверное, его душенька довольна?

— Бухлый вне себя от ярости — упустил малолетку. Божится, что та забежала в море и увела под воду лучших фейгвельских вурглей Дюссельбека.

— Ведьмовщина, ничего не скажешь!

— Но старую-то ведьму гончие так-таки разорвали на куски!

— Теперь бедным тварям придется очищаться!

Последнее восклицание, по-видимому, было шуткой — все рассмеялись. К тому времени Джантифф уже выходил из трактира.

Доставив перцебы по назначению, оставшуюся часть дня Джантифф занимался декоративной росписью интерьера таверны «Киммери». Работая усердно и напряженно, он выполнил примерно треть заказа. Пожалуй, он мог бы сделать и больше, если бы не тревога, то и дело сжимавшая сердце — ему не терпелось вернуться к хижине и убедиться, что там все в порядке. По пути домой он зашел в сельскую лавку и купил новый запас хлеба и растительного масла, а также пакет сушеного гуляша и коробку цукатов из хурмы.

Искрианы не было ни в хижине, ни в окрестностях — но огонь в очаге весело трещал, постель была аккуратно прибрана, и в целом обстановка нищенского убежища Джантиффа каким-то непостижимым образом стала гораздо уютнее и опрятнее. Джантифф побродил вокруг, надеясь встретить беглянку. При этом он бормотал себе под нос:

— Для нее же лучше будет, если она уйдет — гораздо лучше. В конце концов, она не сможет здесь оставаться после того, как я уеду в Унцибал.

Когда он уже собирался снова зайти в хижину, на краю леса показалась Искриана, бегущая вприпрыжку и часто оглядывающаяся. Джантифф схватился за дубину, но за девушкой, судя по всему, никто не гнался.

Заметив Джантиффа, Искриана перешла с бега на шаг и приблизилась, скромно потупив глаза. Она несла холщовую наплечную сумку, полную зеленых ягод плавуницы. Пройдя мимо Джантиффа так, как будто поблизости он становился невидимкой, она сложила ягоды у хижины и продолжала стоять, задумчиво глядя в лес.

— Я вернулся, — сказал Джантифф. — Искриана! Посмотри на меня!

К некоторому удивлению Джантиффа — скорее всего, по случайному совпадению — молодая ведьма повернулась к нему лицом и серьезно рассмотрела его. Раздраженный невозможностью общения, Джантифф спросил, пытаясь придать голосу шутливое выражение:

— Что у тебя в голове? Я для тебя — человек? Или тень?

Или болван с языком без костей? Он шагнул к ней, надеясь вызвать какую-то реакцию — удивление, испуг, замешательство, что-нибудь. Но Искриана никак не реагировала, и Джантиффу пришлось сдержать свой порыв. Он протянул ей коробку с цукатами:

— Это тебе. Понимаешь? Для Искрианы. Для маленькой пугливой Искрианы, которая боится говорить с Джантиффом.

Девушка взяла коробку, отложила ее и принялась чистить ягоды. Джантифф смотрел на нее, чувствуя, как грудь его наполняется теплотой. Как приятно было бы проводить с ней время в других обстоятельствах! Но до отъезда в Унцибал оставалось меньше месяца, а потом хижина снова придет в запустение, и ведьме с блестящими волосами придется вернуться в лес.

Расписывая унылый, потемневший от времени фасад таверны «Киммери» изощренными арабесками из красных, золотистых, темно-синих и лимонно-зеленых орнаментов, Джантифф обернулся, заметив тихо шаркающего мимо Юбанка, и сразу спрыгнул с подмостей:

— Юбанк, как я рад вас видеть!

Экспедитор неохотно остановился, засунув руки в карманы рыжеватого пиджака. Бросив взгляд на расписанные красками бревна, он слегка улыбнулся:

— А, Джантифф. Полезный труд — скоро ярмарка, и старая таверна будет выглядеть веселее. Что ж, продолжай в том же духе, не хочу тебе мешать.

— Вы мне вовсе не мешаете! — заявил Джантифф. — Это не более чем импровизация — я мог бы и во сне такое рисовать. У меня к вам вопрос — делового характера, если можно так выразиться.

— Слушаю.

— Я плачу сто озолей за перевозку в унцибальский космопорт непосредственно перед отлетом «Серенаики», не так ли?

— Ну да, — осторожно согласился Юбанк. — Такова, насколько я помню, сущность нашего соглашения.

— Сто озолей — большие деньги. Естественно, в эту сумму входит стоимость любых расходов, связанных с поездкой. Если я возьму с собой приятеля, размер оплаты, конечно же, не изменится. Я упоминаю об этом только для того, чтобы избежать возможных недоумений впоследствии.

Экспедитор скользнул по лицу Джантиффа бледно-голубыми глазами — и тут же отвел их в сторону:

— О каком приятеле идет речь?

— Неважно. В данный момент я ничего не знаю наверняка. Но вы согласны с тем, что сто озолей в любом случае покроют все издержки?

Юбанк пожевал пухлыми губами, поразмыслил — и в конце концов отрицательно покачал головой:

— Должен признаться, Джантифф, не вижу, почему бы дело обстояло именно так, как ты себе представляешь. Я обязан соблюдать правила. В противном случае начнутся произвол и кавардак. Мы говорили о стоимости проезда одного пассажира. Проезд двух пассажиров обойдется в два раза больше. Таково всеобщее правило.

— Еще сотня озолей?

— Совершенно верно.

— Но это же хищнический тариф! Двести озолей — огромные деньги! Я договаривался об оплате одного перелета на флиббите — о числе пассажиров речь не заходила.

— Возможна и такая точка зрения. С другой стороны, мне приходится учитывать сотни различных затрат — накладные расходы, стоимость техобслуживания, амортизационные отчисления, проценты по первоначальному вкладу...

— Но вы даже не владелец флиббита!

— В конечном счете это не имеет значения, расходы остаются расходами. Причем не забывая, что я, так же, как и любой другой на моем месте, рассчитываю извлечь какую-то прибыль.

— И немалую, надо сказать! — с сердцем воскликнул Джантифф. — Неужели вы не чувствуете никакого стремления проявить человеческое сочувствие, щедрость?

— Мне эти эмоции практически не свойственны, — с легкой усмешкой признался экспедитор. — Если тебя не устраивает моя цена, почему бы не обратиться к кому-нибудь другому? Бухлый, например, вполне мог бы позаимствовать «Дорфи гроссмастера» на один вечер.

— Гм. Надо полагать, мое место на «Серенаике» уже забронировано? Вы получили подтверждение?

— Нет, еще нет, — сказал Юбанк. — По-видимому, произошла какая-то задержка.

— Но времени-то уже почти не осталось!

— Сделаю все, что в моих силах, — Юбанк поднял руку в знак того, что разговор закончен, и пошел своей дорогой.

Джантифф продолжал раскрашивать фасад, нанося мазки с яростной решительностью, придававшей росписи залихватский оттенок. Он подсчитывал в уме свои скудные средства. Сто озолой он успел бы заработать, но двести? Джантифф считал и пересчитывал: так или иначе не хватало пятидесяти, даже шестидесяти озолой.

Ближе к вечеру, зайдя в «Старый гревун», Джантифф подровнял, зачистил и отгрунтовал панели для панно, заказанных Фариском. В таверне все еще судачили об охоте на ведьм, и Джантифф, поджав губы, прислушивался. Кому-то повстречались оставшиеся в живых ведуны из трибы, околачивавшейся вокруг Балада — они пробирались на север к Отпадным горам. Собеседники сошлись в том, что зачистка Сычового леса привела к желаемым результатам, и разговор мало-помалу зашел о предстоящей ярмарке. Дородный рыбак соизволил подойти и полюбоваться на работу Джантиффа:

— Что ты собираешься рисовать на этих досках?

— Еще не решил. Пейзажи, наверное.

— Э, кому нужны пейзажи! Нарисовал бы лучше дружеский шарж — завсегдатаев «Старого гревуна» в шутовских нарядах или что-нибудь в том же роде.

Джантифф вежливо кивнул:

— Любопытная мысль. Кому-нибудь, однако, это может не понравиться. Кроме того, портреты писать сложнее, и за это мне никто не платит.

— И все же вставь куда-нибудь мою физиономию, что тебе стоит?

— Ладно. С разрешения Фариска, разумеется, — согласился Джантифф. — Это будет стоить два озолы.

Рыбак втянул голову в плечи, как испуганная черепаха.

— Два озолы? Ты смеешься!

— Вовсе нет. Портрет, запечатлевший ваши лучшие качества — веселость, общительность — останется на этой стене навсегда! Своего рода бессмертие.

— И то правда. По рукам — два озолы.

Подошел сидевший поблизости фермер:

— Мой портрет тоже не забудь. Вот, два озолы на бочку!

Джантифф поднял руку, призывая заказчиков к сдержанности:

— В первую очередь необходимо заручиться разрешением Фариска.

Трактирщик нисколько не возражал:

— Дополнительная плата, разумеется, будет вычтена из твоего гонорара.

— Ни в коем случае! Сумма гонорара не уменьшится ни на один динкет! — упорствовал Джантифф. — Кстати, я хотел бы получить половину авансом — нужно купить новые краски.

Фариск протестовал, но Джантифф не уступал и в конце концов настоял на своем.

Возвращаясь к хижине по берегу океана, Джантифф снова подводил итог будущим поступлениям:

— Десять панелей... На каждую можно втиснуть, если потребуется, по пять физиономий... Пятьдесят физиономий по два озоля каждая — сотня полновесных звонких озолей, и проблем как не бывало!

Джантифф пришел домой в необычно оптимистичном настроении.

Как в прошлый раз, Искрианы нигде не было видно — по-видимому, она предпочитала не оставаться в хижине одна. Но почти сразу же после возвращения Джантиффа она вышла из леса с охапкой мохнатой коры. После очистки, промывки и варки из коры получалась питательная каша.

Джантифф выбежал навстречу, чтобы взять охапку. На ходу, подхватив девушку за талию, он поднял ее и сделал полный оборот, как танцор, кружащий балерину, после чего опустил на землю и поцеловал в лоб:

— А, юная Искриана, обворожительная маленькая колдунья! Представляешь себе? Деньги рекой льются мне в карман! Портреты на панелях Фариска, по два озоля за пьяную рожу! Скажи мне: ты хотела бы жить во Фрайнесе на планете Зак? Она очень далеко, и там нет такого дикого леса, как здесь, но там мы выясним, что случилось с твоим голосом, и все поправим, и там никто никогда не охотится на ведьм — уверяю тебя! — и если там ктонибудь и будет за тобой гоняться, то только потому, что ты обворожительная маленькая колдунья! Как ты думаешь? Ты меня понимаешь? Улетим с Виста к звездам и прилетим на планету Зак. Не знаю еще, как заплатить за проезд на звездолете, но курсар, конечно, поможет. А, этот неуловимый курсар! Где он прячется? Завтра же позвоню в Унцибал!

В данный момент его больше интересовала Искриана. Джантифф сел на самодельную завалинку и посадил девушку себе на колени — так, чтобы смотреть прямо ей в лицо.

— А теперь, — сказал он, — ты должна изо всех сил сосредоточиться. Слушай внимательно! Кивни, если понимаешь. Ну? Неужели это так трудно?

Искриану, судя по всему, забавляла серьезность Джантиффа, хотя об этом можно было судить только по едва заметному движению губ.

— Несносная девчонка! — воскликнул Джантифф. — С тобой совершенно невозможно иметь дело! Я хочу взять тебя с собой на Зак, а тебе даже не интересно. Ну пожалуйста, скажи что-нибудь, сделай что-нибудь!

Каким-то чутьем Искриана, наверное, поняла, что чем-то огорчила Джантиффа. Уголки ее губ опустились, она повернулась лицом к морю. Джантифф застонал от безысходности:

— Ну ладно. Хочешь или не хочешь, а я все равно возьму тебя с собой. А если после этого ты пожелаешь вернуться в мокрый темный лес, я привезу тебя обратно. Вот и все!

Искриана снова повернулась к нему. Джантифф нагнулся, поцеловал ее в губы. Девушка не ответила, но и не отшатнулась. «Что за напасть! — вздохнул Джантифф. — Если бы только подала какой-нибудь знак, как-нибудь намекнула бы, что ты меня понимаешь!»

Искриана снова улыбнулась своей призрачной улыбкой.

— Ага! — воскликнул Джантифф. — Ты все-таки меня понимаешь, может быть даже слишком хорошо!

Девушка стала проявлять признаки нетерпения, и Джантифф неохотно отпустил ее. Поднявшись на ноги, он сказал:

— Значит, ты летишь со мной на Зак. И пожалуйста, в последнюю минуту не выкидывай никаких глупостей и не прячься, как ребенок.

Ночью с юга налетела гроза. Утром высокие быстрые волны одна за другой с грохотом разбивались о скалы, заставляя дрожать весь берег. Джантифф не имел никакой возможности собирать перцебы. Через час ветер стал успокаиваться. Продолжительный темный ливень вскипятил поверхность океана, и прибой тоже немного успокоился. Дрожа мелкой дрожью, Джантифф заставил себя зайти в воду, но волны стали безжалостно таскать его вперед и назад, и он поспешно выкарабкался на берег.

Подхватив ведра, он отправился по пляжу на восток, надеясь найти защищенную от шторма бухту. На дальнем конце длинной и узкой Косы Избета, справа омываемой океаном, а слева — проливом Люлес, Джантифф нашел место, где течения, огибавшие два торчащих из-под воды каменных пальца, образовывали между ними спокойную глубокую заводь. Здесь росли крупные, тяжелые перцебы, среди них часто попадались особо ценившиеся отборные коронели. Джантиффу довольно скоро удалось собрать свою «дневную норму». Как изпод земли, появилась Искриана. Вместе они очистили моллюски от раковин и отнесли к хижине, чтобы промыть.

— Все к лучшему! — заявил стучащий зубами Джантифф. — Шторм прогнал нас от знакомых скал, но мы нашли непочатые залежи перцебов!

И снова Джантиффу почудилось, что Искриана поддержала его мнение едва заметным кивком.

— Если бы только ты могла говорить! — вздохнул Джантифф. — Тогда местные головорезы не посмели бы охотиться на тебя, потому что ты могла бы позвонить курсару по телефону и пожаловаться... А, проклятый курсар! Где он пропадает? Его обязанность — рассматривать жалобы, а он как сквозь землю провалился!

Глава 14

Джантифф завершил отделку интерьера таверны «Киммери», и даже мадам Чага осталась довольна его трудами. Джантифф начал расписывать панели в «Старом гревуне». Многие завсегда и трактира Фариска не поскупились отсчитать по два озоля за предлагаемую Джантиффом версию бессмертия. Юбанк, однако, не пожелал быть запечатленным на стене трактира:

— Я лучше потрачу пару озолей на эль и перцебы. Не хочу видеть себя глазами других людей.

Джантифф отвел его в сторону:

— Еще один гипотетический вопрос. Предположим, мой приятель пожелает посетить Зак. Какова стоимость перелета на «Серенаике»?

— Шестьдесят или семьдесят озолей, что-то в этом роде. Кто твой таинственный приятель?

— Ну, скажем так, в поселке у меня завелась подруга. Фермерская дочка. Но от моего внимания не может ускользнуть тот поразительный факт, что межзвездный полет на Зак обойдется дешевле местного рейса на воздушном такси.

— С первого взгляда, действительно, возникает впечатление несоразмерности цен и расстояний, — с готовностью согласился экспедитор. — Но что значит сотня-другая озолей для такого процветающего торговца перцебами, как ты?

— Ха! Когда я заплачу вам двести семьдесят озолей — если мне удастся их вовремя накопить — я буду считать, что мне исключительно повезло. Кстати, теперь вы, наверное, получили подтверждение окончательного оформления моего билета?

— К сожалению, нет. Придется их поторопить.

— Сделайте одолжение, поторопите. Может быть, мне самому стоило бы позвонить в космопорт?

— Предоставь это мне. Ты серьезно собрался возвращаться на Зак в компании девицы?

— Я еще не решил окончательно. Надеюсь, если я заплачу сполна, никаких затруднений не предвидится?

— Не вижу препятствий.

— Тогда я хорошенько об этом подумаю, — Джантифф вернулся к созиданию трактирных панно.

Работая, он слышал много разговоров о ежегодной ярмарке — она начиналась всего за неделю до арабинского Фестиваля Века. Джантифф внезапно увидел возможность заработать существенную сумму денег и, может быть, даже утолить алчность ненасытного Юбанка.

Вечером того же дня, сидя у огня с Искрианой, он объяснял ей свой план:

— На ярмарку съедутся сотни людей, не так ли? Все они проголодаются, все захотят перцебов с айолем. Почему бы не удовлетворить их пожелания? Нам обоим придется здорово попотеть, но подумай только! Может быть, удастся заплатить за твой полет до Зака! Как ты думаешь?

Джантифф внимательно изучил лицо девушки — он уже привык к такому способу общения — и заметил призрак улыбки.

— Тебе идет, когда ты улыбаешься, — с жаром сказал Джантифф. — Если бы только я не боялся, что ты испугаешься и убежишь...

Работая «сверхурочно», Джантифф собрал двадцать ведер перцебов и погрузил моллюсков в небольшую тихую заводь недалеко от хижины. За день до начала ярмарки он установил прилавок неподалеку от «Старого гревуна», арендовал варочный котел и приобрел запас соли, айоля и орехового масла. Рано утром первого дня ярмарки он доставил положенное количество моллюсков в «Старый гревун» и в «Киммери», после чего развел огонь под котлом, разогрел масло и принялся продавать жареные перцебы земледельцам, прибывавшим с далеких ферм.

— Подходи, покупай! — кричал Джантифф. — С пылу с жару! Свежие перцебы из прохладного соленого моря, сочные, поджаристые, с айольчиком! Угощайтесь, пока не кончились! Динкет за порцию, ешьте на здоровье!

Вскоре прилавок Джантиффа стал настолько популярен, что ему уже почти не приходилось выполнять функцию зазывалы. Часа через два в числе желающих полакомиться моллюсками оказался и Юбанк:

— Как видно, Джантифф, ты твердо решил разбогатеть тем или иным способом!

— Деньги еще никому никогда не мешали! Если дело так пойдет и дальше, я смогу вам уплатить сполна сегодня вечером или завтра, как только Фариск со мной рассчитается за живописные панно. После чего, имейте в виду, потребуются билеты с подтверждением брони и ваша расписка, гарантирующая безопасную доставку на унцибальский космодром.

Экспедитор изобразил беззаботную улыбку:

— Смотри, какие тщательные предосторожности! Ты мне не доверяешь?

— А вы мне доверяли, когда я предложил заплатить за проезд по возвращении на Зак? Я стараюсь быть не менее предусмотрительным, вот и все.

Юбанк рассмеялся:

— Веский аргумент! Что ж, так или иначе все устроится. Тем временем, не откажусь от кулька перцебов. Уж очень аппетитно они пахнут, да и выглядят неплохо. Где ты находишь такой отборный товар?

— Ага! Вынюхиваете торговые тайны?

Отвечая на вопрос стоявшего за экспедитором фермера, Джантифф быстро проговорил:

— Да-да, уважаемый — три кулька за три динкета. — Повернувшись к Юбанку, он продолжил:

— Скажу одно — мы нашли... то есть, я нашел подводный уступ скалы, где никто давно не собирал моллюсков. Возьмите свою порцию, спасибо за покупку.

Принимая кулек из руки Джантиффа, Юбанк опустил глаза и на мгновение замер, будто пораженный какой-то мыслью, после чего внимательно, прищурившись, посмотрел Джантиффу в лицо.

— Один динкет, — сказал Джантифф. — Пожалуйста, поторопитесь. За вами очередь.

— Конечно, конечно, — глухо произнес экспедитор. — Выгодное приобретение, и по сходной цене! Опустив монету на прилавок, Юбанк отошел, брезгливо удерживая кулек двумя пальцами вытянутой руки. Озадаченный его поведением, Джантифф нахмурился. Какая муха укусила Юбанка?

Под навесом у входа в «Старый гревун» Юбанк встретил Бувехлютера. Какое-то время они что-то серьезно обсуждали. Заворачивая жареных моллюсков в кульки и подсыпая сырых в котел, Джантифф краем глаза следил за собеседниками. Интуиция, свойственная ему от рождения, в последнее время развилась необычайно — он чувствовал неладное.

Одно из замечаний Юбанка явно поразило Бухлого. Тот резко повернулся и впился в Джантиффа пристальным взглядом. Экспедитор поспешно взял его за локоть и завел в трактир.

Жареные перцебы отрывали с руками. Через час у Джантиффа кончился запас моллюсков. Он нанял мальчишку сторожить котел и прилавок, взвесил в руке тяжелый мешочек с глухо звенящими динкетами, собрал котомку с кулинарной утварью и поспешил к своей хижине, чтобы набрать в заводи свежих перцебов.

На полпути к пляжу Джантифф заметил приближающегося по берегу Юбанка. Экспедитор торопился — его изношенные рыжеватые ботинки взметали облачка мелкого песка. В правой руке он держал небольшую коробку. Неожиданно повернув за ствол приморского граната, Юбанк вышел из-за него своей обычной походкой, уже без коробки в руке.

Джантифф и Юбанк, наконец, поравнялись. Джантифф нервно спросил:

— Что вы тут делаете? Еще час тому назад я видел, как вы заходили в «Старый гревун».

— Время от времени я прогуливаюсь у моря. Это полезно для легких, в городке пыльно. А ты почему не торгуешь?

— Распродал весь запас перцебов, — Джантифф смерил экспедитора недружелюбным взглядом. — Вы проходили мимо моей хижины?

— Нет, так далеко я не хожу... Что ж, всего хорошего, — неуклюже ступая по песку, Юбанк направился обратно в Балад.

Джантифф прибавил шаг, перешел на бег трусцой. Впереди показалась его хижина. Искрианы поблизости не было. У самой воды стояла пара ведер — она здесь работала. Одно ведро было наполовину заполнено очищенными перцебами. Но девушка исчезла.

Джантифф внимательно посмотрел по сторонам, зашел в хижину. Внутри Искрианы не было — он и не ожидал ее увидеть. В углу хижины стоял старый горшок — в нем Джантифф хранил свои сбережения. Нагнувшись, чтобы сложить в горшок утреннюю выручку, он обнаружил, что сосуд пуст.

Опустив плечи и разинув рот, Джантифф стоял, уставившись на обугленный потрескавшийся горшок.

Через несколько минут он вышел навстречу бледным солнечным лучам. Его охватило безмятежное, чуть сладостное безразличие — что приводило его в замешательство, даже пугало. «Почему происшедшее меня нисколько не волнует? — спрашивал он себя. — Странно! Я должен быть в ярости, в отчаянии — а мне все равно. По-видимому, достигнут и превышен какой-то эмоциональный предел. Что само по себе весьма любопытно. Своего рода достижение, можно сказать. Я сразу справился с потрясением, потому что непоправимая беда непоправима — ее можно игнорировать. Тем временем, покупатели ждут жареных перцебов. Самоуважение требует, чтобы я оправдал их ожидания, невзирая на личную трагедию, которая, в любом случае, в каком-то смысле не состоялась. В высшей степени любопытно. Они и я — мы живем в разных, несовместимых мирах».

Джантифф набрал перцебов в заводи и, механически переставляя негнущиеся ноги, пошел в Балад. Оказавшись за прилавком, он снова стал обслуживать посетителей ярмарки.

— Перцебы! — кричал Джантифф, зазывая прохожих. — Свежий деликатес, прямо из моря! Качество гарантируется! Всего лишь динкет за щедрую порцию! Подходите, покупайте! Горячие, поджаристые перцебы!

Из «Старого гревуна» вышел Юбанк. С мягкой иронией покосившись на Джантиффа, экспедитор повернулся к нему спиной и стал уходить. Джантифф удивился, услышав свой голос — слова сами вырвались из груди:

— Юбанк! Эй, Юбанк! Подойдите-ка сюда, будьте добры!

Экспедитор обернулся, вежливо подняв бровь:

— Джантифф? Ты ко мне обращаешься?

— Да, к вам. Немедленно верните мои деньги. В противном случае я извещу гроссмастера, подробно изложив все обстоятельства дела.

В глазах Юбанка искрилось веселье — он обвел ими окружающих зевак, после чего пробормотал несколько слов на ухо дюжему молодому фермеру, только что купившему у Джантиффа перцебы. Тот тупо взглянул в свой наполовину опорожненный кулек, быстро подошел, растолкал очередь у прилавка и потребовал у Джантиффа:

— Покажи руки!

— Это еще зачем? — возмутился Джантифф.

Фермер и другие покупатели молчали, уставившись на пальцы Джантиффа. Джантифф тоже взглянул на свои пальцы и заметил на ногтях золотистый отлив — так поблескивали ногти Искрианы.

— Золотуха! — взревел рослый фермер. — Он всех нас заразил золотухой!

— Нет, нет! — закричал Джантифф. — Мои ногти пожелтели от работы в холодной воде, я собираю перцебы... И гуммигут, желтый пигмент — я художник...

— Неправда, — спокойно возразил Юбанк. — Ты ел ведьмовскую еду, а теперь мы ели твою еду и все заразились, всем нам придется проходить очищение. Уверяю тебя — никакая полученная мною от тебя сумма, как бы она ни была получена, не возместит нанесенный ущерб.

Молодой фермер разразился громкой грязной руганью. Опрокинув пинком прилавок, парень попытался схватить Джантиффа — тот отшатнулся, повернулся, быстро зашагал прочь. Фермер и другие покупатели погнались за ним — Джантифф побежал и скоро оказался на знакомой дороге, ведущей к пляжу. Не желая попасть в западню на пустынном берегу, где его было бы видно издалека, Джантифф, как только добрался до развилки, повернул налево, к окруженному лесом заливу Льюлес и усадьбе гроссмастера. Выкрикивая угрозы и проклятия, преследователи слегка отстали, но продолжали погоню.

Распахнув створки ажурных чугунных ворот приусадебного сада, Джантифф пробежал, прихрамывая, по саду, взобрался по ступеням на веранду и прислонился, тяжело дыша, к дверям парадного входа. По дороге к усадьбе гурьбой бежали его враги.

Джантифф потянул на себя массивное кольцо. Дверь отворилась — Джантифф ввалился в усадьбу.

Он стоял в вестибюле с высоким сводом и стенами, обшитыми бледным деревом. Роскошная отделка интерьера, с точки зрения Джантиффа, отличалась чрезмерной детальностью — но у него не было ни времени, ни желания заниматься критическим анализом эстетических предпочтений гроссмастера.

Слева пара широких ступеней вела в салон, устланный зеленым ковром и освещенный двумя высокими, от пола до потолка, обращенными на север окнами. Джантифф поднялся по ступеням и заглянул в салон: там темноволосый широкоплечий мужчина беседовал с двумя мужчинами и женщиной. Джантифф робко шагнул вперед. Женщина обернулась — Джантифф смотрел ей прямо в лицо. Изумленный до крайности, он вскрикнул:

— Скорлетта!

Скорлетта, ухоженная и упитанная, застыла в почти комической позе — с открытым ртом, приподняв руку в незаконченном жесте. Ее собеседники повернулись к незваному

гостю. Джантифф переводил глаза с Сарпа на Эстебана, с Эстебана на гроссмастера — или подрядчика Шубарта, как его именовали в Унцибале.

Скорлетта выдавила:

— Джантифф Рэйвенсрок!

Подрядчик Шубарт стал неторопливо приближаться — Джантифф отступал в вестибюль.

Подрядчик грозно произнес:

— Что тебе нужно? Почему о твоём приходе не доложили? Разве ты не видишь, что я занят, что у меня гости?

Запинаясь, Джантифф отвечал:

— Я не хотел ничего плохого. На дороге толпа — они хотят меня убить. Они говорят, что я заразил их перцебами, но это неправда. В любом случае, я никого не хотел заражать. Юбанк, экспедитор с космодрома, украл мои деньги и подговорил фермеров на меня напасть. Я очень сожалею, что помешал вам и вашим гостям.

Вспомнив о том, кто были эти гости, Джантифф совсем упал духом и пробормотал:

— Я вернусь, когда у вас будет свободное время.

— Подожди-ка. Бухлый! Где Бухлый?

Подбежавший лакей поклонился, что-то тихо сказал. Шубарт зарычал:

— Будь он проклят со своими вурглями и ведьмами-малолетками! Почему его никогда нет, когда он мне нужен? Посади этого парня в садовый сарай под замок и держи его там, пока не вернется Бухлый.

— Слушаюсь. Будьте добры, молодой человек, пройдите со мной.

Но Джантифф бросился к входной двери, распахнул ее и выбежал в сад. Лакей бежал за ним, крича:

— Эй, подожди! Стой! Гроссмастер приказал тебе остаться. Вернись!

Джантифф обогнул угол усадьбы и с хитростью, порожденной отчаянием, подобрал палку и прижался спиной к стене за углом. Как только показался бегущий лакей, Джантифф подставил ему ногу. Лакей растянулся на земле. Джантифф огрел его палкой по затылку — тот затих. Обогнув еще один угол, Джантифф пересек кухонный огород с задней стороны усадьбы и углубился в парк. Спрятавшись за стволом дерева, он остановился, чтобы передохнуть. На составление хитроумных планов не было времени. «Пойду прямо к Юбанку домой», — решил Джантифф. — «Убью его и ограблю! Или заставлю взлететь со мной на флиббите высоко над Сычовым лесом, и сброшу его вниз. После этого сам полечу в Унцибал и потребую от курсара убежища. Если, конечно, курсар вернулся. Если нет, придется снова прятаться в Дисджерферакте».

Джантифф отправился обратно в Балад. К несчастью, будучи перевозбужден, он забыл об элементарной осторожности. Его увидели и опознали, когда он приближался к поселку по дороге вдоль реки. Его окружили угрюмые, враждебные лица. Женщины стали осыпать его проклятиями, толпа стягивалась плотным кольцом — Джантиффа приперли к стене. Он отчаянно закричал:

— Я ничего не сделал! Оставьте меня в покое!

Грузчик с космодрома по имени Саброз (Джантифф нередко приносил ему эль в «Старом гревуне») заорал в ответ еще громче:

— Ты всех нас заразил золотухой! Теперь нам придется проходить курс очищения, если мы не хотим остаться глухонемыми, как ведьмы! Это называется «ничего не сделал»?

— Ничего я об этом не знаю! Дайте пройти!

Саброз злобно расхохотался:

— Всеу Баладу придется лечиться — так что ты у нас будешь первый!

Джантиффа потащили на главную улицу, к лавке аптекаря.

— Давайте, начинайте лечение! — не унимался Саброз. — Тут у нас первый пациент. Мы его живо вылечим, даже пилюли не потребуются!

Из лавки выкатили какое-то тяжелое приспособление. Аптекарь, беззлобный старик, никогда не заходивший в таверны и не покупавший у Джантиффа перцебы, опустил пару пилюль в кружку с водой, поднес ее ко рту Джантиффа:

— На, выпей — будет не так больно.

Саброз выбил кружку из руки аптекаря:

— К дьяволу пилюли! Пусть почувствует на своей шкуре, что он с нами сотворил!

Руки Джантиффа зажали в металлических браслетах-перчатках с подвижными гильзами, открывавшими кончики пальцев. Размахивая молотком, Саброз принялся бить Джантиффа по ногтям, расплющивая пальцы.

Джантифф стонал и хрипел.

— Так-то, братец! — закончил процедуру Саброз. — Когда ногти отпадут, смазывай пальцы черной селитрой или серебрянкой. Тогда, может быть, все само собой пройдет.

— Легко отделался! — заголосила дородная торговка. — Попробуй-ка едкого фракса — чтоб глаза твои золотушные повылазили! Давайте, поднимите ему башку! Я ему покажу, как травить честной народ!

Саброз буркнул:

— Хватит с него. Он и так уже ничего не соображает.

— Я сама тебе скажу, когда и чего хватит! Пусть отдувается сполна. Давайте-ка! Выше! Прямо в лицо!

Джантиффу в лицо плеснули густой щелочью — кожу жгло, глаза жгло невыносимо. Джантифф сдавленно вскрикнул, пытаясь протереть сожженные глаза окровавленными, искалеченными пальцами.

Аптекарь окатил лицо Джантиффа водой из кружки и протер ему глаза ветошью, после чего яростно повернулся к толпе:

— Жестокость такого наказания выходит за всякие рамки справедливости! Он всего лишь нищий бродяга.

— Чепуха! — возразил спокойный голос. — Он сожительствовал с ведьмой. Я ее видел у него в хижине. Они сговорились, он нарочно торговал отравой!

Джантифф узнал интонации Юбанка и прохрипел:

— Юбанк — вор! Юбанк лжет!

Никто не слушал. Джантифф чуть приоткрыл глаза — его окружал зернистый серый туман. Он застонал от испуга и горя:

— Меня ослепили! Ничего не вижу, даже цветов не вижу!

Женщины продолжали подстрекать толпу:

— Где чертова ведьма? Пора покончить с этой нечистью!

— Все в порядке, — отвечал Юбанк. — Бухлый этим уже занимается.

Джантифф издал безумный вопль отчаяния. Кое-как поднявшись на ноги, он стал бешено махать руками во все стороны, что изрядно насмешило толпу. Крестьяне принялись дразнить Джантиффа, подталкивая его в спину, тыкая пальцами в ребра, шипя ему прямо в лицо. В конце концов Джантифф молча потряс высоко поднятыми кулаками и побежал по главной улице, спотыкаясь и падая.

— Лови его! — кричали самые кровожадные. — Тащи сюда, он еще своего не получил!

— Отпустите его, — вмешался старый рыбак. — С меня довольно.

— Что? Он всех нас золотухой наградил!

— Из-за него у нас у всех ногти повыдергивают!

— Ему ведьмовская стряпня полюбилась, видите ли!

— Сегодня пусть убирается — завтра посадим его на плот.

— И точно! Слышишь, Джанкс? Завтра отправим тебя в дальнее плавание!

Джантифф брел зигзагами по улице, сам не зная куда. За ним увязалась шайка мальчишек, дразнивших его бранными словами и бросавшихся камнями, но вскоре их позвали родители, и Джантифф остался один.

Прислушиваясь к шуму прибоя и нащупывая ногами знакомую тропу, Джантифф, пошатываясь, добрался до берега. Широко открыв глаза, он видел только размытое сияние. Пройдя довольно далеко вдоль моря, он так и не смог найти свою хижину. В конце концов он сел на песок лицом к океану. Так он сидел очень долго, ничего не понимая и не двигаясь. Пульсирующая боль поднималась по рукам от разможенных пальцев, но Джантифф забыл о боли. Двон тускнел, заходя за горизонт — туман в его глазах становился все гуще и темнее. Ночь спустилась на пляж Дессимо и на Стонущий океан, а Джантифф все сидел, слушая плеск и шипение вялых волн, заблудившихся в россыпи прибрежных скал.

С моря повеяло прохладой — сначала ветер щекотал кожу легкими порывами, потом подул настойчивее и сильнее, без труда проникая под лохмотья, оставшиеся от одежды.

Неким ясным внутренним взором Джантифф увидел самого себя — тощее долговязое существо, сгорбившееся на песке во мраке ночи, потерявшее всякую связь с действительностью. Джантифф почувствовал приятную теплоту, разливающуюся по всему телу, и понял, что умирает. Образы теснились в его уме: Унцибал и Розовая ночлежка, человеческие потоки на движущихся полотнах магистралей, далекие фигуры четырех Шептунов на Пьедестале, темные на фоне сияющего неба. Он увидел Скорлетту и Танзель, Кедиду, окруженную «Эфталотами», Эстебана, Бухлого, подрядчика Шубарта. Появилась Искриана, глядевшая прямо ему в глаза с расстояния вытянутой руки. Чудо из чудес! Искриана заговорила — тихо, торопливо:

— Джантифф, не сиди в темноте! Вставай! Джантифф, не умирай!

Джантифф вздрогнул, поморгал — слезы полились у него из глаз. Он вспомнил уютный родительский дом во Фрайнесе, он увидел отца, мать, сестер.

— Не хочу умирать, — сказал вслух Джантифф. — Я хочу домой.

С огромным трудом заставляя себя двигаться, он поднялся на ноги, распрямился во весь рост и побрел, как пьяный, по пляжу. По чистой случайности он натолкнулся на искореженный ствол старого трещоточного дерева, узнал на ощупь сухие стручки и обломанные нижние ветви. Дерево росло метрах в пятидесяти от его хижины — теперь он мог как-то сориентироваться.

Время от времени ощупывая руками песок и камни, Джантифф добрался до хижины, зашел внутрь и тщательно закрыл за собой дверь. Некоторое время он неподвижно стоял. Кто-то совсем недавно побывал в его жилище — запах чужого пота, похожий на запах прогорклого жира, еще чувствовался в воздухе. Джантифф прислушивался, но не уловил ни звука. Он был один. Едва волоча ноги, он улегся на постель и мгновенно забылся сном.

Джантифф очнулся, разбуженный предчувствием неминуемой беды.

Он тихо лежал. Ослепшие глаза различали мутные сероватые пятна — уже рассвело. Чувствовался островато-прогорклый запах пота: рядом кто-то стоял.

Кто-то заговорил:

— Ну вот, Джанкс, теперь ты от меня не уйдешь. Я искал тебя вчера вечером, но ты куда-то пропал.

Джантифф узнал голос Бухлого и ничего не ответил.

— Я искал твои деньги, — продолжал Бухлый. — По словам Юбанка, ты накопил приличную сумму.

— Вчера Юбанк забрал мои деньги.

Бухлый громко и презрительно выдохнул через нос:

— Не рассказывай сказки.

— Мне уже не до денег. Их стащил Юбанк.

— Юбанк, чтоб его разорвало! — разочарованно протянул Бухлый. — Он у меня тоже поплатится!

— Где Искриана?

— Кто? А, ведьмочка твоя! Ну, о ней-то не беспокойся, с ней все в полном порядке. В любом случае, через пять минут тебе будет все равно. Я получил распоряжения. Приказано задушить тебя проволоочной петлей и убедиться в том, что ты сдох. Потом я рассчитаюсь с Юбанком. И полетим в Унцибал — там любая красotka мне отдается за кусочек требухи... Давай, поднимай голову, Джанкс. Все это быстро кончится.

— Я не хочу умирать.

— Ныть бесполезно. Приказ есть приказ: Джантифф Рэйвенсрок должен умереть, никаких отговорок. Так что давай — не вздумай пинаться или размахивать руками. Хуже будет.

Судорожно, как встревоженный краб, Джантифф бросился в сторону говорящего, перекатился по полу, каким-то чудом умудрился сбить Бухлого с ног и вывалился наружу, распахнув дверь толчком головы. Откуда-то с берега раздался пронзительный детский крик:

— Чокнутый Джанкс, вот он! Смотрите, вот он!

Послышался скрип песка — тяжелая поступь Бухлого. Шаг, другой. Бухлый почему-то остановился. Донеслось его недовольное бормотание:

— Во имя Газма и всех его гурий, это еще кто? Нездешний — видать, с другой планеты. Пусть попробует вмешаться, я ему рога пообломаю!

Подошел кто-то еще. Радостно возбужденный мальчишеский голос:

— Вот он валяется, чокнутый Джанкс! А это охранник гроссмастера, Бувехлютер. Он ему задаст хорошую трепку — вот увидите!

— Доброе утро, господа! — произнес приятный, вежливый баритон. — Джантифф, тебе, как я вижу, не поздоровилось.

— Меня ослепили! Мои пальцы расплющили!

Мальчишка заорал с праведным негодованием:

— И поделом! Подожди, тебе еще влепят! Господин хороший, он сговорился с ведьмой и всех нас заразил золотухой! Можно, я его палкой по башке трахну?

— Ни в коем случае! — отрезал незнакомец. — Не горячись, успокойся! Джантифф, я приехал по вызову из Аластроцентра, обеспокоенный твоими сообщениями. Я — старший инспектор Покрова, Риль Шерматц, уполномоченный представитель Коннатига.

Ошеломленный Джантифф продолжал сидеть на песке:

— Вы — курсар?

— Нет. Круг моих полномочий значительно шире.

— Тогда спросите Бухлого, что он сделал с Искрианой! Он насилует ведьм, он мог ее убить!

— Какая чепуха! — отозвался Бухлый натянуто-добродушным тоном. — Джантифф, ты составил обо мне самое неправильное представление.

— Вы привели вурглей и загнали ее! Где она теперь?

Риль Шерматц сказал:

— Охранник Бувехлютер, рекомендую вам ответить на вопрос Джантиффа по существу.

— Как я могу ответить, если у меня нет достаточных сведений? И какое все это имеет значение? Подумаешь, ведьма-малолетка! Была да сплыла.

— Вы упомянули о ней в прошедшем времени, — заметил Шерматц. — На что вы намекаете?

— Ни на что я не намекаю! Проходил я тут по берегу с вурглями на поводках — это правда. Ведьма испугалась и убежала — что с того? А вам какое дело?

— Я — представитель Коннатига. Мне поручено урегулирование ситуаций, подобных возникшей в Баладе.

— Нечего тут регулировать и никакой ситуации у нас нет! А, смотрите! Легка на помине — вот она, ведьмочка ваша, выходит из Сычового леса!

Джантифф поднялся на колени:

— Где? Скажите, где она? Я не вижу!

Мальчишка панически вскрикнул. Послышалась странная последовательность звуков — торопливый топот, тихий свист, похожий на шипение газа, чей-то резкий выдох или короткий стон, глухой шум падения. Наступила тишина.

Дрожащий голос мальчишки:

— Он не дышит! Совсем мертвый! Он хотел вас убить! Как вы догадались?

Спокойный, обстоятельный ответ Рили Шерматца:

— Я многократно имел дело с опасными людьми и прошел хорошую подготовку.

— Кто вышел из леса? — взмолился Джантифф. — Где Искриана?

— Из леса никто не выходил. Охранник Бувехлютер попытался отвлечь мое внимание и заставить меня врасплох.

— И где же она теперь?

— Будет сделано все возможное для того, чтобы ее найти. Я хотел бы знать, почему ты передал столько срочных сообщений.

— Я все расскажу, — задыхаясь, бормотал Джантифф. — Мне ничего больше не остается, только говорить без остановки. Говорить, говорить...

— Спокойно, Джантифф! Садись на скамью, отдышись. Эй, мальчуган! Сбегай в поселок, принеси свежего хлеба и котелок горячего супа! Вот тебе озо́ль за труды... А теперь, Джантифф, если можешь, расскажи все по порядку.

Глава 15

Поднимаясь по небосклону, сияющий Двон еще не развеял до конца полупрозрачную пелену утренней дымки. Джантифф сидел на самодельной скамье, опираясь спиной на неровную каменную стену своей крытой водорослями развалюхи. Риль Шерматц, человек среднего роста с правильными чертами лица и коротко подстриженными темными волосами, стоял рядом, поставив одну ногу на скамью и опираясь рукой на колено. Он оттащил тело охранника за хижину — подойдя поближе, можно было заметить торчащие из-за угла черные сапоги Бухлого.

Джантифф говорил долго — надтреснутым голосом, иногда срывавшимся, иногда переходившим в хрип. Шерматц почти не прерывал его, лишь иногда вставляя короткий вопрос. Время от времени он кивал, как если бы слова Джантиффа подтверждали его собственные наблюдения.

Джантифф закончил рассказ:

— Не знаю только одного — что случилось с Искрианой? Вчера вечером она мне приснилась и во сне говорила со мной. Так странно было слышать ее голос! Даже во сне мне хотелось расплакаться.

Риль Шерматц смотрел на жемчужно-серые волны Стонущего океана:

— Что ж, Джантифф, ясно, что тебе пришлось пережить много невзгод. Позволь мне вкратце повторить суть дела. Ты считаешь, что Эстебан, разглядывая твои зарисовки четырех Шептунов, заметил сходство между тремя Шептунами и собой, Сарпом и Скорлеттой. По твоему мнению Эстебан, человек изобретательный и неразборчивый в средствах, не мог не распознать открывающиеся в связи с этим возможности и принялся, сначала просто для развлечения, размышлять о практических способах осуществления таких возможностей. Требовался четвертый заговорщик — предпочтительно человек, располагающий деньгами и влиянием, а также лично заинтересованный в успехе заговора. Короче говоря, подрядчик. Эстебан просмотрел справочники и обнаружил, что подрядчик Шубарт, по внешности и другим данным, — идеальный кандидат.

Эстебан, Сарп и Скорлетта мечтали о деликатесах и роскошной жизни. Шубарт давно уже вел роскошную жизнь, но в последнее время его благополучию угрожала новая политика Шептунов, собиравшихся освободить Аррабус от подрядчиков и уже проинформировавших Коннатига о своем намерении. Шубарт нуждался в средствах для осуществления грандиозных планов переустройства Потусторонних лесов: он с готовностью присоединился к заговору Эстебана, Сарпа и Скорлетты.

Они разработали смелый, предельно простой сценарий. Ты считаешь, что Эстебан, Сарп, Скорлетта и Шубарт поехали в Уонисс и спрятались на борту летательного аппарата, доставлявшего Шептунов в Унцибал. В полете Шептуны, вместе с охраной, были убиты и сброшены в море. Когда гидродиск приземлился в Унцибале, из него вышли Эстебан, Сарп,

Скорлетта и Шубарт, подменившие Шептунов. Они показались народу, взойдя на Пьедестал. Никто не имел возможности достаточно хорошо их разглядеть, никто не имел никаких оснований подозревать неладное — кроме тебя, но ты, подвергаясь преследованиям, находился в состоянии испуга и замешательства.

Новоявленные Шептуны съездили на Нуменес, где проконсультировались с Коннатигом в Люсце. На Коннатига они произвели неприятное впечатление: уклончивые лицемеры с вульгарными манерами и вкусами. Их заявления звучали лживо и совершенно не соответствовали предполагаемой цели их визита, сформулированной настоящими, умерщвленными Шептунами. Коннатиг решил подробнее изучить этот вопрос — в частности потому, что получил несколько срочных сообщений, касавшихся некоего Джантиффа Рэйвенсрока.

Мне поручили это расследование, и я прибыл в Унцибал два дня тому назад. Прежде всего я попытался найти курсара Бонамико. Он улетел в Уонисс по делу, связанному с Шептунами, и, когда Шептуны собрались в Унцибал, взошел вместе с ними на борт того самого гидродиска.

Бонамико не вышел из гидродиска — теперь понятно, почему. Его убили, а его труп сбросили в Саламанское море. Естественно, я учитывал сообщения, переданные тобой из Балада. Вчера вечером поступило последнее сообщение. По словам регистраторши Аластроцентра, Алейды Гластер, с ней говорила молодая женщина или девушка, находившаяся в состоянии крайнего возбуждения. Могу дословно повторить слова этой не назвавшей себя женщины: «Приезжайте быстрее, как можно быстрее приезжайте в Балад! Джантиффа мучают, с ним делают ужасные вещи!» Больше она ничего не сказала.

— Девушка говорила по телефону? — удивился Джантифф. — Искриана не может говорить, она разговаривает только во сне... Может быть, Алейда заснула и ей это приснилось?

— Любопытная гипотеза, — приподнял бровь Риль Шерматц. — Алейда Гластер ничего не сказала по этому поводу, но исключать такую возможность было бы преждевременно... Ну вот, таким образом. Я приехал в Балад. Теперь мы пойдем в таверну «Старый гревун» и подкрепимся, после чего попробуем преодолеть упрямые предрассудки местных жителей.

— Юбанк хуже всех, он украл мои деньги, — пожаловался Джантифф. — И рассказал Бухлому про Искриану.

— Я не забыл о Юбанке, — отозвался Шерматц.

Шерматц и Джантифф зашли в «Старый гревун». За столами бездельничало в два раза больше народу, чем обычно. Фариск поспешил встретить инопланетного гостя — у него на лбу блестели капельки пота.

— Прошу вас, господа! — трактирщик говорил громко, с напускным радушием. — Садитесь, будьте как дома! Не желаете ли попробовать эля? Рекомендую «Темную брагу», мой фирменный напиток.

Очевидно, мальчишка, проводивший Рилия Шерматца к хижине Джантиффа, успел наводнить поселок самыми многозначительными слухами.

— Да-да, подайте эль и что-нибудь съедобное, — сказал Шерматц. — Но прежде всего: имеется ли среди присутствующих человек по имени Юбанк?

Фариск нервно посмотрел по сторонам:

— Здесь его нет. Наверное, ушел на космодром — он работает экспедитором и вообще заправляет там делами.

— Будьте любезны, выберите среди своих посетителей трех надежных людей и приведите ко мне Юбанка.

— Надежных? Легко сказать. Гм, надо подумать. Ладно, придется выбирать из того, что есть. Гарфред! Саброз! Оскюлот! Идите сюда, живо!

Подошли три фермера — каждый в той или иной степени старался сохранить вызывающую позу и упрямое выражение лица.

Риль Шерматц бесстрастно обратился к избранникам трактирщика:

— Я — представитель Коннатига и старший инспектор Покрова. На сегодняшний день я назначаю вас своими шерифами. С этого момента вы наделены властью обеспечивать беспрекословное подчинение самодержавной воле Коннатига по моему распоряжению. Это понятно?

Переминаясь с ноги на ногу, три земледельца подтвердили понимание каждый по-своему: Гарфред угрюмо хмыкнул, Саброз развел руками, Оскюлот поморщился, предчувствуя неприятности.

Риль Шерматц продолжал:

— Немедленно ступайте на космодром и арестуйте Юбанка именем Коннатига. Приведите его ко мне без промедлений. Ни в коем случае не позволяйте ему ускользнуть — не спускайте с него глаз. Будьте осторожны, он может быть вооружен. Поторопитесь!

Три фермера вышли из таверны. Шерматц повернулся к Фариску, с тревогой ожидавшему дальнейших указаний:

— Пошлите еще несколько человек собрать все взрослое население Балада ко входу «Старого гревуна». После этого можете подать нам эль и закуски.

Джантифф ничего не видел, но прислушивался к отрывкам разговоров, к глухому перестуку кружек, опускаемых на столы, к шороху шагов. Ему стало тепло, он успокоился, расслабился. Риль Шерматц тихо говорил с кем-то, чьи ответы невозможно было расслышать — по-видимому, пользовался переговорным устройством. Через несколько секунд Шерматц отправил Вориса за аптекарем, поспешившим явиться в ту же минуту.

Шерматц отвел аптекаря в сторону. Они побеседовали, и аптекарь удалился. Шерматц обратился к Джантиффу:

— Существует способ в какой-то мере восстановить твоё зрение. Это временная мера. Впоследствии ты пройдёшь полный курс лечения.

— Я буду благодарен за любое улучшение.

Аптекарь вернулся. Джантифф слышал приглушенный разговор — обсуждалось его состояние. Через некоторое время аптекарь обратился непосредственно к нему:

— Джантифф, дело обстоит следующим образом. Твои глаза разъело щелочью — их оболочки стали матовыми и рассеивают свет вместо того, чтобы пропускать его. Я попробую применить экстренную процедуру, малоизвестную в медицинской практике: нанесу на поверхности твоих глаз быстро сохнущую эмульсию, образующую прозрачную пленку. Возможно, операция покажется тебе неприятной. Может быть, однако, ты ничего особенного не почувствуешь. После того, как мелкие щербины на оболочках глаз заполнятся эмульсией, свет снова будет доходить до внутренней сетчатки, и ты сможешь видеть — такова, по крайней мере, теория. Должен заметить также, что образуемая эмульсией пористая пленка пропускает кислород. Пожалуйста, откинься на спинку стула, широко открой правый глаз и не двигайся... Очень хорошо. Теперь левый глаз. Будь добр, постарайся не мигать.

Джантифф чувствовал прохладное прикосновение к глазам чего-то влажного, а затем странное, но не слишком неприятное стягивающее ощущение. Вместе с тем размытое туманное сияние, заполнявшее поле зрения, стало испаряться и расплзаться, как влага на запотевшем стекле. Проявлялись, приобретая плотность, очертания и цвета окружающих предметов, фигур и лиц. Некоторое время они чуть расплывались и смещались, будто погруженные в воду, но в конечном счете стали более или менее резкими. Джантифф снова мог видеть — почти так же хорошо, как раньше.

Он осмотрелся. На него смотрели серьезные, внимательные лица Риль Шерматца и аптекаря. Усатый Фариск, в переднике, стоял за прилавком, упираясь в него выдающимся пузом. Палинка, раздраженная нарушением ежедневного распорядка, хмуро выглядывала из кухни. Сгорбившись за столами, вокруг сидели завсегдатаи «Старого гревуна», по большей части подавленные, даже озлобленные неожиданным поворотом событий.

Джантифф вертел головой, зачарованный чудесными возможностями зрительного восприятия — как он теперь понимал, раньше он не пользовался ими в полной мере. Он изучал иссиня-черные тени в дальнем конце трактирного зала, тусклый блеск оловянных кружек, грязновато-желтоватые столы из молочного дерева, косые пыльно-малиновые лучи света, струящиеся из узких окон-амбразур под потолком. Джантифф думал: «Через много лет, когда я буду вспоминать свою жизнь, я восстановлю в мельчайших деталях этот момент в таверне «Старый гревун» в Баладе, на берегу Стонущего океана на планете Вист...» Отзвуки какой-то суматохи отвлекли его от приятных размышлений. Риль Шерматц неторопливо прошел ко входной двери. Джантифф встал, выпрямился, расправив плечи, и, бессознательно подражая уверенной походке Шерматца, последовал за ним.

Перед входом в «Старый гревун» собралась толпа — все население Балада за исключением мадам Чаги, выглядывавшей из таверны «Киммери». По главной улице приближались Гарфред и Саброз, крепко державшие за локти Юбанка; шествие замыкал Оскюлот. На Юбанке был повседневный рыжеватый костюм. Голову его украшала, однако, невиданная ранее щегольская кепка с заостренным козырьком. Выражение лица Юбанка не соответствовало стилю головного убора: щеки побледнели и обвисли, рот панически дрожал и кривился. Джантиффу вспомнилась иллюстрация из детской книжки: два сержанта-бульдога ведут испуганную крысу в кошачий суд.

Бросив взгляд на задержанного, Шерматц сразу отвернулся и обратился к толпе:

— Меня зовут Риль Шерматц, я — представитель Коннатига. Здесь, в Баладе, я выполняю его официальное поручение.

Политика Коннатига заключается в том, чтобы всячески способствовать независимости мышления и поведения. Коннатиг приветствует разнообразие и правит, не накладывая лишних ограничений.

Тем не менее, правительство не может закрывать глаза на нарушения основных конституционных законов Аластора. Такие нарушения имели место здесь, в Баладе. Я говорю о преследованиях лесных кочевников, которых вы без всяких оснований величаете «ведунами» и «ведьмами». По приказу Коннатига с сегодняшнего дня этим гонениям положен конец. Заболевание, известное под наименованием «золотухи», вызывается размножением практически безвредного грибка и лечится одной дешевой пилюлей. Так называемые «ведьмы» кажутся глухонемыми не потому, что болеют «золотухой», а в связи с истерической одержимостью культурного происхождения. Физиологически они вполне нормальны и время от времени, в чрезвычайных ситуациях, способны заставить себя говорить. В том, что касается слуха, мои научные консультанты придерживаются того мнения, что звук воспринимается их мозгом на подсознательном уровне. Они могут не сознавать, что понимают человеческую речь; тем не менее, информация регистрируется — подобно тому, как в некоторых случаях обычные люди бессознательно воспринимают информацию, переданную телепатически.

В Баладе сложилась недопустимая ситуация. Гроссмастер, судя по всему, выполняет функции неофициального правителя не только Блея, но и всей южной части континента, и вершит правосудие по своему усмотрению, поручая исполнение приказов вооруженным охранникам. Кроме того, наблюдаются случаи непростительного насилия. Такому насилию подвергался, например, Джантифф Рэйвенсрок, испытанный на себе произвол безответственной толпы, движимый невежественными предрассудками.

В ближайшее время в Балад прибудет курсар — он наведет порядок и обеспечит соблюдение основных законов. По меньшей мере в некоторых случаях справедливость удастся восстановить, и некоторым из вас придется сожалеть о своих поступках. Возможно применение суровых наказаний. В данный момент я намерен рассмотреть только дело о нападении на Джантиффа. Шериф Саброз, приведите женщину, ослепившую Джантиффа.

— Это Неллика, вот она стоит.

— Ваше высокоблагородие, я действовала из самых лучших побуждений! Запомнила — думала, в ведре вода. Я люблю пошутить и посмеяться, плеснула ему в лицо — просто, чтобы развлечься и разрядить обстановку всем на потеху.

— Джантифф, насколько такое описание происшедшего согласуется с твоими впечатлениями?

— Ничего подобного. Она кричала: «Давайте, поверните его ко мне лицом! Пусть у меня не останется ни капли фракса, ему уже не придется увидеть, что он с нами сотворил!»

— Чье описание соответствует истине, шериф?

Саброз крикнул от досады:

— Как я могу сказать? Точно не помню. Я держал Джантиффа, она плеснула ему в лицо. Мне тоже руки обожгло.

Джантифф поморщился:

— Не связывайтесь вы с ними. В потехе участвовало человек двадцать-тридцать, не меньше. Все они надо мной издевались. Кроме аптекаря Гранделя — тот промыл мне глаза.

— Хорошо. Грандель, поручаю вам составить полный и точный список людей, участвовавших в издевательствах, и наложить на них штрафы, пропорциональные их вине. Собранные таким образом средства должны быть выплачены Джантиффу. В случае Неллики рекомендую штраф в размере не менее пятисот озолей.

Старик-аптекарь опасливо обвел глазами толпу, пожал плечами:

— Сделаю все, что могу — хотя это явно не будет способствовать моей популярности.

Вмешался Фариск:

— Все правильно! Я, например, не участвовал в издевательствах — несмотря на то, что Джантифф по сути дела стал моим конкурентом, торгуя перцебами на ярмарке. Считаю, что большие штрафы только пойдут на пользу — в Баладе давно пора навести порядок, народ опустил и распоясался! Я помогу Гранделю установить личность каждого, кто замешан в этой подлой забаве, и советую никому не делать поблажек. А если у Гранделя после этого уменьшится клиентура, то и в «Старом гревуне» кое-кому дадут от ворот поворот!

— Тогда я оставляю это дело в руках Фариска и Гранделя. Необходимо решить еще один вопрос. Любезнейший, вас зовут Юбанк?

Экспедитор кивнул и улыбнулся:

— Да, ваше благородие, так меня зовут.

— У вас нет другого имени?

Арестант колебался лишь какую-то долю секунды:

— Меня все величают просто Юбанком.

— Где вы родились?

— Не имею представления, ваше благородие. Сирота, родителей не помню.

— Трагическое стечение обстоятельств. Где вы воспитывались?

— Мне привелось побывать на многих планетах, ваше благородие. Не могу назвать родным, однако, ни один из миров.

— Когда в Балад прибудет курсар Коннатига, он внимательно изучит вашу биографию. Пока что я могу судить только о событиях недавнего прошлого. Прежде всего, насколько я понимаю, вы продали обратный билет Джантиффа за наличные и присвоили выручку.

Юбанк на какое-то время задумался, но, по-видимому, сразу понял, что факт продажи билета легко проверить, и неохотно кивнул, слегка поклонившись:

— Будучи уверен в том, что Джантиффу не придется воспользоваться билетом, я не хотел, чтобы деньги пропали зря.

— А впоследствии, когда вы узнали, что, вопреки вашим ожиданиям, Джантифф заработал требуемую сумму, вы украли его деньги?

— Должен ли я понимать вас таким образом, ваше благородие, что суд Коннатига требует от обвиняемого свидетельствовать против самого себя?

— Разумное возражение, — великодушно отозвался Риль Шерматц. — Но вопрос достаточно ясен для того, чтобы в длительном судопроизводстве не было необходимости. Свидетельства Джантиффа позволяют с уверенностью установить факт хищения, причем похититель, вне всякого сомнения — вы. Я лишь предоставляю вам возможность отрицать свою вину. Кроме того, не подлежит сомнению, что вы проинформировали охранника Бувехлютера о местонахождении лесной бродяжки, подружившейся с Джантиффом, прекрасно понимая, к чему это приведет — прикарманив деньги Джантиффа, вы хотели его устранить. Курсар проведет соответствующее расследование. Если вы не признаете свою вину, истина будет установлена с помощью энцефалографического детектора лжи. Тем временем, вся ваша собственность подлежит конфискации. С этого момента вы нищий, у вас не осталось ни одного дингета.

Юбанк разинул рот, глаза его увлажнились. Он взмолился голосом почти певучим, как у музыкально одаренного пса:

— Это выходит за рамки любых разумных представлений! Вы собираетесь экспроприировать все мои скудные сбережения?

— Подозреваю, что вас ждет гораздо худшая участь. Насколько мне известно, вы подстрекали Бувехлютера к изнасилованию и убийству. Если это будет подтверждено курсаром, к вам не проявят никакой снисходительности.

— Отведите меня к гроссмастеру! Он за меня поручится, я служил ему верой и правдой!

— Вчера вечером подрядчик Шубарт покинул свою усадьбу вместе с гостями. В любом случае, его поручительство не пошло бы вам на пользу — он тоже находится под следствием, и его судьба может оказаться еще плачевнее вашей.

Шерматц подал знак Гарфреду и Оскюлоту:

— Отведите Юбанка в надежное место заключения. Убедитесь в том, что у него не будет никакой возможности бежать. Если он совершит побег, каждый из вас будет оштрафован на тысячу озолей.

— Давай, Юбанк, пошевеливайся! — подтолкнул арестанта Оскюлот. — Посидишь у меня в погребе — оттуда и крыса не улизнет. А если случится такое чудо и ты провалишься еще глубже под землю, я берусь заплатить оба штрафа за себя и за Гарфреда!

— Одну минуту! — Джантифф преградил дорогу Юбанку. — Что случилось с Искрианой? Скажите мне, если знаете!

Лицо экспедитора стало непроницаемым:

— Зачем ты меня спрашиваешь? Обращайся к Бухлому.

— Бухлый не отвечает на вопросы — он мертв.

Юбанк молча отвернулся. Два новоиспеченных шерифа повели его по улице и скоро скрылись за углом.

Риль Шерматц снова обратился к жителям поселка:

— Новый курсар прибудет не позднее, чем через три дня. Помните: курсар представляет Коннатига, его приказы должны выполняться беспрекословно! Теперь вы можете идти по своим делам. Джантифф, нам пора ехать. В Баладе больше нечего делать.

— Как быть с Искрианой? Я не могу уехать, пока не узнаю, что с ней!

— Джантифф, приходится смириться с печальной действительностью. Либо она мертва, либо вернулась в лес. Как бы то ни было, я ничем не могу помочь.

— А женщина, просившая вас срочно приехать? Кто она и где она?

— Этим вопросом займется курсар. Нас ждут в Аррабусе. В Баладе я не могу предпринять ничего, что нельзя было бы поручить кому-нибудь другому.

Глава 16

Черный космический бот стремительно нес двух пассажиров над возделанными полями Балада, над мрачным Сычовым лесом, над озером Неман, над просторами Потусторонних лесов и Нагорья.

Джантифф сидел в напряженном раздумье, не проявляя склонности к беседе. В конце концов молчание нарушил Риль Шерматц:

— Подозреваю, что тебе все еще не дают покоя недавние события, что вполне понятно. К сожалению, характер моих обязанностей таков, что я могу добиваться восстановления справедливости лишь в самых общих чертах. Охотники на ведьм, например: кто они? Добропорядочные фермеры, следующие вековым традициям, или убийцы? Заслуживают ли они все немедленного наказания? По правде говоря, наказание как таковое интересует меня гораздо меньше, чем предотвращение дальнейшего произвола. Двух или трех суровых примеров достаточно, чтобы внушить остальным уважение к закону. Запугивание, однако, не всегда и не везде приводит к желаемым результатам. Нередко самые закоренелые преступники — именно те, на кого не действуют никакие способы убеждения. С другой стороны, заставлять каждого возместить сполна уже нанесенный им ущерб значило бы, во многих случаях, разрушить традиционные взаимоотношения и повергнуть общину в хаос и разорение. В Баладе, скорее всего, местная экономика не выдержала бы массовых судебных процессов. Поэтому я более или менее удовлетворен существующим положением вещей.

Джантифф ничего не сказал.

Шерматц продолжал:

— В любом случае, теперь мы должны уделить первоочередное внимание Аррабусу и Шептунам. Поведение самозванцев представляется мне загадочным. Не рассчитывают же они, в самом деле, править страной, находясь в полной изоляции? Как только они прибудут на празднество столетия или обратятся к населению по телевидению, их сразу опознают бывшие соседи и многие другие знакомые. Как они рассчитывают обвести вокруг пальца, например, квартирантов Розовой ночлежки?

— Скорее всего, они полагаются на внешнее сходство, — предположил Джантифф. — Пока никто ничего не подозревает, никто ничего не заметит.

Шерматц с сомнением покачал головой:

— Даже если они гримируются, сходство не может быть настолько убедительным. Возможно, они рассчитывают изменить внешность хирургическим путем. Да, с их точки зрения пластическая операция — лучший выход из положения. Думаю, они уже воспользовались такой возможностью.

— Вчера в усадьбе грессмастера они выглядели как обычно.

— Верно. И это совершенно необъяснимо! Они не настолько глупы, чтобы не понимать очевидную опасность разоблачения, и несомненно приготавились. Но как? В высшей сте-

пени любопытно! Признаться, я заинтригован. В гениальной простоте их плана есть некое величие.

Джантифф не разделял энтузиазм своего избавителя:

— Как вы с ними поступите?

— Возможны, как минимум, два варианта. Мы могли бы публично их разоблачить — и тем самым создать небывалую сенсацию — или тайно арестовать их и провести расследование за закрытыми дверями, тем временем назначив новых Шептунов. Меня больше привлекает первая возможность. Аррабины наслаждаются спектаклем — и почему бы мы отказали в таком удовольствии этим, по существу, ни в чем не повинным людям, хотя бы и склонным к бесплодной праздности?

— Как и кем будет координироваться такой спектакль?

— Это очень просто устроить. По существу, пышное представление уже организовано самими Шептунами-самозванцами. На Съезде съездов они намерены обратиться к делегатам и почетным гостям. Все остальные аррабины увидят их только по телевизору. Самый подходящий момент для того, чтобы сорвать с них маски, так сказать.

Джантифф подумал, нахмурился:

— Они опять поднимутся на Пьедестал — с такого расстояния, да еще на фоне неба, их никто не опознает. А телеоператорам запретят снимать крупным планом.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Риль Шерматц. — Но в момент разоблачения бы обеспечим передачу крупным планом, и скрыться им будет некуда.

Космический бот пролетел над яйлой. Перед ними, как огромная электронная схема с одинаковыми торчащими компонентами, простирался Унцибал, а за ним тускло поблескивало Саламанское море — гладкое плоское пространство цвета мутного полевого шпата. Черный экипаж быстро спустился и приземлился у самого здания космического порта.

— Сегодня мы остановимся в «Приюте путешественника», — сказал Шерматц. — Сей памятник пережиткам элитизма находится в плачевном состоянии. Тем не менее, ничего другого не остается — если ты не предпочитаешь провести ночь в своем логове за общественным туалетом в парке аттракционов.

— Как-нибудь навещу Дисджерферакт, чтобы вспомнить все былое, — отозвался Джантифф. — По правде говоря, моя хижина на пляже была немногим лучше... И все же там я чувствовал себя, как дома. В каком-то смысле я даже был счастлив. Я не голодал, мог любоваться на Искриану, у меня были определенные цели — практически неосуществимые, как я теперь понимаю, но тогда я этого не знал. Да! На берегу Стонущего океана мне казалось, что я живу не зря!

— А теперь?

— Теперь я чувствую себя постаревшим, разбитым, поглупевшим.

Шерматц рассмеялся:

— У меня не раз было такое же ощущение. Тем не менее — вопреки всему — жизнь идет своим чередом.

— Жизнь — странная штука, должен признаться.

В «Приюте путешественника» Риль Шерматц заказал апартаменты из шести комнат, настояв на самых высоких стандартах приготовления пищи и обслуживания.

Джантифф недоверчиво заметил, что, учитывая аррабинский подход к кулинарии и комфорту, его ожидания вряд ли оправдаются.

— Посмотрим, — усмехнулся Шерматц. — Как правило, я не слишком требователен, но здесь, принимая во внимание откровенно элитарные расценки, эгалитическое обслуживание меня не удовлетворит. В отличие от большинства туристов и прочих приезжих, я уполномочен накладывать суровое и безотлагательное взыскание за любые проявления ле-

ни, халатности и недобросовестности. Таковы мои должностные prerogatives. Думаю, что на этот раз условия твоего пребывания в этой гостинице будут существенно отличаться от общепринятых арабинских стандартов. А теперь мне нужно заняться кое-какими делами, и я вынужден на какое-то время предоставить тебя самому себе.

Джантифф прошел в свои номера, где, как и предсказывал Шерматц, интерьер и удобства поразительно превосходили арабинские стандарты. Он с наслаждением принял горячую ванну и надел свежее белье. Ему принесли новый костюм и превосходную обувь. Ему подали лучшие блюда, какие смогли доставить унцибальские подрядчики. Затем, смертельно уставший, но еще неспособный заснуть, он отправился в город и проехался, не разбирая дороги, по заполненным толпой движущимся магистралям, живо вспоминая опасности, заставившие его бежать из Унцибала. По воле случая — а может быть и подчиняясь бессознательному влечению — Джантифф проезжал мимо Розовой ночлежки. Чуть поколебавшись, он сошел со скользящего полотна, направился ко входной арке и зашел в вестибюль. Как только он открыл дверь, в лицо пахнуло знакомыми тяжеловатыми, слегка отталкивающими ароматами всячины, смолотка, студеля и пойла, кисловатым запахом старого сырого бетона, испарениями всех тех, кто долгие годы называл Розовую ночлежку своим домом.

Воспоминания нахлынули на Джантиффа: события, приключения, волнения, лица. Он подошел к конторке регистратора — за ней незнакомый человек сортировал бумажные квитанции. Джантифф спросил у него:

— В квартире Д-18 на девятнадцатом этаже жила женщина по имени Скорлетта. Она все еще там?

Регистратор повернул колесо картотеки:

— Нет. Перевелась в Пропунцию.

Джантифф повернулся к доске объявлений. Большой плакат, напечатанный бросающимися в глаза желтыми, синими и черными буквами, гласил:

«По поводу предстоящего СЪЕЗДА СЪЕЗДОВ

Да здравствует второе столетие Аррабуса! Будущие достижения да затмят свершения прошлого! Наступает Фестиваль Века, празднование славной и окончательной победы эгализма. Поздравления поступают со всех концов скопления Аластор: одни выражают откровенное восхищение, другие — плохо скрываемую зависть накопителей материальных благ, фарцовщиков и эксплуататоров.

В следующий онсдень состоится Съезд съездов! На Поле голосов соберутся депутаты и многочисленные почетные гости — им предоставлена честь присутствовать на церемониальном банкете и выслушать Шептунов, намеренных предложить процветающему обществу равноправия неожиданные, захватывающие перспективы развития.

Коннатиг Аластора подтвердил, что прибудет в Аррабус и разделит Пьедестал с Шептунами в духе товарищества и межпланетного сотрудничества. В настоящее время он консультируется с Шептунами, внимательно прислушиваясь к их мнениям, основанным на уникальном опыте истинно демократического правления. На Съезде съездов Коннатиг ознакомит общественность со своей программой расширения обмена товарами и услугами. Он считает, что арабины могут экспортировать интеллектуальные прозрения, гениальные произведения и вдохновленные воображением концепции в обмен на товары общего потребления, продовольственные продукты и автоматическое производственное и перерабатывающее оборудование.

На Съезде съездов в онсдень Коннатиг и Шептуны огласят над Полем голосов конкретные детали этой новой программы.

Вход на Поле голосов будет разрешен только лицам, получившим специальные пропуска. Все остальные смогут продемонстрировать активную поддержку работы эпохального Съезда съездов, включив телевизионные экраны в столовых, игровых залах и квартирах».

Джантифф стоял и перечитывал текст плаката — второй, третий раз. Странно. Удивительно! Нахмурившись, он пытался уловить оттенки недосказанных мыслей, спрятанных между кричащими строками. Какие-то беспорядочные сведения, еще не сформулированные догадки, разрозненные обрывки полузабытых разговоров теснились и сталкивались у него в уме подобно элементам головоломки, встряхиваемым в закрытой коробке.

Отвернувшись от доски объявлений, Джантифф вышел из общежития, вступил на скользкое полотно латерали 112 и перешел на Унцибальскую магистраль, затерявшись в бесконечном потоке людей. Мучимый тревожными предположениями и подозрениями, обременявшими опьяненную усталостью голову, он даже на какое-то время забыл, где находится. Его больше не интересовал паноптикум человеческих лиц — не уступая попутчикам замкнутостью и безразличием, он вернулся в «Приют путешественника».

Оказавшись в предоставленных ему номерах, он обнаружил в гостинной разнообразные блюда на выдвинутых столешницах буфета — в его отсутствие подали ужин. Джантифф налил себе бокал вина и устроился на софе. Из окна открывался вид на уголок летного поля космодрома; вдали, за полем, трепетали огни и тени Дисджерферакта. Джантифф смотрел в темнеющее окно с полупечальной, полужавистливой улыбкой. Сможет ли он когда-нибудь избавиться от кошмарных воспоминаний? Перед внутренним взором с пугающей живостью возникли призматические стены Дворца нирваны, за ними — последнее движение руки, преломленный профиль обворожительной Кедида. Аромат жареной морской капусты — хрустящих водорослей. Гнусавые звуки дудок, позвякивание колокольчиков на гирляндах блестящих флажков, крики зазывал, приставания попрошаек, бешено вращающиеся бенгальские огни, подсвеченные струи парковых фонтанов... Деловито открыв дверь, из своих комнат в гостиную вошел Риль Шерматц.

— А, Джантифф! Ты вовремя вернулся. Замечаешь неприличное изобилие жранины?

— Я в полном изумлении. Как вам удалось добиться такого обслуживания? Я даже не знал, что в Аррабусе можно достать такие вещи.

— Сегодня вечером мы будем потчевать свое нутро, как последние презренные фарцовщики! Вина с четырех планет, неплохой выбор холодных закусок, слоеной выпечки, пирожков с мясной и рыбной начинкой, салатов и сыров, а также всевозможных сладостей и конфет! Обычно я ужинаю гораздо скромнее, уверяю тебя. Но сегодня, так и быть, мы вовсе предадимся подлости и низости расточительного потребления материальных благ.

Джантифф выбрал несколько приглянувшихся кулинарных чудес и присоединился к Шерматцу, уже усевшемуся за стол:

— Час тому назад я побывал в старой Розовой ночлежке — в общежитии, где я познакомился с заговорщиками. В вестибюле общежития висит весьма достопримечательный плакат, объявляющий о том, что Коннатиг, без всякого сомнения, прибудет в Аррабус, чтобы участвовать в работе Съезда съездов и поддержать высосанные из пальца программы Шептунов.

— Видел нечто подобное на стене в гостинице, — кивнул Риль Шерматц. — Могу со всей ответственностью заверить тебя, что Коннатигу даже в дурном сне такое не приснится.

— Очень рад. В таком случае ему не о чем беспокоиться. Но каким образом самозванцы собираются выполнять свои несусветные обещания? Коннатиг не появится на Пьедестале. Им придется отделяться жалкими отговорками. Причем арабины очень чувствительны к политическим нюансам — их на мякине не проведешь.

— Меня просто восхищает их наглость! — заявил занятый едой Риль Шерматц. — В Аластроцентрал прислали полдюжины пропусков для так называемых «почетных гостей». Я захватил пару — если хочешь, побываем на Съезде съездов, полюбуемся на эпохальное разоблачение.

— Я в полном замешательстве, — не отставал одержимый одной идеей Джантифф. — Заговорщики знают, что Коннатиг не придет. Следовательно, они должны были подготовить план, позволяющий им выйти сухими из воды.

— Джантифф, ты совершенно прав! Ты четко сформулировал основную неувязку в сложившейся ситуации. Мы чего-то не знаем. Это возбуждает мое любопытство. Как далеко они готовы зайти? Отважатся ли они вывести на Пьедестал подставного Коннатига — нанятого актера, который выступит с заранее подготовленной речью?

— Наглости им не занимать. Но зачем такие ухищрения? Что они надеются таким образом приобрести? Когда новости о Съезде Съездов достигнут Люсца, боюсь, Коннатиг не оценит их чувство юмора.

— Именно так! Коннатиг, как правило, не осуждает и даже одобряет грандиозные замыслы и смелые проекты. Опрометчивость иногда забавляет его. И все же придется принять суровые показательные меры. Что ж, в онсдень все выяснится. Нам остается только внимательно наблюдать за происходящим и проследить за тем, чтобы выполнение нашего плана началось вовремя — не слишком рано и не слишком поздно.

Осторожно выбирая выражения, Джантифф заметил:

— Вы часто употребляете местоимение «мы» и говорите о «нас» и о «нашем плане». Это очень любезно с вашей стороны, но я должен признаться, что мне неизвестно, в чем конкретно заключается этот план.

Риль Шерматц усмехнулся:

— Наш план предельно прост. Шептуны-самозванцы поднимутся на Пьедестал. Они обратятся к почетным гостям и — по телевидению — ко всему населению Аррабуса. На пьедестале может появиться также подставной Коннатиг. Если нет, заговорщикам придется объяснить это обстоятельство какими-то нам неизвестными, но достаточно уважительными причинами. Любопытно будет узнать, какими. Затем, в самый подходящий момент, вниманием аудитории всецело завладеет Покров — с неба спустятся четыре корвета класса «Амараз». Они тесно окружают Пьедестал. Группа офицеров высадится на площадку и немедленно арестует лжеправителей. К микрофонам подойдет курсар. Он перечислит во всеуслышание преступления, совершенные заговорщиками. Он сообщит населению о том, что Аррабус обанкротился, и пояснит, используя нелюбезные и даже жесткие выражения, что арабины, находящиеся в состоянии полного отрыва от действительности, должны очнуться от векового сна и вернуться к работе. Он объявит, что берет на себя полномочия временного правителя до тех пор, пока местные должностные лица не будут способны выполнять свои обязанности с учетом реального положения вещей.

После этого четыре корвета поднимутся на триста метров. С каждого корвета будет спущен длинный трос с петлей. В петлях у всех на глазах будут болтаться четыре заговорщика. Корветы снова начнут подниматься, с подвешенными к ним самозванцами, и взлетят за пределы атмосферы Виста. Как видишь, план вполне осуществим, потребует лишь некоторой хореографической координации действий от офицеров Покрова и, надеюсь, произведет достаточно глубокое впечатление на зрителей. Риль Шерматц покосился на Джантиффа:

— Тебя он не устраивает?

— Нет, почему же. Я не против. Просто мне что-то не дает покоя. Что именно — не могу понять.

Шерматц поднялся из-за стола, подошел к окну, взглянул на огни Дисджерферакта:

— По-твоему, я действую слишком прямолинейно?

— Да нет же. Я не нахожу в вашей режиссуре никаких изъянов. Меня, однако, беспокоит необъяснимая самоуверенность заговорщиков. Они что-то знают, чего мы не знаем. Что?

— Любопытно, любопытно, — Шерматц сложил руки на груди. — Не доверять твоей интуиции нет никаких оснований, но я не нахожу никакого ответа на твой вопрос. Единственный способ получить ответ заключается в том, чтобы сегодня же задержать и допросить самих самозванцев. Но тогда не получится никакого спектакля.

— Попробую собраться с мыслями, — сказал Джантифф. — Я о чем-то забыл. Может быть, вспомню.

— Ты заразил меня своим беспокойством, — проворчал Шерматц. — Что ж, у нас еще есть время на размышления, целый день. Съезд съездов начинается послезавтра, и тогда уже придется действовать — так или иначе.

Глава 17

Ночь прошла, и бледный Двон оторвался от горизонта, как замороженная слеза. Текло неумолимое время. Джантифф оставался в гостиничных номерах. Сначала он мерил шагами гостиную из угла в угол, пытаясь обнаружить рациональное зерно в своих недобрых предчувствиях, но искомая мысль выскальзывала из окружения логических построений бессловесным намеком — прежде, чем он успевал ее проанализировать. Джантифф уселся за стол с листом бумаги и пером, но этот подход также не дал результатов — мысли продолжали блуждать в поисках связующего звена. Джантифф вспоминал и методически сортировал первые впечатления от Розовой ночлежки, свой глупый, жестоко оборвавшийся роман с Кедидой, проклятый пикник, устроенный цыганами, побег в Балад... Поток мыслей внезапно приобрел вязкость, встретил какое-то сопротивление, остановился. Несколько секунд Джантифф вообще ни о чем не думал, после чего осторожно, будто приоткрывая дверь, из-за которой могло выскочить нечто ужасное, попытался вспомнить как можно подробнее свой ночной полет на аэробарже над Потусторонним лесом в обществе неподражаемого Шваркопа.

Через минуту-другую Джантифф присел на софу и расслабился. Болтовня Шваркопа позволяла сформулировать кое-какие предположения, не более того. Предположения стоило изложить Шерматцу, а тот уже мог делать выводы по своему усмотрению.

Во второй половине дня, соскучившись и не в силах стряхнуть с себя тревожное раздражение, Джантифф пересек низину между космодромом и Дисджерферактом и, как и собирался, совершил паломничество к проему между киоском торговца пикулями и общественным туалетом. Чтобы впечатление было как можно более полным, он приобрел кулек хрустящих водорослей и прилежно поглотил их — впрочем, без всякого энтузиазма. «Еще не так давно, — с каким-то печальным удивлением подумал он, — я мог бы с жадностью съесть гору морской капусты, но приходилось растягивать кулек на целый день».

К заходу солнца Джантифф вернулся в «Приют путешественника». Риль Шерматц, однако, еще отсутствовал. Джантифф задумчиво поужинал и удалился в свои комнаты.

Проснувшись утром, он обнаружил, что Шерматц, по-видимому, ночевал в гостинице, но уже ушел, оставив записку на столе в гостиной:

«К сведению Джантиффа Рэйвенсрока:

Доброе утро, Джантифф! Сегодня тайное станет явным, драма достигнет кульминации и завершится мрачным торжественным финалом. Мне приходится делать тысячу вещей одновременно. Прежде всего нужно посвятить нового курсара в подробности предстоящей операции, в связи с чем я не смогу завтракать в твоей компании. Возьму на себя смелость дать тебе некоторые указания, касаю-

щиеся Съезда съездов. У меня с собой пара пропусков для почетных гостей. Буду ждать тебя справа от ворот Хана Вальтера, там, где кончается Четырнадцатая латераль, за два часа до полудня — или чуть позже.

Надеялся увидиться с тобой раньше, но у нас, несомненно, останется время найти места получше. Подкрепись хорошенько!

*До встречи,
Шерматц».*

Джантифф нахмурился и отложил записку в сторону. Подойдя к окну, он заметил, что народ уже собирался на Поле голосов, спеша занять места как можно ближе к Пьедесталу. Отвернувшись, Джантифф подошел к буфету и, не чувствуя никакого аппетита, заставил себя позавтракать.

До назначенного часа оставалось много времени. Тем не менее, Джантифф набросил на плечи плащ и покинул гостиницу. Взойдя на полотно Унцибальской магистрали, он проехал чуть меньше километра и перешел на Четырнадцатую латераль, доставившую его прямо к воротам Хана Вальтера — перегороженному тремя турникетами проходу в высокой ограде из трубчатых рам с гибкими пластиковыми жалюзи. Джантифф прибыл за час до условленного срока и ничуть не удивился, не обнаружив Рилия Шерматца. Расположившись, согласно полученным указаниям, справа от ворот, Джантифф принялся разглядывать прибывавших «почетных гостей», приглашенных на Поле голосов, чтобы они получили возможность лично выслушать Шептунов и Коннатига, а также принять участие в праздничном банкете. Состав приглашенной аудитории озадачил Джантиффа: через турникеты проходили мужчины и женщины всех возрастов и характеров. Через некоторое время он заметил субъекта, показавшегося знакомым — их глаза встретились, и субъект остановился, чтобы поприветствовать его:

— Эй! Как-никак старина Джантифф из Розовой ночлежки! Ты со Скорлеттой?

— Я вас тоже узнал — вы заходили ко мне с Эстебаном. Олин — я правильно помню? Забыл только, где вы живете. Кажется, в Кормоглоте?

Олин поморщился, подмигнул:

— Кормоглот — пройденный этап. Я уж несколько месяцев как смылся в Хибару Курощупов — это на 560-й латерали — и, должен сказать, не жалею, что переехал. А тебя что держит в Розовой ночлежке? Нам пригодился бы мастер на все руки — вечно у всех все ломается.

Джантифф ничего не обещал:

— Надо будет как-нибудь увидиться.

— Обязательно! Я часто замечал — да и не только я — что жилищный блок накладывает свой отпечаток на всех, кто в нем живет. К примеру, в Розовой ночлежке все какие-то скрытные, каждая квартира кишит интригами. Не то, что у нас в Хибаре. Мы народ веселый — раззудись плечо, размахнись рука, хватай все, что плохо лежит! Хе-хе. Seriously! Переезжай к нам. У нас такой сад на крыше — закачаешься! А пойло-то, пойло! Рекой течет. Удивительно, как мы еще с голоду не передохли — у нас больше всячины через змеевики проходит, чем через кишки.

— В Розовой ночлежке, конечно, обстановка потрезвее, — согласился Джантифф. — И, как вы правильно заметили, от интриг просто деться некуда. Кстати об интриганах — вы Эстебана в последнее время не видели?

— Не видел — уже месяца полтора. Он по уши погрузился в какую-то махинацию, отнимающую кучу времени. Эстебан, он живчик и умница! Ему палец в рот не клади!

— Да уж, по его милости можно и без пальцев остаться, — сжал кулаки Джантифф. — А как вы получили приглашение на Поле голосов? Вы — «почетный гость»?

— Какой из меня гость? Ты ж меня знаешь. Но приглашение получил — к своему удивлению. Приятная неожиданность, конечно — особенно если после трепа будет банкет и дадут жранины. Интересно было бы знать, вместо кого я получил по ошибке приглашение? Вот он локти-то грызет, наверное, растяпа! А ты? Тебя тоже «почетным гостем» никак не назовешь.

— Так же как и вас. Но мы оба знаем Эстебана — обстоятельство, помогающее примазаться к группе избранных, как вы считаете?

— О-го-го! — Олин расхохотался. — Что ж, если благодаря знакомству с Эстебаном нам перепадет жрачки, честь и хвала Эстебану! Так что я пойду — хочу занять место поближе к столам. А ты что не идешь?

— Жду приятеля.

— Ну ладно. Очень приятно было снова встретиться. Заходи как-нибудь в Хибару Курощупов!

— Непременно, — задумчиво произнес Джантифф в спину удаляющемуся Олину.

Олин предъявил пропуск и прошел на Поле голосов. Элементы головоломки сложились в уме Джантиффа с болезненной настойчивостью облегчения, наступившего после слишком долгого ожидания — и образовали картину потрясающих пропорций. Не может быть! Конечно же, где-то вкралась ошибка. Но где? Джантифф рассматривал результат то с одной точки зрения, то с другой. Результат не менялся — величественный в своей ужасной простоте.

Приближалось назначенное время — куда запропастился Риль Шерматц? «Почетные гости» сотнями вливались на Поле голосов. Джантифф с напряжением вглядывался в каждое лицо: Шерматц мог бы и поторопиться!

До полудня оставалось меньше двух часов. Джантифф устал стоять на одном месте и проглядел все глаза, но заставлял себя не терять бдительность. Взглянув через плечо в щель между пластинками жалюзи, он увидел, что огромная овальная площадь уже заполнилась. От «почетных гостей» буквально прохода не было. В их числе, понятное дело, оказался Олин. Но почему через турникеты не спешил ни один из бывших соседей Джантиффа из Розовой ночлежки? Лихорадочные мысли остановились, натолкнувшись на препятствие. Ошибка? Несоответствие? Возможно. Опять же, может быть и нет.

Над площадью прогремел аккорд фанфар. Из сотен громкоговорителей зазвучал гимн Аррабуса. Церемония начиналась. Несколько припозднившихся «почетных гостей» спешили к турникетам, спрыгивая на бегу с полотна латерали. А Шерматца все не было!

Громкоговорители разнесли над Полем голосов оглушительный голос:

— Уважаемые почетные гости! Делегаты Аррабуса! Эгалисты всей страны! Шептуны приветствуют вас! Скоро, несмотря на козни отчаянно сопротивляющихся прогрессу эксплуататоров и реакционеров, они поднимутся на Пьедестал, чтобы поделиться с вами сокровенной, но осуществимой мечтой, поразительными перспективами будущего! Враги равноправия делают все возможное, чтобы воспрепятствовать воле Шептунов, и вскоре все мы убедимся в том, что происки оппозиции приобретают поистине катастрофические масштабы! Но не падайте духом! Наша сила — в единстве! Наш путь — ...

Джантифф бежал к Четырнадцатой латерали — Риль Шерматц сходил с движущегося полотна. Заметив Джантиффа, Шерматц приветственно поднял руку:

— Прошу прощения! Меня задержали важные дела. Но у нас еще есть время. Пойдем, вот твой пропуск.

У Джантиффа онемел язык — он с огромным усилием выкрикивал бессвязные фразы:

— Нет, нет! Назад! Нет времени! Нет времени!

Схватив Шерматца за руку, он остановил его продвижение к турникету. Риль Шерматц удивленно смотрел Джантиффу в лицо. Джантифф выпалил:

— Здесь нельзя оставаться. Уже ничего нельзя сделать, ничего! Пойдемте, надо бежать!

Шерматц колебался только мгновение:

— Хорошо. Куда бежать?

— Ваш космический бот на космодроме. Нужно взлететь — как можно выше!

— Так и сделаем. Но ты не мог бы объяснить...

— По пути! — Джантифф бежал, бросая торопливые обрывки фраз через плечо. Шерматц, бежавший рядом размеренной атлетической трусцой, помрачнел темнее тучи:

— Да, вполне логично... даже вероятно... Ты прав, риск слишком велик.

Они взбежали по трапу в космический бот. Люк закрылся, бот взмыл над Унцибалом — бесконечными параллельными рядами разноцветных блоков, сходящимися в дымке перспективы. Немного в стороне простиралось Поле голосов, почерневшее от плотной толпы «почетных гостей». Шерматц прикоснулся к кнопке телеэкрана. Послышался голос:

— ...задерживается всего лишь на несколько минут. Шептуны уже прибывают. Они поведают вам, с какой неутолимой ненавистью враги народа стремятся оболгать и подорвать успехи эгализма! Будут названы имена! Будут изложены неопровержимые факты!... Шептуны все еще не прибыли. Они уже должны были подняться на Пьедестал. Терпение! Подождем еще пару минут...

— Если Шептуны покажутся на Пьедестале, значит, я ошибся, — сказал Джантифф.

— Интуиция подсказывает мне, что у тебя есть веские основания для опасений, — отозвался Шерматц. — Но я все еще не могу разобраться в фактах. Ты упомянул некоего Шваркопа, перевозящего грузы, а также некоего Олина. Какая между ними связь? С чего начинается цепочка умозаключений?

— С несоответствия, уже подмеченного ранее и вами, и мной. Настоящих Шептунов знали очень многие — многие знали и Шептунов-самозванцев. Самозванцы похожи на настоящих Шептунов, но недостаточно похожи, чтобы обмануть знакомых. Самозванцам необходимо свести к минимуму риск того, что их опознают и разоблачат.

Олин от кого-то получил пропуск на Поле голосов. От кого? Он — приятель Эстебана, но в «почетные гости» никак не годится. Пропуска получили и те, кому они действительно предназначались — например, члены Совета депутатов. Эти почетные гости хорошо знали покойных настоящих Шептунов. Думаю, что сейчас на Поле голосов собрались все знакомые Эстебана, Скорлетты и Сарпа. Все они получили пропуска и все удивлялись своему везению, предполагая, что в число «почетных гостей» они попали случайно. Я не видел никого из Розовой ночлежки, но они могли прибывать к другим воротам, по предыдущей латерали. Кроме того, шесть пропусков кто-то послал по почте в Аластроцентрал. Допустим, что Коннатиг так-таки приехал бы в Аррабус. Провокационные плакаты вполне могли бы возбудить его любопытство. Разумеется, он не стал бы выходить с Шептунами на площадку Пьедестала. Но он, скорее всего, воспользовался бы одним из пропусков.

Шерматц коротко кивнул:

— К счастью, Коннатиг этого не сделал — можешь не сомневаться, мне это известно наверняка. Какую же роль во всей этой истории сыграл перевозчик грузов Шваркоп?

— Будучи оператором аэробаржи, Шваркоп сделал шесть рейсов, перевозя фракс... — У Джантиффа возникло тошнотворное ощущение — ему показалось, что его слова вызвали катастрофу. Город под космическим ботом исчез в клубах грязного дыма. На мгновение Поле голосов превратилось в ослепительное пятно белого пламени, сразу утонувшего в гигантском грибообразном облаке пыли. Во многих других точках Унцибала сверкнули такие же вспышки и выросли такие же гигантские клубящиеся грибы. На месте Розовой ночлежки и шести других жилищных блоков, а также «Приюта путешественников» и Аластроцен-

трала, образовались зияющие кратеры. В Уониссе, Серсе и Пропунции взлетели на воздух, вместе со всеми жильцами, еще тринадцать блоков, тоже превратившиеся в столбы пыли и горячего пара.

— Я был прав, — прошептал Джантифф. — Увы, я был прав.

Шерматц медленно протянул руку и нажал на кнопку:

— Корчионе!

— Слушаю.

— Операция отменяется. Вызовите госпитальные суда из ближайших систем.

— Так точно!

Опустив голову, Джантифф выдавил:

— Если бы я все понял чуть раньше...

— Ты понял — и успел спасти мне жизнь, — сказал Шерматц. — По меньшей мере это обстоятельство меня ничуть не огорчает.

Шерматц посмотрел вниз на Унцибал, где ветер относил к югу оседающую пыль:

— Теперь ясно, в чем состоял их план. Подлежали уничтожению три категории людей: все, кто хорошо знал настоящих Шептунов, все, кто хорошо знал самозванцев — и третья, небольшая группа людей, включающая Коннатига или представителя Коннатига, в зависимости от того, кто приедет наблюдать за торжествами. Но ты выжил, и я выжил. Их план провалился.

Заговорщики об этом еще не догадываются. По их мнению, они в полной безопасности. Они уже готовятся к следующему этапу. Ты догадываешься, в чем будет состоять следующий этап?

Джантифф устало махнул рукой:

— Нет. Я больше ничего не соображаю.

— Необходимы козлы отпущения — враги эгализма, враги народа. Кто на Висте все еще может опознать одного из заговорщиков?

— Подрядчики. Они знают Шубарта.

— Правильно. Через несколько часов все подрядчики будут арестованы. Шептуны объявят, что преступники признали свою вину. Будут сфабрикованы и переданы по телевидению унижительные исповеди, сцены эмоционального самобичевания. Свершится правосудие. Все будущие подрядные договоры будут заключаться новой эгалистической организацией, снабженной, с целью предотвращения дальнейших попыток саботажа и вредительства, жесткой иерархической структурой и военизированными подразделениями. Четыре Шептуна-самозванца поделят между собой все доходы и ресурсы Аррабуса. Не удивлюсь, если первые возмущенные обвинения в адрес продавшихся чужеземным эксплуататорам врагов народа и вредителей начнут раздаваться уже через несколько минут.

Шерматц замолчал, глядя туда же, куда смотрел Джантифф: на изуродованный Унцибал. Прозвучал сигнал. На телевизионном экране появились четыре Шептуна — Скорлетта, Сарп, Эстебан и Шубарт. Изображение временами расплывалось, частично смещалось, подергивалось дрожащими полосами.

— Они все еще боятся передавать четкое изображение, — заметил Шерматц. — Кроме подрядчиков, теперь их могли бы опознать, наверное, лишь несколько человек — знакомые, по той или иной причине не оказавшиеся там, где они должны были быть. В течение ближайших нескольких дней все эти люди, разумеется, исчезли бы — тихо, незаметно, под шумок последствий катастрофы. В конце концов, кого волнует в обществе всеобщего равноправия судьба отдельного человека?

На экране Эстебан выступил вперед и произнес:

— Народ Аррабуса! Случайная, непредвиденная задержка позволила народным избранникам, Шептунам, пережить страшную катастрофу. Есть надежда на то, что Коннатиг тоже

выжил, так как он не прибыл в назначенное место встречи. Больше о его судьбе ничего не известно. Если Коннатиг не присутствовал инкогнито на Съезде съездов, он избежал участи депутатов, и убийцы вдвойне просчитались! Мы еще не можем сказать ничего определенного, все мы потрясены до глубины души потерей ближайших друзей, соратников, борцов за равноправие. Не сомневайтесь, однако: десница народного гнева жестоко покарает тех, кто взметнул враждебные вихри, веющие над нашими городами...

Шерматц прикоснулся к кнопке:

— Корчионе!

— Слушаю.

— Проследите источник сигнала.

— Это уже делается. Жду дальнейших указаний.

— ...день гнева, день скорби! Погибли все члены Совета депутатов — какая трагедия!

По прихоти судьбы Шептуны избежали их участи — они тоже были на волосок от смерти. Нашим врагам не повезло — теперь они не уйдут от аррабинского суда! Но прежде всего — милосердие. Настало время позаботиться о пострадавших, утешить скорбящих. Мы снова выйдем в эфир, когда будет произведена окончательная оценка числа погибших и масштаба разрушений.

— Корчионе?

— Сигнал передается ретранслятором из унцибальского горкома. Первоначальный источник еще не установлен.

— Оцепите космопорт. Пресекайте любые попытки покинуть планету.

— Так точно!

— Направьте группу специалистов в унцибальский горком. Определите источник сигнала. Известите меня немедленно.

— Так точно!

— Контролируйте все поднимающиеся в воздух летательные аппараты. Определите пункты назначения аппаратов, уже находящихся в воздухе.

— Так точно!

Шерматц откинулся на спинку кресла. Помолчав, он повернулся к Джантиффу:

— После сегодняшнего дня мирная жизнь покажется тебе блеклой, лишенной размаха и судьбоносных событий.

— Меня это почему-то не огорчает.

— Я жив только благодаря твоему здравому смыслу. Попался на удочку самым постыдным образом.

— Мой «здравый смысл» имел бы гораздо больше смысла, если бы я свел концы с концами чуть пораньше — например, вчера.

— Как бы то ни было. Что было, то прошло, и мертвых не воскресишь. Я жив — и очень рад этому обстоятельству. Подумаем о будущем. Каковы твои планы, если не секрет?

— Я хотел бы, чтобы мне восстановили зрение. У меня опять мутно в глазах. А еще я хотел бы вернуться в Балад и узнать, что случилось с Искрианой.

Шерматц печально покачал головой:

— Если она погибла, твои поиски будут тщетны. Если она жива — как ты найдешь ее в Потусторонних лесах? Впрочем, я могу организовать розыск. Предоставь это мне.

— Как вам будет угодно.

Шерматц снова повернулся к пульту управления:

— Корчионе.

— Слушаю.

— Прикажите капитану «Изирдыра Зиаспрайде» приземлиться на унцибальском космодроме в сопровождении пары патрульных крейсеров. Кстати, «Трессиан» и «Крутой» уже на орбите.

— Будет сделано.

Шерматц обратился к Джантиффу:

— В переходные периоды неустойчивости полезно демонстрировать символы безопасности. «Изирдыр Зиаспрайде» выполняет эту функцию как нельзя лучше.

— Что вы сделаете с заговорщиками?

— Я еще не решил. Что ты предлагаешь?

Джантифф помотал головой из стороны в сторону:

— Масштабы их преступления выходят за рамки обычных человеческих представлений. Никакое наказание не кажется достаточным. Просто убить их было бы смешно.

— Ты совершенно прав. Спектакль возмездия должен быть по меньшей мере пропорционален спектаклю преступления. В данном случае пропорциональное возмездие невозможно. Придется, однако, что-то придумать. Джантифф, дай волю своему буйному воображению!

— У меня нет особых способностей в области изобретения наказаний.

— Мне наказания тоже не по душе. Я вынужден, однако, играть роль последней инстанции, восстанавливающей справедливость. Кроме того, мне нравится восстанавливать справедливость. А для этого — увы! — нередко приходится прибегать к суровым наказаниям. Такова неприятная сторона моих обязанностей. Если бы мы учитывали предпочтения преступников, преступники отделялись бы слишком легко или вообще не несли бы никаких наказаний. Согласись, что такое положение вещей недопустимо, потому что оно, по сути дела, являлось бы наказанием людей ни в чем не повинных.

Прозвучал сигнал. Шерматц прикоснулся к кнопке, послышался голос Корчионе:

— Исходный сигнал передается с крыши охотничьей дачи, принадлежащей подрядчику Шубарту. Дача находится высоко на склоне Рудной горы, в двадцати восьми километрах к югу от Унцибала.

— Высадите столько десантников, сколько потребуется. Задержите Шептунов и доставьте их на борт «Зиаспрайде».

— Будет сделано!

Глава 18

«Изирдыр Зиаспрайде», флагманский корабль Тайятического¹ флота — звездолет внушающих трепет размеров — служил не столько орудием войны, сколько средством дипломатического давления. Где бы ни показывался этот корабль, он олицетворял собой величие Коннатига и мощь Покрова.

Циклопический корпус с разнообразными и многочисленными бортовыми выступами, переходными мостиками, орудийными башнями и прозрачными смотровыми куполами считался шедевром навтического² дизайна. Интерьер отличался не меньшим великолепием: один только главный салон занимал триста шестьдесят квадратных метров — тридцать метров в длину, двенадцать в ширину. С чуть выпуклого потолка, покрытого эмалью теплого, очень светлого розовато-лилового оттенка, свисали пять сцинтилляционных люстр. Сплошной матово-черный пол не давал никаких отблесков. По периметру салона белыми пилястрами поддерживались массивные серебряные медальоны; промежутки между медальонами заполняли изображения двадцати трех богинь-покровительниц в пурпурных, зеленых и синих одеяниях. Джантифф, впервые попавший в столь роскошное помещение, изучал искусную отделку и мастерские росписи с недоверием и ревностью профессионала, оказавшегося в обществе опасных соперников. Здесь чувствовались превосходящие его навыки многовековые традиции рисования и живописи, умение ненавязчиво пользоваться переходами оттенков и светотенью. Шестьдесят офицеров Покрова в черно-белой униформе с пурпурными нашивками проследовали за ним в салон и в полном молчании выстроились вдоль боковых стен.

Тишину нарушил далекий звук: барабанная дробь, еще одна, третья. Короткие приглушенные реплики барабана перемежались многозначительными, не предвещавшими ничего доброго паузами. Звуки становились громче. Барабанщик в древней традиционной сюртучной паре, придававшей ему несколько похоронный вид, вошел в салон; верхнюю часть его лица, в том числе лоб, закрывала черная маска. За барабанщиком попарно шли судебные исполнители, тоже в черных масках, а между ними — Шептуны-самозванцы, сперва Эстебан и Сарп, потом Скорлетта и Шубарт. Их чуть посеревшие лица ничего не выражали, но глаза горели, как черные угли.

Барабанщик довел процессию до подиума в конце салона, сложил палочки и отступил в сторону. Коммодор Тайятического флота, он же капитан «Изирдыра Зиаспрайде», вышел на подиум и сел за приготовленный для него стол. Он обратился к заговорщикам:

¹ Названный в честь Тайи, одной из двадцати трех богинь-покровительниц скопления.

² Навтическим называется свод эстетических принципов, общепринятых в эпоху завоевания космоса и определяющих критерии оценки внушительности, красоты и величия космических кораблей. Перевод подобных терминов на древние языки предойкуменической эры практически невозможен.

— Именем Коннатига я признаю вас виновными в массовом убийстве еще не поддающегося исчислению множества людей.

Сарп судорожно сжал кулаки; другие стояли неподвижно. Эстебан звонко произнес:

— Одно убийство, много убийств — какая разница? Вы не можете меня повесить десять тысяч раз.

— Масштабы преступления от этого не меняются. Коннатиг в затруднении — он считает, что в вашем случае смертная казнь вопиюще тривиальна. Тем не менее, проконсультировавшись с юристами и психологами, Коннатиг издал следующий указ. Вас немедленно поместят на всеобщее обозрение в толстостенные прозрачные стеклянные шары, подвешенные над Полем голосов на семиметровой высоте. В этих шарах семиметрового диаметра будут предусмотрены минимальные удобства. Через неделю, после того, как ваши преступления будут разъяснены всем арабам во всех подробностях, вас переведут на борт космического судна. Это судно поднимется на высоту семисот семидесяти семи километров и взорвется, производя световой эффект фейерверка и метеоритного дождя. Тем самым арабины будут извещены об искуплении ваших порочных деяний. Такова ваша судьба. Попрощайтесь друг с другом: вы встретитесь опять — и в последний раз — только на несколько минут, через неделю.

Коммодор поднялся из-за стола и вышел из салона. Четыре заговорщика продолжали неподвижно стоять, не проявляя ни малейшего желания обмениваться сантиментами какого бы то ни было рода.

Барабанщик выступил вперед и произвел несколько тремоло нарастающей громкости, в угрожающе нарастающем темпе. Судебные исполнители повели четырех арестантов обратно вдоль салона. Глаза Эстебана бегали, как если бы он был на грани отчаянного срыва. Но пристав спокойно держал его за локоть, заставляя идти наравне с остальными. Неожиданно взор Эстебана на чем-то сосредоточился. Он резко остановился и ткнул указательным пальцем в сторону:

— Вот он стоит! Джантифф! Исчадие ада! Из-за него мы потерпели фиаско! Только из-за него!

Скорлетта, Сарп и Шубарт повернули головы и впились глазами в лицо Джантиффа. Джантифф холодно наблюдал за ними.

Исполнители подтолкнули арестованных под локти — процессия двинулась дальше под аккомпанемент барабанной дробы.

Джантифф отвернулся — и обнаружил, что рядом стоит Шерматц.

— Теперь события будут разворачиваться в предписанном порядке, нам с тобой здесь уже нечего делать, — сказал тот. — Пойдем! Капитан предоставил нам комфортабельные номера, и какое-то время мы сможем отдохнуть, не ожидая внезапных катастроф и не вспоминая о гнетущих обязанностях.

Лифт поднял их в обширное круглое помещение под прозрачным куполом. Джантифф остановился на пороге, ошеломленный роскошью, превосходившей все его прежние представления. Риль Шерматц не мог не рассмеяться. Вежливо поддерживая гостя под локоть, он жестом предложил устраиваться поудобнее:

— Обстановка, пожалуй, пышновата. Но ты быстро ко всему приспособливаешься и скоро найдешь в ней определенные достоинства. В частности, отсюда открывается великолепный вид — особенно когда «Зиаспрайде» набирает крейсерскую скорость и звезды беззвучно проплывают мимо.

Они уселись на диваны, обитые бордовым бархатом. Осторожно раздвинув шторы, из алькова выступил стюард, предложивший поднос с напитками. Джантифф взял бокал, вырезанный из цельного топаза, и пригубил вино, любуясь на игру света в рубиновой жидкости на дне кристалла:

— На удивление приятное вино!

— Разумеется, это трилльскийкий «Эгис». Как видишь, на службе Коннатига мы позволяем себе время от времени маленькие удовольствия. Делу время, потехе час. Подчас бывает трудно, но в целом мы ведем не такую уж плохую жизнь. Опасности и удовольствия не позволяют нам скучать. Что может быть хуже однообразия?

— По правде говоря, сейчас я не отказался бы от некоторого однообразия, — возразил Джантифф. — Я онемел от потрясений и впечатлений. И все же, одна неотступная мысль не дает мне покоя. Может быть, конечно, об этом не стоит вспоминать. Тем не менее...

Джантифф замялся и замолчал.

Шерматц на минуту задумался:

— Я сделал необходимые приготовления. Завтра твое зрение будет полностью восстановлено — ты будешь видеть лучше, чем когда-либо. Примерно через неделю «Зиаспрайде» покинет Вист и возьмет курс на Файярион. Зак неподалеку, и тебя доставят к порогу родительского дома. Впрочем, ты заслуживаешь более торжественного возвращения — «Зиаспрайде» зависнет над Фрайнессом, и к твоему дому опустится персональный бот.

— В этом нет никакой необходимости, — осторожно, чтобы не обидеть собеседника, защищался Джантифф.

— Нecessности нет, но тебе не придется самому добираться домой с космодрома. Так и сделаем. А по пути, само собой, ты можешь пользоваться этими апартаментами.

— А вы? Почему бы вам не приехать к нам в Ивовые Плетни? Мои родители и сестры вам очень обрадуются, а вы сможете отдохнуть в тишине и покое на нашей плавучей даче, в тростниках на берегу Шардского моря.

— Заманчивая перспектива, — вздохнул Шерматц. — К моему великому отвращению, однако, я обязан оставаться в Унцибале и содействовать формированию нового арабинского правительства. По всей видимости, еще несколько десятилетий Арабусом будут править курсары — благоразумно не выставляя себя напоказ, но постепенно проводя реформы до тех пор, пока у арабинов снова не появятся какие-то нравственные устои и воля к жизни. В настоящее время они слишком привыкли к городскому существованию и разучились самостоятельно принимать решения. Каждый изолирован — каждый страдает от одиночества, затерявшись в бесчисленной толпе. Оторванный от действительности, житель метрополиса руководствуется лишь абстрактными представлениями, удовлетворяясь эмоциональными заменителями. Мучимый инстинктивными побуждениями, он украшает, как может, свое убогое жилище в многоэтажном доме, чтобы придать ему хоть какую-нибудь индивидуальность. Арабины заслуживают лучшего — любое живое существо заслуживает лучшего. Общежития Арабуса будут снесены, и людям придется переселиться в северные и южные Потусторонние леса. Там они перестанут быть толпой и получат возможность вести полноценное существование.

Джантифф снова пригубил вина:

— Полноценное существование блельских фермеров? Пьянство, рыбалка, охота на ведьм?

Шерматц рассмеялся:

— Джантифф, нельзя же так! По-твоему, люди способны переходить только от одной крайности к другой? Разве на Заке нет фермеров? Они же не охотятся на ведьм?

— Нет, — согласился Джантифф. — Но Вист — совсем другой мир.

— Совершенно верно. В нашем деле приходится учитывать все факторы, все соображения — такова служба Коннатига. Тебя не привлекает эта карьера? Не говори мне сейчас «да» или «нет» — подумай, соберись с мыслями, у тебя есть время. Мне передадут любое сообщение, посланное до востребования на мое имя во дворец Коннатига в Люсце.

Джантифф никак не мог подыскать подходящие слова:

— Я очень благодарен за то, что вы проявляете ко мне столь благожелательный интерес.

— Это я тебе должен быть благодарен, Джантифф, а не ты мне. Не будь тебя, от меня бы сейчас оставалась лишь пыль, рассеянная в воздухе.

— Не будь вас, я умер бы, слепой, на берегу Стонущего океана.

— Ну что ж! Мы оказали друг другу равноценные услуги, как и положено добрым друзьям. Таким образом, о твоём ближайшем будущем я побеспокоился. Завтра офтальмологи вернут тебе стопроцентное зрение. Вскоре после этого ты отправишься домой. Что касается той мысли, что не даёт тебе покоя... подозреваю, как это ни печально, что всё кончено, и считаю, что тебе полезно было бы о ней забыть.

Джантифф упорствовал:

— По правде говоря, я всё ещё намерен отправиться на юг Треморы и обыскать Сычовый лес. Если Искриана мертва — да, с этим уже ничего не поделаешь. Но если она убежала от Бухлого и жива, ей сейчас приходится бродить одной в лесу, а она никогда раньше не жила одна и вообще очень хрупкого телосложения!

— Хм. Я опасался, что мне не удастся тебя убедить, — Шерматц постучал пальцами по спинке дивана. — Хорошо, придется сообщить тебе о плане, который я держал в тайне, чтобы не возбуждать в тебе напрасные надежды. Сегодня я посылаю в южные леса отряд опытных следопытов. Они камня на камне не оставят и окончательно решат этот вопрос — положительно или отрицательно. Тебя это устраивает?

— Да, конечно. Очень великодушно с вашей стороны.

Глава 19

«И зирдьир Зиаспрайде» парил над Фрайнессом. Горожане высыпали на улицы, чтобы полюбоваться небывалым зрелищем. Тем временем к Ивовым Плетням спустился персональный бот, доставивший Джантиффа к порогу родного дома.

— Джантифф, что это значит? — спросил растерявшийся Лайл Рэйвенсрок.

— Ничего особенного, — успокоил отца Джантифф. — Может быть, я поступлю на службу к Коннатигу. В связи с этим мне оказали любезность и привезли домой. Но я тебе все расскажу! Уверю тебя, у меня есть о чем рассказать!

Утром погожего дня, через два месяца, прозвучал звонок у входной двери. Джантифф вышел в прихожую и раздвинул дверь. На пороге стояла хрупкая светловолосая девушка. Джантифф не мог ничего сказать — у него перехватило дыхание. Он сумел только глупо ухмыльнуться.

— Привет, Джантифф! — сказала девушка. — Ты меня еще помнишь? Зови меня Искрианой.

Глоссарий.

1. Вист — единственная планета Двона, «Глаза Хрустального Угря», сверкающего в Джампарском звездном пределе¹ поодаль от центра Скопления. Это небольшая, влажная и прохладная планета, почти ничем не примечательная, кроме своей истории, по экстравагантности, отчаянным выходкам судьбы и нелепости не уступающей эпосу любой другой планеты Аластора.

Четыре континента Виста — Зумер и Помбал, Трембал и Тремора — заселяли отдельные волны мигрантов. Народы разных континентов развивались в изоляции и почти не взаимодействовали, пока не началась Великая война полушарий между Трембалом и Треморой, увенчавшаяся уничтожением общественных учреждений и повсеместным одичанием обоих континентов.

Трембал и Тремора почти смыкаются, но разделены узким Саламанским морем — затонувшим каньоном доисторического разлома. Именуемые Аррабусом прибрежные полосы между яйлами и морем (преимущественно илистые топи и болота) давали пропитание лишь малочисленным земледельцам, птицеловам и рыбакам. Сюда, в Аррабус, за неимением лучшего убежища переселились гонимые войной и ее последствиями беженцы с обоих континентов, главным образом из обеспеченных семей. Пришлые люди, не умевшие и не желавшие заниматься сельским хозяйством, организовали небольшие предприятия и технические мастерские, и уже через три поколения составили привилегированный класс Аррабуса, тогда как коренные арабины превратились в касту наемных работников. В связи с лавинообразным ростом населения новые олигархии стали питаться импортированными продуктами, а пища для рабочих и других плебеев синтезировалась.

Вопиющее неравенство различных слоев населения вызывало неизбежное недовольство, со временем приобретающее все более откровенный и взрывоопасный характер. Некто Оззо Диссельберг в конце концов опубликовал трактат, «Протоколы всеобщей справедливости», не только систематизировавший нравственные и экономические основы классовой борьбы, но и предъявлявший правящей элите ряд далеко идущих обвинений, одним представлявшихся самоочевидными, а другим — беспочвенными. Обвинения эти, справедливые или преувеличенные, с трудом поддавались

¹ Скопление Аластор делится на двадцать три «звездных предела». Согласно древней традиции, каждый предел находится под покровительством мифической богини, в связи с чем Коннатиг на торжественных церемониях все еще величают мистическим титулом «супруга двадцати трех». В эпоху первоначальной колонизации Скопления жители каждого звездного предела выбирали девственницу, олицетворявшую богиню-покровительницу — с ней Коннатиг, посещая тот или иной предел, должен был вступать в брачные отношения.

фактическому обоснованию. Например, Диссельберг утверждал, что владельцы промышленных предприятий Аррабуса намеренно применяли машины, способствовавшие снижению производительности труда, что огромное количество усилий тратилось впустую на устаревшие процессы, превратившиеся в бессмысленные ритуалы, и на излишнюю доработку продукции, искусственно ограничивавшую ее выход. Благодаря такой бесчестной стратегии, по убеждению Диссельберга, рабочих вечно манили мечтой о близком благосостоянии и заслуженном отдыхе, побуждая их отдавать нанимателю последние силы и здоровье, но планомерно отказывали им в осуществлении этой мечты. Более того, Диссельберг заявлял, что промышленные предприятия Аррабуса позволяли беспрепятственно производить высококачественные товары, продукты и услуги в количестве, достаточном для полного обеспечения ими всего населения, а не только привилегированной верхушки, затрачивая в два раза меньше времени и усилий.

Разумеется, олигархи отвергли доводы Диссельберга, объявив его демагогом и опровергая его выкладки своими собственными подборками не менее красноречивых статистических данных. Насколько прав был Диссельберг? Трудно сказать.

Так или иначе, его «Протоколы» приобрели повсеместную популярность, и отношение к нанимателям людей, вынужденных зарабатывать себе на жизнь, мало-помалу изменилось.

Пасмурным утром зловещего дня, впоследствии получившего историческое наименование Дня предательства, Диссельберга нашли мертвым в постели, причем налицо были все признаки насильственной смерти.¹ Ближайший соратник погибшего трибуна, Ульрик Карадас, тотчас же призвал рабочих к демонстрациям протеста, быстро вылившимся в массовые беспорядки и убийства, завершившиеся свержением правительства. Карадас организовал «Первый эгалистический интерсоциал» и провозгласил принципы Диссельберга непреложным законом — по существу новой конституцией Аррабуса. Страна преобразилась в одночасье.

Потерявшие власть олигархи по-разному реагировали на нововведения. Одни эмигрировали на те планеты, где они предусмотрительно вложили накопленный капитал. Другие побратались с бывшими классовыми врагами и, засучив рукава, занялись созиданием новой жизни. Третьи собрали пожитки и отправились на север и на юг, в Потусторонние леса² и дальше — в полузабытые селения Блея и Фрока.

Через тридцать лет, будь Оззо Диссельберг жив, он мог бы торжествовать. Рабочий класс, воодушевленный прокламациями Карадаса и «Эгалистическим манифестом», творил чудеса. В частности, были построены система движущихся дорог (так называемых «полотен»), обеспечившая каждому возможность бесплатного передвижения, комплекс пищевых синтезаторов, гарантировавший каждому минимальное бесплатное питание, а также кварталы за кварталами, районы за районами типовых многоквартирных блоков, рассчитанных на три тысячи человек каждый. Избавившись наконец от гнета нужды и тяжелого ежедневного труда, аррабины могли сообща пользоваться привилегиями, ранее принадлежавшими исключительно технократам — то есть развлекаться и бездельничать.

¹ Большинство историков неаррабинского происхождения придерживаются того мнения, что Карадас задушил Диссельберга в пылу идеологического диспута.

² Потусторонние леса: районы Трембала и Треморы к северу и к югу от Аррабуса, некогда густонаселенные и возделывавшиеся, а ныне одичавшие и лишь периодически посещаемые кочевниками (если не считать отдельных хуторов, разбросанных по тайге и почти не сообщающихся).

2. Отрывок из «Премудрых поучений странствующего педанта»:

«В Аррабусе иностранцы не пользуются никакими льготами, и заезжему туристу не приходится рассчитывать на особые или привычные удобства, не говоря уже о роскоши. В Унцибале прибывших обслуживает единственная гостиница у космодрома, старый безалаберный «Приют путешественника», где стремление постояльца пользоваться общепринятыми нормами гостеприимства остается не более чем благочестивой надеждой. Прием, ожидающий иммигрантов, еще холоднее — их загоняют в огромные цементно-серые бараки, где, преисполнившись стоицизма, они ожидают распределения по комнатам в многоквартирных блоках (так называемых «общежитиях»). Отведав пару раз «всячины со смолокном», многие спрашивают себя: «За этим ли я приехал на Вист?» — и спешат убраться восвояси. С другой стороны, турист, твердо назначивший дату своего отъезда, вполне способен получить удовольствие от головокружительного вихря арабинской жизни. Арабины общительны, хотя мало интересуются внутренней жизнью, посвятив себя удовольствиям и развлечениям. У чужестранца быстро заводятся десятки друзей и подруг, причем многие из них охотно соглашаются реализовать его эротические фантазии. (Следует заметить, к месту или не к месту, что в обществе полного равноправия различия полов становятся более или менее неопределенными.)

Несмотря на оживленное общение с друзьями и настойчивое веселье толпы, приезжий мало-помалу начинает замечать повсеместную захудалость механизмов и сооружений, плохо маскируемую наслоениями клеевой краски. Никто никогда не заменил оборудование цехов, производящих «протоквашу»: меню арабинов по-прежнему состоит из «всячины со смолокном» и миски дрожащего «студеля» напоследок — чтобы, по местному выражению, «замочить червячка». Каждый гражданин Аррабуса по-прежнему «тухтит» тринадцать часов в неделю, выполняя случайные, более или менее обременительные обязанности (арабины все еще надеются сократить продолжительность «рабочей недели» до десяти, а в конечном счете и до шести часов). «Ишачка» (грязная работа) — все, что связано с машинами, конвейерной сборкой, ремонтом, уборкой, очисткой и строительством — непопулярна. Арабины предпочитают «халтуру» (чистую работу), т.е. ведение записей и счетов, изготовление и размещение декоративных украшений, преподавание. Техническое обслуживание важнейшего оборудования и крупномасштабное строительство осуществляются по контракту компаниями, базирующимися за пределами Аррабуса («за бугром»). Свободно конвертируемая валюта, необходимая для оплаты этих услуг, приобретает посредством экспорта тканей, игрушек и эндокринного сырья (так называемого «экстракта»), но объем производства экспортных товаров очень невелик. Оборудование ломается и простаивает, а «справедливое распределение обязанностей» приводит к постоянной замене персонала. Руководители (т.е. арабины, по жребии получившие право «халтурить») не располагают никакими эффективными средствами принуждения. Обязанности, требующие профессионального опыта, выполняются подрядчиками, чья заработная плата поглощает все доходы от экспорта. Внутренние средства наличного расчета, применяемые арабинами, за пределами мегаполиса хождения не имеют.

Как выживает подобная экономическая система? Чудом: рывками и толчками, бросаясь из стороны в сторону, сталкиваясь с неожиданностями и прибегая к импровизациям. Голь на выдумки хитра — арабины наслаждаются жизнью, полагаясь на свою по-детски очаровательную сиюминутную изобретательность.

Массовые зрелища пользуются всеобщей популярностью. Арабинская версия хуссейда — экзотический, даже гротескный спектакль, в котором коллективному ка-

тарсису придается большее значение, чем мастерству игроков. К разряду «шункерии» относятся всевозможные бои, соревнования, игры и бега с участием громадных зловонных хищников из болот Помбала. В последнее время наездники-шункеры проявляют недовольство чрезмерным риском и требуют повышения платы за выступления, каковым требованиям арабины упорно сопротивляются.

Разумеется, вопреки напускной жизнерадостности и обязательным проявлениям энтузиазма, жизнь в чудесной стране равноправия скорее удивительна, нежели прекрасна. Разочарование, раздражение и гнетущее беспокойство носят характер хронической эпидемии. Безостановочные эротические извращения, мелкое воровство, интриги, тайная вражда соседей, устраивающих друг другу всевозможные неприятности — явления, в Арабусе никого не удивляющие, хотя арабины, несомненно, не отличаются ни силой характера, ни психической выносливостью. Говорят, что каждому обществу свойственно неповторимое сочетание пороков и преступлений. Неприглядная сторона жизни арабинов источает особое зловоние развращенности нищих».

3. На астероидах — мертвых лунах, разрушенных планетах и прочем космическом мусоре — находят убежище космические пираты, так называемые «старментеры», от чьих набегов даже Покров не в силах полностью избавить населенные миры.

По теории Андрея Симица, философа ойкуменического происхождения, древний человек, на протяжении миллионов лет эволюционировавший в условиях хронического страха, всевозможных лишений и невзгод, буквально ежедневно рискуя попасть в отчаянное положение, хорошо приспособился именно к такому существованию. Поэтому его более цивилизованные потомки время от времени должны переживать неподдельные страх и ужас, чтобы их железы надлежащим образом стимулировались и выделяли вещества, обеспечивающие здоровый биохимический баланс в организме. Основываясь на этой предпосылке, Симиц — надо полагать, в шутку — предложил сформировать особые «социал-террористические управления», координирующие деятельность свирепствующих бригад «фероциферов», достаточно часто (несколько раз в неделю) подвергающих нервы обывателей основательной встряске, столь необходимой для здоровья и душевного равновесия.

Критикующие Коннатига недоброжелатели неоднократно выдвигали предположение о том, что монарх Аластора в каком-то смысле применяет принцип Симица, не искореняя космическое пиратство целиком и полностью, чтобы население Скопления не выродилось в атмосфере бесславной апатии, вызванной пресловутой «уверенностью в завтрашнем дне».

«Коннатиг управляет Скоплением как личным охотничьим заказником, — считает один из критиков. — В его заказнике определенной популяции жвачных должно соответствовать определенное число хищников и всеядных мародеров, поглощающих падаль. Таким образом егерь-Коннатиг принуждает свою дичь сохранять форму, т.е. культурный и биологический иммунитет».

Корреспондент «Дальновидца» как-то без обиняков спросил Коннатига, придерживается ли он этой доктрины.

Коннатиг уклонился от однозначного ответа, но заметил, что знаком с сочинениями г-на Симица.

4. Подробное описание хуссейда см. в книге «Труллион: Аластор 2262». Подобно большинству (если не всем) спортивным играм, хуссейд — символическая война. По накалу страстей, испытываемых игроками и зрителями, хуссейд превосхо-

дит большинство состязаний. Постыдное наказание, грозящее проигравшей команде, можно сравнить только с позором поражения в настоящем бою. Команда, проигравшая раунд, обязана выплатить противнику денежное возмещение — выкуп, предохраняющий честь символизирующей команду девственницы, шерли. Игра продолжается до тех пор, пока одна из команд не проигрывает столько раундов подряд, что больше не может заплатить выкуп, после чего шерль проигравшей команды должна быть обеспечена победителями — символически, ритуально или практически, в зависимости от местных обычаев. Проигравшие обязаны терпеть такое унижение. В хуссейд никогда не играют «с прохладцей». И зрители, и победители, и побежденные полностью эмоционально «разряжаются», чем и объясняется повсеместная популярность этого спорта.

От игрока в хуссейд требуются не только сила и проворность, но и психическая выносливость, большой опыт и умение планировать сложные комбинации перемещений. При всем при том хуссейд — вовсе не жестокая игра: помимо царапин и синяков, травмы в хуссейде почти неизвестны.

5. В соответствии с канонами мифологии аластридов, двадцать три богини правят двадцатью тремя секторами скопления Аластор. Каждая отличается яркой индивидуальностью, каждой свойствен особый набор атрибутов. Несовместимость характеров богинь нередко приводит к раздорам. Ни одна не удовлетворяется законными пределами своего влияния, постоянно вмешиваясь в дела других. Человек, оказавшийся в чрезвычайных обстоятельствах, ссылается, как правило в шутку, на происки той или иной богини. Поэтому Джантифф благодарит Кассаденцию, богиню-покровительницу сектора, где находится его родная планета. Пока Джантифф странствует на чужбине, предполагается, что Кассаденция несет ответственность за его благополучие — тем более, что он осмелился проникнуть в сферу влияния ее вечной соперницы Джампары.

Джек Вэнс является одним из лучших сочинителей в научной фантастике. За полувековую писательскую карьеру Вэнс был лауреатом премий «Хьюго», «Небьюла» и «Всемирной премии фэнтези», а также удостоивался звания «Грандмастер». Здесь, в одном томе собрана трилогия «Аластор»: три классических НФ приключенческих романа, представляющих Джека Вэнса в его лучших проявлениях.

Джек Вэнс воистину является одним из самых значимых писателей-фантастов нашего времени. — *«Los Angeles Times Book Review»*

«Скопление Аластор»: Огромная система из тридцати тысяч ярких звезд и трех тысяч обитаемых планет, правит которыми таинственный Коннатиг. Он видит и знает всё, но за пятью триллионами людей, живущими на таких беспредельных пространствах не всегда уследишь и рано или поздно, что-то всегда может произойти.

«Труллион: Аластор 2262»: Идиллический мир, где вдоволь еды, океаны прозрачны, и никто никогда не бедствовал, Мир 2262 Скопления Аластор в состоянии сильного волнения. Триллы, некогда мирный и трудолюбивый народ, заселивший водные просторы Труллиона, теперь больше охвачен страстью к хуссейду - игре, захватившей всю планету. Какое вознаграждение ждет рискующих?

«Марун: Аластор 933»: Хотя Коннатиг знает всё, есть один человек, о котором он ничего не знает, один человек, который ничего не знает о себе. Пардеро намерен выяснить, кто он и какой безжалостный противник заставил его забыть свою собственную жизнь. Но когда он вернется домой на Марун, Мир 933 Скопления Аластор, эта загадка лишь углубится.

«Вист: Аластор 1716»: На Висте, Мире 1716 Скопления Аластор, миллионы людей живут сообща в гармонии, работают лишь несколько часов в неделю, трудятся и получают за свой труд в равной степени. Может показаться, что Вист - это Утопия. Но Коннатиг, желая узнать истинную цену этой Утопии, в один прекрасный день решает провести расследование - и это решение может стоить ему жизни.

Персонажи Джека Вэнса обитают в искусно сотканных структурах социальной и языковой причудливости, в обществах, затейливо элегантных, как яйца Фаберже - *«Locus»*